

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«АРМАВИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О СОВЕТСКОМ ПРОШЛОМ: К 100-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СССР

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О СОВЕТСКОМ ПРОШЛОМ: К 100-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СССР

МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

г. Армавир, 20 декабря 2022 года

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«АРМАВИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ
О СОВЕТСКОМ ПРОШЛОМ:
К 100-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СССР**

*МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ*

г. Армавир, 20 декабря 2022 года

Армавир
АГПУ
2023

УДК 94(470)
ББК 63.3(2)6
И 90

Научный редактор:

Ю.П. Ветров – доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, проректор по научно-исследовательской и инновационной деятельности ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Ответственный редактор:

А.А. Панарин – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Члены редакционной коллегии:

И.В. Грицких – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

С.В. Назаров – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Ю.В. Приймак – доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

В.Г. Шнайдер – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

И 90

Историческая память о советском прошлом: к 100-летию образования СССР : материалы Международной научной конференции (г. Армавир, 20 декабря 2022 года) / научный редактор Ю. П. Ветров ; ответственный редактор А. А. Панарин. – Армавир : РИО АГПУ, 2023. – 368 с.

ISBN 978-5-89971-920-2

В сборнике представлены материалы Международной научной конференции, отражающие различные проблемы истории СССР и способствующие сохранению исторической памяти о советском периоде в истории России, использованию советского исторического опыта для решения проблем в развитии современной России. Главное внимание уделяется освещению наиболее важных событий в истории советского общества, анализу проблем социально-экономического и политического развития СССР, опровержению фальсификаций истории страны в советский период.

Опубликованные материалы предназначены для ученых в области истории, политологии, философии и социологии, преподавателей, аспирантов и студентов, учителей школ, а также всех, кто интересуется историей СССР.

УДК 94(470)
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-89971-920-2

© Авторы статей, 2023
© Оформление. ФГБОУ ВО «Армавирский
государственный педагогический университет», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

<i>Панарин А.А.</i> К вопросу о характере и процессе образования СССР	8
<i>Багдасарян С.Д.</i> Государственная модель СССР: историко-культурное наследие	14
<i>Шахин Ю.В.</i> Основные теории советского общественного строя	19
<i>Карелин Е.Г.</i> Становление региональной организации советской власти (на примере западного региона России)	23
<i>Проценко А.В., Бузила А.И.</i> Роль и защита образа Великой Отечественной войны в современной государственной политике памяти России	28

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ СОВЕТСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА. ПОСЛЕДСТВИЯ РАСПАДА СССР

<i>Анпилогова Т.Ю.</i> Генезис школьного исторического образования в СССР как фактор развития историко-краеведческой деятельности в 1930–1940-е гг.	34
<i>Бурьян М.А., Якименко Л.Н.</i> Южный Кавказ в работах Збигнева Бжезинского: смещение геостратегических акцентов	38
<i>Воробьев А.А.</i> Борьба белорусского крестьянства против внутренней политики большевистской партии в первые годы советской власти	42
<i>Грицких И.В., Проскурина Е.А.</i> Деятельность советской дипломатии в специальных органах ООН по вопросу об искоренении международного терроризма, 1972–1991 гг.	46
<i>Гришина Т.М.</i> СССР: опыт развития евразийской интеграции	53
<i>Даренский В.Ю.</i> А.С. Панарин о цивилизационных причинах краха СССР	58
<i>Канашевич Н.М.</i> К вопросу о распаде СССР: уроки для теории и политики	63
<i>Карелин Е.Г.</i> Переход от областной организации Западного региона Советской России к Белорусской советской республике	68
<i>Карташев И.В.</i> Здравоохранение на территории регионов СССР, подвергшихся немецко-фашистской оккупации: проблемы выживания отрасли	73
<i>Колеров М.А.</i> Прокси-национализм русского социализма и украинский вопрос в СССР. Введение	78
<i>Курьян А.М.</i> Политика Советского государства в воспитании молодого поколения в 1920–1930-е годы	92

Ладыга А.И. Деятельность силовых органов в среде интеллигенции по противодействию политической преступности на Украине в преддверии и в период образования СССР (1918–1922 гг.)	96
Лобова В.В. К истории высшего университетского образования в СССР	101
Макарова Е.И. Проблема патриотического воспитания в годы Великой Отечественной войны в СССР	104
Маслов Д.В. Методологические вопросы исследования причин распада СССР	109
Назаров С.В., Свирева С.С. Причины распада Советского Союза	113
Никулина М.А. Трагедия Донбасса как одно из последствий распада Советского Союза	116
Панарина Е.В. Роль советского государства в решении продовольственной проблемы в годы Великой Отечественной войны	122
Плякич М.Н. Город-курорт Сочи как объект государственной политики и советского наследия	126
Пробейголова Н.В., Черников Д.И. СССР в информационных войнах XX века	130
Пурышева Н.М. Художественная интеллигенция БССР в советском идеологическом пространстве 1920-х годов	133
Судацов Н.Д. Развитие высшего образования на Ставрополье в 20–30 годы XX века	137
Суханова Н.И. Концептуальные основы национальной политики большевиков: pro et contra (1898–1917 гг.)	142
Федоровский Ю.Р. Донбасский вопрос в истории образования СССР и национальной политике большевиков в 1920-е гг.	146
Шнайдер В.Г. Территориально-административный аспект национального строительства на Северном Кавказе в 1920-е гг.	151
Яхутль Ю.А. Становление советской школы в Адыгее в 1920 – 1930-е гг.: успехи и проблемы развития	154

ОСНОВНЫЕ СОБЫТИЯ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА В РАЗЛИЧНЫЕ ПЕРИОДЫ ИСТОРИИ СССР

Абрегова Ж.О., Мудрова Н.П. Протокол первого общегородского съезда представителей аулов Кубанской области и Черноморской губернии как исторический источник революционного периода	159
Акоева Н.Б. Предатели Родины на службе у оккупантов	162

Бердиев З.П. Репрессия первого секретаря Карачаевского областного комитета ВКП(б), литератора Хасана Алиевича Аппаева	164
Грицких Д.В., Бебешко А.Н. Фальсификация истории Великой Отечественной войны в современной Украине: на примере обзора школьного учебника	169
Дугинец С.М. К вопросу формирования отделов социалистического строительства в краеведческих музеях в 1920-е – 1941 годы	173
Зыкин И.В. Лесопромышленный комплекс Советского Союза в стратегии третьей пятилетки	178
Карапкова О.Г., Сарян А.Г. Быт и повседневная жизнь советского общества	182
Карапкова О.Г., Яковлева А.С. Проблемы бытовой повседневности женщин в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)	186
Карташев А.В. К вопросу о соотношении сил сторон к началу битвы за Кавказ (авиация)	189
Кокоткина О.С., Стецюк К.В. Роль трудового коллектива в формировании стиля жизни советского человека: наследие и опыт	195
Ктиторов С.Н. Векторы и специфика развития градостроительства и архитектуры Армавира в советский период	199
Меряхина А.А., Назаров С.В. Продовольственная политика СССР в 1920–1930-е гг. как ключевой элемент социальной политики государства	202
Мусаева С.И. Дагестанцы – участники партизанского движения в тылу врага в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)	206
Назаров С.В., Назарова В.В. Развитие массового курортного туризма в СССР на примере Сочи	213
Никонов В.В. Художественно-промышленное образование на Лигачевском народном столярном промысле в первые годы советской власти	217
Облогина Н.В. Музей школы – центр патриотического воспитания школьников	222
Сидоров И.В. Гжельский народный художественный промысел и образовательные новации 1980-х гг.	225
Старовойтов М.И. Социальная структура городского населения белорусско-российского пограничного региона в конце 1930-х годов как результат социальной трансформации советского общества	229
Суходолова Е.П. Культуротворческие технологии как фактор формирования досуговой культуры советской молодежи	235
Татаринев И.Е. Материальное положение трудящихся Донбасса в 1946–1956 гг.	239

Телепень С.В. Становление антиковедения в БССР (20–50-е гг. XX в.)	244
Хаджиева М.Х. Трансформация традиционной мужской карачаевской одежды в 20 – 40-х гг. XX в.	248
Халкечева Л.Н. К истории развития музыкальной культуры карачаевского народа в годы депортации (1943–1957 гг.)	254
Шенкао М.Б. Женские будни в годы Великой Отечественной войны на примере Черкесской автономной области (по материалам воспоминаний)	259
Яско Т.А. Государственный архив новейшей истории Белгородской области: популяризация архивного наследия советской эпохи	263

ИСТОРИЯ СССР В ИССЛЕДОВАНИЯХ СТУДЕНТОВ И АСПИРАНТОВ

Аскиркин И.О. Религия и государство в Советском Союзе	267
Ачкасова В.В., Куликова С.И. Развитие культуры и спорта в советский период	270
Бурейко С.Д. Причины и последствия распада СССР	275
Григорян А.Р., Саркисова Д.С. Развитие системы образования и культурно-просветительской сферы в г. Армавире и Краснодарском крае в 1922–1991 годах	279
Гуляев И.С., Столярова К.В. Достижения советской науки в 1953–1964 гг.	282
Игнатущенко С.П., Шатова А.А. Вклад подпольной комсомольской организации «Юные мстители» в победу в Великой Отечественной войне	286
Карамов А.А. Геополитические факторы в начале 1920-х гг. на юге России	291
Мащенко Е.А., Шулепова В.В. Идеологические причины распада СССР и последствия	295
Меряхина А.А. Организация школьного образования на Кубани в период немецко-фашистской оккупации	298
Месропян А.Э. Деятельность подсобных хозяйств в системе потребительской кооперации Краснодарского края в годы Великой Отечественной войны	302
Мирный В.В. Историческое значение образования СССР	306
Оганесян А.А. Деятельность новороссийского комсомола по культурному воспитанию кубанской молодежи в 1920–1930-е годы	309
Пахлян Н.М. Характер и особенности советской системы социального обеспечения во второй половине 1950-х – первой половине 1980-х гг.	313

Петров М.А.	
История системы образования СССР	317
Рамзанов Ш.Ж.	
Освещение причин и последствий Великой российской революции в современных школьных учебниках	320
Рева И.Н., Труфанова В.М.	
Нацистский оккупационный режим на Северном Кавказе в 1942–1943 гг.: преступления нацистов на территории Ставропольского и Краснодарского краев	323
Сафронов Г.П.	
Профессиональная переподготовка преподавателей школ ФЗУ Луганщины в 1920-е гг.	330
Свирева С.С.	
Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе – мертворожденный плод «холодной войны»?	334
Севостьянова А.И.	
Госпитальная база Ставрополя в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)	338
Стулов А.Н.	
Краснодарская торговая биржа как инструмент развития торговли на Кубани в начальный период нэпа	343
Черняков М.Д.	
Основные направления социальной работы в Краснодарском крае в 1945–1953 гг.	348
Шаруда А.А.	
Гражданская война в России и окончательное установление большевистской власти	351
Шумихина П.О.	
Новое политическое мышление М.С. Горбачева и его особенности	354
Ярмонова В.В.	
Итоги развития политики среднего образования в СССР	357
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	362

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

А.А. Панарин

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ И ПРОЦЕССЕ ОБРАЗОВАНИЯ СССР

Аннотация. В статье рассматривается характер образования СССР в контексте перехода от концепции скорейшего осуществления мировой социалистической революции к концепции строительства социализма в одной отдельно взятой стране. Подчеркивается отсутствие принципиальных различий между проектами создания единого государства В.И. Ленина и И.В. Сталина с точки зрения признания с их стороны приоритета партийных органов над союзными и необходимости создания государства централизованного типа. Подчеркивается своеобразие советской модели строительства социализма и важность образования СССР как центра объединения стран, выбравших социалистический путь развития.

Ключевые слова: образование СССР, большевистская партия, мировая социалистическая революция, автономизация, сталинская концепция социализма.

ON THE QUESTION OF THE NATURE AND PROCESS OF THE FORMATION OF THE USSR

Abstract. The article examines the nature of the formation of the USSR in the context of the transition from the concept of the speedy implementation of the world socialist revolution to the concept of building socialism in one single country. It is emphasized that there are no fundamental differences between the projects of creating a single state of V.I. Lenin and I.V. Stalin, in terms of recognition on their part of the priority of party bodies over the union and the need to create a centralized state. The peculiarity of the Soviet model of building socialism and the importance of the formation of the USSR as a center of unification of countries that have chosen the socialist path of development are emphasized.

Keywords: formation of the USSR, Bolshevik Party, world Socialist revolution, autonomization, Stalinist concept of socialism.

100-летний юбилей образования СССР усилил внимание историков, политических деятелей и общественности к одному из самых значимых событий не только отечественной, но и мировой истории XX века. Несмотря на разные, часто противоположные его оценки, бесспорным для всех является признание огромного влияния СССР на все последующее развитие нашей страны и человечества в целом.

Истории создания Советского Союза посвящено большое количество литературы, однако по-прежнему существуют вопросы, требующие дополнительного осмысления и оценки. Одним из них является вопрос о характере и процессе образования новой политической модели в форме союзного государства. При его рассмотрении основной акцент хотелось бы сделать на происходивший в это время в руководстве большевистской партии переход от концепции скорейшего осуществления мировой социалистической революции к концепции строительства социализма в одной отдельно взятой стране.

Период между Октябрьской революцией 1917 г. и образованием СССР характеризуется ситуацией «ожидания» мировой социалистической революции и мерами большевистской партии к ее «подталкиванию» в развитых странах Европы. Тем самым реализовывалась основополагающая идея марксизма о возможности социалистической революции одновременно в двух или нескольких, созревших для социализма европейских странах, которые затем должны были стать центрами объединения трудящихся всех стран, в том числе и относительно отсталой в экономическом развитии России.

В обстановке продолжающейся Первой мировой войны своей главной задачей руководство большевистской партии считало осуществление мер, способствующих победе европейского пролетариата в его борьбе за власть, с последующим оказанием последней помощи российскому пролетариату в строительстве социализма. Так, в первый же день установления Советской власти 26 октября 1917 г. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов принял резолюцию, в которой отмечалось: «Совет убежден, что пролетариат западноевропейских стран поможет нам довести дело социализма до полной и прочной победы» [9, с. 5].

В Декрете о мире, кроме обращения к правительствам воюющих стран с предложением о заключении всеобщего мира, было отдельное воззвание «...к сознательным рабочим трех самых передовых наций человечества... Англии, Франции и Германии» с надеждой, что «эти рабочие всесторонней решительной и беззаветно энергичной деятельностью своей помогут нам успешно довести до конца дело мира и вместе с тем дело освобождения трудящихся и эксплуатируемых масс населения от всякого рабства и всякой эксплуатации» [1, с. 16].

В первые годы Советской власти в деятельности большевистской партии, как уже отмечалось, отчетливо проявилась практика «подталкивания» мировой социалистической революции. Так, в резолюции прошедшего в марте 1918 г. Седьмого съезда РКП(б) «О войне и мире» отмечалось: «В убеждении, что рабочая революция неуклонно зреет во всех воюющих странах, готовя неизбежное и полное поражение империализма, съезд заявляет, что социалистический пролетариат России будет всеми силами и всеми находящимися в его распоряжении средствами поддерживать братское революционное движение пролетариата всех стран» [8, с. 27].

Основной задачей созданного под эгидой большевиков в марте 1919 г. III Коммунистического Интернационала также являлась подготовка и проведение социалистических революций в западноевропейских странах. Надежды на их осуществление усилились после Валдайского солдатского восстания в Болгарии и провозглашения там крестьянской республики в сентябре 1918 г., и особенно после ноябрьской революции 1918 г. в Германии. В марте 1919 г. в результате действия революционных сил были образованы Венгерская, Баварская и Словацкие советские республики. Председатель Исполкома Коминтерна Г. Зиновьев выступил на страницах 1-го номера журнала «Коммунистический Интернационал» с обширной статьей, где заявил: «Теперь III Интернационал имеет своей главной базой три советские республики: Россию, Венгрию и Баварию. Старая Европа бешеными темпами мчится навстречу пролетарской революции... Ибо через год вся Европа будет коммунистической. Борьба за коммунизм перенесется уже в Америку, а может быть, и в Азию, и в другие части света» [7, с. 78].

Однако все вновь образованные советские республики вскоре были уничтожены, не увенчались также успехом попытки большевистской партии и Коминтерна расширить масштабы революционного движения. В том числе крайне неудачными оказались последствия советско-польской войны, победа в которой рассматривалась руководством большевиков как решающий фактор осуществления социалистической революции в Европе. В обращении II конгресса Коминтерна к воинам Красной армии отмечалось: «Вы воюете не только за интересы Советской России, а за интересы всего трудящегося человечества, за Коммунистический Интернационал...» [7, с. 84].

Тяжелое поражение Красной армии в этой войне способствовало нарастанию пессимистических настроений в рядах большевиков относительно перспектив социалистических революций в Европе, что после окончания Первой мировой войны привело ее руководство к выводу о стабилизации положения в капиталистических странах. Вместе с началом НЭПа, стала осуществляться политика экономического сотрудничества с развитыми западными странами в соответствии с принципами мирного сосуществования стран с различным общественно-политическим строем.

Одновременно происходило складывание концепции построения социализма в России в условиях капиталистического окружения. Провозглашение этой концепции произошло позднее в 1925 г., однако ее основы были заложены уже при переходе к НЭПу. В условиях отсутствия развитой промышленности и преобладания крестьянского населения, строительство социализма, по мнению В.И. Ленина, предполагалось путем постепенного втягивания в социалистические отношения мелкобуржуазных элементов города и деревни.

Образование единого социалистического государства позволяло объединить усилия существующих в начале 1920-х гг. советских республик в единое государство с целью строительства неклассической с точки зрения марксизма модели социализма. Руководство большевистской партии с самого начала стремилось обеспечить свою ведущую роль в этом процессе, указывая на необходимость соблюдения субординации со стороны компартий Украины, Белоруссии и закавказских республик, добиваясь от них поддержки принимаемых в ЦК РКП(б) решений.

Такой подход соответствовал резолюции состоявшегося в марте 1919 г. VIII съезда РКП(б) «По организационному вопросу», в которой отмечалось, что существование особых советских республик «...отнюдь не значит, что РКП должна, в свою очередь, сорганизоваться на основе федерации самостоятельных коммунистических партий». Съезд признал необходимым «существование *единой* централизованной Коммунистической партии с единым ЦК, руководящим всей работой партии во всех частях РСФСР. Все решения РКП и ее руководящих учреждений безусловно обязательны для всех частей партии, независимо от национального их состава. Центральные комитеты украинских, латышских, литовских коммунистов пользуются правами областных комитетов партии и целиком подчинены ЦК РКП» [6, с. 105].

Одной из главных предпосылок образования СССР, как известно, стало создание в 1919 г. военно-политического союза между РСФСР, Украинской, Белорусской и Азербайджанской советскими социалистическими республиками. Как справедливо отмечает В.А. Саблин, «важнейшим фактором, содействовавшим укреплению такого союза, являлась Российская коммунистическая партия большевиков, сохранявшая жесткую централизованную структуру. В национальных районах были созданы бюро ЦК РКП(б) (Средняя Азия, Киргизия, Казахстан, Кавказ, Юго-Восток). Посредством бюро можно было влиять на политическую ситуацию в советских государствах» [10, с. 8]. В дальнейшем эта практика получила все большее выражение во взаимоотношениях между ЦК РКП(б) и национальными коммунистическими партиями. С учетом того, что последние являлись правящими партиями во всех советских республиках это неизбежно вело к образованию единого советского государства централизованного типа.

В связи с этим, хотелось бы выразить сомнение в отношении устоявшейся точки зрения по поводу якобы имеющих принципиальных разногласиях между В.И. Лениным и И.В. Сталиным по вопросам национального строительства, а именно стремлению первого к созданию государства демократического типа, а второго – авторитарного государства. Эта точка зрения зародилась в условиях хрущевской «оттепели» и разоблачения культа личности, когда «авторитарный» Сталин всячески противопоставлялся «демократичному» Ленину, в том числе в решении национального вопроса.

На самом деле в процессе создания единого советского государства каких-либо серьезных расхождений, а тем более борьбы между Лениным и Сталиным не происходило. Прежде всего, хотелось бы отметить, что И.В. Сталину принадлежит ведущая роль в создании единого советского государства, ввиду того, что он являлся наркомом по делам национальностей и председателем комиссии Оргбюро ЦК РКП(б) по подготовке вопроса «О взаимоотношениях РСФСР и независимых республик».

Созданный комиссией проект организации единого государства по принципу «автономизации», т. е. вхождения отдельных советских республик в состав РСФСР на правах автономий, первоначально не вызвал возражений со стороны других видных

руководителей РКП(б), в том числе В.И. Ленина. 24 сентября 1922 г., т. е. за два месяца с небольшим до начала объединительного съезда, большинство представителей советских республик согласилось с этим проектом. Свое несогласие выразил только председатель Союзного совета Закавказской социалистической федеративной советской республики (ЗСФСР) и член Президиума ЦК КП(б) Грузии П.Г. Мдивани, который настаивал на вступлении Грузии в состав единого государства на правах самостоятельной республики.

«Однако, – как отмечает В.А. Саблин, – противоположную точку зрения неожиданно высказал В.И. Ленин, предложивший 26 сентября 1922 г. проект создания новой федерации – Союза Советских Республик Европы и Азии (вскоре название было изменено на СССР). Авторитет вождя сыграл свою роль, и план Ленина был принят» [10, с. 8].

Можно вполне допустить, что вмешательство В.И. Ленина в процесс организации единого государства было вызвано резким неприятием грузинских коммунистов плана «автономизации» и стремлением к недопущению дальнейшего обострения конфликта. В.И. Ленин заявил: «Важно, чтобы мы не давали пищи «независимцам», не уничтожали их независимости, а создавали еще новый этаж, федерацию равноправных республик» [2, с. 212]. Следовательно, идея союзного государства возникла у Ленина достаточно спонтанно, в силу сложившихся обстоятельств, но оказалась действительно удачной.

При этом нет свидетельств о том, что Сталин каким-либо образом выразил свое несогласие с предложениями Ленина. Можно допустить, что главной причиной этого являлось отсутствие принципиальных расхождений между ними, ввиду того, что Ленин, как и Сталин, с одинаковой степенью признавали главенство центральных партийных органов в управлении союзным государством. Соответственно, партийное руководство республик также как и партийные комитеты, входивших в состав РСФСР областей, должны были реализовывать на местах политику, формируемую в высших эшелонах партийной власти. В условиях однопартийной политической системы этот фактор был определяющим в вопросах государственного строительства.

В связи с этим, можно согласиться с В.О. Мироновым в том, что «наличие в СССР единой централизованной правящей партии на протяжении десятилетий сплачивало советскую федерацию, обеспечивало ее результативное развитие и единство республик» [4, с. 8].

В известной статье В.И. Ленина «К вопросу о национальностях или об «автономизации», продиктованной кстати в день проведения I съезда Советов СССР 30 декабря 1922 г. и на следующий день, Ленин, наряду с критикой сталинского проекта, недвусмысленно дал понять, что в союзном государстве главную роль будут играть партийные структуры, действующие в рамках централизованной партийной системы. Считая необходимым сохранение некоторых наркоматов в союзных республиках, Ленин отмечал: «Надо иметь в виду, что дробление наркоматов и несогласованность между их работой в отношении Москвы и других центров может быть парализовано достаточно партийным авторитетом...» [3, с. 362].

Примечательно, что В.И. Ленин резко осудивший Г.К. Орджоникидзе за грубое отношение к руководителям компартии Грузии в ходе так называемого «грузинского инцидента», не выразил поддержки последним в их стремлении, как уже отмечалось, обеспечить вхождение Грузии в состав СССР в качестве отдельной советской республики. ЗСФСР была сохранена и просуществовала вплоть до 1936 г.

На всех последующих заседаниях партийных и государственных форумах по вопросу объединения советских республик с докладами выступал И.В. Сталин, выражая при этом полное согласие с ленинским проектом союзного государства. Так, в течение всего нескольких дней Сталин переработал свой проект в духе ленинских предложений и на состоявшемся 6 октября 1922 г. пленуме ЦК РКП(б) выступал с позиций организации будущего союзного государства.

Привлекательность ленинского проекта проявилась в условиях, как уже отмечалось, перехода от концепции скорейшего осуществления мировой социалистической революции, при безусловном участии пролетариата развитых западных стран, к концепции строительства социализма в одной отдельно взятой стране, которой должен был стать Советский Союз. При этом последний начинал рассматриваться уже не в качестве прежней периферии европейского социализма, а в качестве главного центра мирового коммунистического движения.

В условиях, когда надежды большевиков на победу социалистической революции в западных странах постепенно угасали, их взоры все больше устремлялись на Восток. Поддерживая происходившее там антиколониальное движение, Сталин и его сторонники сформировали собственную модель строительства социализма, где главная роль принадлежала представленному уже передовым русскому пролетариату, который должен был помочь отсталым народам повысить свой экономический и культурный уровень и, таким образом, совершить скачок от феодализма к социализму, минуя капиталистическую формацию. Сделать это предполагалась в рамках единого социалистического государства, которым становился Советский Союз.

Принимая окраинные страны и народы в его состав в статусе союзных республик, с предоставлением права самоопределения, руководство РКП(б) стремилось обеспечить максимальную привлекательность нового объединения с целью привлечения сюда наибольшего числа участников. Однако ставилось одно безусловное условие – в каждой из стран, входивших в состав СССР, должна быть установлена советская власть. Легко догадаться, что в таком случае во главе этих стран должны были стоять коммунистические или близкие к ним партии, которые должны были быть подчинены ЦК РКП(б). Соответственно, и сформированные там государственные структуры попадали бы в орбиту влияния центрального партийного руководства СССР.

Что касается самой РСФСР, как стержнеобразующей республики в составе единого государства, то в данном случае ленинский проект не предполагал возможности для предоставления отдельным народам права на образование самостоятельных республик. Известна, в частности, крайне отрицательная реакция В.И. Ленина на предложение члена коллегии Наркомнаца М.Х. Султан-Галиева о создании самостоятельной Татаро-Башкирской республики. Все эти и другие факты свидетельствовали о стремлении, как Сталина, так и Ленина к созданию единого советского государства централизованного типа, в котором главную роль должны были играть партийные, а не союзные структуры. Солидарны они были в желании превратить СССР в центр притяжения угнетенных мировым империализмом народов.

Так, выступая с докладом «Об объединении советских республик» на X Всероссийском съезде Советов 26 декабря 1922 г., И.В. Сталин выразил надежду в том, «что новое союзное государство послужит новым решительным шагом по пути к объединению трудящихся всего мира в единую Мировую Социалистическую Советскую Республику» [11, с. 95].

Через четыре дня после этого съезда, который стал завершающим среди съездов, вступающих в СССР республик, 30 декабря 1922 г. состоялось историческое заседание I съезда Советов СССР, на котором произошло образование Союза Советских Социалистических Республик в составе РСФСР, Украинской ССР, Белорусской ССР и ЗСФСР. На съезде присутствовали 1 727 делегатов от РСФСР, 364 – от УССР, 91 – от ЗСФСР, 33 – от БССР. Всего же, из 2 214 прибывших на съезд делегатов 1 673 обладало решающим голосом и 541 – совещательным. Известны достаточно подробные сведения о национальном, социальном, возрастном и даже гендерном составе съезда. Так, большинство на съезде было представлено русскими (62,5 %), основную массу делегатов составляли рабочие (44,4 %) и крестьяне (26,8 %). Необходимо отметить относительно молодой состав делегатов – 45 % составляли в возрасте от 21 до 30 лет [5, с. 34].

С основным докладом на съезде выступил И.В. Сталин. Он отметил, что вместе с образованием СССР силы Советской власти многократно возрастают и она «думает уже не только о существовании, но и том, чтобы развиваться в серьезную международную силу, могущую воздействовать на международную обстановку, могущую изменить ее в интересах трудящихся» [12, с. 96].

«В этой связи, – как отмечают П.А. Мухаметов и А.Т. Ахметова, – большое значение придавалось международному аспекту создания СССР. От имени Коминтерна (на тот момент в него входили организации 62 стран) съезд поприветствовал секретарь ЦК болгарской компартии Васил Коларов, подчеркнувший, что создание единого союзного государства является беспрецедентным примером сотрудничества между народами, объединившимися в борьбе за освобождение от гнета капитала. Кроме того, им была высказана мысль о том, что СССР может стать отличным практическим примером той идеальной и эффективной формы будущего сосуществования народов мира» [5, с. 34].

Данная постановка вопроса наглядно демонстрирует начавшийся в умах партийной элиты не только РКП(б), но и родственных коммунистических партий процесс пересмотра места Советской России, а теперь СССР в системе международных отношений, прежде всего, в контексте перспектив осуществления мировой социалистической революции. С учетом того, что вновь образованное государство становилось центром объединения стран и народов, выбравших социалистический путь развития, с одновременным объединением имеющихся здесь ресурсов, стала создаваться концепция о возможности строительства социализма в СССР, провозглашенная Сталиным на XIV съезде ВКП(б) в декабре 1925 г.

Указанная концепция явилась существенным отступлением от марксистской схемы. Речь в данном случае шла не только о том, что вопреки марксизму, социализм стал утверждать себя не в нескольких, а только в одной стране мира, но и в том, что эта страна была по преимуществу крестьянской. Более того, в состав СССР были включены народы, стоявшие, согласно формационному подходу, на стадии феодализма, а некоторые из них на стадии разложения первобытно-общинного строя. Тем не менее, реализация национально-ориентированного проекта социалистического преобразования российского общества, вобравшего в себя многовековые ожидания входивших в СССР народов, способствовала преодолению системного кризиса в стране и дальнейшему развитию российской цивилизации. Советский период следует рассматривать как органичное продолжение истории российской цивилизации, с учетом того, что СССР не только в основном воссоздал ее национальный состав, но и дал начало прогрессивным преобразованиям в сфере межнациональных отношений. При этом, евроцентристская модель марксистской теории социализма была преобразована на российской почве с учетом соответствующих цивилизационных особенностей.

Не случайно, пример СССР оказался более притягательным не для передового западного пролетариата, а для народов с традиционным общинным укладом жизни. Почувствовав на себе тиски капиталистической эксплуатации и колониализма буржуазных государств, они восприняли опыт советского строительства в качестве важнейшего средства сохранения цивилизационной идентичности. Воплощаемые в СССР идеалы свободы, равенства и социальной справедливости, утверждаемые коллективистские принципы морали и общественного устройства находили горячий отклик у народных масс целого ряда развивающихся стран, вступивших на путь социализма.

В результате реализации сталинской концепции социализма, несмотря на все трудности и жертвы, в СССР было построено сильное государство, которое из вспомогательного элемента мирового коммунистического движения превратилось в его авторитетный центр, прежде всего, для стран с традиционной моделью развития. По сути, вместо марксистского евроцентризма в социалистическом движении со стороны руководства большевистской партии стал реализовываться российскоцентризм, хотя официально

об этом не объявлялось. Тем самым, была опровергнута установка марксизма на первоочередность социалистических преобразований в развитых капиталистических странах. Пример Советского Союза доказывает, что социальная практика часто корректирует теоретические проекты, в результате чего возникают исторические феномены, к которым можно отнести советское общество.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Декрет о мире: принят II Всероссийским съездом Советов 26 октября (8 ноября) 1917 г. // Декреты Советской власти. Т. I. М. : Госполитиздат, 1957. С. 12–16.
2. Ленин В.И. Об образовании СССР. Письмо Л.Б. Каменеву для членов Политбюро ЦК РКП(б) от 26 сентября 1922 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 45. Март 1922 – апрель 1923. М. : Политиздат, 1970. С. 211–213.
3. Ленин В.И. К вопросу о национальностях или об «автономизации» от 30–31 декабря 1922 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 45. Март 1922 – апрель 1923. М. : Политиздат, 1970. С. 356–362.
4. Миронов В.О. К столетию образования СССР: государственно-правовые основы и этапы построения советской федерации // Право и государство: теория и практика. 2022. № 9. С. 6–9.
5. Мухаметов П.А., Ахметова А.Т. Образование СССР: центробежные и сепаратные тенденции // Аграрное и земельное право. 2022. № 6. С. 33–35.
6. По организационному вопросу: резолюция VIII съезда РКП(б) от 23 марта 1919 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1988): в 15 т. / под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. 9-е изд., доп. и испр. Т. 2: 1917–1922. М. : Политиздат, 1983. С. 103–108.
7. Пятницкий В.И. Осип Пятницкий и Коминтерн на весах истории / под общ. ред. А.Е. Тараса. Минск : Харвест, 2004. 720 с.
8. О войне и мире: резолюция Седьмого экстренного съезда РКП(б) от 8 марта 1918 г. // КПСС в резолюциях... Т. 2. М., 1983. С. 26–27.
9. Резолюция Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов от 26 октября 1917 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 35. М.: Политиздат, 1969. С. 4–5.
10. Саблин В.А. Столетие образования СССР. Начальные страницы истории // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: исторические и филологические науки. 2022. № 3 (26). С. 7–9.
11. Сталин И.В. Об объединении советских республик: доклад на X Всероссийском съезде Советов 26 декабря 1922 г. // Сталин И.В. Марксизм и национально-колониальный вопрос. Сборник избранных статей и речей. М. : Партийное издательство, 1934. С. 90–95.
12. Сталин И.В. Об объединении советских республик: речь на I съезде Советов СССР 30 декабря 1922 г. // Сталин И.В. Марксизм и национально-колониальный вопрос. Сборник избранных статей и речей. М. : Партийное издательство, 1934. С. 96–102.

С.Д. Багдасарян

ГОСУДАРСТВЕННАЯ МОДЕЛЬ СССР: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Аннотация. Исторические и культурные процессы построения государственной модели СССР часть научного и общественного дискурса. Советская социалистическая форма федеративного государственного образования оценивается в зависимости от геополитических задач и стратегий, идеологических и культурных паттернов носителя. Исследование актуализирует цивилизационные и культурные тенденции советского исторического пространства для мировой и российской действительности.

Ключевые слова: исторический и культурный процесс, государственная модель, советское наследие.

THE STATE MODEL OF THE USSR: HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE

Abstract. The historical and cultural processes of building the state model of the USSR are part of the scientific and public discourse. The Soviet socialist form of federal state education is evaluated depending on the geopolitical objectives and strategies, ideological and cultural patterns of the carrier. The research actualizes the civilizational and cultural trends of the Soviet historical space for the world and Russian reality.

Keywords: historical and cultural process, state model, Soviet heritage.

В декабре 2021 г. была пройдена веха тридцатилетия прекращения существования Советского Союза, который объединял пятнадцать союзных республик, на данный исторический момент избравших путь самостоятельного политического развития и находящиеся и сегодня в поисках моделей политического, государственного, социально-экономического и культурного строительства. Российское научное и общественное сообщество в конце 2021 г. в связи с этим фактом продолжает проводить культурно-цивилизационную оценку последствий роспуска СССР. Поэтому, государственная модель Советского Союза изучается в исторической проекции в зависимости от исследовательских задач, обсуждая всесторонне систему политических, социальных, культурных и экономических парадигм, и конечно, причинно-следственные связи, повлекшие за собой роспуск союзной федерации.

В первое десятилетие после краха советских идей и социалистической системы историки, общественные деятели шли за исследовательской практикой западных школ и средств массовой информации, вводя в научный обществоведческий оборот императив о «советской империи» [1, р. 294–303], как инструментария политики противостояния в холодной войне [6, р. 294–303]. Бесспорно, такая новая практика не использовалась в публикациях в советской общественной науке [9, с. 23–40].

Государственное строительство изучается в комплексе наук: исторической, юридической и конечно политологии, отсюда – это исторический феномен, который формируется на основе многочисленных факторов, из которых наиболее интересен для анализа исторически-культурный контекст. Применение классических научных принципов объективности и историзма позволяют выявить законы развития советского государства, которое стало преемственным предшествующему государству Российская империя. В евроазиатское геополитическое пространство, имеющем цивилизационные истоки были принесены идеи марксистского и ленинского учения о пролетарской революции, образование государства Советов с властью народа и новой партийной структуры, ранее никогда не существовавшей.

Формулируя этот концепт с использованием историко-сравнительного анализа и метода хронологизации возможно объяснить тенденцию к оформлению сильной централизованной власти как вектора исторического развития советской и российской государственности.

Во-первых, образование советского государства произошло в ходе революционного витка 1917 г. в рамках острых политических, идеологических противостояний партий и их лидеров, которые на волне социального и экономического недовольства боролись за власть, предлагая социальным слоям, армии, флоту свои программы как исключительную и единственную возможность выхода из кризиса.

Во-вторых, необходимо констатировать, что Первая мировая война спровоцировала процесс в Российской империи формирования требований к возврату суверенитета у поляков, становления идей национальной идентичности у финнов, украинцев, кавказских народов, все это обосновывалось идеями В.И. Ленина о российском и мировом империализме, и праве народов на самоопределение.

В-третьих, Великая русская революция 1917 г. стала логическим концом системного кризиса [7] наследственной самодержавной российской монархической формы правления, которая была стержнем государственности и цивилизационной, и культурной образующей. Временное правительство в течение нескольких месяцев 1917 г. не контролировало процессы политической трансформации российского общества в условиях системного кризиса власти, продемонстрировав политическую беспомощность, отсутствие лидерских качеств всероссийского масштаба, способности к видению стратегии дальнейшего государственного строительства и принятию оперативных решений в публичной власти. Существовала реальная опасность окончательной деградации государственных институтов и установления военной диктатуры [3, с. 60–76]. В этих условиях многовластия и неспособности к отказу от борьбы за власть от новой элиты в целях сохранения страны, когда шли наступления армий Германии и ее союзников на восточном фронте, о своей независимости объявила Польша, Финляндия, заговорили о желании отделиться на Украине. Каждая политическая сила стремилась к власти любым путем, страна вступала в новую хаос, безвластие, своеобразную новую Смугу, но только более масштабную, которая вылилась в итоге в гражданскую войну. Эта позиция представлена как психосоциальное состояние общества в работе В.П. Булдакова [1], готовое к протесту, сохраняя традиционную культуру такого противостояния в исторической памяти.

В итоге единственной возможностью сохранить и закрепить евразийское пространство через оформление федеративного государства, сначала РСФСР, а потом СССР. Как пишут исследователи И.И. Гаевская, М.А. Лаврентьева «предложили человечеству новую философию мироустройства, кардинально иную модель межгосударственных отношений, новую систему международной безопасности, новый смысл жизни, новый архетип человека. Во многом все это совпадало с принципами христианского вероучения, религиозными канонами ислама, буддизма и индуизма» [4, с. 18]. Историк С. Кара-Мурза [5], переосмысливая вклад советской системы, даже использовал для оценок понятие «советская цивилизация».

С позиций культурологических советская культура была сформирована как форма нового культурно-идеологического типа, но использовавшая морально-нравственные регуляторы коллективной христианской традиции общинного устройства, утопического восприятия лидерства, на что легло формирование культа вождизма, заменившего божественное восприятие власти.

Вследствие этого формирование социалистического общества и новой культурной идентичности – «советский человек» с переосмысленными духовно-нравственными христианскими идеалами социальной утопии о коммунистическом будущем. В тоже время кризис церковных традиционных институтов трансляции под давлением новой государственной идеологии и атеизма лишили православную церковь возможности контролировать эгалитаристские тенденции развития советского народа.

Строительство советского государства осуществлялось с октября 1917 г. по конец декабря 1991 г. и традиционно в отечественной историографии семьдесят лет развития социалистической системы подразделяют по правлениям советских государственных деятелей, то есть персонифицируют исторический процесс.

С позиций конституционализма и декларирования поэтапного строительства государства от простого вооружения масс в 1917 г. до создания союзной федерации с достижением идеологических и политических идеалов построения общенародного государства необходимо выделить неизменность выбранной модели – советская парламентарная федеративная республика. Избранное государственное устройство с социалистической политической системой декларировалось в следующих актах:

- 1924, 1936, 1977 гг. – союзные основные законы;
- 1918, 1925, 1937, 1978 – конституции РСФСР, которые объявлялись преемственными к основным государственным законам.

Таким образом, от первой советской конституции РСФСР до Основного Закона СССР 1977 г. закреплялось доктринальное положение строительства коммунистического общества в идеалах народа, его представителей и партии.

Ни один конституционный документ не закреплял недемократического положения советского общества, поэтому политологическая концепция о тоталитарной сущности социалистического государства есть следствие научных дискуссий. На наш взгляд, идеи вложенные в декларацию об образовании РСФСР и поиск модели в 1922 г. создания государства нового типа, предложенное В.И. Лениным как союзная федерация и сегодня актуальны.

Политологи в основном определяют СССР как государство авторитарного жестко централизованного управления, которое прошло путь от ленинской демократии до сталинской диктатуры, сменившись хрущевско-брежневским подходом сочетание партийного всевластия, номенклатурной системы. Но при всей критике советский политический режим выработал мобилизационный потенциал. В годы Великой Отечественной войны советская государственность дополнилась новыми компонентами, прежде всего внедрением в идеологию национально-патриотических лозунгов. Сталин разочаровался в идее мировой революции, отказался от политики воинствующего атеизма и признал исторические духовно-культурные ценности России великим достоянием СССР. Интеграционным началом власти оставалось Политбюро ЦК КПСС, опиравшееся в своей деятельности на аппарат ЦК и Совета Министров, слияние государственных и партийных структур подтверждалось и доктриной общенародного государства. Конституция 1977 г. в ст. 6 закрепила руководящую роль КПСС в политической системе, направляющую развитие советского общества, его институциональную основу – Советы трудящихся.

В целом, несмотря на личностные различия и характер деятельности Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнева как лидеров государства и партии, следует признать мнение политологов, обществоведов о закреплении мягкого авторитарного управления с номенклатурным аппаратом власти в 1960-х – 1980-х гг.

Последний хронологический этап 1985–1991 гг., ставший своеобразным рубиконом для советской модели ознаменовался лозунгами о реформаторском потенциале избранного Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева, который продемонстрировал открытость преобразованиям общества. Политическое лидерство имело совершенно иной характер, приближенный к характеристике умеренно-демократического типа к концу правления. Он провозгласил перестройку партии и государства, начав демократизацию общества, как сегодня мы понимаем без наличия четкой программы в политической и экономической сфере, ему не хватило не знаний, не видения нежизнеспособности к видоизменению системы власти, которая могла существовать на основе планового начала. В условиях экономического кризиса он пытался осуществить реформу хозяйственного механизма и, не доведя ее до конца, перешел к радикальному преобразованию политической системы. Он продемонстрировал определенную культуру уважения своих политических оппонентов.

Неуправляемость перестроечных процессов лидером СССР в трактовке историка Согрина [8] в политической сфере привела к возрождению альтернативной КПСС многопартийности, оттеснению на вторые позиции в управлении государством и к утверждению беспартийного института Президентства. Однако эти радикальные изменения в условиях множатся экономических неурядиц и обострения всеобщего дефицита товаров привели не к стабильности системы, а к ее распаду, к краху союзного единства республик. Попытка руководителей правительства и ряда силовых ведомств отстранить Горбачева от руководства страной и сохранить союзное государство в форме СССР закончилась неудачей. Эта крайне нерешительная и беспомощная попытка использования войск была охарактеризована либералами как некий путч, хотя к авторитарной власти пришел именно Б.Н. Ельцин, а не Янаев.

Попытка решить вопрос о судьбе СССР была предпринята на всенародном референдуме о сохранении СССР в апреле 1991 г. и в ходе «Новоогаревского процесса» с целью подписания нового союзного договора, но новая политическая элита союзных республик, исходила из собственных сепаратистских тенденций, интересов узко этнических, зачастую в угоду националистических идей. Потеря контроля власти в субъектах СССР и предопределило попытку старой политической партийной и государственной элиты создать новый чрезвычайный орган – ГКЧП, отстранить от управления страной М.С. Горбачева 19 августа 1991 г. и сохранить страну, но это оказалось не возможно, контроль над обществом и новыми лидерами, появившимися в период перестроечных лет был утерян.

После путча в России последовал запрет деятельности КПСС, отказ от подписания нового союзного договора, роспуск советского государства состоялся в соответствии с Беловежскими соглашениями 8 декабря 1991 г. Федеративный договор, способствовавший сохранению Российского государства, был подписан 31 марта 1992 г.

Произошел распад СССР, который до сих пор влияет на состояние государственных институтов и развитие страны и ставший цивилизационной трагедией поколений советских граждан. А смогли осознать этот факт спустя только определенное время, как пишет известный социолог С. Кара-Мурза, которые Хотелось подчеркнуть, что нация – народ, их субэтноты достаточно длительно сохраняют историческую память, транслируют через нее национальное сознание, которое выступает индикатором идентичности во всех общественных отношениях. Такими стержнями стали революция, гражданская война, репрессии в период сталинского правления, Великая Отечественная война и распад СССР.

Советский период в отечественной истории продемонстрировал с одной стороны утопичность коммунистических идеалов построения общества в той социалистической модели, которая сформировалась на историко-культурной традиции предшествующих эпох. Идеи разрушения частного начала оказались не жизнеспособны, общество требовало восстановления института частной собственности, предпринимательства.

Одним из противоречивых уроков исторической модели является проблема межнациональных отношений в СССР, которая звучала как идеал дружбы, мирного сотрудничества, а в итоге неразрешенные межэтнические религиозные конфликты на территории азиатской и кавказской части, скрытая и явная русофобия, которая особенно остро развивалась в последний период существования страны. Следствие не разрешения национальных противоречий миграционные волны миллионов бывших советских граждан в современную Россию, которые покидали бывшие союзные республик по признаку иной веры, культуры и этнической принадлежности.

Системный историко-социологический анализ позволяет рассмотреть в синтезе эти подходы для понимания успехов и недочетов советской модели. Эволюция институтов власти, закрепляющая форму правления с государственным режимом и территориальным устройством, является неотъемлемой частью исторического процесса – это федерализм с сильной властью политического лидера для многонационального государственного образования. Следовательно, для нового исторического времени эволюционный процесс сохранения государственности – это вопрос выживания в системе внутривластных и международных отношений.

Государственные реформы исторически являются неотъемлемой частью существования государства, они должны быть своевременными, оперативными, отражать мобильность управления социальными процессами и потребностей общества в организации системы власти. Немалую роль в проведении реформ в России играет феномен политического лидерства, видения стратегии развития государства по форме правления, государственного

устройства с учетом исторических традиций выстраивания властеотношений, поликультурного и многонационального состояния, которые реализовывались в советском проекте.

Основным выводом исследования является сохранение модели государственного конструирования в асимметрической федерации, имеющей и национальные и административные образования, кроме этого, конституционно закреплена преемственность к международному положению СССР Россией, как единственным субъектом ее обязательств.

Таким образом, трагический опыт распада великого советского государства стал исходным пунктом для формирования России в статусе Российской Федерации и структурированию процесса интеграции в различные международные объединения как правопреемника СССР с целью сохранения торгово-экономических, культурных, военных и иных отношений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М. : РОССПЭН, 1997. 376 с.
2. Beissinger Mark R. Soviet Empire as «Family Resemblance» (англ.) // Slavic Review. 2006. Vol. 65, iss. 2. P. 294–303.
3. Герасименко Г.А. Трансформация власти в России в 1917 году // Отечественная история. 1997. № 1. С. 60–76.
4. Гаевская И.И., Лаврентьева М.А. К вопросу о международных последствиях Великой Октябрьской революции // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9. № 6–2. С. 16–27.
5. Кара-Мурза С. Советская цивилизация: В 2 кн. М., 2002. 1280 с.
6. Olaf Caroe. Soviet Colonialism in Central Asia (англ.) // Foreign Affairs. 1953. October (vol. 32, no. 1). P. 135–144.
7. Почему победили большевики. Ответ фальсификаторам истории Великого Октября. М., 1987. 305 с.
8. Согрин В.В. Политическая история современной России: 1985–1994. От Горбачева до Ельцина. М. : Прогресс, Академия, 1994. 192 с.
9. Суздалева Т. Р. Советская империя или Содружество наций? // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 6. С. 23–40.

Ю.В. Шахин

ОСНОВНЫЕ ТЕОРИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ

Аннотация. В статье рассмотрены основные теории советского общества, предложенные в качестве альтернативы официальной советской точке зрения. Это эмпирические подходы: тоталитаризм, ревизионизм и постревизионизм. Рассмотрены три цивилизационные теории, существенно расходящиеся в оценках СССР. К позитивистским теориям относятся – теория модернизации и теория конвергенции, а также ее подвид – теория бюрократической революции. Методологически непоследовательные теории определяют СССР как продукт феодальной реакции. Марксистские теории советского строя делятся на три группы: 1) в СССР была принципиально новая эксплуататорская формация; 2) советское общество носило переходный характер между капитализмом и социализмом; 3) в СССР существовал государственный капитализм. Последняя группа теорий распадается на три варианта в зависимости от оценки стадийной зрелости советского госкапитализма.

Ключевые слова: СССР, общественный строй, историография, позитивизм, марксизм, цивилизационный подход.

THE MAIN THEORIES OF SOVIET SOCIAL SYSTEM

Abstract. The article considers the main theories of Soviet society, proposed as an alternative to the official Soviet point of view. These are empirical approaches: totalitarianism, revisionism and post-revisionism. Three civilization theories are considered, which differ significantly in the assessments of the USSR. The positivist theories include the theory of modernization and the theory of convergence, as well as its subspecies, the theory of bureaucratic revolution. Some methodologically inconsistent theories identify the USSR as a product of feudal reaction. The Marxist theories of the Soviet system are divided into three groups: 1) there was a fundamentally new exploitative formation in the USSR; 2) Soviet society was of a transitional nature between capitalism and socialism; 3) state capitalism existed in the USSR. The last group of theories falls into three variants, depending on the assessment of the stage maturity of Soviet state capitalism.

Keywords: the USSR, social system, historiography, positivism, Marxism, civilization approach.

В советском обществоведении господствовало мнение, что СССР является социалистическим обществом. Однако перестройка и распад Советского Союза вызвали теоретическое замешательство. Получалось, что, либо в СССР не было социализма, либо в чем-то неправ марксизм, чьи прогнозы и оценки разошлись с ходом исторического процесса. В поисках альтернативы бывшие советские историки обратились к западным теориям и взяли на вооружение концепцию тоталитаризма. В 1990-е гг. она широко тиражировалась, вошла в школьные учебники и стала чуть ли не общепринятой. Парадоксально, но увлечение концепцией тоталитаризма началось в то время, когда на Западе многие уже признали ее несостоятельной. Прежде всего, она исключала распад СССР в силу внутренних процессов, не могла объяснить феномены ведомственности и местничества, и, наконец, была поколеблена эмпирическими изысканиями историков-ревизионистов 1970 – 1980-х гг. Ревизионисты показали, что в истории СССР огромную роль играло общество, многие процессы они пытались объяснить не инициативами государственной власти, а импульсами снизу. Однако открытие архивов остудило крайности ревизионизма, сделав очевидной значительную роль государства в советской истории. В итоге появился постревизионизм, который рассматривает развитие советского общества и его учреждений как результат взаимодействия и конфликта двух факторов – общества и власти [11, с. 9–10]. Однако постревизионизм ограничивается уровнем эмпирических исследований, которые оставляют в стороне глобальный вопрос, что же представлял из себя советский общественный строй и каково его место в мировой истории.

Эту проблему пытались разработать многие авторы, начиная с 1930-х гг., однако их оценки не нашли всеобщего признания. Поэтому проблема адекватной оценки советского общественного строя остается актуальной. В данной статье она тоже не будет решена, ее цель лишь кратко охарактеризовать всю палитру теоретических взглядов на советский общественный строй.

Прежде всего выделим теории цивилизационного типа. Хотя цивилизационный подход сейчас очень моден, целостные цивилизационные концепции советского общества создали лишь три теоретика, и все они не историки. Это химик С. Кара-Мурза [8], философ-логик А. Зиновьев [7] и писатель-фантаст А. Лазаревич [10]. Кара-Мурза и Зиновьев отождествляют понятия «советский» и «русский», для них СССР это ответ традиционного русского крестьянского общества на вызовы XX века. Однако те особенности русской крестьянской ментальности, которые породили советский строй, Кара-Мурза оценивает положительно, для него СССР – это их естественное продолжение и раскрытие, а вот Зиновьев наоборот считает, что советский строй – это способ нейтрализации традиционных пороков русского человека. Тем самым оба автора разными путями приходят к одной и той же проблеме: как советский строй смог прижиться у народов, никогда не имевших ничего общего с русским крестьянством? Ответа у них нет. А. Лазаревич жестко противопоставляет понятия «русский» и «советский». В его концепции СССР это отрицание всех «древних народов», а в основе советской цивилизации лежат идеи атеизма и космизма, имеющие универсальный общечеловеческий характер.

В годы «холодной войны» на Западе была выработана позитивистская по своей сути теория модернизации. Она предлагает снять вопрос об общественном строе и просто описывать переход от традиционного общества к модернизированному по ряд параллельно изменяющихся общественных параметров. Впрочем, приверженцы этой теории быстро выяснили, что полный параллелизм в их изменениях наблюдается не всегда, они могут происходить с разными темпами в разных сферах, поэтому модернизацию нужно разделить на органическую и неорганическую или догоняющую. В рамках догоняющей модернизации общественные параметры изменяются неравномерно, односторонне и рывками. Нередко такая модернизация сопровождается даже временной консервацией традиционных черт. С этой точки зрения СССР – это общество, переживающее догоняющую модернизацию в ее консервативной форме. Среди современных авторов этот подход наиболее ярко представлен у А.Г. Вишневого [3]. Впрочем, теория модернизации существует во множестве вариантов, поэтому единого стандарта она не дает. Например, В.В. Алексеев и Е.В. Алексеева к понятию консервативной модернизации не прибегают, указывая лишь на незавершенность модернизации в СССР [1].

Еще одной позитивистской группой теорий близко состоящих в родстве с теорией модернизации являются теории конвергенции. Они существовали во многих вариантах, и их популярность была велика в годы «холодной войны». Они утверждали, что СССР и США сближаются в основах своей социальной организации и идут разными путями к некой общей системе, которая будет чем-то средним между ними. Отечественным ученым теория конвергенции наиболее известна в версии Дж. Гелбрейта [5], разделял такие идеи и А.Д. Сахаров. После распада СССР теория конвергенции утратила популярность. Пожалуй, единственным ее приверженцем остался социолог Е.И. Суименко [13], однако и у него она получила развитие в специфическом варианте на марксистской методологической основе. Он предложил разделить формации на коллективистские и индивидуалистические. Особенности последних позволяют порождать системы, отклоняющиеся от магистральной линии исторического процесса и в известной степени опережающие ее. Таков, в частности, советский строй, который Суименко определяет как дивергентный социализм. В процессе своего развития этот строй переживает конвергентное сближение с прогрессирующим капитализмом, и в определенной точке они сходятся. Однако эта финальная точка схождения может существенно различаться в зависимости от конкретно-исторических обстоятельств, и в случае Советского Союза реализовался вариант негативной конвергенции. При таком типе конвергенции из двух общественных систем происходит заимствование исключительно отрицательных «наработок». Так Суименко осмысливает разложение советских порядков в 1990-е гг.

К теориям конвергенции примыкает теория бюрократической революции, которая получила разработку в 1930-е гг. Ее приверженцы утверждали, что СССР, США и Германия независимо друг от друга движутся в одном направлении к новому классовому обществу, где будет господствовать бюрократия. В этих оценках теория бюрократической революции отходит от позитивизма и уже пытается использовать методологию марксизма.

Существует группа оригинальных, но малопопулярных теорий, которые рассматривают советское общество как продукт феодальной реакции на развитие капитализма. Это работы беглого номенклатурщика М.С. Восленского и советского юриста А.А. Тилле [4; 14]. Авторы подметили у советского общества немало архаичных черт, роднящих его с докапиталистическими формациями, но при этом не смогли последовательно применить методологию марксизма. Она у них ограничилась терминологией, а в сущности они остались на позитивистских позициях. Например, А.А. Тилле рассматривал феодализм как надстроечное явление, хотя и не ссылаясь на М. Блока. Зато эти теории очень близко соприкасаются с учением о консервативной модернизации, которое прямо исходит из того, что модернизация в базисе сопровождается значительными попятными движениями к традиционализму в надстройке.

Существует три группы чисто марксистских теорий, которые не признают существование социализма в СССР. Первая из этих групп настаивает, что у нас существовал новый эксплуататорский строй, обычно сближаемый с азиатским способом производства. Наиболее фундаментальную разработку этот подход получил в трудах известного историка и философа Ю.И. Семенова еще в 1990-е гг. [12]. Семенов разработал понятие политарных способов производства, основанных на коллективной собственности господствующего класса, который в таком случае совпадает с государственной бюрократией, и классифицировал советские порядки как индустрополитаризм.

Вторая группа марксистских теорий куда более снисходительна к советскому прошлому и настаивает, что в СССР строился социализм, но этот процесс не был завершен в силу исходных неблагоприятных условий, поэтому СССР – это общество переходное между социализмом и капитализмом. Среди этих теорий наиболее знаменито учение Л.Д. Троцкого о деформированном рабочем государстве [15]. Согласно Троцкому в СССР сохранялась общественная собственность, однако политически бюрократия экспроприировала рабочий класс и лишила его власти. Выходы из этого противоречия были таковы: 1) политическая революция рабочего класса и переход к полному социализму, 2) социальная контрреволюция бюрократии и возвращение к капитализму. Для каждого из случаев Троцкий описал возможные сценарии развития, и достойно удивления, насколько точно он спрогнозировал реальные процессы реформ 1990-х гг.

Критики Троцкого часто замечали, что его характеристика собственно социалистической составляющей в советском обществе выглядит непоследовательно и неубедительно. Исправить этот недостаток попытался известный политэконом А.В. Бузгалин, который предложил учение о мутантном социализме [2]. Несмотря на термин, он считает, что советское общество не было социалистическим, оно было переходным. А черты социализма он видит в развитии свободного творческого труда, занимаемое им место в обществе он предложил называть креатосферой.

Третья группа марксистских теорий утверждает, что в СССР был государственный капитализм. Это не особая формация, а один из вариантов капиталистического строя. В пользу этого утверждения свидетельствует сохранение товарного производства, наемного труда и производства прибыли в советской экономике. Однако приверженцы теории госкапитализма существенно расходятся в оценке места, который он занимает на шкале мировой истории капитализма. Есть три подхода.

Наиболее старый из них предложил английский историк Т. Клифф [9]. Опираясь на работы Ф. Энгельса в 1940-е гг. он доказывал, что советский строй являет собой высшую из возможных стадий капитализма и отделен от социализма только одним историческим шагом, правда, этот шаг социалистическая революция. Второй подход прямо противоположен Клиффу. Историк А.А. Здрав доказывает, что государственный капитализм свидетельствует о стадильной отсталости и служит инструментом, ускоряющим движение таких социально отсталых стран по капиталистическому пути [6]. Наконец третий подход связан с итальянской марксистской мыслью в лице А. Бордиги и А. Черветто. Черветто предпочитает рассматривать государственный капитализм как тенденцию определенной стадии развития мировой капиталистической системы, пришедшейся на XX век. Эта тенденция была свойственна мировому капитализму в целом до начала так называемого либеристского цикла в 1970-е гг., но с разной силой и в разных формах проявлялась в разных странах в зависимости от конкретно-исторических обстоятельств. С этой точки зрения советский общественный строй это всего лишь одно из крайних проявлений общемировой тенденции к государственному капитализму.

Завершая этот краткий и во многом схематичный обзор, автор хотел бы продекларировать свои теоретические предпочтения. Из всего многообразия теорий мне представляется наиболее верной теория государственного капитализма, а среди трех возможных подходов наиболее уместным выглядит предложенный Черветто.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев В.В., Алексеева Е.В. Распад СССР в контексте теорий модернизации и имперской эволюции // Отечественная история. 2003. № 5. С. 3–20.
2. Бузгалин А.В. Ренессанс социализма. М., 2004.
3. Вишневский А.Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М., 1998.
4. Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991.
5. Гелбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М., 1988.
6. Здоров А.А. Государственный капитализм и модернизация Советского Союза. М., 2007.
7. Зиновьев А.А. Гибель русского коммунизма. М., 2001.
8. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. М., 2002. Т. 1–2.
9. Клифф Т. Государственный капитализм в России. М., 1991.
10. Лазаревич А. Советия. Размышления о происхождении, истории и будущем советской цивилизации, о ее нынешнем кризисе и путях выхода из него. Режим доступа: http://technocosm.narod.ru/k2f/Sovietia_toc.htm.
11. Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941. М., 2008.
12. Семенов Ю.И. Россия: что с ней случилось в XX веке? М., 1997.
13. Суименко Е.И. Капитализм в нашем доме. К., 2006.
14. Тилле А.А. Советский социалистический феодализм. М., 2005.
15. Троцкий Л.Д. Преданная революция. М., 1991.
16. Черветто А. Унитарный империализм. Киров, 2004. Т. 1–2.

Е.Г. Карелин

СТАНОВЛЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ ЗАПАДНОГО РЕГИОНА РОССИИ)

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы воздействия революции 1917 года на систему власти и административно-территориальную организацию в Западном регионе России. Работа представляет собой исследование проблемы становления регионального механизма советской власти в 1917 г.

Ключевые слова: революция 1917 года в России, региональная организация власти, Западный регион России, административно-территориальная организация, формирование советской власти.

BECOMING REGIONAL ORGANIZATION OF SOVIET POWER (ON THE EXAMPLE OF THE WESTERN REGION OF RUSSIA)

Abstract. In this article the impact of revolutions in 1917 on the system of the power and the administrative-territorial organization in the Western region of Russia is examined. This article represents the research of the difficult and insufficiently explored problem of formation of the regional mechanism of the Soviet power in 1917–1918.

Keywords: revolutions of 1917 in Russia, regional authorities, the Western region of Russia, the administrative-territorial organization, formation of the Soviet power.

Россия, втянутая в Первую мировую войну, оказалась не в состоянии реорганизовать государственную, военную, экономическую и общественную структуры на новых основаниях. Распад прежней государственности во всех основных формах явился частью кризиса всего российского общества.

Создание областных объединений Советов как программы изменения административно-территориального деления России предусмотрело Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов в марте 1917 года [1]. Объединение Западного

фронта и Минской губернии в Западную область во главе с Областным исполнительным комитетом (Облискомзапом) и Советом народных комиссаров позволило создать структуру власти, адекватную динамичным процессам. Руководящим партийным центром был Северо-Западный комитет РСДРП(б) во главе с А.Ф. Мясниковым. Северо-Западный областной комитет партии тогда действовал в следующем составе: председатель – А.Ф. Мясников (Мясникян), заместитель и казначей – М.И. Кальманович, секретарь – В.Г. Кнорин, члены – И.Я. Алибегов, С.И. Иванов, Р.В. Пикель, И.И. Рейнгольд, В.З. Соболев, Я.Я. Цируль [2]. Эта интернациональная политическая команда оказалась в состоянии возглавить борьбу за захват и удержание власти. Большевики доказали своим примером, что для политического успеха в условиях революции совершенно не обязательны культура и образование. Быть в нужном месте с нужными и привлекательными для массы идеями, с крепко организованной структурой оказывается гораздо важнее. Для этой политической команды была характерна сплоченность, идейная нацеленность, а также проективное мышление.

В условиях слабого центра и преобладания центробежных тенденций, и антигосударственных настроений областные объединения стали формой организационной устойчивости Советов, которые приходили к власти ввиду полной беспомощности государственных и земских органов. Так, губернский Совет в Смоленской губернии взял власть в свои руки 4 декабря 1917 г., заручившись поддержкой крестьянских волостных и уездных Советов. На объединенном губернском съезде был сформирован губернский исполнительный комитет во главе с большевиком С.В. Ивановым и Совет народных комиссаров во главе с левым эсером Е. Разумовым.

В претензиях на власть конкурентом большевиков был национализм. Белорусские националисты попытались противопоставить белорусский народ русскому и взять власть на Всебелорусском съезде. Большевики участвовали в работе съезда, но, убедившись в слабости этой организации, разогнали собрание.

Выступление польского корпуса под командованием Довбор-Мусницкого на огромной территории от Минска до Ельни приобрело характер настоящей национальной войны. Польские легионеры сумели в короткий срок убедить население, что именно Советы являются его единственной защитой. Советская модернизация Российской империи формировала инновационную культуру, а на национальных окраинах усилилась антимодернизационная реакция. Политическое творчество нового типа сплачивало и централизовало внутривосточное пространство на принципиально иной основе.

Новый подход был реализован при решении вопроса о прекращении войны с Германией. Брестский мир стабилизировал неустойчивое положение советской власти. После утраты Польши на западном направлении России в качестве ключевых точек государственной безопасности выделились Минск и Смоленск. Но не только военная ситуация привела к превращению Смоленска в стратегический центр. Страна находилась в агонии военного поражения и распаде всего прежнего порядка. В потерявшем ориентир обществе популярность приобретали те политические силы, которые ради национального спасения готовы были к ужесточению власти и проведению принципиально новой политики через иной тип государственности – Советы. Сами Советы должны были из общественной формы организации превратиться в полноценную систему государственных органов. В докладной записке Облискомзапа Президиуму ЦИК и Совету народных комиссаров РСФСР указывалось: «Образование такого центра в Смоленске произошло само по себе, оно диктовалось жизненной необходимостью руководить оставшимися в наших руках частями Западной области, а также и Смоленской губернией, которая, в силу сложившейся политической и военной ситуации, стала новым центром и постепенно слилась с указанными выше губерниями» [3].

Советские органы и вооруженные отряды перебравшись из Минска в Смоленск. Немедленно после прибытия Облискомзапа в Смоленск Смоленский губернский Совет выпустил городскую думу как «явно контрреволюционный орган». В Смоленске сложилось

двоевластие Совета и Облискомзапа, который представлял главным образом большевиков. В отличие от своих революционных попутчиков большевики стремились занять ключевые посты в органах исполкома. Председатель Смоленского Совета В.З. Соболев и председатель исполкома С.В. Иванов были введены в состав президиума Облискомзапа, а И.И. Рейнгольд как заместитель председателя Облискомзапа вошел в состав президиума Смоленского исполкома и добился перехода отделов губисполкома в облисполком.

Небольшая часть (примерно одна треть) губернского Совета во главе с И.И. Рейнгольдом и В.З. Соболевым объявила себя «губернским исполнительным революционным комитетом» впредь до созыва съезда Советов Смоленской губернии, который, впрочем, так и не был созван. Сам Смоленский Совдеп был объявлен «кулацким» и распущен. Слияние Смоленской губернии и Западной области оформили решением ЦИК РСФСР от 18 апреля 1918 г.

В реальности в западном крае России никакой системы Советов не существовало из-за отсутствия организационных связей и подчинения. Каждый совет был самостоятельным центром власти. Волостные советы не желали подчиняться уездным, уездные, в свою очередь, не подчинялись губернским, губернские мало считались как с областными, так и с центральными органами. Каждый совет стремился создать свой Совет народных комиссаров, свои комиссариаты и свою вооруженную силу – Красную гвардию. В Духовщинском уезде было создано два исполкома – Духовщинский и Ярцевский. Уезд разделился на две части со своими столицами и правительствами. В Юхновском уезде один совет в Юхнове объединил 16 волостей, а другой, в селе Знаменское – 15 волостей.

В волостях были организованы волостные советы. Повсюду распускались уездные и волостные земства, и вместо них создавались исполкомы. Большевики преобладали в уездных, а в волостных исполкомах доминировали эсеры.

В налаживании административного аппарата в уездах и волостях большую роль сыграли отделы внутренних дел (управления), которые руководствовались задачей восстановления прежнего уездно-волостного деления. Именно деятельность этих органов, наряду с партийными структурами, привела к переходу советов Западной области на единую модель новой власти: съезд, исполком, президиум, отделы.

13 апреля 1918 г. состоялся Второй съезд Западной области, который оформил новую конструкцию власти. Облискомзап подтвердил свой курс на строгую централизацию, сильную государственность и сосредоточение в Советах управления всеми отраслями экономики и жизни общества. Областной исполнительный комитет в составе 75 человек являлся высшим законодательным органом в промежутках между съездами. Во главе Облискомзапа был президиум. Вместе с заведующими отделов (комиссарами) президиум составлял Малый совет. Но принцип слияния законодательной и исполнительной власти в советах не позволял разграничить сферы действия Облискомзапа и Малого совета. Съезд закрепил существование Западной области с населением 3,8 миллиона человек и площадью 90 тысяч км². Областной исполком непосредственно управлял 27 уездами на территории Смоленской губернии, Могилевской, Витебской и северной части Черниговской губерний. Съезды Советов, партийные конференции, съезды заведующих отделов управления и, наконец, съезды совнархозов закрепляли сильную и динамичную региональную организацию власти.

Обеспечить выживаемость в условиях разрыва традиционных экономических связей можно было, только создавая чрезвычайные органы новой социальной и экономической региональной структуры. Одной из областных организаций стал Совет народного хозяйства (СНХ). СНХ немедленно начал национализировать промышленные предприятия и подчинять их деятельность интересам Западной области. Первый съезд СНХ Западной области признал абсолютно правильной политику ВСНХ по централизации всех местных органов и их реорганизации на основе унификации [4].

Политический процесс утверждения советской государственности обеспечила именно партия большевиков. В.Г. Кнорин, член партийного руководства области, прямо указывал на особенности нового механизма власти: «Партия строго централизована. Нам неуместно говорить про демократизм в партийной организации, ибо демократия может нас совратить с правого пути. От этого безграничная власть, полная диктатура ЦК во всероссийском масштабе и такая же диктатура на местах областных комитетов партии, которые должны состояться из партийных старых профессионалов. Советы являются практическим органом государственной власти, имеющими чисто хозяйственно-административные функции, исполняющими предначертания партии. Следовательно, Облискомзап – орган технически исполняющий. Ока (Северо-Западный областной партийный комитет) – орган руководящий, орган диктатуры партийной теории над советской практикой» [4, л. 21]. Партийная диктатура нуждалась в советах в качестве формы легитимации своей абсолютной власти, и, наоборот, советская власть вне власти большевиков оказывалась несостоятельна.

Жесткая установка большевиков на удержание власти заставляла их идти на последовательную структурализацию политического режима. Если Советы появились как самостоятельные, демократические и общественные организации, как действительные органы народовластия, то утверждаться в роли государственных органов им приходилось, усваивая требования бюрократического государственного порядка. Советская демократия становилась препятствием для большевиков.

Левые эсеры из политических союзников и конкурентов становились врагами. Продовольственная диктатура вступала в противоречие с интересами среднего крестьянства – социальной основой этой партии. Крестьянские волнения и восстания большевики подавляли беспощадно. Летом и осенью 1918 года по Западной области прокатился целый ряд восстаний крестьянства. Использование против крестьян артиллерии и броневиков в Оршанском, Духовщинском, Сенненском, Мстиславльском, Велижском, Поречском, Гжатском уездах было признано «необходимыми репрессивными мерами». При этом партийные руководители признавали, что «сами восстания были вызваны неправильными преступными действиями членов партии и советских работников» [5].

Но становясь во главе крестьянских выступлений, эсеры демонстрировали удивительную нерешительность, что разительно отличалось от поведения большевиков. С отстранением левых эсеров от власти конструкция советской системы получила окончательное оформление. Пятая партконференция жестко указывала: «Все принципиальные вопросы Советских учреждений разрешаются предварительно в местном партийном комитете. Все фракции Советских учреждений обязаны проводить в жизнь партийные решения. Связующим органом между партией и фракцией Совета является Бюро фракции» [6]. Еще одна составляющая нового политического режима – назначение руководящих должностных лиц и выборных членов советов только из представителей большевистской партии. Это был конец всей советской демократии, за которым должен был последовать конец и партийной демократии.

Подобная практика осуществлялась по всей Западной области, о чем свидетельствует агент областного комитета Г. Меркин, направленный для партийной работы в Ельнинский уезд: «Все члены комитета партии работают в Советских отделах и являются ответственными работниками. Ни один важно политического, экономического характера вопрос в Советах и в его отделах не проводится прежде, чем не решается в комитете партии и во фракции. Комитетом партии были приняты меры по реорганизации волостных исполкомов, которым была придана коммунистическая физиономия. Все отделы Советов исполняют директивы как полученные из центра, так и все директивы комитета партии. Имеющаяся в уезде ЧК, которая проводит классовую политику борьбы с буржуазией, кулачеством и спекуляцией, также всецело подчинена комитету партии» [7].

Консолидация советского режима на основе однопартийной диктатуры к осени 1918 г. привела к ликвидации крестьянских советов. Если раньше ставилась задача создания советских органов и закрепление их как органов государственной власти, то теперь этого было недостаточно. Чтобы полностью подчинить себе волости, большевистская партия использовала механизм чрезвычайных органов – комитетов бедноты, которые сначала становились органами двоевластия наряду с советами, а затем захватывали всю власть и устанавливали новые порядки. 22 ноября 1918 г. съезд комитетов бедноты узаконил партийные установки по «перевыборам» советов.

Облискомзап как новый чрезвычайный властный орган трансформировал всю систему организации власти в Западном крае. Областная организация власти оказалась способной создать единую и прочную структуру на уездном и волостном уровнях. Срастание партийно-советского аппарата стало реальностью уже к концу 1918 г. Новый политический механизм явился формой адаптации к чрезвычайным условиям и одновременно источником реорганизации.

Утверждая свою автономность, партийный комитет принял решение переименовать область в Западную коммуну. Третий областной съезд Советов (93 % всех делегатов были большевиками) единогласно поддержал переименование. Партийный аппарат, концентрируя власть в своих руках, диктовал теперь состав формально выборных советских органов. Областной комитет партии «сконструировал» новый областной исполком и распределил партийных работников во главе отделов. В сентябре – октябре была завершена организация партийных районных комитетов по всем уездам области. Процесс автономизации России становился угрозой центральному аппарату власти, так как устанавливал ограничения сверхцентрализации.

Реально власть находилась в руках верхушки партийного комитета во главе с А.Ф. Мясниковым. Областной комитет сократил число членов исполкома до 25 членов и пяти кандидатов. Наряду с сужением круга руководителей в Облискомзапе усиливалась роль его президиума, «сконструированного» из председателя, трех членов и секретаря и «совмещенного» с президиумом областного комитета партии. Такая концентрация власти позволяла, с одной стороны, действительно полностью контролировать положение в Западном крае, но, с другой стороны, делало эту конструкцию уязвимой.

23 декабря 1918 г. ВЦИК РСФСР утвердил в составе Западной области Смоленскую, Могилевскую, Витебскую, Минскую и Гродненскую губернии. Но уже 24 декабря ЦК РКП(б) принял решение о создании Советской Социалистической Белорусской Республики как буфера против петлюровской Украины и Польши. Правительство и его руководителя – Д.Ф. Жилуновича – утвердили в ЦК.

Областная организация как продукт революционной эпохи соединялась с дореволюционной губернской-уездной организацией территории. Неслучайно областничество оставило свой след в советской истории как реальная возможность федерализации России.

Большевистская партия как никакая другая политическая структура соответствовала процессам самоорганизации новой политической системы России. Большевики лучше, чем их противники, владели искусством маневрирования своими чрезвычайно слабыми силами. Они смогли усиливать свое влияние, когда другие политические организации и государственные органы и структуры приходили в полное расстройство. Прежде всего, они смогли использовать форму Советов как классовую политическую организацию власти нового типа, не имеющей ничего общего с прежней государственной властью. При этом они опирались на полное разочарование политикой и самой организацией государственной власти в умонастроениях российского общества. Поэтому не случайна такая общая приверженность идеи власти Советов у рабочих и крестьян. Парламентаризму и традиционализму большевики откровенно и четко противопоставляли представления о новом политическом устройстве в духе социальной справедливости. Партийная диктатура нуждалась в Советах в качестве формы легитимации своей власти, и наоборот, Советская власть вне господствующего положения большевиков оказывалась несостоятельна и бессильна. Этого секрета власти так и не поняли другие социалистические партии, которые уповали на советскую демократию.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов. Стенографический отчет. М.-Л. 1927. С. 219.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 59. Оп. 1. Д. 39. Л. 1.
3. Экономическая жизнь. 1918. № 2. С.3.
4. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 78. Оп. 1. Д. 95. Л. 46.
5. НАРБ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 39. Л. 13.
6. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 82.
7. ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18. Л. 25–26.

А.В. Проценко, А.И. Бузила

РОЛЬ И ЗАЩИТА ОБРАЗА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ ПАМЯТИ РОССИИ

Аннотация. В статье анализируется аксиологическое и функциональное значение политики памяти о Великой Отечественной войне как фактора сохранения целостности российского политико-семантического и культурно-нравственного пространств. Обосновывается тезис о важнейшей роли политики памяти как ресурса для консолидации политической системы России, легитимации отдельных политических решений, приоритетов и целей политического развития, а также власти в целом. С учетом актуальных тенденций цифровизации политико-семантического пространства проанализированы и систематизированы внешние дезорганизующие коммуникативно-информационные практики, направленные на деконструкцию традиционных ценностей, усиление уровня конфликтности в российском обществе.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, политика памяти, историческая политика, символическая политика, цифровизация, конфликтность, манипуляции общественным сознанием.

THE ROLE AND PROTECTION OF THE IMAGE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE MODERN STATE POLICY OF THE MEMORY OF RUSSIA

Abstract. The article analyzes the axiological and functional significance of the policy of memory of the Great Patriotic War as a factor in maintaining the integrity of the Russian political-semantic and cultural-moral spaces. The thesis is substantiated about the most important role of the politics of memory as a resource for consolidating the political system of Russia, legitimizing individual political decisions, priorities and goals of political development, as well as power in general. Taking into account the current trends in the digitalization of the political-semantic space, external disruptive communicative and information practices aimed at deconstructing traditional values and increasing the level of conflict in Russian society are analyzed and systematized.

Keywords: Great Patriotic War, politics of memory, historical politics, symbolic politics, digitalization, conflict potential, manipulation of public consciousness.

Проблема восприятия и интерпретации прошлого сегодня занимает особенно важное место в политико-семантическом пространстве любого современного государства, так как восприятие прошлого являет собой устойчивую опору национальной, культурной, политической и, как итог, цивилизационной идентичности. Также историческая память в любом обществе выступает фактором консолидации и легитимности

политической системы. Политики, политические доктрины и течения, так или иначе, не способны обойтись без апеллирования к историческим реалиям прошлого. Именно прошлое, по сути, зачастую является ключевым ресурсом в легитимации отдельных политических решений, векторов политического движения и развития, а также власти в целом.

При этом историческая память также является значимой коллективной социокультурной ценностью и достоянием всего общества, защита которой от посягательств и искажений является важной задачей государства, лежит в плоскости обеспечения и защиты гражданских прав и свобод. Конструирование и реализация государственной политики в отношении исторической памяти является сегодня особым направлением внутренней политики.

Высочайшие темпы развития цифрового пространства и сетевых коммуникаций обусловили глобальные смысловые трансформации, следствием которых зачастую становятся феномены новой социальной реальности, выдвигающие на передний план и актуализирующие символическое пространство. Именно государственная политика памяти сегодня является ключевым компонентом организации и упорядочивания символического пространства на уровне конкретного государства и общества.

Наконец, исследователи говорят о влиянии технической революции, связанной с появлением новых средств электронной фиксации, хранения и воспроизводства информации, а, следовательно, искусственной памяти, на «мемориальный бум» [4, с. 12].

В этом отношении государству для укрепления, сохранения и воспроизводства культурно-нравственных основ общества и консолидации политической системы необходимо проводить системную, взвешенную и активную политику в этом направлении.

Существует по этому поводу несколько различных подходов к трактовкам и определениям данной деятельности. Часто исследователи употребляют термины «политика памяти» и «историческая политика».

Термин «историческая политика» возник как категория политической практики – сначала в 1980-х гг. в ФРГ, затем в 2000-х гг. в Польше; он обозначает определенный тип политики, использующей прошлое. По определению А. Миллера, историческая политика – это особая конфигурация методов, предполагающая «использование государственных административных и финансовых ресурсов в сфере истории и политики памяти в интересах правящей элиты». Интерпретируемая таким образом историческая политика оказывается частным случаем политики памяти, которую мы предлагаем понимать как деятельность государства и других акторов, направленную на утверждение тех или иных представлений о коллективном прошлом и формирование поддерживающих их культурной инфраструктуры, образовательной политики, а в некоторых случаях – еще и законодательного регулирования [4, с. 33].

А.А. Линченко считает, что государственная политика памяти продолжает оставаться одним из наиболее мощных факторов трансформации социального пространства, что особенно заметно сегодня в контексте мемориальных войн, инициирования политиками принятия мемориальных законов, использования прошлого как символического ресурса во внутривнутриполитической и внешнеполитической борьбе [3, с. 183–184].

Российский ученый Ж.Т. Тощенко отмечает, что феномен исторической памяти из стал одной из заметнейших новаций в воспроизводстве и консолидации общественного сознания в конце минувшего и начале XXI в. Из книжных описаний и некоторых националистических фантазий она шагнула в реальную жизнь, нашла отражение в массовых коммуникациях, стала одной из черт политической риторики, породила различные идеологические интерпретации, в том числе и в угоду эгоистических и экстремистских сил. В значительной степени это произошло в 1980–2000-е гг., в период значительных общественных потрясений, социальных катаклизмов, когда люди начали жить в условиях травмированного общества, потеряв прежние ценностные ориентиры и не обретая новые [7, с. 18]. Мемориальный бум последней трети XX века, отмечаемый в странах

Европы и Северной Америки, повлек за собой становление специфического поля «публичной истории» (public history), как способа социальной актуализации исторических знаний и формирование соответствующего междисциплинарного научного направления «исследования памяти» (memory studies). Дискуссии о прошлом начали приобретать повышенную политическую значимость, однако, причины этого разнятся от одной страны к другой [5].

Кроме того, стоит отметить, что инструментальный подход к политическому прошлому использование может быть использован не только в качестве конструирования определенного формата коллективной идентичности, но и для дезорганизации, целенаправленной эрозии и, как итог, деконструкции социально-политической и культурной структуры общества-мишени. Опасность и глубина социального вреда таких деструктивных действий определяется тем, что они направлены на подмену, искажения и зачастую замещение естественных, подлинных, исторически и культурно-присущих такому обществу ценностей. Тем самым инициаторы подобного воздействия на коллективное сознание пытаются добиться эффекта его «трансмутации», то есть модификации и пересмотра укорененных социальных установок.

В этих условиях государство, которое рационально и комплексно подходит к вопросам как сохранения, так и безопасности собственной политико-цивилизационной идентичности и самобытности, должно более чем серьезно подходить к вопросу об обеспечении эффективного смыслового оформления и функциональной реализации политики памяти.

Как отмечает российский социолог А. Семячко, важнейшим элементом, без которого трудно представить становление политической нации, есть некое «учредительное событие», за которое цепляется народная память. Так как историческая политика используется в первую очередь для легитимации действий существующей власти, а политика памяти – для формирования коллективной идентичности, которая призвана эту деятельность поддерживать, то в случае России мы можем говорить о наличии государственно поощряемого почитания победы в Великой Отечественной войне и частичного одобрения тех или иных действий советской власти в военный и иные периоды XX века [4].

Безусловно, в России базисным и фундаментальным основанием всего комплекса практик, освоения и трансляции государственной политики памяти является Великая Отечественная война. Это вполне закономерно, так как на фоне прочих сложных исторических периодов, имеющих различную коннотацию как в партийном спектре политического поля страны, так и среди различных групп населения и отдельных граждан, именно память о Великой Отечественной войне, пусть и с некоторыми ценностными отступлениями и смысловыми оттенками, все же так или иначе является главной консолидирующей и возвышающей идеей для абсолютного большинства россиян и граждан других государств на постсоветском пространстве.

Это связано во многом с тем, что долгое время в советской исторической науке, в общественном сознании царил сравнительно однозначная оценка: война была тяжелой, изнурительной, с огромными потерями, но это война спасла не только СССР, советский народ, но и все человечество от коричневой чумы. Тем не менее, стоит также отметить, что определенный перелом в трактовке Великой Отечественной войны наступил сначала в годы перестройки, он продолжился и в условиях новой России. Так как официальная политика все более склонялась, а потом и отказалась от социалистического прошлого, произошла гигантская дискредитация всего советского, что коснулось и Великой Отечественной войны [7, с. 19].

Так или иначе, на сегодняшний день Великая Отечественная занимает центральное место в политике памяти в РФ, она сегодня также – универсальный общественный язык, посредством которого можно выразить все что угодно, а Победа – практически неисчерпаемый ресурс символической ренты [5]. Тем более привлекательной становится память о ней для запуска дезорганизующих коммуникативно-информационных практик, целью

которых является ее трансмутация и деконструкция, ослабление ее как фактора консолидации или, по возможности, трансформации ее в фактор разобщения и конфликтогенности в российском обществе.

При этом следует выделить основные логико-семантических направлений такого дезорганизующего и деструктивного социально-политического дискурса, целью которого является искажение памяти о Великой Отечественной войне. Отметим, что данные направления в целом в той или иной степени характерны не только для РФ, но и для Украины, Белоруссии и других постсоветских стран.

Первым направлением, или смысловым блоком искажения является обесценивание самого образа Великой Победы и позитивно-патриотической коннотации 9 мая как главного государственного праздника. Основными аргументационными инструментами здесь являются утверждения, что события Великой Отечественной войны настолько по своей сути ужасны и антигуманны, а победа СССР была достигнута таким огромным количеством жертв, что из этого неэтично и негуманно в принципе делать позитивный культ и в любой форме использовать в качестве ценностного примера.

Вторым направлением можно считать попытки псевдорационального переосмысления исторических фактов и интерпретация их в невыгодном для РФ, как правопреемницы СССР, ракурсе. Одним из способов нивелирования значения вклада Советского Союза в победу над нацистской Германией является попытка отождествления двух противников в самой большой войне в истории. В данный блок вошли и примеры прямого сравнения, и информация о встречах лидеров, и легенды о совместных парадах. Сюда же можно отнести манипуляции вокруг подписания, содержания и итогов пакта «Молотова-Риббентроппа», попытки обосновать готовность и планы СССР начать войну против Германии первым, которые просто не успели воплотить, снижение роли, умаление личных и командных качеств выдающихся советских военачальников и т. д. В данную же канву укладываются и разнообразные манипулятивные логико-аргументационные конгломераты, выставяющие СССР оккупантом и агрессором после окончания Второй мировой войны.

Данное направление, возможно, является наиболее агрессивным и вредоносным, так как, по сути, мы имеем дело с попыткой привнесения в массовое сознание аналога германской «коллективной вины» за совершенные преступления, которая утвердилась в Германии после окончания войны. В РФ это направление приобретает формат популяризации дискурса общего позора, замены гордости на покаяние, приоритета безусловной вины и необходимости искупления.

Память о Великой Отечественной войне в такой смысловой призме принимает стигматизирующий характер, ее ключевой характеристикой становится передача следующим поколениям и укоренение в массовом сознании несмываемого клейма в российском прошлом.

При этом не стоит слишком увлекаться абстрактными иллюзиями о том, что такие нарративы возникают в российском обществе сами собой и являются естественным продолжением общественного самопознания, рождаясь на стыке научных исследований и воспроизводством коллективно-исторического опыта обществом.

Российский ученый В.А. Ачкасов отмечает, что современные массовые представления об истории не являются «естественной памятью», передаваемой от поколения к поколению, они – результат деятельности профессиональных агентов исторической политики [1, с. 109].

Наглядно продемонстрировано это утверждение в исследовании, проведенном аналитическим коллективом платформы мониторинга и анализа социальных медиа «Крибрум». Предметом исследования стали публикации, распространяемые в русскоязычном сегменте социальных медиа в период с 2014 года по настоящее время. В ходе исследования, выявлены признаки информационных кампаний, направленных на

дискредитацию роли Советского Союза, развенчание подвига Русского солдата и трансформацию праздника Победы. Важным элементом исследования стало выявление признаков «импорта повестки» за счет иностранных аккаунтов. В ходе исследования, выявлены признаки информационных кампаний, направленных на дискредитацию роли Советского Союза, развенчание подвига Русского солдата и трансформацию праздника Победы. Важным элементом исследования стало выявление признаков «импорта повестки» за счет иностранных аккаунтов [2].

В ходе исследования были выделены 5 лингво-смысловых блоков, распространяемых в сети с целью деконструкции и деформации позитивного, патриотического восприятия Великой Отечественной войны и связанных с ней смысловых конструктов – «Победобесие», «Нам нечем гордиться», «Отождествление коммунизма и фашизма», «СССР – виновник начала Второй Мировой войны» и «СССР / Россия – оккупант».

Для каждой темы была разработана лингвистическая модель, состоящая из нескольких десятков, а иногда сотен, запросов, позволяющих не только обнаружить необходимую информацию, но также исключить нерелевантные сообщения. Основной целью исследования является выявление и изучение закономерностей в распространении информации, содержащей признаки фальсификации истории ВОВ.

Среди основных выводов, полученных в ходе исследования, большая их часть подтверждает именно искусственный, инструментальный характер распространения подобных дискурсов и популяризации нарративов. Так, выяснено, что постоянный и значительный рост количества публикаций с недостоверными фактами о событиях Великой Отечественной войны полностью и прямо коррелирует с повышением трансляционной активности в распространении смысловых конструктов и публикаций со стороны зарубежных аккаунтов, что позволяет говорить об эффекте «импорта информационной повестки».

Также авторами особый акцент сделан на тот факт, что данное применение ложных, спорных и откровенно сфальсифицированных сообщений об исторических событиях и фактах особенно активно стало использоваться после событий на Украине в 2014 г., что свидетельствует об их сущности как фактора политического и геополитического прессинга на Россию и ее политическое руководство.

К примеру, с 2014 года 256 тысяч пользователей опубликовали сообщения с термином «победобесие» в социальных медиа, в аккаунтах СМИ и различного рода сообществах. Из них на начальном этапе большинство аккаунтов-трансляторов имело украинское происхождение (43 %), а российские занимали второе место (41 %). И лишь потом происходило изменение соотношения аккаунтов выход конструкта «победобесие» и постоянный рост импорта термина «победобесие» в информационное пространство российского сегмента сети Интернет. Мониторинг и анализ распространяя прочих контент-блоков продемонстрировал аналогичные результаты. Например, публикации по условной теме «СССР – виновник начала Второй Мировой войны» в период с 2014 г. по март 2020 г. распространяли более 150 тысяч авторов, 53 % из которых являются иностранными (Украина, Прибалтика, Казахстан) [2].

Таким образом, государственная политика памяти РФ о Великой Отечественной войне на сегодняшний день имеет общенародное общегосударственное значение, а коммуникативные практики по ее поддержанию служат залогом сохранения социокультурного облика России. При этом следует исходить из понимания того, что против этой политики ведется сегодня целенаправленная информационная война, направленная на подрыв естественных и устоявшихся положительно-патриотических интерпретаций этих событий, а социальные сети русскоязычного Интернета являются одним из наиболее ярко выраженных инструментов в процессе попыток извне переформатировать образ Великой Отечественной войны в социальной памяти россиян, что требует инновационных подходов по противодействию данным вредоносным практикам с учетом нового измерения социальной коммуникации в сети Интернет.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ачкасов В.А. «Политика памяти» как инструмент строительства постсоциалистических наций // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 4. С. 106–123.
2. Великая Отечественная война. Фальсификация истории. Манипуляции в социальных медиа // Материалы исследования. Крибрум. М., 2020. Режим доступа: <https://www.kribrum.ru/upload/buklet.pdf>.
3. Линченко А.А. Политика памяти как фактор регионального развития / А.А. Линченко // Стратегические инициативы социально-экономического развития хозяйствующих субъектов региона в условиях внешних ограничений. 2017. № 3. С. 181–184.
4. Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Миллер А. И., Ефременко Д. В. М.-СПб. : НесторИстория, 2018. 224 с.
5. Пахалюк К. К вопросу о политизации памяти о Великой Отечественной войне в современной Европе // Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/k-voprosu-su-o-politizatsii-pamyati-o-velikoy-otechestvennoy-voyne-v-sovremennoy-evrope/>.
6. Семячко А. Политика памяти: как и зачем государства формируют свою историю [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://special.theoryandpractice.ru/politics-of-memory>.
7. Тощенко Ж.Т. Что происходит с исторической памятью о Великой Отечественной войне? // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 18–22.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ СОВЕТСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА. ПОСЛЕДСТВИЯ РАСПАДА СССР

Т.Ю. Анпилогова

ГЕНЕЗИС ШКОЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СССР КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В 1930–1940-Е ГГ.

Аннотация. В статье проанализирован процесс развития исторического краеведения в контексте генезиса школьного исторического образования в СССР в 1930–1940-е гг. Сделан вывод о том, что трансформации в системе образования накануне Великой Отечественной войны стали следствием теоретической разработки и активной популяризации идеи гражданского воспитания, вызванной острой необходимостью государства в формировании гражданско-патриотической позиции советской молодежи, способной встать на защиту Родины.

Ключевые слова: школьное историческое образование, историко-краеведческая деятельность, идея гражданского воспитания, патриотическое воспитание, гражданская история в школе, история родного края.

THE GENESIS OF SCHOOL HISTORICAL EDUCATION IN THE USSR AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF LOCAL HISTORY ACTIVITIES IN THE 1930S–1940S

Abstract. The article analyzes the development of historical local history in the context of the genesis of school history education in the USSR in the 1930s–1940s. It is concluded that the transformations in the education system in the pre-war period were the result of the theoretical development and active popularization of the idea of civic education, caused by the urgent need of the state to form a civic-patriotic position of Soviet youth capable of defending the Motherland.

Keywords: school history education, local history activities, the idea of civic education, patriotic education, civic history at school, the history of the native land.

В условиях проведения Российской Федерацией Специальной военной операции особую актуальность приобретает проблема разработки эффективных средств гражданско-патриотического воспитания молодежи. Существенным фактором, позволяющим активизировать данный процесс, выступает развитие исторического краеведения как системы деятельности студентов и школьников, реализуемой в ходе образовательного процесса и организации досуга. Увеличение объема историко-краеведческого компонента в программной составляющей всегда обуславливалось трансформациями в школьном историческом образовании, вызванными конкретными политическими, идеологическими, социально-экономическими, социокультурными причинами. Становление школьного исторического образования в СССР началось в середине 1930-х гг. и было вызвано необходимостью разработки идеи гражданского воспитания, в основе которой должны были лежать не только постулаты марксизма-ленинизма, но и непосредственные знания отечественной и региональной истории.

Различным аспектам динамики историко-краеведческой деятельности в контексте развития школьного исторического образования посвящены работы отечественных ученых Г.И. Алабердиной, Л.П. Бушица, Е.Е. Вяземского, О.В. Гришаева, Е.Н. Медынского,

О.Н. Мясниковой, Е.И. Пометун и др. Анализ исторического опыта, полученного в переломные для СССР предвоенные и послевоенные годы, дает возможность выявить и обосновать прямую взаимосвязь между развитием школьного исторического образования и успешностью осуществления гражданско-патриотического воспитания детей и молодежи.

Основополагающим фактором, определявшим в 1930-е гг. содержание и направленность системы образования, являлась идеологическая концепция советского государства, декларировавшая необходимость скорейшего создания социалистического общества. Характеризуя нравственное воспитание школьников как одно из направлений коммунистического воспитания в указанный период, ученый Е.Н. Медынский отмечал: «Задачей коммунистического нравственного воспитания является подготовка мужественного гражданина социалистического государства, горячо любящего свою Родину, готового и умеющего защищать ее от врагов, подготовка человека общественного долга...» [6, с. 11]. Комплексное решение данной задачи предполагало формирование гражданско-патриотической позиции советской молодежи, что обуславливало необходимость использования средств историко-краеведческой деятельности.

Понятие идеи гражданского воспитания точно и максимально полно охарактеризовано в работе Е.Ю. Евдокимовой, определяющей данный концепт как «исторически, общественно, культурно обусловленное, находящееся в постоянном развитии в коллективном и индивидуальном сознании представление о целостном и закономерном процессе реализации форм, методов и средств формирования гражданственности, определяющее ценностные ориентиры и поведенческие стратегии индивида, а также задающее вектор развитию педагогической теории и практики гражданского воспитания» [4, с. 4]. Данный термин вошел в научно-педагогический обиход в предвоенный период, но наибольшее развитие указанная теория получила в послевоенные годы вследствие изменения «вектора развития образования с приоритетом гражданственности и появлением многообразных практик гражданского воспитания; общественным подъемом, пробуждением гражданского самосознания» [4, с. 4].

Закладывание основ гражданского (позже – гражданско-патриотического) воспитания в трудах ученых и педагогов происходило на фоне обострения международной напряженности, когда перед руководством СССР стояла задача максимального единения населения советских республик на основе формирования гражданского патриотизма. Ее реализация требовала пересмотра существующих в системе школьного и высшего образования учебных планов, и программ, придания значимости историческому образованию, идеологически обеспечивающему процесс гражданско-патриотического воспитания молодежи. С этой целью в начале 1930-х гг. государством была предпринята попытка ввести в преподавание обществоведения в школе отдельные исторические элементы. Однако она оказалась неэффективной в силу того, что школьными программами не было предусмотрено систематическое преподавание отечественной и зарубежной истории [3]. Следующим шагом по реформированию школьного исторического образования стало принятие 15 мая 1934 г. Совнаркомом СССР и ЦК ВКП(б) Постановления «О преподавании гражданской истории в школах СССР» [8]. Именно этот документ, по мнению ученого О.В. Гришаева, положил начало новому этапу в развитии исторической науки в СССР, поскольку «лавинообразно» «вызвал реформы в школьном и вузовском историческом образовании» [3]. В документе говорилось: «Решающим условием прочного усвоения учащимися курса истории является соблюдение историко-хронологической последовательности в изложении исторических событий с обязательным закреплением в памяти учащихся важных исторических явлений, исторических деятелей, хронологических дат. Только такой курс истории может обеспечить необходимую для учащихся доступность, наглядность и конкретность исторического материала, на основе чего только и возможны правильный разбор и правильное обобщение исторических событий, подводящее учащегося к марксистскому пониманию истории» [8, с. 369–370].

9 июня 1934 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) «О введении в начальной и неполной средней школе элементарного курса всеобщей истории, и истории СССР», а вскоре развернулась подготовка учебной литературы по истории под руководством Н.Н. Ванага. В качестве теоретиков концепции школьного исторического образования в процессе разработки учебников по отечественной истории выступили государственные деятели И.В. Сталин, С.М. Киров и А.А. Жданов [7, с. 124]. В своих замечаниях по поводу подготовленного конспекта учебника они отмечали недостаточное отображение роли региональной истории в контексте общеисторического процесса, подчеркивая, что рабочая группа «составила конспект русской истории, а не истории СССР, то есть истории Руси, но без истории народов, которые вошли в состав СССР (не учтены данные по истории Украины, Белоруссии, Финляндии и других прибалтийских народов, северокавказских и закавказских народов, народов Средней Азии и Дальнего Востока, а также волжских и северных районов, – татары, башкиры, мордва, чуваш и т. д.)» [5]. Данные замечания были впоследствии учтены другими авторами при подготовке школьных учебников по истории, а также «Краткого курса истории ВКП(б)», изданного в 1938 г.

Расширение содержания курса истории СССР за счет изучения истории союзных республик, несомненно, стало стимулом к изучению региональной истории. Кроме того, введение в процесс обучения новых курсов, наполненных идеей гражданственности, в сочетании с происходившим в этот период утверждением культа личности И.В. Сталина, способствовало обращению историков к изучению роли соратников генерального секретаря – военных и государственных деятелей – в событиях Великой Октябрьской революции, гражданской войны, развитии советского государства. Это привело к формированию культа «местных» героев – К.Е. Ворошилова, Ф.А. Сергеева, А.Я. Пархоменко и других, что также требовало активизации исследовательской деятельности учащейся молодежи с целью увековечения исторической памяти об этих исторических личностях.

Теория гражданского воспитания, получившая развитие в послевоенный период, была расширена многими учеными-практиками, демонстрировавшими возможность ее применения в сфере историко-краеведческой работы учащейся молодежи. События Великой Отечественной войны, продемонстрировавшие массу примеров героического поведения советских граждан на фронте и в тылу, стали объективным подтверждением необходимости активизации гражданского воспитания средствами школьного исторического образования. Ученый и педагог И.В. Гиттис в одном из первых в СССР учебников по методике обучения истории, вышедшем в 1945 г., отмечает: «Изучение истории пробуждает в душе человека лучшие гражданские чувства. Славное героическое прошлое родной страны вызывает чувство национальной гордости и любви к Родине» [2, с. 5]. По ее мнению основная цель обучения истории состоит в формировании у учащихся марксистско-ленинского мировоззрения, чувства патриотизма способности понимать прошлое и настоящее своей Родины, любить ее и служить ей [2, с. 5, 9].

Н.В. Андреевская и В.Н. Бернадский в изданной в 1947 г. «Методике преподавания истории в семилетней школе» уделили важное место внеклассной работе по «истории местного края» [1, с. 213]. «Образовательная ценность изучения местной истории, – писали авторы, – заключается прежде всего в конкретизации истории. Ее воспитательное значение – в укреплении и развитии интереса к своему краю, к той части Родины, с которой связан учащийся и в которой отражается история Великой родины» [1, с. 213]. По их мнению, формирование любви и интереса к родному краю имело важное значение для воспитания советского патриотизма. В качестве возможных форм работы школьников, осуществляемой во время внеклассной работы под руководством учителей, студентов-практикантов, вожатых, рекомендовалось использовать чтение краеведческой литературы, коллекционирование, запись легенд и песен, зарисовки памятников старины, съемки краеведческих планов, посещение местных музеев, экскурсии по району, участие

в археологических раскопках, создание школьных музеев местного края, работу в краеведческих кружках или кружках юных историков при местных музеях [1, с. 213]. Ученые утверждали, что начало историко-краеведческой работы должно быть заложено при прохождении начального курса истории СССР, конкретизация которого требует от преподавателя тщательного собирания и продуманного использования всего местного исторического материала [1, с. 213]. Анализируя возможности исторического краеведения по формированию системы гражданского воспитания, А.Ф. Родин в пособии по внеклассной краеведческой работе (1954 г.) отмечал: «На местных памятниках можно более доступно и ярко осветить исторические события, добиться более ясного и живого понимания детьми истории борьбы за создание многонационального государства, истории нашей борьбы за независимость Родины, за создание великой культуры народов, населяющих нашу страну...» [10, с. 14].

Содержание историко-краеведческой деятельности предполагало разработку широкого тематического спектра – начиная от первобытной эпохи и заканчивая победой в Великой Отечественной войне. Следует отметить, что указанное издание Н.В. Андреевской и В.Н. Бернадского, носившее характер учебного пособия для студентов учительских институтов, включало в себя первые научно-теоретические разработки по проблемам советской методики преподавания истории – науки, основы которой только закладывались в 1940-е гг. Необходимым условием дальнейшего развития методики преподавания различных дисциплин в последующий период стал «переход от методических разработок и методического комментирования отдельных тем школьного курса к обобщению лучшего опыта школ» [9, с. 424].

Значимая роль в развитии идеи гражданско-патриотического воспитания обучающихся средствами исторического краеведения принадлежала педагогу В.А. Сухомлинскому, разработавшему теорию всесторонне развитой личности. «Всесторонне развитый человек, – писал ученый, – это гражданин-патриот социалистического Отечества, мужественный защитник родной земли, идейно убежденный борец за осуществление коммунистических идеалов, честный, умелый, влюбленный в свое дело труженик, коллективист, культурная личность...» [12, с. 97]. Одной из ведущих проблем формирования всесторонне развитой личности он считал воспитание патриотического сознания, чувств и убеждений, что неразрывно связано с умственным, нравственным, трудовым, идейно-мировоззренческим, эстетическим, эмоциональным становлением личности. В.А. Сухомлинский трактовал патриотизм как «деятельную устремленность сознания, воли, чувств, как единство мысли и дела» [12, с. 140]. Раскрывая методы формирования советского патриотизма средствами исторического краеведения, В.А. Сухомлинский констатировал, что учащиеся с большим интересом слушают рассказы «о далеком прошлом» родного края, путешествуют по памятным местам [12, с. 149]. Источник патриотизма он видел, прежде всего, в любви к родному краю, начинающейся с истории семьи каждого гражданина, памяти о тех ее членах, которые героически погибли на фронте [11, с. 32]. Ученый считал, что человек становится гражданином только тогда, когда живет судьбой своего Отечества, интересуется его историей [12, с. 156–157].

Таким образом, анализ источников и теоретико-методологической базы исследуемой проблемы позволяет сделать следующие выводы. Необходимость сплочения советского общества в условиях утверждения культа личности и международной напряженности 1930-х гг. стала одной из причин разработки учеными-педагогами теории гражданского воспитания, что повлекло за собой изменения в учебных планах общеобразовательной школы. Наметившаяся в послевоенный период тенденция по включению элементов историко-краеведческого компонента в курс гражданской истории, связанная с зарождением в СССР методики обучения истории, нашла свое отражение в трудах ученых и педагогов, формировавших образ отечественной педагогики и в последующие годы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреевская Н.В., Бернадский Н.В. Методика преподавания истории в семилетней школе. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР, 1947. 216 с.
2. Гиттис И.В. Методика начального обучения истории. Учебник для педагогических училищ. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР, 1945. 116 с.
3. Гришаев О.В. Историческая наука и образование в СССР в середине-второй половине 1930-х годов // *Via in tempore. История. Политология.* 2014. № 15 (186). <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskoe-obrazovanie-i-istoricheskaya-nauka-v-sssr-v-kontse-1920-nachale-1930-h-godov> (дата обращения: 02.05.2022).
4. Евдокимова Е.Ю. Развитие идеи гражданского воспитания в советской педагогике (1950 – 1960-е гг.) : автореф. дис. на соиск. науч. степ. канд. пед. наук : спец. 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования» / Евдокимова Евгения Юрьевна; ФГБНУ Институт стратегии развития образования Российской академии образования. М., 2019. 28 с.
5. Замечания по поводу конспекта учебника по «Истории СССР» // *Правда.* 1936. 27 января. https://istmat.org/files/uploads/57576/zamechaniya_po_povodu_konspekta_uchebnika_po_istorii_ssr_s_talin_zhdanov_kirov_34_g.pdf (дата обращения: 19.11.22).
6. Медынский Е.Н. Народное образование в СССР. М.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1952. 260 с.
7. Мясникова О.Н. Основные принципы школьного исторического образования в СССР в доперестроечный период // *Альманах современной науки и образования.* Грамота. 2007. № 7 (7). Ч. I. С. 124–128.
8. О преподавании гражданской истории в школах СССР (Из Постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) // КПСС о культуре, просвещении и науке: сборник документов. М. : Издательство политической литературы, 1963. С. 369–370.
9. Очерки истории педагогической науки в СССР (1917–1980). М.: Педагогика, 1986. 287 с.
10. Родин А.Ф. История родного села. М.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1954. 168 с.
11. Сухомлинский В.А. О некоторых сторонах воспитания советского патриотизма // *Избранные произведения в пяти томах. Том пятый.* К.: Радянська школа, 1979. С. 31–37.
12. Сухомлинский В.А. Проблемы воспитания всесторонне развитой личности // *Избранные произведения в пяти томах. Том первый.* К.: Радянська школа, 1979. С. 59–220.

М.А. Бурьян, Л.Н. Якименко

ЮЖНЫЙ КАВКАЗ В РАБОТАХ ЗБИГНЕВА БЖЕЗИНСКОГО: СМЕЩЕНИЕ ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИХ АКЦЕНТОВ

Аннотация. После распада СССР на постсоветском пространстве активизировались геополитические противники России, среди которых Европейский Союз и США, претендовавшие на доминирование в тех регионах, которые представляли экономический и военно-политический интерес. В первую очередь речь идет о Южном Кавказе, регионе, богатом нефтью, газом, другими полезными ископаемыми, а также занимающем выгодное географическое положение с точки зрения транспортировки на восток и запад «черного золота» и газа. Американский политик, аналитик, стратег Збигнев Бжезинский много внимания уделял выработке внешнеполитического курса официального Вашингтона по отношению к южно-кавказским республикам, доказывал необходимость экономического и военного присутствия США в регионе, обосновывал свою позицию историческими параллелями и геостратегическими аргументами, анализу и обобщению которых посвящена статья.

Ключевые слова: Южный Кавказ, Збигнев Бжезинский, геополитика, нефть, нефтепроводы, Азербайджан, Армения, Грузия, Россия.

THE SOUTH CAUCASUS IN THE WORKS OF ZBIGNIEW BRZEZINSKI: SHIFTING GEOSTRATEGIC ACCENTS

Abstract. After the collapse of the USSR, Russia's geopolitical opponents became more active in the post-Soviet space, including the European Union and the United States, which claimed dominance in those regions that were of economic and military-political interest. First of all, we are talking about the South Caucasus, a region rich in oil, gas, and other minerals, as well as occupying an advantageous geographical position in terms of transportation of hydrocarbons to the east and west. American politician, analyst, strategist Zbigniew Brzezinski paid a lot of attention to the development of the foreign policy course of official Washington in relation to the South Caucasus republics, argued the need for the economic and military presence of the United States in the region, justified his position with historical parallels and geostrategic prophecies, the analysis and generalization of which is devoted to the article.

Keywords: South Caucasus, Zbigniew Brzezinski, geopolitics, oil, oil pipelines, Azerbaijan, Armenia, Georgia, Russia.

Збигнев Бжезинский – один из ведущих идеологов внешней политики США, в свое время – советник по национальной безопасности в период президентства Дж. Картера, советник и член правления Центра стратегических и международных исследований Школы углубленных международных исследований при университете Дж. Гопкинса, тактик и стратег, аналитик, который построил свою политическую карьеру на антисоветской пропаганде. Именно поэтому его научно-аналитические работы во многом можно рассматривать как своеобразный компас внешнеполитического курса Соединенных Штатов и барометр политических настроений на определенном промежутке времени. Книги Зб. Бжезинского «Великая шахматная доска» [1], «Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство» [2], «Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы» [3] давно стали политическими бестселлерами. Во многом они позволяют сориентироваться в тенденциях, векторах и стратегических целях единственной после распада СССР (1991) сверхдержавы на мировой арене – США. В связи с этим представляется важным проследить закономерность, системность, периодичность и контекст упоминаний Зб. Бжезинским некоторых регионов бывшего Советского Союза, каковым является Южный Кавказ, а также вникнуть в его анализ исторических событий.

Безусловно, с момента распада СССР Россия как геополитический лидер Евразии не перестала (да и не перестанет никогда) внушать страх и опасение не только официальному Вашингтону, но и странам, которые с радостью обогнали бы его в забеге под названием «мировое господство», в первую очередь – Европейскому Союзу и Китаю. Но вместе с тем от СССР откололись, приобретя независимость, не только республики, но и целые регионы, что, в конечном итоге, привело к ослаблению России в целом и изматыванию ее экономики, истощению природных ресурсов и к увеличению человеческих жертв в борьбе за некоторые из них. В первую очередь речь, конечно же, идет о многострадальном регионе Южного Кавказа. Интерес к нему не ослабевает уже столетиями, четко прослеживается он и в работах Зб. Бжезинского, более того – он возрастает накануне или в периоды военно-политической активизации Вашингтона в этой части Евразии.

Американский аналитик польского происхождения очень четко и аргументировано объясняет тот факт, что контроль над этим регионом позволит Соединенным Штатам иметь доступ к полезным ископаемым, включая золото и огромные запасы газа и нефти, определять пути транспортировки последних на европейский, малоазийский и дальневосточный рынки сбыта, желательны для Белого дома – в обход российской территории, диктовать цены на нефть и газ во всем мире, расположить военно-воздушные силы в непосредственной близости к границам России или других, нелояльных или недружественных по отношению к США, стран и т. д.

Такие радужные перспективы и безусловная выгода от проникновения в регион заинтересовала не только правительственные структуры, но и частный бизнес. Зб. Бжезинский лично сделал очень много для того, чтобы американские нефтяные компании получили право на добычу нефти в азербайджанском секторе Каспийского моря, подписав с официальным Баку при президенте Г. Алиеве так называемый «контракт века» (1994).

На первый взгляд, все перечисленные аргументы – это все прописные истины, но, как оказалось, в 1990-х гг. политическая элита США имела свое мнение по этому поводу, так как в Сенате было много политиков, лоббирующих интересы армян в разрешении нагорно-карабахского конфликта в пользу Еревана. В связи с этим экономическое сотрудничество между Вашингтоном и Баку тормозилось 907 поправкой к Акту о поддержке свободы, отрицательное воздействие которой, по мнению Зб. Бжезинского, сказывалось на реализации стратегических задач Белого дома в Южном Кавказе.

«Такое дробление внешней политики, – пишет он, – оказывает негативное влияние на американские национальные интересы» [3, с. 197]. Аналитик пугает последствиями этой недальновидной политики: у Москвы может возникнуть соблазн «возобновить давление на Грузию и Азербайджан в расчете заставить их отказаться от намерения примкнуть к европейскому сообществу, а также активизировать попытки воспрепятствовать долговременному военно-политическому присутствию США в регионе» [1, с. 104], ведь «Россия проявляет агрессивное стремление монополизировать пути международного доступа к энергетическим ресурсам» [2, с. 103]. Вследствие чего, по мнению Зб. Бжезинского, миссия Вашингтона должна сводиться к тому, чтобы обеспечить бесперебойную поставку каспийской нефти и газа на мировые рынки в обход России, вытеснить ее из региона, минимизировать влияние Кремля на внешнеполитический курс закавказских республик – Азербайджана, Армении и Грузии. Этого можно достичь, приходит к выводу американский стратег, только путем экономического, политического и военного присутствия США в этих странах и за счет наличия мощных рычагов давления как на них, так и на саму Москву.

Один из таких рычагов был найден: это нефтепровод Баку – Джейхан, воспетый Зб. Бжезинским не только как удачный и прибыльный экономический проект, но и как важный геополитический и геостратегический объект. Во-первых, «нефтепровод Баку – Джейхан является важным подспорьем для усилий Европы (также, как и Америки) диверсифицировать свои энергетические источники» [2, с. 125], во-вторых, он даст «Западу прямой доступ к каспийской и среднеазиатской нефти» [2, с. 124], в-третьих, «Азербайджан и его закаспийские соседи получают независимый канал связи с мировой экономикой» [2, с. 103]. Таким образом, все будут иметь выгоду, а Россия понесет большие убытки, в чем, в конечном итоге, и заинтересованы США.

Анализируя научные работы Зб. Бжезинского, в которых так или иначе речь идет о Южном Кавказе, можно проследить интересную взаимозависимость и взаимообусловленность: частота упоминания о нем и о закавказских республиках прямо пропорциональна активности здесь Белого дома и транснациональных корпораций. Складывается впечатление, что ученый предоставляет мощное аналитико-информационное сопровождение действиям Вашингтона и Пентагона в регионе, реализуя, в какой-то мере, просветительскую и пропагандистскую функцию.

С одной стороны, для политической элиты и нефтяных магнатов Южный Кавказ настолько важен с геостратегической и геополитической точек зрения, что американское присутствие в нем абсолютно закономерно, ожидаемо и обусловлено многими факторами, а с другой – оно же требует капиталовложений и перераспределения денег налогоплательщиков на нужды военных и на кредиты закавказским республикам, на строительство нефтепроводом и т. д. Но далекий от всего этого, среднестатистический американский обыватель, который с трудом покажет на карте Россию, не то чтобы

Армению или Азербайджан, выскажет свое неудовлетворение уменьшением финансирования социальной сферы и увеличение льготных займов для постсоветских республик. Именно поэтому Зб. Бжезинский постарался довольно-таки простым, доступным, понятным языком, аргументируя свою позицию (а значит, и позицию Вашингтона) очень убедительными доводами, делая экскурсы в историю, проводя параллели между современностью и прошлым, пугая серьезными последствиями в случае американского вмешательства в дела Кавказа, донести до политиков-оппозиционеров и до простых людей идею важности региона для США, показать историческую предопределенность шагов Белого дома в направлении усиления здесь своих позиций.

Тем более интересен и показателен тот факт, что в одной из своих последних работ «Стратегическое видение. Америка и кризис мировой власти» (2012) [4]. Кавказский регион как географическое название не упоминается совсем, Азербайджан – дважды, Армения – не упоминается совсем, зато Грузия и Абхазия – одиннадцать раз. Более того, упоминание об Азербайджане и о транспортировке нефти и газа в Европу (нефтепроводы Баку – Тбилиси – Джейхан, Баку – Тбилиси – Эрзурум) привязано уже не к контролю над Каспием (на тот момент это уже было не актуально, так как европейским и американским компаниям удалось получить всевозможные патенты на добычу нефти и газа в этом море), а к упрочнению в регионе позиций американской протекте – Грузии и укреплению дружеских отношений между Вашингтоном и Тбилиси, ведь именно Грузия является связующим звеном при доставке нефти на Запад и поддается давлению со стороны России (особенно после событий 2008 г.).

Смещение акцента с Азербайджана и Армении на Грузию, на первый взгляд, закономерно – первый более чем лояльно настроен по отношению к Белому дому (к этому немало усилий приложил и сам Зб. Бжезинский), позиция второй – относительно пророссийская, – на тот момент, значит, антиамериканская, к ней еще не выработали единого подхода (возможно, в связи с сильным проармянским лобби в Конгрессе США), а вот Грузию Вашингтону терять не хотелось, если учесть, какими были капиталовложения в ее экономику в период президентства М. Саакашвили. Из этого следует, что интерес к этой закавказской республике не только не ослабнет, но и возрастет, как и возрастут расходы на укрепление дружбы США и Грузии.

Чтобы доступно объяснить американцам и европейским партнерам: «Зачем?» – на выручку приходит Зб. Бжезинский. Четкий алгоритм причинно-следственных связей снимает этот вопрос: Запад зависит от азербайджанской нефти, которая транспортируется по территории Грузии нефтепроводами, построенными на американские деньги. Если же Россия «захватит» Грузию, то будет угрожать Азербайджану, а тот в одиночку не сможет ей противиться. В результате, та нефть, что должна наполнить мультимодальные коммуникации, окажется в руках Кремля. Как следствие, все те усилия и денежные средства, которые были потрачены на проникновение США в Южно-Кавказский регион на протяжении последнего десятилетия, сведутся к нулю. Допустить этого никак нельзя, поэтому надо помогать Грузии. Что и требовалось доказать.

Таким образом, в научно-публицистических трудах известного американского аналитика и политического деятеля Зб. Бжезинского большое внимание уделяется Южному Кавказу, но вместе с тем прослеживается четкая взаимозависимость между активизацией внешнеполитической деятельности США в регионе и проблемно-тематической направленностью его работ. Проникновение транснациональных корпораций на Каспий, азербайджано-армянские противоречия и война за Нагорный Карабах, отмена 907 поправки, финансовая помощь Баку, Еревану и Тбилиси – эти и другие вопросы раскрываются в контексте упрочнения позиций США как глобального лидера, мировой сверхдержавы, которая сможет удержаться в этом статусе только при условии контроля за геополитически и геостратегически важными регионами, к которым принадлежит и Южно-Кавказский регион.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 2002. 256 с.
2. Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М.: Международные отношения, 2007. 288 с.
3. Бжезинский З. Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. М.: Международные отношения, 2007. 240 с.
4. Бжезинский З. Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис; пер. с англ. М. Десятовой. Москва: АСТ, 2013. 285 с.

А.А. Воробьев

БОРЬБА БЕЛОРУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА ПРОТИВ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПАРТИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Аннотация. Публикация посвящена изучению борьбы белорусского крестьянства против внутренней политики большевистской партии в первые годы советской власти. На основе изученных источников автор пришел к выводу о том, что крестьяне белорусских губерний достаточно активно выступали против проводимой большевистской партией внутренней политики, особенно это касалось создания сельскохозяйственных коммун, комитетов крестьянской бедноты (комбедов) и главного элемента экономической политики «военного коммунизма» – продовольственной разверстки (продразверстки).

Ключевые слова: белорусские крестьяне, комбеды, продразверстка, большевистская партия, сельскохозяйственные коммуны.

THE STRUGGLE OF THE BELARUSIAN AGAINST THE DOMESTIC POLICY OF THE BOLSHEVIK PARTY IN THE FIRST YEARS OF SOVIET POWER

Abstract. The publication is devoted to the study of the struggle of the Belarusian peasantry against the domestic policy of Bolshevik party during the first years of Soviet power. On the basis of the studied sources the author has come to the conclusion that the peasants of Belarusian provinces were actively opposing the domestic policy of Bolsheviks, especially concerning the creation of agricultural communes, committees of poor peasants and the main element of economic policy of "war communism" – compulsory requisitioning.

Keywords: Belarusian peasants, committees of poor peasants, compulsory requisitioning, Bolshevik Party, agricultural communes.

Захватив власть в России в конце 1917 года, большевистская партия сразу же начала широкомасштабные преобразования во всех сферах. Не стало исключением и сельское хозяйство, так как подавляющее большинство населения России было представлено крестьянством. Еще на втором Всероссийском съезде Советов пробольшевистское большинство депутатов приняло декрет о земле, главным положением которого было проведение национализации всех земель. Ликвидация помещичьего землевладения была выгодна всему крестьянству России, так как и кулаки, и середняки и бедняки надеялись получить часть помещичьих земель в собственность без всякого выкупа, как говорилось в декрете о земле. Первоначальный успех большевистской партии в сфере сельского хозяйства создал у ее лидеров, включая и В.И. Ленина, иллюзию полной поддержки крестьянством России всех большевистских новаций в экономической сфере. Однако довольно скоро большевистское руководство убедилось, что крестьянство поддержало их партию только

до той поры, пока большевики не затронули сильно его интересы. Столкнувшись с началом проведения большевистской партией экономической политики «военного коммунизма», крестьяне встали на путь борьбы, как против этой экономической политики, так и большевистской партии.

Партия большевиков встала на путь построения в России социализма, а затем и коммунизма, что нашло отражение и в переименовании официального названия партии с РСДРП(б) на РКП(б), т. е. с социал-демократической партии на коммунистическую. Одним из первых экономических экспериментов большевиков в сфере экономики стало создание коммун, как производственных подразделений. Создание сельскохозяйственных коммун и трудовых артелей происходило в сельской местности страны, так как подавляющее большинство населения России являлось крестьянством. Этот процесс, как и в целом все большевистские преобразования, был прерван февральским 1918 года немецким наступлением, в ходе которого германские войска захватили всю Минскую и большинство территории Витебской и Могилевской губерний Беларуси. До этого в ходе Первой мировой войны немецкими войсками в 1915 году были оккупированы Гродненская и Виленская губерния. Процесс создания большевиками сельскохозяйственных коммун на неоккупированной немцами территории белорусских земель начался еще в период немецкой оккупации и стал объектом освещения в тогдашней прессе. Так, издававшаяся в Смоленске газета под специфическим названием «Бедняк» отмечала в октябре 1918 года, что в Могилевской губернии было создано к указанному времени двадцать восемь коммун, в основном в Мстиславском и Климовичском уездах, а в Витебской губернии было только две коммуны (и обе находились в Велижском уезде). Каждая коммуна имела в среднем 50–60 членов, а почти все коммуны были расположены на территории бывших помещичьих имений [1]. Однако информация газеты «Бедняк» была не совсем полной, ибо нам удалось найти сведения о создании летом 1918 года еще двух сельскохозяйственных коммун в Витебском уезде. Так, первая коммуна была создана в пригородном (т. е. в пригороде Витебска) монастырском имении Шидловщина. В составе этой коммуны было двадцать крестьянских семейств. В деревне Болтки Витебского уезда также была создана коммуна, которая состояла из ста восьмидесяти крестьян этой деревни [4, с. 201–202].

По мере вывода немцами своих войск с оккупированных территорий России, на освобожденных от оккупантов землях также создавались сельскохозяйственные коммуны. Так, на территории Беларуси, в Невельском уезде Витебской губернии, которая отставала от других губерний страны по числу сельхозкоммун и трудовых артелей, была создана новая коммуна, в которую вошли исключительно безземельные крестьяне, а возглавил новую коммуны агроном. На всей территории Невельского уезда большевики отняли у помещиков их имения и всех их выселили в одну «трудовую коммуны». В Хотимской волости Климовичского уезда Могилевской губернии также была создана новая трудовая коммуна в бывшем имении князя Оболенского. Членами коммуны стали одиннадцать человек, которые, по свидетельству прессы, сразу же приступили к работе на земле [2].

После окончания Первой мировой войны и полного вывода немецких оккупационных войск со всех ранее занятых ими территорий Советской России, большевики продолжили и ускорили создание на освобожденных землях сельскохозяйственных коммун и трудовых артелей. Так, на территории Витебской губернии к середине ноября 1918 года были созданы 1 417 коммун [3]. Создание сельскохозяйственных коммун было не единственным способом большевистской партии обрести себе надежную опору среди крестьянства. Для большего привлечения на свою сторону беднейшей прослойки крестьян большевики инициировали создание в деревнях и селах страны комитетов бедноты (комбедов). Создание комбедов приобрело значительно больший масштаб, нежели создание сельхозкоммун по причинам, о которых речь пойдет в заключительной части публикации. Так, еще в июле 1918 года исполком Сенненского уездного Совета крестьянских депутатов Витебской губернии принял постановление, согласно которому в уезде признавалась необходимость скорейшего создания комитетов деревенской бедноты путем реорганизации существовавших деревенских комитетов с удалением из них всех кулацких

элементов, где таковые имелись. Также в июле 1918 года на общем собрании деревенской бедноты местечка Яновичи Витебской губернии была принята резолюция, в которой говорилось следующее: 1) организовать комитет бедноты и безземельных, который бы повел беспощадную борьбу с кулаками и равномерно распределил бы землю и покосы между беднотой и безземельными; 2) ходатайствовать перед губернским исполкомом об отпуске средств для комитета бедноты и об отпуске сельскохозяйственных орудий и мануфактуры для распределения между нуждающимися [4, с. 412–413].

Советы крестьянских депутатов Климовичского, Мстиславского и Чериковского уездов Могилевской губернии в конце июля 1918 года приняли постановления, в которых говорилось о том, что нужно немедленно провести в жизнь декрет об организации комитетов деревенской бедноты путем реорганизации существующих деревенских комитетов, удаляя оттуда все кулацкие элементы [4, с. 414]. В плане выполнения указанных постановлений в восьми волостях Чериковского уезда вскоре были созданы комбеды. В Братковичской волости было создано восемь комбедов: в окрестности Скалин, деревне Савиничи, деревне Кривая Нива, селе Братковичи, деревне Какойск, селе Осово, деревне Забычанье и окрестности Кривая Нива. В Старинской волости было создано четырнадцать комбедов, в Ново-Ельнинской волости – девятнадцать, в Лобановской – четыре, в Кричевской – восемь, в Комаровичской – десять, в Краснопольской – 1 (было указано – покамест) и в Палужской волости – тридцать пять комбедов. Во всех волостях, кроме первой (Братковичской) не были указаны населенные пункты, в которых были созданы комбеды [4, с. 224]. Созданию комбедов противилась значительная часть зажиточного крестьянства, так в Веляшковской волости Витебской губернии на кулаков был наложен штраф в размере 46 тысяч рублей за попытку разогнать собрание, на котором выбирался комбед [3].

Значительная часть белорусского крестьянства, причем не только зажиточного (кулачества), а и крестьян-середняков, крайне отрицательно восприняла проведение большевистской партией продовольственной разверстки (продразверстки), сопровождавшейся практически полной конфискацией у крестьян выращенного ими урожая сельскохозяйственных культур. Политика продразверстки привела к крестьянским восстаниям на территории, как всей России, так и белорусских губерний. В ноябре 1918 года крестьянское восстание началось на территории Велижского уезда Витебской губернии (ныне Велижский район находится в составе Смоленской области). Восстание быстро перекинулось на соседний Городокский уезд Витебской губернии, охватив Тиостянскую, Горковскую, Зайковскую, Веречскую, Вышедскую, Стайковскую, Дубокрайскую и Старинскую волости этого уезда [4, с. 380]. Восставшие взяли в Велижском уезде уездный центр (город Велиж) и местечко Усвяты (второй по величине населенный пункт данного уезда). Затем восстание охватило пять волостей Невельского уезда Витебской области, Веляшковскую волость Витебского уезда и оттуда перекинулось в Полоцкий уезд, а из Велижского уезда восстание распространилось и на Поречский уезд Смоленской губернии (ныне это Демидовский район Смоленской области). Для опознавания своих и чужих все восставшие крестьяне были одеты в одинаковые полушубки с белыми повязками на рукавах (может быть кто-то из руководителей восставших хорошо знал всемирную историю и позаимствовал опыт восстания «желтых повязок» в Китае) [5; 6].

Однако все эти восстания крестьян белорусских губерний были подавлены большевиками с помощью верных им частей новой, Красной армии, а сами восставшие понесли жестокое наказание за свои действия. Так, только Городокский уездный исполнительный комитет Советов рабочих и крестьянских депутатов постановил: за организованное контрреволюционное восстание против советской власти, избиение и убийство представителей Советской власти наложить на кулачество и контрреволюционный элемент указанных волостей контрибуцию в размере 2 миллионов рублей. Контрибуция была распределена следующим образом: 1) Вышедская волость – 500 тысяч рублей; 2) Зайковская волость – 400 тысяч рублей; 3) Дубокрайская волость – 400 тысяч рублей;

- 4) Стайковская волость – 200 тысяч рублей; 5) Горковская волость – 150 тысяч рублей;
- 6) Тиостянская волость – 150 тысяч рублей; 7) Веречская волость – 100 тысяч рублей;
- 8) Старинская волость – 100 тысяч рублей [4, с. 318].

Подводя итоги всему вышеизложенному, можно сделать следующие выводы: сельскохозяйственные коммуны создавались большевиками на территории белорусских губерний, как правило, на базе конфискованных помещичьих имений, хозяева которых выселялись; подавляющее количество коммунаров составляли безземельные или малоземельные крестьяне, им иногда в помощь, как это было указано в газете «Бедняк», давали агрономов, которые являлись специалистами в сфере сельского хозяйства и могли руководить малограмотными или же вовсе неграмотными крестьянами; сельхозкоммуны, составленные из безземельных крестьян, существовали только до тех пор, пока в бывших помещичьих имениях были запасы продовольствия и сельскохозяйственного инвентаря и орудий труда, а, когда все приедалось или ломалось, коммуны распадались; распад коммун был закономерным, так как из безземельных крестьян хозяева были очень неважные, если не сказать, что никудышные; на то, что безземельные крестьяне-коммунары были плохими работниками указывает тот факт, что в деревне Заборье Палужской волости Чериковского уезда Могилевской губернии крестьяне-кулаки упразднили комбед (т. е. комитет крестьянской бедноты), заявив, что и без него ладно: «куда им, голоштанникам, своего хозяйства не умели завести, а еще лезут делами общества править» [7]; думается, сами большевики тоже не испытывали никаких иллюзий насчет жизнеспособности создаваемых ими сельскохозяйственных коммун, а пошли по этому пути только потому, что хотели привлечь на свою сторону симпатии беднейшей части российского крестьянства за счет того, что дали ему возможность осуществить его же вековой лозунг – «грабь награбленное», а когда грабить стало нечего, то не стало и коммун; исчерпав возможности коммун, большевики нашли новое направление деятельности для беднейшего крестьянства в лице комбедов, нацелив в их лице беднейшую часть крестьянства уже на его зажиточную часть (кулачество) и, отчасти, на середняков; комбеды тоже оказались нежизнеспособными, как и коммуны, ввиду чего они исчезли вскоре после окончания в советской России гражданской войны; наибольшее же недовольство всех крестьян России, включая и крестьянство белорусских губерний, вызывала политика продразверстки с ее конфискациями у крестьян практически всего выращенного ими урожая; именно против продразверстки и восставали крестьяне всей советской России, включая и крестьянство указанных в публикации волостей белорусских губерний; следует отметить, что большевики не смогли извлечь должного опыта из деятельности созданных ими сельскохозяйственных коммун и комбедов, а также проведения политики продразверстки, и в конце 1920-х годов пошли на создание колхозов; создание же колхозов привело к тому, что Россия, занимавшая первое место в мире по экспорту зерна в начале XX столетия, превратилась в конце XX столетия в страну (СССР), которая стала первым в мире импортером зерновых; эта пагубная практика была прекращена совсем недавно, когда нынешняя Российская Федерация восстановила свой статус одного из главных в мире производителей хлеба.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бедняк. 1918. 15 октября.
  2. Бедняк. 1918. 26 октября.
  3. Бедняк. 1918. 29 октября.
  4. Документы и материалы по истории Белоруссии, т. IV: Из истории установления Советской власти в Белоруссии и образования БССР / ред. кол.: А.И. Азаров, В.Н. Жигалов, И.С. Кравченко и др. Мн.: изд-во АН БССР, 1954. 516 с.
  5. Западная коммуна. 1918. 15 ноября.
  6. Известия Витебского губернского Совета крестьянских, рабочих, красноармейских и батрацких депутатов. 1918. 29 ноября.
- Бедняк. 1918. 2 декабря.

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКОЙ ДИПЛОМАТИИ
В СПЕЦИАЛЬНЫХ ОРГАНАХ ООН ПО ВОПРОСУ ОБ ИСКОРЕНЕНИИ
МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА, 1972–1991 ГГ.**

Аннотация. 50-летняя история работы ООН по противодействию международному терроризму демонстрирует глубокий раскол в восприятии данного феномена странами-членами организации. Раскол этот восходит к эпохе колониализма и последующему процессу деколонизации, не завершённому и в наши дни. Главные линии противостояния, существующие сегодня, ярко проявили себя уже в первые десятилетия работы специальных органов Организации.

Ключевые слова: международный терроризм, Организация Объединённых Наций, советская дипломатия, Специальный комитет по международному терроризму.

**THE ACTIVITIES OF SOVIET DIPLOMACY
IN THE UN SPECIAL AUTHORITIES ON THE ERADICATION
OF INTERNATIONAL TERRORISM, 1972–1991**

Abstract. The 50-year history of the UN's work on countering international terrorism demonstrates a deep split in the perception of this phenomenon by the member countries of the organization. This split dates back to the era of colonialism and the subsequent process of decolonization, which is still incomplete today. The main lines of confrontation that exist today have clearly manifested themselves already in the first decades of the work of the special bodies of the Organization.

Keywords: international terrorism, United Nations, Soviet diplomacy, Special Committee on International Terrorism.

Одним из самых злободневных вопросов современной истории является вопрос о противодействии международному терроризму. Атака на башни-близнецы в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года оставила очень резонансный след в памяти современников. Она до сих пор многими ошибочно воспринимается как событие, знаменовавшее собой начало международно-террористического движения и вызвавшее к жизни скоординированные попытки международного сообщества противодействовать этому злу. В том числе – на площадке ООН. В действительности же, уходящий, 2022 год завершил полувековую историю попыток Организации Объединённых Наций найти общие подходы ко многим важным вопросам, связанным как с пониманием самого феномена международного терроризма, так и с искоренением этой опасной политической практики.

Международные усилия по формированию глобального контртеррористического фронта серьёзно подрываются взаимными упреками – обвинениями в инспирировании, опосредованной или непосредственной поддержки террористов со стороны отдельных держав.

Б. Нетаньяху в своем исследовании по проблемам международного терроризма, полагает, что возникновение и резкий рост активности международно-террористических организаций припадает на 60-е годы XX века. Их социальной почвой, по мнению автора, стали круги, захваченные реваншистскими настроениями в Германии (антизападные неонацистские ячейки), а также радикально настроенные группы европейских обывателей, сочувствующих советской идеологии; именно Советский Союз оказал всемерную поддержку созданию структур международного терроризма. Этим, по его мнению, занимались Международный отдел ЦК КПСС, КГБ и советская военная разведка. И основным регионом приложения сил террористов стал именно Ближний Восток и, в первую очередь, Израиль.

С нашей точки зрения, проблема истоков международного терроризма XX века гораздо сложнее. Еще в 1964 году американский социолог и политолог Карл Дойч изобрел термин прокси-война. Проще говоря – война чужими руками. А в 1974 году свет

увидела статья Брайана Дженкинса «Международный терроризм: новый вид ведения войны». Ее название уже говорит само за себя. «Холодная война» фактически исключала прямое столкновение великих держав, но провоцировала выработку новых форм соперничества.

Даниэль Гансер, швейцарский историк, живо иллюстрирует близкую нам точку зрения: в ходе своих исследований он обнаружил доказательства существования секретных армий НАТО, тайных военизированных диверсионных структур, известных под названием *Stay behind* (оставаться в тылу противника). Они задумывались изначально как партизанские движения на случай оккупации Западной Европы Советским Союзом, что автоматически заставляет перенести датировку рождения прокси-терроризма к середине 40-х годов XX века.

В одном из интервью Даниэл Гансер разъясняет: если взять Италию, то окажется, что каждый раз, когда коммунистическая партия обращалась к правительству за объяснениями по поводу секретной армии, действовавшей в стране под кодовым названием «Гладио», ответа она не получала под предлогом государственной тайны. И только в 1990-м году власти признали существование «Гладио» и ее прямые связи с НАТО, ЦРУ и МИ-6. В это же время судья Фелис Кассон смог доказать, что настоящим автором террористического акта в Петеано в 1972 г., потрясшего Италию, и который приписывали активистам крайне левых группировок, был Винченцо Винчигерра, член неофашистской группировки «Новый порядок». Винчигерра сознался, что совершил теракт в Петеано при помощи спецслужб Италии, рассказал о существовании секретной армии «Гладио», и что у этой секретной армии, контролируемой НАТО, есть подразделения по всей Европе.

В своей книге: «Секретные армии НАТО: операция «Гладио» и терроризм в Западной Европе» Гансер указывает на то, что уже в конце Второй мировой войны, когда в 1945 году советские войска освобождали Восточную Европу, а советская идеология приобрела в мире небывалую популярность, возникла необходимость готовить контрмеры. С этой целью гитлеровцев вербовали и, предоставив новую личность, включали в состав создаваемых спящих ячеек, назначение которых состояло в ведении партизанской, подрывной и диверсионной работы. «Оставаться в тылу противника», по сути, как правило, означало операции «под чужим флагом».

Таковыми были общие черты международно-политической обстановки, в которой начал свою работу Специальный комитет по международному терроризму ГА ООН. Упомянутый выше Б. Нетаньяху утверждал, что Специальный комитет по международному терроризму «был создан специально в ответ на убийство израильских атлетов террористами из Организации Освобождения Палестины» во время XX Олимпийских игр, проходивших в Мюнхене в 1972 году.

Специальный комитет по вопросам международного терроризма провел первую сессию с 16 июля по 11 августа 1973 года. Все государства-члены Специального комитета приняли участие в его работе. На первой сессии были образованы три подкомитета, которые приступили к работе в следующем порядке: первые два дня работа шла в Подкомитете по определению международного терроризма; два последующих дня – в Подкомитете по изучению коренных причин международного терроризма и следующие два дня – в Подкомитете по мерам предотвращения международного терроризма.

Последние два дня сессии планировалось посвятить рассмотрению и принятию Специальным комитетом его доклада Генеральной Ассамблее.

В первую очередь дискуссия коснулась вопроса о фактических *рамках* порученной Специальному комитету задачи. В этой связи упор делался на сложность и разнообразие факторов, которые должны приниматься во внимание. Говорилось также о неопределенности резолюции 3034 в том, что касается смысла выражения «международный терроризм». Ведь его можно было истолковать как охватывающее многие формы насилия, связанные с войной и политическим угнетением.

Первый водораздел возник при попытке квалифицировать террористические акты, порожденные политическими, экономическими и социальными условиями в какой-либо независимой стране. В частности – такие действия, посредством которых часть населения стремится изменить структуру режима или захватить власть.

Часть представителей¹ предложила не относить подобные акты к категории *международного* терроризма, поскольку такое положение касается суверенитета данного государства и не может служить причиной для иностранного вмешательства.

Однако другие участники дискуссии обращали внимание, что террористический акт, который, на первый взгляд, может показаться актом, имеющим значение исключительно внутри страны, иногда может вызвать международные последствия и в таком случае должен подпадать под действие международных мер.

Еще более острые противоречия возникли в момент попытки дать толкование различий между действиями, направленными на реализацию прав народов на самоопределение, свободу и независимость, провозглашенных в Уставе Организации Объединенных Наций и террористическими актами, угрожающими международной безопасности.

В этой связи прозвучал призыв не квалифицировать как подрывные действия национальные движения, направленные против иностранного господства.

В основе такого суждения лежала идея, по которой антиколониальная борьба за освобождение, борьба народов против агрессоров и захватчиков за возвращение свободы, является законной, поскольку она основана на неотъемлемом праве народов на самоопределение и позволяет тем, кто ведет эту борьбу, использовать все средства, находящиеся в их распоряжении, включая и силу.

Тем не менее, некоторые представители напомнили о мнении, выраженном в пункте 10 исследования, подготовленного Секретариатом, согласно которому «даже в том случае, когда применение силы является юридически и морально оправданным, имеются такие средства, которые, как и в любого рода человеческом конфликте, не должны быть использованы; законность какого-либо дела сама по себе не делает законным применение некоторых форм насилия, в особенности против невиновных».

Очередным пунктом, по которому сторонам также не удалось достичь полного взаимопонимания, стал вопрос о квалификации действий государств как актов международного терроризма.

По мнению значительного числа представителей Специальный комитет должен был сосредоточить свое внимание на актах насилия, совершаемых отдельными лицами или группами лиц и не связанных с прямым или косвенным государственным вмешательством.

Другими словами, государство, как субъект международных отношений, предлагалось не включать в «формулу» международного терроризма. В этой связи подчеркивалось, что Устав Организации Объединенных Наций и Декларация о дружественных отношениях охватывают многие аспекты насилия в отношениях между государствами. Указывалось также, что упомянутые документы содержат основные принципы запрещения угрозы силой или ее применения, равенства прав народов на самоопределение, а также принцип, согласно которому государствам следует выполнять свои обязательства в духе доброй воли.

Поэтому возвращение к этим вопросам рассматривалось как действие, лишенное необходимости и целесообразности.

---

¹ Стенограммы заседаний первой сессии Специального комитета по международному терроризму составлялись таким образом, что была исключена возможность отнести характер высказывания к конкретному представителю того или иного государства. На второй сессии в стенограммах подобная «анонимность» была устранена.

Отмечалось также, что акты, совершаемые вооруженными силами в ходе военных действий, уже являются предметом значительного договорного права и находятся в стадии рассмотрения в рамках защиты прав человека в период вооруженных конфликтов.

Однако, по мнению других представителей, необходимо было обязательно рассмотреть вопрос именно о *государственном* терроризме, который, по их мнению, являлся самым опасным видом терроризма. В этом отношении упоминалось о терроре, осуществляемом в крупных масштабах и с помощью самых современных средств против целых народов в целях господства или вмешательства в их внутренние дела. Речь шла также о вооруженных нападениях, совершаемых под предлогом превентивных действий одними государствами против суверенитета и целостности других государств. Отмечалось также распространённость практики проникновения террористических групп или агентов на территорию других государств. При этом добавлялось, что до тех пор, пока правительства будут иметь возможность осуществлять террор, единственно возможным отпором со стороны его жертв будет ответный террор.

Общий принцип, послуживший фундаментом для указанных противоречий, на наш взгляд, восходит к глубинному антагонизму между двумя категориями государств, унаследовавших его от эпохи колониализма. Упомянутые контраргументы принадлежали, очевидно, бывшим метрополиям и бывшим колониям или народам, еще не завоевавшим свободу в полной мере.

Таким образом, можно говорить о влиянии «постколониального синдрома» на работу вновь созданного органа ООН.

В дальнейшей дискуссии (в рамках работы подкомитетов) можно проследить углубляющееся взаимное непонимание сторон.

Так, в Подкомитете по изучению коренных причин международного терроризма ряд стран заявили о кричащих фактах попрания прав и свобод во многих странах мира, что служило почвой для терроризма. Другие заявляли, что международный терроризм возникает в результате того, что «некоторые страны проводят политику колониализма, оккупации иностранных территорий, расизма, апартеида, господства и эксплуатации».

Во время работы Подкомитета по определению международного терроризма некоторые представители особо подчеркивали значение государственного терроризма, который, по их мнению, представляет собой наиболее опасную форму международного терроризма. Отмечалось, что именно терроризм, осуществляемый государством, является основной причиной насилия со стороны отдельных лиц. Противоположность между политикой угнетения государства и волей народа, заставляет государство применять насилие, а население, в свою очередь, реагирует на это применением насильственных средств.

Терроризм по отношению к государству вызван актами насилия со стороны государства или условиями политической несправедливости, экономического неравенства или социальных потрясений, и также является результатом того, что все другие средства исправления существующего положения, имеющиеся в распоряжении жертв, не достигают цели.

В этой связи особо упоминались такие причины международного терроризма, как репрессивные акты колониальных, расистских и иностранных режимов по отношению к народам, борющихся за свое освобождение и за законное право на самоопределение, независимость и другие основные свободы.

Таким образом, в полемике, развернувшейся на первой сессии Специального комитета, ясно прослеживается склонность большинства его членов придать определению международного терроризма антиколониальный оттенок, невзирая на попытки направить работу Комитета в русло выработки определения упомянутого явления как негосударственного – частного или узкогруппового.

Однако будущее вновь созданного органа оказалось не безоблачным. После сессии 1973 года Комитет чуть было не прекратил свою работу.

Несмотря на актуальность вопросов организации борьбы с международным терроризмом, ГА не сумела рассмотреть этот пункт повестки дня до 31-й сессии. Очередная резолюция по данному вопросу была принята уже на 99-м заседании Генеральной Ассамблеи, которое состоялось 15 декабря 1976 года.

Итак, с первых дней работы Специального комитета по международному терроризму, учрежденного резолюцией 3034 ГА ООН, стало ясно, что атмосфера холодной войны, разделение человечества на два крупных военно-политических блока, оказывало определяющее воздействие на климат, в котором работали дипломаты.

Страны, которые не присоединились ни к одной из противоборствующих группировок, и с 1976 года называющие себя членами «движения неприсоединения», более сочувствовали риторике национально-освободительной, антиколониальной. Такова была природа мира, который все еще переживал процесс распада мировой колониальной системы и его ближайшие последствия.

На второй сессии Специального комитета, состоявшейся в 1977 году, обсуждение проблем борьбы с международным терроризмом продолжилась в том же ключе, что и на первой – хотя и с некоторыми уточнениями. Стороны явно подготовились, припасли для оппонентов неожиданные интерпретации тематики, озвученной пять лет назад.

Особое внимание можно уделить подходам представителей, с одной стороны США, Швеции, Австрии и др. западных держав и с другой – СССР и прочих государств, в том числе и тех, которые недавно получили независимость. Прозвучавшая в выступлении украинского представителя позиция уже отражает особенности взгляда «со стороны стран социалистического лагеря». В частности в своем выступлении он отметил, что «Делегация Украины признает законные желания и стремления народов, борющихся за свою свободу с оружием в руках, и решительно выступает против попыток использовать кампании против международного терроризма для подавления национально-освободительных движений».

В выступлении представителя Чехословакии, прозвучала критика в адрес государств, которые, уклоняясь от разработки точного определения международного терроризма, не только пытаются под видом противодействия терроризму отстоять колониальные интересы, но и «предоставляют свободу действий террористическим организациям фашистского, неофашистского и реваншистского толка».

В самом полном объеме эти мысли прозвучали в сообщении представителя делегации СССР, заместителя постоянного представителя СССР при ООН (в 1976–1979 годах) Юрия Евгеньевича Фокина.

В его выступлении ярко выразилось бережное отношение к праву поработанных народов на вооруженную борьбу, а также стремление принимать решения на основе «консенсуса между государствами, желающими положить конец актам терроризма».

В формулу определения международного терроризма официальная Москва включала действия, наносящие вред безопасности не зависимо от того, осуществляются они отдельными лицами или государствами. Примером такого государства, кстати, выступил Израиль, чьи действия объявлялись направленными против арабских государств и Уганды. Речь, вероятно, шла о нашествии операции израильских спецслужб с целью освобождения 105 заложников, захваченных на борту самолета компании «Эйр Франс».

Представитель США, выступая по данному вопросу, критически высказался по поводу трех возражений, неоднократно выдвигавшихся против принятия срочных мер по борьбе с международным терроризмом, связанных с необходимостью. Его беспокоили «попытки прикрыть акты терроризма идеями национально-освободительного движения и народного самоопределения, склонность отложить практические меры до ликвидации причин международного терроризма [до принятия универсального определения феномена – *И.Г., Е.П.*], стремление включить в поле зрения Специального комитета не только отдельные группы и персоналии террористов, но и государства.

Таким образом, акценты, расставленные странами «Запада» в данном вопросе очевидны: большинство усилий направить на пресечение деятельности международных террористических групп здесь и сейчас, не дожидаясь завершения разработки универсального определения международного терроризма и ликвидации его корней.

Отталкиваясь от предложения строить контртеррористическую борьбу с опорой на «принцип защиты прав человека», докладчик отметил «опасность применения двойных стандартов в этой области, толкования одного и того же террористического акта как преступления в одном случае, а в другом – как форму политического выступления и борьбы за права человека». «Национально-освободительные движения, – отмечалось в одном из выступлений, – должны вести себя таким образом, чтобы они не примыкали к преступным или террористическим группировкам», стремящимся поднять свой авторитет путем приобщения к высоким лозунгам. А уж если рассматривать государства как субъект терроризма, то почему бы не обратить внимание на политику террора, которые некоторые державы практикуют в отношении собственного населения?

* * *

В конечном итоге в работе ООН благодаря усилиям советских дипломатов в 1980-е годы наблюдалось «продавливание» антиколониального содержания понятия «международный терроризм». В резолюции 39/159 от 17 декабря 1984 года это отразилось в наиболее явной форме. Авторы документа на этот раз специально озаглавили контртеррористическую резолюцию в духе осуждения государственного терроризма и любых других действий, предпринятых государствами на подрыв общественно-политической системы в других суверенных государствах. В значительной мере данная резолюция стала лишь более эксплицитно выраженной формулой той мысли, которая звучала во всех названных выше резолюциях: об обеспечении неприкосновенности суверенитета развивающихся держав.

В 1986 году очередная резолюция по данному вопросу содержала информацию о необходимости созыва под эгидой ООН международной конференции «в целях определения терроризма и проведения различий между ним и борьбой народов за национальное освобождение».

Можно сказать, что вторая половина 80-х годов стала высшей точкой в реализации антиколониальной борьбы в контексте контртеррористической работы. Генеральная Ассамблея ООН постановила: *«ничто в данной резолюции не может наносить ущерб... праву на самоопределение, свободу и независимость народов, насильственно лишенных этого права..., а также праву этих народов вести с этой целью борьбу и просить и получать помощь»* в соответствии с уставом ООН.

На этом деятельность Специального комитета по международному терроризму завершилась. 20 сентября 1985 года рассмотрение данного вопроса было передано в Шестой комитет ГА ООН. Не продвинувшись особо в достижении консенсуса по ключевым вопросам, Специальный комитет по международному терроризму, все же, нащупал наиболее болезненные аспекты проблемы по состоянию на первую половину 80-х годов:

- выработка общепринятого определения международного терроризма;
- изучение государства с точки зрения отнесения или не отнесения к числу рассматриваемых субъектов международного терроризма;
- проведение различий между терроризмом и борьбой народов за национальной освобождение.

* * *

Ликвидация СССР в корне изменила ситуацию. Прямым следствием этого можно признать принятие без голосования в 1994 году резолюции «Меры по ликвидации международного терроризма» и в качестве приложения к ней Декларации о мерах по ликвидации международного терроризма. В декларации нашла свое отражение в основном та концепция контртеррористической деятельности, которая с 70-х годов предлагалась странами западного блока.

В частности, отмечалось, что *«Преступные акты, направленные на создание обстановки террора... не могут быть оправданы, какими бы ни были соображения политического, философского, идеологического расового, этнического, религиозного или любого другого характера, которые могут приводиться в их оправдание»*. Содержание Декларации в дальнейшем практически полностью стало включаться в резолюции ГА по данному вопросу.

Антиколониальную позицию по-прежнему занимали страны Движения неприсоединения. Российская сторона почти десятилетие двигалась в «фарватере» внешней политики США, и только в последней четверти 1990-х стала постепенно возвращать самостоятельность.

Рассматривая контртеррористическую деятельность советской дипломатии (на фоне общеполитической дискуссии на площадке ООН), интересно ретроспективно оценить ее с учетом событий будущего. И особенно – в связи с проработкой Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма (российская инициатива второй половины 1990-х годов). Только в 2005 году Конвенция была принята – но в работе над ней обнаружилось серьезнейшие проблемы.

Ряд государств, не обладающих ядерным оружием, подняли вопросы:

1. Может ли рассматриваться в качестве акта международного терроризма действия армий национальных государств?

2. Может ли рассматриваться в качестве террористического акта применение государствами ядерного оружия?

Делегации Запада в категорической форме отказались включать осуждающие формулировки в текст конвенции. В конечном итоге проблему удалось обойти: стороны договорились перенести обсуждение этих и других сложных вопросов в рамки проработки индийской инициативы по Всеобъемлющей контртеррористической конвенции.

Таким образом, Международная конвенция о противодействии актам ядерного терроризма содержит ряд важных оговорок:

1. Конвенция не регулирует действия вооруженных сил государств во время вооруженного конфликта.

2. Конвенция не затрагивает и не может быть истолкована как затрагивающая каким-либо образом вопрос о законности применения или угрозы применения ядерного оружия государствами.

Работа над Всеобъемлющей конвенцией о международном терроризме идет по сей день. Справедливости ради следует сказать, что конвенции о бомбовом терроризме, о финансировании терроризма и о противодействии ядерному терроризму, были приняты как бы в ходе глубокой проработки индийской инициативы. Но какие вопросы не позволяют государствам сойтись во мнениях для ее окончательного принятия?

Они все те же, и поднимались уже с первых дней работы Специального комитета по международному терроризму, созданного еще в 1972 году: это вопрос об универсальном определении международного терроризма, вопросы разделения терроризма и национально-освободительного движения, и вопрос о том, где грань между законными действиями государств и терроризмом.

50-летняя история работы ООН по противодействию международному терроризму демонстрирует глубокий раскол в восприятии данного феномена странами-членами организации. Раскол этот восходит к эпохе колониализма и последующему процессу деколонизации, не завершеному и в наши дни. Главные линии противостояния, существующие сегодня, ярко проявили себя уже в первые десятилетия работы специальных органов Организации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Политика России по противодействию международному терроризму, 2000–2008 гг.: сборник документов / сост.: И.В. Грицких, Н.Н. Третьяченко, М.И. Шлеймович; под общ. ред. М.С. Бурьяна. Луганск: Изд-во ГУ «ЛНУ имени Тараса Шевченка», 2010. 379 с.
2. Грицких И.В., Кравцова М.Ю. 50 лет борьбы с международным терроризмом под эгидой ООН: проблемы и перспективы // Вестник Луганского национального университета имени Владимира Даля. 2021. № 8 (50). С. 38–42.
3. Шлеймович М.И. Участие России в работе ООН по борьбе с международным терроризмом, 1972–1999 гг. // Вісн. Луган. нац. ун-ту імені Тараса Шевченка. 2011. № 11 (222). С. 114–129.
4. Шлеймович М.И. Организация Объединенных Наций и проблема борьбы с международным терроризмом в трех концепциях внешней политики России, 1993–2008 гг. // Всесвітня історія та актуальні проблеми міжнародних відносин: матеріали конф. пам'яті проф. Г.Л. Бондаревського. Ч. 2. Луганськ, 2010. С. 238–245.
5. Нетаньяху Б. Война с терроризмом: Как демократии могут нанести поражение сети международного терроризма: пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2002. 206 с.
6. Гансер Д. Секретные армии НАТО: операция «Гладио» и терроризм в Западной Европе. М.; «Кучково поле», 2012.
7. Jenkins Brian M. International Terrorism: A New Kind of Warfare. Rand Corporations, Santa Monica, California, 1974. Режим доступа: <https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/papers/2008/P5261.pdf>.
8. Система официальной документации Организации Объединенных Наций. Режим доступа: <https://documents.un.org/prod/ods.nsf/home.xsp>.

Т.М. Гришина

СССР: ОПЫТ РАЗВИТИЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Аннотация. Роспуск СССР в конце 1991 г. стал цивилизационным критерием для развития нового исторического евразийского пространства. Исследование посвящено развитию новых форм интеграции, которые возникли после распада союзного государства и находятся под влиянием тенденций государственно-политических факторов, сложившихся за период существования СССР. Исследуется место Российской Федерации как исторического центра регионального притяжения на пространстве Евразии. Поднимается вопрос о создании моделей и новых принципов межгосударственного регионального взаимодействия с учетом опыта СССР и в контексте современной международной обстановки, обусловленной экономическим и информационным противостоянием объединенного Запада против России и ее союзников.

Ключевые слова: СССР, интеграция, постсоветское пространство, ЕАЭС, евразийский регион, кризис, международное сотрудничество.

USSR: EXPERIENCE OF THE DEVELOPMENT OF EURASIAN INTEGRATION

Abstract. The dissolution of the USSR at the end of 1991 became a civilizational criterion for the development of a new historical Eurasian space. The study is devoted to the development of new forms of integration that emerged after the collapse of the Union state and are influenced by the trends of state and political factors that have developed during the existence of the USSR. The place of the Russian Federation as the historical center of regional attraction in the Eurasian space is investigated. The question of creating models and new principles of interstate regional cooperation is raised, taking into account the experience of the USSR and in the context of the modern international situation caused by the economic and informational confrontation of the united West against Russia and its allies.

Keywords: USSR, integration, post-Soviet space, EAEU, Eurasian region, crisis, international cooperation.

Последнее десятилетие XX в. и первые два XXI в. для мировой цивилизации стали переломными. С исторической арены ушло государство, которое более семидесяти лет реализовывало идею формирования социалистической модели развития советского общества в своей совокупности сложного союзного образования, охватившего евразийское пространство с разными региональными культурами, этносами, относящимися и к европейскому и азиатскому цивилизационному пространству. Опыт и позитивный и негативные факторы его последнего этапа исторического существования СССР и его международных организаций являются и сегодня объектом пристального исследования ученых [1, с. 24–34].

Политическая интеграция евразийского пространства стала формой регионализации стран, которые входили в состав Советского Союза и начали путь формирования новых межгосударственных объединений для решения задач государственного, социально-экономического развития и разрешения накопленных проблем [4, с. 47]. Одной из самых острых противоречий являются нарастающие геополитические угрозы (локальные конфликты, киберпреступность, разрушение политических и экономических связей, финансовый и социально-экономический кризис, пандемические риски и др.), которые требуют эффективного межрегионального взаимодействия на постсоветском пространстве [3, с. 34–41].

Перечисленные факторы стали новыми индикаторами развития евразийского пространства, на которые влияют геополитические тенденции: геοэкономика и национальные местные традиции регионального состояния [2, с. 16–21]. Отсюда, наиболее перспективными историческими формами и одновременно современными стали межрегиональные государственные образования, тесно связанные географически и геополитически.

В исторической ретроспективе следует отметить периоды, когда идеи интеграции евразийского пространства могли воплотиться в реальность. Причем, центром такого объединения могла стать Россия, как наиболее мощный двигатель развития пространства Евразии.

В Советском Союзе интеграционный сценарий мог получить практическое развитие в 1922–1927 гг. (новой экономической политики) [11, с. 63–69], что позволило бы советскому государству стать центром притяжения для большой Евразии, поскольку слабые всегда тянутся к сильнейшему. Однако на смену НЭПу пришла административно-командная управленческая система, которая не позволила эффективно развиваться экономике СССР, несмотря на динамичную проходившую индустриализацию, сделавшую советское государство великой державой. Советскому Союзу за десятилетия своей жизни удалось обрести и военную, и экономическую силу, а также создать социалистический лагерь, взаимодействующий во всех сферах общественных отношений (социально-экономических, идеологических, политических, культурных, оборонительных и др.). Однако, испытание на прочность в кризисный период двух заключительных десятилетий XX в. экономическая система Советского Союза не прошла.

Постсоветские республики, в одночасье получив суверенитет и часть от некогда единого хозяйства, стали строить собственные взаимоотношения на внешнеэкономической арене, получая, при этом, серьезные экономические преференции от Российской Федерации. Примером такой помощи может послужить фрагмент из письма министерства финансов РФ в МИД РФ, в котором озвучены размеры финансовой помощи России бывшим советским республикам, несмотря на собственное сложное положение: для минимизации последствий катастрофы взрыва на Чернобыльской АЭС Беларуси в 1993–1994 гг. было выделено 4,4 млрд руб.; на ликвидацию последствий чрезвычайных ситуаций в Таджикистан – 2 млрд руб.; Абхазия в 1993 г. получила гуманитарную помощь для проведения ремонтно-восстановительных работ и гуманитарной помощи населению – 5 млрд руб.; Южной Осетии серьезно пострадавшей в конфликте с грузинской стороной – 2 млрд руб.; Киргизии для проведения ремонтно-восстановительных работ дороги Ош-Хорог и стихийных бедствий в Ошской

и Джалал-Абадской областях – 5,5 млрд руб. [6, лл. 25–26]. Следует заметить, что эти суммы были выделены безвозмездно, не обременяя их получателей никакими обязательствами, что наглядно демонстрировало желание политических элит новой России ко взаимовыгодному сотрудничеству и построению новых форм взаимодействия. Долгие годы продолжалось инерционное, безответное финансовое вливание в экономики бывших социалистических республик, но немногие их лидеров решились на углубление интеграции.

Лидером создания евразийского союза государств на пространстве Евразии стал президент Казахстана Н. Назарбаев. Следует заметить, что его проект был воспринят неоднозначно, даже в России. Например, при анализе его положений на заседании Совета глав государств (СГГ) в октябре 1994 г. «О предложении президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева о формировании Евразийского союза государств» было отмечено, по многим параметрам попытка реализация идей Назарбаева не отвечает интересам России, поскольку проект во многом нацелен на перехват политической инициативы у Российской Федерации, а путь коллективной установки цен на энергетические ресурсы, абсолютно неприемлемо для российского государства [9, л. 46]. Реакцию западных стран можно оценить, как настороженно-негативную. Большинство же участников СНГ выражали сомнение в целесообразности построения структуры параллельной, Содружеству. Однако, наметившаяся тенденция к взаимовыгодному взаимодействию исторически тесно связанных между собой государств, стала преодолевать центробежные силы, разрушившие СССР.

Ядром постсоветского пространства сегодня можно назвать союзное государство Россия – Беларусь, только наращивающее поступательное движение практически во всех возможных сферах взаимодействия. Политика «многовекторности», проводимая ранее президентом Беларуси А.Г. Лукашенко оставлена как несостоятельная, после политического кризиса 2020–2021 гг., инициированного западными странами для развала государства, проводящего суверенную политику сближения с Россией. Проходящая в настоящий момент специальная военная операция (СВО) в союзнчестве Россия – Беларусь окончательно расставила акценты, и усилила их интеграционные процессы.

Следует отметить, что для поиска актуальных интеграционных моделей на постсоветском пространстве, выявления возможных сфер сотрудничества, заинтересованных в интеграции субъектов и было создано 08 декабря 1991 г. Содружество Независимых Государств (СНГ), на базе которого формировались такие интеграционные объединения как ЕврАзЭС, Таможенный союз (ТС), Евразийский экономический союз (ЕАЭС), зона свободной торговли (ЗСТ), единое экономическое пространство (ЕЭП). Таким образом, несмотря на критику научного сообщества и практиков на аморфность и экономическую несостоятельность СНГ, следует отметить его позитивную, созидательную роль в эволюционном развитии постсоветского пространства.

Существующий сегодня ЕАЭС, как наиболее развитая, усовершенствованная форма евразийской интеграции на постсоветском пространстве, сформированный на фундаменте ЕврАзЭС, обладает рядом негативных особенностей (слабая диверсификация экономик постсоветских республик, асимметрия взаимодействия, основанная на лидерстве России как локомотива Союза [10, с. 3], страх политических элит перед глубокой интеграцией как фактором ограничения их суверенитета и др.). Однако, несмотря на объективные и субъективные сложности в углублении интеграционных процессов, такая работа проводится: реализуются совместные проекты, находятся компромиссы в решении сложных задач, формируется нормативно-правовая база, а также гармонизируются и унифицируются национальные законодательства государств-участников ЕАЭС.

В данном контексте, следует заметить, что сегодня в эпоху гибридных информационных и экономических войн, национальным государствам сложно, а порой и невозможно в одиночестве преодолевать актуальные угрозы и вызовы, а их экономикам быть конкурентоспособными на внешней арене, вне региональных союзов, суммарно обладающих

гораздо большей ресурсным и промышленным потенциалом [8, с. 203–221]. Для эффективного решения различных проблем (социально-экономических, политических, военных) необходимо вести конструктивные диалоги и находить компромиссы в интересах народов, населяющих некогда единое цивилизационное пространство, объединенное общей историей. При этом должен учитываться приобретенный за три десятилетия собственный, а также международный опыт экономической интеграции и межгосударственного сотрудничества (например, ЕС). Однако нельзя слепо копировать и следовать даже самому позитивному сценарию, ведь каждый субъект уникален, как и история отношений с ним. Требуются собственные способы, методы и инструменты в выстраивании интеграционных объединений.

В активно проходящем процессе регионализации на мировых площадках сегодня становятся наиболее слышны голоса объединений, союзов и содружеств, а не отдельных стран. Феномен регионализации, как ответ на попытку глобализации, выраженный в углублении экономических, социальных, культурных, политических и др. связей в регионе для недопущения поглощения своей идентичности в условиях конкуренции с ведущими западными странами и возможности ее укрепления [7, с. 22–29]. Таким образом, национальным элитам бывших советских республик следует признать необходимость глубокой интеграции, поскольку такой процесс соответствует историческим корням, а в его реализации можно использовать собственный наработанный опыт в построении общего экономического и геополитического пространства. Интеграция не только позволит наладить прагматические связи между постсоветскими республиками, но и укрепит их правосубъектность в международных отношениях в различных сферах взаимодействия.

Сегодня, как никогда ярко, стали очевидны опасения объединенного Запада перед растущей суверенностью интегрирующейся Евразии, которая обретает все больший вес на международной политической и экономической арене. В первую очередь критичной оценке подвергаются действия России, как локомотива евразийской интеграции. Ее движение на восток трактуется как фатальный разрыв России с «европейскими корнями» [12, с. 1–10]. Интеграционная политика российского руководства названа прямым вызовом объединенной Европе [15, Рр. 1–9]. Успех евразийского проекта воспринимается западными аналитиками, как подрыв жизненно важных экономических интересов и национальной безопасности Запада. Запад даже со страхом задает вопрос: не случится ли так, что Евразийский союз трансформируется в СССР 2.0 [14, р. 3]? Исторический опыт подсказывает, что такая тревожность конкурентов говорит о правильно выбранном пути. Необходимо ориентироваться на углубление интеграции, отвечающей национальным интересам государств, способствующей решению общих задач по повышению благосостояния и уровню жизни народа, устойчивому социально-экономическому развитию, научно-технической модернизации и усилению национальной конкурентоспособности на международной арене.

Высокой степенью опасности в современном мире обладают вывозы и угрозы, реализуемые государствами, с высоким экономическим и военным потенциалом, осуществляющими многостороннюю экспансию, для укрепления своего влияния во всем мире. Реализация однополярного мира стала возможной после самоликвидации СССР, как одного из полюсов, антагониста политической системе капитализма [5, с. 118–125]. В результате крушения Советского Союза США удалось провозгласить себя лидером в планетарном масштабе, а весь остальной мир обозначить кругом собственных интересов.

Рядом недружественных стран под руководством американского руководства были введены беспрецедентные рестрикции, в результате чего вопрос углубления евразийской интеграции стал первостепенным не только для самой России и государств-членов действующих евразийских объединений, но и для ряда стран, тесно взаимодействующих на с ними, и выстраивающих эффективные социально-экономические цепочки и пути транспортного сообщения, развивающие все пространство Евразии. Однако любое противостояние заканчивается и современный кризис будет разрешен,

но исторический урок о приоритетности развития собственной экономики, как в границах государства, так и в союзе с заинтересованными партнерами, должен быть усвоен и позитивно развит на евразийском пространстве. Тем более что у евразийской интеграции есть потенциальные предпосылки, среди которых, общие границы, территориальная близость, транспортные пути, сохранившиеся с советских времен и др. Насколько успешно будут задействованы активы, зависит, прежде всего, от желания и реальных действий руководства постсоветских республик [13, с. 262–276]. В своей деятельности, партнерам следует придерживаться совместно разработанных принципов, с целью гармонизации национальных интересов. Интеграционные процессы в рамках союзного государства Россия – Беларусь сегодня, в условиях турбулентности мировой экономики, значительно возросли, что показывает пример взаимовыгодного, эффективного сотрудничества не только на постсоветском пространстве, и всем заинтересованным в международном сотрудничестве субъектам.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Багдасарян С.Д., Самсоненко Т.А., Гришина Т.М. Историко-правовая проекция распада СССР (тридцатилетний рубеж) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2022. № 2 (299). С. 24–34.
2. Багдасарян С.Д., Гришина Т.М. Взаимодействие органов государственной власти и органов местного самоуправления в странах ЕАЭС // Безопасность бизнеса. 2022. № 2. С. 16–21.
3. Байльдинов Е. Т. СССР: Союз Суверенных Социальных Республик. Концепция интеграции постсоветских государств // Евразийский юридический журнал. 2014. № 7 (74). С. 34–41.
4. Бельянинов А. Ю. Интеграционная политика России на евразийском пространстве (потенциал и перспективы развития). Автореферат на соискание ст. д-ра полит. наук. М., 2013. 47 с.
5. Воробьев С..В. Матвеев О. В. Историческая память как объективная основа в международных отношениях. Вестник Екатеринбургского института. 2021. № 1 (53). С. 118–125.
6. Из письма № 27–10 от 14.06.94 министерства финансов России (подпись Селиванова И.А.), зам. Министра иностранных дел России С.В. Лаврову из АВПРФ, ф. 46, оп. 56, п. 639, д. 13, лл. 25–26.
7. Каширина Т.В. Факторы трансформации современной системы международных отношений. ОБОЗРЕВАТЕЛЬ-OBSERVER. 2020. № 8. С. 22–29.
8. Малашенко А. В., Нисневич Ю. А., Рябов А. В. Вызовы и угрозы постиндустриального развития цивилизации // Вопросы политологии. Москва. 2019. № 2 (42). С. 203–221.
9. Повестка заседания СГТ (п.4) октябрь 1994 г. «О предложении президента Республики Казахстан Назарбаева Н.А. о формировании Евразийского союза государств. АВПРФ, ф. 878, оп. 5, п. 60, д. 10, л. 46.
10. Пьянов С.А. Региональная экономическая интеграция в современных условиях: перспективы развития ЕАЭС // Дис. на соискание ученой степени кандидата экономических наук. Москва. 2017. С. 3.
11. Саблина Ю. В. Представления евразийцев о развитии советского государства в годы НЭПа. 2018. № 1. С. 63–69.
12. Салахян Г.М. О возможных путях интеграционного развития СНГ // Журнал «Human Progress». 2017. Т. 3. № 3. С. 1–10.
13. Чебанова Л.А. Геополитические и социально-экономические последствия распада СССР // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2019. № 4. С. 262–276.
14. James M. Roberts, Ariel Cohen, PhD, and Jonathan C. Blaisdell. The Eurasian Union: Undermining Economic Freedom and Prosperity in the South Caucasus. SPECIAL REPORT No. 148 | NOVEMBER 26, 2013. from THE CENTER FOR INTERNATIONAL TRADE AND ECONOMICS (SITE). P. 3.
15. Dr. Suvi Kansikas. University of Helsinki. THE EURASIAN ECONOMIC UNION, RUSSIA'S INTEGRATION POLICY AND THE EU CHALLENGE. Journal on Baltic Security Vol 1, Issue 1, 2015. Pp. 1–9.

**А.С. ПАНАРИН
О ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ПРИЧИНАХ КРАХА СССР**

Аннотация. В статье рассматривается концепция А.С. Панарина, касающаяся цивилизационных причин краха СССР. Выделены основные компоненты этой концепции, в частности общая обусловленность этого события скрытыми глобальными факторами; решающая роль предательства советской элиты и её причины; ментальный фактор, действовавший на уровне массового сознания; общий феномен «отрицательного отбора», разрушавший общество изнутри.

Ключевые слова: А.С. Панарин, СССР, цивилизация, кризис, Россия.

**A.S. PANARIN
ON THE CIVILIZATIONAL CAUSES OF THE COLLAPSE OF THE USSR**

Abstract. The article discusses the concept of A.S. Panarin concerning the civilizational causes of the collapse of the USSR. The main components of this concept are highlighted, in particular: the conditionality of this event by hidden global factors; the decisive role of the betrayal of the Soviet elite and its causes; the mental factor acting at the level of mass consciousness; the general phenomenon of "negative selection" that destroyed the USSR society from within.

Keywords: A.S. Panarin, USSR, civilization, crisis, Russia.

Научное наследие А.С. Панарина (1940–2003), уроженца г. Горловки на Донбассе и создателя оригинальной русской школы геополитики, и политической философии в Московском университете, в настоящее время стало предметом изучения и дальнейшего развития. Ежегодно в МГУ им. М.В. Ломоносова проходят Панаринские чтения – важный научный форум по геополитике и цивилизационной прогностике. А.С. Панарин создал русскую научную школу цивилизационного анализа и политической философии. В его книгах всегда присутствовала тема крушения СССР, которую он рассматривал в контексте больших цивилизационных процессов Новейшего времени. Для А.С. Панарина крах СССР был одним из проявлений кризиса «проекта Просвещения», который в разных регионах мира проявлялся по-разному.

Целью данной статьи является краткий обзор концепции А.С. Панарина, касающейся цивилизационных причин краха СССР. Эти причины отличаются от причин эмпирических, которые непосредственно наблюдаются в историческом процессе, но тесно с ними связаны. Эта взаимосвязь двух «слоев» исторического процесса – эмпирического и сущностного – всегда у него просматривается.

Уже рассмотрение движущих сил распада СССР в 1991 году у А.С. Панарина основано на понимании глобальных факторов этого процесса, которые и были определяющими. В книге «Искушение глобализмом» А.С. Панарин писал: «Сработал принцип: чем более высокими номенклатурно-должностными полномочиями при прежнем режиме обладала та или иная группа из правящего слоя, тем большую долю собственности она получает в результате новейшей приватизации... Можно ожидать возражений, связанных с известными и очевидными примерами, когда лица, заведомо не принадлежавшие к гебистской агентуре, стали известными „олигархами“. На это можно отыскать только один ответ: значит, они принадлежали и принадлежат к спецслужбе другой стороны, с самого начала оговорившей свое участие в „реформах“ и обязавшейся подстраховать реформаторов в случае их провала в „родной“ стране. Ни в чем в такой степени не проявился новый, глобальный характер новейшего политического процесса, как в сотрудничестве спецслужб двух сверхдержав в деле демонтажа СССР и того, что называли „реальным социализмом“. Когда наиболее осведомленные и раскованные члены „внутренней“ партии решились расстаться с выдохшейся лошадкой социализма и пересест в новое седло, без тайного партнерского сговора с коллегами, представляющими вчерашнего официального врага, обойтись никак не могло» [1, с. 49].

Этот логический вывод о скрытых причинах предательства советской партноменклатурной элиты в значительной степени подтверждается мемуарами и документами той эпохи, которые стали доступны после 1991 года, хотя в целом остается во многом тайной и нераскрытой стороной исторического процесса, который поэтому легко списывать на «конспирологические» домыслы. Тем самым, приведенные рассуждения А.С. Панарина имеют ценность в качестве логического анализа ситуации, который позволяет уйти в сторону от любой «конспирологии». Вторым важным рассуждением из того же ряда является мысль А.С. Панарина о вырождении этой «элиты», которое началось намного раньше. «Представьте себе, – пишет он, – что у А. Чубайса – организатора номенклатурной приватизации – в еще поздние брежневские времена нашелся предтеча, который разъезжает по городам и весям бывшего СССР, соблазняя бесчисленных представителей партноменклатуры своим проектом тайной приватизации вверенной им государственной собственности. Встретил бы он подлинных идейных противников такого проекта? Вряд ли: торжество номенклатурной приватизации в начале 90-х гг. и несомненный консенсус всего „высшего“ советского сословия, сложившийся по ее поводу, свидетельствует, что бюрократия давно уже тайно перешла на позиции плутократии» [4, с. 172].

Третьим важным рассуждением А.С. Панарина на эту же тему является его указание на геополитический и общий исторический контекст этого процесса. Он писал: «Когда в 1968 г. советские танки вторглись в Чехословакию, это означало смерть коммунизма как идеала – он стал „танковым коммунизмом“. Можно предположить, что именно с этих пор коммунист – невольник чести и воплощение революционной романтики левых – стал циником, в тайне готовым поторговаться своим коммунизмом и даже обменять его, в случае выгодного предложения. Видимо, уже тогда незаметно стал формироваться новый рынок, на котором правящая коммунистическая номенклатура повела тихую торговлю былыми государственными и геополитическими интересами» [4, с. 179–180]. Данная мысль сформулирована им только в форме предположения, но она же вполне может быть подтверждена и рядом мемуарных свидетельств некоторых бывших членов высшей партноменклатуры, например, А.А. Яковлева.

А.С. Панарин справедливо отмечает и культурный аспект вырождения советской «элиты», которая была больше ориентированной в своих вкусах и предпочтениях на Запад, чем остальная масса населения: «Люмпен-пролетариям из партноменклатуры американская массовая культура была ближе и понятнее, чем собственная национальная культура, от которой они были идеологически отлучены. Средний советский человек, находящийся где-то посередине между партийным просвещением и русским просвещением XIX века, между коммунистической идеей и русской идеей, был значительно сложнее по своей духовной формации, нежели те, кто находил радости в спецраспределителях» [2, с. 682–683]. Однако парадокс ситуации состоял в том, что возникли своего рода «ножницы» между вырождением советской «элиты», с одной стороны, – и повышением общего уровня сознания и потребности в свободе основной массы населения – с другой. Как пишет А.С. Панарин, «интеллектуальное достоинство советского человека возрастало с каждым годом вместе с возрастанием среднего уровня культуры и образования, между тем как интеллектуальное достоинство коммунистической пропаганды падало» [2, с. 649].

В его итоговой книге «Стратегическая Нестабильность в XXI веке» отдельная глава вторая имеет название «Почему рухнул Советский Союз?». В этой главе главным фактором краха СССР он называет именно ментальный фактор – процессы в массовом сознании советского общества. Эти процессы были очевидны и известны всем, кто жил в ту эпоху, однако в силу идеологической цензуры они тогда не могли быть официально признаны и поэтому действовали без всякого сопротивления со стороны власти. «Главным мотивом недовольства режимом, – справедливо пишет А.С. Панарин, – у большинства людей был не дефицит собственности и не инстинкт собственности, а бунт разума, защищающего интеллектуальное достоинство личности против порядка, ограничивающего

свободное пользование разумом. В правящей партноменклатуре большинство видело не ненавистных похитителей собственности, которой оно само хотело бы завладеть, а лицетворение идиотской цензуры, препятствующей интеллектуально совершеннолетнему народу вступить в права, свойственные совершеннолетним. Советский народ, созревший для антикоммунистического переворота, заявил о себе не собственнически жадным и голодным, а просвещенчески ироничным, переросшим границы коммунистической цензуры» [2, с. 648].

С точки зрения марксизма такая концепция А.С. Панарина является «идеализмом», поскольку в ней общественное сознание определяет бытие – т. е. реальный исторический процесс и его последствия, а не наоборот. На самом же деле А.С. Панарин считал пресловутый вопрос о «первичности» и «вторичности» бессмысленным, поскольку в целостности социального бытия сознание и материальная реальность взаимно определяют друг друга в равной степени. Рост сознательности и потребность в социальной и мировоззренческой свободе у А.С. Панарина точно объясняются также изменением материальных условий жизни – в первую очередь, прекращением организованного террора и ростом образования и благосостояния людей: «Когда пропагандистские практики прямо и непосредственно подкреплялись практиками террора, травмированная личность активно соучаствовала в обмане, выдавая, в целях сохранения самоуважения, за добросовестную веру то, что на самом деле поддерживалось непристойной мотивацией страха. Но когда повседневный террор ушел и страх стал проходить, прекратилось и соучастие людей в официальной лжи: последняя повисла в воздухе. Чем больше средний образованный советский человек – а он в среднем был более образован, чем типичный западный обыватель, – наблюдал, читал, сравнивал, тем большее раздражение вызывала у него назойливо вездесущая идеологическая ложь» [2, с. 649].

Вместе с тем, в мировоззрении советских людей не было знаний о том, какое место им уготовано в глобальном распределении ролей в случае краха СССР: «Если бы тогда, на рубеже 1980–90-х годов тот самый советский человек, который оказался готовым променять коммунистический режим на либеральный (скроенный по новейшим западным чертежам) осознавал, что в итоге ему цинично и бесцеремонно предложат двойной стандарт, а вместо новых вершин Прогресса и Просвещения массовую деиндустриализацию, ведущую прямо в третий или даже в “четвертый” мир, он, наверное, стал бы всеми силами цепляться за коммунизм как адаптированную к местным условиям модель европейского Просвещения и “силу удерживающую” – не дающую внешним хищникам по-старому, по-колониалистски распоясаться» [4, с. 22]. Вместо знания об устройстве глобальной «мир-системы» (Е. Валлерстайн), советские люди видели только «витрину» западного «общества потребления», частью которого они мечтали стать и поэтому презирали собственную страну.

Тем самым, СССР, хотя и был официально атеистическим государством, *de facto* продолжал нести ту же самую функцию Катехона («Удерживающего»), которая была присуща России как православному царству Третьего Рима. Это функция противостояния агрессии антихристианского Запада. Но если само образование СССР первоначально для Запада в целом было выгодно и он этому не препятствовал, поскольку уничтожало Российскую Империю как его главного геополитического конкурента, то уже возвращение СССР в статус мировой сверхдержавы, каковой Россия уже была со времен Александра I (тезис В.В. Путина, который исторически полностью корректен), заставило Запад начать против него такую же борьбу на уничтожение, какую он раньше вел по отношению к Российской Империи. И это дало свой результат – при этом аналогия между 1917 и 1991 годами вполне очевидна даже в деталях.

Важный аспект концепции А.С. Панарина состоит в усмотрении явных параллелей между действиями большевиков в ранний период истории СССР и их партноменклатурных «наследников», захвативших власть в 1990-х годах. В своей ранней книге «Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством)» (1994) А.С. Панарин писал: «Когда же большевики захватили власть, они начали безжалостную

войну с “мелкобуржуазной стихией” города и деревни, а на самом деле – с большинством народа, мечтавшим непосредственно соединить труд и собственность как в деревне, так и в городе. Сегодня кажется почти невероятным то, что этот пользующийся массовой поддержкой народный социализм был побежден доктринерским государственным социализмом, противопоставившим чаяниям собственного народа неумолимую ортодоксальность заимствованного на стороне “учения”. Но понять это необходимо, потому что на наших глазах история повторяется: развенчавшая социализм посттоталитарная эпоха сталкивает демократическую идею народного капитализма – массового предпринимательства на основе мелкой и средней собственности и личной рискованной инициативы – с идеей номенклатурного капитализма, при котором созданная трудом народа государственная собственность “приватизируется” бывшей партийной бюрократией, внезапно поступившей своими коммунистическими принципами. Возник феномен “предпринимательского большевизма”, сохранившего доктринальное предубеждение против собственного народа как “сплошной совковой массы”, не приемлющей ценностей современной цивилизации» [3, с. 33]. В свою очередь, А.С. Панарин считает принципиально ошибочным определение крестьянского сознания как некоей «мелкобуржуазной стихии», поскольку это сознание было еще до-буржуазное и мило совсем иные характеристики. Прежде всего это было традиционное религиозное сознание, для которого экономические категории еще не были свойственны.

Соответственно, слом традиционного крестьянского сознания приводил не к появлению сознания социалистического, а просто к его опустошению и ценностному нигилизму, что впоследствии и стало одним из главных факторов разрушения советского общества. А.С. Панарин подчеркивает именно цивилизационный характер этого процесса – уничтожение традиционной крестьянской цивилизации («русской Атлантиды») и создание на её месте нового общества как одного из вариантов реализации «проекта Просвещения». Но этот вариант оказался неустойчивым по целому ряду причин. Одной из этих причин был процесс «отрицательного социального отбора», который затем повторился и в 1990-х: «идеологическими приоритетами государства, разрушительными в профессионально-производственном и экономическом отношении, мы столкнемся и позже: на заре коммунизма и на заре новейшей “демократии”. Большевики не могли не видеть очевидного превосходства крепкого крестьянина по сравнению с комбедовским активистом по чисто хозяйственным критериям; тем не менее, был сделан выбор в пользу активиста как классово родственного новой власти. Инициаторы новейших реформ не могли не видеть очевидных преимуществ старых организаторов производства по сравнению с алчными перекупщиками – приватизаторами, чуждыми настоящей производственной и научно-технической культуре. Тем не менее критерии классовые, идеологические, а зачастую и узкоэтнические и здесь сработали» [4, с. 138]. Этот «отрицательный отбор» по профессиональным и нравственным критериям неизбежно возникает всегда, когда разрушается старое общество и создается новое в рамках жестко заданных идеологических параметров.

Наконец, как и в ранний советский период, так и после 1991 года «элита» рассматривала Россию не как самоценную реальность, а только как некий «инструмент» в реализации своих дальнейших целей. Даже и после того, как была забыта идея «мировой революции» и началось строительство «социализма в одной отдельно взятой стране», это строительство все равно велось в первую очередь ради реализации идеологического проекта, для которого Россия была лишь «материалом» для эксперимента. Соответственно, после 1991 г. новая «элита» также рассматривала Россию только как «материал» для своего обогащения, что оправдывалось новой идеологией «свободного рынка». Идеологии были разными, но сам принцип отношения к России только как к «материалу» – одинаковым. А.С. Панарин обобщает это следующим образом: «Сегодня западничество в России становится компрадорским течением. Подобно большевикам, в свое время

провозгласившим, что интересы мировой пролетарской революции выше интересов России и в случае их взаимного столкновения последними можно и должно пожертвовать, современные западники также склонны отдавать предпочтение интересам мировой демократии перед интересами России» [3, с. 246]. Собственно, большевики в свое время тоже были самыми радикальными западниками, а марксизм как учение – это радикальная западническая идеология, для которой все незападные общества *argiōi* подлежат разрушению, что и было сделано.

Одним из главных аспектов такого разрушения была культурная политика, основанная на разрушении традиционной культуры и принижении значимости культуры как таковой – перед лицом идеологии и экономики. «Мы в России, – писал А.С. Панарин, – дважды на протяжении XX века сталкивались с последствиями такого “принижения”: сначала в форме люмпен-пролетарского отрицания самоценных духовных форм, принуждаемых служить классово-пользе, а затем – в форме люмпен-буржуазного, “рыночного” их отрицания» [4, с. 76]. Здесь также очевидна аналогия двух эпох.

По А.С. Панарину, разрушительные процессы в советском обществе были предопределены в первую очередь двумя фундаментальными факторами: атеистической идеологией, которая привела к разрушению института семьи инородной нравственности; и коллективизацией, которая привела к разрушению трудовой этики и многодетной семьи как основы крестьянского хозяйства. Оба эти фактора ничем невозможно компенсировать, и они действовали с постоянно нарастающей силой. Первые два советских поколения, которые вынесли на себе тяжесть войны и восстановления, ещё были воспитаны в традиционной народной православной этике подвига и самопожертвования; однако уже к 1960-м годам на смену им пришли новые поколения, получившие атеистическое воспитание, основанное на сугубо земных ценностях – гедонизма и карьеризма. Этот слом цивилизационного масштаба зафиксировала русская «деревенская проза» с её выдающимися авторами в лице В. Распутина, В. Астафьева, В.Б. Белова и др. Именно этот слом уже и предопределил саморазрушение советского общества, которое было жизнеспособно только благодаря сохранению старой народной этики, воспитанной православием (в том числе, и советский коллективизм). А ей на смену неизбежно приходило потребительское преклонение перед Западом.

Однако А.С. Панарин полагал, что в России остается культурный «код», благодаря которому возможно возрождение русского народа. Этот «код» работал и в советское время, он продолжает работать и сейчас: «Советский человек образца 20–30-х годов поражал своей идеологической сконструированностью. На события окружающего мира он реагировал не прямым и естественным образом, а посредством ходульного марксистского текста. Этот “текстовый” характер отличал и внешнюю политику того времени – расчет на сознательность немецкого рабочего класса, на пролетарскую солидарность, на неизбежную изоляцию поджигателей войны и т. п. Но вот грянул грозный час, и советский человек спрыгнул с марксистских ходуль и недвусмысленно явил облик старого московского типа – одновременно и допетербургского, и досоветского. Создается впечатление, что возвращенные “реформаторами” лабораторные типы, до поры до времени живущие искусственной жизнью заемного характера, немедленно тушуются и отходят в сторону в периоды грозных испытаний – когда все проверяется на подлинность. В этом, наверное, и состоит главный секрет России, неразгаданный в свое время ни наполеоновским, ни германским генеральным штабом: за оболочкой того или иного “нового человека” Россия сохраняет свое ядро – укорененный старомосковский тип – продукт нашей истории и географии, а не реформационного умысла “конструкторов”» [4, с. 117]. Эта надежда на «старомосковский тип», воспитанный многими веками русской истории и не уничтоженный окончательно в XX веке, составляет основу исторического оптимизма А.С. Панарина и его прогнозов на будущее.

Подводя краткий итог рассмотрению данной темы, следует отметить, что А.С. Панарину удалось выделить и акцентировать ряд важных, но достаточно скрытых факторов исторических изменений, которые привели к краху СССР. Это факторы, относящиеся к сфере общественного сознания, которые было трудно точно зафиксировать, поскольку они резко расходились с официальной идеологией и не высказывались вслух, хотя и были общеизвестны. Осознание этих факторов в полной мере произошло уже после 1991 года. В работах А.С. Панарина эти факторы были не только четко зафиксированы, но и системно объяснены как часть общего цивилизационного процесса. Такое объяснение имеет большую ценность для понимания как истории СССР, так и для многих процессов в современной России, которые отчасти аналогичны. Зная прошлое, есть возможность избежать разрушительных процессов в будущем.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Панарин А.С. Искушение глобализмом. М.: Изд-во Эксмо, 2003. 416 с.
2. Панарин А.С. Православная цивилизация. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 1248 с.
3. Панарин А.С. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). М., 1994. 262 с.
4. Панарин А.С. Русская культура перед вызовом постмодернизма. М., 2005. 188 с.

Н.М. Канашевич

К ВОПРОСУ О РАСПАДЕ СССР: УРОКИ ДЛЯ ТЕОРИИ И ПОЛИТИКИ

Аннотация. Рассмотрены методологические подходы к исследованию причин распада СССР, дана оценка возможности применения положений синергетики к анализу этой крупнейшей геополитической катастрофы рубежа XXI века и пределов использования методологии системной бифуркации при изучении механизмов социальных трансформаций.

Ключевые слова: историческая память, историческая политика, распад СССР, постиндустриальное общество, социальная трансформация, синергетика.

TO THE QUESTION OF THE COLLAPSE OF THE USSR: LESSONS FOR THEORY AND POLITICS

Abstract. Methodological approaches to the study of the causes of the collapse of the USSR are considered, an assessment is made of the possibility of applying the provisions of synergetics to the analysis of this major geopolitical catastrophe at the turn of the 21st century and the limits of using the systemic bifurcation methodology in studying the mechanisms of social transformations.

Keywords: historical memory, historical politics, collapse of the USSR, post-industrial society, social transformation, synergetics.

Актуальность избранной темы определяется тем, что историческая память как социокультурный феномен в последнее время стала объектом пристального теоретического и практического интереса, что обозначают понятием «мемориальный поворот». В условиях информационной войны, когда коллективный Запад пытается переформатировать историю под себя, историческая память о Советском Союзе подвергается особенно агрессивному воздействию. Это осуществляется как в форме интерпретационного насилия, использования фальсификаций исторического прошлого в политических целях, так и посредством прямого разрушения артефактов материальной культуры данного исторического дискурса – мемориалов и памятников советским воинам и выдающимся полководцам, переименования улиц и городов.

Реально оценивая современную международную ситуацию, в Концепции информационной безопасности Республики Беларусь (2019) был поставлен вопрос о необходимости разработки государственной исторической политики, что рассматривается в качестве важнейшего фактора обеспечения национальной безопасности в современных условиях. В этой связи, объявление в Беларуси 2022 года – Годом исторической памяти, своевременно и значимо для нашей республики. Сохранение исторической правды о роли СССР в мировой истории важно и в связи с тем, что уходят поколения, которые являются частью этой истории.

Проблема исторической памяти о Союзе Советских Социалистических Республик – многоплановая и может стать предметом теоретического осмысления в различных аспектах. Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы предпринять попытку сравнительного анализа точек зрения по вопросу о причинах распада СССР, который не терял своей актуальности по настоящее время. Более того, значение аналитического анализа этой проблемы и учет уроков истории возрастает в современных условиях, когда коллективный Запад делает ставку на то, чтобы еще больше дезинтегрировать постсоветское пространство.

В год столетия образования СССР невозможно не задуматься о причинах распада СССР – события, изменившего геополитическую структуру современного мира и судьбы многих народов. Поразительно, но распад СССР явился полной неожиданностью, как для его руководства, так и западных экспертов-советологов, по вчерашним и нынешним признаниям которых, в тот период не было ни одного реального прогноза о таком варианте событий, если не считать зловещий мистический смысл романа Дж. Оруэлла «1984». В этой связи возникает вопрос, был ли развал СССР неизбежен или можно было избежать этой катастрофы? В дискуссии о том, что послужило причиной (ами) распада СССР в качестве основных отечественные исследователи обычно называют три:

- 1) неэффективность административно-командной системы управления, не позволившей эффективно модернизировать экономику;
- 2) осуществление плана уничтожения СССР, успешно проведенного по рецептам З. Бзжезинского администрацией Р. Рейгана;
- 3) политика демократизации, приведшая к оживлению разобщающих моментов в жизни СССР [2, с. 44].

Признавая, что все эти причины имели место, обратим внимание на три дополняющих обстоятельства. Прежде всего, отметим, что эти деструктивные для СССР факторы необходимо рассматривать во взаимодействии, что создавало дополнительный разрушительный эффект. Кроме того, специфика той исторической ситуации состояла не в частичном, а в общем, системном характере переживаемого советским обществом кризиса, охватившего все основные системы жизнедеятельности: экономику, социальную сферу, политику, общественное сознание. И главное, центробежные механизмы, безусловно, были заложены в самом командно-административном хозяйственном механизме союзного государства, но пределы этой общественной модели выявились к 1970 годам, когда перед ведущими странами мира встал вопрос о переходе к постиндустриальному обществу.

Историческая особенность развития СССР состояла в том, что в отличие от стран Азии и Латинской Америки переход к индустриальному обществу здесь начался еще в XIX столетии и завершился в советский период. По основным параметрам советское общество во второй половине XX в. стояло на пороге перехода в постиндустриальную стадию развития. Это не отрицали авторитетные западные исследователи. Дэниел Белл, в предисловии к русскому изданию «Грядущее постиндустриальное общество» (1999), относил к развитому индустриальному типу страны, расположенные на берегах Атлантики: Западную Европу, Соединенные Штаты, Советский Союз и Японию. Элвин Тоффлер в работе «Третья волна», написанной в начале 80-х годов, среди индустриальных стран, обладавших высокими технологиями, которых они достигли в различные сроки после США, называл Великобританию, Францию, Швецию, Германию, Советский Союз и Японию [4, с. 40].

Об уровне развития отдельных секторов промышленности СССР свидетельствует, например, то, что разработки поступивших в 2019 году на вооружение российской армии гиперзвуковых ракет, были начаты в СССР еще в середине 80-х годов. Однако в силу внутренних причин Советский Союз не только не смог стать лидером постиндустриального развития, но и сохранить свою государственность. Проблема для СССР заключалась как в сложности самого процесса перехода к постиндустриальному этапу, так и в специфике трансформационного процесса в этом регионе.

В СССР на этапе вступления в «третью волну» цивилизационного развития взаимодействовали два процесса. С одной стороны – переход от индустриальной стадии экономики, существовавшей здесь почти два века, к постиндустриальному обществу, с другой – отражающий задачи «догоняющего» развития процесс перехода к рынку и демократии, т. е. нерешенные задачи «второй волны» развития цивилизации. О подобной ситуации предупреждал Э. Тоффлер, когда писал, что «многие страны одновременно чувствуют влияние двух или даже трех совершенно разных волн перемен, причем все они движутся с разной скоростью и несут в себе разную силу» [4, с. 39–40]. Отметим также, что если в западных странах рыночная экономика была исторически исходной основой, с которой они начинали движение к постиндустриальному обществу, то в постсоветских государствах такой основой явилась командная (плановая) экономика.

В результате, как писал один из авторитетных социальных исследователей современного миропорядка М. Кастельс, советская система в историческом контексте перехода к постиндустриальному этапу столкнулась с особенно трудной задачей: построенная под знаменем развития производительных сил, она не смогла справиться с самой важной технической революцией в человеческой истории. По мнению этого автора, к присущим командной экономике расточительным тенденциям и навязываемой Западом стратегии замыкания технологий в рамках производства вооружений, прибавилась несовместимость вертикальной иерархии и государственной монополии на информацию с постиндустриальным трендом развития информационно-коммуникативных технологий, основанных на переходе от вертикальной иерархии к гибким сетям управления [1, с. 488–489].

Сложность рассматриваемой проблемы требует ее комплексного и междисциплинарного анализа, учитывая достижения современного научного и не только гуманитарного знания. Считаем, что более глубокое понимание причин распада СССР может сложиться на основе применения к анализу этого процесса методологии синергетики – научного направления, в рамках которого на основе эксперимента и математического инструментария изучается динамика открытых сложных неравновесных систем, от простейших физических и химических форм до сложнейших биологических и социальных систем. Представляется, что пока эта возможность в отношении рассматриваемой проблемы не получила должной оценки.

Теория системной бифуркации, определяющая ядро синергетики как научного направления, представляет интерес для обществоведения в контексте изучения социальных трансформаций и катастроф. Рассмотрим несколько ее положений, которые дают ориентиры для понимания причин и процесса распада СССР. Изучая динамику сложных открытых систем, исследователи этой школы пришли к выводу, что: «траектория, по которой эволюционирует система, характеризуется чередованием устойчивых областей, где доминируют детерминистические законы, и неустойчивых областей вблизи точек бифуркации, где перед системой открывается возможность выбора одного из нескольких вариантов будущего» [3, с. 155]. Точка бифуркации (от лат. *bifurcus* – «раздвоенный») в данной теории означает, что система теряет устойчивость и переходит к траектории спонтанной самоорганизации и скачкообразной перестройки структуры. Если до этого развитие системы определялось ее структурой и отношениями информационного обмена со средой, являлось детерминированным, то в период системной

трансформации отличается высокой неопределенностью и неустойчивостью, получает неконтролируемый и непредсказуемый характер, повышается роль фактора случайности и развитие может изменяться в широких пределах.

С позиций синергетики в условиях сложного взаимодействия компонентов открытых неравновесных систем состояние равновесия уже не рассматривается как точка на пересечении двух линий. Это пространство, в котором сосуществует большое количество взаимодействий, включая: «порядок» – стабильное (статичное) неустойчивое равновесие; устойчивое неравновесие в виде ряда состояний – «сильно неравновесная область», «вдали от равновесия», системная бифуркация, или, иначе, «на грани хаоса»; хаос – «полная потеря равновесия» и распад на более простые образования [3, с. 130, 161].

Для постсоветских обществ с середины 1980-х годов были характерны именно ситуации «далекие от равновесия»: дисбалансы в экономической и политической системе, межнациональные конфликты, неспособность ответить на «вызовы» западного постиндустриального общества. Механизм трансформационного развития в СССР был запущен попытками руководства СССР во главе с М.С. Горбачевым осуществить «перестройку». Реализация непродуманных структурных реформ привела к тому, что административно-командная экономика перестала функционировать на основе своих правил и не могла больше справляться с задачей восстановления равновесия, получили развитие неконтролируемые процессы не только в различных сферах общественной жизни, но и на уровне макросистемы. Это привело к изменению характера общественных отношений и распаду союзной государственности.

С позиций синергетической методологии поучителен тот урок, что в системе, достигшей критической точки, достаточно легкого толчка, чтобы ввести ее в хаос. В ситуации «далекой от равновесия» повышается роль фактора случайности, и вектор развития может изменяться в широких пределах. «В сильно неравновесных условиях процессы самоорганизации соответствуют тонкому взаимодействию между случайностью и необходимостью» [3, с. 161]. Может происходить как нарастание порядка, осуществляться самоорганизация и воспроизводство новой более сложной организации, так и развиваться состояние непрерывных трансформационных изменений и переход системы к траектории саморазрушающегося развития, полной дезинтеграции, распаду на более простые состояния [3, с. 149–153].

Тем не менее, при всей важности выводов, сделанных школой синергетики в процессе изучения механизмов самоорганизации, нельзя считать, что это научное направление решает все проблемы познания трансформационных процессов в обществе и дает полную картину причин распада СССР. Идеи синергетики предлагают лишь общие представления о системных трансформациях и позволяют обозначить их контуры, но не отвечают на вопрос о специфике трансформационного развития в конкретных социальных системах. Как заметили сами И. Пригожин и И. Стенгерс, «применяя естественнонаучные понятия к социологии или экономике, необходимо соблюдать осторожность» [3, с. 262].

На основе изучения и систематизации мнений видных современных философов и экономистов, занимающихся возможностями применения синергетического подхода в обществоведческих науках, автор статьи считает важным отметить следующие особенности социальной трансформации, учет которых имеет значение при анализе причин распада СССР:

- обусловленность социальной трансформации объективными особенностями социокультурного развития и природно-климатическими условиями общества (традиции и менталитет населения, геополитическое и геоэкономическое положение, структура производства);

- влияние общемировых тенденций на развитие трансформационного процесса в конкретном обществе (степень отставания от других стран, обострение глобальных и цивилизационных противоречий, истощение природных ресурсов и др.);

- обусловленность социальной трансформации не только результатом объективных социальных потребностей и противоречий, но и следствием влияния на этот процесс интересов и целей людей (интеллектуальной, идеологической и политической элиты, лидеров и масс), их сознательных и бессознательных действий по изменению своей жизни;

- зависимость трансформационного развития от воздействия на эти процессы субъекта, инициировавшего преобразование (они могут быть инициированы как «снизу» в силу протеста широких масс, так и «сверху» – правящей элитой, обладающей государственной властью и использующей ее для проведения необходимых реформ);

- возможность различных методов преобразования как медленной эволюции старой системы, ее структур и отношений, так и посредством проведения сжатых во времени радикальных преобразований общественных отношений в форме скачкообразной трансформации («шоковой терапии»);

- не действие в социально-экономических системах закона подобия: конструирование трансформационных реформ по аналогии в иных социокультурных, экономических и политических условиях, не ведет к воссозданию объекта, принятого за эталон;

- ответственность субъекта, инициировавшего реформы за результат трансформации в случае отклонения от параметров развития общества и выхода за допустимые пределы, обусловленные его природой и объективными возможностями (потеря контроля над переходными процессами, переход к стихийному развитию, потеря государственности).

Очевидно, что одним из главных аргументов против автоматического перенесения методов, разработанных в естественных науках на процесс социальной трансформации, можно считать то, что специфической чертой социальных систем является неотделимость общественных отношений от сознательной деятельности людей, объективного от субъективного.

При ответе на вопрос была ли альтернатива распаду СССР, необходимо учитывать, что социальная трансформация – сложный процесс порождения нового, в котором всегда присутствует «фактор X» – то неизвестное, что может вызвать неожиданный поворот в общественной жизни, предусмотреть который не всегда возможно. Присутствие человека в историческом процессе не в качестве пассивного продукта общественных структур, поведение которого жестко детерминировано, а в качестве субъекта, обладающего свободой воли, действующего под знаком негарантированного и неопределенного выбора, делает трансформационный процесс более сложным, нелинейным, и менее познаваемым по сравнению с объектами естественнонаучного знания.

В условиях СССР многое зависело от возможности советской политической и интеллектуальной элиты освоить постиндустриальную модель развития, правильно оценивать свои ресурсы и ограничения в контексте социокультурной и хозяйственной специфики страны, разработать стратегию формирования предпосылок для вхождения в новый постиндустриальный цикл цивилизационного развития и систему глобального разделения труда.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кагельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

2. Кизима С.А. Внешняя политика Республики Беларусь: пособие / С.А. Кизима, А.Л. Шевцова. Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2020. 150 с.

3. Пригожин И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс ; пер. с англ. Изд. 4-е, стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2003. 312 с.

4. Тоффлер, Э. Третья волна. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. 784 с.

ПЕРЕХОД ОТ ОБЛАСТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЗАПАДНОГО РЕГИОНА СОВЕТСКОЙ РОССИИ К БЕЛОРУССКОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы воздействия революции 1917 года на систему власти и административно-территориальную организацию в Западном регионе России. Работа представляет собой исследование проблемы становления регионального механизма советской власти в 1917–1919.

Ключевые слова: революция 1917 года в России, региональная организация власти, Западный регион России, административно-территориальная организация, формирование советской власти.

THE TRANSITION OF REGIONAL SYSTEM OF WESTERN REGION OF RUSSIA TO BYELORUSSIAN SOVIET REPUBLIC

Abstract. In this article the impact of revolutions in 1917 on the system of the power and the administrative-territorial organization in the Western region of Russia is examined. This article represents the research of the difficult and insufficiently explored problem of formation of the regional mechanism of the Soviet power in 1917–1919.

Keywords: revolutions of 1917 in Russia, regional authorities, the Western region of Russia, the administrative-territorial organization, formation of the Soviet power.

С конца XIX века модернизация российского общества стала стремительно вовлекать в свою орбиту национальные окраины. Особенно наглядно этот процесс проходил в Западном крае России, где совместно проживали и русские, и белорусы, и евреи, и поляки. Распад российской государственности в ходе первой мировой войны стал частью системного кризиса российского общества. Белорусские националисты попытались противопоставить белорусов русскому народу и таким образом взять власть. Исполнительный комитет (Народный секретариат) провозгласил: «Мы Рада Белорусской Народной Республики сбрасываем с родного края последнее ярмо государственной зависимости, которое силою накинута российскими цари на нашу свободную и независимую страну. Белорусская Народная Республика должна обнять все земли, где живет и имеет численное преобладание белорусский народ, а именно: Могилевщину, белорусской части Минщины, Гродненщины, Виленщины, Витебщины, Черниговщины и смежные части соседних губерний заселенных белорусами» [1]. Минск рассматривался как естественная национальная столица государства, хотя 54 % населения Минска составляли евреи. Реально Рада выступала в роли марионетки по формированию протектората Германии на российской земле. Окончательно свою сущность белорусская Рада выявила в польско-советской войне. Услужливость к польским оккупантам лишила националистическое движение остатков влияния.

Именно национализм был конкурентом большевиков в претензиях на власть, анационалистические проекты в тех условиях в России могли состояться только при иностранной поддержке. Советская модернизация России формировала инновационную культуру, в то время как на национальных окраинах усилилась анимодернизационная реакция. Политическое творчество большевиков спланировало и централизовало российское пространство на принципиально новой основе.

Западная область во главе с Облискомзапом (областным исполкомом) и столицей в Смоленске объединила всю неоккупированную территорию Западного края. Областные партийно-советские органы под руководством К.И. Ландера, а затем А.Ф. Мясникова (Мясникяна) оказались способны создать единую структуру власти на уездном и волостном

уровнях. Срастание партийно-советского аппарата завершилось уже к концу 1918 года. Новый политический механизм стал формой адаптации к окружающей среде и одновременно источником реорганизации российского общества в соответствии с политикой «военного коммунизма». Процесс автономизации Западной и других областей создавал ограничения тенденции свержения централизованной политической системы России.

10 сентября начался вывод немецких войск из 5 уездов Витебской губернии. Германия уже не могла контролировать положение. 13 сентября областной комитет партии отверг предложение ЦК о переименовании Западной области в Белорусско-Литовскую республику и переименовал область в Западную коммуну. Одновременно была проведена реорганизация витебских и могилевских губернских органов. В сентябре – октябре был завершён процесс организации партийных районных комитетов по всем уездам области.

9 ноября А.Ф. Мясников сообщил областному комитету, что в ЦК созрело желание полностью устранить существующие области – Уральскую, Западную и Северную. Председатель ВЦИК Я.М. Свердлов так выразил эту позицию: «в свое время области являлись исторической необходимостью, теперь же они стали тормозом в деле управления. Они были созданы по принципу географическому, а не по принципу производственному, поэтому они должны быть переконструированы» [2]. Впрочем, кроме обоснования необходимости восстановления губерний, ставился вопрос о переводе А.Ф. Мясникова и ряда ключевых областных руководителей в Москву. В большевистской партии кадровые переброски стали основным методом разрешения конфликтов.

В связи с выводом немецких войск областной комитет совместно с ЦК принял стратегию установления советской власти в Минской губернии. Установки центральных органов сводились к согласованию действий с германским военным командованием. Мирный вывод войск подтвердил способность Германии и Советской России тесно взаимодействовать в поддержании порядка на оккупированных территориях. Вооружённые столкновения произошли только в районе Гомеля с украинскими частями. Украина претендовала на белорусские и русские земли и здесь никакого согласования не могло быть.

Областной комитет партии реализовал свою власть, используя кадровую политику и назначая партийных руководителей на командные должности в советском аппарате. Вначале в советах, а затем и в партии в 1918 году произошло подчинение выборных органов своему исполнительному аппарату. Тем самым органы управления достигали не только оперативности в решении управленческих проблем, но и ограничивали инициативу и самостоятельность низовых органов. Происходил процесс бюрократизации прежних самостоятельных организаций. Помимо сужения круга руководителей в Облискомзапе, усиливалась роль его президиума. А президиум Облискомзапа «совместили» с президиумом областного комитета партии. Такая концентрация власти позволяла с одной стороны действительно полностью контролировать положение в Западном крае, но с другой стороны делало уязвимой эту конструкцию власти. Стоило нейтрализовать руководящую группу, как оказывалось, что вся система партийно-советских органов не могла отстоять самостоятельность области.

К осени 1918 года усиление советского государства привело к столкновению центральных органов власти и образовавшиеся в результате распада российского государства областные объединения. В западном регионе России это столкновение приобрело форму конфликта по национальному вопросу. Структурное подразделение Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР (нарком И.В. Сталин) – Белорусский национальный комиссариат (Белнацком), белорусские секции РКП(б) стали инструментами вмешательства в Западную область. Деятельность Белнацкома должна была содействовать пробуждению национального самосознания белорусского народа и подготовить его к восприятию идеи национального самоопределения на советской основе.

Белнацком еще в августе 1918 г. разработал Проект Декрета о создании Белорусской области в качестве автономной политической единицы на правах самостоятельности в своей хозяйственной и политико-административной жизни. Белнацком и Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР совместно выступили за создание советской белорусской государственности. Лидером белорусского движения в РКП(б) был Д.Ф. Жилунович, а членами – бывшие руководители партии Социалистическая Громада, уверовавшие в коммунистические идеалы и социалистическую Белоруссию.

15 ноября ЦК принял решение об упразднении областей и создал комиссию ВЦИК во главе с Я.М. Свердловым для его осуществления. Милитаризованное построение большевистской партии обрекало низовые органы на полное подчинение воле ЦК. Наиболее дальновидный и гибкий участник мясниковской группировки И.И. Рейнгольд так прокомментировал сложившееся положение: «Это решение продиктовано совершенной оторванностью ЦК от областного строительства. Нельзя сводить Советскую власть к вывеске и перейти к назначению губернаторов из центра». Он предложил обратиться к другим областям, чтобы выступить против ЦК единым фронтом. При невозможности дальнейшего сопротивления, И.И. Рейнгольд предложил более сложный вид интриги, так как в комиссии Свердлова «никто не имеет определенного плана и тот, кто сумеет такой план представить, может оказаться победителем» [3].

В результате революций в Германии и Австро-Венгрии популярность большевиков резко возросла. Советская власть обрела смысл как принципиально новый тип разрешения мировых и российских проблем. 10 декабря в Минск вступили советские войска вместе с Минским ревкомом во главе с И.И. Рейнгольдом и ЧК во главе с В.И. Яркиным. Партийно-советский механизм власти действовал на основе четкой и целенаправленной программы. Советская власть утвердилась по всему Западнему региону. 23 декабря ВЦИК РСФСР признал Западную область с центром в Минске и в составе Смоленской, Могилевской, Витебской, Минской и Гродненской губерний. Но тут-то и проявилось противоречие новой системы власти, в которой партийная власть значила больше официальной государственной, и решения которой определялись политической целесообразностью.

24 декабря ЦК РКП(б) принял решение о создании белорусской республики и ряда других «буферных» республик. Республика-буфер должна была сыграть роль защитного щита против Украины и Польши. Правительство и его руководителя – председателя белорусской секции РКП(б) Д.Ф. Жилунович утвердили в ЦК. С областным комитетом решение уже не согласовывали, ему надлежало лишь исполнить боевой приказ. Нарком по делам национальностей И.В. Сталин от имени ЦК известил об этом А.Ф. Мясникова: «ЦК партии решил по многим соображениям, о которых теперь говорить не приходится, согласиться с белорусскими товарищами на образование Белорусского советского правительства. Вопрос этот решен и обсуждать уже не приходится, необходимо только произвести некоторые изменения в конструкции Облискомзапа. Партийные товарищи должны будут разделиться на две группы по двум указанным ветвям партийно-советской работы» [4].

Ни для руководства Западной коммуны, ни для руководства Советской России создание Советской Социалистической Белорусской Республики не являлось организацией собственно белорусской государственности. 6 Северо-западная партийная конференция объявила себя 1 съездом коммунистической партии Белоруссии. А.Ф. Мясников заявил, что «Западная коммуна должна объявить себя самостоятельной Советской Социалистической Белорусской Республикой» [5], но «положение по существу должно остаться прежним». Съезд единогласно утвердил ЦБ (центральное бюро) «верховным органом в Республике и верным оком ЦК» [5, л. 35]. В губерниях руководство должно было осуществляться районными комитетами, а в уездах подрайкомами партии. Из Смоленской губернии передавались в Московскую губернию Гжатский, Сычевский,

Вяземский и Юхновский уезды. В состав республики включили часть Ковенской (Ново-Александровский, Виленский, Свянцянский и Ошмянский уезды) и часть Виленской губернии. Из Черниговской губернии включали Августовский, Суражский, Мглинский, Стародубский и Новозыбковский уезды. Для принятия решения о территории белорусской республики использовали статистические данные переписи 1897 года.

31 декабря в Смоленск прибыло правительство Д.Ф. Жилуновича. Они были «чужаками» и для руководства и для партийной конференции. Единственное, что делало их стороной переговоров о разделе власти, была воля ЦК партии. Только Д.Ф. Жилунович и И.В. Легун были включены в состав 15 членов Центрального бюро компартии Белоруссии. Областное партийное руководство отвергло требование Д.Ф. Жилуновича сохранить параллельную организацию белорусских коммунистов, разглядев в нем претензию не только на формальную государственную власть, но и на реальную партийную. Д.Ф. Жилунович постоянно прерывал переговоры и связывался с И.В. Сталиным для получения руководящих инструкций. Кроме того, в ход шли угрозы выхода из состава ЦБ. И.И. Рейнгольд настоял на необходимости «сговориться». Вынужденный союз двух группировок был закреплен как в составе ЦБ, так и в составе правительства. Правительство и ЦБ имели право «непосредственного сношения» с ЦК партии. На самом деле спор между двумя партийными группировками озвучивал расхождение в базовом принципе формирования политической элиты. Группировка Д.Ф. Жилуновича стремилась преобразовать региональную элиту в этническую.

1 января был издан Манифест о создании Белорусской республики, который подписали Председатель Временного рабоче-крестьянского правительства Д. Жилунович и члены правительства А. Мясников, С. Иванов, А. Червяков и И. Рейнгольд. 2 января начался переезд органов власти в Минск. В Смоленской губернии было решено восстановить губернскую организацию. Смоленский ревком, так же как и Минский ревком должны были подготовить и созвать губернские съезды советов, чтобы узаконить назначенные органы власти и оперативно решить другие неотложные вопросы.

Так, Смоленский губернский комитет возбудил вопрос о «присоединении» 4 уездов Смоленской губернии, «переданных» ЦК в Московскую губернию, к Белорусской республике. Юхновская парторганизация устроила партийный бунт, обратившись в ЦК и уездные исполкомы с протестом «против постановления ЦБ, воспретившим обсуждение вопроса о присоединении Смоленской губернии. Подтверждаем нежелание быть отторгнутым от всероссийского центра и насильственного присоединения к Белоруссии» [6]. Проведенная в 1920 году перепись подтвердила, что абсолютное большинство населения в Могилевской, Витебской и Смоленской губерниях считает себя русскими. Создание Белорусской государственности проводилось партийным руководством, которое само было не готово к политике белоруссизации.

Уже 16 января ЦК партии решил ликвидировать «суверенную» республику и создать новую – Белорусско-Литовскую: «Для политического руководства командировать т. Иоффе. Поручить ему провести через местные советы, а затем через съезд Советов Белоруссии выделение из Белорусской республики губерний Витебской, Смоленской и Могилевской» [7]. ЦК решил объединить территорию Минской и Гродненской губерний с Литовской республикой. Внешняя угроза, в связи с поражением Германии, была устранена, поэтому необходимости в сильной Западной области ЦК не испытывал.

При обсуждении решения ЦК Г.П. Найденков заявил, что «отрывая большую часть республики (области), где существует уже налаженный правительственный аппарат, ЦК наносит большой ущерб делу организации». И.И. Рейнгольд пытался опереться на моральную сторону доверия в партии: «Для решения подобных вопросов ЦК должен был сговориться с ЦБ, а не выносить неприемлемых решений». А.Ф. Мясников дал стратегический анализ данному решению: «Сперва Республика, несмотря на протесты

была создана, теперь она расчленяется, то есть разрушается область. Принцип централизации при таком положении вещей обращается в бюрократизм. Только там, где есть областные объединения более или менее налажено дело. Областные объединения могут создать нечто прочное и стройное. Отделение этих губерний разрушит всю двухлетнюю работу по созданию области» [8].

2 февраля на заседание ЦБ прибыл Я.М. Свердлов в сопровождении А.А. Иоффе и В.С. Мицкявичус-Капсукаса. Я.М. Свердлов реально воплощал в партийную практику роль партийно-советского диктатора. В этот же день был проведен 1 съезд советов Белорусской и Литовской республик, который единогласно одобрил проект создания Литовско-Белорусской республики. Столицей был назначен город Вильно. А.А. Иоффе руководил всем процессом формирования новой республики. Во главе правительства А.А. Иоффе предложил «местного товарища, исходя из соблюдения декорума» [8, л. 24 об.]. Республика – буфер должна была быть абсолютно несамостоятельна и полностью зависима от центральных органов власти. Ее главой назначили партийного чиновника, исполняющего только те решения, которые ему спускали сверху. В.С. Мицкявичус-Капсукас и был таким исполнителем в духе грядущих времен. Команда Мясникова талантливо сумела организовать власть и управление в западном регионе России. Они создали устойчивую систему партийно-советской диктатуры. Но на определенном этапе централизации власти оказались противниками дальнейшего усиления «центра» и проиграли эту борьбу.

Новое руководство оказалось абсолютно несостоятельным. Проведение рекомендованного Свердловым репрессивного курса против среднего крестьянства привело к потере поддержки населения. Территория республики плохо контролировалась партийной, советской и военной властью. Уже к июлю 1919 года польские войска захватили Вильно и Минск. Белорусско-Литовская республика закончилась полным крахом.

Переход к осуществлению политики белоруссификации в 1920 году немедленно обернулся административным насаждением белорусского языка: «Проведение белоруссификации Гомельской, Витебской и Смоленской губерний с целью их выравнивания по Минщине на предмет обеспечения нормального и национального развития белорусского населения в присоединившихся частях должно идти неуклонно и последовательно» [9]. Административным образом все делопроизводство было переведено на белорусский язык в течение года. А для всех не владеющих белорусским языком устанавливался запрет на службу во всех учреждениях и организациях БССР. Аналогично проводилась и украинизация УССР. Национальная государственность оценивалась как верная опора власти, в то время как областничество рассматривалось как угроза политическому режиму. Белоруссификация и «коренизация» аппарата стали составными частями укрепления власти. Оценивая существующую практику притеснения русской культуры и русского народа в ныне суверенных государствах бывшего СССР, можно утверждать о преемственности и востребованности большевистской национальной политики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. А. Цвинкевич. Краткий очерк возникновения Белорусской народной республики. Киев 1918, Минск 1990. С. 15–16.
2. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 13. Оп. 1. Д. 11. Л. 114.
3. ГАСО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 110. Л. 114.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 130. Оп. 2. Д. 820. Л. 13.
5. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.
6. ГАСО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 98. Л. 3.
7. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 2. Д. 12. Л. 1.
8. Национальный архив республики Беларусь (НА РБ). Ф. 4. Оп. 1. Д. 2. Л. 20–21.
9. НА РБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 278. Л. 21.

**ЗДРАВООХРАНЕНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ РЕГИОНОВ СССР,
ПОДВЕРГШИХСЯ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ:
ПРОБЛЕМЫ ВЫЖИВАНИЯ ОТРАСЛИ**

Аннотация. Статья посвящена исследованию вопросов, связанных с выживанием сферы здравоохранения на подвергшихся оккупации германской армией в период Великой Отечественной войны территориях СССР. Несмотря на понесенные потери, под воздействием ряда факторов медицинская отрасль захваченных врагом районов после их освобождения войсками Красной Армии была в достаточно короткий срок восстановлена, имела возможность обеспечения населения необходимой медицинской помощью и поддержания санитарной обстановки.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, оккупация, здравоохранение, медицина, эвакуация, восстановление.

**HEALTH CARE ON THE TERRITORY OF THE REGIONS OF THE USSR
THAT WERE SUBJECTED TO NAZI OCCUPATION:
PROBLEMS OF SURVIVAL OF THE INDUSTRY**

Abstract. The article is devoted to the study of issues related to the survival of the healthcare sector in the territories of the USSR that were occupied by the German army during the Great Patriotic War. Despite the losses incurred, under the influence of a number of factors, the medical industry of the areas captured by the enemy after their liberation by the Red Army troops was restored in a fairly short time, had the opportunity to provide the population with the necessary medical care and maintain a sanitary situation.

Keywords: Great Patriotic War, occupation, healthcare, medicine, evacuation, restoration.

Проблемы функционирования различных отраслей отечественной экономики в условиях военных конфликтов, «холодной войны», санкционного давления остаются актуальными для нашей страны на протяжении как минимум ста лет. После победы большевиков в октябре 1917 года государство неоднократно сталкивалось с различными внешними вызовами, ставившими под сомнение деятельность его институтов и сфер жизнедеятельности. Наиболее мощным из них является Великая Отечественная война, ставшая испытанием на прочность для всего Советского Союза. Пристальный интерес к событиям войны сохраняется и сегодня, а некоторые ее аспекты до сих пор нельзя считать в достаточной степени изученными и осмысленными. К ним, безусловно, можно отнести проблемы, связанные с оккупацией германской армией территории СССР.

В общей сложности в оккупированных гитлеровской Германией и ее союзниками в период с 1941 по 1944 год районах СССР ранее проживало около 85 млн человек или 45 % населения страны. Наибольшее количество населения находилось в оккупации по состоянию на ноябрь 1942 года [12, с. 20]. Под властью нацистов оказались Литовская, Латвийская, Эстонская, Белорусская, Украинская, Молдавская, Карело-Финская ССР, 13 областей РСФСР.

Состоянию сферы здравоохранения в районах, подвергшихся немецко-фашистской оккупации, посвящено немало исследований советских, российских, белорусских, украинских специалистов. Как правило, в них констатируется ухудшение качества и доступности медицинских услуг для жителей оккупированных территорий, отмечается огромный ущерб, причиненный учреждениям здравоохранения, проведение германскими властями репрессивно-карательной политики в отношении отдельных категорий населения. В оккупированных и прифронтовых районах в результате действий нацистов было разрушено и разграблено 6 тысяч больниц, 33 тысячи поликлиник, диспансеров и амбулаторий,

976 санаториев, 656 домов отдыха. Уничтожению подверглись 60 заводов и фабрик химико-фармацевтической и медико-инструментальной промышленности [15, с. 762]. Крайне болезненной для отрасли стала гибель от рук нацистов большого числа медицинских работников. В то же время в советской и постсоветской историографии практически отсутствуют исследования, авторы которых рассматривают проблемы выживания самой сферы здравоохранения захваченных врагом территорий, а также причины, способствовавшие ее относительно быстрому восстановлению.

Следует отметить, что к началу войны советское здравоохранение, как и большинство других сфер экономики и общественной жизни страны, находилось на подъеме. Система здравоохранения формировалась на принципах бесплатности, доступности и профилактической направленности. Развиваясь в предвоенное десятилетие ускоренными темпами, она достигла довольно высокого уровня. К этому времени был осуществлен переход к государственному финансированию, объединению всех лечебно-профилактических учреждений, аптечного и курортного дела под управлением Народного комиссариата здравоохранения (Наркомздрава) СССР. Коренным образом была реорганизована система подготовки медицинских кадров. Успехи здравоохранения выражались не только в увеличении количества учреждений медицины и работавшего в них персонала, но и в снижении смертности, росте продолжительности жизни, естественном приросте населения многих регионов. В значительной мере был преодолен к этому времени разрыв между состоянием здравоохранения в различных районах страны [6, с. 44]. Недавний накопленный опыт способствовал тому, что после освобождения оккупированных территорий государство повторно осуществило здесь организацию работы системы здравоохранения.

Вторым фактором, обеспечившим возможность дальнейшей деятельности сферы медицины в подвергшихся оккупации районах страны, стала эвакуация имущества, оборудования, инструментов, препаратов, а также сотрудников лечебных и образовательных медицинских учреждений в тыловые районы страны. Проведена она была не повсеместно, далеко не в полном объеме. Однако во многих случаях имущество и персонал учреждений здравоохранения, эвакуированные на Урал, в Закавказье, Сибирь, Среднюю Азию и другие регионы, после освобождения западных районов страны вернулись на свои прежние места. Реевакуация материальной базы и медицинских работников активно осуществлялась в 1943 и 1944 году. Отметим, что в Красноярске, Челябинске, Ярославле и ряде других городов, где до войны не было медицинских вузов, на базе эвакуированных институтов начали действовать новые высшие медицинские учебные заведения [9, с. 421].

Иные оценки значения, оказанного эвакуацией учреждений медицинской отрасли в тыловые районы, приводят в своих исследованиях современные украинские авторы. По их мнению, вывоз советскими властями на восток СССР оборудования, медикаментов, персонала медицинских учреждений, наряду с мобилизацией многих медицинских работников в ряды Красной Армии, послужили основными причинами ухудшения санитарной обстановки, росту числа заболеваний среди населения Украины в период оккупации. В свою очередь реевакуация материальной базы и сотрудников медучреждений после освобождения республики советскими войсками была осуществлена далеко не в полном объеме – на территории России, республик Средней Азии, как подчеркивают авторы, осталась значительная их часть [7, с. 63, 168, 173]. В этой связи напомним, что в восстановлении народного хозяйства пострадавших от оккупации союзных республик, не считаясь с огромными трудностями, принимал участие весь советский народ. Государство, прикладывая максимум усилий и считая эту задачу одной из первоочередных, с честью с ней справилось.

Выживанию сферы здравоохранения оккупированных районов способствовало и то, что многие медицинские работники ушли в партизанские отряды. Наиболее характерно

это было для западных районов страны. Так, на территории бывшей Белорусской ССР отток медработников в партизанские отряды привел к тому, что обеспеченность их медицинскими кадрами была выше, чем гражданских лечебных учреждений. К моменту соединения с частями Красной Армии в действовавших на территории республики партизанских формированиях насчитывалось 580 врачей и 2 133 работника среднего звена [21, с. 178]. Впоследствии они принимали активное участие в восстановлении деятельности медицинских учреждений республики.

Сохранению работоспособности сферы здравоохранения на оккупированных территориях способствовало и то, что в период оккупации германские власти были вынуждены продолжить деятельность части лечебных заведений. В первую очередь это касалось медицинских учреждений общей практики. Во время оккупации они подвергались разграблению, испытывали нехватку финансирования и снабжения всем необходимым, однако многие из них продолжали действовать. В отдельных случаях оккупационные власти разрешили работу медицинских учреждений высшего и среднего медицинского образования. Организовать их полноценную работу они не смогли, выпуск специалистов за время оккупации практически не осуществлялся [4]. Однако именно эти учреждения на территории Украинской, Белорусской ССР, РСФСР (в особенности на Северном Кавказе) после восстановления советской власти в относительно короткие сроки восстановили свою работу, наладив подготовку так необходимых армии и тылу медицинских специалистов [3, с. 77–78].

Определенную роль в возможности восстановить работу системы здравоохранения после окончания оккупации сыграло и то, что оккупанты фактически использовали созданную в советское время структуру управления сферой медицины. Медицинские отделы, отвечавшие за работу лечебных учреждений и состояние санитарной обстановки на подконтрольной территории, были встроены в систему гражданского управления [5, с. 23]. Как правило, они руководствовались наработками отделов здравоохранения советского периода. Частично сохранился и персональный состав органов управления здравоохранением на местах.

Важно отметить, что, несмотря на оккупацию значительной части территории СССР, в целом управление отраслью медицины и сферой здравоохранения утрачено не было. Напротив, сложная ситуация заставила мобилизовать ресурсы страны, дала толчок развитию определенных направлений производства, науки, образования. Производство мыла из отходов маслосбойных, мыловаренных, нефтеперегонных заводов было налажено десятками артелей и предприятий местной промышленности Саратовской, Горьковской и других областей [16, с. 1]. В лаборатории Пятигорского бальнеологического института к маю 1942 года, еще до оккупации Северного Кавказа врагом, было освоено производство эфира, глюкозы, натрия, жженой магнезии, подготовлен выпуск стрептоцида и уротропина. Пятигорский фармацевтический институт отчитался об успешном получении препарата витамина *C* в соединении с железом. Лаборатория медицинского института в Ставрополе производила адреналин, инсулин, оварин, спермокрин, а также получила препарат витамина *K* из листьев каштана [11, с. 3]. При этом руководство основными вопросами производства медицинских материалов и лекарственных препаратов осуществлялось Наркомздравом СССР [13].

При осуществлении медицинскими и научно-исследовательскими институтами научной работы в большинстве случаев в корне изменились методы ее ведения и тематика самих работ. Основными темами стали лечение военных травм, борьба с последствиями ранений, разработка более совершенных методов диагностики, профилактики и лечения инфекционных заболеваний, мер борьбы с их распространением, вопросы борьбы с детской заболеваемостью. Определенных успехов в этом направлении добились, в частности, ученые Молотовского (Пермского), Саратовского, I Московского (эвакуирован в Уфу) медицинских институтов. За большие заслуги видные советские ученые,

работники медицинских институтов – академики А.И. Абрикосов, Н.Н. Аничков, профессор А.В. Вишневецкий, Н.Н. Петров, А.А. Заварзин, С.С. Юдин, С.И. Спасокукоцкий, О.Ю. Магидсон – стали лауреатами Сталинской премии [2, с. 21]. Важную роль в вопросах популяризации научных знаний и скорейшего внедрения новых практических разработок играли проводившиеся повсеместно научные конференции [20, с. 4].

Пережив страшное потрясение, государство и советский народ с утроенной энергией налаживали работу различных отраслей экономики в тыловых районах, а затем восстанавливали разрушенное в ходе боевых действий и оккупации хозяйство, работу предприятий социальной сферы на оккупированных ранее территориях. Примечательно, что уже после освобождения первых захваченных врагом районов советское государство оценило урон, нанесенный оккупантами сфере медицины, здоровью населения, окружающей среде. Определило оно и меры, необходимые для обеспечения возможности медицинского обслуживания местных жителей, улучшения санитарно-эпидемиологической обстановки. В передовице газеты «Правда» от 6 марта 1942 года отмечалось: «Партия и правительство отпускают огромные средства на восстановление культурно-бытовых учреждений в освобожденных районах. Туда выезжают врачи, там восстанавливаются больницы и аптеки, снабжаемые медикаментами и оборудованием. Во многих районах уже работают врачебные отряды, проверяющие санитарно-эпидемическое состояние городов и сел. Опираясь на помощь населения, а также на братскую помощь других районов, не испытывавших гнета гитлеровских разбойников, медицинские работники могут и должны восстановить в этих пунктах то санитарное благополучие, в котором они находились до прихода оккупантов» [16, с. 1].

Еще более развернуто задачи здравоохранения в освобождаемых районах Московской, Калининской, Тульской, Орловской, Курской, Смоленской областей сформулировал в этот же период времени народный комиссар здравоохранения Г.А. Митерев. Одной из главных задач, направленных на восстановление работы лечебных и санитарных учреждений в этих районах, он считал подбор и правильное распределение медицинских кадров [10].

Позднее значительное влияние на процесс восстановления медицинской сферы на освобожденных территориях оказали работы видных деятелей науки и организаторов здравоохранения. В них рассматривались санитарные последствия боевых действий и оккупации, исследовался ущерб, причиненный системе здравоохранения оккупированных и прифронтовых районов [1; 8; 14; 19]. Большое значение на исследование данной проблематики оказала деятельность созданной в 1944 году под председательством Г.А. Митерева Центральной комиссии по изучению медико-санитарных последствий войны. Обобщению собранных материалов способствовало проведение ряда конференций, организованных Институтом здравоохранения и истории медицины под руководством Н.А. Семашко [17; 18].

Таким образом, выживание сферы здравоохранения захваченных германскими войсками в период Великой Отечественной войны территорий и ее восстановление в близких к довоенным масштабам были обусловлены рядом факторов. Во многом советскому здравоохранению, опиравшемуся на собственный недавний опыт, пришлось вновь повторить тот путь, по которому оно прошло в своем развитии в предвоенное десятилетие. Положительную роль в деле восстановления системы охраны здоровья населения подвергшихся оккупации районов сыграли эвакуация и дальнейшая реэвакуация элементов медицинской отрасли на эти территории. Сказалось и то, что отрасль медицины, получив в тяжелейших условиях войны достаточно мощное развитие, стала способной к частичному самовосстановлению. Это касалось возможности воспроизводства материальной базы и подготовки медицинских кадров различной квалификации. Централизованное руководство отраслью осуществлялось Наркомздравом СССР, приложившим

большие усилия для сохранения и последующего восстановления системы здравоохранения находившихся в оккупации территорий. Отдельно следует отметить трудовой подвиг советского народа в дело восстановления народного хозяйства в целом и медицинской отрасли в частности. В результате воздействия указанных факторов сфера здравоохранения, получившая огромный урон, но не уничтоженная захватчиками в полном объеме и функционировавшая в период оккупации в ограниченном режиме, смогла восстановиться и достаточно динамично развиваться в послевоенные десятилетия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вебер Л.Г. Организация санитарно-противоэпидемической работы в освобожденных от оккупации районах // Гигиена и санитария. 1944. № 7–8. С. 48–53.
2. Карапетян Г.Н. Очередные задачи медицинских вузов // Советское здравоохранение. 1942. №7. С. 20–24.
3. Карташев А.В. Работа высших учебных заведений на Ставрополье в период Великой Отечественной войны // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. № 2. С. 73–80.
4. Карташев И.В. Медицинские образовательные учреждения в условиях немецко-фашистской оккупации территории СССР // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9. № 1. С. 39–49.
5. Карташев И.В. Особенности организации медицинского обслуживания населения на оккупированных территориях СССР в период Великой Отечественной войны // Гуманитарные и юридические исследования. 2020. № 1. С. 22–32.
6. Карташев И.В. Состояние здравоохранения на Северном Кавказе в условиях немецко-фашистской оккупации 1942–1943 гг. (на материалах Кубани и Ставрополья): дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2020. 265 с.
7. Кицак Б.В. Медичне забезпечення населення в райхскомісаріаті «Україна» в 1941–1944 рр.: дис. ... канд. іст. наук. Житомир, 2018. 242 с.
8. Марзеев А.Н. Санитарно-эпидемиологическое обслуживание движущихся масс // Гигиена и санитария. 1945. № 6. С. 37–40.
9. Медицинские институты // Большая Медицинская Энциклопедия. 3-е издание. Том 14. М.: Советская энциклопедия, 1980. 496 с.
10. Митерев Г.А. Очередные задачи здравоохранения в освобожденных районах // Советское здравоохранение. 1942. № 3–4. С. 3–7.
11. Мобилизуем витаминные богатства края // Орджоникидзевская правда. 1942. 24 июня.
12. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг.: статистический сборник. М.: Госкомстат СССР, 1990. 235 с.
13. Натрадзе А.Г. Очередные задачи медицинской промышленности Наркомздрава СССР // Советское здравоохранение. 1943. № 4–5. С. 3–11.
14. Натрадзе А.Г., Качалов С.Ф. Материальный ущерб, причиненный здравоохранению Союза ССР немецко-фашистскими захватчиками в Великую Отечественную войну // Советское здравоохранение. 1946. № 3. С. 10–22.
15. Нюрнбергский процесс: сборник материалов / под ред. К.П. Горшенина (гл. ред.) и др. 2-е изд., испр. и доп. Т. 1. М.: Госюриздат, 1954. 936 с.
16. Санитарное обслуживание населения // Правда. 1942. 6 марта.
17. Санитарные последствия войны и меры по их ликвидации: Труды 1-й Конференции 22–24 апреля 1946 г. М.: Медгиз, 1947. 264 с.
18. Санитарные последствия войны и меры по их ликвидации: Труды 2-й Конференции 17–19 декабря 1946 г.: В 2 т. Т. 1. М.: Акад. мед. наук СССР, 1948. 180 с.; Т. 2. М.: Акад. мед. наук СССР, 1948. 127 с.
19. Семашко Н.А. Об изучении санитарных последствий войны // Советское здравоохранение. 1945. № 12. С. 11–19.
20. Советская медицина – фронту и стране. Научно-оборонная конференция в Ворошиловском мединституте // Орджоникидзевская правда. 1942. 12 июля.
21. Тищенко Е.М. Медицина партизанских зон Беларуси // Журнал Гродненского государственного медицинского университета. 2010. № 2. С. 178–180.

ПРОКСИ-НАЦИОНАЛИЗМ РУССКОГО СОЦИАЛИЗМА И УКРАИНСКИЙ ВОПРОС В СССР. ВВЕДЕНИЕ¹

Аннотация. Русский социализм, к началу XX века почти полностью перешедший на марксистский язык описания социальной реальности независимо от его, социализма, политических вариантов, воспринял вместе с языком описания и основные схемы предполагаемого решения национального вопроса. Образцом для революционного преобразования наследия многонациональной Российской империи стала аутентичная часть лидирующей на рубеже XIX–XX веков немецкой (германской и австрийской), марксистской социал-демократии – социал-демократия Австро-Венгрии. Логично, что образцом для исследования и практики модельного решения национального вопроса стал опыт многонациональной, со второй половины XIX века – дуалистической, дуоцентричной Австро-Венгрии. В этом контексте роль второго центра будущей революционной и Советской России осознанно отводилась Украине.

Ключевые слова: украинский вопрос, социалистическое движение в России, западные образцы обсуждения национального вопроса, принципы советского национального строительства.

PROXY NATIONALISM OF RUSSIAN SOCIALISM AND THE UKRAINIAN QUESTION IN THE USSR. INTRODUCTION

Abstract. Russian socialism, which by the beginning of the 20th century had almost completely switched to the Marxist language of describing social reality, regardless of its political options, socialism, took along with the language of description the basic schemes of the proposed solution to the national question. The model for the revolutionary transformation of the legacy of the multinational Russian Empire was the authentic part of the German (German and Austrian), Marxist social democracy that was leading at the turn of the 19th–20th centuries – the Social Democracy of Austria-Hungary. It is logical that the experience of multinational, since the second half of the 19th century – dualistic, duocentric Austria-Hungary, has become a model for the study and practice of a model solution of the national question. In this context, the role of the second center of the future revolutionary and Soviet Russia was consciously assigned to Ukraine.

Keywords: Ukrainian question, socialist movement in Russia, Western models of discussion of the national question, principles of Soviet nation-building.

1. Национальная сложность России / СССР и практический социализм

Нет никакого сомнения в том факте, что генетически и исторически Россия и Украина принадлежат к единому корню, единой ойкумене – Руси. Это не мог игнорировать даже крупнейший теоретик украинского национализма М.С. Грушевский, изобретя для своих нужд специальное имя «Украина – Русь». Это искусственное и контрфактическое присвоение имени увенчалось в сталинской советской историографии ясным актом тотальной монополизации наследия Руси в пользу вымышленной в XIX веке «Киевской Руси». Русь, Историческая Россия равно объединяют четыре восточнославянских народа: русских (в прежние времена – великороссов), украинцев (малороссов), белорусов и русинов. Их *общее* древнейшее историческое, ещё летописное, имя – *русские* (от *Русь*, с одним *с*). Их многократно зафиксированная в опросах, переписях, свидетельствах доминирующая идентичность ещё сто лет назад основывалась на признании единого культурно-исторического корня *русских*. И это было выбором единства и утверждением единства на основе общей истории, языка, веры, культуры. Именно на этом доминирующем фоне развивались кабинетные, журнальные, интеллигентские упражнения в этнографии по изобретению новых национальных языков – и поэтому, исходя из нормы рубежа XIX – XX вв.

---

¹ Материал, послуживший основой для доклада на конференции, перепечатывается с разрешения автора и интернет-издания ostkraft.ru. Ссылка на оригинал публикации: <https://ostkraft.ru/ru/articles/1851>.

о том, что язык равен национальности, – титульных национальностей. Такой подход прямо диктовал легитимацию *этнического* национализма сразу после наделения его правом на этническую государственность.

При этом *политический* национализм (то есть патриотизм всех жителей суверенного государства, независимо от их национальностей, и политическое единство его народа) в евро-атлантическом мире стал главным результатом борьбы Северо-Американских Соединённых Штатов за независимость от Британской империи и Французской революции (в СССР традиционно называвшейся Великой) в конце XVIII века. Его продолжениями и превращениями в XIX веке стали большие общенациональные (но разноплеменные) движения за объединение Германии и Италии, национально-освободительные (и уже не общенациональные, а этнические) движения народов внутри Австрии и Османской империи и т. п.

Современная интернациональная наука давно выработала в целом единый взгляд на феномен империй. Его я определил бы кратко как *гетерогенное, сложное, разноуровневое государственное единство*. Именно это *единство из множества* (в традиционной официальной риторике США звучащее в латинском лозунге *expluribusunum*) в националистической современности XIX–XXI веков служит идейной основой для, как кажется носителю государственной имперской воли, управляемого создания среди составных элементов империи особых национальных проектов, одним из примеров которых является Украина. Носителю воли этот проект представляется *обнаружением* (созданием устойчивой) *сложности, укрепляющей* империю, а на деле превращается именно в *создание сложности*, в определённый момент ослабления государственной мощи и воли становящейся фактором *разрушения* империи через её *фрагментацию, упрощение и расчленение*.

Американский историк-русист, исследуя модерную современность, солидарно цитирует в качестве общего мнения науки интегральное описание (критическое) империй и (почти апологетическое, но с весьма критическими оговорками) национализма в таком виде:

«Империи – это крупные политические образования, нацеленные на экспансию, либо хранящие память о территориальной экспансии, это государственные образования, которые практикуют принципы различия и иерархии в процессе инкорпорации нового населения. В основе национального государства, напротив, лежит идея единого народа, живущего на единой территории и мыслящего себя как особое политическое сообщество (...) национальное государство стремится к гомогенизации населения внутри его границ и к исключению (каким именно образом? – *М.К.*) всех, кто не вписывается в этот проект, тогда как империя захватывает и включает...» [1, с. 19–20].

В этом историографическом контексте становится особенно ясно, что Российская империя во взаимном противоборстве великих держав – *континентальных* (то есть не колониальных) империй (Османской, Российской, Австро-Венгерской) равно с её конкурентами стала объектом атаки разрушительных этнических национализмов, которыми управляли конкурирующие *колониальные* Британская и Французская империи. Именно эти последние сделали своим острым оружием лозунг *национальных государств*, которые строились как зависимые от них разрушители противостоящих империй: эти проекты я полагаю возможным именовать как **прокси-национализм, то есть этнический национализм, которому отводится роль строительства национальных государств под контролем господствующей (в мире, на континенте, в империи) силы**. Он стал инструментом глобализации в начале XX века, стал лозунгом разрушения многонациональных имперских Австро-Венгрии, Российской, Османской, главным содержанием национального строительства в соответствии с провозглашёнными в январе 1918 года империалистическими «14 пунктами» президента США В. Вильсона и большевистской «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», целью которой была мировая революция, прямо политически управляющая революционными

народами и их национальными государствами. Именно *прокси-национализм* коммунизма в России стал на многие десятилетия его инструментом мировой революции, послевоенного мироустройства после 1945 года, антиколониальной мировой революции после 1960 года и дальнейшей политике СССР. Их опыт прямо и непосредственно вырос из опыта XIX века, когда идейно расцвёл этнический национализм, а царская Россия и Османская империя стали главными объектами готовящегося Западом многонационального расчленения. Именно этот опыт стремились реализовать в России русские революционеры, чтобы затем распространить его на весь мир, сделав стержнем, принципом «сборки» этой мировой этнонационалистической мозаики – мировую коммунистическую революцию. Известная доктрина Ленина и Сталина о «социализме в одной стране» как протекционистское отступление от практики немедленной мировой революции Ленина и Троцкого была именно тактической задержкой для консолидации революционного ядра в лице Советской России и никогда не была актом отказа Сталина от перспективы мировой революции вплоть до его собственной смерти. Напротив, именно Сталин уже с конца 1918 года (статья «С Востока свет») и особенно в 1920-е практически поднимал и поддерживал борьбу за Красный Восток (и его центр в Китае), а в 1940-е коммунизировал Восточную Европу и Балканы после Великой Отечественной войны.

В первом разделе Конституции СССР 1924 года, повторяющем Декларацию о создании СССР 1922 года, прямо указывалась конституционная перспектива Мировой ССР (снятая в 1936 году). Примечательно, что в самый момент учреждения СССР, 31 декабря 1922 года, в своих записках «К вопросу о национальностях или об „автономизации“» Ленин писал именно в духе подчинения практики государственного строительства СССР мировой национальной мозаике и допускал возможность «оставить союз советских социалистических республик лишь в отношении военном и дипломатическом».

Национально-государственная политика Российской империи была сложна, разнородна и разнообразна и этим могла практически и доктринально послужить большевикам, ибо её опыт содержал в себе яркие примеры и богатейший институциональный опыт создания особых этнических территорий в составе России (Польши, Финляндии, немецкого Остзейского края) и управления ими, но нельзя сказать, что именно эта мозаичность как-либо радикально повлияла на национальный проект большевиков. Они лишь, в противоречие своей пролетарской идеологии признав национальную независимость именно *буржуазных* Финляндии и Польши, неудачно попытались их завоевать в ходе новых революционных войн (повторения французских), но потерпели поражение.

Националистическое разрушение империи служило русским революционерам точкой консенсуса с западными (властными и революционными) противниками русского царизма и царской России. Компромиссной, переходной формулой этнонационалистического расчленения служила реальная венгеро-немецкая, дуалистическая монархия Австро-Венгерской империи, внутри которой вызревали чешское, словацкое, австрийское, венгерские национальные государства, а потенциальное русинское – как часть русского народа – подавлялось и геноцидно истреблялось. Внутри неё ясно создавались и комплектовались польские и украинские национальные кадры. Нет сомнения и давно изрядно описано в интернациональной историографии, что украинский проект названного свойства имел своей задачей не только смены идентичности русинского народа, переформатирования Галиции (Галичины), но и подготовку германского аншлюса российской имперской этнографической Малороссии с превращением её в протекторат «Украина».

Австрийская дуалистическая монархия, политически выращивая в своей Галиции из русинов (по самоназванию «русских») отдельное от всё ещё слабо дифференцированного восточнославянского, «русского» массива – украинство, имела своей целью было создание мощного этнографического тарана против западной части Российской империи. Однако для абсолютного большинства галицийской, украинской, малороссийской части

большого русского народа эти усилия местных властей оставались почти незаметными, пока в 1914 году австрийские власти не начали её принудительную ассимиляцию, сопровождаемую актами геноцида, который имел своей целью полноценную этническую инженерию – истребление даже намёка на русскую идентичность русинов и замену их украинской. Эту замену затем в своих интересах, создавая против многонациональной Польши Большую Украину, последовательно проводил в конце 1930-х – 1945 года сталинский СССР. Это очень ярко проявилось в ходе заключения Брестского мира между Германией и её союзниками в 1918 году с Украиной под властью Центральной Рады и затем – в течение же тоже года в практике германского и австро-венгерского оккупационного управления Украиной.

Помимо давно запланированных и понятных усилий Германии и Австро-Венгрии по отчленению, подчинению и колонизации Украины, в том числе путём её украинской «национализации» ради создания отдельного титульного национального государства, были и иные факторы, заставившие уже в 1917 году ещё Временное правительство России признать верхушечную, никем не избранную, политически и экономически бессильную, но амбициозную украинскую Центральную Раду в Киеве фактической национальной властью Украины в тех её пределах, на которые эта Рада риторически претендовала. Она точно следовала этнографической традиции считать язык основой национальности, точно следовала решению Императорской Академии Наук России о признании украинского языка самостоятельным языком в 1905 году, распространяла свои территориальные претензии на все области южнорусских говоров, формально украинизируя их, то есть на Дон и на Кубань. И Временное правительство фактически отступало перед этим и лишь местные казачьи власти на Дону и на Кубани стояли на пути этой уже не только картографической экспансии. С началом германо-австрийской оккупации украинской этнографической части России, с началом буквального нашествия германо-австрийских войск на эту территорию вплоть до Дона картографические мечты во многом стали реальностью. Так формально кабинетный, научный вопрос о национальном лице, национальной идентичности – исторически почти мгновенно превратился в орудие империалистического (и капиталистического!) империализма и геноцида (против русинов).

Фундаментальной исторической травмой для Советской России стал Брестский мир РСФСР с Германией и её союзниками, который весной 1918 года официально отрезал Украину от России, а по ходу его подготовки отдал в германскую оккупацию Украину, Прибалтику и фактически Финляндию. Советская Россия предметно опасалась утраты имперской столицы – Петрограда – и перенесла её в Москву, и допускала возможность эвакуации столицы даже в Казань и Екатеринбург.

Германская оккупация Украины, а затем и Закавказья, признание большевиками независимости Финляндии, а затем и оккупированной Германией Польши, – прямо поставили вопрос о принципиальном решении проблемы независимого национально-государственного строительства одновременно с надеждами на мировую революцию, по дороге к которой возникали (чаще всего – впервые или после длительного перерыва) многочисленные национальные государственности.

Практически весь XIX век Россию, в конце XVIII века принявшей участие в разделах Польши вместе с Пруссией и Австрией, атаковал антирусский польский этнический национализм, подавляя даже саму мысль о возможности собственных интересов великороссов, украинцев и белорусов, хотя в результате названных разделов Польши Россия присоединила к себе только этнографически литовские, белорусские, украинские и русские территории. На тот момент этническая идентичность этих народов была в зачаточном состоянии, колебалась между локальным самоопределением как «тутейших», языковой или конфессиональной солидарностью, но точно – не была польской. Их самоопределение вне польского великодержавия отрицалось, их демографический потенциал на подлинно имперской территории бывшей и будущей польской Речи Посполитой по умолчанию прибавлялся к общей сумме чужого для них, ассимиляторского национального (этнически националистического) государства.

История «национального вопроса» (межнациональные отношения, государственная национальная политика, этнические конфликты, практический и теоретический национализм, сепаратизм и ассимиляция) и в России была известна давно – и именно в тени австро-германской науки (и страшно сказать – практики: с самого начала XX века. В меру общественной свободы, социально-политического заказа или личной ангажированности, исследователи хорошо изучили основные межнациональные предпосылки той государственной катастрофы, что постигла полиэтничную Россию в 1917-м и полиэтничный СССР в 1991-м.

Выстраивая новый государственный проект, Советская Россия руководствовалась этнографическим знанием XIX века, открывшим для себя сложность внешне монолитный наций и выбравшим главным фактором этничности язык, задачами мировой революции, которая должна была придти на место континентальных (Германской, Австро-Венгерской, Османской и Российской) и колониальных (Британской и Французской) империй. Новый мировой коммунистический порядок (по конституции СССР 1924 года, СССР был шагом на пути к созданию Мировой ССР, МССР), как можно предположить, с точки зрения переходного государственного строительства, был вдохновлён опытом многонациональной Австро-Венгрии и на практике применён к территории бывшей Российской империи. В своём теоретическом плане эта МССР строилась как сеть национальных государств, объединённых Коммунистическим Интернационалом, ядром и донором которого служила Российская (Всесоюзная) коммунистическая партия (большевиков). Первым крупным национально-государственным проектом этой Мировой ССР была Советская Украина, созданная волей русских большевиков. В этом проекте также ясно видится опыт Австро-Венгрии, в течение более чем полувека просуществовавшей как двойственная (дуалистическая) монархия – двух государств: Австрии и Венгрии. В Советской России, построившей вокруг себя СССР и намеренной построить вокруг себя (в союзе с ожидаемой Советской Германией) Мировую СССР, вторым государственно-национальным (и потому – индустриальным) центром которых должна была стать «русская Венгрия» – Украина.

Поэтому надо прямо сказать: исходя из фундаментальных доктринальных соображений о *мировой коммунистической системы как совокупности национальных государств* именно Ленин и Сталин на деле создали территориально огромную Советскую Украину, освободив её от многочисленных белых армий, защитив её от польского и румынского империализмов, вложив в неё огромные силы всего СССР, приняв её в 1918–1920 годах под своё управление и обеспечив ей с самого начала приоритетное централизованное финансирование из Москвы и, главное, изначально сформулировав ей национальные, языковые, этнические цели как национального государства как части будущей МССР, проведя последовательную многолетнюю украинизацию («коренизацию») территории УССР (наряду с рядом соседних районов РСФСР). Кроме главной, общемировой, принципиальной цели создания УССР, несомненной была и, так сказать, континентальная стратегическая цель для Большой Украины. Этой целью была межвоенная Польша, почти вернувшая себе границы конца XVIII века и служившая прямой военной угрозой для СССР, в актуальной исторической памяти которого было его громкое и кровавое военное поражение в ходе советско-польской войны 1920 года. Польша тогда остановила прорыв Советской России в сторону Германии, без промышленности которой, только лишь за счёт демографических и аграрных ресурсов России, мировая революция была утопией, – и оставила за собой западные части этнографических Белоруссии и Украины. В таких условиях военно- и мобилизационно-демографически мощная межвоенная Польша, при уже явленной в 1920 году поддержке тогда победных (по итогам мировой войны) и непобедимых в Евразии Британской и Французской империй – была главным непосредственным врагом для СССР и угрожала ему аншлюсом советских Белоруссии и Украины. Инструментом анти-аншлюса, тараном, вторым устоем СССР и мыслилась в СССР Советская Украина, в 1918 году укрупнённая большевиками за счёт русского (территории Войска Донского) Донбасса.

Большая (советская) Украина оставалась и главной в Восточной Европе ресурсной целью для Германии, только-только начавшей накопление сил для реванша в новой, будущей мировой войне. Даже после Великой Отечественной войны, когда Восточная Европа стала протекторатом СССР, в советской пропаганде продолжал звучать мотив особой роли Украины (то есть «Киевской Руси») в переустройстве Восточной и даже Средней (то есть прямо взятой из традиционной, давней немецкой риторики о Срединной Европе – Mitteleuropa!) Европы. Советский пропагандист писал об этом прямо, проводя прямую диахроническую связь между Киевом вчера и Москвой сегодня и завтра, то есть, сохраняя Киев во главе Большой Украины в качестве второго исторического фундамента СССР. Дополнительным аргументом к оживлению славянской темы, реализуемой СССР специально в применении к его протекторатам в Восточной Европе и на Балканах, стали и территориальные претензии СССР к Турции в Закавказье, которые также затронули и османское наследие на Балканах:

«Тесное общение между родственными по происхождению, языку и культуре славянским населением Восточной, Юго-Восточной и Средней Европы существовали уже в первые века нашей эры... Во времена Киевской Руси (X–XII вв.) русско-славянские отношения приобретают характер постоянных культурно-политических связей... В XIV веке национальным центром русского народа становится Москва... С первых же лет XV века Москва привлекает к себе пристальное внимание братских народов, и прежде всего южных славян, подвергшихся нападению турок. Москва становится средоточием культурных связей славянства. В XVII веке русский народ сыграл выдающуюся роль в избавлении от иноземного господства украинцев, в XVIII веке – белорусов. Что касается южных и западных славян, то непосредственную помощь в их борьбе за национальное освобождение Россия смогла оказать в XIX веке. Крупнейшим фактором политической жизни России в XIX веке становится революционная борьба... Одновременно в славянских странах широко развёртывается освободительное движение, ставящее своей целью свергнуть владычество немцев и турок» [2, с. 3–4].

Понятно, почему Сталин и контролируемая им советская историческая наука к концу 1930-х приняли для Древней Руси имя «Киевская Русь» – этого требовал советский проект Большой Украины, рождённый из опыта дуалистической Австро-Венгрии (она была образцом для немецких марксистов и, значит, русских социалистов в области национальной политики) и предназначенный для противостояния СССР с Польшей – ближайшим и крупнейшим врагом СССР на его Западе вплоть до 1939 года. Но зачем они всю диахронию отечественной истории подчинили этой «украинской» ойкумене? Ведь Сталину стоило больших усилий преодолеть стратегическую инерцию этого угрожаемого с Запада двоецентриа, когда он ещё в 1925 году начал с большим политическим трудом реализовывать проект урало-сибирского «второго индустриального центра» СССР. Именно он, этот тыловой центр, в 1941–1945 года, когда Советская Украина была утрачена под гитлеровской оккупацией, стал основой победы СССР в Великой Отечественной войне. Эмигрантское правительство Польши в Лондоне, начиная с 1943 года активизировало свои претензии на Западные Белоруссию и Украину в послевоенном устройстве, но они были отвергнуты Сталиным.

Однако конституционное положение Украинской ССР как *национального государства* в составе СССР, формально равное положению других союзных республик, имело своим главным фундаментом именно *созданное усилиями всего СССР* её особое, отдельное экономическое развитие (для других союзных республик бывшее всё ещё дальней задачей). Это было ясно выражено в сталинской Конституции СССР 1936 года, действовавшей вплоть до 1977 года. В толковании к ней, изданном одновременно с созданием этой конституции, ответственный сталинский политический юрист А.Я. Вышинский, с конца 1920-х и вплоть до смерти Сталина бывший главным лицом государственной правовой риторики, так (без радикальных к тому оснований) объяснил, почему Киргизия и Казахстан, одновременно с принятием новой Конституции

СССР 1936 года, были *повышены в статусе* из автономных в составе РСФСР (Советской России) до союзных республик в составе СССР: «Удельный вес Казахстана и Киргизии в народном хозяйстве СССР полностью оправдывает их превращение в новые союзные республики». А ликвидацию соучредившей СССР в 1922 году ЗСФСР и раздел её на Грузию, Армению, Азербайджан (и внутри их ряд автономий), непосредственно входящие в СССР в качестве союзных республик, аргументировал так: «Ныне республики Закавказья из аграрных стран превратились в индустриально-аграрные страны». Все союзные республики конституционно имели суверенное право на выход из СССР. В реальности коммунистической диктатуры в СССР это означало, что на пути к полной мировой революции допускалось *за счёт отделения их от России и затем от СССР* – создание независимых национальных государств, пронизанных единой или централизованной мировой коммунистической организацией.

При этом принципиально важно иметь в виду пример преобладающе русской по населению буферной Дальневосточной республики (1920–1922), созданной большевиками и упразднённой сразу после присоединения к Советской России. Опыт этого протектората, временно служившего лишь тому, чтобы избежать прямого столкновения Москвы с Японией, ясно говорит о том, что Россия как национальное государство большевиками не рассматривалась даже в её фрагменте. И никаких, даже ради гибкости регионального управления, русских титульных образований внутри СССР, РСФСР и особенно внутри союзных или автономных республик (кроме недолговечных русских национальных районов) создано не было.

Национальное строительство в СССР после Второй мировой войны получило масштабное продолжение и развитие не только в его протекторатах – странах «народной демократии» Восточной Европы и Балкан и в совершенно особой сфере бывшего Красного Востока 1920–1930-х гг. – в политике СССР в отношении Китая и Индии, огромных континентальных государств, добившихся независимости, а затем – и дальнейшей деколонизации в Азии и Африке в 1960-е годы. В их случае метод раздробления территории на национальные государства (или создания национальных государств из многоплеменных сообществ, связанных лишь языком колонизаторов) уже не работал. Приблизительно говоря, континентальные державы, Китай и Индия, столкнувшись с проблемой территориального единства, не могли не учесть интегральный опыт СССР как *континентальной* державы, творя свою суб-мировую революцию в наднациональном масштабе. Создатель независимости Индии Джавахарлал Неру анализировал эту перспективу накануне обретения независимости так, что это не могло не соотноситься с опытом национального и *наднационального* строительства в СССР, когда его фундаментальный труд был переведён на русский язык вскоре после смерти Сталина и когда СССР вёл перенастройку своей риторики мировой революции (актуальной ещё в докладе Г.М. Маленкова на последнем сталинском съезде партии в конце 1952 года). Неру посвятил этому специальную главу своего труда, названную «Индия: разделение, сильное национальное государство или цент наднационального государства?», где внятно выстраивал путь огромного континентального единства. Он беспокоился о том, что при отделении от Британской империи новая Индия потеряет мусульманские части Британской Индии (то есть тогдашний Пакистан на восток и на запад от самой Индии). И в итоге предрекал своей континентальной Индии именно мировое значение, косвенно отвечая на опыт СССР, теоретически допускавшего отделение коммунистических национальных государств ради мозаики единой мировой революции, и утверждавшего единство политической нации, к формулированию которой власть СССР пришла только в 1977 году, исторически поздно объявив о появлении союзной политической нации:

«Это единство [в рамках Британской Индии, включающей в себя Пакистан – *М.К.*] является географическим, историческим и культурным, но самый мощный фактор, действующий в его пользу, – это развитие мировых событий. Многие из нас придерживаются мнения, что Индия представляет собой, по существу, единую нацию. (...)

Часто выдвигают требование о предоставлении любому хорошо организованному району права на отделение от индийской федерации или союза и в качестве примера ссылаются на СССР. Этот довод не убедителен, так как условия там совершенно иные, и это право не имеет большого практического значения. В той эмоциональной атмосфере, которая царит в настоящее время в Индии, возможно, представляется желательным согласиться с этим на будущее, дабы создать столь необходимое чувство свободы от принуждения. (...) Кроме того, возможность разделения и раскола в самом начале чревата серьёзной опасностью, ибо такая попытка может убить в самом зародыше свободу и сделать невозможным создание свободного национального государства. (...) Тихий океан, вероятно, займёт в будущем место Атлантического в качестве нервного центра всего мира. Индия, не являясь непосредственно тихоокеанским государством, будет, однако, неизбежно оказывать там значительное влияние. Кроме того, Индия превратится в центр экономической и политической деятельности района Индийского океана, Юго-Восточной Азии и территории, простирающейся до Среднего Востока. Её положение придаёт ей экономическое и стратегическое значение в той части мира, которую ждёт в будущем быстрое развитие. (...) Г.Д.Х. Коул считает, что Индия сама по себе является наднациональным районом, и полагает, что в конечном счёте ей суждено стать центром могущественного наднационального государства, охватывающего весь Средний Восток и лежащего между китайско-японской советской республикой, новым государством, в которое войдут Египет, Аравия и Турция, и Советским Союзом на севере. Всё это – чисто предположительно, и никто не может сказать, произойдёт ли это когда-нибудь. Я, со своей стороны, не сторонник разделения мира на несколько огромных наднациональных территорий, если они не связаны какими-то прочными международными узами. Но если люди будут столь безумны, что откажутся от международного единства в какой-то международной организации, тогда, вероятно, надо ждать возникновения этих огромных наднациональных районов, из коих каждый будет функционировать как одно огромное государство, в которых сохранится автономия на местах. Малые национальные государства обречены. Они могут выжить в качестве территорий, пользующихся культурной автономией, но не как независимые политические единицы».

Самоупражнение СССР как транснационального политического единства в пользу национальных государств и России как федерации в 1991 году оставило Украину наедине с национально-государственным проектом *Большой Украины* – в том виде, как его создали большевики, Ленин и Сталин – включающей Закарпатье, Западную Украину, Буковину, Южную Бессарабию, Крым и Донбасс. Они, используя для создания Большой Украины ресурсы всего СССР, ставили ей другую, мировую задачу. Однако независимая после СССР Большая Украина решила взять своей целью ту судьбу, что нарисовал ей американский стратег польского происхождения – Збигнев Бжезинский: стать самоистребительным орудием Запада в борьбе против России.

Нет сомнений, что этот проект оказался для современной, всё более националистической Украины избыточен, велик и слишком сложен. Поэтому сегодня Украина стоит перед самым главным, принципиальным вопросом в своей истории: стать окончательно этно-национальным государством, отказавшись от империалистических территориальных претензий на Юго-Востоке – или стать спасительной для неё федерацией, опять же – отказавшись от своего националистического империализма. Именно эта судьба Украины решается сегодня, в эти дни. И мы – её свидетели.

Апологеты ленинской модели создания СССР из «союзных» республик, которой Сталин короткое время – до принятия окончательного решения – пытался противопоставить свою «автономизацию» (их прямое включение в Советскую Россию) – умалчивают о том, что такая ленинская модель в её *идеале* была конфедерацией ради мировой революции. Компетентный американский исследователь, обладающий ценным личным советским опытом и потому свободный в анализе источников от магии риторики и буквализма, обоснованно отмечает:

«Советская национальная политика формулировалась и осуществлялась националистами. Ленинский тезис о реальности наций и «национальных прав» был одним из самых долговечных в его карьере; ленинская теория благотворного национализма (см. его слова о национализме малых наций – *М.К.*) легла в основу Союза ССР; а ленинская политика «национального строительства» обернулась необыкновенно успешной государственной кампанией по риторическому слиянию языка, «культуры», территории и «коренизированной» бюрократии. Ленинская гвардия отчаянно равнялась на вождя, но подлинным «отцом народов» стал И.В. Сталин. «Великий перелом» 1928–1929 гг. обернулся самым экстравагантным прославлением этнического плюрализма из всех, что когда-либо финансировались государством. «Великое отступление» середины 1930-х сузило круг «цветущих национальностей», но призвало к более интенсивному культивированию тех из них, которые обильно плодоносили. И наконец, за Великой Отечественной войной последовало официальное разъяснение, что класс вторичен по отношению к национальности...» [3, с. 329].

Однако на деле план Сталина по «автономизации» государственно-национального строительства в 1922 году описывал именно *практику* сложившихся внутрисоветских, межреспубликанских государственных отношений. План Ленина по созданию СССР (как Мировой ССР) продолжал *программу-максимум* мировой революции. Но после учреждения СССР Сталин стал подлинным мотором *антирусской* (против России и за счёт России) «коренизации» (титულიзации национализации союзных республик и внутриреспубликанских автономий) как метода подготовки национальных государств как плацдармов для мировой революции. Именно об этом централизованном выращивании локальных национализмов в СССР в целом и особенно в его союзных республиках убедительно говорит Терри Мартин в своей эпохальной и научно сенсационной книге о том, как в СССР реализовывалась «позитивная дискриминация» в пользу создаваемых им советских народов.

Сталинская модель «автономизации» лишь повторяла его собственную доктринальную, также довоенную – 1913 года, схему, опирающуюся на образец Австро-Венгрии. В годы Гражданской войны реальное положение советских республик было близко к автономным (если можно вообще говорить об автономности во время войны). Апологеты «ленинской модели» создания СССР из «союзных» республик, которой Сталин пытался противопоставить свою «автономизацию» (их прямое включение в Россию) лицемерят. Они умалчивают о том, что такая ленинская модель в *идеале* была конфедерацией ради мировой революции (со стержнем в виде Коммунистической партии) и потому даже конституционно называлась Мировой ССР. То есть была доктринально продиктована большевиками. Основой этой доктрины в применении к России были расчленительные политические трактаты Ленина 1914–1915 годов. Но в практике 1918–1921 гг. советские республики и близко не имели «союзного» положения внутри СССР. Ибо в перспективе предназначены были для мирового строительства *вне СССР и за счёт СССР*, что на практике не означало ничего иного, кроме мирового строительства *вне России и за счёт России*.

Наконец, в этом контексте ленинско-сталинскую Советскую Украину следует признать наиболее последовательно реализованным советским проектом в сфере национального строительства, который в её лице *Большой Украины* достиг апогея её гипертрофированного национально-государственного строительства как *малой империи* (впрочем, по масштабу своему вполне сопоставимой с Австро-Венгрией). Такой её сделали крупные территориальные приращения к изначальной Советской Украине, которые были произведены Лениным (Донбасс, 1918), Сталиным (Западная Украина, 1939; Буковина и Южная Бессарабия, 1940; Закарпатье, 1945) и Хрущёвым (Крым, 1954). Примечательно, что незадолго до убийства, находясь в глухой радикальной оппозиции к Сталину, Лев Троцкий по-своему, но в той традиции, тоже следовал этому проекту Большой Украины, перед лицом приближающейся войны СССР с гитлеровской Германией и прямо во время начала войны Германии против Польши – противопоставляя отдельную, самодостаточную, *национальную* и даже *монациональную* Советскую Украину ненавистному ему сталинскому СССР. Он писал в своём «Бюллетене оппозиции (большевиком-ленинцев)» в июле и августе 1939 года:

«Главной частью украинской нации является нынешняя советская Украина. Развитие промышленности создало здесь могущественный чисто-украинский пролетариат. Ему предстоит быть руководителем украинского народа во всей его дальнейшей борьбе. Украинский пролетариат хочет вырваться из тисков бюрократии. (...) в чем же собственно состоит «центризм» лозунга независимой советской Украины».

И далее: «Вот почему мы говорим: Да здравствует независимая советская Украина!».

2. Национализм в России и доктринальный социализм

Историческая Россия была счастливо лишена искушений правящего этнического национализма, строя свою идентичность вокруг конфессионального и языкового стержня. Просвещение дало ей два импульса национализма, которые легко легли в эти русла конфессионального и языкового единства: французский и немецкий.

Собственный политический национализм в России восходит к образу (общенационального) Отечества, введённому в доминирующий военно-государственный и идеологический лексикон Петром Великим и потому тесно переплетённому им с монархической лояльностью. Он стал основой для имперской идеологии, свободной от этнических сужения и эксплуатации.

Новый, общественный, общегражданский, политический, не монархический импульс для формулирования русского имперского (государственного) национализма дала Французская революция и увенчавший её император Наполеон Бонапарт. В перспективе Французской революции и её императорской эволюции просуществовала вся история русского антисамодержавного освободительного движения вплоть до большевистской революции 1917 года, послереволюционного «термидора» и установления диктатуры Сталина.

Прямо из-под оккупации французского революционного империализма вырос столь же яркий и мировой образец национализма культурно-языкового (поначалу вполне антиимпериалистического) – общенемецкий национализм Фихте. Он стал философией и нормой европейского национального освобождения и государственного объединения, практически (почти) не замечая национальных меньшинств, неизбежно попадающих в поле национального объединения (в германском случае это были поляки и евреи, обречённые на ассимиляцию). Во след ему поднялось национальное восстание и объединение Италии. Возрождающиеся и борющиеся за объединение Германия и Италия стали в центр революционного и либерального пафоса в России. При этом Германия стала также образцом и массового успешного социал-демократического движения, чей германский патриотизм (и даже защищаемая им сама Германская империя как объединённое национальное государство) воспринимались в России как патриотизм прогресса, национализм передовой нормы.

Благодаря своему социализму, объединённая национальная Германия точно так же служила альтернативой государственному национализму русского самодержавия, как служила ею либеральная, но колониальная Британская империя, зримо отводившая России удел новой Индии (в то время как Россия хотела быть новой Америкой). В глазах социалистического и либерального освободительного движения в России государственный национализм Российской империи был «тюрьмой народов», то есть многонациональной империей на пути стремлений народов к независимости, в первую очередь – на пути ассимиляторской националистической Великой Польши дораздельных масштабов, то есть включая этнографические литовские, белорусские, малороссийские (украинские) и др. территории (которые даже в межвоенной Польше XX века составляли до 50 % населения). Логика националистической борьбы заставляла видеть в русской империи националистического врага, каковым она не была. Это тем более было видно по тому, как именно Российская империя остановила ассимиляцию Финляндии её шведским правящим классом и тем самым невольно дала старт для финского националистического проекта Великой Финляндии.

Нет сомнений в том, эти французский и германский образцы национализма изначально равно содержали в себе идеалистические, религиозные, социальные и социалистические принципы общенационального и политического строительства. В России этот социал-либеральный проект религиозного национального освобождения и объединения пал жертвой революции 1905 года и главной его фигурой стал поп Гапон.

При этом именно германский объединительный и протекционистский социал-консервативный национализм противостоял либеральной фритредерской риторике британского империализма. Германский образец воспитывал в России последователей немецкого национал-либерализма (а затем – и национал-большевизма, не выросшего в национал-социализм): они и либо вели конкурентную имперскую борьбу против Германии, либо пестовали революционную с ней солидарность. А собственная (вполне маргинальная) попытка строительства либерального русского имперского национализма была не только утверждением верховенства имперской государственности, но и почти отрицанием её этнографической сложности как несущественной.

Этнонациональная и конфессиональная сложность была хорошо видна именно социалистическому и либеральному освободительному движению в России. Политически её пестовали польский, финляндский и еврейский вопросы (украинский не был политически громким), а этнографически он исходил из собственного богатого ссыльно-каторжного опыта русских революционеров. Однако подлинная сложность национального вопроса в монопольном владении социалистического и либерального консенсуса развивалась и рассматривалась в пределах западных образцов: расчленяемых в большинстве проектов будущего мирового устройства Австро-Венгерской и Османской империй на национальные (территориальные) единицы, а также доминионы, протектораты и колонии иных великих держав.

Ради этой национальной сложности должна была умереть и Российская империя как младший союзник любых победителей в мировой борьбе. И защитников большой Исторической России вне её уходящих самодержавия и монархии вообще было ничтожно мало: максимум, что обещал ей социал-либеральный консенсус в России, была слабая федерация (вскоре умершего) австро-венгерского образца, из вдохновений которого выросла расчленительная часть доктрины главного большевистского специалиста по национальному вопросу – Сталина. Второй половиной ленинско-сталинского решения мирового национального вопроса должна была стать стержневая коммунистическая диктатура над сетью национальных социалистических государств. Повторю: «Сталинский социализм в одной стране, пришедший на смену марксо-энгельсовской и ленинско-троцкистской мировой революции, лишь развил в пользу России сложившийся западный цивилизационный расизм, отводивший ей маргинальную роль, использовал богатое германское наследие строительства великой державы на основе экономического протекционизма изолированного государства, применил в пользу Советской власти индустриально-колониальную технологию „первоначального накопления“». И добавлю: социализм в одной стране – был передышкой, но *категорически не исключал перспективы мировой революции до самого конца правления Сталина.*

С другой стороны, британский образец воспитывал в России либерал-империалистов, для которых конкуренция с Британской империей была исключена (и даже – конкуренция с покровительствуемой ею Османской империей!). России в мире Британии и русских англоманов была отведена судьба колониальной Индии. Эта ещё довоенная (до Первой мировой войны), затем – военного времени, по сути своей колониальная, русская солидарность с *либеральной* Британской империей с началом в России Гражданской войны 1918–1920 гг. послужила идейной основой для согласия белых антибольшевиков с вооружённой интервенцией Британии в Россию.

С революционной же точки зрения, германский образец воспитывал в России надэтнический и революционный этатизм, а британский – революционный поиск слабых мест в его колониальной системе, ведущий к солидарности с будущим Красным Востоком,

разрушающим Британскую и Османскую империи. Опыт Австро-Венгрии здесь, в колониальном контексте, звучал как почётная для России версия «европейского» национального расчленения. Но опыт Балкан как Ближнего Востока, части Османской империи, не включался в этот «европейский» горизонт. И традиционное культурное и внешнеполитическое покровительство России над балканскими народами не воспринималось русскими революционерами как освободительный исторический капитал и было целиком отнесено к её «восточному» империализму, которому во внутренней политике оппозиционная антисамодержавная публицистика издавна нашла нелиберальное клеймо «татарщины».

Иными образцами национализма стали национально-освободительные движения в Польше и Венгрии. Они изначально были проектами регионального империализма, либо отрицающими право иных народов на национальное самоопределение, либо использующими их инструментально как младших союзников в деле разрушения больших враждебных империй. Но, в частности, Польша получила горячую поддержку великих держав – Британии и Франции – в их империалистической борьбе против самодержавной России. И потому борющаяся против России Польша и её собственные империалистические националистические интересы получили у европейских революционеров имя внеклассового «народа-революционера». Впрочем, польский национал-империалистический проект не был этническим, а выдвигал в основу своего национального строительства (против литовского, малороссийского, русинского, белорусского и даже еврейского партикуляризма) конфессиональную и языковую консолидацию как результат ассимиляции.

Итак, к 1872 г. в интернациональной европейской научной среде сложился консенсус о том, что центральным этнографическим принципом идентификации и строительства национальности является языковое самоопределение. Это предопределило политически центральную роль национальной, этнической, языковой школы в строительстве этноса и, соответственно, административный произвол в школьном деле ради ассимиляции меньшинств. Школьное строительство, простейшее народное просвещение на родном языке стало инструментом не только образования, но и национального освобождения, подготовкой политического фундамента для соединения (обще) национальной и социальной борьбы.

Этнографический исследовательский консенсус, утверждая культурно-языковой, конструктивистский, просветительский фундамент под национальным самоопределением, продиктовал практическим политикам целую программу рукотворного национального строительства как акта самозаконной, принудительной биополитики Просвещения и Модерна, исходящей из того, что человека создаёт его социальная среда. Такое биополитическое репрессивное национальное строительство и революционное национальное освобождение получило ясную цель в рациональном достижении рукотворной государственности для каждой национальности, начиная с автономии и кончая независимостью.

Апогеем такой рукотворности государствообразующего национализма в России можно признать формулы Ленина. Они проливают достаточно света на неизбывные конфедеративные искушения советской власти в СССР во всей его истории, неизменно истреблявшие ресурсы России как его ядра в интересах новосозданных национальных государств внутри самого СССР и заново утверждённых – вокруг него. Приняв за ориентир австро-венгерскую практику, Ленин использовал её – в контексте мировой революции – не для целей сохранения единства России, а для её максимального сокращения до собственно великорусских пределов. С этой точки зрения хорошо известная дискуссия Ленина и Сталина в 1922 году о принципах строительства СССР либо как союза республик (Ленин), либо как системы автономий (Сталин) представляется вымышленно принципиальной: ибо речь шла одинаково об изобретении национальных государств разного уровня, практически одинаково подчинённых мировой коммунистической программе.

Ещё в 1915 году, посреди идущей мировой войны на уничтожение империй (прежде всего – Российской), в статье «О лозунге Соединённых Штатов Европы» Ленин прямо заявил принципы решения национального вопроса в масштабе мировой революции, напоминающей пафос «мирового правительства» отца либертарианства фон Мизеса. Он начал программу с «победы социализма в одной стране», дающей цепную реакцию по всему миру в виде социалистических независимых государств, идущих к новому единству:

«поставленный в связь с революционным низвержением трех реакционнейших монархий Европы, с русской во главе (...) [лозунг] Соединенные Штаты мира (а не Европы) являются той государственной формой объединения и свободы наций, которую мы связываем с социализмом, – пока полная победа коммунизма не приведет к окончательному исчезновению всякого, в том числе и демократического, государства. (...) лозунг Соединенные Штаты мира (...) сливается с социализмом».

Контекстом такой формулы для Ленина была его предвоенная статья «О праве наций на самоопределение» (1914), в которой ядром национальности объявлялся, разумеется, язык. Но язык этот догматически превращался в мощнейший фактор социально-экономического, то есть государственного, единства – и именно поэтому становился главным орудием государственного расчленения во имя всемирного коммунизма:

«Во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. (...) необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе. Язык есть важнейшее средство человеческого общения; единство языка и беспрепятственное развитие есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота (...) Образование национальных государств, наиболее удовлетворяющих этим требованиям современного капитализма, является поэтому тенденцией (стремлением) всякого национального движения. (...) под самоопределением наций разумеется государственное отделение их от чуженациональных коллективов, разумеется образование самостоятельного национального государства. (...) неправильно было бы под правом на самоопределение понимать что-либо иное кроме права на отдельное государственное существование».

Заявляя как максимально прогрессивный такой сценарий бесконечного национального дробления перед перспективой финального мирового коммунистического объединения, Ленин приветствовал «точное заключительное замечание Каутского, что пестрые в национальном отношении государства (так называемые государства национальностей в отличие от национальных государств [то есть Австро-Венгрия и Россия против Германии, например. – *М.К.*]) являются „всегда государствами, внутреннее сложение которых по тем или другим причинам осталось ненормальным или недоразвитым“ (отсталым)». И утверждает «безусловную правильность положения Каутского: национальное государство есть правило и „норма“ капитализма, пестрое в национальном отношении государство – отсталость или исключение».

Важно подчеркнуть снова и снова: в этой доктрине – национальная монолитность (едва ли не тотальность) – норма, а национальная сложность – отсталость. Потому и известные претензии Розы Люксембург к Ленину 1918 года о том, что, безоговорочно поддержав национальную независимость Польши и Финляндии против классовой борьбы их пролетариата и фактически в пользу диктатуры национальной буржуазии, Ленин изменил принципам, шли мимо предмета (она, конечно, знала об участии большевиков в гражданской войне в Финляндии, но та была после признания её независимости). Ведь Ленин задолго до 1918 года «изменял классовым принципам», отстаивая внеклассовые национальные государственности против империй, прежде всего Российской.

Здесь же, в статье 1914 года, Ленин делает важную оговорку, позволяющую ему сфокусировать свою формулу беспредельного национального раздробления вплоть до мозаики – именно на обречённых на уничтожение «отсталых» империях, то есть прежде всего – на России. Он особо выводит подразумеваемо национально единый (после свершившейся ассимиляции) и потому-де гораздо более готовый для коммунизма, социализированный Запад из-под дробящего молота освободительного национализма, чтобы остановить общее разрушение на его пороге:

«В Западной, континентальной, Европе эпоха буржуазно-демократических революций охватывает довольно определенный промежуток времени, примерно, с 1789 по 1871 год. Как раз эта эпоха была эпохой национальных движений и создания национальных государств. По окончании этой эпохи Западная Европа превратилась в сложившуюся систему буржуазных государств, по общему правилу при этом национально-единых государств. Поэтому теперь искать права самоопределения в программах западноевропейских социалистов значит не понимать азбуки марксизма.

В Восточной Европе и в Азии эпоха буржуазно-демократических революций только началась в 1905 году. Революции в России, Персии, Турции, Китае, войны на Балканах – вот цепь мировых событий нашей эпохи нашего „востока“. (...) Именно поэтому и только потому, что Россия вместе с соседними странами переживает эту эпоху, нам нужен пункт о праве наций на самоопределение в нашей программе. (...)

Своеобразные условия России, в отношении национального вопроса, как раз противоположны тому, что мы видели в Австрии. Россия – государство с единым национальным центром, великорусским. (...), „инородцы“ (составляющие в целом большинство населения – 57 %) населяют как раз окраины (...) что в целом ряде случаев живущие по окраинам угнетенные народности имеют своих сородичей по ту сторону границы, пользующихся большей национальной независимостью (достаточно вспомнить хотя бы по западной и южной границе государства – финнов, шведов, поляков, украинцев, румын) (...) Таким образом, именно исторические конкретные особенности национального вопроса в России придают у нас особую насущность признанию права наций на самоопределение в переживаемую эпоху».

И наконец уже вновь в 1915 году в брошюре «Социализм и война (отношение РСДРП к войне)» Ленин суммирует свои исторические экскурсы в прямой лозунг, в котором соединяет уничтожаемый им имперский феодализм, оправдываемый победный буржуазный этнографический национализм, необходимые многочисленные социалистические национальные государства, максимально дробные и очищенные от инонациональных сложностей, и ждущий их в будущем объединительный мировой интернационал:

«Социалисты (...) безусловно должны требовать, чтобы с.-д. партии угнетающих стран (так называемых «великих» держав особенно) признавали и отстаивали право угнетенных наций на самоопределение, и именно в политическом смысле слова, т. е. право на политическое отделение. (...) Отстаивание этого права не только не поощряет образование мелких государств, а, напротив, ведет к более свободному, безбоязненному и потому более широкому и повсеместному образованию более выгодных для массы и более соответствующих экономическому развитию крупнейших государств и союзов между государствами. (...) борьба за социалистическую интернациональную революцию против империализма невозможна без признания права наций на самоопределение».

Здесь мы видим предельно ясную для Ленина – как наиболее успешного вождя радикальной социалистической партии в России и в мире:

1) апологию современной Ленину передовой (социализованной, демократической) капиталистической государственности, построенной на основе этнического как языкового (не политического) национализма;

2) требование такого национализма как условия на пути к (национальному) социализму – как первой стадии;

3) мирового интернационального коммунизма, который, разрастаясь из одного социалистического государства – должен вырасти в Соединённые Штаты мира.

Таким образом, отдавая себе отчёт в бесконечности исторической перспективы этих Соединённых Штатов мира, мы должны признать, что в обозримой им самим актуальной перспективе Ленин видел только социалистические государства, построенные на основе этнического национализма.

Стоит ли называть их «национал-социалистическими» или «национал-большевистскими» – дело не столько вкуса, сколько терминологического бесчувствия. Ибо и национал-социализм, и национал-большевизм – явления исторически конкретные и игра их смыслами – только игра: в части национал-социализма – морально преступная, в части национал-большевизма – скорее анекдотическая.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шевеленко И. Модернизм как архаизм: национализм и поиски модернистской эстетики в России. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 333 с.
2. Дацюк Б.А. Москва – светоч славянства. М., 1947. 68 с.
3. Слёзкин Ю. СССР как коммунальная квартира, или Каким образом социалистическое государство поощряло этническую обособленность // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2001. С. 329–374.

А.М. Курьян

ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ВОСПИТАНИИ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ В 1920–1930-Е ГОДЫ

Аннотация. В статье рассматривается государственная политика Советского государства в один из сложнейших периодов истории страны. Политика государства в процессе воспитания молодого поколения основывалась на создании системы организаций, которые были объединены идеологией нового государства, а именно октябрюта – пионеры – комсомольцы. Более детально рассматривается становление и развитие ВЛКСМ, а также способы и методы осуществления политики советского государства в воспитании молодого поколения в 1920–1930-е годы.

Ключевые слова: государственная молодежная политика, Советское государство, комсомол, пионерия, коммунистическая партия, молодежь.

THE POLICY OF THE SOVIET STATE IN THE EDUCATION OF THE YOUNGER GENERATION IN THE 1920S AND 1930S

Abstract. The article examines the state policy of the Soviet state in one of the most difficult periods of the country's history. The policy of the state in the process of educating the younger generation was based on the creation of a system of organizations that were united by the ideology of the new state, namely the October pioneers – Komsomol members. The formation and development of the Komsomol, as well as the ways and methods of implementing the policy of the Soviet state in the education of the younger generation in the 1920s and 1930s are considered in more detail.

Keywords: state youth policy, Soviet state, Komsomol, pioneer, Communist Party, youth.

В молодые годы у каждого человека формируется его мировоззрение и строятся планы на жизнь: определяются важнейшие цели и ценности, выбираются направления и средства их реализации, устанавливается отношение к себе и миру, обществу и государству. И от того, каким будет каждый из этих выборов, непосредственно зависит и то, какой будет молодежь, которой предстоит созидать человека, общество и государство как ближайшего, так и отдаленного будущего. Это обстоятельство делает вопрос

о молодежи и молодежной политике вопросом стратегического характера и определяет актуальность научных исследований в данной сфере, основная задача которых – способствовать пониманию обществом и государством проблем молодого поколения в их исторической ретроспективе, нормативно-правовому регулированию молодежной политики, его совершенствованию.

Государственная молодежная политика Советского государства делится на ряд этапов. Первым, из которых, является период с 1920–1930-е годы. Данный этап характеризуется как становление самого Советского государства, так и государственной молодежной политики. Другими этапами становления государственной молодежной политики являются 1941–1945 – период Великой Отечественной войны; третий – 1953–1985 гг.; четвертый – период Перестройки 1985–1991 гг.

Коммунистическая партия, а, следовательно, и все институты общества, включая систему образования, рассматривали воспитание как процесс революционной закалки молодежи. Такая постановка вопроса определялась общеисторической обстановкой, целями государства и общества, их задачами. Советская система воспитания предполагала следующее: воспитание в коллективе, действенность воспитания, связь его с обучением, сочетание высокой требовательности к учащимся с уважением к ним, опору на положительное и преодоление отрицательного в поведении учащихся, единство требований и воспитательных воздействий, преемственность и последовательность воспитания, сочетание руководства учащимися с развитием их инициативы и самостоятельности, учет возрастных особенностей и индивидуальных различий учащихся в процессе воспитания. Задачи и принципы коммунистического воспитания, пути формирования активных и сознательных строителей нового общества определялись решениями съездов компартии, ее ЦК, постановлениями правительства.

В программе РКП(б), принятой VIII съездом в 1919 г., была определена главная цель советской школы – воспитание поколения, способного окончательно установить коммунизм. Так в протоколах съезда отмечалось, что РКП(б) считает необходимым дальнейшее существование и развитие Российского коммунистического союза молодежи, а также оказывать ему материальную поддержку [8, с. 436]. XII съезд РКП(б) ставил вопрос таким образом: вся работа среди молодежи должна быть построена не только на культурную выучку, но и на «революционный закал». Съезд подчеркивал, что проведение массовых мероприятий должно быть с ярко выраженным революционным характером, а также с активным участием в данных мероприятиях молодежи. Это всё должно дополнять воспитательную работу [5].

Подход к молодёжной политике проводился на основе ленинской формулы «нравственно всё то, что служит делу коммунизма... Наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата» [1, с. 309–310]. Здесь же, на третьем комсомольском съезде, Ленин говорил, что нравственность, взятую «внеклассового понятия, мы отрицаем», что «наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата. Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата», «В вечную нравственность не верим» [1, с. 311–313].

Это была принципиально новая цель воспитания, которая предполагала новую коммунистическую теорию воспитания. Предыдущая система воспитания отвергалась большевиками, так как не отвечала новым политическим, идеологическим ценностям, которые необходимо было воспитывать в молодом поколении. В связи с этим в стране начала создаваться система пропаганды новой идеологии, которая включала в себя различные институты при партийных комитетах. К этой работе привлекались научные силы высших учебных заведений, причём в обязательном порядке и под тщательным контролем партийных комитетов и организаций. 5 марта 1927 г. ЦК ВЛКСМ принял постановление об организации научной разработки вопросов воспитания и проблем комсомольской работы.

В советской политической системе воспитание молодёжи определялось как стратегическая цель строительства социализма. Важно отметить, что все институты общества – компартия, государственные органы, комсомол, профсоюзы, творческие союзы и др. были нацелены на организацию воспитания молодёжи. Коммунистическая партия и комсомол рассматривали воспитание как процесс революционной закалки молодёжи, готовности к решению революционных задач по строительству нового общества и его защите. Советское государство объявляло себя классовым, следовательно, должно было проводить и защищать классовые интересы, а для этого необходима революционная закалка граждан.

Первый этап характеризовался тем, что пришедшим к власти в октябре 1917 г. большевикам потребовалось привлечь на свою сторону молодых людей сначала для победы в Гражданской войне, а потом для восстановления разрушенной страны. Решение данной задачи крылось в постановки цели, для достижения которой молодое поколение смогла бы работать, а также создание таких организаций как ВЛКСМ, студенческие союзы, профсоюзы, в рамках которых они могли бы реализовать подобные задачи. Менее чем через год после прихода к власти коммунистов, 29 октября 1918 г., появляется Российский коммунистический союз молодежи (РКСМ). В 1924 г. после смерти основателя СССР В.И. Ленина он получает в название букву «Л» (РЛКСМ). В 1926 г. принимает окончательное наименование Всесоюзный Ленинский Коммунистический союз молодежи (ВЛКСМ).

В социально-философском плане ВЛКСМ был предпоследним перед возможным вступлением в КПСС звеном в воспитании «коммунистического» человека. Сначала, поступая в школу, ребенок оказывался в рядах октябрят (детской коммунистической организации), а с 10 лет – пионеров (Всесоюзной пионерской организации им. В.И. Ленина). Эта система создавала преемственность в воспитании молодого человека в СССР. У государственной власти была возможность поднимать при помощи пропаганды в СМИ престиж данных организаций среди молодых людей, вырабатывать меры по ограждению подобных структур от «классово чуждых элементов» (детей священников, «кулаков», бывших офицеров императорской армии, «врагов народа» и т. д.). Одновременно в рамках молодежных организаций решались и символически-идеологические задачи. Для молодежи популяризовалась фигура основателя СССР В.И. Ленина, происходило усвоение основ коммунистического учения, показывалась неизбежность прихода коммунистов к власти в 1917 г. в России, конечного торжества коммунизма во всемирном масштабе.

Новая идеология распространялась в массы при помощи средств массовой информации. Одним из основных СМИ была печать. Согласно газетам, каждый новый год для советских людей – это год улучшения их жизни и ожидание новых свершений. Другим важнейшим средством формирования патриотического сознания явились выступления и речи лидеров партии и государства, не только напечатанные в газетах, но и транслируемые по радио. Особое место в системе пропаганды занимало советское общество ведение. Важным инструментом влияния на массовые представления нового поколения, формирования восприятия исторического прошлого явилось издание «Краткого Курса истории ВКП(б)».

При помощи молодежных организаций руководство Советского государства сумело мобилизовать молодых людей на победу коммунистов в Гражданской войне, а также для участия в реконструкции и индустриализации страны. Крупнейшие стройки 1930-х годов, среди которых были Московский метрополитен, ДнепроГЭС, Магнитогорский металлургический комбинат, так же осуществлялись молодёжь, отправленной через ВЛКСМ. Молодые люди активно поддержали и участвовали в начавшемся в СССР с 1935 г. стахановском движении, составили костяк кадров для увеличивавшейся с 1938 г. армии (РККА).

Следует также отметить, что молодежь, воспитанная в рамках ВЛКСМ, проводила в 1929–1933 гг. жесткую, но необходимую для подготовки к Великой Отечественной войне государственную политику коллективизации. Через Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству (Осоавиахим) тысячи молодых людей в СССР прошли курсы допризывной военной подготовки, включая новые воинские специальности летчиков, парашютистов и т. д. Это помогло государству в годы Великой Отечественной войны получить кадры, которые в короткие сроки оказались готовы дать отпор агрессии нацистской Германии. Осоавиахим курировался не только ВКП(б), но и ВЛКСМ. Данная организация заботилась не только о получении военной специальности, но и о физическом, а также патриотическом воспитании молодых людей.

Это были положительные результаты молодежной политики в СССР в 1920–1930-е гг. Именно данная политика способствовала воспитанию молодых людей, преданных идее построения коммунизма, любящих свою страну, готовых защищать ее.

Однако были и отрицательные моменты в проводимой политике воспитания молодежи. Воспитание молодежи в 1930-е годы, борьба с девиантным поведением в ее среде велись методами как пряника, так и кнута, а именно усилением репрессий. В этот период, с одной стороны, государством основаны различные детские воспитательные учреждения, активно развивались культурно-просветительные, туристические, спортивные организации, пропагандирующие здоровый образ жизни, сдачу норм ГТО и подготовку к службе в армии. С другой стороны, постановлением ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 г. «О мерах по борьбе с преступностью среди несовершеннолетних» [6] предусмотрены жесткие меры уголовного наказания и привлечение к суду детей и подростков с 12 лет, совершивших кражи, разбой, убийства, причинивших телесные насилия и увечья. В отдельных случаях к ним могла применяться смертная казнь. Причем часто такие жесткие наказания по данному закону (вплоть до расстрела) касались не только молодых людей, совершивших уголовные преступления, но и состоявших в семьях (родственников) «врагов народа».

Среди негативных черт молодежной политики Советского государства на первом этапе ее формирования можно выделить следующие:

- поощрение государством;
- отрицание религии;
- неприятие любого мнения, противоречащего официальной «генеральной линии партии»;
- необходимость порой публичного отречения на собраниях от коллег или родных, арестованных НКВД как «враги народа», практикуемая подозрительность по отношению к товарищам и т. д.

Становления молодежной политики в СССР в 1920–1930-е годы оказался противоречивым. С одной стороны, молодежь была уже с детства объединена в систему политических организаций (октябрята – пионеры – комсомольцы), в которых пропагандировались патриотические ценности, давались определенные жизненные цели. С другой стороны, деятельность молодых людей здесь жестко контролировалась соответствующими органами ВКП(б), политизировалась и имели место негативные моменты. Важно понимание того, что процесс становления системы воспитания молодого поколения происходил одновременно с процессом становления нового государства – СССР и пришелся на один из самых тяжелых этапов истории страны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ленин В. И. Задачи союзов молодёжи. Полное собрание сочинений. Т. 41. М. : Издательство политической литературы, 1981. 695 с.
2. Квитко С. В. Идеино-политическое воспитание учащейся молодежи (1920–1930-е гг.) // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2003. № 6. <https://cyberleninka.ru/article/n/ideyno-politicheskoe-voospitanie-uchascheysya-molodezhi-1920-1930-e-gg>. (дата обращения 12.12.2022).

3. Цветкова Е.В. ВЛКСМ в жизни молодежи 1930-х гг. // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2009. № 1 (История). <https://cyberleninka.ru/article/n/vlksm-v-zhizni-molodezhi-1930-h-gg>. (дата обращения 12.12.2022).

4. VIII съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы. Москва: Госполитиздат, 1959 г. 602 с.

5. XII съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 г. <http://www.hrono.ru/libris/stalin/5-2.html> (дата обращения 12.12.2022).

6. Постановление ВЦИК и СНК от 25.10.1935 «Об изменении действующего законодательства РСФСР о мерах по борьбе с преступностью среди несовершеннолетних, с детской беспризорностью и безнадзорностью». <http://rosagr.natm.ru/leg-repr.php> (дата обращения 12.2022).

А.И. Ладыга

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СИЛОВЫХ ОРГАНОВ
В СРЕДЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ НА УКРАИНЕ
В ПРЕДДВЕРИИ И В ПЕРИОД ОБРАЗОВАНИЯ СССР
(1918–1922 ГГ.)**

Аннотация. На основе широкой источниковой базы изучена деятельность силовых органов Советского государства в среде интеллигенции по противодействию политической преступности. Исследованы новые формы преступных проявлений в среде украинской интеллигенции того времени и определен их удельный вес среди других видов преступлений. Системно раскрыты формы и методы борьбы чрезвычайных органов власти и правоохранительных структур с ростом преступности. Обобщён позитивный и негативный опыт борьбы с политической преступностью в 1918–1922 гг., который может стать ценным исходным материалом в нынешних условиях и организации эффективного наступления на подобные рецидивы нашей жизни.

Ключевые слова: политическая преступность, правоохранительные органы, противодействие, Украина.

**ACTIVITIES OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES
AMONG THE INTELLIGENTSIA
TO COUNTERACT POLITICAL CRIME IN UKRAINE
ON THE EVE AND DURING THE FORMATION OF THE USSR
(1918–1922)**

Abstract. On the basis of a broad source base, the activity of the power bodies of the Soviet state among the intelligentsia in countering political crime has been studied. New forms of criminal manifestations among the Ukrainian intelligentsia of that time were investigated and their specific weight among other types of crimes was determined. The directions, forms and methods of struggle of emergency authorities and law enforcement agencies with the growth of crime are systematically disclosed. The positive and negative experience of fighting political crime in 1918–1922 is summarized, which can become a valuable source material in the current conditions and the organization of effective attack on such relapses of our life.

Keywords: political crime, law enforcement agencies, counteraction, Ukraine.

Основная угроза существованию Советского государства, по мнению лидеров большевиков, исходила от сил, которые вели активную борьбу с системой путем восстаний, заговоров, боевых действий. Органы ЧК продолжали выявлять подпольные организации, опиравшиеся на противников режима как внутри страны, так и за рубежом.

Тем не менее, в указанный период власть чувствовала опасность и от представителей интеллигенции. Взаимоотношения советской власти с интеллигенцией были сложными с момента установления большевистского режима. Лидеры большевиков оценивали роль интеллигенции в жизни нового государства прежде всего с точки зрения т. н. классового

подхода. Поскольку по социальной принадлежности представителей интеллигенции большевики относили к «массе сомневающихся», соответственно формировались напряженные отношения с носителями «буржуазных культурных ценностей [29, с. 88]. Советская идеология прививала трудящимся мысль о существовании двух основных классов: рабочих и крестьян, и отдельной прослойки – интеллигенции. Классовым подходом дело не ограничивалось. Элемент напряжения скрывался в трактовке самого понятия «интеллигенция», ее места и роли в обществе. Признавая, что без знаний и опыта профессионалов государство обойтись не может, В.И. Ленин старался привлекать к сотрудничеству лояльных режиму специалистов путем обеспечения им благоприятных условий работы [16, с. 168].

Однако, не без оснований, партия предлагала и идею контроля над интеллигенцией. В.И. Ленин не жалел эпитетов, называя интеллигентов, не воспринимавших коммунистической идеологии, «подхалимами буржуазии», «холопами эксплуататоров» и пр. Прислушиваясь к лидерам партии, большевики на местах, имевшие, как правило, невысокий уровень образования, проводили в жизнь близкие им по духу установки вождей.

В годы гражданской войны среди представителей интеллигенции часто встречались белогвардейцы и контрреволюционеры. К тому же, стремление высококвалифицированных государственных служащих уклониться от сотрудничества с новой властью стало поводом создания и «меча революции» – Всероссийской чрезвычайной комиссии. Обвиняя их в саботаже, руководители страны начали применять и принудительные средства воздействия [15, с. 156].

И действительно, интеллигенция на Украине активно противостояла большевистскому режиму. Многие деятели науки, культуры, образования, стояли на националистических позициях, были монархистами или даже анархистами. В ответ печатный орган ВУЧК «Красный меч» призвал: «...с саботажников, лжецов, которые предательски притворяются болеющими за внеклассовую интеллигентскую спекулянтину и спекулянтской интеллигенции, должна быть сорвана маска. Для нас не может быть старых устоев морали и гуманности, выдуманных буржуазией для угнетения и эксплуатации низших классов» [20, с. 51–52].

Понимая, всю значимость удержания интеллигенции на своей стороне, в декабре 1920 г. по решению политбюро ЦК КП(б)У все судебные дела, касавшиеся интеллигенции, были изъяты из Особых отделов армий и переданы в ЧК, соответственно, эти дела были подконтрольны партийным инстанциям. Тогда же, в декабре 1920 г., политбюро ЦК КП(б)У во главе с В. Молотовым решило воздержаться от амнистии в отношении представителей интеллигенции до Всеукраинского съезда Советов [11, с. 30].

Под агентурным контролем находились многочисленные научные учреждения, учебные заведения, «культурно-просветительские» организации. В частности, политическим руководством рассматривались как националистические ячейки – организации «Просвита». 12 июля 1920 г. Политбюро ЦК КП(б)У приняло постановление «О Просвитах», в котором ставилась задача сделать их государственными. Почти во всех губерниях органы ВЧК провели обыски помещений «просвит». Так, в книжном магазине общества «Просвита» в г. Николаеве, нашли книги контрреволюционного характера. Поэтому «Просвиты» считались питательной средой «контрреволюции». В октябре 1922 г. на пленуме ЦК КП(б)У их характеризовали как «мелкобуржуазные, националистические, кулацкие учреждения национальной травли...» [7, с. 24]. В 1923 г. в УССР число «просвит» сократилось в 8 раз.

Установив власть на территории бывшей Российской империи, большевики начали формировать собственный государственный механизм. Органы ВЧК-ГПУ постоянно информировали партийные и государственные структуры о реакции различных слоев населения на политику партии. В «Задачах секретным уполномоченным ЧК» было записано: «Наблюдать за интеллигенцией, работающей в совучреждениях, обращать внимание на разговоры, улавливать политический настрой, знать о местах пребывания в свободное от занятий время и о подозрительном докладывать...» [20, с. 239].

В информационных сводках органов безопасности в разделах «Профессура», «Студенчество», «Учительство», «Интеллигенция», обязательно фиксировались «идеологические направления в разных группах, степень влияния на них различных антисоветских и националистических политических группировок» [4, Т. 1, л. 3]. В сводках ГПУ можно прочитать: «...Среди интеллигенции сохраняется предыдущая позиция:... смотрят на теперешнюю политику Соввласти ... нэп, как на неизбежное историческое вырождение советской власти..., характерная черта студенчества – усиление проявлений мещанской психологии с абсолютным превосходством элементарно-материальных интересов над всеми остальными» [2, л. 51].

В аппарате ЧК формировались подразделения, занимавшиеся отслеживанием процессов, происходивших в среде интеллигенции. Протестующих увольняли с работы, не давали печататься, выступать. Пресса пропагандировала принятие жестких мер в отношении враждебной к властям интеллигенции. В апреле 1921 г. харьковский журнал «Коммунист» предупреждал: «Мы заставим вас и заставим других, отбросив всех непокорных, идти коммунистическим путем, который диктует вам пролетариат» [13].

Так, с 24 по 29 апреля 1921 г. в Харькове чрезвычайная сессия революционного трибунала начала рассмотрение дела группы бывших гласных городской думы (при Деникине), обвиняемых в реализации программы «Национального центра» и активной поддержке добровольческой армии. Из 24 подсудимых десять были профессорами харьковских высших учебных заведений: А.А. Алов, Л.Б. Витухов, А.Т. Гундар, И.А. Красуский, К.А. Красуский, С.А. Званов, В.Ф. Левитский, А.Н. Никольский, В.В. Фавр, Ф.И. Шмит, ученый-статистик С.С. Жилкин и др. Им вменяли в вину, например, то, что они опубликовали «Обращение профессоров Юга России к ученым Запада» в 1919 г. на страницах харьковской газеты «Родина», где сообщали о «деятельности большевизма в России» [21]. В приговоре трибунала отмечалось: «видя в действиях подсудимых активную поддержку Добрармии, и тем самым содействие ее жестокой расправе с рабочими и крестьянами в тылу и борьбе с Красной Армией на фронте, революционный трибунал считает, что они (подсудимые) заслуживают сурового наказания» [9; 13]. Но в отличие от тех же петруровцев или деникинцев ученые получили условные сроки или до 5 лет общественных работ. Вследствие мягкости большевиков, многие из них продолжили антисоветскую деятельность: в следующем году некоторые подсудимые – И.А. Красуский, который «своими контрреволюционными действиями пагубно влиял на всю профессуру и студенчество», Л.Б. Витухов, как «политически подозрительный тип», – были занесены в списки украинской профессуры, составленные ГПУ Украины, на выселение за пределы республики. Вот и все наказания за продолжение антисоветской деятельности.

В начале 1920-х гг. продолжилась и борьба «по вытеснению буржуазной идеологии» из высших учебных заведений. В 1921 г. состоялась перерегистрация студенчества институтов и университетов. Из вузов исключили 4 тыс. человек из числа «различных контрреволюционных элементов» и 7 тыс. тех, кто «только считал себя студентами и не учился». Этот факт в начале 2000-х гг. дал основание украинским ученым назвать данные действия «первыми репрессиями против украинских студентов» [29, с. 89].

В марте 1922 г., протестуя против нового «Положения о вузах», по которому вводились должности политкомиссаров, несущих ответственность за состояние учебного процесса, но фактически отвечавших за политическую благонадежность, – бастовали профессора Киева, Одессы, Каменца-Подольского. В.И. Ленин рекомендовал «...уволить 20–40 профессоров обязательно. Обдумать, подготовить и ударить сильно» [18, с. 177].

В 1922 г. началась кампания высылки за границу враждебно настроенных представителей интеллигенции, которые прямо призывали к антисоветским выступлениям. В условиях свободы печати значительная часть философов и экономистов не скрывала враждебного отношения к идеям марксизма. В официальных изданиях печатались статьи с критикой политики партии. Большевики сначала вели полемику с идейными противниками, но вскоре руководство страны согласилось с предложением В.И. Ленина «выпроводить неугодных в страны буржуазной демократии» [17, с. 30].

Масла в огонь подлил II Всероссийский съезд врачей (май 1922 г.), делегаты которого выступили за формирование органов местного самоуправления на принципах их самостоятельности. ГПУ получило задачу «изъять верхушку врачей, выступавших на съезде» [6, с. 129].

30 июля И.С. Уншлихт распорядился об аресте только двух врачей в Харькове – Когана, в Киеве – Фрумина. Центр рекомендовал ГПУ УССР: «обвинение выдвигать в использовании положения делегатов II Всероссийского съезда врачей для антисоветской агитации, рассчитанной на подрыв доверия Соввласти в момент внешних трудностей и за участие в принятии контрреволюционной резолюции против политики Соввласти в области здравоохранения» [22, с. 87].

ОГПУ требовало от украинских коллег списки «антисоветской интеллигенции» с детальными характеристиками, мотивируя требование необходимостью выполнить директиву ЦК РКП(б) о высылке за границу [23, л. 20–21].

6 июня 1922 г. объединенное заседание президиума ВУЦИК и СНК УССР предложило Наркомпросу провести специальную проверку вузов «на предмет проверки преподавательского состава и отправки туда новых сил». После доклада наркома образования Украины Г. Гринько «О политических выступлениях профессуры» Политбюро ЦК КП (б) 23 июня принимает решение: «предложить Наркомпросу и ГПУ применить в качестве меры против активистских элементов профессуры выселение за пределы Федерации» [27, л. 138].

XII партконференция РКП(б) (4–7 августа 1922 г.) приняла резолюцию: «...нельзя отказаться и от применения мер не только к эсерам и меньшевикам, но к верхушке политиканов вроде беспартийной, буржуазной интеллигенции, которая в своих контрреволюционных целях злоупотребляет коренными интересами целых корпораций и для которых подлинные интересы науки, техники, педагогики, кооперации являются только пустыми словами, политическим прикрытием» [1, с. 31, 52]. По окончании конференции ВЦИК и ВУЦИК приняли декрет «Об административном выселении» [14, с. 375, 379].

В число высланных осенью 1922 г., попали философы Н. Бердяев и С. Франк, социолог П. Сорокин, историк А. Кизеветтер, экономисты Б. Бруцкус и И. Озеров, политические деятели Д. Дорошенко, Е. Петрушевич и др. Всего около 200 человек, из них 47 сотрудников высших учебных заведений, из которых 32 профессора [26, л. 262]. Это желаемой цели не достигло, по сообщению партийных источников. Например, по оценке Екатеринославского губкома КП(б)У, высылка за границу восьми профессоров внешне успокоило профессуру, хотя она и продолжает в своих выступлениях как перед студенчеством, так и на лекциях перед рабочими массами демонстрировать и проповедовать основы буржуазной идеологии (пацифизм, индивидуализм худшего сорта, сменовеховство и т. д.)» [12, с. 29].

Для укрепления партийных позиций систематически проводились проверки высших учебных заведений. В 1922 г. привлеченные к этой работе политкомиссары готовили характеристики на каждого профессора. В Полтавском институте народного образования были разоблачены «буржуазные националисты»: Р. Кутепов – декан ИНО и С. Грушевский – лектор этого института. Партийные сотрудники вуза обвинили обоих в украинофильской деятельности в прошлом и требовали публичного покаяния в прессе.

В январе 1923 г. Политбюро ЦК КП(б)У указывало на необходимость «вывести в вузах политически-вредный и антисоветский элемент...» [28, л. 210]. Соответственно, 26 марта 1923 г. начальником Полтавского губотдела ГПУ был направлен циркуляр следующего содержания: «Заведующим профтехобразования. Всем офицерам, военспецам, чиновникам военного времени, административному составу, юнкерам и вольнонаемным бывшей армии, служившим в свое время в белых армиях и теперь являющихся учителями или учениками вузов, необходимо подать в ГПУ на имя особой комиссии заявление с просьбой оставить их в учебных заведениях. Срок подачи заявлений – два дня. Те, кто не подадут заявлений, будут исключены» [8, с. 49].

Как видим методы работы правоохранительных органов с антисоветскими представителями были крайне лояльными, что только усиливало антисоветское подполье. Такую же политику проводило советское государство и против представителей технической интеллигенции (т. н. «спецов»). С 2000-х годов принято считать, что «спецов притесняли и преследовали хозяйственники, партийные и профсоюзные работники, их квартиры обыскивали, их выселяли из жилья». Все это сопровождалось «травлей спецов» в печати [19, с. 66].

Испытывая потребность в опыте «спецов» в народном хозяйстве и одновременно фиксируя участие в антисоветской деятельности, власти периодически организовывали кампании чисток советских учреждений, предприятий, увольняя их только в крайнем случае, за саботаж и должностные преступления [24, л. 1–3].

Неудачи в реорганизации производства, перебои в работе промышленных предприятий, государственных учреждений, часто были связаны с «технической контрреволюцией». Следует отметить, что понятие «техническая контрреволюция» в юридической практике 1920-х годов не применялось. Однако политические процессы над представителями технической интеллигенции встречались [10, с. 54]. Типичным примером такого процесса стало дело инженера Энгельгарда. Ему удалось наладить в Украине восстановление разрушенных мостов подрядным методом и создать предприятие, где «исчезала» большая часть государственных средств. Как следствие, в 1922 г. предприятие национализировали, а Энгельгарда и инженеров Коргуева, Малышева, Кюнера, Болотова, Поплавского осудили, но всего лишь за саботаж [3, л. 9–11].

Руководство ГПУ Украины в своих документах признавало, что центральный аппарат ГПУ УССР за первую половину 1922 г. арестовал всего 178 человек «свободных профессий», спецов и интеллигентов. Максимум арестов, то есть 574 чел., приходилось на советских служащих, мелких торговцев и др. мелкобуржуазный элемент [5, л. 94]. С учетом общего количества населения УССР в 1922 г. (25 459 000 чел.) было арестовано 0,1 % [25, л. 53].

По видам преступлений или обвинений в адрес арестованных за первое полугодие 1922 г. неполная статистика ГПУ выглядит следующим образом: обвинены в контрреволюции – 3 458 чел., шпионаже – 344 чел., бандитизме – 3 546 чел., технической контрреволюции – 1 854 чел., уголовных преступлениях – 3 627 чел. [5, л. 92]. Из них было расстреляно 523 человека по обвинению в бандитизме, т. н. технической контрреволюции – 44, за «контрреволюционные действия» – 223, уголовные преступления – 117, шпионаж – 44. Всего – 937. При этом в 1922 г. из общего количества осужденных: 38 % освобождено, 35 % переведено в другие учреждения [5, л. 93].

Цифры красноречиво свидетельствуют о том, что после окончания Гражданской войны ГПУ репрессии в отношении т. н. контрреволюционеров фактически не осуществляло. В последние годы боевых действий, накануне введения НЭПа, противодействие силовых органов было направлено против реальных сил, пытавшихся свергнуть большевистский режим. В 1921–1922 гг. меры в отношении оппозиционных кругов интеллигенции, несущих в себе потенциальную угрозу существующему строю сводились к заведению личных дел в силовых ведомствах, предупреждениям, беседам на партийных собраниях, условных и исправительных наказаниях, а в крайнем случае – высылке за границу, что доказывает безосновательность мнения большинства украинских и российских либеральных ученых о начале «тотальных репрессий в отношении украинской интеллигенции уже в начале 1920-х годов» [29, с. 94]. О безосновательности свидетельства и представленная ранее статистика.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Всероссийская конференция РКП(большевиков). 4–7 августа 1922 года / РКП(б). М.: Моск. Ком-т РКП(б), 1922. 245 с.
2. Государственный архив Донецкой Народной Республики (далее ГА ДНР), Ф. 1, Оп. 1, Д. 671.

3. ГА ДНР. Ф. 3225. Оп. 1. Д. 10.
4. Государственный Архив Службы Безопасности Украины (далее ГА СБУ). Фонд печатных изданий (далее ФПИ). Д. 195, Т. 1.
5. ГА СБУ. ФПИ. Д. 254.
6. Голанд Ю. Политика и экономика. (Очерки общественной борьбы 20-х годов) // Знамя. 1990. № 3.
7. Директивы пленума ЦК КП(б)У по национальному вопросу // Известия ЦК КП(б)У. 1922. № 12.
8. Евселевский Л., Фарина С. Советизация и упадок обществ «Просвита» в 1920–1923 гг. // Развитие государства. 1994. № 5.
9. Известия (г. Полтава). 1921. 1 мая.
10. История советской разведки. Выпуск третий. (1926–1929). М., 1961.
11. Касьянов Г.В. Украинская интеллигенция 1920–1930-х годов: социальный портрет и историческая судьба. Эдмонтон: Канадский ин-т Укр. студий Альбертского ун-та, 1992. 175 с.
12. Кокин С.А. Борьба КП(б)У с политической оппозицией в начале 20-х годов // Проблемы истории Украины: факты, суждения, поиски. Вып. 2. К., 1990.
13. Коммунист (г. Харьков). 1921. 28 апреля, 1 мая.
14. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). М.: Политиздат, 1983. Т. 2: 1917–1922. 606 с.
15. Ленин В.И. Записка Ф.Э. Дзержинскому с проектом декрета о борьбе с контрреволюционерами и саботажниками // Полн. собр. соч. Т. 35.
16. Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти // Полн. собр. соч. Т. 36.
17. Ленин В.И. О значении воинствующего материализма // Полн. собр. соч. Т. 45.
18. Ленин В.И. Л.Б. Каменеву и И.В. Сталину // Полн. собр. соч. Т. 54.
19. Литвинова В.П. Деятельность Коммунистической партии и Советской власти на Украине по установлению товарищеских взаимоотношений между рабочим классом и старыми специалистами (1920–1925 гг.) // Вопросы истории народов СССР. 1972. Вып. 14. С. 65–67.
20. Мельгунов С.П. Красный террор в России, 1918–1923. Симферополь: Таврия, 1991. 253 с.
21. Родина (г. Харьков). 1919. 22 октября.
22. Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК - ОГПУ. 1917–1926 / сост.: А.А. Плеханов, А.М. Плеханов. М.: Междунар. фонд «Демократия»: Материк, 2007. 868 с.
23. Центральный Архив Федеральной Службы Безопасности Российской Федерации (далее ЦА ФСБ РФ) Ф. 8, Оп. 6, Д. 110.
24. Центральный Государственный Архив высших органов власти и управления Украины (далее ЦГАВОВУ (У)). Ф. 2, Оп. 2. Д. 297.
25. ЦГАВОВУ (У). Ф. 2. Оп. 2. Д. 466.
26. ЦГАВОВУ (У). Ф. 4. Оп. 1, Д. 50.
27. Центральный Государственный Архив общественных организаций и объединений Украины (далее ЦГАООО (У)), Ф. 1. Оп. 20. Д. 987.
28. ЦГАООО (У). Ф. 1. Оп. 20, Д. 1467.
29. Ченцов В.В. Політичні репресії в радянській Україні в 20-ті роки. К.: [б.в.], 1999. 482 с.

В.В. Лобова

К ИСТОРИИ ВЫСШЕГО УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СССР

Аннотация. В работе рассматривается становление и развитие системы высшего профессионального образования в советский период. Университетское образование в СССР было подчинено потребностям государственной политики и развивалось в связи с возможностями советского государства и общества. Высшая советская школа была значительно преобразована, но смогла стать тем фундаментом, на котором до сих пор зиждется современное высшее образование.

Ключевые слова: образование, университет, обучение, студенты, преподаватели, высшая школа, профессорско-преподавательский состав.

ON THE HISTORY OF HIGHER UNIVERSITY EDUCATION OF THE USSR

Abstract. The paper examines the formation and development of the system of higher professional education in the Soviet period. The university education of the USSR was subordinated to the needs of state policy and developed in connection with the capabilities of the Soviet state and society. The Higher Soviet School was significantly transformed, but it was able to become the foundation on which modern higher education is still based.

Keywords: education, university, training, students, teachers, higher school, teaching staff.

Развитие образования чаще всего рассматривается через историю становления государственных порядков в стране, анализ деятельности партий в отечественном образовании и совершенствования различных учебно-воспитательных программ.

В основе российского высшего образования находились государственные университеты. Их система в значительной степени сформировалась к концу XIX века. До 1914 г. в Российской Империи было больше сотни университетов и 123 000 учащихся.

После Октябрьской революции в образовании усилилась тенденция «от мысли к действиям», но замедлилось развитие направления «от деятельности к личности». В период советской власти образование стало одним из самых важных направлений, которому государство уделяло большое внимание.

Основным лозунгом было создание пролетарской культуры через построение нового общества с новыми интересами и новыми идеями. В 1920-е года система высшего образования была ориентирована на проведение очень многих реформ, связанных непосредственно со сменой учебных программ.

Во времена индустриализации и коллективизации сельского хозяйства появилась потребность в кадрах, и власть поставила задачу подготовить как можно больше представителей для актуальных отраслей производства. Данная мера также напрямую была сопряжена с кратным увеличением транспорта и развитием промышленности в целом.

В результате, начался процесс стремительного роста высших заведений. Наибольший дефицит в те годы, страна испытывала в преподавателях, агрономах и инженерах. Как итог, многие вузы начинают специализироваться именно на этих профессиях.

Стоит отметить, что подготовка кадров в таких профильных учебных заведениях стала носить обязательно практический характер. Именно здесь был заложен технократический подход к образованию, который просуществовал ещё много десятилетий.

К началу Великой Отечественной войны высшая школа представляла хорошо организованную систему, ориентированную на подготовку и выпуск специалистов народного хозяйства. В стране насчитывалось 817 высших учебных заведений, в которых обучалось 815 тыс. студентов. По числу студентов в предвоенный период Советский союз превосходил Англию, Францию, Италию, Германию и Японию вместе взятые.

Самое сложное время для высшей школы наступает в период с 1941–1945 гг. Для избежания потери и ликвидации многих вузов (250), необходимо было запустить процесс эвакуации высших учебных заведений на восток. Благодаря этим мерам удалось сохранить около 55 % довоенной численности студентов.

В послевоенный период начинается новая страница в истории советского высшего образования. Так, увеличивается количество вузов, пополняется контингент студентов и формируются условия для улучшения квалификации профессорско-преподавательского состава. Необходимо было серьезное обновление содержания учебников. Подверглись также пересмотру учебные программы по всем дисциплинам [4, с. 89].

В следствии, сложившейся образовательной ситуации в СССР развитие системы высшего образования обеспечивалось путём увеличения числа её однородных элементов, то есть один университет являлся копией другого. Система пополнялась не за счёт разнообразия, а за счёт количества высших учебных заведений, в результате чего университеты

готовили специалистов для уже существующих предприятий. Основным механизмом являлась передача накопленных знаний от старшего поколения к младшему. Вузам следовало готовить высококвалифицированных специалистов, владеющих знаниями в марксистско-ленинской теории, умениями и навыками.

Из университета выпускались люди, уверенные в том, что они точно будут трудоустроены. Расцвет этого периода пришёлся на 1950–1970-е годы. Личность будущего специалиста формировалась с помощью взаимосвязи обучения и коммунистического воспитания. Но в это время понятие «личность» заменялось понятием «индивид», и воспитание человека означало развитие в физическом, умственном плане. Согласно этой логике, необходимо было формирование технократического сознания. В связи с чем, специалист являлся профессионалом своего дела и носителем коммунистической идеологии, но не был личностью.

В 50-е – 70-е годы образование становится более ориентированным на знания. Оно основано на коммунистической идеологии и ставит своей целью воспроизводство и стабильность общественной системы. В коммунистической системе образования понятие «личность» стирается, государство должно воспитать хорошего, знающего специалиста для достижения общих целей.

Недостатки высшего образования в период строительства коммунизма – это сильное влияние идеологии, отсутствие вариативности программ обучения, сильная привязанность к теории деятельности и философии марксизма, слабая гуманитарная подготовка.

К 1975 г. в СССР получали образование практически пять миллионов студентов. Также стоит направить внимание на тот факт, что при всей «закрытости» страны от окружающего мира, в этот конкретный период начали уделять внимание обучению зарубежных молодых людей. Эти студенты были иностранцами из дружественных СССР развивающихся стран. В 1960 году советские власти основали Университет дружбы народов. Международное сотрудничество советских вузов в области подготовки специалистов для зарубежных стран осуществлялось на высоком теоретическом уровне [3, с. 137].

К 1987 году в Советском Союзе насчитывалось уже 896 высших учебных заведений, из которых 69 были университетами. Остальная часть включала более 400 педагогических, медицинских и социологических институтов, академий искусств и консерваторий. Более 360 институтов специализировалось на инженерных и естественных науках. Также существовало около 60 политехнических институтов [4, с. 10].

Проводимая на тот момент перестройка затронула и высшее, и среднее специальное образование. Большое значение в этом вопросе сыграло совершенствование содержания образования, в основу которого была заложена научно-теоретическая и практическая подготовка студентов. Коммунистическая направленность учебно-воспитательного процесса продолжила своё действие.

В фокус педагогики были включены необходимые знания, умения и навыки для профессиональной деятельности. Произошло изменение ценностных ориентаций. В результате этого была больше развита узкая специализация в университетах.

Учебный процесс в высшем учебном заведении был представлен в виде знаниево-ориентированной модели образования и целенаправленно формирующейся коммунистической личности. Обучение длилось от 4 до 5,5 лет. Весь образовательный процесс был ориентирован на лекционные и практические занятия. В каждом учебном году было 2 семестра, которые завершались сдачей зимней и летней сессии. В последний год обучения студент должен был завершить обучение сдачей двух или более государственных экзаменов, в зависимости от специализации и защитит свою научную работу (диплом). После этого ему вручался диплом государственного образца. Также представлялась возможность поступить в аспирантуру, обучение в которой длилось около 3-х лет, затем защитит кандидатскую диссертацию и пополнит ряды профессорско-преподавательского

состава советских вузов. Для поступления в аспирантуру необходимо было сдать экзамены по иностранному языку, философии (прежде всего марксизм-ленинизм) и специальности. Похожая практика университетской работы сохраняется и в современной системе высшего профессионального образования. Большой популярностью пользовались вечернее и заочное отделение в высших учебных заведениях, т. к. у большинства советских граждан появилась возможность совмещать и работу, и учебу. Согласно данным советской статистики, с 1960 по 1975 г. прием на 1-й курс вечерних отделений вузов вырос на 50 тыс. мест, а с 1970 по 1985 г. – на 10 тыс. мест. Сокращение вечернего обучения компенсировалось расширением приема на заочное: с 1970 по 1985 г. увеличилось на 32 тыс. мест [4, с. 189].

Получение высшего образования в СССР означало не только получение знаний, но зачастую и занятие физическим трудом. В летний сезон студенты формировали, так называемые, студенческие строительные отряды, которые основывались на актуальных и принципиальных для советской экономики стройках. Идея заключалась в том, чтобы привить студентам трудовую этику.

Особо хотелось бы отметить, что высшее образование в СССР было бесплатное и студенты получали стипендии, если сдавали сессии на хорошие и отличные оценки. Так в конце 70-х гг. академическая стипендия составляла 100 руб.

Высшее образование в России в советский период претерпело множество изменений: от полного отстранения от личности человека и сильного влияния идеологии на образование до осознания роли высшего образования в сочетании с обязательным получением профессиональных навыков и развитием личных качеств человека. По своей сути образование времён СССР, являло собой синергию обучения, изучения и практики, которая в итоге вела к воплощению и реализации на практике всех задач поставленных государством и центральным звеном данной концепции, являлся гражданин.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гемранова А. Д. К истории высшего университетского образования СССР в период перестройки (80–90-е гг. XX века) // Образование: прошлое, настоящее и будущее: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, февраль 2018 г.). Краснодар: Новация, 2018. С. 9–11.

2. Логвинович Г.В. Развитие и кризисные черты в системе высшего образования СССР в 1970–1980-х годах // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. С. 186–192.

3. Петрик В.В. Высшее образование СССР как фактор укрепления международного сотрудничества в области подготовки специалистов (конец 50-х начало 90-х гг. XX в.) // Вестник ТПГУ. 2007. Вып. 7 (70). С. 132–137.

4. Хорошенкова А.В. Реорганизация советского высшего исторического образования в послевоенный период: тенденции и противоречия // Наука и школа. 2014. № 3. С. 89–92.

Е.И. Макарова

ПРОБЛЕМА ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В СССР

Аннотация. В данной статье автор раскрывает особенности военно- и гражданско-патриотического воспитания населения СССР в годы Великой Отечественной войны. Делается акцент на том, что разработка и реализация программы патриотического воспитания является прерогативой органов государственной власти различных уровней и подчинения. Доказывается, что в современных условиях идеологического, экономического и военного противостояния России и коллективного Запада является актуальной проблема воспитания любви к Родине и героизма.

Ключевые слова: Союз Советских Социалистических Республик, Российская Федерация, патриотизм, воспитание, идеология, историческая память.

THE PROBLEM OF PATRIOTIC EDUCATION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE USSR

Abstract. In this article, the author reveals the features of military and civil-patriotic education of the population of the USSR during the Great Patriotic War. The emphasis is placed on the fact that the development and implementation of the program of patriotic education is the prerogative of state authorities of various levels and subordination. It is proved that in the modern conditions of ideological, economic and military confrontation between Russia and the collective West, the problem of fostering love for the Motherland and heroism is an urgent one.

Keywords: Union of Soviet Socialist Republics, Russian Federation, patriotism, education, ideology, historical memory.

В июне 1941 года началась война гитлеровской Германии против Союза Советских Социалистических Республик (СССР). В силу множества причин эта война для советского народа приобрела характер Отечественной. Преступная идеология расового превосходства, разработанная идеологами третьего рейха, породила невиданную до того жестокость по отношению к мирному населению и военнопленным. Этот фактор в сочетании с естественным стремлением советского народа к борьбе против захватчиков привели к пониманию того, что только общим напряжением сил всех народов Союза можно будет победить сильного и вероломного врага. На начальном этапе войны Советский Союз находился в политической и экономической изоляции со стороны государств старой Европы в силу непризнания советской власти. Кроме этого Красная армия терпела неудачу за неудачей на фронтах в первые несколько месяцев войны. В этой ситуации возникла необходимость поднятия и поддержания боевого духа солдат и всех жителей страны. Для этого был разработан целый ряд мер на общегосударственном уровне.

К сожалению, и сегодня, мы столкнулись с ситуацией, когда коллективный Запад во главе с Соединенными Штатами Америки (США) проводит открытую политику сдерживания в отношении России. Одной из форм борьбы против России стало нивелирование роли СССР (и российского народа в особенности) в борьбе против нацизма и фашизма. Для этого в республиках бывшего СССР стали активно поддерживаться националистические движения. Преследуя различные цели, некоторые элиты постсоветских держав приступили к «замыливанью» тезиса о том, что победа в войне является слагаемым всех народов СССР.

Такие государства как Украина вообще пошли по пути построения националистического государства, в идеологии которого доминирует мысль об «особой» роли украинской нации в борьбе с захватчиками, а советские власти преподносятся в качестве оккупантов наравне с гитлеровцами. Проводится политика воспитания ненависти к России и ее народам. Все это стало слагаемыми последовательной индоктринации населения Украины в духе русофобии, частями реализованного плана по развертыванию военной агрессии – сперва против русского населения на собственной территории, а затем – с переносом боевых действий на территорию России.

Таким образом, продолжение изучения опыта советской власти в воспитании патриотизма и идеологии борьбы с радикальным национализмом и экстремизмом и сегодня является актуальным.

При изучении вопроса о воспитании патриотизма у населения СССР в годы ВОВ нами было установлено, что практиковались как общегосударственные мероприятия, так и меры «точечного воздействия».

В общегосударственном масштабе в систему воспитания патриотизма были включены газеты, радио, театры, кино и т. д. Публикации о героических подвигах советских солдат дополнялись статьями и заметками о героях, которые стали историческими личностями, такими как Александр Невский, Дмитрий Донской, Иван Грозный, Петр I и др. Причем героические подвиги и история деятельности знаменитых исторических личностей стали доступны широкому кругу граждан благодаря созданным советским кинематографам фильмам о Петре I, Кузьме Минину и Дмитрию Пожарскому [3, с. 66].

Особое внимание уделялось воспитанию подрастающего поколения воинов-защитников. Для этого в школах страны появились учебники по истории СССР, в которых должным образом освещалась история государства. На страницах учебников особое внимание уделялось роли простых крестьян в борьбе с монголо-татарами, роли отдельных правителей в создании и развитии русского национального государства, героической борьбе всего народа царской России в период Отечественной войны 1812 г. и т. д. Для смягчения напряженности в обществе были даже отобраны исторические эпизоды с положительной оценкой деятельности русских царей [4, с. 29–30]. Дети школ во всех уголках страны участвовали в подготовке и сдаче норм ГТО (готов к труду и обороне), что позволяло развиваться детям и молодежи физически. Так же школьники занимались общественно полезным трудом в помощь фронту. В сельской местности дети занимались сбором колосков после механической уборки урожая, сбором овощных культур и т. д. Так подрастающее поколение помогало свести к минимуму потерю урожая и хоть немного сократить нехватку продовольствия на фронте и в осажденных городах [4, с. 31].

Кроме того, военно-патриотическое воспитание начали сочетать с военной подготовкой и подготовкой будущих кадровых офицеров. Для этого в различных регионах СССР с 1943 года были открыты Краснодарское, Новочеркасское, Сталинградское, Воронежское, Харьковское, Курское, Калининское, Орловское, Ставропольское и другие училища имени великого русского полководца Александра Васильевича Суворова [7, с. 510].

Его личность вообще стала одной из главных в гражданско-патриотическом воспитании и поднятии боевого духа. 29 июля 1942 года советским правительством был учрежден один из самых почетных орденов, которыми награждались воины в период ВОВ – это был орден имени А. Суворова. Этим орденом награждались командиры Красной армии за выдающиеся заслуги в проведении войсковых операций.

Одновременно с этим был снижен накал атеистической пропаганды. Ослабление давления на представителей религиозных общин позволило усилить сплоченность общества перед лицом общего врага.

Вместе с тем, следует отметить, что руководство СССР понимало, что реализация общегосударственной программы гражданско-патриотического воспитания невозможна без учета особенностей регионов. Огромная протяженность государства и большое количество народов различных национальностей и этнических групп, большие различия в верованиях и даже уровень экономического развития приводили к необходимости «точечного» подхода в этом вопросе.

Например, на Кавказе использовали образ местных героев таких как имам Шамиль, Шеверли, Хочбар – уважаемых и почитаемых людей. При разработке текстов листовок, газетных публикаций, театрализованных постановок и прочих массовых акциях применялась специфическая местная терминология для создания негативного образа врага. Местного жителя представляли настоящим горцем, а немца «безмозглым колбасником», учитывая даже тот фактор, что свинина, из которой немцы чаще всего изготавливали колбасы категорически не употреблялась жителями Дагестана и других областей Кавказа. По отношению к врагу применялись слова, понятные и привычные для местного населения и имеющие негативную окраску – например, шайтан, скот, шакал [4, с. 31].

Характерным видом работы по патриотическому воспитанию стали чтение лекций и агитационных докладов. Эта обязанность была возложена в основном на интеллигенцию, ветеранов гражданской войны и детей старшего школьного возраста. Под руководством Дагестанского Обкома ВКП(б) начали работу сотни групп, которые доносили политинформацию и сводки с фронтов в самые отдаленные села и аулы.

Благодаря агитационной работе, например в Дагестане, удалось наладить работу жителей пожилого возраста и старших школьников на дому. Они сумели произвести для фронта уже к началу 1942 года более 5 тыс. полушубков, 8 тыс. меховых жилетов, десятки тысяч шерстяных носков, варежек, портянок и т. д.

Несколько иным способом реализовывалась государственная программа по патриотическому воспитанию на Севере и Дальнем востоке СССР. Например, в Якутии и Чувашии. Эти регионы сконцентрировали свое внимание на воспитании значительного количества спортсменов, которые будучи физически выносливыми и меткими стрелками обеспечивали фронту разведчиков и снайперов. Из сибиряков формировали воинские подразделения, способные к длительным дальним лыжным переходам. По программе работы всеобуча и Осоавиахима были подготовлены тысячи лыжников, специалистов по рукопашному и штыковому бою, пулеметчиков. Так же эти организации готовили бойцов способных истреблять танки. Особое внимание уделялось подготовке снайперов. Женская часть молодежи занималась изучением санитарного дела, подготавливались радистки [9, с. 116]. Координировал работу Совет народных комиссаров Якутской АССР и Областной комитет ВКП(б).

Практически идентичная ситуация в годы Великой Отечественной Войны сложилась в Томске и была характерна для всего красноярского края. Кроме подготовки добровольцев, высококлассных воинов на долю сибиряков выпала необходимость работы с множеством приезжих жителей со всего СССР, которые прибывали вместе с эвакуированными заводами [8, с. 45–48].

Чувашская АССР имела свои особенности в агитационной и военно-патриотической работе. В столь отдаленном районе СССР от фронта остро стояла необходимость информирования населения городов и колхозов о событиях на фронте. Из ЧАССР было мобилизовано на службу в Красную армию значительное количество мужчин. Даже в киносети, которая была стратегически важной в военно-патриотическом воспитании, порой оставались работать только директор и бухгалтер. Ощущалась острая нехватка киномехаников, специалистов по ремонту и наладке киноустановок, водителей передвижных киноустановок.

Однако задачи, которые ставились перед кино отраслью Чувашии, имели статус общегосударственного значения. Так благодаря массовой агитационной работе киноработников был произведен сбор средств на покупку целой бронетанковой колонны и даже строительства бронепоезда «Чувашия». На киномехаников, которых в срочном порядке готовили из числа женщин, была возложена задача демонстрации фронтовых киносборников и документальных фильмов. Колоссальное положительное воздействие на настроения населения имели фильмы «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой», «Ленинград в борьбе» и др. Демонстрировались и художественные фильмы патриотического содержания – «Она защищает родину», «Секретарь райкома», «Два бойца» и др. Благодаря слаженной и самоотверженной работе по большей части передвижных кинозалов удавалось поддерживать на высоком уровне информированность населения и привлекать добровольцев на фронт. Еще большее значение работа киноустановок имела для большого количества раненных, которых эвакуировали в Чувашию.

Несколько иные приоритеты и средства реализации патриотического воспитания в годы ВОВ стояли на Псковщине. Здесь начиная с X века летописи хранили записи о важности этих земель в становлении российского государства. За 500 лет с XIII по XVIII века Псков отразил более ста военных набегов, а сам город был осажден более 26 раз ливонскими рыцарями. После войны Петра I со шведами псковские земли стали основным форпостом в борьбе за выход России в северную Европу. После событий октябрьской революции 1917 года Псков вновь стал спорной территорией. В 1918 г. вновь был оккупирован немецкими войсками и был освобожден в 1920 г.

«Многовековая история Пскова стала наиболее «подходящей» для создания образа успешной борьбы российского народа против немецких захватчиков и их союзников» [3, с. 67]. Основными сюжетами для плакатов, агитационных листовок, выступлений с докладами перед жителями деревень стали историческая личность Александра Македонского и борьбы русских князей против тевтонских и ливонских рыцарей. К разработке материалов для политинформации был даже подключен знаменитый историк А. Лурье.

Именно он писал тексты по истории нападения «псов-рыцарей» на Псковщину 1269 и 1298 гг., которые были опубликованы в газете «Красная звезда».

Затем появились публикации других ученых-историков М.П. Тихановой и Д.С. Лихачева «Оборона древнерусских городов» об обороне Пскова от войск Стефана Батория в 1851–1852 гг. Именно на Псковские земли стали основой обоснования захватнического характера войны со стороны немцев. Именно тут рождались обоснованные тезисы об освободительном характере войны советского народа против противника, которые многие века пытался поработить российский народ и захватить территорию России.

История Пскова в 1944 году стала обоснованием для пояснения исторической миссии советской армии, которая несокрушимо двигалась в сторону Европы и после тегеранской конференции 1943 г. должна была выйти за границы СССР.

В годы ВОВ велась агитационная и воспитательная работа в области патриотического воспитания и на Донбассе. Причем даже в условиях оккупации. Наиболее известной организацией, которая вела данную работу, является «Молодая гвардия». Как пишут исследователи истории деятельности «Молодой гвардии» это было первое поколение молодежи, получившее полное среднее образование [1, с. 21]. Уже в юношеском возрасте некоторые из подпольщиков проходили обучение в Ворошиловградской (Луганской) школе подпольщиков. Любовь Шевцова, Владимир Загоруйко, Василий и Сергей Левашовы готовились к работе в подполье в тайне от своих друзей и родителей.

Руководителем краснодонского подполья по указанию компартии был назначен Филипп Петрович Лютиков. Он был ветераном гражданской войны, шахтер с многолетним стажем, являлся председателем родительского комитета школы. Такая биография обеспечивала то, что его знали практически все жители Краснодона и окрестных городов, и сел. Связь с советской молодежью осуществлял 22 летний комсомолец Евгений Машков. Так как наладить выпуск листовок сразу не представлялось возможным с первых же дней оккупации подпольщики стали расклеивать по городу спрятанную заранее подшивку газеты «Правда». Основными целями организации были поддержание патриотических настроений среди населения и ведения подрывной деятельности. За время оккупации не было добыто ни одной тонны донбасского угля. Участники организации регулярно наносили повреждения железнодорожным узлам и т. д. Правда в агитационной работе краснодонцев «помогали» и оккупационные немецкие власти. По свидетельствам очевидцев нацисты запрещали местному населению даже брать воду из колодцев, угрожая расстрелом [1, с. 26].

Таким образом, изучая вопрос патриотического воспитания в годы Великой Отечественной Войны на территории СССР мы пришли к следующим выводам.

В силу того, что вопросом поддержания высокого морального духа и привития любви к Родине занимались органы центрального управления, а многие функции были возложены на НКВД можно уверенно говорить об общегосударственном уровне в решении поставленной задачи. Здесь можно выделить ряд характерных мер, присущих для всех территорий СССР – изготовление и распространение агитационных плакатов, листовок, публикация соответствующих материалов в центральных и местных газетах, проведение регулярных тематических лекций, театрализованных постановок, демонстрация фронтовых хроник, документальных и художественных фильмов в стационарных и передвижных кинотеатрах, выступления и радио спектакли по радио и многое другое.

Вместе с тем, в зависимости от региона и особенностей народов, проживающих на них имелись особенности в реализации поставленной генеральной задачи. На Псковщине основными героями стали А. Невский и Петр I, прорубивший окно в Европу. На Кавказе брали за пример героев-горцев уважаемых среди местных родов. На территориях, где советская власть утвердилась наиболее крепко (Донбасс) использовали авторитет местных рабочих и патриотически настроенной молодежи.

Также в зависимости от региона шло и оказание помощи фронту. Где-то изготавливали шерстяные и меховые вещи, где-то собирали продукты питания и работали над сбором урожая. Некоторые территории (Красноярск, Томск) работали над максимальным увеличением выпуска заводской продукции, необходимой для фронта. Сибиряки и жители Севера СССР готовили для фронта не менее ценные кадры – лыжников и снайперов и т. д.

Следует отметить, что не смотря на то, что советские власти применяли «точечный» подход в воспитании патриотизма, общая тенденция заключалась в том, чтобы прививать чувство любви к Родине не по узко национальному принципу (или региональному). Понятие Родина было объединяющим, интернациональным – присущим «советскому» человеку.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильев В.П. Краснодарское направление: Очерки 2-е изд., доп. Донецк: Донбасс, 1984. 128 с.
2. Гордина Е.Д. Историко-патриотическое воспитание в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 2011. № 12. С. 58–71.
3. Грицких Д.В. Патриотическое воспитание молодежи в годы Великой Отечественной войны на примере героизма исторических личностей Псковщины // Вестник Луганского национального университета имени Владимира Даля. Луганск: Издательство Луганского национального университета имени Владимира Даля. 2011. № 7 (49). С. 65–69.
4. Грицких Д.В., Бирючкова Т.А. Военно-патриотическое воспитание жителей Дагестана в годы Великой Отечественной войны // Вестник Луганского национального университета имени Владимира Даля. Луганск: Издательство Луганского национального университета имени Владимира Даля. 2021. № 8 (50), Луганск, 2021. С. 28–32.
5. Крылова С.Ю., Дударев С.Л. Система военно-патриотического воспитания советской молодежи в период Великой Отечественной войны // Интернаука. 2021. № 2–1 (178). С. 34–35.
6. Панарина Е.В. Политико-воспитательная работа профсоюзов Кубани и Ставрополя в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 2. С. 77–82.
7. Путинцев А.В. Опыт организации военно-патриотического воспитания в суворовских военных училищах НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Молодой ученый. 2020. № 23 (313). С. 508–513.
8. Сарычева Т.В. Общественно-патриотическое и физкультурное движение молодежи в г. Томске в годы Великой Отечественной войны // Вестник ТГПУ. 2007. Вып. 5 (68). С. 44–49.
9. Федоров Д.С. Физическое воспитание и спорт в подготовке бойцов-якутян в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Наука и образование. 2013. № 1. С. 114–119.

Д.В. Маслов

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИЧИН РАСПАДА СССР¹

Аннотация. Цель статьи – обзор теоретико-методологических проблем изучения причин распада СССР. Используемые процедуры и методы – анализ основных тенденций в историографии по поставленной проблеме. Основные результаты – охарактеризованы факторы, препятствующие объективному изучению причин распада СССР; рассмотрены теоретические вопросы распада СССР; предложены методологические подходы к анализу объективных и субъективных, внутренних и внешних причин распада СССР, их иерархии; предложены методы оценки роли отдельных личностей в дезинтеграции СССР.

Ключевые слова: причины, распад, СССР, методология, Горбачев, подходы.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43005.

METHODOLOGICAL ISSUES OF THE STUDY OF THE CAUSES OF THE COLLAPSE OF THE USSR

Abstract. The purpose of the report is to review the theoretical and methodological problems of studying the causes of the collapse of the USSR. The procedures and methods used are an analysis of the main trends in historiography on the problem posed. Main results – the factors hindering the objective study of the causes of the collapse of the USSR are characterized; theoretical issues of the collapse of the USSR are considered; methodological approaches to the analysis of objective and subjective, internal and external causes of the collapse of the USSR, their hierarchy are proposed; methods for assessing the role of individuals in the disintegration of the USSR are proposed.

Keywords: causes, collapse, USSR, methodology, Gorbachev, approaches.

Прошедший тридцатилетний юбилей распада СССР и приближающееся столетие его образования дополнительно стимулируют и без того жаркие дискуссии по ключевым аспектам истории Советского Союза. Одним из наиболее проблемных вопросов является, без сомнения, вопрос о причинах распада СССР. Методологии их исследования посвящена только что изданная монография авторского коллектива, в котором докладчик являлся также и ответственным редактором [3].

Заявленную тему нельзя считать неизученной [анализ историографии, см. 4], но следует признать, что ни по одному ее вопросу исследовательского консенсуса и близко не сложилось. С неменьшей чем прежде остротой продолжаются дискуссии по таким проблемам, как закономерность / случайность распада СССР; перечень причин распада, их иерархия; соотношение причин внутренних и внешних, объективных и субъективных и другим проблемам. В условиях замедления приращения источниковой базы по процессу распада СССР авторы упомянутой монографии [3, с. 6–14] пришли к выводу о необходимости ревизии и обновления методологического арсенала исторической науки на данном направлении исследований. С некоторыми выводами хотелось бы ознакомить в этом докладе.

Начнем с того, что остается открытым исходный вопрос – что именно считать причинами распада СССР. Проведенное исследование показало, что в самом подходе к селекции таких причин нередко наблюдается исследовательский произвол, усиленный личными политическими и человеческими пристрастиями. Понятно, что после распада Союза ССР прошло (по историческим меркам) совсем немного времени, и нам все еще трудно рассуждать о происшедшем отстраненно. Кто-то откровенно радуется, большинство продолжает переживать и ностальгировать. Тем не менее, исходное методологическое положение авторов монографии состояло в том, чтобы изучать финал СССР как свершившийся исторический факт – без эмоций, что называется, с «холодной» головой. Раз уж ничего нельзя изменить и вернуть, это надо изучать. Насколько авторы справились с этой задачей, судить не им, но всяком случае сама постановка такой задачи уже выглядит как определенный вызов некоторым сегментам общественного сознания современной России.

Ряд исследователей и немалая часть обывателей полагает, что распад СССР не был закономерен (или неизбежен), он явился следствием трагического для страны стечения обстоятельств [анализ см.: 1; 4], поэтому вопрос о причинах распада в таком случае не возникает. Но нетрудно заметить, что сам перечень таких обстоятельств уже может претендовать на статус причинных. К тому же редко кто из исследователей затрагивает вопрос о критериях отбора причин происшедшего. В результате имеет место известная логика «после того, значит, вследствие того». Так, например, достаточным является указание на нарастание в СССР с середины 1980-х гг. экономического кризиса или кризиса в международных отношениях, чтобы считать оба указанных фактора причинами краха СССР. При этом не принимается в расчет то очевидное обстоятельство, что всевозможные кризисы при всех своих издержках являются своего рода нормой развития

общества – обществ бескризисных, как известно, не бывает. Но далеко не всегда такие кризисы приводят к распаду государства. Следовательно, дело не в самих кризисах, а в тех их конкретно-исторических проявлениях, которые лишь в отдельных случаях подрывают основы государственного единства. Именно эти проявления и могут претендовать на роль причин распада.

С целью выявления таковых в монографии был предпринят иной, чем прежде, подход к выявлению причин распада СССР. Основные вехи его истории были рассмотрены по сферам общественной жизни и представлены как модели, в каждой из которых друг другу противостояли факторы интеграционные и дезинтеграционные. Такой подход позволил отойти от рассмотрения истории СССР как якобы неумолимого движения к собственной гибели. Было показано, что СССР почти до самого конца имел серьезные ресурсы для самосохранения – единое экономическое пространство, монополию правящей партии на власть, упорное нежелание примерно половины союзных республик даже еще в 1991 г. уничтожить союзное государство, и ряд других ресурсов. Но именно те факторы, которые оказались «сильнее» перечисленных и могут претендовать на роль искомых причин. Среди таковых, в частности, следует особое внимание уделить самоустранению КПСС как ядра советской системы с политической арены. Межнациональные конфликты также привели к распаду СССР не сами по себе, а лишь в связи с отсутствием адекватной реакции Центра на совершаемые в ходе их преступления. В анализе экономической сферы авторами обращено внимание на то обстоятельство, что наибольшую склонность к сепаратизму проявили те союзные республики, которые в силу особенностей территориального размещения советской экономики либо имели необходимые природные ресурсы и производственные мощности для «самостоятельного плавания», либо полагали, что такие ресурсы найдутся (например, через внешние займы).

Далее, в литературе продолжает активно обсуждаться и вопрос о приоритетности (иерархии) причин распада СССР. Основная линия дискуссии проходит внутри парных групп объективные / субъективные, внутренние / внешние факторы распада. В монографии обращается внимание на тот факт, что повороты историографии на этом направлении исследований не всегда связаны с появлением новых исторических источников или повторной интерпретацией имеющихся. В последние годы заметна активизация позиции тех, кто отдает приоритет факторам субъективным и внешним. Особенно данное явление просматривается не столько в научном сообществе, сколько в общественном сознании и во влиятельных средствах массовой информации. Очевидно, что в данном случае мы имеем дело не с уточнением имеющихся у нас знаний о процессах распада СССР, а с характеристиками самого российского социума на современном этапе его развития. Нация, во многом надломленная тяжелейшим для нее двадцатым веком, никак не оправится от его последствий и продолжает искать причины случившегося либо вовне, либо в конкретных виновниках. Обе вариации исходят из того, что Советский Союз был слишком крепким государством для того, чтобы умереть естественной смертью. Действительно, многим непонятно, как могло в мирных условиях развалиться государство, пережившее страшный период Великой Отечественной и последовавшей за ней холодной войны. Однако, как показано в монографии, в таких объяснениях упускается из виду ряд обстоятельств.

Прежде всего, как показывает исторический опыт, распад государства может происходить не в ходе конкретной войны, а на некоторой временной дистанции от нее, когда происходит затухание от победного импульса и начинают все острее ощущаться отдаленные негативные последствия военного противостояния. Далее. В конкретном случае распада СССР ситуация осложнялась тем, что на процессы дезинтеграции союзного государства наложилось по времени масштабное преобразование практически во всех сферах общественной жизни. Переход высшего руководства страны в 1990 г. от конституционной к договорной модели построения обновленного Союза как важнейшая составляющая этих реформ привел к перемещению власти

и собственности из Центра в союзные (а отчасти даже и в автономные) республики и, в конечном счете, объективно подорвал государственное единство СССР.

И в этом случае у многих возникает вопрос о персональной ответственности конкретных руководителей в распаде СССР. Ряд исследователей [2, с. 65] и немалая часть наших граждан убеждены в том, что именно субъективный фактор – и, прежде всего, деятельность ряда политиков – стал главной причиной распада Советского Союза. Чаще всего в этом плане называются имена М.С. Горбачева, Б.Н. Ельцина, Л.М. Кравчука и даже президента США Д. Буша-старшего. Упоминаются и «предатели» рангом пониже, представители «пятой колонны» и т. п. В большинстве изученных авторами монографии исследований такого рода имеет место произвольное толкование источников, их очевидная подгонка под заранее сформулированный ответ. Происходит это таким образом, что тщательно фиксируются факты, свидетельствующие о намерениях тех или иных лиц нанести удар по СССР (при этом, как ни парадоксально, не обязательно разрушить) и упорно игнорируются обстоятельства, доказывающие наличие у тех же персон центристских тенденций. Так, в монографии подвергнуты тщательному текстуальному анализу республиканские проекты нового Союзного договора и иные подготовительные материалы с правками авторов документов [5, с. 209–489]. Эти материалы до сих пор весьма слабо привлекались историками. По указанным документам вырисовывается довольно сложная картина борьбы вокруг реформы Союзного государства. Но очевидно, что даже самые сепаратистски настроенные республики (за исключением если только прибалтов) в лице своих лидеров вплоть до августа 1991 г. готовы были пойти на гораздо более тесную модель государственного единства, чем та, которая в итоге была оформлена в Беловежье в декабре того же года. Несомненно и то, что М.С. Горбачев предпринимал серьезные усилия для сохранения хотя и преобразованного, но все-таки единого государства.

Но, возможно, решающую роль в происшедшем с СССР сыграли ошибки Горбачева и его личные качества (например, часто называемая нерешительность)? Отрицать наличие таких ошибок сегодня едва ли кто отважится. Безошибочных политиков не бывает в принципе. Вопрос здесь в другом – какие из этих ошибок могли сыграть фатальную роль в судьбе союзного государства? Как представляется авторам монографии, из большинства тактических ошибок генсека распад СССР автоматически не вытекает. А вот к избранной им стратегии вопросы могут возникнуть. И главный из них заключается в том, что проведение реформ одновременно по всем линиям в условиях ухудшающегося социально-экономического положения СССР неизбежно порождало и возможности, и потребности союзных и автономных республик решать возникающие проблемы самостоятельно. Тем не менее рассуждения о «предательстве» Горбачева и иных лиц представляются чересчур эмоциональными по причине недоказанности умысла на развал СССР. Такие суждения отражают скорее стремление массового сознания найти конкретных «козлов отпущения», на которых проще всего свалить всю вину за происшедшее. Заодно это освобождает и от более серьезных интеллектуальных усилий, в том числе и по вопросу об ответственности самого советского общества за происшедшее.

В монографии поднимается и получает разрешение целый ряд других вопросов, связанных с причинами распада СССР. Авторы осознают при этом, что изучение проблемы далеко не завершено и лишь надеются, что смогли внести свою скромную лепту в научное осмысление заявленной темы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Корочаров А.В. Распад СССР в отечественной историографии: основные методологические подходы. <https://cyberleninka.ru/article/n/raspad-sssr-v-otechestvennoy-istoriografii-osnovnyie-metodologicheskiepodhody/viewer> (дата обращения: 19.06.2021).

2. Коэн С. «Вопрос вопросов»: Почему не стало Советского Союза. М., 2007. 200 с.; 2-е расш. изд.: 2011.

3. Маслов Д.В., Лазарева Л.Н., Суханова Н.И. Причины распада СССР: вопросы методологии исследования / отв. ред. Д.В. Маслов. М.: Издательство «Политическая энциклопедия», 2022. 399 с.

4. Миронов Б.Н. Дезинтеграция СССР в историографии: развал или распад // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. Вып. 1. С. 132–147. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.108> (дата обращения: 17.12.2021).

5. Сазонов А.А. Кто и как уничтожил СССР? Архивные документы. Проект «Аргументы истины». М.: Алгоритм, 2018. 576 с.

С.В. Назаров, С.С. Свирева

ПРИЧИНЫ РАСПАДА СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Аннотация. В статье проанализированы основные причины распада мировой сверхдержавы и то, как это событие повлияло на формирование нового мирового порядка. Кратко проанализированы факторы, которые способствовали распаду СССР и на основе этого сделан общий вывод.

Ключевые слова: СССР, распад, причины, экономика, Горбачев, «Холодная война».

THE REASONS FOR THE COLLAPSE OF THE SOVIET UNION

Abstract. In this article I will try to analyze the main reasons for the collapse of the world superpower and how this event influenced the formation of a new world order.

Keywords: USSR, collapse, causes, economy, Gorbachev, "Cold War".

На 1 января 1991 года Советский Союз был самой большой страной в мире, занимающая площадь около 22 400 000 квадратных километров, что составляет почти одну шестую часть земной поверхности. Его население насчитывало более 290 миллионов человек, и в пределах его границ проживало 100 различных национальностей. Она также могла похвастаться арсеналом из десятков тысяч единиц ядерного оружия, а ее сфера влияния, осуществляемая через такие механизмы, как Варшавский договор, распространялась на всю Восточную Европу. В течение года Советский Союз прекратил свое существование. Хотя с практической точки зрения невозможно точно определить единую причину такого сложного и далеко идущего события, как распад мировой сверхдержавы, ряд внутренних и внешних факторов, безусловно, сыграли свою роль в распаде СССР.

25 декабря 1991 года советский флаг в последний раз развевался над Кремлем в Москве. Представители советских республик (Украина, Грузия, Беларусь, Армения, Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Туркменистан, Таджикистан и Узбекистан) уже объявили, что они больше не будут частью Советского Союза. Вместо этого они заявили, что создадут Содружество Независимых государств. Поскольку три прибалтийские республики (Латвия, Литва и Эстония) уже объявили о своей независимости от СССР, из 15 республик осталась только одна – Казахстан. Некогда могущественный Советский Союз пал, во многом из-за большого количества радикальных реформ, которые советский президент Михаил Горбачев осуществил за шесть лет своего пребывания на посту лидера СССР [1, с. 16]. Тем не менее, Горбачев был разочарован распадом своей нации и 25 декабря подал в отставку со своего поста. Это был мирный конец достаточно противоречивой эпохи в мировой истории. На сегодняшний день многие исследователи выделяют несколько причин распада СССР. Рассмотрим каждую из них.

Во многом к точке невозврата в судьбе государства стала проводимая Горбачевым политика, но, подчеркну, правление Горбачева не было первопричиной распада.

В марте 1985 года к руководству СССР пришел Михаил Горбачев. Он унаследовал стагнирующую экономику и политическую структуру, которые делали реформы практически невозможными. Новый лидер ставил перед собой цель дать толчок уми-

рающей советской экономике и упорядочить громоздкую правительственную бюрократию. Когда его первоначальные попытки реформ не дали результатов, он ввел политику гласности (“открытости”) и перестройки (“реструктуризации”). Первое было призвано способствовать диалогу общество-власть, в то время как второе вводило квазисвободную рыночную политику в государственных отраслях [6, с. 5]. Вместо того, чтобы вызвать возрождение и обновление в коммунистической мысли, гласность открыла шлюзы для критики всего советского аппарата. Государство потеряло контроль как над средствами массовой информации, так и над общественной сферой, а движения за демократические реформы набирали обороты по всему советскому блоку. Перестройка продемонстрировала худшее из капиталистических и коммунистических систем: на некоторых рынках был отменен контроль над ценами, но существующие бюрократические структуры остались на месте, а это означало, что коммунистические чиновники могли противостоять той политике, которая не приносила им личной выгоды.

Горбачев считал, что улучшение советской экономики зависит от улучшения отношений с остальным миром, особенно с Соединенными Штатами [2, с. 124]. Даже когда президент Рональд Рейган назвал СССР «Империей зла» и начал массированное наращивание военной мощи, Горбачев пообещал (и таки сдержал обещание) отказаться от гонки вооружений. Он объявил, что выведет советские войска из Афганистана, где они вели войну с 1979 года, и сократил советское военное присутствие в странах Варшавского договора в Восточной Европе. Эта политика невмешательства и отказ от «Доктрины Брежнева» имела важные последствия для Советского Союза – но, важно то, что она привела к тому, что восточноевропейские альянсы, как выразился Горбачев, «рассыпались, как сухие соленые крекеры, всего за несколько месяцев». Первая революция 1989 года произошла в Польше, где некоммунистические профсоюзные деятели из движения «Солидарность» заключили сделку с коммунистическим правительством о более свободных выборах, на которых они добились большого успеха. Это, в свою очередь, вызвало мирные революции по всей Восточной Европе. «Бархатная революция» в Чехословакии свергла коммунистическое правительство, Венгрия демонтировала пограничный забор с Австрией, прибалтийские государства предпринимали конкретные шаги к независимости, а Берлинская стена рухнула [5, с. 205]. Железный занавес пал и Советский Союз подошел к точке невозврата.

Что касается экономического фактора, то к моменту прихода Горбачева к власти в 1985 году советская экономика находилась в состоянии стагнации в течение 20 лет и остро нуждалась в реформах; а именно, валовой национальный продукт (ВНП) страны вырос с 5,8 % в 1940 году до 2,6 % в 1970 году. Полки продуктовых магазинов часто были пусты, а очереди за продуктами были длинными. Советская экономика исторически мало зависела от внешней торговли из-за большой энергетической и сырьевой базы региона; в 1985 году экспорт и импорт составляли всего 4 процента советского ВНП. Торговля, которой занимался Советский Союз, была в основном с коммунистическими странами, многие из которых находились в Восточной Европе. В 1988 году советская торговля с социалистическими странами составляла 62 процента от общего объема внешней торговли страны, в то время как 15 процентов ее внешней торговли приходилось на страны Третьего мира [7, с. 3]. Было подсчитано, что черный рынок в экономике СССР был эквивалентен более чем 10 % официального ВВП страны. Экономическая стагнация сковывала страну в течение многих лет, а реформы перестройки только усугубили проблему. Повышение заработной платы поддерживалось печатанием денег, что подпитывало инфляционную спираль. Беспечность налогово-бюджетной политики сделала страну уязвимой перед внешними факторами, а резкое падение цен на нефть отправило советскую экономику в штопор.

На протяжении 1970-х и 80-х годов Советский Союз занимал одно из ведущих мест в мире по производству энергетических ресурсов (к слову, РФ на сегодняшний момент также занимает ведущую позицию), таких как нефть и природный газ, и экспорт этих товаров сыграл жизненно важную роль в укреплении крупнейшей в мире командной экономики [8, с. 44]. Когда цена на нефть упала со 120 долларов за баррель в 1980 году до 24 долларов за баррель в марте 1986 года, этот жизненно важный источник внешнего капитала иссяк. Цена на нефть временно подскочила в результате вторжения Ирака в Кувейт в августе 1990 года, но к тому моменту распад Советского Союза шел полным ходом. Это послужило стимулирующим фактором в развале страны.

Также не стоит недооценивать военный фактор. Широко распространено мнение, что советские расходы на оборону резко ускорились в ответ на президентство Рональда Рейгана и такие его предложения в политике, как Стратегическая оборонная инициатива. На самом деле, советский военный бюджет имел тенденцию к росту, по крайней мере, с начала 1970-х годов, но западным аналитикам оставалось только гадать о точных цифрах. По внешним оценкам, советские военные расходы составляли от 10 до 20 % ВВП, и даже внутри самого Советского Союза было трудно произвести точный учет, поскольку в составлении военного бюджета участвовали различные правительственные министерства, каждое со своими конкурирующими интересами. Что можно сказать определенно, так это то, что военные расходы не зависели от общих экономических тенденций: даже когда советская экономика отставала, военные оставались хорошо финансируемыми. Кроме того, военные имели приоритет, когда дело касалось талантов в области исследований и разработок. Технологические новаторы и потенциальные предприниматели, которые могли бы помочь поддержать частичный переход Горбачева к рыночной экономике, вместо этого были задействованы в оборонной промышленности.

В дополнение к бюджетным вопросам, советское участие в Афганистане (1979–1989) было ключевым военным фактором в распаде СССР. Пока правительство контролировало прессу, инакомыслие по поводу войны в Афганистане оставалось безмолвным, но гласность открыла дверь для озвучивания повсеместной усталости и бессмысленности войны. Армия, возможно, единственный самый сильный противник реформаторских усилий Горбачева, оказалась загнанной в тупик из-за ситуации в Афганистане и потеряла все рычаги, которые могли бы у нее быть, чтобы остановить продвижение перестройки. Многие солдаты из центральноазиатских республик чувствовали более тесные этнические и религиозные связи с афганцами, чем с русскими. В европейских республиках разрыв с Москвой был еще более драматичным. На Украине вспыхнули антивоенные демонстрации, в то время как оппозиционные силы в прибалтийских республиках рассматривали войну в Афганистане через призму российской оккупации их собственных стран. Это подстегнуло сепаратистские движения, которые в значительной степени беспрепятственно привели к провозглашению независимости всеми тремя государствами Балтии в 1990 году.

Также внимание стоит уделить и социальному фактору. 31 января 1990 года McDonald's открыл свой первый ресторан в Москве. Изображение Золотых арок на Пушкинской площади казалось триумфом западного капитализма, и покупатели выстраивались в очередь по всему кварталу, чтобы впервые попробовать Биг-мак. Но такая демонстрация не была редкостью в последние годы существования Советского Союза; москвичи так же долго стояли в очередях за утренними выпусками либеральных газет [3, с. 144]. Гласность, действительно, вызвала шквал новых концепций, идей и опыта, и советские граждане стремились изучить их. Началось «брожение умов». Советская общественность испытывала отвращение к широко распространенной коррупции, свойственной советскому государству. Целью Горбачева с гласностью и перестройкой было не что иное, как трансформация советского духа, новый договор между советским режимом и его народом. Главный советник Горбачева Александр Яковлев описал стоящую перед ними задачу: «Главный вопрос сегодня – не только экономика. Не только материальная сторона процесса. Суть вопроса кроется в политической системе ... и ее отношении к человеку». В конце концов, напряжение между вновь обретшими

власть гражданами и советским государством с подорванным доверием оказалось слишком сильным, чтобы его можно было преодолеть, и последняя попытка переворота, предпринятая сторонниками жесткой линии коммунистов, разрушила Советский Союз. [4, с. 12]. Отставка Горбачева с поста президента была неизбежна, и на Рождество 1991 года он отказался от своего поста, сказав: «Теперь мы живем в новом мире. Положен конец холодной войне и гонке вооружений, а также безумной милитаризации страны, которая нанесла ущерб нашей экономике, общественным настроениям и морали». Могучий Советский Союз пал.

Падение СССР имело далеко идущие последствия для мира в целом, особенно для стран – бывших советских сателлитов. Для некоторых стран, таких как Азербайджан и Казахстан, экспорт нефти и природного газа привел к процветанию, но также привел к коррупции. Такие страны, как Литва и Латвия, претерпели драматические преобразования, быстро повернувшись к Западу, приняв западные идеалы и политические взгляды. Распад Советского Союза затронул и страны за пределами бывшего советского блока; например, после окончания холодной войны Китай расширился и стал крупной мировой сверхдержавой, а Европейский Союз распространил свое влияние на районы, которые когда-то контролировала Москва. За четверть века, прошедшую с момента распада Советского Союза, американо-российские отношения были и остаются напряженными. Хотя распад Советского Союза позволил Соединенным Штатам прийти к мировой гегемонии, в последние годы Москва заняла более жесткую позицию в мировых делах – начинается эпоха великих потрясений и США более не являются мировым жандармом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кива А. В. Сверхдержава, разорившая себя сама // Международная жизнь. 1992. № 1. С. 15–24.
2. Карпенкова Т. В. Кардинальные изменения в мире, вызванные распадом СССР // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. № 4. С. 124–135.
3. Косорукова М. И. Культура России на рубеже XX–XXI вв.: тенденции и перспективы (Общая характеристика) // Гуманитарные науки в современном образовании: проблемы, решения, перспективы развития. М., 2014. С. 144–148.
4. Мирский Г. И. Еще раз о распаде СССР и этнических конфликтах // Мировая экономика и международные отношения. 1997. № 2. С. 12–22.
5. Серебрянников В. В. Мировая Холодная война второй половины XX века: (к 10-летию разрушения СССР) // Социально-гуманитарные знания. 2002. № 1. С. 205–223.
6. Фурман Д.А. Российские демократы и распад Союза // Век XX и мир. 1992. № 1.
7. Шишков Ю. В. Распад империи: Ошибка политиков или неизбежность? // Наука и жизнь. 1992. № 8. С. 2–13.
8. Яковлев Н. Н. «Да, это мы прикончили гигантского дракона»: Заметки профессионального историка // Молодая гвардия. 1996. № 6. С. 43–73.

М.А. Никулина

ТРАГЕДИЯ ДОНБАССА КАК ОДНО ИЗ ПОСЛЕДСТВИЙ РАСПАДА СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Аннотация. С распадом Советского Союза на Украине активизировалось продвижение идеи «титовской нации», чуждой многонациональному русскоязычному Донбассу. Резкий крен вправо в период так называемого «евромайдана», поражение в правах русскоязычных граждан и попытки разорвать связи с Россией вызвали протест среди населения Донбасса. Неготовность украинской власти идти на уступки привела к открытому вооруженному конфликту.

Ключевые слова: Донбасс, гражданская война, конфликт, Украина, независимость, украинизация.

THE TRAGEDY OF DONBASS AS ONE OF THE CONSEQUENCES OF THE COLLAPSE OF THE SOVIET UNION

Abstract. With the collapse of the Soviet Union in Ukraine, the promotion of the idea of a "titular nation", alien to the multinational Russian-speaking Donbass, intensified. A sharp lurch to the right during the so-called "Euromaidan", the defeat in the rights of Russian-speaking citizens and attempts to sever ties with Russia caused a protest among the population of Donbass. The unwillingness of the Ukrainian authorities to make concessions led to an open armed conflict.

Keywords: Donbass, civil war, conflict, Ukraine, independence, Ukrainization.

В переломном для Донбасса 2014 году уснувшие, казалось бы, на десятилетия идеи автономии и самостоятельного от Украины существования вспыхнули с новой силой на фоне надвигающейся угрозы потери своей самобытности, истории, культуры и языка. Евромайдан с его безальтернативной повесткой «Украина – это Европа» вынудил даже не пророссийский, а исторически российский регион на принципиальное противостояние Киеву, вылившееся в полномасштабный гражданский конфликт. Однако так называемая революция достоинства стала лишь триггером, которому предшествовали два десятилетия попыток создать «єдину країну» (единую страну [укр.] – прим.) из совершенно разных по своим идеологическим и мировоззренческим установкам регионов.

Впервые вопрос о самостоятельности Донбасса встал после Февральской революции 1917 года – параллельно с подъемом националистического движения на Украине. Центральная рада, провозгласившая в ноябре 1917 года Украинскую народную республику, а в январе 1918-го – ее государственную независимость, предъявила претензии на регионы со смешанным населением, в частности, на Харьковскую губернию и земли Новороссии. Тогда глава Совета съезда горнопромышленников Юга России Николай фон Дитмар подготовил для Временного правительства докладную записку «Украинская автономия и Донецкий бассейн», в которой подчеркивал, что «весь Харьковский район в составе губерний Харьковской, Екатеринославской, Таврической и части Херсонской должен быть совсем исключен ввиду его государственного значения из района предполагаемой автономии украинской» [9].

Вскоре идею автономии поддержали местные большевики. Участники IV областного съезда Советов Донецкого и Криворожского бассейнов, состоявшегося в Харькове 27–30 января 1918 года, большинством голосов приняли решение о создании республики. Примечательно, что автономия Донбасса рассматривалась ее сторонниками именно в составе Российской федеративной республики. Так, 31 января 1918 года Федор Сергеев («Артем») сообщал в телеграмме председателю Всероссийского центрального исполнительного комитета Якову Свердлову о том, что «съезд Советов принял резолюцию о создании Совета народных комиссаров Донецкого Криворожского бассейна как части общероссийской федерации Советов» [9].

Однако в условиях немецкого наступления на Украину весной 1918 года Ленин принимает решение о создании единого боевого фронта, предусматривающее включение Донецко-Криворожской республики (ДКР) в состав Украины. Так, 14 марта 1918 года Ленин пишет временному чрезвычайному комиссару Совнаркома на Украине Григорию Орджоникидзе: «Товарищ Серго! Очень прошу вас обратить серьезное внимание на Крым и Донецкий бассейн в смысле создания единого боевого фронта против нашего Запада». В этом же письме Ленин назвал желание части большевиков видеть Донбасс автономным регионом «ничем не объяснимым и вредным капризом», недопустимым в партийной среде [9].

Кроме того, противниками автономии Донбасса были и украинские большевики, опасавшиеся превращения Украины в «мелкобуржуазную крестьянскую республику» [9]. В итоге идея автономного Донбасса была заблокирована, при этом официального решения о ликвидации или самороспуске ДКР, как и о присоединении ее к Украине, не последовало.

После фактического упразднения ДКР, когда стал вопрос об организации Донецкой губернии, весной 1920 года было принято решение о том, что она войдет в состав РСФСР. Однако, как отмечал председатель Донбасского губревкома Владимир Антонов-Саратовский, «не прошло двух дней», как его вызвали к Ленину. «Мы с вами дали маху, – как-то виновато-шутливо встретил меня Ильич, – приехали украинцы, Раковский, Петровский... Кричат, что мы у них украли последних рабочих и остались они с одними мужиками...» – вспоминал Антонов-Саратовский. Поэтому, чтобы не «обижать» украинских большевиков, решили «перерешить» [9].

Выступая на X съезде РКП(б), народный комиссар по делам национальностей РСФСР Иосиф Сталин заявил: «В 1918 и 1920 годах мы вели работу по линии административного передела России по национальному признаку в интересах сближения трудовых масс отсталых народов с пролетариатом России» [10, с. 45]. Именно в соответствии с этой установкой 15 февраля 1920 года им было подписано постановление об образовании Донецкой губернии в составе Украинской ССР из частей Харьковской, Екатеринославской губерний и Области Войска Донского [8].

В 1920-х Донбасс столкнулся с первой украинизацией. Объявленная в апреле 1923 года на XII съезде РКП(б) с целью «умиротворения национального энтузиазма» политика коренизации партийного и государственного аппарата вызвала откровенное недовольство среди населения Донбасса. Рабочие говорили: «Не хочу выписывать украинскую литературу и конец. Учите украинцев, а русских и евреев учить нечего»; «В Донбассе настоящих украинцев нет, они вымерли, язык изменился, зачем же нам изучать украинский язык»; «Украинизации нам не нужно, жили без нее и еще сумеем прожить»; «А разве украинизация не петлюровская идея?»; «Зачем нам нужна украинская культура, если мы интернационалисты?»; «Зачем учить украинский язык и украинизироваться, когда после международной революции это ненужное будет»; «И не нужная нам совсем эта культура»; «Зачем нам украинская культура, когда русская культура стоит выше?» [3, с. 111].

В 1930-е годы, воспользовавшись борьбой с украинским национализмом, проводимой после принятия постановления ЦК ВКП(б) и Совнаркомом СССР от 14 декабря 1932 года «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в западных областях», восток Украины провел частичную деукраинизацию, которая не осталась незамеченной высшим партийным руководством [3, с. 112]. 10 сентября 1935 года политбюро ЦК КП(б)У рассмотрело вопрос «Об украинизации в областях». В принятом постановлении говорилось: «ЦК КП(б)У считает, что обкомы Донецкий, Днепропетровский, Одесский занимаются делом украинизации недостаточно. В ряде советских, культурных, профсоюзных и других учреждений наблюдается явное нарушение линии партии в деле украинизации» [3, с. 113].

Однако вместе с украинизацией вторая половина 20х – 30-е годы для Донбасса – это и процесс индустриализации, модернизации угольной промышленности и строительства крупных предприятий тяжелой металлургии. Это гремящее на весь мир имя Алексея Стаханова и последовавшее за его трудовым подвигом «стахановское движение». В ходе первой и второй пятилеток Донбасс превратился в мощный индустриальный регион с многочисленными шахтами, заводами, фабриками и развитым сельским хозяйством.

Этнический состав населения Донбасса изменила Великая Отечественная война, после которой для восстановления промышленности региона прибыло большое количество рабочих и специалистов из РСФСР, в результате чего русские стали составлять в Донецкой и Луганской областях 51–53 % населения [13, с. 45].

Поскольку руководство страны Советов прежде всего продвигало идею «новой исторической общности – советского народа», национальная принадлежность не имела большого значения. Многонациональному Донбассу, стоящему на принципах коллективизма, были близки и понятны идеи интернационализма. Вопросы развития промышленности волновали жителей трудового края куда больше, чем развитие украинского языка.

Но с распадом Советского Союза и приобретением Украиной независимости Донбасс столкнулся со второй волной украинизации, при этом не подкрепленной никаким экономическим развитием, а наоборот – крахом созданного за годы советской власти народного достояния. В обиход вошло словосочетание «титовская нация», а русские и русскоязычные граждане постепенно стали превращаться в «граждан второго сорта». В адрес жителей Донбасса, воспринимавших в штыки украинский национализм и русофобию, стали звучать нелестные эпитеты «люмпенизированный край», «раковая опухоль на теле Украины», «колбасный край с колбасной психологией» [2]. Позже Донбасс услышит предложение обнести его «колючей проволокой», а после победы на президентских выборах выходца из Донбасса Виктора Януковича – речевку «Спасибо жителям Донбасса...».

Известный историк и политолог Владимир Корнилов отмечает, что в преддверии декабрьского референдума 1991 года только в Донецке удалось нелегально издать листовки, предупреждающие о разрушительных последствиях плебисцита – «развале экономики, возрождении бандеровщины, курсе на вступление в НАТО, запрете русского языка и гражданской войне». «Нас тогда очень многие упрекали, включая коммунистов: ну, какая может быть гражданская война, помилуйте?! А теперь скажите, какой из этих пунктов не сбился?» – вспоминает Корнилов [7].

После референдума часть украинской элиты принялась продвигать украинскую национальную идею с целью скорее отмежеваться от общего советского прошлого. При этом стремительно падающее благосостояние населения некогда одной из самых богатых советских республик вызывало волну протестов и сопровождающих их ностальгии по Союзу, что отражалось, в том числе, в электоральных предпочтениях на президентских и парламентских выборах. Луганская и Донецкая область стали традиционным «красным поясом Украины», голосующим большинством за Коммунистическую партию Украины, а также за лидеров, выступающих за тесные социально-экономические связи с Россией. Так, на выборах 10 июля 1994 года победил Леонид Кучма, основным лозунгом которого был: «Украина – Россия: меньше стен, больше мостов» [1].

Западная Украина при этом поддерживала украинских националистов, продвигающих миф о вековой «имперской оккупации» Украины Россией. Русофобские настроения в этой части страны, и не только в ней, активно поддерживались странами Запада, которые после падения железного занавеса принялись щедро вскармливать грантами зарождающееся гражданское общество. Таким образом, будучи активным меньшинством, националисты стали превращаться в основную силу очередной волны украинизации.

При русскоязычном Кучме русский язык так и не получил статус государственного или официального. В мае 2004 года Конституционный суд Украины объявил о том, что не намерен рассматривать предложенный лидером крымских коммунистов Леонидом Грачом законопроект о внесении в конституцию страны изменений, предусматривающих придание русскому языку статуса второго официального [5].

Приход к власти Виктора Ющенко в результате так называемой оранжевой революции и «третьего тура» выборов резко развернул Украину к Западу, вызвав откровенное недовольство жителей Юго-Востока страны. В ответ на «оранжевый майдан» депутаты всех уровней провели 28 ноября 2004 года в Северодонецке Луганской области Всеукраинский съезд. За два дня до съезда Луганский облсовет большинством голосов принял решение о создании Автономной Юго-Восточной Украинской Республики (ЮВУАР). Один из инициаторов проекта ЮВУАР – харьковский губернатор Евгений Кушнарев – пояснял, что «восток имеет серьезнейшие отличия от Галичины», а потому навязывание чуждого образа жизни бесперспективно. «Мы не навязываем Галичине наш образ жизни, но мы никогда не позволим Галичине учить нас, как нужно жить! Мы должны защитить, сохранить главный духовный стержень, который нас объединяет, – нашу веру. Мы не примем навязываемый нам образ жизни, мы не примем чужие символы, наш символ – православие!» – аргументировал Кушнарев [6].

В Луганской и Донецкой областях в первой половине декабря 2004 года должен был состояться референдум по вопросу обретения статуса самостоятельных республик в составе украинской федерации. Однако из-за нерешительности политиков и в первую очередь кандидата в президенты от Юго-Востока Януковича, готового идти на уступки «оранжевым», идеи съезда так и не были реализованы [11].

В дальнейшем по инициативе Ющенко был создан Украинский институт национальной памяти, перед которым стояла задача «воссоздания справедливой истории украинской нации» и «формирования и реализации государственной политики в этом направлении». Кроме того, одной из задач института была реабилитация и героизация сотрудничавших с нацистской Германией в годы Второй Мировой войны участников Организации украинских националистов и бойцов созданной ими Украинской повстанческой армии. На официальном уровне идея титульной нации продолжала крепнуть, кроме того, активизировались разговоры о придании украинскому языку более широкого распространения во всех сферах жизни Украины. 20 декабря 2007 года Конституционный суд принял решение о законе «О кинематографии», согласно которому все иностранные фильмы нужно показывать либо с украинским дубляжем, либо с украинскими субтитрами [4].

После победы Януковича на президентских выборах 2010 года политика украинизации была приостановлена. В декабре 2011 года Конституционный суд разрешил использовать в судах, наравне с государственным, региональные языки и языки нацменьшинств, а также отказался запрещать русский язык на заседаниях Верховной рады [12]. В июне 2012 года был принят закон «Об основах государственной языковой политики № 5029-VI» нардепов Вадима Колесниченко и Сергея Кивалова, которым вводилось понятие «региональный язык», дающий русскому и иным языкам нацменьшинств ряд преференций, включая использование в работе местных органов государственной власти и органов местного самоуправления, в экономической, социальной и культурной сферах.

Однако ввиду ряда социально-экономических причин осенью 2013 года вспыхнул так называемый евромайдан, активно поддерживаемый странами Запада, в первую очередь США, результатом которого стал вооруженный государственный переворот и отстранение законного избранного президента Януковича. 23 февраля 2014 года, сразу же после насильственной смены власти на Украине, Верховная рада проголосовала за отмену закона о региональных языках.

Появившиеся во время «революции достоинства» вооруженные радикалы из «Правого сектора», захват националистами отделений МВД на Западной Украине и административных зданий по всей стране, вывешенный в холле Киевской городской госадминистрации

портрет Степана Бандеры, бесконечное скандирование лозунга «Хто не скаче, той москаль», «ленинопад» и ряд других антигосударственных, русофобских и антисоветских действий «евромайдановцев» пугали жителей Донбасса, которые в ответ на националистическую истерию стали массово собираться на центральных площадях своих городов. После государственного переворота на Юго-Востоке прошли акции, получившие название «Русская весна» и ставившие изначально своей целью федерализацию Украины с сохранением тесных социально-экономических и культурных связей с Россией.

Однако новая украинская власть, видевшая в этих событиях исключительно «руку Кремля», объявила участников Русской весны вне закона, обвинив в сепаратизме, а после захвата административных зданий – в терроризме, и предпочла мирному урегулированию и просьбам «услышать Донбасс» военное решение вопроса, начав в апреле 2014 года «антитеррористическую операцию». Последовавшие за этим трагические события в Одессе и Мариуполе, показавшие готовность Киева идти до конца в вопросе усмирения недовольных решениями руководства «страны победившего майдана», вынудили Донбасс в мае провести референдумы и объявить о своей независимости.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алтынов А. Выборы президентов Украины: ретроспектива 1991–2014 годов (фото, видео) // Київвлада <https://kievvlast.com.ua/vybory/vybory-prezidentov-ukrainy-retrospektiva-1991-2014-godov-foto-video>. Дата публикации: 31 января 2019.
2. Бердник М.А. Первый дегуманизатор Донбасса – Олесь Гончар // Живой Журнал <https://varjag2007su.livejournal.com/7571371.html>. Дата публикации: 20 октября 2020.
3. Борисенок Е.Ю. Обкомы Донецкий, Днепропетровский, Одесский занимаются делом украинизации недостаточно // Родина. 2014. № 11. С. 111–114.
4. Каминник И. Русский язык в Конституционном суде Украины // Международный институт Новейших государств. <https://iines.org/node/188>. Дата публикации: 24 апреля 2010.
5. Конституционный суд Украины отказался придать русскому языку статус официального // Lenta.ru <https://lenta.ru/news/2004/05/18/reject/>. Дата публикации: 18 мая 2004.
6. Минаков С. Голгофа Евгения Кушнарева // Православное информационное агентство «Русская линия» <https://rusk.ru/st.php?idar=105109>. – Дата публикации: 16 января 2008.
7. Политолог Владимир Корнилов: «О гражданской войне на Украине мы предупреждали еще в 1991 году» // Комсомольская правда <https://www.donetsk.kp.ru/daily/27159/4257942/>. Дата публикации: 23 июля 2020.
8. Постановление совета Укртударма 15.02.1920 г. Харьков // Таганрогский филиал государственного архива Ростовской области, ф. 1, оп. 1, д. 132.
9. Сорокин А., Григорьев Е. Владимир Ленин – товарищу Артему: Вы играете в самостоятельность Донбасса! Документы большевистского руководства о включении Донбасса в состав Украины (1918-1920) // Исторический журнал «Родина». <https://rg.ru/2022/08/21/vladimir-lenin-tovarishchu-artemu-vy-igraete-v-samostijnost-donbassa.html>. – Дата публикации: 21 августа 2022.
10. Сталин И.В. Сочинения. Т. 5. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы. 1947. 446 с.
11. Степанов А. Съезд в Северодонецке – предвестник новой Переяславской Рады? // Православное информационное агентство «Русская линия». <https://rusk.ru/st.php?idar=102763>. Дата публикации: 30 ноября 2004.
12. Суд отказался запрещать применение русского языка в Верховной раде Украины // Информационное агентство REGNUM. <https://regnum.ru/news/polit/1484232.html>. Дата публикации: 27 декабря 2011.
13. Чернега В.Н. Конфликт на Украине: Причины, перспективы урегулирования // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 2. С. 42–67.

РОЛЬ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В РЕШЕНИИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПРОБЛЕМЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье подчеркивается решающая роль советского государства в решении продовольственной проблемы в период Великой Отечественной войны и особенности ее реализации на территории Краснодарского края. Обращается внимание на дифференцированный характер нормированного снабжения населения продовольственными товарами. Подчеркивается, что государственная продовольственная политика позволила обеспечить продовольственное снабжение армии, способствовала организации эффективной трудовой деятельности в тылу, осуществить реализацию принципа социальной защиты в отношении льготных категорий населения.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, карточная система, Краснодарский край, нормированное снабжение, продовольственная проблема.

THE ROLE OF THE SOVIET STATE IN SOLVING THE FOOD PROBLEM DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. The article emphasizes the decisive role of the Soviet state in solving the food problem during the Great Patriotic War and the features of its implementation in the Krasnodar Territory. Attention is drawn to the differentiated nature of the rationed supply of food products to the population. It is emphasized that the state food policy made it possible to ensure the food supply of the army, contributed to the organization of effective labor activity in the rear, and to implement the principle of social protection in relation to privileged categories of the population.

Keywords: Great Patriotic War, rationing system, Krasnodar Territory, rationed supply, food problem.

В годы Великой Отечественной войны перед советским государством встала задача снабжения населения тыла продуктами питания, приоритетное решение которой позволило обеспечить людскими ресурсами экономику, содействовало укреплению Красной Армии. Организацию продовольственного обеспечения населения серьезно затрудняла оккупация противником почти половины сельскохозяйственных площадей центральных районов страны, которые в довоенный период являлись основными поставщиками сельскохозяйственной продукции. Достаточно только отметить, что на временно оккупированной гитлеровскими войсками территории до войны производилось 52 % всего зерна, выращиваемого в стране [5, с. 410].

С началом войны ситуация с обеспечением советских граждан продовольствием приобретает кризисный характер. В чрезвычайных условиях военного времени определяющее значение в деле решения продовольственной проблемы имела государственная политика, направленная на развитие централизованной системы распределения продовольствия. Основным ресурсом формирования этой системы стала сельскохозяйственная продукция аграрного сектора, которая производилась в соответствии с обязательными государственными поставками.

Созданные государственные продовольственные резервы на случай войны, которые на июнь 1941 г. исчислялись в 6 162 тыс. т., позволили снизить остроту продовольственной проблемы в первые военные месяцы [15, с. 313]. Однако, в условиях временной потери традиционных высокоразвитых сельскохозяйственных районов страны, а также перераспределения продовольственных ресурсов в пользу фронта, решение задачи обеспечения населения тыла продуктами питания потребовало перестройки в их распределении. Руководство страны было поставлено перед необходимостью введения нормированного

снабжения населения и карточной системы, эффективность применения которых были доказаны еще в период гражданской войны и в 1930-е годы.

Функционирование карточной системы началось летом 1941 г., когда правительством СССР было принято постановление от 11 июля 1941 г., в соответствии с которым были введены карточки на некоторые продовольственные и промышленные товары в Москве, Ленинграде, отдельных городах и населенных пунктах Московской и Ленинградской областей, определены порядок их выдачи, учета, контроля и хранения [3, л.л. 235–243].

В конце 1941 г. СНК СССР распространил введение карточной системы на ряд территорий, в том числе на Северный Кавказ. 19 октября 1941 г. СНК СССР принял постановление о введении с 1 ноября карточной системы на всей территории страны, кроме того были установлены дифференцированные нормы снабжения мясом, рыбой, жирами и другими продуктами питания различных категорий населения [8, с. 27].

Следует отметить, что объемы и пропорции отпускаемых по карточкам продуктов для работников оборонных отраслей промышленности и транспорта существенно отличался от объемов и пропорций отпускаемых работникам других отраслей народного хозяйства и городского населения. Так, для первой категории отпускалось хлеба – от 400 (детям и иждивенцам) до 800 г в день, то для второй категории – от 400 до 600 г. Примерно в таких же объемах и пропорциях этим категориям населения тыла отпускались сахар и кондитерская продукция [3, л. 173].

Однако и этот гарантированный минимум продовольствия, позволяющий не только удовлетворить биологические потребности человека в пище, но и поддержать его способность к трудовой деятельности, постоянно снижался вплоть до 1944 года – года решительных побед Советской армии и освобождения советской территории. К примеру, на освобожденной от оккупации территории Краснодарского края осенью 1943 г., в силу важности оказания помощи населению районов, освобожденных от вражеской оккупации существенно сократились централизованные поставки продовольствия, что привело к снижению объемов отоваривания продовольственных карточек всех категорий населения [7, с. 677]. В тоже время, несмотря на необходимость строжайшей экономии продовольственных ресурсов, государственная продовольственная политика обеспечивала реализацию принципа социальной защиты в отношении таких льготных категорий населения, как беременные и кормящие женщины, доноры, больные путем установления для них дополнительного питания по повышенным нормам [13, с. 395].

Важную роль в перестройке рабочего снабжения годы войны сыграло постановление СНК СССР от 19 февраля 1942 г. об организации отделов рабочего снабжения (ОРСов), располагавших широкой торговой сетью. Свидетельством успешной работы ОРСов на территории Краснодарского края служат архивные данные, позволяющие зафиксировать рост их численности и расширение подведомственной торговой сети, розничный товарооборот которой на начало 1945 г. составил 130,7 млн. руб. [2, л. 66–77].

В военное время к числу льготных категорий, снабжавшихся продовольствием по повышенным нормам, по праву были отнесены инвалиды Отечественной войны 1 и 2 группы, количество которых в силу ожесточенных сражений на фронте постоянно увеличивалось. Так, в 1944 г. на территории Кубани численность инвалидов Отечественной войны 1 и 2 групп достигла 6 314 человек [2, л. 37].

Однако, несмотря на соответствующие указания центральных органов власти, на местах не редко фиксировались случаи нарушений продовольственного обеспечения инвалидов войны и других льготных категорий населения [11, л.6].

В тоже время, если население городов и рабочих поселков было охвачено карточной системой, гарантирующей нормированное снабжение продовольственными товарами, то на тружеников села не распространялось государственное снабжение продовольствием. Исключение тружеников колхозов из карточной системы оправдывалось тем обстоятельством, что они получали сельскохозяйственную продукцию за счет выработанных трудодней и продукции, выращенной на личном приусадебном хозяйстве, тогда как

горожане не имели такой возможности. Такой подход к дифференцированному снабжению населения, по мнению партийного руководства, отвечал принципу социальной справедливости. В то же время, не принималась во внимание общая сложная ситуация в сельском хозяйстве с началом военных действий, с одной стороны, и неизбежность увеличения обязательных поставок государству сельскохозяйственной продукции, а также уплаты сельскохозяйственного налога, с другой стороны, следствием чего стала постоянная нехватка продовольствия для личного потребления колхозниками и членами их семей.

Необходимость бесперебойного снабжения действующей армии в условиях дефицита продовольственных ресурсов станет причиной резкого сокращения отпуска сельскохозяйственной продукции на трудодень. В то же время, СНК СССР и ЦК ВКП(б) принимает постановление от 13 апреля 1942 г. «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней» с целью обеспечения Красной Армии и страны сельскохозяйственной продукцией.

На территории Северного Кавказа этот минимум составлял 120 трудодней на каждого колхозника. В соответствии с данным постановлением устанавливался обязательный минимум и для членов семей колхозников, в частности для подростков в возрасте от 12 до 16 лет он равнялся не менее 50 трудодней в году [16, с. 317].

После освобождения Кубани от временной немецко-фашистской оккупации продовольственная ситуация в крае оставалась крайне напряженной. В сельской местности остро ощущался дефицит трудовых ресурсов, материально-техническая база большинства колхозов была разорена, в хозяйствах произошло резкое сокращение тяглового скота. В силу сложившихся обстоятельств зимой 1943 г. большинство колхозов края остались без запасов зерновых и кормовых культур, поэтому на выработанные трудодни не получили ни одного килограмма сельхозпродукции. Последствиями этой ситуации станут многочисленные случаи развития заболевания детей младшего возраста по причине недоедания, зафиксированные в документальных источниках [7, с. 129].

В целом, рост объемов обязательных государственных поставок сельскохозяйственной продукции, отсутствие гарантированного продовольственного снабжения привело к значительному изменению традиционного рациона питания сельского населения. Так, по сравнению с довоенным периодом сократилось потребление хлебопродуктов на 35 %, мяса и мясопродуктов – на 66 % [14, с. 543]. В связи с этим, крестьянское приусадебное хозяйство в военный период будет являться главной возможностью самообеспечения продовольствием, позволит избежать крестьянам и членам их семей голодной смерти.

При этом следует отметить примеры патриотизма и самоотверженности колхозников, которые в условиях хронического недоедания активно участвовали в движении по оказанию помощи фронту, пополняя продукцией личного приусадебного хозяйства фонд обороны Родины. Уже зимой 1941 г. сельские труженики Кубани сдали в фонд обороны 478 т зерна, 607 т мяса, 26 220 л молока и 46 тыс. штук яиц [12, с. 131]. Примечательно, что уже в апреле 1942 г. жителями городов и станиц края доблестным защитникам Ленинграда было собрано и отправлено 69 вагонов продуктовых подарков, весом более 50 тыс. пудов [6, с. 249].

В целом, несмотря на выше обозначенную проблему снабжения населения сельской местности, необходимо учесть, что карточная система в чрезвычайных условиях военного времени стала основным источником продовольственного снабжения населения городов и рабочих поселков, охватив в 1942 г. 61,7 млн, а к 1945 г. – 80, 6 млн советских граждан [4, с. 76]. Справедливой является оценка карточной системы исследователями А.И. Архиповым и А.А. Казанниковым, которые подчеркивают, что ее введение способствовало стабильности розничных цен на товары, отпускаемые по карточкам, тем самым позволило «обеспечить устойчивость заработной платы основной массы рабочих» [1, с. 33].

Однако нельзя не отметить и существенные недостатки в ее работе, связанные с фактами злоупотребления работников карточных бюро и торговых организаций. Выявлением этих случаев занимались местные органы власти, партийные и общественные организации, силами которых осуществлялся регулярный контроль за деятельностью торговой сети и организацией снабжения населения.

По результатам проверок вскрывались факты нарушения социалистической законности со стороны лиц, непосредственно имеющих доступ к отовариванию продовольственных карточек. Обращает на себя внимание тот факт, что в феврале 1942 г., несмотря на приближение линии фронта к границам Краснодарского края, была проведена проверка ряда торговых организаций г. Краснодара, по результатам которой были обнаружены факты серьезных нарушений инструкции Наркомторга СССР от 22 августа 1941 г. «О порядке продажи хлеба, сахара и кондитерских изделий по карточкам и оперативно-количественного учета этих товаров в торговых предприятиях и предприятиях общественного питания». В число грубых нарушений инструкции входили: реализация хлеба и муки без карточек, отсутствие в торговых точках специальных ящиков для складирования отрезанных талонов, нарушение оперативного учета нормированных товаров [9, л. 75–76].

Всего за 1944 г. по РСФСР было выявлено 76 287 случаев нарушений законов и правил карточной системы. По результатам проверок карточные бюро передали в судебно-следственные органы 5 239 дел, по которым было осуждено на различные сроки заключения 1 543 работника, на 4 236 были наложены административные штрафы и 1 078 работников были сняты с работы [8, с. 83].

Таким образом, несмотря на существенные недостатки карточной системы, ее применение предоставило возможность организовать бесперебойное снабжение армии продовольственными ресурсами, что укрепило единство фронта и тыла, приблизило победу над врагом. Принятые советским государством меры позволили предоставить миллионам советских граждан гарантированное государственное продовольственное обеспечение, способствовали организации эффективной трудовой деятельности в тылу. Применение карточной системы снабжения продовольственными товарами помогло не допустить массовый голод среди гражданского населения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архипов А.И., Казанников А.А. Государственное снабжение как фактор решения продовольственной проблемы в годы Великой Отечественной войны: уроки истории // Вестник ИЭ РАН. 2015. № 3. С. 27–41.
2. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1457. Оп. 1. Д. 41.
3. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 195.
4. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. в 6-ти томах. Т. 6. М.: Воениздат, 1965. 652 с.
5. История социалистической экономики СССР. Т. 5. М.: Наука, 1978. 565 с.
6. Кубань в годы Великой Отечественной войны. Кн. 1. 1941–1942 гг. Краснодар: Диапазон-В, 2000. 811 с.
7. Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Хроника событий. Кн. 2. Ч. 1. 1943 г. Краснодар: Диапазон-В, 2003. 893 с.
8. Любимов А.В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. М.: Экономика, 1968. 321 с.
9. Панарина Е.В. Решение социальных проблем населения Дона и Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Армавир: Редакционно-издательский центр АГПУ, 2009. 421 с.
10. Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 43. Д. 983.
11. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 45. Д. 942.
12. Сеницын А.М. Всенародная помощь фронту. М.: Воениздат, 1985. 319 с.

13. Советская экономика в период Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1970. 503 с.
14. Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1985. 711 с.
15. Советский тыл в первый период Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1988. 424 с.
16. Черный В.И. Продовольственный вопрос в годы Великой Отечественной войны и вклад Кубани в его решение // Российское общество. Историческая память и социальные реалии. Материалы межрегиональной научно-практической конференции XIV. Адлеровские чтения. Краснодар: Традиция, 2008. С. 314–318.

М.Н. Плякич

ГОРОД-КУРОРТ СОЧИ КАК ОБЪЕКТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ И СОВЕТСКОГО НАСЛЕДИЯ

Аннотация. В статье рассматривается опыт региональной советской политики и ее прямого наследника Российской Федерации в новейший период на юге страны в исторической проекции. Советская социальная система формировала комплекс санаторно-курортных регионов, создавая модель патерналистского развития. Государственная стратегия России в развитии регионов основана на их историческом формировании, геоэкономической роли в социально-экономических программах. Юг России и, в частности, санаторно-курортный комплекс города-курорта Сочи, его потенциал является предметом исследования.

Ключевые слова: государственная социальная политика, региональная политика, СССР, Российская Федерация, юг России, город-курорт Сочи.

THE RESORT CITY OF SOCHI AS AN OBJECT OF STATE POLICY AND SOVIET HERITAGE

Abstract. The article examines the experience of the regional policy of the Russian Federation in the recent period in the south of the country in the historical and legal projection. The state strategy of Russia in the development of regions is based on their historical formation, geo-economic role in socio-economic programs. The South of Russia and, in particular, the sanatorium-resort complex of the resort city of Sochi, its tourist potential in domestic and foreign tourism is the subject of research.

Keywords: state policy; regional policy; recent period; Russian Federation; south of Russia; resort city of Sochi.

Исторический дискурс последних лет наполнен обсуждением опыта советской социальной системы по различным направлениям, особенно в сфере предоставления социальных благ [1, с. 42–45] период накопления потенциала 1970- первой половины 1980-х гг. до наступления социального экономического кризиса конца существования СССР. Приводятся оценки подходов формирования как общесоюзной политики на основе политических задач достижения развитого социалистического общества, что закладывалось основами конституционного строительства СССР и союзных республик.

Рассматривая генезис советского государственного подхода к развитию социальных основ, можно провести условную траекторию [2, с. 15–21], выделив два основных периода, связанных между собой политической, идеологической и организационно-правовой базой.

Первый охватывает 1917–1940-х гг. время строительства советской социалистической системы, формирования идей социального государства рабочих и трудящихся крестьян. На данном этапе происходило властное закрепление базовых основ социального

государства в трудовом и социальном законодательстве (Кодексы 1918, 1922 гг.) и Конституциях сначала РСФСР 1918 г., а потом и Конституции СССР 1924 г. формирование централизованной социальной системы, построенной на принципах социальной справедливости для рабочих, крестьян и трудящегося населения, только в Конституции 1936 г. была закреплена доктрина построения социалистического государства в отдельно взятом государстве – Советский Союз в связи с окончанием классовой борьбы и было декларировано расширение социальных благ на все население страны. На этот хронологический период и приходится решение о создании на юге РСФСР Краснодарского края из Азово-Черноморского края, который объединил Кубань, Адыгейскую автономную область и бывшую территорию Черноморской губернии, вобрав в новое образование социальную инфраструктуру двух территорий, обладающих природно-климатическими условиями для дальнейшего развития идеи о советском курорте и одновременно сельскохозяйственным потенциалом. Именно в этот период и вошел этап строительства санаторно-курортного комплекса Сочи-Мацеста на основе дореволюционных и первых советских лет научных подходов, отраженный в исследовании Т.А. Самсоненко [6, с. 34].

Второй период 1945–1991 гг., который принято в истории советского государства называть этапом социальных достижений социалистической системы, дополнительно подчеркивая пик расцвета 1970-е гг. до кризисных проявлений конца 1980-х гг. В нем первоначально выделяется послевоенное время восстановления материально-технической базы системы социального обеспечения, восстановления разорённого хозяйства, в частности санаторно-курортной и оздоровительной, продолжение реализации государственных задач по возведению инфраструктуры медицинских, образовательных и культурных объектов.

Важнейшим концептом этого времени является закрепление стандартов в социальной политике создание отрасли экономики предоставления советским гражданам доступного и бесплатного медицинского лечения, создание сети образовательных учреждений для получения образования разных уровней. Этот период реализовал программы строительства социально-культурных объектов в регионах юга РСФСР, что привело к расцвету санаторно-курортного советского комплекса. Но к концу 1980-х гг. развивающийся системный кризис советского общества отразился на материальной [4, с. 34] и социальной доступности [3, с. 191] курортов Краснодарского края.

В период развития СССР в послевоенный период закреплялась парадигма государственного патернализма в реализации социальной системы обеспечения: пенсионное, медицинское, санаторно-курортное лечение, профилактические программы, жилищные и образовательные стандарты, поддержка инвалидов, ветеранов Великой Отечественной войны и иные меры по защите института семьи, детства. В рамках такой политики развивались не только санаторно-курортные объекты, но и целые регионы, как санаторно-курортные комплексы. Такая инициатива повлекла формирование новой отрасли советского хозяйства – курортного дела и переподчинение его всесоюзному и республиканскому здравоохранению Советского Союза, что реализовывалось в планомерном распределении путёвок, курсовок, профилактических оздоровительных мероприятий для советских граждан разных возрастов, работе курортных отдельных поликлиник по всей стране. Каждая единица курортного лечения обеспечивалась медицинскими кадрами разной специализации от оздоровительной детской и взрослой физкультуры до сложного многопланового специализированного лечения на основе научных методик.

Санаторно-курортное обслуживание в этот период для советских граждан развивалось в новом подходе государственного обеспечения медицинского обслуживания, а сфера отдыха и оздоровления выделена в отдельную отрасль туристского обслуживания интересов во время отпусков, предоставления маршрутов экскурсионными организациями,

разработки мероприятий детского, юношеского отдыха. Поэтому, одним из самых успешных явился проект развития юга РСФСР, в частности Сочи как города-курорта федерального союзного значения, а потом республиканского. На время 1960–1980-х гг. приходится наибольший расцвет социальной и культурной сферы советской системы. Курортная инфраструктура Сочи становится воплощением достижений развития СССР, ее социально-медицинской системы в предоставлении лечебных и курортных благ для населения, пользующейся системой профсоюзных путевок и иных благ.

Это явилось результатом осуществления государственной политики СССР [2, с. 13–24.] по созданию и развитию санаторно-курортного лечения и отдыха советских граждан с организацией форм культурного досуга. Одновременно Сочи как курорт общесоюзного значения выполнял функцию пропагандистскую и идеологическую в международных отношениях, показывая доступность всесезонного отдыха и получения медицинского лечения для отдыхающих из стран социалистического лагеря и даже туристов из капиталистических стран с 1961 г. Отсюда увеличение строительства и введения в индустрию объектов туристской сферы, гостиниц нового уровня с ориентиром на международный обмен в рамках социалистического содружества, привлечения иностранных фирм стран, являющихся дружественными для советского государства. Поэтому увеличивалось количество иностранных делегаций и встреч на высшем уровне в государственных резиденциях на территории курорта, активно рекламировалось морское и авиапутешествие из стран Северной Европы, а не только по направлению советского Интуриста из стран Варшавского договора. Это золотая эпоха не только для всей советской системы, но и для Сочи как всесоюзной здравницы.

Окончание истории СССР сопровождалось не только политическим системным кризисом советской системы, но и разрушением социально-экономической составляющей, особенно для такого санаторно-курортного региона как Черноморское побережье, полностью существовавшего за счет государственного субсидирования и патернализма. Поэтому с 1992 г. начался период современного состояния в рамках становления и формирования суверенитета Российской Федерации и пережил достаточно сложный период, став курортом с комплексом проблем, которые стали разрешаться лишь с решения 2007 г. о выборе Сочи местом проведения зимних Олимпийских игр 2014 г. В рамках подготовки Сочи как посланца России в международном сообществе было предпринята подготовка не только законодательная, экономическая, спортивная, но и культурная. 2014 г. стал годом и культурной Олимпиады.

В современный период одной из ведущих тенденций после олимпийских лет кроме предоставления туристских и оздоровительных услуг город-курорт Сочи стал объектом реализации мероприятий межгосударственного взаимодействия Российской Федерации. Такая модель стала основой для использования потенциала региона – юга России для проведения международных официальных переговоров, неофициальных встреч народной дипломатии. Организация и проведение спортивных, культурных программ от международного до регионального уровня с целью развития не только сотрудничества, но и эффективности социально-экономического взаимодействия.

Город-курорт Сочи, обладающей историко-культурной преемственностью в таких международных мероприятиях и стал объектом построения парадигмы регионального центра как южной платформы международных отношений Российской Федерации. Современные культурные, гуманитарные и политические отношения развиваются не только через форматы государственных встреч первых лиц, проведение международных конференций, дипломатических и иных форм межгосударственного взаимодействия. Регионы России в зависимости от геополитического положения стали играть не малую роль в формировании направлений деятельности государственных образований: политической,

экономической, торговой (создание свободных экономических зон) и конечно организаций культурных программ для развития внешнеполитических отношений.

Главной целью стало не только проведение международного спортивного мероприятия, но и приумножение культурного наследия и сохранения за городом-курортом Сочи международной площадки для межкультурного объекта в международных отношениях современной Российской Федерации. Именно с этой целью принимаются различные программы по поддержанию места города Сочи как регионального центра для проведения мероприятий с субъектами международных отношений для чего принимаются муниципальные программы с 2013 г. [5, с. 1] и пролонгируются по следующим направлениям:

- увеличение количества международных мероприятий, встреч с городами побратимами в рамках участия во Всемирной Федерации породненных городов, Международной ассоциации «Породненные города», Международной ассоциации городов-посланцев мира и зарубежных, всероссийских и местных обществ дружбы;

- оказание протокольного сопровождения во время проведения международных мероприятий, различных встреч Российской Федерации либо когда организатором выступает администрация города, в этом случае все формы реализуются муниципальным образованием автономно (прием зарубежных делегаций, ведение деловых переговоров и встреч с зарубежными представителями в различных областях и другие различные формы развития всесторонних связей в рамках международной деятельности Российской Федерации и полномочий на основе действующего федерального законодательства.

Из всех направлений наиболее перспективной для представления участия страны и города является многолетняя практика проведения на базе городской инфраструктуры различных международных конференций, встреч экономических для развития инвестиционных программ, организаций культурных проектов, сопровождение спортивных мероприятий, что позволяет выполнять условия Олимпийского комитета по масштабированию олимпийского наследия. Исходя из программных установок администрация города Сочи в среднем участвует в более сотнях встреч международного уровня.

Следовательно, историко-культурное наследие региона и города-курорта Сочи дает возможности участия в международных площадках по развитию культурных, политических и экономических связей современного российского государства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Багдасарян С.Д. Социальные достижения советской государственной системы // История государства и права. 2021. № 12. С. 42–45.

2. Багдасарян С.Д., Самсоненко Т.А. Исторические этапы формирования советского курорта: на примере города-курорта Сочи // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2020. № 4 (269). С. 15–21.

3. Багдасарян С. Д. Исторический опыт государственной социально-экономической политики в 80-е – начале 90-х гг. XX века (на материалах Большого Сочи Краснодарского края). Дис. ...канд. истор. наук. Москва, 2001. 191 с.

4. Ермачков И. А. Город-курорт Сочи в период перестройки (1985–1991 гг.): социально-экономический аспект. Дис. ... канд. истор. наук. Краснодар, 2016. 226 с.

5. План реализации муниципальной программы муниципального образования городской округ город-курорт Сочи Краснодарского края «Развитие международных, внешнеэкономических, внутренних связей и городских имиджевых мероприятий муниципального города Сочи». <https://base.garant.ru/31535133/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения: 28.11.2022 г.).

6. Самсоненко Т.А. История создания Сочи-Мацестинского всесоюзного курорта. Автореферат дис... канд. истор. наук. Краснодар, 2000. 34 с.

СССР В ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙНАХ XX ВЕКА

Аннотация. Информационные войны, сопровождающие эпоху «холодной войны», как и в постбиполярную эпоху, протекали не в пользу СССР и России. Не углубляясь в причины обозначенного итога (которые в целом очевидны), отметим, что и сегодня в информационном пространстве рациональные, одновременно критические и благоприятные для российской будущей интерпретации прошлого, мягко говоря, не доминируют. Они скорее выступают маяком, который способен сориентировать систему гражданской индоктринации.

Ключевые слова: информационная война, холодная война, СССР, Россия, пропаганда.

THE USSR IN THE INFORMATION WARS OF THE XX CENTURY

Abstract. The information wars accompanying the Cold War era, as well as, in general, the post-bipolar era, did not proceed in favor of the USSR and Russia. Without delving into the reasons for the indicated outcome (which are generally obvious), we note that rational, at the same time critical and favorable for the Russian future interpretations of the past, to put it mildly, do not dominate in the information space today. They rather act as a beacon that is able to orient the system of civil indoctrination.

Keywords: information war, cold war, USSR, Russia, propaganda.

Война – явление, хотя и сопрячаемое (по устоявшейся традиции) политике, но в корне – определяющим образом – отличающееся от последней [1; 2]. Луганский историк и политолог И.В. Грицких, опираясь на довольно известные публикации видных философов политики, к примеру, утверждает, что политика – явление, еще не получившее достаточного осмысления в существующей литературе. При этом она вполне способна претендовать на самостоятельное существование, и не может быть сведена ни к экономике, ни к искусству, ни к чему бы то ни было другому, обладая собственными онтологическими свойствами.

Свойства эти отделяют политику от власти (как возможности определять поведение и статус объекта вне зависимости от его желания) и всех без исключения других подсистем общественной жизни.

Политика, вторым именем которого является «дипломатия», опирается на равенство противоборствующих сил, помноженное на взаимное (пусть и вынужденное) взаимное *приятие* сторон. Война же невозможна без принципиального отрицания значимости противника, уготовленного к уничтожению. Поэтому война есть продолжение не политики, но состязания властей. В этой связи уместно упомянуть (в противовес расхожим утверждениям): войны развязывают властители (коммерсанты), а заканчивают политики (дипломаты).

Информационные войны вряд ли чем-то принципиально отличаются от традиционных, если не учитывать ужас потерь множества человеческих жизней. При этом они предшествуют, предуготовляют и услужливо сопровождают реальные войны. Войны эти становятся продолжением не политики, но состязания властей, способных длиться ровно до тех пор, пока одна из сторон не исчезнет (как, в сущности, тождественный, по сути, подвариант – откажется от изрядной части своей субъектности), или не будет признана противоположной стороной как Субъект, достойный договоренностей.

Но до момента достижения реального паритета (или исчерпания взаимных претензий на фоне сохраняющихся диспропорций военно-стратегического соотношения [исчезающе редкий для человеческой истории случай – *Н.П., Д.Ч.*]) стороны будут вынуждены прибегать к практике взаимного истребления. Данная практика будет сопровождаться информационными атаками, нацеленными на взаимное «расчеловечивание» и поддержку кампаний, одновременно укрепляющих позиции «своих» и ослабление «чужого».

Фоном для информационных сражений в последний век (и, предположительно, во все времена), выступали реальные победы на полях сражений.

Так, с середины 40-х годов XX столетия и до сегодняшнего дня человечество продолжает существовать в духовном климате, утвердившемся в борьбе с нацизмом. Но при этом не прекращаются и поступательно нарастают усилия некоторых кругов этот климат изменить, обесценивая значение Победы, задним числом перераспределяя исторические роли, искажая масштабы событий Второй мировой войны и Великой Отечественной войны в восприятии ныне живущих поколений.

В 1945 году крупнейшие издания Великобритании, Франции и США наперебой писали *о неопенимом, решающем вкладе русского союзника в победу над нацизмом*; о том, что Россия взяла на себя *самое тяжелое бремя*; а на занятых территориях проводит политику, которую можно расценивать как либеральную [7]. Однако после Фултонской речи У. Черчилля возникла необходимость «перекомпостировать великого русского союзника в мрачную тучу, наползающую на Европу» [7]. Поскольку население Европы и США в 60-х, и даже в 70-х годах XX века в большинстве своем было представлено теми, кто помнил ужасы войны, быстро превратить Красную армию из армии героев-освободителей, сломавших хребет нацизму, в армию насильников-поработителей, было просто невозможно. Перестройка исторической картины шла по нарастающей в течение десятилетий – медленно и по полградуса.

В 1980-е (под «демократизацию» Польши) из задних рядов на передний план был выдвинут пакт Молотова-Риббентропа и Катынь, и, как следствие, Польша была объявлена первой жертвой Германии. О судьбе чехов и словаков, накануне ставших добычей нацистской Германии, Польши и Венгрии, уже старались не упоминать. В 1990-е (под вывод советских войск из Германии), возникла лживая цифра двух миллионов изнасилованных немок. В конце 90-х – начала 2000-х (под вступление Прибалтики в НАТО и ЕС) очередь дошла до «порабощения» русскими Прибалтики». Наконец, в 2014 году (под т. н. «российско-украинский» конфликт) уже можно было заявить, что Освенцим освободили не советские солдаты, а «Первый украинский фронт» (читай – *украинцы*). Наконец, в 75-летний юбилей освобождения Освенцима тогдашний вице-президент США Майкл Пенс в торжественной речи славил за это освобождение уже американских солдат (которых там не было), а о советских (которые там были и заплатили за его освобождение тысячами жизней) даже не упомянул.

Новые поколения, знающие о самой войне довольно мало, усваивают новую картину мира, созданную узким кругом лиц, определяющих контуры новой медиа реальности. И то, что у этих лиц получилось, уже настолько отличается от того, что помнят наши города и памятники, братские могилы и мемориалы, мемуары и фильмы, язык и культура, – что это просто две разные истории. Однако окончательно подменить нашу память новоделом можно только полностью снеся государство и стерев память физически... что у передовых западных «повелителей реальности» получится сейчас не лучше, чем у гитлеровцев восемь десятилетий назад» [7].

Однако мир не стоит на месте. Новые поколения историков, обществоведов и публицистов вооружаются обновленным вопросником, заставляющим устоявшуюся историографию важнейших проблем современности теряться, отмалчиваться и просить «тайм-аут» на вдумчивое переосмысление пройденных уроков.

Одним из таких моментов выступает вопрос об оценке Великой войны середины XX века. В одном из своих текстов выдающийся российский публицист В. Мараховский пытается критически осмыслить на первый взгляд безобидную цитату из Washington Examiner: «Если бы нацисты победили, 2020 год выглядел бы совершенно иначе. Коронавирус был бы последней из наших проблем» [Цит. по: 6].

По его словам (с которыми вполне может согласиться любой мыслящий человек) «трудно представить себе более *ложное* перечисление проблем параллельного 2020 года». Перечисляемые в американском издании последствия победы нацистов (истребление евреев, цыган, порабощение целых народов), конечно, вполне сочетаются с планами гитлеровцев. Однако американский автор не учитывает важных вещей. Мало того, что наибольшее число жертв гитлеровцев было именно среди русских (с перспективой полного уничтожения великороссов), и об этом в американской публикации ни слова. Не упомянуты также были и китайцы, десятки миллионов которых были истреблены японцами.

Что еще более важно – то, что большая часть вещей, которые сегодня в мире воспринимаются как ужасные и вызывают морально-нравственное порицание и правовое преследование, в случае победы Гитлера вовсе не воспринимались бы так болезненно. Практика геноцида и нещадной эксплуатации колониальных народов не была изобретена Гитлером. Он был лишь «прилежным учеником». С его победой ни рабство, ни геноцид, ни насильственная евгеника не рассматривались бы как проблема, как они не рассматривались проблемой и до него.

То, что сейчас гитлеризм вызывает ужас, то, что расизм делает человека маргиналом, то, что открытые захватнические войны больше не в моде – не результат естественного развития западной цивилизации. Это результат того, что однажды, 75 [с лишним] лет назад, на стене Рейхстага появились рядом надписи «Мы из колхоза Рязань Суховерхов», «Запомнят гады путь от Грозного до Берлина» и «Здесь были из Ленинграда майор Зверев, Охрименко, Михайлин». Именно эти люди – эти и миллионы других наших людей – не дали миру в очередной раз вернуться в прошлое, в старые добрые времена хищничества и рабовладения. Именно они силой вырвали мир в будущее. Именно они, в сущности, создали тот 2020 год, в котором зверству и хищничеству можно ужасаться [6].

* * *

Как мы уже могли убедиться, информационные войны, сопровождающие эпоху «холодной войны», как и, в общем, постбиполярную эпоху, протекали не всегда в пользу СССР. Не углубляясь в причины обозначенного итога (которые в целом очевидны), отметим, что и сегодня в информационном пространстве рациональные, одновременно критические и благоприятные для российской будущей интерпретации прошлого, мягко говоря, не доминируют. Они скорее выступают маяком, который способен сориентировать систему гражданской индоктринации.

Как отмечал цитируемый публицист, «от нас с Вами зависит, сползет ли тихонько мир в прежние времена... или наши дети и внуки будут пользоваться привилегией ужасаться бесчеловечному отношению «сверхлюдей» к миллиардам современников, которым, как максимум, уготована роль запчастей для «сильных мира сего», а как минимум – просто рабов» [6].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грицких И.В. Политика как область консенсусного социального конструирования будущего // Донбасс: философия фронта: сборник материалов Философского монтеневского общества / под ред. Ищенко Н.С., Заславской Е.А. Луганск, 2021. С. 39–50.

2. Грицких И.В. Власть, политика и проблемы политического информирования // Материалы круглого стола «Роль информационной политики в социально-политическом конфликте». 25 марта 2015 года. Луганск, 2016. С. 52–59.

3. Грицких И.В., Грицких Д.В. К вопросу об осмыслении значения победы советского народа над нацизмом в современной российской публицистике // Материалы Международной конференция «Проблемы фальсификации истории Второй мировой войны и Великой Отечественной войны (к 80-летию начала Великой Отечественной войны)». – Армавир, 2021. С. 46–50.

4. Мараховский В. Древние мудрецы поздравляют нас с Днем Победы // Sponsr.ru https://sponsr.ru/marahovsky/4713/Sobesedniki_Vechnosti_drevnie_mudrecy_pozdravlyaut_nas_s_Dnem_Pobedy (дата обращения – 10.12.2022).

5. Мараховский В. Была ли Великая Отечественная: о невинно умученном солдате вермахта // РИА Новости. Режим доступа: <https://ria.ru/20171121/1509180618.html> (дата обращения – 12.12.2022).

6. Мараховский В. Мир без России: проблемы, которых бы не было // РИА Новости. Режим доступа: <https://ria.ru/20200509/1571164753.html> (дата обращения – 01.05.2021).

7. Мараховский В. На Западе окончательно разоблачили все преступления России // РИА Новости. Режим доступа: <https://ria.ru/20200506/1570994243.html> (дата обращения – 12.12.2022).

Н.М. Пурьшева

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ БССР В СОВЕТСКОМ ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ 1920-Х ГОДОВ

Аннотация. В статье представлены идейно-политические и творческие позиции основных групп художественной интеллигенции БССР 1920-х годов. Отмечена разная степень интегрированности их в советское идеологическое и политическое пространство. Выявлен эволюционный характер взаимоотношений партийно-государственных структур БССР с национальной художественной интеллигенцией. Установлены идеологические пределы развития белорусской национальной культуры в 1920-е годы.

Ключевые слова: художественная культура, художественная интеллигенция, национальная политика, культурная политика, идеология, белорусская культура, политика белорусизации.

THE ARTISTIC INTELLIGENTSIA OF THE BSSR IN THE SOVIET IDEOLOGICAL SPACE OF THE 1920S

Abstract. The article presents the ideological, political and creative positions of the main groups of the artistic intelligentsia of the BSSR of the 1920s. Different degrees of their integration into the Soviet ideological and political space are noted. The evolutionary nature of the relationship between the party-state structures of the BSSR and the national artistic intelligentsia is revealed. The ideological limits of the development of the Belarusian national culture in the 1920s have been established.

Keywords: artistic culture, artistic intelligentsia, national policy, cultural policy, ideology, Belarusian culture, policy of Belarusization.

Взаимоотношения белорусской художественной интеллигенции и советской политико-идеологической системы самым тесным образом были связаны с вопросом о выборе пути национально-культурного развития БССР и форме белорусской государственности. На протяжении 1920-х гг. в республике проходила идейно-политическая борьба по вопросу о путях развития белорусской культуры, участниками которой были представители партийно-государственного руководства БССР и национальная интеллигенция в том числе художественная. В начале 1920-х годов КП(б)Б не могла полностью контролировать сферу культуры. Это объясняется небольшой численностью членов партии, их низким образовательным и культурным уровнем. В 1927 г. члены КП(б)Б с высшим образованием составляли 0,6 %. 63,3 % имели начальное образование, а 27 % вообще его не имели [10, с. 286].

Интеллигенция в БССР была также малочисленна. Доля лиц, которых по занятиям можно отнести к интеллигенции, составляла 0,26 % от всего населения республики, или 13 338 человек, из которых около 1 тысячи можно отнести к художественной интеллигенции [1, с. 10]. В сфере образования, культуры, науки монопольное положение занимала национально-ориентированная интеллигенция, неоднородная в идейном отношении. Небольшую ее часть составляли представители творческой интеллигенции – члены КП(б)Б и КСМ. Молодое поколение художественной интеллигенции безоговорочно приняло советскую власть. Это ярко проявлялось как в их творческой, так и в общественно-политической деятельности (Д.Ф. Жилунович, М. Зарецкий, М. Чарот, М. Горецкий и др.).

Часть творческой молодежи пришла в литературу и искусство из рядов Красной Армии. Они всегда подчеркивали свое рабоче-крестьянское происхождение. Объединенные в различные творческие группы и организации, они считали свое творчество принадлежащим к пролетарскому направлению в советской художественной культуре. В большинстве своем выходцы из белорусской деревни, они тесно были связаны с так называемой «низовой» интеллигенцией, которая также признавала политику большевиков и стремилась ей следовать.

Последовательную антисоветскую позицию занимала национальная интеллигенция, стоявшая на национально-демократической платформе. Эта немногочисленная, но наиболее образованная, имеющая опыт общественно-политической деятельности авторитетная группа до конца 1920-х годов являлась соперником КП(б)Б в борьбе за влияние на развитие национальной культуры. Эта часть интеллигенции неоднозначно относилась к событиям, происходившим в Советской Белоруссии. Их политическим идеалом было создание национального белорусского суверенного государства, независимого «ни от Москвы, ни от Варшавы». Потерпев фиаско с провозглашением Белорусской Народной Республики (БНР), национал-демократы отрицательно восприняли провозглашение БССР, которая однозначно ориентировалась на РСФСР. Их национально-культурная концепция, основанная на идее единого национального фронта, не сочеталась с большевистским классовым подходом к национально-культурным проблемам. Эта часть интеллигенции, вынужденно сотрудничала с властью, но находилась по отношению к ней в идейной оппозиции. Руководство КП(б)Б отчетливо понимало эту оппозиционность и относилось к сотрудничеству с этой частью творческой интеллигенции настороженно и как к временному явлению.

Взгляды национально-демократической интеллигенции в определенной мере разделяли представители старшего поколения белорусской художественной интеллигенции. Этому, помимо прочего, способствовали давно сложившиеся приятельские и родственные отношения. Идеино-политические взгляды и установки литераторов старшего поколения сформировались еще в начале XX в. Они были тесно связаны с созданием и деятельностью Белорусской социалистической громады – первой белорусской политической партии и ее печатного органа газеты «Наша Ніва». Белорусская национальная интеллигенция положительно восприняла Февральскую революцию, идеализируя ее лозунги и перспективы. События Октябрьской революции, которая привела к коренной ломке всех устоев, деятели белорусской культуры оценивали как трагические. В 1919–1920 гг. Янка Купала, уже ставший лидером белорусской литературы, в своих публикациях заявлял о неприятии советской власти и БССР [4, с. 54–81].

Особые опасения писателей и поэтов старшего поколения вызывало негативное отношение части партийно-государственного руководства БССР к вопросу о создании белорусской государственности, которое имело место в начале 1920-х годов. Такая позиция делала проблематичной перспективу развития белорусской культуры. В то же время писатели не могли не видеть, что революция и новая власть опирались на поддержку большей части народных масс, в том числе белорусского крестьянства, духовная связь с которым была источником их творчества. Как выходцам из демократической среды, тесно связанной с крестьянством, им был близок социальный проект, провозглашенный советской властью. Мировоззренческие колебания периода 1918–1920 гг. проявились в произведениях Я. Купалы, Я. Коласа, Зм. Бядули. Мотивы тягостного раздумья, несбывшихся надежд, ощущения трагизма происходящего соседствовало с ожиданием пробуждения народа, верой в его силы.

Второе провозглашение ССРБ / БССР в 1920 г., переход к НЭП, реальные мероприятия органов власти, направленные на всестороннее развитие белорусской культуры, необходимость нормально жить, работать, публиковаться способствовали изменению идейно-политических позиций творческой интеллигенции старшего поколения. Я. Купала, сотрудничавший с учреждениями Народного комиссариата просвещения

БССР, подвел итоги 1923 года: «І трэба нам помніць тое, што гэта вялікая культурная і творчая беларуская праца, якую мы змаглі зрабіць за мінулы год, зроблена ў Беларусі Савецкай і пры дапамозе ўлады Савецкай» [4, с. 103]. Дальнейшие взаимоотношения советской власти и Я. Купалы были сложными, но, по всей видимости, хотя бы внешне поэт принял ее. Такая эволюция типична для творческой интеллигенции БССР в 1920-е годы.

Укреплению позиций белорусской интеллигенции в общественной жизни способствовала политика национал-коммунистов – национально ориентированной части руководства республики, в числе которых были «интеллигенты с партбилетом». Наиболее яркие из них – народный комиссар просвещения, первый президент Белорусской академии наук, историк Всеволод Игнатовский, первый председатель правительства БССР, писатель и литературный критик Дмитрий Жилунович. Они и их сторонники в КП(б)Б добивались ускорения темпов проведения белорусизации. Не отождествляя позицию белорусских национал-коммунистов с идейными воззрениями национально-демократической интеллигенции, нельзя отрицать общность их взглядов на белорусскую культуру, на пути и характер её развития. Развитие национальной культуры и те и другие связывали с распространением в широких слоях населения БССР этнонационального самосознания. Для значительной части белорусской художественной интеллигенции, особенно литературной, была характерна национальная ограниченность. Они пытались уменьшить влияние русской культуры, которая, по их мнению, сохраняла идеи великодержавности. Белорусскую культуру они позиционировали бесклассовую и демократическую.

В частности, национал-коммунисты совместно с белорусской интеллигенцией предприняли попытку создать на востоке БССР «барьер против русификации». В 1924 – 1925 гг. в Калининском округе особенно активно проводились культурно-просветительские и агитационно-пропагандистские мероприятия по белорусизации региона. Туда приезжали, как представители власти, так и белорусские литераторы М. Горецкий, В. Дубовка, Я. Колас и др.

Идеологическую основу художественной политики советского государства составляли такие фундаментальные принципы, как классовый подход к явлениям культуры и признание искусства частью идеологии, средством укрепления власти. Кроме того, партия большевиков декларировала свое право вмешиваться в область художественной культуры и монопольно руководить всеми формами и средствами художественной жизни. Во второй половине 1920-х годов в культурной политике Советского государства проявилась тенденция к усилению идеологического и административного контроля.

Опираясь на тезис И. Сталина о приоритете социалистического содержания культуры над национальной формой, вновь назначенный первый секретарь ЦК КП(б)Б А.И. Криницкий подверг критике национально-культурную политику КП(б)Б предыдущего периода. Повышенное внимание к проблемам национальной культуры, ставшее стержнем политики белорусизации, он трактовал как «культурнический уклон». А.И. Криницкий считал, что «белорусской» по содержанию, по общему направлению культура быть не должна, ибо, по его мнению, «это означало бы развивать ее не по руслу пролетарской культуры, не в сторону укрепления дела рабочего класса, его руководства крестьянством; это значило бы направлять все развитие культуры по мелкобуржуазному руслу, в национально-демократическом направлении» [3, с. 1].

Не отказываясь от сотрудничества с интеллигенцией, А.И. Криницкий считал необходимым разделить ее на группы по степени приближенности к партии и ее политике. В первую, наиболее благонадежную входили интеллигенты-члены КП(б)Б и КСМ. Ко второй группе были отнесены те, кто признавал политику партии и стремился ей следовать, но допускал элементы инакомыслия, особенно по национально-культурной проблематике. Третью группу составляла лояльная к советской власти национальная интеллигенция, стоявшая на национально-демократической платформе. Эта группа интеллигенции квалифицировалась как соперник КП(б)Б в борьбе за влияние на развитие

национальной культур, а несколькими месяцами позже – уже как «активно враждебная» советской власти [6, с. 1–3; 2, 124].

Эти установки вызвали неоднозначную реакцию как среди актива КП(б)Б, так и в среде творческой интеллигенции, близкой власти. Понимая свою зависимость в культурной области от интеллигенции партийное руководство на IX съезде КП(б)Б (8–12 декабря 1925 г.) признало необходимость сотрудничества со всеми культурными силами БССР. Но съезд подчеркнул монопольное право КП(б)Б руководить этой сферой. В свою очередь, представители белорусской интеллигенции также официально признали руководящую роль КП(б)Б в общественной и культурной жизни республики [8, с. 3]. Однако, признав культурную политику советской власти, часть белорусской интеллигенции оставалась в идейной оппозиции. Только в этом направлении белорусская интеллигенция была готова работать вместе с коммунистами. Очевидно, что такая позиция, несмотря на многочисленные заявления об отмежевании от национал-демократических настроений, не уменьшила настроенного отношения руководства КП(б)Б к национальной интеллигенции.

С лета 1928 г. определяющим фактором политико-идеологической ситуации стал выдвинутый Сталиным на июльском (1928 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) тезис об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму. Он широко применялся и в сфере художественной культуры. Любые творческие разногласия теперь рассматривались сквозь призму жесткого классового противостояния. Показательной в этом отношении была театральная дискуссия, проходившая в БССР осенью 1928 г., которая переросла в политическую кампанию. Критика идейных позиций белорусской художественной интеллигенции, в том числе и ее коммунистической верхушки, превратилась с осени 1928 г. в неотъемлемую часть литературно-художественной политики КП(б)Б.

Поворот политики в культурной сфере зафиксировал XII съезд КП(б)Б (5–14 февраля 1929 г.). Как свидетельствуют выступления делегатов, на съезде проявилась готовность пересмотреть политику по отношению к национальной интеллигенции. В резолюции съезда по отчету ЦК КП(б)Б интеллигенция просто делилась на две группы: работающую под руководством партии и антисоветскую. Необходимость смены политики в области национально-культурного строительства в Беларуси обосновала комиссия В.П. Затонского, которая работала в Минске в мае 1929 г. Особое внимание комиссии привлекла практика работы КП(б)Б с интеллигенцией. В итоговом документе констатировалось, что руководство КП(б)Б проводило недостаточно четкую классовую и идеологическую дифференциацию в среде белорусской художественной интеллигенции [7, с. 122–149].

С осени 1929 г. в БССР началась кампания критики и дискредитации деятелей художественной культуры, стоявших на национально-демократической платформе. Наступление на позиции творческой интеллигенции проводилось одновременно с идеологическим обоснованием необходимости разгрома национал-демократизма. Наряду с идеологическим давлением, против интеллигенции стали применяться репрессии. Кульминационным моментом борьбы с национал-демократической интеллигенцией стал Октябрьский (1930 г.) пленум ЦК КП(б)Б. Пленум сформулировал основные установки, на основе которых шло не только разоблачение национал-демократизма как идейно-политического течения, но и были приняты конкретные меры по ликвидации его как «контрреволюционной организации». На пленуме указывалось, что на протяжении 1920-х годов национально-демократическая интеллигенция безраздельно доминировала в образовательной сфере, издательском деле, в научных учреждениях, в художественной культуре. Практически все выступавшие на пленуме единодушно осудили политику широкого использования национальной интеллигенции и требовали скорейшей замены ее кадрами, преданными власти. На пленуме прозвучали обвинения в адрес Якуба Коласа и Янки Купалы. Последнему приписывалось участие в работе руководящего центра якобы существовавшей на протяжении 1920-х годов подпольной организации «Союз Освобождения Беларуси» и соавторство в создании программы этой организации [9, л. 2, 258].

Однако, осудив привлечение национал-демократической интеллигенции к сотрудничеству в культурной сфере, руководство КП(б)Б не допустило дискредитации мероприятий в сфере общественной и культурной жизни республики, которые проводились в начале и середине 1920-х гг. Октябрьский пленум ЦК КП(б)Б признал проведение национальной политики партийными органами «в основном правильным», что привело «к большим успехам на фронте культурного строительства и в деле белорусизации» [5, с. 309].

Ревизия сложившейся в 1920-е годы концепции национально-культурного строительства привела к отстранению национально-ориентированных коммунистов, а вместе с ними и национально-демократической интеллигенции от участия в культурных преобразованиях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XXVII. БССР. Отд. II. Занятия. М.: ЦСУ СССР, 1928.
2. Идеологическая деятельность Компартии Белоруссии, 1918–1945: Сб. документов в 2 ч. / Сост. Н.С. Сташкевич и [др.] Минск: Беларусь, 1990. Ч. 1: 1918–1928. 358 с.
3. Крыницкий А. К первому выпуску педфака // Звезда. 1925. 17 сентября.
4. Купала Я. Поўны збор твораў. У 9 т. Т. 8. Артыкулы, нататкі, выступленні. Калектыўныя творы. Мінск: Маст. Літ., 2002. 462 с.
5. Нацыянальна епытанне (Выбраныя пастановы) / Склаў Ш.А. Будзін. Минск, 1932. 325 с.
6. Особенности внутрипартийного положения КП(б)Б. Доклад Криницкого на собрании бюро ячеек Минской городской организации КП(б)Б 16 сентября 1925 г. // Звезда. 1925. 26 сентября.
7. Платонов Р., Сташкевич Н. Так начиналась национальная трагедия // Нёман. 1992. № 9. С. 122–149.
8. Рэзалюцыя агульнага сходу беларускіх культурных працаўнікоў // Звезда. 1925. 11 декабря.
9. Стенограммы и протокол 2-го пленума ЦК КП(б)Б XIII созыва 20–25 октября 1930 г. Т. 2 // НА РБ, ф. 4, оп. 7, д. 75.
10. Страницы истории Компартии Беларуси: суждения, аргументы, факты. / Сост. Ю.П. Смирнов, Н.С. Сташкевич; Ред. Р.П. Платонов. Минск: Университетское, 1990.

Н.Д. Ставцов

РАЗВИТИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ НА СТАВРОПОЛЬЕ В 20–30 ГОДЫ XX ВЕКА

Аннотация. В статье рассматривается процесс становления и развития вузов на Ставрополье в 1920–1930-е гг. Анализируются основные проблемы и трудности организации вузовского образования, освещается состояние материально-технического и кадрового обеспечения вузов. Проводится сравнительный анализ развития вузов в 20-е и 30-е гг., подводятся основные итоги их работы в исследуемый период.

Ключевые слова: высшие учебные заведения, советское государство, учебный процесс, педагогический состав, студенты, Ставрополье.

DEVELOPMENT OF HIGHER EDUCATION IN STAVROPOL IN THE 20–30 YEARS OF THE TWENTIETH CENTURY

Abstract. The article examines the process of formation and development of universities in Stavropol in the 1920s–1930s. The main problems and difficulties of the organization of higher education are analyzed, the state of material, technical and personnel provision of universities is highlighted. A comparative analysis of the development of universities in the 20s and 30s is carried out, the main results of their work in the period under study are summarized.

Keywords: higher educational institutions, the Soviet state, educational process, teaching staff, students, Stavropol region.

До 20-х годов XX века в Ставропольской губернии не было высших учебных заведений. На Ставрополье было всего 6 средних специальных учебных заведений: духовная и учительские семинарии в городах Ставрополе и Святой Крест, учительский институт, который готовил учителей со средним образованием, фельдшерско-акушерская школа в г. Ставрополе, коммерческое училище в селе Белая Глина Медвеженского уезда. Это не удовлетворяло ставропольскую общественность, которая считала, что отсутствие высших учебных заведений свидетельствовало о невысоком уровне постановки образования в губернии в целом, что существенно влияло на социально-экономическое и культурное развитие губернии. Но все попытки открыть в аграрной губернии высшие учебные заведения на государственном уровне заканчивались безрезультатно. А для открытия частных учебных заведений не находилось спонсоров, обладающих необходимыми средствами.

Наконец в 1919 году в городе Ставрополе согласно указу генерала Деникина был открыт Ставропольский сельскохозяйственный институт, который возглавил известный учёный профессор В.М. Савич. Этому в значительной мере способствовало наличие преподавательских кадров за счёт эвакуировавшихся на Северный Кавказ научных работников, преподавателей высших учебных заведений из городов Петербурга, Москвы и других мест.

Появление вуза в городе Ставрополе активизировало стремление преподавателей учительского института и учительской семинарии об открытии в губернии педагогического института. Они делали упор на то, что студенты сельскохозяйственного института, проучившись на год дольше, получали права, предоставляемые выпускникам вузов. А выпускники учительского института, проучившись на год меньше, получали лишь среднее специальное образование.

Правление учительского института 5 декабря 1919 г., обсуждая сложившуюся ситуацию, пришло к выводу, что выйти из положения можно, преобразовав учительский институт в педагогический вуз со всеми вытекающими отсюда правами. Вместо нескольких учебных заведений создать одно, хорошо оснащённое всем необходимым. Но в сложившихся условиях это было невозможно сделать из-за нехватки профессоров, учёных и учебно-вспомогательных средств, а также крупных затрат. Поэтому на данном этапе предлагался рациональный путь – сократить срок обучения до двух лет, скорректировав программы, чтобы они почти соответствовали программам первых двух курсов педагогических вузов. Это давало бы право их выпускникам поступать на 3-й курс вузов, хотя бы с испытанием. Для решения проблемы эти предложения были направлены попечителю Кавказского учебного округа. Но своего одобрения они не получили, чему в немалой степени способствовали поражения Добровольческой армии.

20–30 годы XX века занимают особое место в истории образования на Ставрополье. Это было время строительства нового общества. Громадная работа велась по преобразованию экономической, политической и социальной сферы, решались вопросы индустриализации государства, кооперирования сельского хозяйства, решения вопросов развития науки, культуры, образования. В это времени окрепла экономика страны, стабилизировались финансы. Но для этого нужны были подготовленные кадры разных уровней. В стране была сплошная неграмотность. В этих условиях шёл процесс создания советской школы и велась активная борьба с неграмотностью населения. Государство большое внимание уделяло ликвидации неграмотности, подготовке кадров для решения стоящих задач. В связи с этим создавалась система школьного и профессионального образования, которое стало доступным для всего населения.

Основными тенденциями развития образования, его особенностями и отличием от предыдущего дореволюционного периода было то, что наряду с борьбой с неграмотностью широко развернулся процесс создания системы профессионального образования на всех уровнях в соответствии с требованиями жизни. Поэтому государство взяло этот процесс в свои руки, изыскивая необходимые средства на развитие образования. Именно в новых условиях создавались учебные заведения, которые бы в первую очередь

обеспечивали потребности страны в грамотных специалистах. Примером тому было Ставрополье, где ведущими стали профессиональные учебные заведения, связанные со спецификой края. Продолжал функционировать сельскохозяйственный институт. В начале он имел в своём составе агрономическое отделение, опытную станцию и ботанический сад. После создания в 1921 году рабфака для инженерно-мелиоративного факультета институт стал именоваться ставропольский сельскохозяйственный и мелиорации [1, с. 33].

В условиях свободы инициативы по открытию учебных заведений после окончания гражданской войны и установления советской власти ставропольская педагогическая общественность поставила вопрос об открытии в городе педагогического института с программой высшего учебного заведения. С весны 1920 года эта проблема обсуждалась на всех уровнях. Эту идею поддерживал и губернский отдел народного образования. Ведущее место принадлежало коллективу учительского института, давно мечтавшего реализовать эту идею. В городе была создана инициативная группа, состоявшая из преподавателей учительского института [2, с. 38]. Возглавил ее И.Я. Савельев. 16 июня комиссия предложила реорганизовать учительский институт в институт народного образования не с 5-ю отделениями, как предусматривалось правительственным уставом, а с двумя «в связи с отсутствием преподавательских сил, соответствующего помещения для подготовки учителей 1-й и 2-й ступени» [3, с. 27].

После длительных согласований инициаторам удалось добиться того, что было получено согласие местных властей и Наркомпроса России о создании в Ставрополе педагогического института. Губернский отдел народного образования поддержал инициативу коллектива института о слиянии его с учительской семинарией. 13 июля 1920 года такое решение было принято.

Путём преобразования учительского института и учительской семинарии был создано первое высшее педагогическое учебное заведение на Ставрополье – практический институт народного образования с четырёхгодичным сроком обучения, в который принимались лица, окончившие средние учебные заведения. В институте было создано 2 факультета – словесно-исторический и физико-математический. И, что было очень важно, при институте была создана опытно-ударная школа, которая являлась для него своеобразным педагогическим полигоном [4, с. 7, 8].

В конце августа 1920 года инициативной группой были завершены основные организационные мероприятия по подготовке к учебному процессу. Были созданы кафедры – 8 на словесно-историческом и 5 на физико-математическом факультетах. Была определена недельная нагрузка читаемых курсов: максимальная – 9 часов, минимальная – 6 часов [5, с. 47]. В связи с этим учительские институт и семинария в г. Ставрополе прекратили своё существование, а на их месте возникло первое на Ставрополье высшее педагогическое учебное заведение.

14 августа 1920 года инициативная группа по созданию института народного образования приняла решение о первом приёме в институт. В него принимались юноши и девушки не моложе 16 лет со средним образованием.

Но для создающегося института нужны были кадры и, прежде всего директор, который бы имел имя в учёном мире и хорошо знал высшую школу. Для этого были проведены переговоры с рядом крупных учёных и преподавателей вузов городов Харькова, Саратова, проживавших в это время в городе. В итоге директором института был назначен крупный учёный, доктор зоологии, профессор Владимир Александрович Вагнер, проработавший 38 лет в Московском и Петербургском университетах и имевший огромный опыт преподавания в вузе.

Для облегчения поступления в институт рабочей и сельской молодёжи, был создан подготовительный факультет с одногодичным и двухгодичным сроками обучения в зависимости от уровня общеобразовательной подготовки абитуриентов. Зачисление в студенты

производилось в течение первого триместра «на основании отзывов преподавателей по степени развития в объёме знаний для слушания научных дисциплин 1-го курса». Не удовлетворяющие этим требованиям могли заниматься на организованных при институте годичных курсах. На первый курс был установлен приём 40 человек и на подготовительное отделение – 30 человек [6, с. 41].

Работать педагогическому и сельскохозяйственному институтам пришлось в трудных условиях. Очень скудным было финансирование. Не хватало помещений, оборудования, учебной литературы, пособий и т. д. Все попытки институтов улучшить положение в вузах не увенчались успехами. В связи с нехваткой средств в 1923 году институты были закрыты [7, с. 20]. На их базе были образованы педагогический и сельскохозяйственный техникумы.

В 20-е годы при острой нехватке специалистов наиболее востребованными являлись средние специальные учебные заведения, поскольку сроки подготовки специалистов в них были короче, чем в институтах, так как в них принимались юноши и девушки с образованием 7 классов и затраты на них были значительно меньше. Поэтому главное внимание в 20-е годы в крае было уделено развитию этой системы учебных заведений, готовивших более ускоренно кадры для образования, здравоохранения, сельского хозяйства, культуры.

Но в 30-е гг. требования к кадрам значительно изменились в связи с индустриализацией и коллективизацией, ускоренным развитием экономической и социальной сферы государства. В связи с этим остро встал вопрос о наличии кадров высшей квалификации. На Ставрополье были созданы наиболее востребованные для региона педагогические, сельскохозяйственный, медицинский институты. Важную роль для комплектования вузов абитуриентами играли рабфаки, подготовительные отделения, создаваемые при них, где доучивали малограмотную молодёжь и подтягивали до уровня тех, кто имел среднее образование. Резко возросла потребность в выпускниках, окончивших среднюю школу, которые после завершения учёбы могли бы поступать в высшие учебные заведения и получать соответствующие специальности. Педагогические училища эту проблему решить не могли. Поэтому в конце 20-х годов всё острее ставились вопросы об открытии вузов педагогического направления.

В 1930 году в г. Ставрополе был открыт аграрно-педагогический институт, рельефно отражавший специфику аграрной направленности края. Но уже в 1932 году он был переименован по своему прямому назначению в государственный педагогический институт, который в 30-е годы стал кузницей педагогических кадров не только для края, но и Северного Кавказа [8, с. 170]. В 1930 году был открыт и сельскохозяйственный институт.

Для вузов Ставрополья характерным являлось то, что они были не крупными, наборы в них были небольшими. Это было очень важно для периода их становления. В многонациональном регионе с самого начала формировались многонациональные вузовские коллективы.

В крае шёл непрерывный рост школьной сети. К началу Великой Отечественной войны количество семилетних и средних школ в крае значительно возросло. Всего было 1 490 школ, в том числе 176 средних. В них обучалось 344 200 учащихся. Их учили 11 500 учителей, в составе которых подавляющее большинство были выпускники местных педагогических училищ и институтов [9, с. 199, 20].

Для удовлетворения потребности в учителях начальных классов в связи с этим увеличивались приёмы в педагогические училища. Но при этом росло количество школ, дающих семилетнее и среднее образование. После перехода на обязательное начальное образование в стране был взят курс на обязательное семилетнее образование, имея в виду впоследствии перейти ко всеобщему среднему образованию. Поэтому уже в самой перспективе требовалось значительное количество учителей высшей квалификации. Педагогические институты были открыты в городах Пятигорске и Микоян-Шахере (ныне Карачаевск). Поскольку процесс подготовки в вузах продолжался 4 года,

то образовалась острая нехватка в преподавательских кадрах. Для решения проблемы было принято решение о создании учительских институтов со сроком обучения 2 года, готовивших кадры учителей для 5–7 классов общеобразовательных школ. Студенты в них обучались по программам первых двух курсов педагогических институтов и получали незаконченное высшее образование. Их выпускники могли продолжать обучение на заочных факультетах педагогических институтов или поступать на 3-й курс дневного отделения и получать высшее педагогическое образование.

В 1939 году были открыты учительские институты в Ставрополе, Пятигорске, Микоян Шахаре, Черкесске. В г. Ставрополе был создан учительский институт иностранных языков, который затем вошёл в состав педагогического института. Были также открыты педагогические институты в Пятигорске и Микоян Шахаре.

В общей сложности в 30-е годы в крае было открыто 4 педагогических и пять учительских институтов в городах Ставрополе, Пятигорске, Микоян-Шахаре, Черкесске для подготовки квалифицированных учительских кадров, что было очень важно и своевременно, тем более, что в крае шёл процесс перехода на всеобщее семилетнее образование.

Серьёзные изменения происходили на Ставрополье в аграрном секторе, где шёл процесс кооперирования крестьянских хозяйств, создавались колхозы, совхозы, машинотракторные станции. Это действительно требовало специалистов с высшим образованием. Поэтому в 1930 году был открыт сельскохозяйственный институт, вначале как зоотехнический, а затем в нём появились новые факультеты: агрономический, ветеринарный.

Потребность в медицинских кадрах на Ставрополье становилась всё более настоятельной. Имевшиеся средние специальные медицинские учебные заведения, готовившие средний медицинский персонал не удовлетворяли медицинские учреждения края, прежде всего, по уровню своей квалификации. Им требовались во всё возрастающем количестве кадры высшей квалификации, специалисты узкой направленности. Необходимость иметь в крае медицинский вуз для всех была очевидна давно, ещё в императорской России. Этот вопрос неоднократно поднимался в связи с развитием курортов Кавказских Минеральных вод. Но тогда он так и не был решён.

В 1938 году в г. Ворошиловске по решению СНК СССР был открыт медицинский институт, пока только с одним лечебным факультетом. Ему были переданы два корпуса по ул. Кагановича (ныне ул. Морозова) [10, с. 230]. Становление института шло очень сложно. Не хватало площадей для ведения занятий, квалифицированных кадров, учебной литературы, пособий. Тем не менее, шёл процесс становления вуза. Осенью 1939 года в институте было уже около 400 студентов, 20 кафедр, 5 профессоров, шесть доцентов. Для института базовыми стали медицинские учреждения города Ставрополя. К лету 1941 года материальная и интеллектуальная база института в основном была сформирована. Были разработаны мероприятия по развитию вуза, предусматривалось строительство современного учебно-лабораторного комплекса, приглашались высококвалифицированные кадры учёных, преподавателей. Институт был на подъёме.

К началу Великой Отечественной войны в Ставропольском крае функционировало 11 высших учебных заведений, в которых обучалось 4 619 студентов, в том числе 1 282 заочника [11, с. 201]. В Карачаево-Черкесии было 2 высших учебных заведения, в которых насчитывалось 387 студентов [12, с. 102].

Таким образом, в 30-е годы на Северном Кавказе шёл активный процесс становления высшей школы. Одновременно в вузах проводилась большая научно-исследовательская работа, в которую вовлекались студенты, а наиболее одарённые продолжали учёбу в аспирантуре и пополняли ряды учёных и преподавателей. Именно в предвоенное десятилетие были заложены прочные основы для дальнейшего развития высшего образования на Ставрополье, в Карачаево-Черкесии в послевоенные годы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кононенко В.М. Высшая школа юга России 20-е – 30-е годы XX века): монография. Ставрополь, 2005. С. 33.
2. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 2604. Оп. 1. Д. 3. Л. 38.
3. ГАСК. Ф. 87. Оп. 1. Д. 47. Л. 27.
4. Очерки истории Ставропольского педагогического института. Ставрополь, 1991. С. 7, 8.
5. ГАСК. Ф. 87. Оп. 1. Д. 47. Л. 47.
6. ГАСК. Ф. 87. Оп. 1. Д. 47. Л. 41.
7. Стрекалова Е.Н. Гражданская война и возникновение высших учебных заведений на Северном Кавказе. Трагические страницы истории России XX века. К 100-летию Гражданской войны в России (1918–1922 гг.): Сб. мат. III межрегиональной научно-практической конференции (31 октября 2018 г.). Ставрополь: Сервисшкола. 2018. С. 20.
8. Очерки истории Ставропольского края. Т. 2. Ставрополь, 1986. С. 170.
9. Ставрополье за 50 лет. Сборник Статистических материалов. Ставрополь, 1968. С. 199, 200.
10. ГАСК. Ф р. 1852. Оп. 1. Д. 631. Л. 230.
11. Ставрополье за 50 лет. Сборник Статистических материалов. Ставрополь, 1968. С. 201.
12. Карачаево-Черкесия – к 50-летию автономии (Статистический сборник). Черкесск, 1981. С. 102.

Н.И. Суханова

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ БОЛЬШЕВИКОВ: PRO ET CONTRA (1898–1917 ГГ.)

Аннотация. В статье предпринята попытка анализа некоторой противоречивости идейных воззрений большевиков на основы национальной политики партии и перспективы образования многонационального Советского государства трудящихся

Ключевые слова: национальная политика, Ленин, мировая революция, большевики, марксизм, интернационализм, федерация.

CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF THE BOLSHEVIKS' NATIONAL POLICY: PROS AND CONS (1898–1917)

Abstract. The article attempts to analyze the inconsistency of the Bolsheviks' ideological views on the foundations of the party's national policy and the prospects for the formation of a multinational Soviet state of workers.

Keywords: national politics, Lenin, world revolution, Bolsheviks, Marxism, internationalism, federation.

Распад Советского государства, как и его образование, стали явлением глобального порядка с неоднозначными последствиями и оценками современников и потомков. Для выявления предпосылок и причин распада Советского Союза важным представляется осознание особенностей зарождения и формирования философии большевистского видения национального вопроса в России.

Известна преемственность основных положений марксизма русскими большевиками. Для решения стратегической задачи – мировой пролетарской революции – они восприняли идею пролетарского интернационализма, как основу решения собственных революционных задач в России, отличавшейся значительным количеством населявших

ее народов. Следует учитывать, что Россия – это страна с большим количеством внутренних и внешних противоречий, с инерцией и саморефлексией «великой державы» относительно выбора новой формы государственности [4, с. 351]. При этом следующая важная аксиома марксизма – классовая борьба, как двигатель истории, тоже стала для российских левых ответом на вопрос о ликвидации вековой несправедливости. Сочетание двух данных идейных основ В.И. Ленин выводил из сущностных черт капитализма. Зарождение нации, как явления, он связывал, среди прочих причин, с формированием единого рыночного пространства, т. е. тоже с эпохой капитализма. Логично вписывалась в эту схему задача роста промышленного производства с вытекающим из этого усилением эксплуатации пролетариев, отделенных от частной собственности на средства производства. Помимо определенных Марксом таких черт нации, как общность территории, языка, культуры, психотипа, религии Ленин выделял политико-экономическую составляющую нации, как наиболее важную, позволявшую формировать международный пролетарский интернационал и вести его к мировой революции.

Дискутируя с Н.К. Михайловским, оценивавшим марксизм как одностороннее теоретическое учение, и не считавшим классовую борьбу двигателем мирового прогресса, Ленин обвинял своего "vieforvie" в неуместности связи качеств современных наций с принадлежностью их предков к определенным родам. Национальная культура, питающаяся корнями из древности, объявлялась культурой помещиков, попов и буржуазии. Поэтому со временем ее следовало «заменить» мировой пролетарской культурой. После этапов освобождения от монархической и затем от буржуазной эксплуатации, эти социокультурные особенности народов, в соответствии с системой исторической логики большевиков, должны были постепенно нивелироваться. Т. е. традиционалистские качества народа, издревле сохраняемые и оберегаемые, создававшие его идентичность со временем должны были исчезнуть. Если, – по Ленину, – нация существовала не всегда, то она не вечна и должна исчезнуть, как фактор, разделяющий народы мира. Такая концепция обозначала вторичность, подчиненное значение национального вопроса по отношению к рабочему вопросу [6, с. 301]. Идея приоритета классового пролетарского сознания над национальным не содействовала активной и детальной разработке национальной политики государства, направленной на эволюционное развитие каждого народа с учетом его особенностей. Не менее важной была задача выработки комплексной общегосударственной национальной политики в системе сложных межэтнических отношений в многонациональном государстве. В условиях стратегической линии на мировую революцию, внутренняя стратегия национальной политики была обрисована крайне неконкретно. Такой подход порождал глубинное этническое сопротивление и более ревностное охранение собственной идентичности каждым народом с передачей этого кода последующим поколениям. Возник и усиливался сущностный раскол между глубинной народной культурой и политическими программами большевистской элиты.

Марксова идея пролетарского интернационализма в русской транскрипции стала одним из основополагающих факторов классового противостояния. Помимо «исключения» иных классов и сословий из процесса формирования нового общества, она порождала геном вражды и поиска врагов, который мало содействовал строительству светлого будущего и дружбы всех народов страны, и мира. Методология классового противостояния делила мир на нации угнетенные и угнетаемые. Такой подход тоже вносил свою долю путаницы, поскольку внутри каждой из них так же существовал классовый раскол. Но «интернациональный идеализм» проявил себя достаточно быстро – с началом Первой мировой войны [2, с. 10].

Провозглашенное на I съезде РСДРП право народов на национальное самоопределение тоже было продиктовано необходимостью решать революционные задачи [8, с. 440–444]. При этом мало сочетаемым оказывалось право на самоопределение

народов с отрицанием В.И. Лениным федерации, как формы государственного устройства в многонациональной стране. Правда, в самом начале XX века лидер большевиков обуславливал необходимость самоопределения с активизацией освободительной борьбы с самодержавием. Но сложно представить самоопределившийся народ, отказывавшийся от независимости после свержения монархии и принявший идею унифицированного интернационального единства.

Федерация, как форма административно-территориального устройства народов, была одним из важнейших требований национальных политических организаций в Грузии, Армении, Латвии, Литве, Молдавии, среди польских и еврейских социал-демократов. При этом необходимо отметить, что эти организации были созданы ранее 1898 г., т. е. до I съезда РСДРП. С требованиями войти в состав России на федеративных началах выступило значительно большее количество национальных политических и общественных организаций после свержения самодержавия в 1917 г. Но Ленин продолжал настаивать на неприемлемости требования федерации.

Между тем быстро меняющаяся реальность снова проявила тактическую гибкость вождя большевиков. Выступая на Первом съезде Советов, В.И. Ленин выдвинул идею федерации, как союза свободных республик [9, с. 286]. Причин тому могло быть множество: желание населения окраин, понимание того, что экономически-ресурсное положение России привлечет менее обеспеченные регионы к союзу с ней, искренняя вера в превосходство декларируемого социализма, объединяющая роль русского языка на всей территории империи, да и глубокая внутренняя убежденность в наличии централизующих начал в руках России.

В концепции решения вопроса о многонациональном государстве трудящихся продолжала в разных видах доминировать идея централизованности в организации союзной власти. Она зародилась еще в период организации партии на централистских идейных и организационных основах. В документах партии и выступлениях ее лидеров всегда подчеркивалась руководящая роль русского рабочего класса в революционной борьбе. К тому же подготовка местного национального партийного актива происходила в Центре в целях недопущения разномыслия. Не случайным было несколько более позднее утверждение о старшем брате – русском народе. «Младшие братья» далеко не всегда принимали этот тезис с энтузиазмом.

При этом не следует забывать, что Россия – это цивилизация крестьян и множества этносов [3, с. 16]. Опираясь только на рабочий класс, большевистская конструкция сужала возможности многомерного политического, экономического, социокультурного развития страны, крайне ограничивала вероятность формирования гражданского общества. К тому же ставка на пролетариев делала необходимой индустриализацию, к которой значительная часть окраинного населения не была готова.

Таким образом, централизм в управлении партией и государством, универсализм в выстраивании общественно-политической и социокультурной реальности отражали линейные представления лидеров большевизма о столь сложном обществе, каким была Россия. Стремление к однородности общества, одномерности его сознания облегчало управление им. А вот устремленности к созданию эффективной, динамичной транснациональной формы советской национальной идентичности было недостаточным для современного общества [5, с. 27] Да и могла ли такая задача быть поставленной в той исторической реальности?

Это было время поисков. Сочетание мифа об абсолютности, сакральности идей большевизма с чрезвычайным прагматизмом и реалистичностью подхода к проблемам – вот лицо радикального большевика [1, с. 453]. Прагматизм большевистских идеологов сливался с некоторой долей романтизма и опирался на преувеличение роли субъективного фактора в «делании» истории. Массы даже в стратегических и тактических построениях большевиков оставались ее объектом.

Невзирая на двойственность подходов к решению вопроса о советском многонациональном государстве, известные предпосылки для реализации этого проекта имелись. К тому же тактические построения Ленина, понимавшего меняющуюся реальность, динамично вписывались в нее.

Со временем советские народы в определенной степени сохранили этническую и обрели национальную идентичность. Для многих из них СССР воспринимался как Родина, т. е. имела место и гражданская идентичность. Между тем СССР так и не стал государством-нацией, его граждане только начали закладывать фундамент эффективного общества. Для формирования современного многонационального государства необходимы были дальнейшие поиски демократических форм вовлечения и взаимодействия народов, населявших СССР, в процесс его построения. Можно только сожалеть, что условиях раздвоенности между стремлением к народовластию и авторитаризмом победу одержал последний.

В массе противоречий, свойственных большевистской идеологии неразрешимыми были следующие: между стремлением к народовластию и авторитаризмом, между стремлением к праву и решением власти самостоятельно влиять на все процессы, между гуманистическим стремлением к освобождению всех угнетенных и стремлением пропустить все общество через ГУЛАГ, между интернационализмом и этническим принципом формирования власти и государства. Все это крайне негативно влияло на процесс формирования современного многонационального государства [1, с. 530].

Недооценка сложности и роли этнического фактора и в целом национальной политики в идейных установках большевистской партии, а также в системе политических преобразований в годы Советской власти стала одной из серьезнейших предпосылок распада СССР.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахиезер А.С., Давыдов А.П., Шуровский М.А., Яковенко И.Г., Яркова Е.Н. Социокультурные основания и смысл большевизма. Сибирский хронограф. Новосибирск, 2002. 610 с.
2. Буховец О.Г. Национальная политика Российской империи и СССР: о противоречиях и их последствиях // Великая российская революция, 1917: сто лет изучения: материалы Международной научной конференции. М.: ИРИ РАН, 2017. 808 с.
3. Кара-Мурза С.Г. Ленин. Алгоритм революции и образ будущего. М.: Академический проект, 2018. 295 с.
4. Красовицкая Т.Ю. Этнокультурные идеалы в пространстве конфликтов Гражданской войны // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: власть и общество по обе стороны фронта. Материалы международной научной конференции (Москва, 1–3 октября 2018 г.) / отв. ред. Ю.А. Петров. М.: ГЦМСИР. С. 351. 520 с.
5. Кульчицкий Ст. Статус титульных наций в псевдофедеральной государственной структуре СССР на этапе создания советского строя (1917–1938 гг.) // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы. Материалы международной конференции. Киев, 10–12 октября 2013. М.: Политическая энциклопедия; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2014. 686 с.
6. Ленин В.И. О праве наций на самоопределение // Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1980. Т. 25.
7. Ленин В.И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? // Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1980. Т. 1.
8. Ленин В.И. Империализм и право наций на самоопределение // Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1980. Т. 27.
9. Ленин В.И. Речь о войне 9 (22) июня. I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов // Полн. собр. соч., 1980. Т. 32.

ДОНБАССКИЙ ВОПРОС В ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ СССР И НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ БОЛЬШЕВИКОВ В 1920-Е ГГ.

Аннотация. В статье рассматривается ключевая роль Донбасского региона в событиях, связанных с началом процесса организации Союза Советских Социалистических Республик. Также освещаются вопросы административно-территориального определения границ Донецкой губернии, находящейся между Украинской и Российской Республиками. На базе анализа широкого круга документальных и мемуарных источников автор освещает ход событий, связанных с политикой «украинизации» 1920-х годов.

Ключевые слова: Донбасс, Донецкая губерния, национальный район, украинизация.

DONBAS ISSUE IN THE HISTORY OF FORMATION OF THE USSR AND THE NATIONAL POLICY OF THE BOLSHEVIKS IN THE 1920S

Abstract. The article discusses the key role of the Donbass region in the events associated with the beginning of the process of organizing the Union of Soviet Socialist Republics. It also highlights the issues of administrative-territorial determination of the boundaries of the Donetsk province, located between the Ukrainian and Russian Republics. Based on the analysis of a wide range of documentary and memoir sources, the author highlights the course of events related to the "Ukrainization" policy of the 1920s.

Keywords: Donbass, Donetsk province, national region, ukrainization.

После возвращения Украины и Донбасса под власть большевиков в начале 1919 года, снова начали проявляться автономистские настроения «харьковцев». Тем более что в составе Временного рабоче-крестьянского правительства советской Украины представители Донецко-Криворожской Области составляли большинство (4 из 7), а в феврале была официально учреждена отдельная Донецкая губерния со столицей в Луганске. 16 января, воспользовавшись численным преимуществом «донбассовцев» (5 против 3) Артем добился отстранения Юрия Пятакова с поста главы и сам занял пост председателя. Чтобы погасить конфликт между «киевлянами» и «харьковцами» на Украину был прислан совершенно сторонний Христиан Раковский, которого 24 января назначили новым главой правительства.

В условиях продолжавшейся гражданской войны важное место занимал военно-организационный вопрос. Возник замысел создания особого РВС Донецкого фронта, независимого от Укрфронта и объединяющего три армии, действовавшие против деникинцев в Донбассе. На заседании ЦК КП(б)У 28.05.1919 было решено: «Все командование в Донецком участке должно быть объединено одним временным Реввоенсоветом, который может быть подчинен Южфронту. Этот Реввоенсовет должен действовать как Реввоенсовет группы войск Донецкого направления. Состав этого Реввоенсовета намечается следующий: командующий группой – т. Ворошилов, члены Реввоенсовета – т. Межлаук и кто-либо от Южфронта» [3, с. 93].

Против автономистов выступил лично Л.Д. Троцкий, 1 июня телеграфировавший Ленину: «Домогательства некоторых украинцев объединить вторую украинскую армию, тринадцатую и восьмую в руках Ворошилова совершенно несостоятельны. Нам нужно не донецкое оперативное единство, а общее единство против Деникина... Идея военной и продовольственной диктатуры Ворошилова есть результат донецкой самостийности, направленной против Киева и Южфронта... Предполагаю на завтра или послезавтра вызвать в Изюм, как центральный пункт, командующего восьмой, тринадцатой и второй, т. е. Ворошилова (также Межлаука и Подвойского), и продовольственников, чтобы объединить то, что может подлежать объединению, отнюдь не создавая Донецкой военной республики» [17, с. 208–209]. В тот же день Ленин поддержал Троцкого, направив в Харьков – Межлауку, Ворошилову, Мельничанскому, Артему и Каминскому телеграмму:

«Политбюро Цека собралось 1 июня и, вполне соглашаясь с Троцким, решительно отвергает план украинцев объединять 2, 8 и 13 армии, создавать особое донецкое единство» [12, с. 333].

Заметим, однако, что в сохранившемся протоколе заседания Политбюро от 1 июня 1919 г. не зафиксировано таких решений. Там идет речь лишь о принятии резолюции о военно-экономическом союзе Советской России, Украины, Латвии и Белоруссии, причем отдельным пунктом выделена Директива ЦК «Сосредоточив все силы на Донбассе, снять с западного фронта все возможное... Ворошилову после ликвидации Григорьевщины отправиться в Донецкую губернию» [14, л. 3]. Также по итогам данного заседания Политбюро ЦК РКП(б) в тот же день ВЦИК утвердил знаменитый декрет «О военном союзе советских республик России, Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии для борьбы против империалистов», который многие историки считают прообразом договора об образовании СССР. Таким парадоксальным образом, отрицание идеи представителей ДКР об «особом военном донецком единстве» в течение одного дня трансформировалось в идею о создании союза Советской России и других Советских Республик. Которая через несколько лет вылилась в организацию новой в мировой истории формы федеративного государства – СССР.

В 1920 году Постановлением Совета Укрсовтрударма № 15 от 15 марта Донецкая губерния была значительно расширена за счет присоединения частей Харьковской губ. и Области Войска Донского [9, л. 1]. Причем из протокола искомого заседания следует, что инициатива исходила с самых верхов. «Сталин сообщает, что в связи с предложением Предсоба т. Ленина установить границы Донецкой губернии явилась необходимость пересмотреть этот вопрос для чего и созвано экстренное заседание Совета» [15, л. 1]. Возможно, этот факт оживил надежды Донбассских автономистов. Еще в апреле 1920 года на официальных документах Юзовского райздравотдела значилось: «Юзовка Донецкой губ. Российск. Социалистическ. Федеративн. Советск. Республика» [19].

Как свидетельствует Владимир Антонов-Саратовский, направленный в Донбасс с личным мандатом от В.И. Ленина для организации **Донецкой губернии, в марте 1920 на заседании Совнаркома РСФСР им был поставлен вопрос:**

«Владимир Ильич, еще есть серьезный вопрос». – «Какой? Говорите, только коротенько». – «За кем должна числиться губерния? Она составлена из русской, украинской и казачьей земли. Как ее теперь считать по матушке – Украине, или по батюшке – Российскому Совнаркому?» – «Как вы думаете, товарищи? Будто бы по батюшке?» – «Конечно, по батюшке» – возопил т. Красин. Ильич согласился, и было постановлено, что **Донецкая губерния входит в состав Р.С.Ф.С.Р.** [подчеркнуто мною – Ю.Ф.]. Это было в период 8 партсъезда. Не прошло двух дней, меня вызывают к тов. Ленину. – «Мы с вами дали маху, – как-то виновато-шутливо встретил меня Ильич, – приехали украинцы, Раковский, Петровский... кричат, что мы у них украли последних рабочих и остались они с одними мужиками...».

– Ничего вы у них не крали, – чувствуя провал, но бодрясь, говорю я, – если бы вы взяли да каким-то чудом перенесли Донбасс, скажем, в Сибирь, они были бы правы. А то ведь Донбасс остался на прежнем месте... только административное изменение произошло.

– Давайте перерешим... чего их обижать, – заметил Ильич.

Здесь сказался, с одной стороны, глубокий реализм, а с другой – тонкая деликатность: он уже решил отменить постановление Совнаркома, но вызвал «для соглашения» инициатора вопроса» [1, с. 189–190].

Таким образом, мы имеем четкое утверждение участника событий, что, поскольку новая Донецкая губерния составлялась из пограничных территорий Российской и Украинской Советских Республик, встал вопрос об ее итоговой принадлежности, который первоначально был решен в пользу РСФСР, но затем, под давлением украинских товарищей, весьма гибким политиком В. Лениным пересмотрен в пользу УССР.

Проблема принадлежности Донбасса лихорадила региональные и центральные власти РСФСР, УССР и СССР вплоть до середины 1920-х гг. и была урегулирована лишь 29.09.1924 совместным постановлением Донецкого губисполкома УССР и Юго-Восточного крайисполкома РСФСР «Передача части Шахтинского и Таганрогского округов Донецкой губернии УССР Юго-Восточному краю РСФСР». Согласно документу, с 1.10.1924 к Юго-Востоку отошли город Шахты и 9 районов, в основном исходя из экономически-хозяйственных потребностей. Также к России отошли Таганрог и 5 районов, оставив Донецкой губернии четыре [4, л. 88–90].

Идеи регионального автономизма на производственной основе продолжали циркулировать в руководстве. В частности, зампреда Совнаркома РСФСР и СТО Алексей Рыков озвучил ее 23.04.1923 на XII съезде РКП(б) и предложил провести эксперимент по созданию самоуправляющихся, автономных в экономическом смысле регионов «в двух крупных наилучше организованных областях», имея в виду Донбасс и остальную Украину, и «организовать там областные исполнительные комитеты, предоставить им целый ряд финансовых и налоговых прав, заставить Совнарком передоверить часть функций центрального правительства областным исполкомам». Съезд поддержал идею Рыкова, приняв резолюцию «О районировании».

Но одновременно XII съезд по докладу И. Сталина «*Национальные моменты в партийном и государственном строительстве*» утвердил другое ключевое положение – курс на коренизацию госпартаппарата в национальных республиках. В Украинской ССР это означало украинизацию не только советского управленческого аппарата, но и общества, в том числе в русифицированных регионах Новороссии, которая отныне становилась Восточной Украиной. Не случайно Сталин в своем выступлении особо отметил УССР, говоря о необходимости «постепенной национализации правительственных учреждений... в первую голову в такой важной республике, как Украина» [2, с. 82].

Разворачивающаяся на территории УССР и включенного в её состав Донбасса украинизация не способствовала заинтересованности местных южнороссийских элит во включении их территорий под власть Харькова. Что и привело к активному противодействию и затягиванию вопроса вплоть до середины 1920-х гг. «Уточнение границ с Украиной и разрешение спорных вопросов продолжалось весь 1925 год», – резюмирует Ю. Галкин. Таким образом, Донбасс оказался присоединенным к Советской Украине. Хотя некоторые, например профессор М.В. Орешкин, парадоксально полагают, что это Украину присоединили к Донбассу, поскольку именно Донбасс многократно превосходил её по промышленному потенциалу и производимому валовому продукту.

Постановлением СНК УССР 29.08.1924 «О выделении национальных районов и советов» Донбасс определялся как регион с исторически сложившимся многонациональным составом населения. Это давало возможность местным властям лавировать для решения проблем украинизации путем разделения Луганского округа на украинские и русские районы. В первую категорию попали: Успенский район, Славяносербский, Каменнородский, Новосветловский, Ровеньковский, Дмитриевский. Во вторую категорию вошли: Сорокинский (71,9 % русских), Петровский (75,8 %), Станично-Луганский (88,98 %), а также Алчевский, Луганск, Лозовая Павловка и Красный Луч, хотя украинских сельсоветов к 1 927 насчитывалось 109, а русских – 64 [20, с. 94]. По другим данным, из 159 сельсоветов Луганского округа 109 были украинские, 45 русские, 5 немецкие. Из 24 поселковых советов было 5 украинских и 19 русских [5, л. 147]. Последние освобождались от необходимости украинизации, начало которой было объявлено Постановлением Президиума Луганского Окрисполкома № 6 § 6 от 12.02.1924 [6, л. 12].

Напомним, что согласно переписи 1926 года украинцы составляли чуть больше половины населения округа – 51,65 %, а русские – 42,74 %. В самом Луганске их было практически поровну: 43,37 % и 43,56 %. Причем в программе переписи национальность и родной язык были отдельными вопросами и родным считался не язык народности, а тот, которым человек лучше владеет. Поэтому по языку национальная пропорция

была иная: 57,44 % русские и 38,02 % украиноязычные [20, с. 95]. Тем не менее, украинизация двигалась, хоть и медленно. Чтобы укомплектовать украиноязычные школы сюда направляли учителей с Правобережья или Полтавщины. Однако население региона воспринимало их негативно – как «петлюровцев».

Сталин, стремясь найти опору в компартийных элитах национальных республик против группы Троцкого-Зиновьева-Каменева, решил устранить «автономиста» Э. Квиринга. На апрельском пленуме 1925 года Генеральным секретарем ЦК КП(б)У был избран близкий соратник Сталина – Лазарь Каганович. На том же пленуме констатировалось «Отставание украинизации партии грозит ослаблением роли партии, как руководителя масс и их самостоятельности, отрывом советского аппарата от партии», особенно в Донбассе, и в результате острых дискуссий было решено: «ускорить украинизацию партийного аппарата и всей партийно-общественной жизни» (в оригинале на украинском) [11, с. 283–284]. Начался новый этап украинизации, характеризующийся жестким административно-командным, силовым стилем и крайне форсированными темпами. Уже 30.04.1925 вышло постановление ВУЦИК и СНК УССР «О мерах срочного проведения полной украинизации Советского аппарата», предусматривавшее полный переход всех государственных учреждений на украинское делопроизводство не позднее января 1926 г.

Эти меры сопровождалась кадровой ротацией. Оценим скорость реакции: вступивший 11 июня 1925 в полномочия председателя Луганского окрисполкома Николай Мышков буквально первым же документом подписал Постановление Президиума Луганского Окружного Исполнительного Комитета № 12 от 12.06.1925, требовавшее: «Всем госучреждениям и государственным торгово-промышленным предприятиям, не перешедшим на украинское делопроизводство, таковое перевести полностью на украинский язык не позже 1 января 1926 г... Все акты публично-правового характера, а равно бланки, штампы, вывески, этикетки и т. п. должны быть переведены постепенно, но не позже 1 января 1926 года на украинский язык... сотрудники госучреждений и госторгово-промышленных предприятий у которых замечено будет отрицательное отношение к украинизации, выражающееся в том, что за истекший период они не принимали никаких мер к изучению украинского языка, могут быть администрацией этих учреждений и предприятий уволены без выдачи выходного пособия» [13].

Отныне украинизации подлежали поголовно все служащие всех учреждений и предприятий, вплоть до уборщиц и дворников. В частности, в 1928 г. на заседании Луганской окружной комиссии по украинизации было утверждено решение «за уклонение от украинизации уволить сотрудника окротдела здравоохранения Кардобовского и подтвердить снятие с должностей сотрудников совторгслужащих Барткевича и Алексеева» [7, л. 20]. На украинский переводилась вся система образования: от начальной школы до технического вуза. Административными методами украинизировалась пресса, издательская деятельность, радио, кино, театры, концертные организации, вывески и объявления. Создали даже специальный журнал «Голос українизатора», в котором авторы жаловались на сопротивление несознательных масс: «Имеем огромное количество эпизодов, которые возникли в процессе украинизационной работы, анекдотов, имеющих свою эволюцию, вредительских поступков разоблаченных и неразоблаченных, активных и пассивных протестов» [10, с. 45].

Активно сопротивлялись украинизации Донбасские производственники. Из Брянского рудоуправления «Донугля» СССР 12.05.1926 докладывали в Луганский окрисполком: «На основании постановления ЦИК и СНК СССР и полученного пояснения НКЮ УССР от 12 / 1-24 года под № 4/4236 производство делопроизводства и счетоводства на предприятиях Донуголь остается на русском языке... Кроме этого, считаем своим долгом довести до В / сведения, что Украинизация на рудниках, население которых преимущественно русское, проводится с большими сложностями. Трудно украинизировать работающих без применения этого языка в жизни. Вводить же в жизнь Укр. язык невозможно так как балакать на ней почти ни с кем; только же теоретическое

изучение языка быстро забывается». На аналогичные трудности с личным составом ссылались в письмах управляющий Кадиевского рудоуправления К. Горбачев (25.05.1926) и с Должанского рудоуправления Ивахненко (6.05.1926). А с Луганского патронного завода информировали 30.04.1926: «Заводоуправление настоящим сообщает, что украинизация на заводе не проводилась и не проводится, т. к. завод входит в Производственное Объединение Военной Промышленности и непосредственно ему подчиняется, каковое находится в гор. Москве» [20, с. 97–98]. По итогам переписи рабочих кадров каменноугольной промышленности 1929 г. русские составляли среди горняков 61,9 %, но родным русский язык считали 74,5 %. Украинцев было 30,5 %, но «мову» считали родной лишь 20,3 %.

Далеко не все большевистские лидеры поддерживали украинизацию. Так, например Юрий Ларин раскритиковал извращения и перегибы национализма на Украине, проявления «зоологического русофобства» в общественной жизни, принудительную украинизацию русскоязычного населения. С аналогичных позиций критиковали национальную политику КП(б)У Григорий Зиновьев и Вагаршак Ваганян. К сожалению, все эти деятели оказались в рядах оппозиции. Поэтому с укреплением власти Сталина и началом формирования «культы личности» их мнение априори отбрасывалось и не принималось во внимание. Кагановичу оказалось достаточно раскритиковать взгляды Зиновьева, Ваганяна и Ларина как «шовинистический уклон в партийных рядах» на X съезде КП(б)У в ноябре 1927 года, что совпало с разгромом троцкистско-зиновьевской оппозиции в Москве.

Сворачивание украинизации началось после отставки Скрыпника в 1933 г. Свою роль сыграли дошедшие до Москвы данные о перегибах украинизации, приводящие к усилению националистических тенденций. Не исключены и опасения контрреволюционного влияния со стороны галичан зарубежья, которые открыто радовались успехам украинизации на страницах откровенно враждебной ОУН-овской прессы, например, журнала «Розбудова нації», либо рассматривали ее как борьбу троцкистов со сталинистами [18].

Впервые фиксация в компартийных документах главной угрозы со стороны не «русского шовинизма», а украинского национализма относится к 1933 г. Жертвами этого очередного изгиба партийной линии стали сотрудники Луганского машиностроительного института. Когда на общем партсобрании по итогам ноябрьского пленума ЦК КП(б)У была принята резолюция: «Вести решительную борьбу с проявлениями великодержавного русского шовинизма, как главной опасностью в Советском Союзе» – со стороны горкома последовала резкая реакция. 20.12.1933 горпарком постановил: «Отменить эту резолюцию как антипартийную, противоречащую решениям пленума ЦК и ЦКК». Орготделом и Культпропом ГПК было проведено вторичное партсобрание в институте, на котором функционеры разъяснили новый поворот партийной линии, что следует обратить внимание на другую часть решения ЦК: «В некоторых республиках СССР, в особенности на Украине, в данный момент главную опасность представляет местный украинский национализм, смыкающийся с империалистическими интервентами». Секретарь партячейки Фирсанов был снят, докладчик Хвостиков получил строгий выговор и рекомендацию снять его с работы на кафедре [8, л. 188]. Аналогичный случай произошел и в Сталино, где на общегородском партсобрании «неправильно выступил» представитель Сталинзавода Сливенко, за что был исключен из партии как скрытый националист [16].

Таким образом, Донбасс как важный промышленный узел, всегда находился в центре актуальных политических процессов, протекающих в Советской стране.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонов-Саратовский В.П. Отблески бесед с Ильичем // Пролетарская Революция. Исторический журнал Истпарта. 1924. № 3 (26).
2. Борисёнок Е. Ю. Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы. М.: Европа, 2006. 256 с.
3. *Гражданская война на Украине (1918–1920). Сборник документов и материалов.* К.: Наукова думка, 1967. Т. 2.

4. Государственный архив ДНР. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 74а.
5. Государственная архивная служба (далее Госархив) ЛНР. Ф. Р-243. Оп. 1. Д. 991.
6. Госархив ЛНР. Ф. Р-243. Оп. 1. Д. 5.
7. Госархив ЛНР. Ф. Р-243. Оп. 1. Д. 667.
8. Госархив ЛНР. Ф. П-5. Оп. 1. Д. 82.
9. Государственный архив РФ. Ф. 5677. Оп. 1. Д. 83.
10. Денисенко В. До збирання відомостей із історії дерусифікації // Голос українізатора. 1927. № 3.
11. Культурне будівництво в Українській РСР. Важливіші рішення Комуністичної партії і Радянського Уряду. 1917–1959 рр. Зб. док. Т. I (1917 – червень 1941 рр.). К.: Держполітвидав УРСР, 1959. 884 с.
12. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 50. 624 с.
13. Луганская правда. 1925. 16 июня.
14. Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 10.
15. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 1586.
16. Социалистический Донбасс. 1933. 5 декабря.
17. Троцкий Л. Сталинская школа фальсификаций. Берлин: Гранит, 1932. 292 с.
18. Українці в Радянському Союзі // Розбудова нації. 1928. Ч. 4; Опозиція Зінов'єва-Троцького на Україні // Розбудова нації. 1928. Ч. 1.
19. Федонин А. Был и такой адрес: г. Юзовка, Донецкая губерния, РСФСР // «Городь». 1998. 30 апреля.
20. Федоровский Ю.Р. Первая советская украинизация Луганщины // Культурный ландшафт регионов. Краснодар, 2020. Том 2. № 1. С. 90–108.

В.Г. Шнайдер

ТЕРРИТОРИАЛЬНО-АДМИНИСТРАТИВНИЙ АСПЕКТ НАЦІОНАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 1920-Е ГГ.

Аннотация. Стаття посвящена проблемам территориально-административного размежевания народов Северного Кавказа в ходе национально-государственного строительства и реализации основных принципов национальной политики советского государства в данном регионе в 1920-е гг.

Ключевые слова: национальная политика, национальное строительство, Северный Кавказ, национальные автономии.

TERRITORIAL AND ADMINISTRATIVE ASPECT OF NATIONAL BUILDING IN THE NORTHERN CAUCASUS IN THE 1920S

Abstract. The article is devoted to the problems of territorial-administrative demarcation of the peoples of the North Caucasus in the course of nation-state construction and the implementation of the basic principles of the national policy of the Soviet state in this region in the 1920s.

Keywords: national policy, nation-building, North Caucasus, national autonomies.

Одним из наиболее важных вопросов, которые приходилось решать советской власти в первое десятилетие своего существования, был национальный. Важно было заручиться поддержкой и даже преданностью советской власти со стороны многочисленных национальных меньшинств, и доставшихся ей проблем бывшего монархического государства.

Большевики создали достаточно эффективный механизм управления национальной политикой – Наркомат по делам национальностей, который имел в регионах специальные представительства, главной задачей которых было регулирование межнациональных отношений на местах. Первоначально Наркомнац направлял в регионы, где был высок процент нерусского населения, своих эмиссаров. Вскоре были созданы отделы по делам национальностей. Уже к 1918 г. они возникли в 18 губерниях [4, с. 283].

Важным событием в истории советской национальной политики стал X съезд РКП(б), март 1921 г. Тогда было принято постановление «Об очередных задачах партии в национальном вопросе». В нём поднимался вопрос о неравномерности в развитии (вероятно, социально-экономическом и политическом) отдельных народов России и населения центральной её части. То есть, речь, как представляется, шла о русских и нерусских. Какие же намечались пути решения этой проблемы? Во-первых, это создание и развитие советской государственности в тех формах, которые не противоречили бы Конституции РСФСР, но могли бы соответствовать местным особенностям, как то родной для народа региона язык в делопроизводстве, местные кадры в основе госаппарата в данном регионе, развитие системы образования, культуры, прессы и т. п. на родном для большинства населения региона языке, а также подготовка отрядов национального пролетариата и советских, а также партийных работников [2, с. 251–256].

Эти решения отличал максимально возможный уровень лояльности государства в отношении национальных меньшинств, о котором они не могли даже мечтать при царизме. Намеченные X съездом задачи явно подталкивали народы к созданию институтов собственной государственности в рамках советской правовой и политической системы. При этом следует подчеркнуть, что для многих из них это был качественный шаг в этно-государственном развитии, поскольку никаких государств у них прежде не было вообще.

На XII съезде РКП(б) в 1923 г. была дополнена программа партии. В частности, указывалось на то, что для ликвидации «фактического неравенства наций» требовалась помощь русского пролетариата. Дальше речь шла фактически о развитии промышленности в дотолее экономически неразвитых национальных окраинах, с целью расширения рядов пролетариата за счёт местных народов. Это была очевидная задача, направленная, по мысли теоретиков компартии, на укрепление социальной опоры большевиков среди нацменьшинств [2, с. 438].

В целом 1920-е гг. стали благодатным периодом для национально-государственного строительства в СССР вообще и на Северном Кавказе в частности. В одной из современных работ, посвященных советской национальной политике 1920-х гг. используется понятие «национальный нэп», как своего рода аналогия с собственно нэпом, который задумывался как тактический манёвр, направленный в итоге на укрепление авторитарного режима большевиков, и со временем став опасным был свёрнут [4, с. 288]. Такая же судьба постигнет и «национальный нэп», который станет угрожать стремящемуся к абсолютной власти и превращению СССР в фактически унитарное государство сталинскому режиму. Но в 1920-е гг. до этих событий было ещё далеко.

Автономная Горская республика была образована декретом ВЦИК 20.02.1922 г. Среди целей создания автономии, в которую были включены территории с преимущественным проживанием чеченцев, ингушей, осетин, кабардинцев, балкарцев и карачаевцев, Сталин называл «приобщить горцев к высшей культуре» [5, с. 406]. Для этого предполагалось в первую очередь расширить и укрепить сеть школ и культурно-просветительных учреждений.

Почти сразу в горской республике начались центробежные процессы. О своём намерении выйти из состава этой республики уже в мае 1921 г. заявил Кабардинский округ. Главной причиной называлось отсутствие прочных экономических связей Кабарды с остальной частью ГАССР. Примечательно, что Сталин поддержал эти намерения кабардинцев. Кабардинская АО была создана в сентябре 1921 г., но уже 9 января 1922 г. к ней

была присоединена Балкария и, таким образом, образована Кабардино-Балкарская АО. Уже 12 января того же года из состава ГАССР выделилась Карачаево-Черкесская АО, а в ноябре того же года Чеченская АО. До июля 1924 г. Горская АССР сохранялась в составе земель, населенных преимущественно осетинами и ингушами. 7 июля 1924 г., с образованием автономий этих народов, история ГАССР завершилась.

Следует добавить к этому, что 27 июля 1922 г. была образована Адыгейская (Черкесская) автономная область, никогда в состав горской республики не входившая.

С 1 июля 1926 г. Карачаево-Черкесская АО упразднялась, и создавались Карачаевская АО и Черкесский национальный округ. Баталпашинский и Зеленчукский округа выделялись в самостоятельный район и передавались Армавирскому округу. Там они находились до 1931 г., когда часть Баталпашинского, Зеленчукский, Кардоникский и Усть-Джегутинский сельсоветы перешли в состав Карачаевской АО.

Позволим себе отметить, что распад Горской АССР не кажется очевидным и практически предопределённым процессом. Например, созданная на очень похожих условиях, такая же многонациональная и разноразовая Дагестанская АССР не прекратила своего существования и не распалась на несколько маленьких автономий. Это при том, что в 1920-е гг. практиковалось создание автономий различного уровня, например, национальных районов и даже отдельных сельсоветов. Несмотря на то, что создание коллективной автономии для ряда народов Северного Кавказа считалось целесообразной мерой, её распад произошёл стремительно. Мотивами создания ГАСС было то, что «...во-первых, в правящих партийных и государственных кругах были сильны автономистские тенденции. Во-вторых, учитывалось то, что ни один из этих народов не имел до этого своей государственности, а также их экономическая отсталость, разобщённость, низкий уровень культуры, отсутствие определённого опыта и кадров, необходимых для создания национально-государственных образований» [3, с. 63]. Но мы ведём речь о периоде, когда центральная власть была максимально лояльна этно-элитам, если, конечно, они не выступали с явно антисоветских позиций, и всячески угождала стремлениям отдельных народов Северного Кавказа.

Территории Северо-Кавказских автономий различного уровня формировались так, чтобы в их границах оказалось бы максимальное число представителей определённого этноса. Исключением выглядит создание Адыгейской АО. Всего в 1922 г. насчитывалось 52 аула с адыгейским населением в 104 тыс. чел., при этом в состав области вошли 45 аулов. Вне вновь созданной автономии оказались приморские шапсуги [3, с. 188]. Их автономия была организована в рамках национального района с центром в г. Туапсе, а затем в пос. Лазаревском. К 01.04.1941 г. в состав района входили 6 сельсоветов [3, с. 229].

Середина и вторая половина 1920-х гг. были отмечены на Северном Кавказе возникновением национальных автономий меньшего масштаба, чем в начале десятилетия. Речь идёт о создании целой серии национальных районов

В 1925 г. в крайисполком Северо-Кавказского края решает выделить в отдельную автономную единицу Туркменский район.

7 августа 1925 г. в составе Майкопского округа был образован Армянский национальный район.

1 сентября 1926 г. в Донском округе также был создан Армянский национальный район.

В 1928 г. крайисполком решает ликвидировать Грозненский и Сунженский автономные округа. Их территория присоединялась к Чеченской автономной области.

В том же 1928 г. в Сальском округе Ставрополя был создан Калмыцкий автономный район.

В Армавирском округе Северо-Кавказского края в 1928 г. возникает немецкий район с центром в станице Ванновской. Это район просуществовал до 4.05.1941 г.

Уже в 1930 г. на территории современного Крымского района Краснодарского края возникает греческий национальный район. Он был ликвидирован в 1938 г.

Греческий и Ванновский районы имели некоторую специфику: основную часть их населения составляли представители тех народов, которые имели суверенные государства. Бывало, что некоторые жители этих районов имели иностранное подданство [1].

Итак, период 1920-х гг. с точки зрения создания условий для национально-государственного строительства на Северном Кавказе советским государством можно считать позитивным. Несмотря на то, что выбора формы государственного устройства у местных народов не было, всё же следует признать, что для многих из них это был вообще первый исторический опыт государственного строительства.

Коммунистическая партия и подконтрольный ей государственный аппарат вполне отдавали себе отчёт в том, что советы как форма народовластия и форма организации местного управления не всегда соответствовали качеству и уровню политической культуры местного населения. Поэтому большое значение уделялось их составу

Главной задачей в этом отношении было создание максимально схожей социальной структуры у всех северокавказских народов, в которой следовало добиваться повышения доли местного пролетариата и интеллигенции.

Большевики стремились предать советской власти, в том числе и в национальных автономиях, характер подлинно народной. Они стремились максимально адаптивно выстраивать её и как институт самоуправления, и как один из социальных лифтов, которым должны были воспользоваться прежде всего представители местных народов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Игнатова М.Е. Греческий и немецкий (Ванновский) национальные районы Краснодарского края в 20–40-е гг. XX века. Автореферат диссертации на соискание научной степени к.и.н. – Майкоп, 2005. 26 с.
2. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. М., 1970.
3. Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ (1917–1941 гг.). – Майкоп: Меоты, 1995.
4. Национальная политика России: история и современность. М.: Наука, 1997.
5. Сталин И.В. Сочинения. Т. 4. М., 1947.

Ю.А. Яхутль

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ В АДЫГЕЕ В 1920 – 1930-Е ГГ.: УСПЕХИ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. Северо-Западный Кавказ традиционно был многонациональным и многоконфессиональным регионом, что оказывало существенное влияние на организацию школьного образования для представителей малочисленных народов. Коренное население, представленное горцами (черкесы), в имперский период было лишено социальных гарантий, в том числе доступа к образовательным ресурсам. Значительные изменения в социальной сфере у горцев произошли в первые двадцать лет советской власти и связаны они были как с приобретением государственности, так и содержанием национальной политики, реализуемой в СССР. Политика ликвидации неграмотности, создание национальной школы, формирование новой образовательной среды в 1920 – 1930-е гг. были одними из приоритетных задач советской власти в Адыгее, успешно решёнными в рамках культурной революции.

Ключевые слова: Адыгее, черкес, советская школа, ученик, преподаватель, образовательная среда, политика.

THE FORMATION OF THE SOVIET SCHOOL IN ADYGEA IN THE 1920S – 1930S: SUCCESSSES AND PROBLEMS OF DEVELOPMENT

Abstract. The North-Western Caucasus has traditionally been a multinational and multi-confessional region, which had a significant impact on the organization of school education for representatives of small peoples. The indigenous population, represented by Mountaineers (Circassians), was deprived of social guarantees during the imperial period, including access to educational resources. Significant changes in the social sphere among mountaineers occurred in the first twenty years of Soviet power and they were associated with the acquisition of both statehood and the content of national policy implemented in the USSR. The policy of eliminating illiteracy, the creation of a national school, the formation of a new educational environment in the 1920s-1930s were among the priorities of the Soviet government in Adygea successfully solved within the framework of the cultural revolution.

Keywords: Adygea, Circassian, Soviet school, student, teacher, educational environment, politics.

Регион Северо-Западного Кавказа исторически обладал определенными особенностями, во-первых, традиционно считался казачьим, но при этом был населен представителями разных народов: русскими, черкесами, татарами, греками, украинцами и др. Во-вторых, наличие Кубанского казачьего войска как института государственной власти во многом определяло особенности хозяйственной деятельности и формы землепользования. Одним из достижений Кубанского казачества с момента переселения и до Великой российской революции было формирование структур доступного образования для детей школьного возраста. В кубанских поселениях было развито школьное образование, но большая часть затрат на их содержание традиционно ложилась на казачьи общины. Реализация школьного образования для представителей национальных меньшинств могло быть только в случае государственной поддержки.

Первые попытки создания школ для горского населения были зафиксированы в первой половине XIX в., так называемые «аманатские школы», где дети черкесских князей обучались русскому языку. Эти школы носили временный характер и во второй половине XIX в. прекратили свою деятельность. В 1866 г. открывается Майкопская горская школа и предпринимаются меры по созданию начальных училищ в ряде аулов Кубанской области [1].

До 1920 г. на территории с компактным проживанием горцев было построено 5 школьных зданий, первое здание – в 1902 г. Однако в течение последующих десяти лет не было построено ни одного учебного заведения. С 1912 г. по 1920 г. открыли только четыре школы, в отличие от казачьих поселений, где было построено девять новых школ. Ситуация изменилась за первые пять лет государственности Адыгеи (Черкесская [Адыгейская] автономная область учреждена Постановлением Президиума ВЦИК 27 июля 1922 г.). На территории области в 1922 / 23 учебном году было открыто 41 адыгейская и 38 русских школ. В них обучалось более 5 тыс. учащихся. В г. Краснодаре открыли девятиклассную школу с интернатом. Такая организация образовательного процесса позволило 120 детям из области учиться и жить в г. Краснодаре [2, с. 23]. За период с 1922 г. по 1927 г. количество школ в Адыгее достигло 118, а охват учащихся вырос с 1 910 чел. до 9 027 чел. [3, л. 149, 174].

Приход к власти большевиков в октябре 1917 г. коренным образом изменил содержание национальной политики государства, в том числе, в сфере образования.

В имперский период внутренняя политика государства определялась лояльностью или отсутствием таковой со стороны малочисленных народов окраин России, за исключением Царства Польского (1815–1915 гг.) и Великое княжество Финляндское – генерал-губернаторство в составе Российской империи (1809–1917 гг.). Большевики же в своих программных заявлениях придерживались принципов равенства народов, что во многом обеспечило им поддержку со стороны национальных меньшинств Советской

России. Эти положения нашли свое отражение и в ходе создания в декабре 1922 г. союзного государства СССР. Реализация образовательной политики в СССР стала продолжением основных принципов, заложенных в первых декретах большевиков.

Началом борьбы с безграмотностью можно считать декабрь 1917 г., когда в структуре Народного комиссариата просвещения был создан внешкольный отдел, в последующем переименованный в Главполитпросвет. Большевики, осознавая значение и роль грамотного гражданина в формировании новых органов власти, перспектив социалистического строительства, особое место отводили процессу обучения населения. В 1918 г. были изданы декреты, регулирующие взаимоотношения власти и сферы школьного образования, которые заложили принципы советской трудовой школы: «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», «Положение о единой трудовой школе РСФСР», «О школах национальных меньшинств». Декрет Народного комиссариата просвещения от 31 октября 1918 г. РСФСР «О школах национальных меньшинств» гарантировал получение образования всем национальностям Советской России и организацию обучения на родном языке. В июне 1920 г. была учреждена Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности, которая стала центральным органом по координации заинтересованных структур ликбеза. Так формировалась правовая база для новой советской образовательной среды, составной частью которой стал национальный компонент. Было предоставлено право создавать национальные школы или отдельные национальные группы. Это решение во многом было предопределено тем, что среди малочисленных народов носителем русского языка выступал узкий круг лиц. На территории Кубано-Черноморской области, после ухода частей белой армии, в апреле 1920 г. областной революционный комитет принял соответствующее постановление о создании национальных школ, в том числе для горцев. К началу реализации проекта грамотность среди горцев (черкесов) составляла 4–5 %. Этот показатель существенно уступал уровню грамотности среди русскоязычного населения Черкесской (Адыгейской) автономной области, который составлял примерно 15 %. Но изначально органы власти автономии столкнулись с проблемами адыгской письменности. Одной из главных задач начального этапа формирования школьного образования, ликвидации безграмотности среди населения было составление алфавита с учетом особенностей адыгского языка и сохранения самобытной культуры. До революции были созданы несколько вариантов алфавита на основе арабского языка, но они не получили широкого распространения. Вместе с тем, арабский язык продолжал изучаться в духовных школах-медресе и начальных классах до 10 лет.

В 1918 г. был издан «Адыгейский букварь» под редакцией С.Х. Сиюхова, И.З. Хидзетля, который стал основным учебником для национальной школы. В последующем, для скорейшего решения поставленных задач в 1927 г. был принят алфавит на основе латинской графики, а в 1937 г. его заменили на кириллическую. Работали над этим проектом лингвист-кавказовед Н.Ф. Яковлев и адыгейский исследователь Д.А. Ашхамаф.

В автономии, несмотря на существующие объективные трудности, безграмотность была ликвидирована к 1933 г. Однако следует отметить, что рецидив безграмотности среди взрослого населения существовал.

Успехи были в области школьного образования. В 1930-х гг. сформировалась структура всеобщего образования, удалось преодолеть кадровый дефицит преподавателей из числа коренного населения. Национальный язык, адыгский, применялся при обучении в начальной и неполной средней школе.

В течение 1920–1930-х гг. были выполнены задачи первого этапа, когда необходимо было создать материальную базу для школ первой ступени и подготовить педагогические кадры. Проведенная работа, в течение первых двадцати лет государственности Адыгеи, способствовала увеличению количества школ в 3 раза, а учащихся – в 8 раз. Государственная политика в области образования и обучения педагогических кадров позволила подготовить специалистов со средним специальным и высшим образованием.

Была организована целенаправленная работа по подготовке педагогических кадров на базе Адыгейского отделения Краснодарского педагогического института и Адыгейского педагогического техникума, открытого в 1925 / 26 гг. В 1935 / 36 учебном году Адыгейское отделение пединститута выпустило 37 специалистов-черкесов. Общее количество черкесов-преподавателей, работающих в школах, в середине 1930-х гг. достигло 326 человек. С целью поддержания профессионального уровня преподавателей в практику вошла организация летних курсов повышения квалификации. Эти мероприятия были составной частью проводимой национальной политики большевиков в отношении малочисленных народов в области образования.

Необходимым условием развитием национальной и советской трудовой школы было обеспечение образовательных учреждений учебниками и пособиями на русском и адыгейском языках. К середине 1930-х гг. Адыгейское национальное издательство справлялось с планом издания учебников на адыгейском языке для начальной и неполной средней школы. Как свидетельствуют отчеты Адыгиздата школы области были полностью обеспечены учебниками по основным дисциплинам [4, л. 30].

Но по-прежнему проблемой оставался охват детей школьного возраста и качество их обучения. Большая часть учащихся области ограничивалась получением начального образования или семилетки: 69 % от общей численности школьников были учениками 1–4 классов (начальная школа), 26,6 % – учениками 5–7 классов (средняя школа) и только 4,4 % являлись старшеклассниками (ученики 8–10 классов). В 1922 г. на территории области работало 79 школ, а в 1940 г. – 239, с охватом 40 400 учащихся. Общее количество учителей составляло 1 600 чел. [5, с. 126].

Ситуация осложнилась в 1929/30 гг., когда область перешла досрочно к обязательному обучению для детей восьмилетнего возраста в 19-ти населенных пунктах и к семилетнему образованию. Площади образовательных учреждений уже не могли удовлетворить рост контингента учащихся, поэтому для школьных нужд в сельской местности конфисковывали дома зажиточных граждан.

Школьное образование в середине 1930-х гг. характеризовалось следующими показателями: введено в строй новых школ – 49, в том числе в 1935 г. – 26; неполных средних школ – 25, в том числе в 1935 г. – 11. Общее количество учащихся в этих образовательных учреждениях составляло 11 608 чел. Но система школьного образования Адыгейской автономной области испытывала серьезные материальные затруднения. Одиннадцать неполных средних школ области не имели своих зданий, 30 школ размещались в непригодных помещениях, например в а. Панахес, Красном селе, хут. Чабанове и др. Так на 1935 / 36 учебный год для начальной школы в целом требовалось 451 классных комнат, а фактически было 279 [6, л. 163, 164]. Например, в Кошехабльском районе с 1935 г. по 1937 г. было построено только 2 начальные школы и 1 неполная средняя школа. Общее количество учащихся составляло 5 318 чел. Уровень посещаемости достигал 80–93 %. Самые низкие показатели посещаемости были в школах населенных пунктов Натырбово, Кошехабля и Джерокая. В школах работали 182 преподавателя, в том числе 56 адыгейцев [7, л. 60, 61]. В Красногвардейском районе к концу 1930-х гг. функционировали 32 школы с количеством учащихся 7 333 чел., в том числе 6 средних школ с охватом 2 031 чел.; начальных школ 19 с количеством учеников 1 846. За период с 1939 / 40 гг. в районе были построены одна неполная средняя школа и три средних школ. Образовательный процесс обеспечивали 267 преподавателей, из них с высшим образованием 33 чел., с средним образованием 198 чел. Уровень успеваемости достигал лишь 72,6 % [8, л. 73]. Эти показатели были характерны всех районов Адыгейской автономной области.

Задачи в области национально-культурного строительства в 1930-е гг. в Адыгее состояли не только в ликвидации неграмотности, но и всестороннем развитии национальной культуры по форме и социалистической по содержанию. Формирующаяся новая советская образовательная среда в национальной автономии определяла перспективы экономического развития, так как становилась базой подготовки кадров для местной

экономики. В период 1934–1937 гг. количество школ в Адыгее увеличилось с 174 до 220, в том числе было открыто 13 средних школ. Расширение образовательной сети позволило организовать обучение 23 000 детей школьного возраста [9, л. 155].

При всех успехах и достижениях в строительстве советской образовательной системы, организации обучения детей школьного возраста необходимо отметить и недостатки, в первую очередь, наличие дефицита педагогических кадров, их профессиональной подготовки, невысокий уровень успеваемости, посещаемости учебных занятий учащимися области.

Процесс формирования школьной образовательной среды в Адыгее в 1920-е – 1930-е гг. можно условно разделить на два этапа – на первом, это создание национальной письменности, национальной школы, а на втором, становление советской образовательной системы. При наличии объективных сложностей в ходе реализации культурной революции в СССР национальные образования, в том числе и Адыгейская автономная область, получили государственную поддержку, которая позволила сформировать национальные кадры и создать условия для активного участия населения в социалистической модернизации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бузаров К.И. Развитие народного образования в Адыгее (II половина XVIII века – I половина XX века. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm> (дата обращения 03.10.2022 г.).
2. Кагазежев Р. Б. Национальная государственность и ее влияние на социально-экономическое и культурное развитие Адыгеи (1917–1940 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2017. 27 с.
3. Национальный архив Республики Адыгея (НАРА). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 702.
4. НАРА. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 780.
5. Шхачемуков Р.М. Социальный портрет республики Адыгея в советский период // Вестник Южного научного центра. Том 9. № 3. 2013. С. 124–129.
6. НАРА. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 702.
7. НАРА. Ф. П-5. Оп. 1. Д. 2.
8. НАРА. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 12.
9. НАРА Ф. П-1. Оп. 2. Д. 45.

ОСНОВНЫЕ СОБЫТИЯ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА В РАЗЛИЧНЫЕ ПЕРИОДЫ ИСТОРИИ СССР

Ж.О. Абрегова, Н.П. Мудрова

ПРОТОКОЛ ПЕРВОГО ОБЩЕГОРОДСКОГО СЪЕЗДА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ АУЛОВ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ И ЧЕРНОМОРСКОЙ ГУБЕРНИИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК РЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА

Аннотация. Делопроизводственные материалы государственных архивов остаются не до конца вовлеченные в научный оборот. В работе подвергается анализу один из таких источников (протоколов), привлечение которого позволило получить сведения о событиях, происходивших в изучаемый период в Кубанской области, связанных с перспективами решения национального вопроса среди представителей казачества, иногородних и горцев.

Ключевые слова: делопроизводственные материалы, протокол, источниковедение, съезд, национальный вопрос.

PROTOCOL OF THE FIRST CITYWIDE CONGRESS OF REPRESENTATIVES OF AULS OF THE KUBAN REGION AND THE BLACK SEA PROVINCE A HISTORICAL SOURCE OF THE REVOLUTIONARY PERIOD

Abstract. The paper studies the problem of the office materials of state archives that are not fully involved in scientific circulation. The scientific article analyzes one of these sources (protocols). Its involvement would make it possible to obtain information about the events that took place during this period in the Kuban region. The author reveals the prospects for resolving the national issue among representatives of the Cossacks, non-residents and highlanders.

Keywords: office materials, protocol, source studying, congress, national question.

Делопроизводственные материалы, составляющие основную массу исторических источников, государственных архивных комплексов, по сей день не привлекаются в полной мере в научно-исследовательских кругах. Включение подобного рода источника в исследовательский оборот, дает возможность изучить процессы и явления с другой стороны, раскрыть внутрискруктурные связи и отношения [3, с. 70–76]. Обращаясь к данному типу исторических источников, необходимым является выяснение этимологии понятия «протокол», который от греч. *protokollon* – первый лист, прикрепляемый к свитку манускрипта, представляющий официальный документ, в котором закреплена соответствующая информация [5, с. 1449].

В историческом исследовании делопроизводственный материал чаще всего остается без должного источниковедческого анализа [1, с. 407]. В свою очередь, тщательно проведенная внешняя и внутренняя критика подобного материала позволяет сгенерировать представления о том историческом процессе, в рамках которого привлекается подобный материал. В данном материале удалось выяснить уровень интересов различных слоев горского населения.

Проблема изучения делопроизводственных материалов занимались ряд известных источниковедов не только с позиции как источника в его видовой особенности, но и с позиции материала, в котором отражен дух исследуемой эпохи [2]. Источниковедческий анализ делопроизводственного материала носит значимый характер, является актуальным на сегодняшний день, однако не до конца изучен.

Политические события, с которыми столкнулось наше государство после свержения самодержавной власти, образование новой правящей структуры, в лице Временного правительства, заложило важную основу для решения демократических преобразований, в том числе в отношении национальных взаимоотношений. Особенно остро данная проблема ощущалась на местах. В нормативных документах Временного правительства от марта 1917 г. поднимался вопрос об отмене ограничений, относящихся к национальному вопросу. Учитывая факт провозглашения России демократическим государством были намечены перспективы, решения данной проблемы. Съезды представителей казачества, иногородних и горцев Кубанской области стали одной из моделей обсуждения данной проблемы. Это нашло отражение в ряде документов, сохранившихся в местных архивах. В частности, интерес представляет протокол регионального общегородского съезда от 23–30 августа 1917 г. в а. Хакуринохабль [4].

Противоречивая, не стабильная ситуация в стране, привела к осознанию на местах значимого факта, связанного с необходимостью разработать единый подход по решению национального вопроса в северокавказском регионе. Благодаря грамотно выстроенным действиям в решении данного вопроса позволит в дальнейшем обеспечить доброжелательное отношение между пестрым населением Кубанской и Черноморской территориями по отношению к друг другу. В этом плане особую значимость приобретает признание и поддержка съездом февральской буржуазно-демократической революции. Это находило отражение в стремлении закрепить и защитить ее завоевания. В частности, предполагалось реорганизовать кубанскую милицию на демократических началах, переименовав ее в народную, помимо этого, ее содержание предполагалось осуществлять за счет местного населения. В свою очередь, народная милиция должна была защищать жизни и имущество мирного населения, бороться с грабежами, разбоями и воровством.

С целью недопущения межнациональных конфликтов учитывалась чрезвычайная политическая ситуация, предполагалось разрешить ношение холодного и огнестрельного оружия всем горцам за исключением принятых в армии. В этой связи необходимым становится создание координационного центра.

Завершающим шагом в проведенной работе становится образование областного горского комитета Кубанской области и горский совет, в состав которого вошли представители местных народов, приступившие сразу же к своим непосредственным обязанностям [4]. На собрании делегаты приняли решение об образовании соответствующего структуре фонда «для которого лица мужского пола всего горскаго населения области облагаются по одному рублю» [4]. Собранные средства предполагалось распределять на содержание подразделений.

О ситуации, связанной с решением о национально-политических задачах горцев выступил член Кубанского областного исполнительного комитета Султан-Хашим-Гирей. По результатам съезда было принято решение, согласно которому демократическая форма правления была признана необходимой на территориально-федеративных началах областной автономии [4]. Предполагалось осуществить территориальное и административное деление в ходе введения автономии в северокавказском регионе, при этом учитывая экономические, социальные и духовные особенности. Затрагивался вопрос взаимодействия между горцами и казаками.

Помимо этого, значимым в этом процессе был учет рассредоточенности горского населения Кубанской области, более того предполагалось обратить внимание на центры, которым в итоге становится Екатеринодар. На территориях, где проживало русское население, в ходе формирования администрации учитывалось право представительств от меньшинства [4]. В частности, была принята специальная резолюция по народному образованию: признавалась необходимость всеобщего обязательного обучения детей; в каждом ауле предлагалось открывать пятилетнюю начальную школу с преподавателем на родном языке; в каждом отделе создать для горцев по одному училищу с ремесленными отделениями; открыть горско-мусульманскую учительскую семинарию во Владикавказе; увеличить число горских стипендий в Екатеринодарской фельдшерской школе и Ставропольской мужской гимназии; преобразовать Хакуриновское одноклассное училище

в двухклассное с ремесленным отделением и общежитием. Данные решения приобрели характер демократических шагов, носивших значимую роль вместе с другими (политическими и социальными) преобразованиями.

Позже по результатам, принятым горским комитетом, было принято решение в отношении населения области в соответствующем обращении, в котором разъяснялся смысл данного исторического процесса, который направлен на соблюдение значимых принципов, осуществляемых в ходе революционных преобразований в русле демократии. Преамбула документа в источниковедческом плане представляет определенную значимость, в ходе ее анализа становится очевидным роль и значимость Центрального органа. Именно он мог выступать в качестве генератора и транслятора жизни всего северокавказского общества, выражать их волю, в том числе в задокументированном виде.

Среди основных представляется возможность выделить ряд задач, а именно осуществление поддержки революции, противостояние контрреволюции, более того был намечен процесс подготовки горского населения к участию в выборах в Учредительное собрание, в свою очередь предусматривалась охрана порядка и сохранение мира в аулах. Предполагалось пресекать, любые провокационные действия «безответственных лиц и групп». Активно предполагалось осуществлять проведение пропагандистской работы, культурной и просветительской деятельности, включая и общественные выступления.

Особенное значение имело решение съезда по вопросу турецко-подданных горцев, учитывая демографические последствия Кавказской войны, «высланных из пределов Кубанской области» [4]. Предполагалось обратиться с просьбой к Временному правительству о принятии распоряжения об их возвращении на Родину, учитывая то обстоятельство, сто горское население, покинувшее по религиозным и политическим побуждениям родину после того, как закончится война возвратиться в страну, с сохранением своих гражданских прав [4].

Решение национального вопроса, было достаточно неоднозначным, вследствие чего, происходит разделение среди участников, на тех, кто придерживается автономного вхождения региона в состав новообразованного государства и тех, кто выступает за единую страну, в которой нет возможности в прямой или косвенной форме иметь возможность отделения [4].

Таким образом, проведенный источниковедческий анализ делопроизводственного документа, позволил пролить свет на события, с которыми столкнулась наша страна, более того взглянуть на изучаемый период с локальной стороны, проследить этнополитическую атмосферу, которая присутствовала среди элит региона в один из непростых, в то же время значимых, переломных моментов нашей истории.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Данилевский И.Н. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие для студентов вузов / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева; Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ин-т «Открытое общество». М., 2000. С. 407.

2. Кабанов В.В. Источниковедение истории советского общества. Курс лекций. М., 1997; Данилевский И.Н. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие для студентов вузов / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева; Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ин-т «Открытое общество». М., 2000; Гуров С.И. Фонд документов екатерининской Коллегии Экономии. Общее и специальное делопроизводство: дис. ... канд. истор. наук. М., 2003; Соколов А.К. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика / А.К. Соколов, Ю.П. Бокарев, Л.В. Борисова и др. / под ред. А.К. Соколова. М., 2004; Виноградова Т.В. Организация делопроизводства губернских административных учреждений Российской империи в первой половине XIX века: на материалах Олонецкой губернии: дис. ... канд. истор. наук. М., 2004; Куненков Б.А. Посольский приказ в 1613–1645 гг.: структура, служащие, делопроизводство: дис. ... кандидата исторических наук. Брянск, 2007; Можаяев А.В. Влияние административных реформ на государственное делопроизводство России: дис. ... кандидата исторических наук. М., 2009; Цунаева Е.М. Делопроизводственная документация учреждений военного плена НКВД/МВД СССР и органов управления ими как исторический источник: 1939–1953 гг.: автореферат дис. ... канд. истор. наук. Волгоград, 2010.

3. Махлай М.Ф. Делопроизводственные документы центральных учреждений как источник по истории казенной промышленности Российской империи конца XIX – начала XX века // Вестник Удмуртского университета 2011. Вып.1. С. 70–76.

4. Национальный архив Республики Адыгея. Ф. 21. Оп.1. Д. 779. Л. 146; Центр документации новейшей истории Краснодарского Края (ЦДНИРО). Ф. 12. Оп. 2. Д. 184. Л. 1.

5. Толково-энциклопедический словарь «Норин». СПб, 2008. С. 1449.

Н.Б. Аюева

ПРЕДАТЕЛИ РОДИНЫ НА СЛУЖБЕ У ОККУПАНТОВ

Аннотация. В статье рассматриваются причины предательства бывших советских граждан, их служба у немцев на оккупированной территории СССР, издевательства над мирными гражданами, совершаемые ими вместе с немецкой оккупационной администрацией.

Ключевые слова: мирные граждане, оккупация, фашизм, предатели, преступления, судебный процесс.

TRAITORS OF THE MOTHERLAND IN THE SERVICE OF THE INVADERS

Abstract. The article deals with the reasons for the betrayal of former Soviet citizens, their service with the Germans in the occupied territory of the USSR, the mockery of civilians committed by them together with the German occupation administration.

Keywords: civilians, occupation, fascism, traitors, crimes, trial.

В связи с реалиями современной международной обстановки, когда открыто идет пересмотр результатов Второй мировой войны, актуализируется проблема оккупационного режима, установленного на некоторых территориях Советского Союза. Фашисты и их пособники объявляются освободителями, им ставят памятники, западные историки редко пишут о злодеяниях фашистов на оккупированных территориях, о миллионах погибших мирных жителей. Замалчивается роль советских солдат, спасших мир от фашизма.

Оккупационный режим был установлен фашистами с целью извлечения максимальной экономической выгоды с захваченных территорий. Это достигалось за счет ограбления ресурсов, имеющихся, в частности, на Кубани, принудительного труда жителей, насильственной мобилизации и угона населения в Германию, где они обеспечивали бесперебойную работу немецких предприятий.

Террор, организованный нацистами на временно оккупированных территориях, являлся целостной государственной системой. Все структуры нацистской власти были ориентированы на уничтожение своих противников по расовому, национальному, религиозному, политическому мотивам. Вермахт воспринял эти идеи, поэтому не только специальные карательные органы, но и солдаты и офицеры немецкой армии участвовали в массовых преступлениях против мирного населения, что убедительно доказали некоторые немецкие и российские исследователи.

В тоже время документы свидетельствуют, что в злодеяниях над советскими гражданами участвовали бывшие советские люди, вставшие на путь предательства своей Родины.

Источником для статьи послужили материалы дела № 1139 «Докладные записки начальника управления контрразведки об отрицательных явлениях в дивизии, итогах следствия по делу о зверствах немецких пособников и др.», отложившиеся в Центре документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК).

Начальник отдела контрразведки «Смерш» отдельной Приморской армии гвардии полковника Шандрин в своей докладной записке секретарю Краснодарского крайкома ВКП(б) тов. Селезеву отмечал, что при оперативной зачистке освобожденных от немецкой оккупации территорий Крыма в апреле 1944 года в городе Джанкой была арестована группа полицейских Джанкойской ж/д полиции. В ее состав входили три человека.

Кроликов Анатолий Григорьевич, 1894 года рождения, уроженец деревни Асмань Дмитровского района Курской области из семьи крестьян. Был судим в 1933 году по ст. 109 УК РСФСР. Он начал службу полицейским в октябре 1942 года. За проявленную активность был повышен немцами и занял пост начальника политического сыска, а через несколько месяцев – шефом полиции Северной части Новороссийска.

Сперанский Виктор Михайлович 1907 года рождения был уроженцем города Новая Бухара Узбекской ССР. Происходил из семьи служащих, работал таксировщиком на ж/д станции Новороссийск. В период оккупации работал следователем в полиции, затем начальником отдела политического сыска. По служебной лестнице двигался вместе с Кроликовым.

Саркисов Сурен Парсодонович, 1907 года рождения из деревни Годарют Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР. Его отец-армянин работал подрядчиком. Сам Саркисов служил главстаршиной ВМ Черноморского флота. В ходе следствия был разоблачен как руководящий сотрудник полиции Новороссийска, бежавший вместе с отступающими фашистами в 1943 году в Крым. Он сознательно остался во временно оккупированном городе и добровольно поступил на службу в полицию, возглавляемую Кроликовым, являясь исполнителем пыток и истязаний советских граждан, угона жителей в Германию.

Все трое подсудимых были тесно связаны с разведывательными, контрразведывательными и карательными органами оккупантов и их официальными сотрудниками: начальником гестапо Северного района города немецким офицером Людвигом Гофманом, военным комендантом – штаб-фельдфебелем Эрихом Райхом, начальником спецкоманды гестапо Шмидтом, работником германской контрразведки Рудольфом, палачем жандармерии – обер-ефрейтором Михелем и др.

Кроликов и его полицейский аппарат в 90 человек занимались массовым предательством коммунистов, партийно-советского актива.

7 января 1943 года Кроликов и Сперанский выявили и передали немцам для расстрела 25 человек коммунистов. Среди них – Громов, Панин, Купчинин, Новиков и др.

Сперанский дал показания, что Саркисов избивал арестованных шомполами, а затем сплел себе плетку из стальных проводов, бил и истязал как по указанию Кроликова, так и по собственной инициативе. Он избил в лагере плетью арестованную жительницу Новороссийска Павлюченко за ее заявление, что частями Красной армии была занята станция Крымская.

Сперанский арестовал и передал гестапо партизан Киньтюхина, Белоусова, Пономаренко, Танкевича и др., о дальнейшей судьбе которых не известно. В целях выявления оставшихся в городе коммунистов Сперанский в декабре 1942 года завербовал местного жителя Петренко Григория в качестве агента под псевдонимом «Быков». Затем получил от него список 9 коммунистов, которых передал Кроликову для репрессирования.

При участии агентов, а также Кроликова и Сперанского в июне 1943 года были выявлены действовавшие в районе Новороссийска партизанские группы Островерхова и Попова. 22 участника этих групп вместе с руководителями были арестованы, подверглись избиениям на допросах, затем расстреляны.

Допрошенный в качестве свидетеля бывший полицейский Новороссийской полиции И.П. Игнатович показал, что Кроликов, Сперанский и Саркисов зверски избивали Островерхова, его крики были слышны по всему зданию.

В результате предательства Сперанского как ж/д работника им было выявлено в депо Новороссийска 19 коммунистов, которых после пыток расстреляли.

Саркисов арестовал депутата Новороссийского горсовета М.С. Ретюнскую. По приказанию Кроликова бросил ее в камеру смертников, а затем подвергал зверским избиениям прикладом винтовки и стальной плетью. Он испражнялся в ее присутствии, заставлял есть его испражнения, дважды инсценировал обстановку ее расстрела.

Таким же образом Саркисов издевался над арестованной – депутатом горсовета 60-летней Тимеркаевой, советской патриоткой Шамлевой, женой партизана Полетаевой и др.

При бегстве немцев из города, Кроликов, Сперанский, Саркисов и др. полицейские организовали угон советских граждан в рабство – до 15 тыс. человек [1].

На судебном процессе свидетелями выступали Т.С. Аншлогова, И.И. Казак, Ф.Т. Политаева, М.В. Скакунова, М.И. Мандровский, А.В. Золотько, В.В. Расстригина, А.К. Игнатович, В.А. Темеркаева, Е.А. Алешина, М.П. Ягунова, Г.Е. Данилов, М.С. Ретюнская.

3 июня 1944 года свидетель учительница Новороссийска Козлова рассказала, что в сентябре 1942 года к клубу им. Маркова были подвезены 20 молодых девушек, которых раздели догола и казнили [2].

12 июля 1944 года военным трибуналом отдельной Приморской армии в закрытом судебном заседании в городе Симферополе в составе: председателя – майора юстиции Гундорова, членов – майора юстиции Кострова, старшего лейтенанта Котлярова, секретаря лейтенанта Палашавчука был вынесен приговор № 223.

Рассмотрев дело по обвинению Кроликова и Сперанского в преступлениях, предусмотренных ст. 58-1А УК РСФСР (измена Родине), Саркисова по ст. 58-16 УК РСФСР (измена со стороны военного персонала), суд приговорил их к расстрелу с конфискацией всего лично принадлежащего им имущества [3].

Официальные документы, воспоминания жителей Кубани аккумулировали в себе представления о событиях оккупации, злодеяниях фашистов. Они играют важную роль в формировании локального социокультурного пространства кубанских станиц и городов в 1942–1943 гг., открывают новые стороны жизни наших земляков в эти страшные годы.

Страны и народы должны предпринять все усилия, чтобы не допустить новых военных столкновений, возрождения фашизма.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 1139. Л. 12–13 об.
2. Там же. Л. 15 об. – 17 об.
3. Там же. Л. 21.

З.П. Бердиев

РЕПРЕССИЯ ПЕРВОГО СЕКРЕТАРЯ КАРАЧАЕВСКОГО ОБЛАСТНОГО КОМИТЕТА ВКП(б), ЛИТЕРАТОРА ХАСАНА АЛИЕВИЧА АППАЕВА

Аннотация. Рассмотрена репрессия Хасана Алиевича Аппаева. Актуальность статьи в том, что, во-первых, сталинская эпоха – сложный и дискуссионный период нашей истории, во-вторых, тема данного исследования затронута впервые. На современном этапе появились условия более полного изучения проблемы сталинских репрессий, с одной стороны, благодаря частичному открытию архивов партийных и чекистских органов, а с другой стороны – большей свободе в методологии изучения проблемы. Систематизация и обобщение опыта изучения масштабов и форм репрессий, особенно в регионах, позволит более полно определить их перспективы. Судьба Хасана Алиевича Аппаева – литератора и общественно-политического деятеля Карачая 1930-х гг., безвинно и необоснованно ставшего очередной жертвой сталинской тоталитарной политической системы, еще раз доказывает ее кровавый, антинародный характер.

Ключевые слова: диктат ВКП(б), сталинский террор, беззаконие и произвол, правовая реабилитация.

**REPRESSION OF THE FIRST SECRETARY
OF THE KARACHAY REGIONAL COMMITTEE
OF THE ALL-UNION COMMUNIST PARTY (BOLSHEVIKS),
WRITER KHASAN ALIEVICH APPAYEV**

Abstract. The repression of Khasan Alievich Appayev is considered. The relevance of the article is that, firstly, the Stalin era is a complex and debatable period of our history, and secondly, the topic of this study is touched upon for the first time. At the present stage, conditions have appeared for a more complete study of the problem of Stalin's repressions due to, at least partially, the opening of the archives of party and Chekist bodies, and on the other hand, greater freedom in the methodology of studying the problem. Systematization and generalization of experience in studying the scale and forms of repression, especially in the regions, will make it possible to more fully determine their prospects. The fate of Khasan Alievich Appayev, a writer and socio-political figure of Karachay in the 1930s, who innocently and unreasonably became another victim of Stalin's totalitarian political system, once again proves its bloody, anti-people character.

Keywords: Dictate of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), Stalin's terror, lawlessness and arbitrariness. Legal rehabilitation.

«...На протяжении 1935–1937 гг. лично завербовал в организацию для вредительской работы и подготовки вооруженного восстания в Карачае против Советской власти в момент военного нападения на СССР 6 человек: Урусова Мудалифа Аслан-Мурзаевича... Абазалиева Локмана Кашиковича... Кипкеева Магомета... Узденова Тана... Байрамукова Аскера Ходжаевича... (все арестованы) и Гербекова Али-Султана... (осужден)».

Из обвинительного заключения на «бывшего участника кулацко-белогвардейского восстания против Советской власти в Карачае в 1920 году», «одного из руководителей антисоветской организации буржуазных националистов КАО» Х.А. Аппаева. 30 апреля 1939 г. Город Микоян-Шахар.

Хасан Алиевич Аппаев – общественно-политический деятель 1930-х годов, литератор, первый советский карачаевский романист. Его первые литературные опыты были опубликованы еще в 1928 г. Главным произведением стал роман в двух книгах «Къара кюбюр» («Чёрный сундук», 1935–1936 гг.) [1], повествующий о дореволюционном быте карачаевцев и социальных противоречиях конца XIX – первой трети XX веков. Вот как писал он сам в дополнении к параграфу 18 личного листка по учету кадров: «Написал первую художественную прозу на Карачаевском языке (исторический роман, под названием «Черный Сундук»). 1-я Книга издана Нациздательством в 1935 году, 2-я Книга издана в 1937 году» [3, л. 37].

Родился он в селении Карт-Джурт Баталпашинского отдела Кубанской области 22 июля 1904 г. Свое социальное происхождение определял как «крестьянин-батрак» [3, л. 10]. В 1916 г. «учился в сельской школе первой ступени» [3, л. 10], в 1917 г., для материальной поддержки семьи, отец отдал его «в наймы местному учителю Ауману», которому за право пользоваться $\frac{1}{8}$ школьного огорода и за периодические подачи старых вещей, наряду с учебой в аульной школе, «работал по его хозяйственным поручениям (рубка дров, носка воды, топка печей, кипячение чая и т. д.)». Как писал в автобиографии Хасан Алиевич, после отъезда этого учителя из аула, чтобы научиться грамоте и помогать отцу «в мытье полов местного правления и подметания двора, так как он по старческой слабости не справлялся с работой уборщика и ему грозило увольнение ... в 1918 г. бесплатно устроился переписчиком к аульному писарю. В том же 1918 г., в конце, меня и отца уволили. Причиной увольнения послужили то, что в пьяном виде писарь Несмашный грубо оскорбил меня и ударил по голове, а я в ответ перочинным ножом ранил его в руку (орфография документа сохранена. – авт.)» [3, л. 33]. После – «бывал разновременно в батраках» [3, л. 10].

В начале 1923 г. он вступил в комсомол и вместе с товарищами, прибывшими из Баталпащинского Отдельского комитета, организовал первую комсомольскую организацию, в которой работал секретарем около года. В 1925 г. в ауле Каменноосте принят в кандидаты ВКП(б) Карачаево-Черкесским Оргбюро, переведен в члены партии 13 марта 1927 г. Карачаевским областным комитетом ВКП(б) [3, л. 35]. По другим сведениям, был принят в партию «Хумаринским Оргбюро ВКП(б), Карачаевским Обкомом ВКП(б) 9 марта 1927 г.» [3, л. 2 об.].

Он свободно говорил по-русски [3, л. 2], читал и переводил с немецкого языка со словарем [3, л. 11]. В 1925 г. Карачаево-Черкесское Оргбюро РКП(б) командировало его на одногодичные «Северо-Кавказские юридические курсы им. т. Курского» в Ростова-на-Дону, т. е. получил «специальное юридическое образование». Вернулся в январе 1927 г. с рекомендацией краевого прокурора об использовании его на прокурорской работе [3, л. 9–10].

С 1927 г. по 1931 г. находился на судебно-прокурорской работе, последовательно: «Пом. Прокурором, народный следователь, окружной прокурор, зам. Пред. Облсуда по уголовному отделу и с 1929 г. по 1931 г. Прокурором Области» [3, л. 35]. В характеристике зам. Секретаря Обкома ВКП (б) Маджида Халилова, утвержденной Бюро Обкома партии 5 ноября 1929 г., после ее утверждения Прокурором автономной области 8 октября того же года, охарактеризован как «Судебно-прокурорский работник. С основной работой как Облпрокурор справляется. ... В партийном отношении выдержан. Обращение с товарищами хорошее» [3, л. 3]. Помимо основной, продолжал М. Халилов, он работал «членом Обл. контрольной комиссии ВКП(б) по Карачаю и членом Обл. Проверкома по проведению генеральной парт-проверки» [3, л. 3]. А сам он писал о своей выборной работе: «... В 1919 г. работал членом Краевой тройки по чистке Карачаевской парторганизации [3, л. 36]. В 1928–1929 гг. был членом Бюро и Пленума Учкуланского Окружкома ВКП(б). ... С мая 1934 г. был членом Бюро и Пленума Карачаевского Обкома ВКП(б) в г. Сулимове и Микоян-Шахаре. С 1929 г. – член Президиума и Пленума Облсполкома. Г. Микоян-Шахар. С 1934 г. – член Президиума и Пленума Горсовета. Г. Микоян-Шахар» [3, л. 25].

В 1931 г. Северо-Кавказским Крайкомом ВКП(б) был командирован в «Индустриальный Институт в счет парт. 5 000, за время нахождения во ВТУЗе был членом бюро Партколлектива и Зав. Культпропом» [3, л. 35; 2, л. 9]. Учился он в городе Новочеркасске «с 8 марта 1931 г. два года на химико-технологическом отделении» [3, л. 10], т. е. получил «неоконченное высшее техническое» [3, л. 19; 2, л. 9] образование. Свою теоретическую подготовку определял как «средняя» [3, л. 2 об.].

В апреле 1933 г. с «Индустриального Института был мобилизован с 4 курса Сев. Кав. Крайкомом ВКП(б) в Карачай Прокурором Области, в связи с кубанским саботажем для ликвидации саботажа, организованного кулачеством». С сентября 1934 г. – Заместитель Секретаря обкома партии, с февраля 1935 г. – Заведующий Сельхозотделом того же Обкома [3, лл. 35–36]. 7 апреля 1935 г. на вопрос «Имеет ли научные труды и изобретения и по каким вопросам» отвечал – «2 брошюры по животноводству и 1 об охране собственности публицистического характера – изданы в 1934–35 гг. Карнац-издатом на карачаевском языке» [3, л. 19 об.]. А как основное занятие, дающее средства к существованию, сам же отметил – «служащий по линии юстиции» [3, л. 2].

С мая 1935 г. по 19 сентября 1936 г. – Заведующий Отделом руководящих партийных органов (ОРПО) Обкома партии, с 19 сентября 1936 г. по май 1937 г. (протокол № 114 Бюро СК Крайкома) – 2-й секретарь Обкома ВКП(б). В мае 1937 г. был избран 1-м секретарем Обкома партии (протокол № 6 от 9 июля 1937 г. Бюро СК Крайкома) [3, л. 18]. На вопрос анкеты: «Подвергался ли партвызысканиям за время пребывания в ВКП(б)» отвечал – «В 1931 г. Крайкомом ВКП(б) в Ростове-на-Дону за участие в склоке выговор. Выговор был снят через 3 месяца» [3, л. 13 об.]. В дальнейшем, он проходил чистку 1933–1934 годов. Зав. ОРПО Северо-Кавказского Крайкома ВКП(б)

А. Шацкий писал 16 октября 1935 г., что «партийность его сомнения не вызывает» [3, л. 17]. Тем не менее, Бюро Карачаевского обкома партии 3 октября 1937 г. постановило: «Аппаева Хасана, снятого решением Крайкома ВКП(б) с работы секретаря Обкома ВКП(б), исключенного из партии и арестованного как врага, буржуазного националиста исключить из состава членов бюро и пленума Обкома» [4, л. 174].

Согласно анкете арестованного, на тот момент семья его состояла из: «жена – Екатерина Юльевна Аппаева; сын – Хаджи-Мурат, 3 года; дочь – Саида; дочь – Тамара, 13 лет; дочь – Меньшинская Ванда Владиславовна – 8 лет» [2, л. 9 об.].

5 октября 1937 г. сотрудник Управления НКВД (УНКВД) КАО Мартиросов, на основании ордера № 178, произвел обыск у Хасана Аппаева, проживавшего в г. Микоян-Шахаре, по ул. Евдокимова, дом № 9, кв. 3. Изъяты были для представления в Карачаевское УНКВД:

1. Рукопись книги Черный сундук – 1 папка;
2. Рукопись книги Враги – 1 папка;
3. Личное дело Аппаева – 1 папка ...» [2, л. 8].

По ордеру № 197, выданному 6 октября 1937 г. сотруднику 3 отдела Управления Госбезопасности (УГБ), мл. лейтенанту Госбезопасности Шабанову, был произведен арест Хасана Алиевича Аппаева в г. Ворошиловске [2, л. 7]. Арестованный содержался под стражей в Доме предварительного заключения (ДПЗ) УНКВД г. Ворошиловска [2, л. 9 об.]. Помощник начальника 2 отделения 3 отдела УГБ УНКВД по Орджоникидзевскому краю, лейтенант госбезопасности Сироко 26 декабря 1938 г., усматривая, что «следдело подлежит рассмотрению Уголовно-Судебной Коллегии Облсуда КАО», постановил: арестованного Х.А. Аппаева направить в УНКВД по КАО в город Микоян-Шахар [2, л. 1].

4 января 1939 г. постановлением помощника оперуполномоченного 4 отдела УГБ УНКВД по КАО Жукова было принято к производству следственное дело № 848 по обвинению гр-на Х.А. Аппаева по: статье 58, пункты 2, 7 и 11 и статье 19-58, п. 8 УК РСФСР. Принималось во внимание, что имеющимися в деле материалами последний в достаточной степени изобличается в том, что:

«1. Являлся одним из руководителей антисоветской, буржуазно-националистической, пантюркистской организации в Карачае, действовавшей в блоке с параллельно-существовавшей в Карачае правотроцкистской, вредительско-повстанческой организацией, возглавлявшейся бывшим первым секретарем Карачаевского Обкома ВКП(б) – Маурером.

2. С 1929 года являлся активным участником названной антисоветской организации.

3. Проводил вербовочную работу новых лиц в состав антисоветской к/р организации. Лично завербовал в период 1935–1937 годов – 6 человек.

4. Участвовал в подготовке в Карачае вооруженного восстания против Соввласти» [2, л. 2].

УГБ УНКВД по КАО трижды продлеvalo сроки ведения следствия «с 4 января по 4-е мая 1939 года» [2, лл. 12, 15, 18]. Многомесячное следствие закончилось тем, что начальник 4-го отдела УГБ УНКВД по КАО, лейтенант госбезопасности Чихов 20 апреля 1939 г. постановил, что в отношении Х.А. Аппаева, „бывшего участника к/р восстания и помощника писаря в ауле при белых“, оставить в силе ст. 58, пункты 2 и 11 УК РСФСР, а инкриминируемое обвинение по статьям 58, п. 7 и 19–58, п. 8 УК отменить» [2, л. 6]. Из постановления следственных органов от 25 апреля 1939 г. видно, что Х.А. Аппаев написал заявление на имя прокурора КАО о незаконных методах ведения следствия, которое «было направлено в вышестоящие инстанции для расследования» [2, лл. 433, 434]. Но, положительного результата это не дало. 27 апреля 1939 г. в городе Ежово-Черкесск подследственному Х.А. Аппаеву было объявлено, что «следствие по его делу закончено и будет направлено для рассмотрения в Уголовно-Судебную Коллегию Облсуда КАО» [2, л. 435].

Обвинительное заключение на «бывшего участника кулацко-белогвардейского восстания против Советской власти в Карачае в 1920 году», «одного из руководителей

антисоветской организации буржуазных националистов КАО», бывшего первого секретаря Карачаевского Обкома ВКП(б) – Хасана Алиевича Аппаева было составлено 30 апреля 1939 г. в г. Микоян-Шахаре: «...На протяжении 1935–1937 гг. лично завербовал в организацию для вредительской работы и подготовки вооруженного восстания в Карачае против Советской власти, в момент военного нападения на СССР, 6 человек: Урусова Мудалифа Аслан-Мурзаевича, бывшего райпрокурора Учкуланского р-на; Абазалиева Локмана Кашиковича, бывшего директора Карпедучилища; Кипкеева Магомета, редактора областной газеты; Узденова Тана, бывшего заврайзо Учкуланского р-на; Байрамукова Аскера Ходжаевича, бывшего начальника милиции того же района (все арестованы) и Гербекова Али-Султана, заведующего областным Нациздательством (осужден). Ту же вербовочную работу проводил через бывшего Председателя Карачаевского облисполкома – Боташева Касыма (арестован), с которым был непосредственно связан по контрреволюционно-вредительской работе. Совместно с другими членами организации, проводил в Карачае вредительскую работу в колхозах и др. отраслях местной промышленности, направленную на их развал и вызов массовых недовольств у трудящихся Советской властью ... Виновным себя в начале признал, а впоследствии от показаний отказался. Вследствие изложенного, Аппаев Хасан Алиевич подлежит преданию суду Уголовно-Судебной Коллегии Облсуда по КАО» [2, лл. 437, 438].

5 июля 1939 г. судебно-медицинский эксперт составил следующий акт: «При медосмотре и патолого-анатомическом вскрытии умершего в больнице тюрьмы заключенного Аппаева Хасана Алиевича оказалось, что покойный болел:

1. Хроническим туберкулезным кавернозным процессом с казеозным распадом в обоих легких.

2. Сосочковым эпикардитом.

3. Склерозом сердца.

4. Хронической малярией.

5. Туберкулезом кишечника.

6. Общим истощением» [2, л. 442].

Исполняющий обязанности Прокурора КАО Щербинин, рассмотрев 17 июля 1939 г. дело № 848 по обвинению Х.А. Аппаева по статьям 58.2 и 58.11 УК РСФСР, возвращенное Прокуратурой СССР 16 июня 1939 г. для личного доследования Облпрокурором, «нашел, что обвиняемый Аппаев умер 4 июля 1939 года в Черкесской тюрьме от туберкулеза легких, а посему, руководствуясь 1-м пунктом 4-й статьи УПК постановил: дело в отношении Аппаева Хасана Алиевича производством прекратить за смертью...» [2, л. 445]. Следовательно, бытующее в литературе мнение, что он был арестован и расстрелян 12 сентября 1938 г., согласно этим документам, является неверным.

Как видно, дело было прекращено, просто, за смертью обвиняемого; о реабилитации в конце 1930-х годов речи, естественно, не шло. Понадобились долгие 18 лет, чтобы справедливость восторжествовала. Постановлением начальника следственного отдела Управления КГБ при СМ СССР по Ставропольскому краю, полковника Корчагина 14 мая 1957 г. было «...установлено, что Аппаев был арестован и обвинен в принадлежности к антисоветской организации необоснованно. ... На основании изложенного ... дело в отношении Аппаева Хасана Алиевича прекратить в силу ст. 4, п. 5 УПК РСФСР ...» [2, л. 445]. Реабилитация Х.А. Аппаева была подтверждена еще раз архивной справкой Управления ФСБ России по Карачаево-Черкесской республике 25 сентября 2001 г.: «Заключением прокуратуры КЧР от 2 декабря 1993 г. Аппаев Х.А. **реабилитирован**. Справка составлена по материалам архивно-уголовного дела № 1902» [2, л. 478].

Таким образом, судьба Хасана Алиевича Аппаева – литератора и общественно-политического деятеля Карачая 1930-х гг., безвинно и необоснованно ставшего очередной жертвой сталинской тоталитарной политической системы, еще раз доказывает ее кровавый, антинародный характер.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аппаев Х. Qara kubur: roman: 1 kitab. Mikoyan-Saxar: Qaroblnasizdat, 1935. 257 с.; Аппаев Х. Qara kubur: roman: 2 kitab. Mikoyan-Saxar: Qaroblnasizdat, 1936. 250 с.; Аппаев Х.А. Черный-сундук / Роман. Пер. с карачаев. Вл. Архангельского. М.: Современник, 1977. 269 с. URL: <http://www.elbrusoid.org/upload/iblock/efa/efaa9a66646de31fe46d5195bc30b44f.pdf> (дата обращения: 23.05.2021).
2. Архив Управления ФСБ РФ по КЧР (АУ ФСБ РФ по КЧР). Фонд прекращенных архивно-уголовных дел. Д. 1902.
3. Центр документации новейшей истории Государственного архива КЧР (ЦДНИГА КЧР). Ф. П. – 1. Оп. 1. Д. 143 (Карачаево-Черкесский обком КПСС).
4. ЦДНИГА КЧР. Ф. П. – 45. Оп. 1. Д. 74 (Карачаево-Черкесский обком КПСС).

Д.В. Грицких, А.Н. Бебешко

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЕ: НА ПРИМЕРЕ ОБЗОРА ШКОЛЬНОГО УЧЕБНИКА

Аннотация. Статья посвящена проблеме умышленной фальсификации исторических событий, связанных с историей Великой Отечественной войны. Анализируются псевдонаучные и идеологические деформации, свойственные современной украинской историко-методической литературе. Делается акцент на ряде методологических приоритетов, в соответствии с которыми антисоветская деятельность не столько приравнивается к антифашистской, сколько наделяется более высоким одобряемым статусом. Использование этого способа героизации нацизма обнажает неонацистский характер современных господствующих установок, определяющих индоктринацию подрастающего поколения на Украине. Автором привлекается также внимание к факту умышленного замалчивания масштабов антифашистского движения просоветской направленности в годы войны, что дополнительно искажает историческую картину, лишая период нацистской оккупации и сопротивления его основного фактического содержания. Кроме того, в статье отмечается очевидная попытка масштабирования ложной исторической картины на современность путем выстраивания аллюзий, редуцирующих суть советского общественного устройства к диктатуре русских. Этот аспект особенно важен в демагогических построениях архитекторов современной украинской антироссийской пропаганды, поскольку он позволяет на основе суммы ложных и абстрактных утверждений подкрепить атмосферу русофобии, поддерживаемую в современном украинском медиапространстве.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, героизация нацизма, фальсификация, русофобия, Украина.

FALSIFICATION OF THE HISTORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN MODERN UKRAINE: AN EXAMPLE OF A SCHOOL TEXTBOOK REVIEW

Abstract. The article is devoted to the problem of deliberate falsification of historical events related to the history of the Great Patriotic War. Pseudoscientific and ideological deformations characteristic of modern Ukrainian historical and methodological literature are analyzed. The emphasis is placed on a number of methodological priorities, according to which anti-Soviet activity is not so much equated with anti-Fascist, as it is endowed with a higher approved status. The use of this method of glorification of Nazism exposes the neo-Nazi, in fact, the nature of modern dominant attitudes that determine the indoctrination of the younger generation in Ukraine. The author also draws attention to the fact of deliberate concealment of the scale of the anti-Fascist movement of the pro-Soviet orientation during the war, which further distorts the historical picture, depriving the period of Nazi occupation and resistance of its main factual content. In addition, the article notes an obvious attempt to scale a false historical picture to the present by building allusions that reduce the essence of the Soviet social structure to the dictatorship of Russians. This aspect is especially important in the demagogic constructions of the architects of modern Ukrainian anti-Russian propaganda, because it allows, based on the sum of false and abstract statements, to reinforce the atmosphere of Russophobia maintained in the modern Ukrainian media space.

Keywords: the Great Patriotic War, the glorification of Nazism, falsification, Russophobia, Ukraine.

В течение последних десятилетий отчетливо наблюдается усиление политики сдерживания развития России со стороны коллективного Запада. Это проявляется во всех сферах – в экономической, в международных отношениях и т. д. Сейчас уровень противостояния достиг такого уровня, что неприкрытая враждебность в отношении России стала проявляться в области спорта, культуры и даже школьного и вузовского образования.

Наиболее очевидным и наглядным образом разногласия в парадигме восприятия окружающего мира между представителями «западной цивилизации» и русского мира проявились в переписывании истории ключевых моментов истории человечества. Одним из таковых, без сомнения является история Второй мировой войны. И еще более болезненным является переписывание (а по сути фальсификации) ее наиболее трагической, для советского народа части – Великой Отечественной Войны. Не случайно нами выбрана формулировка именно советского народа, так как значительное количество элит государств бывшего Советского Союза, народы которых плечом к плечу освободили свою страну и народы Европы от нацизма, сегодня готовы переписать историю героической борьбы с этим злом. В последние годы наиболее агрессивная политика в этом направлении ведется политическим руководством Украины.

Проблеме фальсификации истории Второй мировой и Великой отечественной войны в российском медийном пространстве уделяется пристальное внимание. Это и обсуждение на сетевых платформах, где в доступной сжатой форме представлена аналитическая информация об основных направлениях и целях фальсификации истории Великой Отечественной войны [3]; и литература: обращают свое внимание и высказывают обоснованное мнение по этому поводу и писатели, литераторы, поэты современной России [2]; и научный дискурс: активное обсуждение этого вопроса ведется на страницах научных журналов и в живых обсуждениях научных и научно-практических конференций [1]. Непрерывно уделяется внимание этому важнейшему вопросу и в телевизионных проектах средств массовой информации.

Для демонстрации глубины проблемы фальсификации истории Великой Отечественной войны и степени ее эскалации, нами была поставлена цель проанализировать как сегодня отражается история Великой Отечественной войны в школьных учебниках украинских школ. Одним из таких учебников был выбран «История Украины» за 10 класс средней общеобразовательной школы, рекомендованный министерством образования Украины [4].

Анализ содержания учебника показал, среди прочего, что участие «настоящих украинцев» в Великой Отечественной войне отрицается; участие же миллионов советских украинцев сводится к помощи «советским оккупационным войскам» [4, с. 180]. Хронология изложения событий полностью заимствована из разработанной в советскую эпоху парадигмы. Вместе с тем, информационное наполнение содержания книги носит исключительно националистический антисоветский и антироссийский характер. Это проявляется с первых же страниц.

Например, при освещении подписания пакта Молотова-Риббентропа акцент делается на том, что И.В. Сталин (Джугашвили) планировал «захват Европы под прикрытием освобождения от «нацистской чумы»...» [4, с. 177].

Кроме этого делается акцент не на то, что европейские государства продолжали политическую и экономическую блокаду СССР, потворствовали нарушению условий Версальского мирного договора и укреплению военной мощи Германии, а выпячиваются факты поставок продовольствия и продукции металлургического производства в Германию со стороны СССР. Как вывод – детям предлагается искаженная парадигма о последовательной политике советского руководства в поддержании режима Гитлера в Германии.

Манипулирует фактами автор учебника и в вопросе начала Второй мировой войны. В пределах двух страниц автор акцентирует внимание: «17 сентября 1939 г. Красная армия вступила на территорию восточных областей Польши», и уже через три абзаца пишет о том, что «Красная армия 17 сентября 1939 года вошла на территорию Западной Украины» [4, с. 179]. Хотя речь идет об одних и тех же событиях, связанных с выходом немецких и советских войск к «линии Керзона».

Дальнейшие события описываются автором как *оккупация* Красной армией Галичины, Волыни, Северной Буковины, Хотынщины и Южной Бессарабии. При этом не отрицается тот факт, что именно таким путем «впервые за много столетий украинские земли объединились в составе единого государства» [4, с. 181].

В свете всего выше сказанного не приходится удивляться тому, что переселение рабочих и крестьян с восточной части УССР в западные области, для установления советских органов власти преподносится А. Струкевичем как стремление советских властей избавиться от самых «худших и неквалифицированных» работников горнодобывающей промышленности. И совсем обыденным выглядят тезисы, предложенные украинским школьникам о том, что из-за мифической угрозы начала мировой войны советское правительство затраты бюджета на военные нужды подняло с 11,5 до 43,5 процентов к 1941 году. К тому же летом 1940 года «под предлогом обострения международной ситуации» был отменен 7 часовой рабочий день и заменен 8 часовым [4, 183]. Все выше сказанное свидетельствует о том, что содержание учебника направлено исключительно на воспитание резко негативного отношения к любым действиям советской власти.

Одновременно с негативной оценкой советской власти превозносится деятельность националистических организаций – организации украинских националистов (ОУН). Если еще в начале 2000-х годов старались не выпячивать целенаправленное, добровольное сотрудничество последователей преступника С. Бандеры и А. Мельника с нацистскими захватчиками, то в учебнике 2018 года издания мы видим – «ОУН в апреле 1941 г. договорилось с немецким командованием о подготовке 700 бойцов, поделенных на два батальона «Нахтигаль» и «Роланд»...» [4, с. 185].

Особый подход применен А. Струкевичем и к вопросу сопротивления оккупантам. Во-первых, термин оккупант им одинаково применяется в учебнике и к немецким нацистам и к советским войскам. А освещение сопротивления оккупантам полностью связывается с деятельностью националистических украинских групп. Причем выпячивается деятельность даже тех «очагов сопротивления» которые носили явно представляли собой подпольные бандитские группировки.

Например, подробно описывается «Полесская сечь». Некто Тарас Боровец, воспользовавшись вакуумом власти после отступления советских войск, занимался ликвидацией колхозных хозяйств на Житомирщине. Не стесняется автор и упомянуть тот факт, что начиная с 1943 года эта банда националистов вступила в открытое противостояние с советскими партизанами [4, с. 190].

Совершенно очевидно, что с таким политизированным подходом к написанию учебника с особым упоением описываются и неудачи советских войск в первые месяцы войны. Эвакуация предприятий и рабочих, стремление советского правительства не оставлять оккупантам работоспособные стратегические предприятия, склады с продовольствием – все причислено к преступлениям советской власти.

Обучающиеся, лишённые возможности перепроверить или опровергнуть поданную информацию, вынуждены принимать на веру все изложенное и формировать негативное отношение к стремлению своих сограждан (зачастую своих дедов и прадедов) не оставлять врагу материальных ценностей, принадлежащих на тот момент советскому народу.

Не менее злобно описываются и события военных действий на советско-германском фронте в 1942 году. В раздел о боевых действиях 1942 года были выборочно помещены исключительно неудачи Красной армии с чередой «преступных приказов Сталина» [4, с. 196–197].

Следует обратить внимание на то, что идеологии оправдания сотрудничества ОУН с нацистскими властями посвящен отдельный пункт параграфа № 25. В тексте учебника не только оправдывается целесообразность такого сотрудничества, но и отдельно поясняется, что коллаборационистами следует считать как раз советские власти на начальном этапе Второй мировой войны [4, с. 201–202].

Не менее странным выглядит и 26-й параграф учебника – «Борьба украинской повстанческой армии и советских партизан против нацистских захватчиков». Даже структура текста весьма красноречива: 6 страниц параграфа 4,5 посвящены деятельности украинских националистов и лишь 1 страница советскому партизанскому движению.

Это при том, что, бессильный полностью игнорировать эту страницу истории, А. Струкевич вынужден констатировать, что советскими властями за годы войны была сформирована огромная партизанская армия, перед которой ставились реальные крупные войсковые задачи. И что с момента оккупации УССР в 1941–1942 гг. до 1943 года численность партизанских отрядов с 4 тыс. возросла до нескольких десятков тысяч бойцов. Хотя российская и советская историография утверждает, что численность партизан на Украине достигала 170–200 тыс.

Завершая анализ, хотелось бы добавить, что содержатся в учебнике и откровенно лживые свидетельства. Так утверждается, что, начиная с 1943 года, когда начались успешные наступательные операции Красной армии «проблему восстановления поредевших частей Красной Армии решали силами т. н. полевых военных комиссариатов... Они начали тотальную мобилизацию, забирая в армию всех способных держать оружие, включая 16 – 17 летних юношей. Таких подростков было набрано почти четверть миллиона человек... почти все они погибли в первых атаках» [4, с. 215–216].

Таким образом, мы можем констатировать, что учебник написан под влиянием современного государственного политического заказа со стороны украинского правительства. Методологические приоритеты автора говорят о том, что антисоветская деятельность украинских националистов не только приравнивается к антифашистской борьбе, но и наделена более высоким приоритетом. Автор умышленно замалчивает и принижает масштабы советской антифашистской деятельности и выпячивает «подвиги» ОУН, оправдывая их сотрудничество с нацистами.

Совершенно очевидным является масштабное переформатирование исторической картины происшедшего путем привлечения ложных исторических «фактов». Придавая негативную окраску любым, даже самым очевидно положительным действиям советского правительства, автор учебника, очевидно, преследует цель индоктринации молодежи в духе межнациональной и социально-политической вражды, развивая философию ненависти.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ибрагимов Г. Ш. Проблема фальсификации событий Великой Отечественной войны // Исторические исследования (IV). Казань: Бук, 2016. <https://moluch.ru/conf/hist/archive/169/>.
2. Копейкина Н.Г. Фальсификация истории Великой Отечественной войны. <https://proza.ru/2020/09/20/636?ysclid=lat9almq9x716381538>.
3. Противодействие фальсификации истории Великой Отечественной войны. Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности / Под общ. ред. И.В. Бочарникова. М., 2020. 239 с. <https://nic-pnb.ru/wp-content/uploads/2020/01/protiv-falsif-istor.pdf?ysclid=lat82pj9pg838302883>.
4. Струкевич А. К. История Украины (уровень стандарта): учебник для 10 класса учреждений общего среднего образования. К.: Грамота, 2018. 240 с.

К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ ОТДЕЛОВ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В КРАЕВЕДЧЕСКИХ МУЗЕЯХ В 1920-Е – 1941 ГОДЫ

Аннотация. В статье автор рассматривает причины появления отделов социалистического строительства в краеведческих музеях страны в 1920-е годы, основные тенденции развития в последующие годы, регламентацию их деятельности органами управления музейной отраслью, нормативно-правовые документы, принимаемые Народным комиссариатом просвещения РСФСР, дается анализ деятельности отдела соцстроительства Ставропольского краеведческого музея в этот период.

Ключевые слова: музей, культура, экспозиция, выставка, социалистическое строительство.

ON THE ISSUE OF THE FORMATION OF DEPARTMENTS OF SOCIALIST CONSTRUCTION IN LOCAL HISTORY MUSEUMS IN THE 1920S –1941

Abstract. In the article, the author examines the reasons for the appearance of socialist construction departments in the country's local history museums in the 1920s, the main development trends in subsequent years, the regulation of their activities by the museum industry management bodies, regulatory documents adopted by the People's Commissariat of Education of the RSFSR, the analysis of the activities of the social construction department of the Stavropol Museum of Local Lore during this period.

Keywords: museum, culture, exposition, exhibition, socialist construction.

На протяжении почти всего советского периода истории музейного дела страны главными социальными функциями музея являлись образование и воспитание трудящихся, идейная мобилизация масс на решение актуальных задач социалистического и коммунистического строительства. В ряде документов музейной отрасли страны указывалось, что отдел социалистического строительства является ведущим в музее. Но в то же время, в научных работах историков музейного дела и музейных работников анализируется экспозиционная деятельность, зачастую без подробной характеристики отдела соцстроительства [1; 11; 12; 13; 19; 20].

Основные предпосылки становления отделов соцстроительства в краеведческих музеях отражены в работах О.В. Ионовой [15; 16; 17]. Изменение экспозиций сибирских музеев представлено в работе Н.М. Дмитриенко и К.О. Жеребцовой [10]. Описание содержания экспозиции Ставропольского краеведческого музея представлено в работе Т.А. Булыгиной [2].

Целью данной статьи является восполнение исторических знаний об основных тенденциях формирования отделов социалистического строительства краеведческих музеев страны и характеристика деятельности аналогичного отдела Ставропольского музея.

В молодом советском государстве в конце 1920-х годов начался процесс перестройки музейного дела в центре и на местах. С одной стороны, музей объявлялся центром науки и просвещения, выполняющим задачи культурного просвещения масс, но с другой стороны, наблюдалась тенденция превращения музея в политико-просветительное учреждение.

На сессии ЦИК СССР, посвященной 10-летию Великой Октябрьской социалистической революции, было предложено культурное строительство увязать с задачами индустриализации страны, как неразрывную часть единого социалистического плана переустройства страны [16, с. 86].

Данное предложение нашло свою реализацию в Постановлении ВЦИК и СНК РСФСР «О музейном строительстве» (1928 г.). В нем одной из важнейших задач было названо участие музеев в изучении революционных событий, рабочего движения и быта трудящихся, а вся музейная работа должна содействовать общим задачам индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства. Это постановление стало первым шагом к отражению в музее событий не далекого прошлого, а «сегодняшнего дня».

Первые указания Народного комиссариата просвещения в этом направлении касались пропаганды поставленной партией задачи о поднятии урожайности. В постановлении Коллегии Наркомпроса от 3.01.1929 г. «О поднятии урожайности и задачах просветительных учреждений страны» предлагалось местным музеям приступить к созданию специальных выставок, посвященных борьбе за урожайность в регионе. Музеи предполагалось сделать базой для данной передвижной музейно-выставочной работы.

Руководствуясь постановлениями Главнауки об участии музеев в борьбе за урожайность, принятыми в 1929 году, советские музеи развернули пропаганду опыта социалистического переустройства сельского хозяйства. Развивающееся колхозное движение получило отражение в основной экспозиции и тематических выставках ряда музеев страны.

Следующим этапом приближения музеев к задачам социалистического строительства стало создание при музеях общественно-политических советов в соответствии с одноименным положением Коллегии Наркомпроса, принятым в 1929 году. Деятельность общественно-политических советов была направлена на укрепление связей музея с государственными учреждениями и предприятиями, общественными организациями, вовлечение музеев в активное участие по реконструкции народного хозяйства [16, с. 88–89].

Первым пятилетним планом, принятым в 1928 году, предусматривалось не только социально-экономическое, но и культурное строительство. Политика в области образования и культуры оказывала определяющее влияние на процессы формирования культурного облика складывавшегося советского общества. Одним из направлений стала социальная и идеологическая направленность культуры на формирование облика нового человека социалистического общества, его мировоззрения и нравственных ценностей.

В принятом в июне 1929 года постановлении Главнауки «О пропаганде пятилетнего плана» говорилось, что в целях реализации данного плана музеи должны еще в большей степени, чем раньше, сконцентрироваться на изучении производительных сил страны. Предполагалось, что в целях наглядного осведомления населения о ходе работ по реализации пятилетнего плана, в музейной экспозиции должны находить отражение все происходящие в крае события – например, открытие нового промышленного предприятия или культурно-социального учреждения.

Таким образом, только на протяжении 1928–1929 годов был принят ряд документов, направленных на включение в экспозицию материалов, представляющих изменения, происходившие в стране в тот момент и достижения советских трудящихся.

Существенную роль для дальнейшего развития музейного дела сыграл Всесоюзный музейный съезд, состоявшийся в декабре 1930 года в Москве. Именно на съезде было закреплено представление о музее в первую очередь как политико-просветительном учреждении. В своем письме-приветствии нарком просвещения А.С. Бубнов говорил о том, что каждый практический шаг к строительству социализма в крае, в области, в республике должен немедленно находить свое отражение в музее.

Главное внимание во всех выступлениях было уделено тому, как лучше в интересах социалистического строительства построить работу музеев, увязав ее с задачами народного хозяйства и культурной революции [14, с. 164]. Одним из решений съезда стала задача организации краеведческого музея в каждом районном центре, что фактически было невозможно реализовать по причине необеспеченности кадров музейных работников.

Регламентации со стороны участников съезда подверглась экспозиционная деятельность музеев. Музейная экспозиция стала рассматриваться только как основа для массово-просветительной работы. Музеям предлагалось немедленно приступить к реэкспозиции и в предельно сжатые сроки создать новую марксистскую экспозицию. Обязательной стала задача создания в экспозициях отделов социалистического строительства. Результатом стало то, что во многих музеях страны эти разделы не имели подлинных памятников и строились на общедоступном иллюстративном и текстовом материалах. В то же время, съезд не ставил задачей комплектование полноценных коллекций с этой целью. Борьба с «вещевым фетишизмом» в ряде музеев привела к почти полному изгнанию из экспозиции музейных предметов и превращению музеев в собрание текстов [18, с. 141–143].

После I Всероссийского музейного съезда на местах рассматривались вопросы перестройки музейного дела на различных заседаниях органов власти и обсуждались специалистами на региональных конференциях. Музеи Северо-Кавказского края, по мнению заведующего сектором науки крайОНО и председателя Северо-Кавказского бюро краеведения Петерсона, задачу перестройки работы по-новому, задачу «повернуться лицом к социалистическому строительству» в большинстве своем решали чрезвычайно медленно [9, л. 8]. Как было отмечено на заседании Президиума Северо-Кавказского бюро краеведения в июле 1931 года, в Ставропольском краеведческом музее отсутствовали разделы местной промышленности, сельского хозяйства, общественно-исторический [4, л. 19].

Современному состоянию музеев и перспективам развития музейного дела в регионе была посвящена 1-я Северо-Кавказская краевая музейная конференция, состоявшаяся 26 июня 1932 года в Ростове-на-Дону. На конференции был озвучен доклад Сектора науки НКП РСФСР «Задачи музеев в социалистическом строительстве». В нем говорилось, что 1931 год был решающим годом в деле поворота всей сети научно-исследовательских учреждений в сторону обслуживания нужд социалистического строительства и тесной увязки ее с промышленностью [7, л. 27–32].

Согласно решениям I Всероссийского съезда в 1930-е годы в ставропольских музеях важная роль отводилась выставкам, рассказывающим о возрождении отечественного производства. В Ставропольском краеведческом музее были представлены новые коллекции, демонстрирующие продукцию производства – образцы подсолнечного масла, костяных пуговиц, шерсти, чугуна, муки, гвоздей и др. [21, л. 5, 9].

Во многом поступлению современных материалов способствовало то, что местным плановым и хозяйственным организациям предлагалось передавать бесплатно в музеи образцы ископаемых, модели машин и прочие материалы и экспонаты.

В феврале 1935 года состоялся пленум Научно-методического совета Музейного отдела НКП РСФСР, на котором обсуждались вопросы, связанные с деятельностью краеведческих музеев. Среди недостатков экспозиционной работы отмечалось, что зачастую музеи оперируют общереспубликанскими материалами, мало используют местный материал. Наиболее распространенным недостатком являлось насыщение экспозиции этикетажом и цитатами классиков марксизма-ленинизма [8, л. 35–36, 39–40].

В дальнейшие годы на пленумах Научно-методического совета при Музейном отделе при музейном отделе Наркомпроса РСФСР и совещаниях музейных работников задачи и структура краеведческого музея продолжали оставаться дискуссионной темой. В 1936 году на совещании директоров краевых и областных музеев на базе Истринского опытно-показательного краеведческого музея была предложена типовая структура краеведческого музея. Она предполагала создание в музее трех экспозиционных отделов: природы, истории и социалистического строительства.

Большую роль в организации отделов социалистического строительства сыграл Научно-исследовательский институт краеведческой и музейной работы. Среди его задач были методические разработки в области музейного дела. Значительное внимание отводилось разработке типовых тематических планов экспозиции. Сотрудниками института был разработан «Единый тематико-экспозиционный план для отдела социалистического строительства, рекомендованный для всей сети краеведческих музеев страны. Типовой план был опубликован в журнале «Советский музей» и предполагал раскрытие в экспозиции следующих тем: период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции; период Гражданской войны и военного коммунизма; борьба за индустриализацию и коллективизацию сельского хозяйства; победа социализма, конституция [23]. План строился на общем материале по истории социалистического строительства СССР и предполагал представление в экспозиции материалов, изготовленных самим музеем для раскрытия намеченных тем, а не на подлинных памятниках. Главным недостатком этого плана можно назвать то, что жесткая схема не учитывала имеющиеся в музее коллекции по данной теме, игнорировала особенности того или иного региона, что в свою очередь приводило к появлению однотипных экспозиций. Негативно влиял план и на самих музейных работников – процесс

создания экспозиции исключал творческий подход и сводился к механическому подбору иллюстративного материала [22, с. 80–81].

По мнению заместителя начальника управления политпросветработы и начальника музейного отдела НКП РСФСР А.Д. Маневского, главной должна быть тематика, те вопросы, которые музеи должны осветить в своих экспозициях и экскурсиях для правильной оценки явления, факта, вещи, а не имеющиеся музейные предметы [22, с. 81]. В результате такого подхода рекомендации НИИ краеведческой и музейной работы ориентировали музейных работников не столько на проведение работы по комплектованию музейных коллекций, сколько на изготовление макетов, муляжей, схем и других материалов. Постепенно такой взгляд привел к унификации самого зрительного ряда музейной экспозиции, которая стала строиться в основном на плоскостном бумажном материале.

Подтверждением вышесказанному служит постановление Президиума исполкома от 10 августа 1936 года «О музеях Северо-Кавказского края», в котором говорится, что методы их работы не соответствовали задачам настоящего этапа соцстроительства, и в них не находила отражения вся жизнь многонационального края. В экспозициях имела место подмена подлинно-вещественных музейных материалов диаграммами с фотоматериалами, что делало ее малодоходчивой и скучной [5, л. 1–5].

В 1938 году произошли изменения в экспозиции Ставропольского краеведческого музея. В разделе «История Ставрополя» была создана панорама взятия Ставрополя красными в феврале 1920 года, панорама завода «Красный металлист», макеты лучшего колхоза и совхоза. Событием в жизни музея стало открытие выставки «Невинномысский канал – народная стройка». Новая экспозиция отдела истории строилась по схеме, разработанной в «Истории ВКП(б). Краткий курс». Внимание акцентировалось на классовую борьбу и революционное движение. Единый подход в данном вопросе привел к тому, что в экспозиции музея преобладающим был общероссийский материал, а местный служил всего лишь дополнением. В экспозиции было много текстового и графического материала, цитат, диаграмм, фотографий [2, с. 53].

Как правило, темы выставок рекомендовались музейно-краеведческим отделом Наркомпроса. Так, в методическом письме «Об использовании опыта экспозиции ВСХВ» в 1939 году директорам музеев предлагалось использовать опыт Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, являющейся «выдающимся историческим событием в жизни СССР». В соответствии с этим в ноябре 1939 года заведующему отделом соцстроительства Ставропольского музея Рутберг было поручено проработать план выставки достижений в сельском хозяйстве края, основной акцент в которой должен был сделан на показ кандидатов на ВСХВ, передовиков колхозов, совхозов, МТС [6, л. 10, 11–22].

Музейно-краеведческий отдел Наркомпроса предусматривал окончание оформления отделов соцстроительства краеведческих музеев страны в 1938 году, это было предусмотрено в плане мероприятий, посвященном празднованию 60-летия со дня рождения И.В. Сталина [6, л. 37]. Но фактически повсеместно создать новую экспозицию за столь короткий срок было невозможно.

В январе 1941 года было утверждено «Положение о краеведческом музее», в котором музей определялся как «политико-просветительное и научно-исследовательское учреждение, которое <...> ведет научную пропаганду на основе марксистско-ленинского мировоззрения путем музейной экспозиции, массовой культурно-просветительной работы» [18, с. 146–147].

Несмотря на имеющиеся успехи, на взгляд ставропольских краевых партийных органов к 1941 году музеи края «подошли в неудовлетворительном состоянии». На заседании бюро Орджоникидзевского крайкома ВКП(б) 12 июня 1941 года слушали вопрос о научно-исследовательской работе музеев, которая, по мнению собравшихся, не была связана с актуальными задачами изучения природных богатств, использования местного сырья для нужд промышленности, борьбы за высокий урожай и изучения исторического и революционного прошлого народов края. Собравшиеся признали неудовлетворительное состояние экспозиционной работы в музеях. Недостатками были

названы отсутствие в экспозициях новейших достижений агротехники, промышленности и культуры, ограничение показа стахановцев края лишь фотоснимками, методы их работы не популяризировались [3, л. 40–41].

Таким образом, можно говорить о том, что на начальном этапе своего формирования советское государство рассматривала музеи как центры образования и воспитания масс. Именно поэтому отражению в музейной экспозиции всех происходящих в стране изменений уделялось пристальное внимание. Для пропаганды достижений советского государства в краеведческих музеях страны начали создаваться специальные отделы социалистического строительства. Но типовой подход к построению экспозиций данного отдела, малое количество подлинных материалов привело к унификации содержания музейной экспозиции.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондаренко С.М. Развитие музейного дела на Ставрополье в 20-е годы XX века // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. № 9. С. 56–62.
2. Булыгина Т.А. Музейная экспозиция как источник интеллектуальной истории локального сообщества (на примере СГМЗ им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе) // Прозрителевские чтения: сборник материалов научно-практической конференции / под ред. С. Н. Савенко. Вып. 2. Ставрополь: Вестник Кавказа, 2006. С. 52–55.
3. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края. Ф. 1. Оп. 2. Д. 17.
4. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. Р-645. Оп. 2. Д. 42.
5. ГАСК. Ф. Р-645. Оп. 2. Д. 83.
6. ГАСК. Ф. Р-645. Оп. 2. Д. 135.
7. ГАСК. Ф. Р-1077. Оп. 1. Д. 33.
8. ГАСК. Ф. Р-1077. Оп. 1. Д. 53.
9. ГАСК. Ф. Р-3020. Оп. 1. Д. 15.
10. Дмитриенко Н.М., Жеребцова К.О. 1-й Всероссийский музейный съезд и его влияние на сибирские музеи // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2019. № 33. С. 222–235.
11. Дугинец С.М. Отражение патриотической тематики в деятельности музеев Ставрополья в 1917–1941 годы // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. № 4. С. 49–55.
12. Дугинец С.М. Особенности экспозиционно-выставочной работы музеев Ставрополья в советский период // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 9. С. 76–84.
13. Дугинец С.М. Музейное дело на Ставрополье (XIX – середина XX века). Ставрополь: Изд-во СтГМУ, 2022. 196 с.
14. Закс А.Б. Всероссийский музейный съезд // Вопросы истории. 1980. № 12. С. 164–167.
15. Ионова О.В. Из истории строительства краеведческих музеев РСФСР // Труды НИИ музееведения. М., 1961. Вып. II. С. 80–139.
16. Ионова О.В. Музейное строительство в годы довоенных пятилеток (1928–1941 гг.) // Очерки истории музейного дела в СССР. Вып. V. М., 1963. С. 84–118.
17. Ионова О.В. Создание сети краеведческих музеев РСФСР в первые десять лет советской власти // История музейного дела в СССР. М., 1957. С. 37–72.
18. Кузина Г.А. Государственная политика в области музейного дела в 1917–1941 гг. // Музей и власть: в 2 ч. : сб. науч. тр. / НИИ культуры. Ч. 1. Государственная политика в области музейного дела (XVIII–XX вв.). М : НИИК, 1991. С. 96–172.
19. Поляков Т.П. Революция в музее, или особенности экспозиционно-выставочной деятельности музеев в первые годы советской власти // Журнал института наследия. 2017. № 4 (11). С. 2–11.
20. Разгон А.М. Музейная сеть единого многонационального социалистического государства // Музейное дело в СССР. Музейная сеть и проблемы ее совершенствования на современном этапе: сб. науч. тр. М., 1985. С. 4–22.
21. Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе. Ф. 4. Оп. 1. Д. 8. Л. 5, 9.
22. Фролов А.И. Из истории становления музееведческих центров России // Музей и власть: в 2 ч. : сб. науч. тр. / НИИ культуры. Ч. 2. Из жизни музеев. М.: НИИК, 1991. С. 62–103.
23. Ширямов А. Структура краеведческого музея // Советский музей. 1939. № 5. С. 1.

ЛЕСОПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС СОВЕТСКОГО СОЮЗА В СТРАТЕГИИ ТРЕТЬЕЙ ПЯТИЛЕТКИ

Аннотация. В третьем пятилетнем плане развитие лесной промышленности СССР предполагалось за счет увеличения объемов заготовки древесины и производства продукции, расширения ассортимента товаров. Ключевой проблемой оставалось освоение лесных массивов в северных и восточных районах страны. Изменения пространственного размещения лесной промышленности должны были сопровождаться новым железнодорожным строительством, рационализацией железнодорожных перевозок древесины, возведением малых, но комбинированных предприятий, механизацией производственных процессов. По замыслу третьей пятилетки лесная промышленность превращалась в индустриальную отрасль советской экономики, несмотря на снижение ее удельного веса в валовой продукции промышленности страны.

Ключевые слова: третий пятилетний план, лесная промышленность, вывозка древесины, пиломатериалы, бумага, производительность труда.

THE TIMBER INDUSTRY COMPLEX OF THE SOVIET UNION IN THE STRATEGY OF THE THIRD FIVE-YEAR PLAN

Abstract. In the third five-year plan for the development of the forestry industry of the USSR, it was supposed to increase the volume of wood harvesting and production, expand the range of goods. The key problem remained the development of forests in the northern and eastern regions of the country. Changes in the spatial distribution of the forest industry had to be accompanied by new railway construction, rationalization of railway transportation of wood, construction of small but combined enterprises, mechanization of production processes. According to the plan of the third five-year plan, the forest industry turned into an industrial branch of the Soviet economy, despite the decrease in its share in the gross output of the country's industry.

Keywords: third five-year plan, forestry industry, removal of wood, lumber, paper, labor productivity.

Начало реализации третьего пятилетнего плана совпало с серьезными проблемами в деятельности Наркомлеса СССР и лесной промышленности страны в целом. Объемы производства снизились (вывозка древесины, выпуск пиломатериалов) или стабилизировались (изготовление фанеры). Увеличивалось производство бумаги, картона, продуктов лесохимии. На деятельности Народного комиссариата лесной промышленности отрицательно сказалась передача части лесозаготовительных и лесопильно-деревообрабатывающих предприятий в ведение ГУЛАГа НКВД СССР. В 1938 г. эта тенденция получила дальнейшее развитие. Так, в 1937 г. по Наркомлесу вывозка деловой древесины уменьшилась почти на 20 млн м³, дров – на 7 млн, производство пиломатериалов – на 2 млн. Выпуск фанеры, бумаги и картона стабилизировался или немного вырос. Сократилась стоимость валовой продукции [6, с. 94–99; 7, с. 208–209].

Экономист Совета по изучению производительных сил Академии наук СССР В. Воздвиженский, анализируя проблемы размещения лесной промышленности накануне третьей пятилетки, отмечал актуальность строительства новых лесопильных предприятий в лесозаготовительных (то есть северных и восточных) районах Советского Союза с тем, чтобы завозить в Европейскую часть страны готовую продукцию, а не сырье. Основными районами размещения отрасли становились Европейский Север (освоение массивов в бассейнах р. Мезень и Печора) и Сибирь (массивы в среднем течении р. Обь, нижнем течении р. Иртыш, среднем и нижнем течении р. Ангара) [1, с. 83–84].

Третьим пятилетним планом (1938–1942 гг.) предусматривался существенный рост объемов лесопромышленной деятельности. Вывозка древесины должна была достигнуть показателя 360 млн м³ (в том числе по Наркомлесу СССР – 154,7 млн), деловой – 200 млн (по Наркомлесу – 102,2 млн). Предполагалось расширить масштабы круглогодичной заготовки леса, создать на биржах запасы древесины естественной сушки. Доля

вывозки делового леса почти не менялась, и около 45 % древесины использовалось в качестве топлива. Удельный вес дров в топливном балансе страны по плану третьей пятилетки продолжал постепенно снижаться (с 13,5 до 12,6 % за 1938–1942 гг.), в основном за счет роста объемов добычи нефти, торфа.

В перечне мероприятий по улучшению перевозок грузов внутри страны значились также прекращение вывоза древесины из Сибири в Европейскую часть Советского Союза, из нее – в Среднюю Азию (эта функция оставалась за Сибирью), из северных и центральных районов – в Украину, Крым и на Кавказ, существенное сокращение транспорта пиловочника по железным дорогам. Несмотря на это, объем транспорта дров должен был возрасти за 1938–1942 гг. с 19,3 млн до 28 млн т, лесных материалов – с 46,9 млн до 72 млн т. Суммарный удельный вес лесных ресурсов и материалов в структуре железнодорожных перевозок повышался с 12,8 до 13,5 %. В два раза за третью пятилетку (с 10,6 млрд до 20,5 млрд т/км) увеличивался транспорт древесины в плотках (за счет развития лесной промышленности и ликвидации молевого сплава на судоходных реках) [4, с. 6; 10–12; 7, с. 44–45; 57; 93; 222].

И. Либин выделял ряд актуальных проектов железнодорожного строительства для перевозки древесины из северных районов Европейской части страны в центральные и южные в третьей пятилетке: укладка вторых путей на линии Данилов – Архангельск (на момент публикации статьи этот проект осуществлялся); сооружение вторых путей на линии Котельнич – Горький, моста через р. Ока в г. Горький и дороги Горький – Мичуринск (это позволяло достичь сокращения расстояния транспорта леса из Вятско-Уральского района в Центральную Россию); строительство линий Тавда – Белогорье с ответвлением на Тобольск, Пермь – Соликамск – Печора [5, с. 121–122; 127–128]. При этом многие крупные проекты предполагались многофункциональными, хотя лес занимал в их структуре грузоперевозок основные позиции.

В сфере заготовки лесных ресурсов намечались комплексная механизация всех производственных процессов на основе газогенераторов и паровых двигателей, сооружение рельсовых дорог облегченного типа с применением паровозов, тракторов и мотовозов, декавильных путей. Механизированная вывозка древесины по Наркомлесу СССР должна была увеличиться за 1938–1942 гг. с 26 млн до 100 млн м³ и составить 62,5 % к общему объему вывозки. Намечалось в 1939 г. выпустить 18 тыс. газогенераторных (работавших на древесном топливе) автомобилей (в 1937 г. – 1,4 тыс.) и 10 тыс. газогенераторных тракторов (в 1937 г. – 6). В 1942 г. планировалось довести производство газогенераторных грузовых машин до 75 тыс. единиц, гусеничных тракторов – до 20 тыс., перевести на твердое топливо транспортный парк, создать сеть газогенераторных и паровых установок в сфере заготовки леса.

По третьему пятилетнему плану увеличивался удельный вес РСФСР в вывозке лесных ресурсов в стране (с 91,64 до 95,78 %). В Украине и Белоруссии доли снижались почти в 2,5 раза (соответственно с 3,21 до 1,25 и с 3,87 до 1,66 %). Среди экономических районов РСФСР возрастали удельные веса в вывозке древесины у Европейского Севера (с 20,83 до 27,78 % за 1938–1942 гг.), Урала (с 13,19 до 18,61 %), Поволжья (с 8,66 до 9,66 %), Восточной Сибири (с 8,88 до 9,44 %) и Дальнего Востока (с 4,98 до 6,67 %). Существенно уменьшались доли северо-западных и центральных районов страны [7, с. 38–39; 57; 144; 211–212]. Это было связано с политикой партийно-государственных и плановых органов, хозяйственных ведомств, направленной на сокращение заготовки лесных ресурсов в Сибири и на Дальнем Востоке до размеров внутренних потребностей плюс нужд Средней Азии.

Производство пиломатериалов предполагалось довести до 45 млн м³ (по Наркомлесу СССР – до 30 млн), фанеры – до 1 000 тыс. м³, спичек – до 14 млн ящиков. Изготовление мебели увеличивалось за третью пятилетку: предприятиями Наркомлеса – с 271 млн до 550 млн руб. (в ценах 1926 / 1927 г.), промысловой кооперацией – с 497 млн до 1 070 млн руб. (в ценах 1932 г.). В фанерной отрасли намечалось строительство 12 крупных заводов, доведение общей мощности предприятий до 833 тыс. м³, расширение производства венированной, армированной, бакелитовой фанеры, столярных плит.

В решениях XVIII съезда ВКП(б) нашел отражение возврат к тренду на сооружение средних и малых предприятий. Предполагалось развивать небольшие лесопильные предприятия, усложняя их структуру за счет деревообрабатывающих, сушильных подразделений для более полного использования древесины. В районах заготовки леса должны были появиться передвижные лесопильные рамы и 1- и 2-рамные заводы для разделки древесины на местах с целью удешевления ее транспортировки. Ассортимент продукции сферы механической обработки леса расширялся за счет роста объемов выпуска стандартных деталей для строительства, автомобилей, вагонов, комплектов деталей для упаковочной тары.

В производстве пиломатериалов за 1938–1942 гг. возрастали удельные веса Урала (с 7,43 до 8,89 %), Дальнего Востока (с 3,47 до 7,11 %). Доли Европейского Севера и Западной Сибири незначительно колебались, а в Восточной Сибири намечалось падение удельного веса с 8,68 до 7,33 %. Немного (с 49,1 до 44,9 %) снижалась роль районов Европейской части СССР.

Производство бумаги намечалось довести до 1 300 тыс. т. Возрастал выпуск как культурных сортов бумаги (с 434,6 тыс. до 655 тыс. т), так и ее промышленных наименований (с 397 тыс. до 655 тыс. т). Ассортимент продукции должен был расшириться за счет беленых и облагороженных сортов целлюлозы, бурого древесного картона, фибры, изоляционной бумаги для микаленты, специальной тонкой печатной бумаги, бумажной тары, многослойного картона и других товаров. То есть целлюлозно-бумажная отрасль, по мере реализации планов, могла все более удовлетворять потребности населения и промышленности страны.

Лесохимическая отрасль, помимо добычи живицы, использования продуктов газификации лесных ресурсов и углежжения, должна была освоить выпуск заменителей твердых пород дерева и некоторых металлов: химически обработанной прессованной древесины, древесных пластмасс, древесноволокнистых строительных и изоляционных плит, – а также увеличить производство этилового спирта. В отрасли предполагалось сдать в эксплуатацию 12 предприятий, начатых еще в первой и второй пятилетках, вести сооружение новых гидролизных и сульфитно-спиртовых заводов [2, с. 15; 3, с. 73–74; 7, с. 57–58; 119–120; 130; 144; 208–209; 215]. Это должно было способствовать значительному росту мощностей по выпуску этилового спирта, камфары и древесноволокнистых плит.

Основной рост объемов производства в лесопромышленном комплексе приходился на Европейский Север и Урал. В эти районы направлялись значительные средства для механизации сферы заготовки древесины. Несмотря на предполагавшийся рост объемов выпуска продукции лесопильно-деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной отраслей, мощности предприятий были выше фактических показателей деятельности в начале третьей пятилетки, но становились ниже в конце периода. Так, на 1 января 1943 г. они должны были составить: по пиломатериалам – 35 млн м³, фанере – 1 100 тыс. м³, бумаге – 1 200 тыс. т, спичкам – 14,5 млн ящиков. Значит, требовалось увеличивать нагрузку на оборудование, обеспечить заводы достаточным количеством сырья, уделять больше внимания ремонту и реконструкции техники и производственных процессов.

Несмотря на неудовлетворительное выполнение Наркомлесом СССР пятилетних и годовых планов по вывозке древесины, производству пиломатериалов, бумаги, партийно-государственные и плановые органы продолжали рассматривать это ведомство в качестве ведущего лесопользователя, предполагая повышение его удельного веса в отдельных видах лесопромышленной деятельности. За 1938–1942 гг. стоимость валовой продукции Наркомлеса СССР должна была увеличиться с 3 035 млн до 5 500 млн руб. (в ценах 1926 / 1927 г.), однако в структуре промышленности страны удельный вес ведомства снижался с 3,18 до 3,05 % [7, с. 201; 227]. Касательно местной промышленности и промысловой кооперации в третьем пятилетнем плане вновь был сделан акцент на строительство небольших предприятий, в том числе работающих на местных видах сырья [7, с. 130; 133; 208–209].

Производительность труда за годы третьей пятилетки должна была возрасти по Наркомлесу: в сфере заготовки древесины – на 68 %, в деревообработке – на 53 %, в лесохимии – на 56 %, в спичечной отрасли – на 21,9 %, в лесном и судовом машиностроении – на 52 % (в промышленности Советского Союза – на 65 %) [4, с. 6; 10–12; 7, с. 57–58; 103–105; 110–111]. То есть на протяжении периода с конца 1920-х гг. по начало 1940-х гг. в лесопромышленном комплексе темпы повышения производительности труда прогнозировались ниже, чем в промышленности страны, что способствовало понижению удельного веса отрасли в экономике. Основными мерами по повышению производительности труда становились улучшение трудовой организации и дисциплины, использования оборудования, механизация трудоемких работ. В лесной промышленности это касалось сферы заготовки древесины, вспомогательных, транспортных и складских работ в лесопильной и бумажной отраслях.

Таким образом, в третьем пятилетнем плане вновь звучала мысль о необходимости «преодоления отставания» в лесопромышленном комплексе. Благодаря механизации производственных процессов, доведению доли постоянных кадров до 65–70 % от общего числа рабочих, занятых в сфере заготовки древесины, лесопромышленный комплекс делал важный шаг на пути становления его в качестве индустриальной отрасли. Однако темпы роста капитальных вложений, стоимости валовой продукции отрасли отставали от аналогичных показателей по промышленности страны.

Целевые ориентиры третьей пятилетки свидетельствовали, помимо внушительного роста объемов лесопромышленной деятельности в стране, о продолжавшемся с середины 1930-х гг. снижении роли Наркомлеса СССР в лесозаготовительной и лесопильно-деревообрабатывающей отраслях, где результаты работы ведомства были наиболее слабыми. На смену специализированному лесопромышленному ведомству пришли народные комиссариаты внутренних дел, черной и цветной металлургии. Сохранили свою роль в заготовке и механической обработке древесины Народный комиссариат путей сообщения, региональные и местные учреждения и организации. Наркомлес лидировал в производстве фанеры клееной, мебели, спичек, целлюлозы, бумаги и картона.

В годы третьей пятилетки основной рост объемов производства в лесопромышленном комплексе приходился на Европейский Север и Урал. В эти районы направлялись значительные средства для механизации сферы заготовки древесины. В лесопилении сокращались объемы строительства в связи с недостаточной загруженностью мощностей действовавших предприятий. Из планов третьей пятилетки отчетливо видны две ключевые задачи: завершить строительство крупных комбинатов и форсировать возведение фанерных, гидролизных и сульфитно-спиртовых заводов, продукция которых была востребована, в условиях милитаризации экономики, оборонно-промышленным комплексом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воздвиженский В. Развитие лесной промышленности и размещение ее в третьей пятилетке // Плановое хозяйство. 1937. № 9–10. С. 78–86.
2. Зиновьев В. В. Фанерная промышленность СССР // Лесная промышленность. 1947. № 10. С. 14–15.
3. Индустриализация СССР. 1938–1941 гг.: Сборник материалов и документов. М.: Изд-во «Наука», 1972. 423 с.
4. Кофтов Г. Е. Выполнение промышленностью Наркомлеса СССР плана третьего пятилетия // Лесная промышленность. 1941. № 2. С. 6–12.
5. Либин И. Рационализация размещения железнодорожной сети Союза ССР // Плановое хозяйство. 1939. № 2. С. 117–131.
6. Народнохозяйственный план Союза ССР на 1937 год. М.: Издание Госплана СССР, 1937. 177 с.
7. Третий пятилетний план развития народного хозяйства Союза ССР (1938–1942 гг.) (проект). М.: Госпланиздат, 1939. 240 с.

БЫТ И ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье охарактеризован быт и повседневная жизнь в советском обществе, его культура и обычаи, которые сопровождали различные праздничные дни и повседневность. Проанализированы основные преимущества жизни советского человека, его развитие и образование. Делается вывод, что были как плюсы, так и минусы в повседневной жизни советского общества.

Ключевые слова: быт, повседневность, общество, культура, СССР, жизнь.

LIFE AND EVERYDAY LIFE OF SOVIET SOCIETY

Abstract. The article describes the way of life and everyday life in Soviet society, its culture and customs that accompanied various holidays and everyday life. The main advantages of the life of a Soviet person, his development and education are analyzed. It is concluded that there were both pluses and minuses in the everyday life of Soviet society.

Keywords: life, everyday life, society, culture, USSR, life.

Несмотря на катастрофические революционные потрясения в начале XX века, в социальной эволюции нашей страны в 1930–1950-е годы было немало общего с процессами демократизации в скандинавских странах. Роль объединителя взяла на себя партия ВКП(б) КПСС, которой удалось мобилизовать народ на строительство государства нового типа, социалистического государства всеобщего благополучия. Несмотря на невероятные трудности, борьбу с внешними и внутренними врагами, жестокие репрессии, наш народ с величайшим энтузиазмом строил новые заводы и города, новое советское общество. И произошло чудо. За три десятилетия из малограмотной крестьянской страны СССР превратился в могучее индустриальное государство. Мы стали сильнейшей сверхдержавой.

Было достигнуто и необходимое единство народа. Формировалась новая социальная общность под названием советский народ, которой были присущи такие черты, как миролюбие, отсутствие национальной, расовой и религиозной вражды.

Были и плюсы, и минусы в жизни СССР. Кто-то вспоминает нескончаемые очереди и дефицит того времени, кому-то никак не забыть доступность образования и медицины, ну а кто-то продолжает ностальгировать по добрым и доверительным человеческим отношениям, которые не имели ничего общего с материальными ценностями и статусом.

Коллективизм считается самым большим достижением советского времени. Каждый чувствовал свою принадлежность к великому народу, жил интересами и радостями своей страны, своего города, своего предприятия. Человек никогда не оставался один: будни, печали и праздники в СССР проживали всем коллективом. И худшее, что могло случиться с человеком, – это когда его исключали из общества. Самое страшное было оказаться «за бортом» от всех.

Образование. Действительно, советские граждане имели право на бесплатное образование – это было еще одной гордостью Страны Советов. Причем среднее образование было всеобщим и обязательным. А поступить в вуз мог любой желающий после успешной сдачи вступительных экзаменов. «Советские институты под влиянием процесса общей нормализации повседневной жизни приостановили активное вытеснение церкви из традиционных бытовых сфер, тем самым признав нормой праздники, имеющие религиозный подтекст» [2, с. 214].

Отношение к школе в СССР, да и к образованию в целом сильно отличается от современного. Школьнику или студенту даже в голову не могло прийти пропустить занятия. Основным источником знания был его конспект, от того, как он будет слушать преподавателя и записывать, зависела его успеваемость.

Отдельным пунктом стоит подчеркнуть, с каким уважением относились к учителям. В аудиториях всегда стояла тишина, никаких лишних разговоров и шума, была абсолютная сосредоточенность на уроке. Но сейчас некоторые ставят под сомнение уровень советского образования.

Бесплатная медицина. Еще один из самых весомых аргументов в пользу СССР. Советский человек всегда мог рассчитывать на квалифицированную бесплатную медицинскую помощь. Ежегодные обследования, диспансеры, вакцинации. Все процедуры были доступны. И идя в поликлинику, не нужно было озадачиваться, сколько денег может понадобиться и хватит ли. Партия хорошо следила за здоровьем своих трудящихся – получить путевку в санаторий-профилакторий можно было без проблем и «хождения по мукам». «По всей стране вопит молодежь, Зубную пасту «Адон» даешь! [1, с. 97].

Квартирный вопрос. Жизнь в СССР во многом не была сладкой, тем не менее каждый советский гражданин с 18 лет имел право на жилье. Конечно, речь идет не о дворах, но на улице никто не оставался. Полученные квартиры не были частной собственностью, так как принадлежали государству, но они закреплялись за людьми пожизненно.

Надо заметить, что квартирный вопрос был одной из больших точек Советского Союза. Лишь мизерный процент семей, стоящих на учете, получал новое жилье. Квартирные очереди растягивались на долгие-долгие годы несмотря на то, что ежегодно жилищное строительство рапортовало о сдаче новых микрорайонов. «... в 1932 г. Основную массу капиталовложений в жилищное и коммунальное строительство предполагалось направить в важнейшие промышленные центры...» [4, с. 53].

Туризм. Железный занавес обрушился на страну в 1920-х: считалось, что изоляция от других стран необходима для идеологической обработки населения. Вместе с тем в эти же годы активно развивается внутренний туризм – все туристические организации объединены во «Всесоюзное добровольное общество пролетарского туризма и экскурсий» (ОПТЭ). В 1933 году «Интурист» получил национальную сеть отелей и автомобилей. На приличном уровне была малая авиация, почти в любую точку страны можно было добраться, развита была сеть многочисленных аэродромов, многие из которых сегодня в заброшенном состоянии. По всей стране были открыты пансионаты и санатории. Самым популярным местом туризма было путешествие на Байкал. Жителям юго-восточной Сибири, или Забайкалья, достаточно просто было посетить уникальное озеро: билет на самолёт стоил несколько рублей, и позволить перелёт мог даже рядовой рабочий, не говоря уже о военных и горняках.

Путёвка в здравницу на курорты. Здравницы были открыты во всех регионах России: на Забайкалье работали известные на всю страну Дарасун и Ямаровка, а самыми популярными местами были курорты Черноморского побережья. Лечебные пляжи в Сочи, Гаграх, Евпатории ежегодно принимали миллионы туристов. Прибалтика также привлекала множество туристов, не только из-за местной природы и курортов, но и из-за возможности посмотреть на Европу, не пересекая границ. Здесь также можно было отправиться на шопинг в Польшу и ГДР.

Международный туризм – кто и куда мог выехать за границу? В стране был запрещён свободный оборот валюты, потому выехать за границу можно было только по путёвке. Все расходы покрывало государство, но, чтобы получить заветную путевку, нужно было зарекомендовать себя благонадежным гражданином и быть ударником труда. Так что, несмотря на железный занавес, советские люди за границу выезжали. Не все, не всегда и не во всех странах, но за границей побывали многие.

Какие же страны можно было посетить? Спокойные и идейно близкие государства – Болгарию, Чехословакию, Югославию, Венгрию, Монголию, Кубу. В рамках двустороннего соглашения больше 50 тысяч советских туристов посетили США в период с 1958 по 1988 годы.

Советская мода. Советское время у нас ассоциируется исключительно с дефицитом. Казалось бы – о какой моде может идти речь, если легкая промышленность опиралась исключительно на ГОСТы, которые не подразумевали никакого разнообразия и предлагали народу ходить в одеждах непримечательных цветов с одинаковыми силуэтами и для женщин, и для мужчин. Несмотря на это, многие вспоминают этот период с любовью и считают, что никак нельзя обходить стороной его моду. Те, кто хотел выглядеть хорошо и стильно, прилагали все усилия, чтобы делать это. Во все времена советские женщины находили ткани, шили, мастерили, переделывали, перелицовывали.

Модницы, не обладавшие талантом портних, искали выкройки и шили одежду на заказ. Ателье были частью плановой экономики – им так же, как и остальным предприятиям, выделялись плановые ресурсы, от них так же требовали определенного количества выполненных заказов. Ателье делились на классы: люкс, первой, второй категории – в зависимости от квалификации портных и закройщиков. При этом результат все равно был совершенно непредсказуем. Здесь, как и почти во всех сферах советской жизни, действовали двойные стандарты. Официально – всеобщее равенство, на деле все решали личные связи. СССР – это великое время блага, когда надеяться на хороший результат пошива в том же ателье можно было только после фразы «я от такого-то». Большую популярность получают такие материалы как болонья и габардин.

Распорядок дня советских граждан. В 6 часов утра начинает звучать радио с гудками, а затем Гимн СССР. Затем вы делаете несколько упражнений после трансляции по радио. Руки вверх, руки вниз и так далее. Завтрак представлял собой классический набор из продуктов и блюд: чай с хлебом с маслом иногда посыпанный сахаром, варенье, яйца, овсянка, пшено, манная крупа или гречка.

Затем взрослое поколение советских граждан отводило маленьких детей в детский сад, которые были в шаговой доступности. Садись на общественный транспорт (автобус или трамвай) ехали до завода или другого места работы, собственный автомобиль был редкостью.

Вот как вспоминает эти годы современник той эпохи Валерий Рыжов: «Мы жили в подмосковном старинном городе Коломна. Это промышленный город с мощными заводами, видимо поэтому жили получше, чем в изложенных воспоминаниях. Жили в коммуналке, но с центральным отоплением и газовой плитой. В квартире ванная и туалет. Дом двух этажный, кирпичный, только что построенный пленными немцами.

Особых разносолов не было, но не голодали. Пища простая, каша, картошка, суп или щи. На зиму солили помидоры, огурцы, грибы, капусту. Школа, в которой я учился была замечательная постройки 1957 года. Пять этажей, с актовым залом, спортивным залом и буфетом. В школе были специальные кабинеты по физике, химии, биологии, столярная и слесарная мастерские, работали спортивные секции».

Различия в образе жизни между отдельными слоями общества были значительными, но не огромными, никто не зарабатывал миллионы и не покупал яхты. Для советского человека важно было сохранить публичный имидж. Разлад в семье, асоциальное поведение могло стать официальной причиной обсуждения вышеуказанных фактов на заводском собрании и разрушить профессиональную карьеру, сыграть роль при получении бесплатной путевки, квартиры и т. д. Личная жизнь могла стать в любой момент достоянием общественности.

В будничные дни советские граждане, возвращаясь с работы, по дороге домой забирали детей из детского сада, старшие возвращались из школы сами.

Забот в свободное от работы время хватало: сделать домашнее задание с детьми или потратить время на свое хобби. Почитать книги, сходить в гости к родственникам, выпить с друзьями, посмотреть фильмы и т. д. Люди много читали, было много увлечений – шахматные кружки, радиотехника, работа по дереву, спортивные команды, музыкальные коллективы.

Советские люди умели ремонтировать электронику и механику. Все мужчины знали, как паять, как заменить сломанные конденсаторы в телевизоре или как настроить карбюратор в мотоцикле. Мальчики изучали химию на заднем дворе, экспериментируя с карбидом.

Женщины готовили или консервировали еду на зиму. Клубника, вишня, сок смородины, яблочный джем, соленые помидоры и огурцы. Кислая капуста была гордостью каждой семьи. Создание запасов считалось одним из основных навыков жены. Еще одним важным навыком было шитье. Многие женщины сами шили себе одежду или платили знакомым, чтобы они что-то для них сделали. «Возрастание применения женского труда и включение женщин в учебу и общественную жизнь...» [5; с. 56].

Поскольку экономика не была денежной, многое зависело от личных отношений. Было очень важно, кого ты знаешь и как ты им понравился. Например, хорошие отношения с мясником позволили получить лучшие мясные продукты для вашей семьи, хорошие отношения с учителем или врачом также были важны. Люди старались поддерживать отношения, они дарили подарки на каждый праздник, например, шоколад или цветы.

Культура в СССР. Культура, как и сама жизнь в СССР, была неоднозначной. Фактически она была разделена на официальную и «подпольную». Не все писатели могли публиковаться. Непризнанные творцы, чтобы дойти до своего читателя, использовали самиздат.

Контролировали все и всех. Кому-то пришлось уехать из страны, кого-то отправляли в ссылку за «тунеядство», и горячие ходатайства коллег не могли спасти от чужбины. Никак не забыть разгромленную выставку художников-авангардистов. Этим действием было все сказано.

Засилье социализма в искусстве привело к деградации вкуса у советских людей – неспособности воспринимать иное, более сложное, чем окружающая действительность. И где уж здесь быть полету мысли и фантазии? У представителей творческой интеллигенции была совсем нелегкая жизнь в СССР.

В кинематографе картина была не столь печальная, хотя и здесь цензура не дремала. Снимаются шедевры мирового класса, которые до сих пор не сходят с экрана телевизора: экранизация классики «Война и мир» С.Ф. Бондарчука, комедии Э.А. Рязанова и Л.И. Гайдая, «Москва слезам не верит» В.В. Меньшова и многое другое.

Невозможно оставить без внимания эстрадную музыку, которая имела огромное значение для советского человека. Как бы ни старались соответствующие органы, но западная рок-культура проникала в страну и влияла на популярную музыку. «Песняры», «Самоцветы», «Машина времени» – появление таких ансамблей стало прорывом.

В заключение стоит сказать, что в 1991 г. исчез с карты мира СССР, рухнул «железный занавес» а вместе с ним ушли и советские стандарты поведения, образ мысли и все что отличало нас от всего мира. Полки магазинов наполнились разнообразными товарами, в пестрой толпе модно одетых людей больших городов едва различишь отличия их от сверстников какого-нибудь европейского города.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лебина Н.Б. Мужчина и женщина: Тело, мода, культура. СССР – оттепель. М: НЛО, 2015. 208 с.
2. Лебина Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: НЛО, 2015. 340 с.
3. Михалкова А. Жизнь в СССР. М., 2017.
4. Орлов И.Б. Коммунальная страна: становление советского жилищно-коммунального хозяйства (1917–1941). М.: Изд. ГУ-ВШЭ, 2015. 263 с.
5. Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: ГУ-ВШЭ, 2010. 115 с.
6. Рожков А.В. Кругу сверстников. Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 352 с.
7. Щипакина А.А. Мода в СССР. Советский Кузнецкий, 14. М.: Слово/Slovo, 2009. 189 с.

ПРОБЛЕМЫ БЫТОВОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ЖЕНЩИН В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 ГГ.)

Аннотация. Статья посвящена подробному изучению женских повседневных проблем в период ВОВ (1941–1945 гг.). Особое внимание обращено на проблемы гигиены и адаптации женщин к военным условиям. Помимо этого, нами освещено такое распространённое в те годы явление как «походно-полевая жена».

Ключевые слова: проблема, быт, повседневность, женщина, война, фронт, гигиена, походно-полевая жена (ППЖ).

PROBLEMS OF EVERYDAY LIFE OF WOMEN DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1945s)

Abstract. The article is devoted to a detailed study of women's everyday problems during the Second World War (1941–1945). Special attention is paid to the problems of women's adaptation to military conditions and hygiene. In addition, we have highlighted a common phenomenon in those years as a "field wife".

Keywords: problem, life, everyday life, woman, war, front, hygiene, field wife.

Необходимо начать с того, что Великая Отечественная война внесла в повседневную жизнь советских женщин огромные изменения. Они затронули все стороны женского бытия, мышления, а также серьёзным образом отразились на поступках женщин. Следовало коренным образом менять прежний, мирный ход жизни, свыкаться с экстремальными обстоятельствами, диктуемыми суровым военным временем.

Необходимо было осознать, что теперь, на весь период войны, женщины станут основной рабочей силой в народном хозяйстве. Так, если в 1940 г. женщины составляли 38 % от численности всех рабочих в промышленности СССР, то в победном 1945 г. их доля увеличилась до 56 %. Соответственно, в сельском хозяйстве страны эти показатели выглядели следующим образом: в 1939 г. – 52 %, а в 1945 г. – 71 % [2, с. 15].

Отметим, что на войне существовали и тесно переплетались две основных стороны действительности: опасность боя и повседневность быта. Как отмечал Константин Симонов: «Война не есть сплошная опасность, ожидание смерти и мысли о ней. Если бы это было так, то ни один человек не выдержал бы тяжести ее... даже месяц. Война есть совокупность смертельной опасности, постоянной возможности быть убитым, случайности и всех особенностей и деталей повседневного быта, которые всегда присутствуют в нашей жизни... Человек на фронте занят бесконечным количеством дел, о которых ему постоянно нужно думать и из-за которых он часто совершенно не успевает думать о своей безопасности. Именно поэтому чувство страха притупляется на фронте, а вовсе не потому, что люди вдруг становятся бесстрашными» [4, с. 67].

Несмотря на непродуманность действий со стороны Советского руководства по отношению к женщинам в период ВОВ, воинская служба в СССР являлась почётной обязанностью не только мужчин, но и женщин. Их право было записано в ст. 13-й Закона о всеобщей воинской обязанности, принятом IV сессией Верховного Совета СССР 1 сентября 1939 г. В военное время женщины, имеющие указанную подготовку, могли быть призваны в армию и флот для несения вспомогательной и специальной службы [6].

Нами были изучены воспоминания, опубликованные в региональной периодической печати, собранных как от женщин, так и мужчин, упоминавших какие-либо подробности фронтового быта. Прежде всего, вспоминали обмундирование. Многие женщины говорили о том, что им выдавали мужское обмундирование: «В то время (1942 г.) в дивизии ещё не было женского обмундирования и нам выдали мужское, вспоминает Ольга Ефимовна Сахарова. – Гимнастерки широкие, в брюки можно двоим залезть...

Нижнее белье тоже мужское. У ботинок самый маленький размер – 40-й... Надели это девчонки и охнули: на кого похожи?! Начали друг над дружкой смеяться...» [1, с. 54].

«Солдатам выдавали шинели, а мне досталась простая фуфайка. В ней было жутко холодно, но других вариантов у нас не было. Ночами ею укрывались, то на голову натянем, то на ноги. На ногах у всех были кирзовые сапоги, тяжелые и неудобные. Зимой одевали по несколько пар носков, ноги сильно потели, были постоянно мокрые. Одежду не сменяли, лишь изредка стирали».

У «женской» войны свои краски, свои запахи, своё освещение и своё пространство чувств. Свои слова. Там нет героев и невероятных подвигов, там есть просто люди, которые заняты нечеловеческим человеческим делом. Женские воспоминания сохраняют мелкие детали фронтовой повседневности: одежды и обмундирования, быта, жилища и т. д. Исследователи подчёркивают, что данные особенности женских воспоминаний демонстрируют механизмы адаптации женской психики в экстремальных условиях, переключая внимание на детали, кажущиеся неважными. В воспоминаниях девушек трудности и дискомфорт по поводу огромных не по размеру сапог, выстриженного хохолка на голове вместо привычной длинной косы, брюки и шинель взамен платьев и юбок стояли по эмоциональному восприятию почти на одном уровне с преодолением таких проблем, как борьба с холодом, вшами, грязью и болезнями. Девушки озвучивали и проблемы физиологического плана, что для советских женщин 1940-х гг. уже героизм.

Не трудно догадаться, что вопрос ПМС вообще никого не волновал в те времена, об этом и не думали. Во время же самой менструации, в ход шло все, что только могло: рукава рубах, газеты, половики, и даже наполнение казарменных матрацев – из них доставали вату. В поле использовали мох, он отлично впитывает. На фоне стресса, у многих девушек прекращались месячные – это факт, который рассказывала не одна фронтовичка. Следовательно, женское здоровье во времена войны было капитально подорвано – и психически, и физиологически. Женщины несли воинскую службу в абсолютно разных подразделениях: качестве медсестер, летчиц, саперов, разведчиц и даже снайперов. Из-за таких тяжёлых условий, тяжелых условий, многие женщины так и не смогли стать матерями [8, с. 10].

Многие за весь период пребывания на фронте мылись один раз в год или того реже. При этом сменное бельё отсутствовало, и грязь въедалась в тело. Выходили из положения примерно одинаково: зимой обтирались снегом, летом использовали водоёмы для купания – но и то, и другое, если была возможность, т. е. никто не подглядывал и не мешал. Иногда договаривались с командирами подразделений, и те разрешали отгородить часть блиндажа, где грелась вода, и можно было помыться. Конечно, в госпитале врачи могли взять горячую воду, спирт, бинты, вату, о чем вспоминают военврач Никифорова и лаборант Этина: «С этим делом было очень тяжело. Приходилось собираться с девчонками и идти всем вместе мыться. Одни моются, другие стоят и смотрят, чтоб мужчин рядом не было. Летом ходили на озеро, когда было тепло, а зимой сложнее: растапливали снег и мылись. Бывало, растирали друг друга спиртом, чтобы убить бактерии». Сделаем акцент на том, что с большим трудом шло выполнение Постановления СНК РСФСР от 4 декабря 1941 г. «О мероприятиях по улучшению обслуживания банями и прачечными населения и организаций в городах РСФСР» [3, с. 41]. За первый квартал 1942 г. по 12 областям РСФСР было построено 529 бань упрощённого типа, т. е. рубленых и земляных. В основных же банях, которых к концу войны по республике насчитывалось 734, наблюдались частые перебои из-за отсутствия топлива, котлы были 30-40-летней давности, многие краны не работали, не хватало шаек, мыла и соды, а имевшиеся крохи были низкого качества. 2286 парикмахерских республики работали с перебоями из-за отсутствия материалов и моющих средств [3, с. 42].

Еще одной распространенной проблемой, на наш взгляд, является такое явление, как «походно-полевая жена». Походно-полевой женой называли подруг боевых офицеров и командиров во время Великой Отечественной войны. Находящиеся вдалеке

от семьи мужчины, разумеется, нуждались в женской любви, заботе и внимании – и заводили себе «казнобу» из числа врачей, радисток или санитарок, иногда обслуживающего персонала – поварих, уборщиц и т. д. «Как правило, женщины, попадающие на фронт, вскоре становились любовницами офицеров, – вспоминал ветеран войны И.С. Посылаев. – А как иначе: если женщина сама по себе – домогательствам не будет конца. Иное дело, если при ком-то. Походно-полевые жёны (ППЖ) были практически у всех офицеров, кроме ваныки-взводного. Он всё время с солдатами, ему любовью заниматься некогда».

Весной 1942 года политрук артиллерийской батареи на Ленинградском фронте Вера Лебедева объясняла военному журналисту Павлу Лукницкому:

– К сожалению, в армии я не встретила ни одной примерной дружбы женщины с мужчиной, такой, чтоб можно было пальцем показать и сказать: любят! Девчонки смеются: «Война всё спишет!», но смеются искусственно, сами переживают. И когда расскажешь ей, что она сделала, – плачет. Зачастую, чтобы отстоять свою честь девушке приходилось даже применять силу. В ход шли не только пощечины, но и серьёзные «мужские» удары, которые отрезвляли пылких поклонников. Конечно, такой отпор могли дать далеко не все женщины. Но если девушка демонстрировала способность постоять за себя, то рядовые офицеры и солдаты в основном относились к этому с пониманием. А вот более влиятельные командиры могли начать мстить. Именно поэтому многие соглашались на отношения не по любви – девушкам просто хотелось обрести, наконец, защитника, и больше не бояться за себя в чисто мужском обществе. Отрывок из воспоминаний фронтовички: «Я, например, в батальоне была одна женщина, жила в общей землянке. Отделили мне место, но какое оно отдельное, вся землянка шесть метров. Просыпалась ночью от того, что махала руками, то одному дам по щекам, по рукам, то другому». Разумеется, в таких условиях ППЖ не могли не беременеть – это случалось периодически, существовал даже специальный приказ «009», по которому все забеременевшие на фронте девушки и женщины отправлялись в тыл рожать [1, с. 79].

Отношения же с возлюбленным на этом этапе прерывались надолго, если не навсегда – офицер или командир тут же находил себе новую пассию.

Интересно, что именно так, по приказу «009», была отправлена в тыл Агнесса Павловна Подмазенко, походно-полевая жена будущего предателя Андрея Власова. В тылу у неё родился сын Андрей, записанный на фамилию матери. После предательства Власова Агнессу арестовали и дали пять лет – за «связь с врагом» [1, с. 80].

Таким образом, система походно-полевых жён была широко развита не только в регулярных частях Красной армии, но и в партизанских отрядах и соединениях, где жизнь была хоть и суровой и полной опасности, но все же куда более вольной. Ещё одним доказательством тому могут служить такие вот документы военного времени.

Интересным фактом, на наш взгляд, является то, что после Великой Отечественной войны, в 1947 г., 60 женщин подписали петицию в Президиум Верховного Совета СССР. Все эти женщины были бывшими женами генералов, некоторые даже маршалов. Они называли свой документ «Петиция брошенных жён» и предлагали в ней принять закон, «ограждающий права жён, состоящих в браке 20 лет и более». Подписи под ней поставили 60 бывших супруг военачальников. В документе излагалась просьба о том, чтобы «права жён, состоящих в браке 20 лет и более» были защищены законом.

Когда прозвучали победные марши, многие высшие военные чины ушли от своих спутниц жизни к «походно-полевым» жёнам, как их называли – ППЖ. Это клеймо не давало женщинам мирно жить и после войны.

И да, «званием» походно-полевой жены не гордились. Напротив, многие женщины скрывали, что были на фронте. Даже их боевые награды высмеивали, называя «медалями за половые потуги» [2, с. 17].

Ещё одной проблемой является то, что, если мы возьмём крупнейшие исследования этого времени, в том числе статистические, мы не увидим там выделения отдельно мужских потерь, отдельно женских. Женщины, погибшие и раненые на фронтах, зачислялись в число погибших и раненых в целом. И поэтому мы даже не знаем, сколько женщин участвовало в принципе военных действиях. Разные исследователи называют разные цифры, и они разнятся от полумиллиона до 800 тысяч [2, с. 17].

Таким образом, на основании вышеизложенного, можем сделать вывод, что изучение такой сложной проблемы, как «женщина на войне», невозможно без тщательного рассмотрения трудностей фронтовой повседневной жизни. Уникальные рассказы ветеранов, опубликованные мемуары участников событий тех лет позволяют увидеть не только бытовую сторону военных будней, но и посредством деталей восстановить широкий спектр человеческих чувств, приблизившись к пониманию внутреннего мира советских женщин. В связи с этим затронутыми оказываются вопросы, касающиеся зачастую нелицеприятных сторон женской военной повседневности и в особенности сложностей взаимоотношений в смешанных коллективах. Поскольку подобные проблемы в течение долгого времени умалчивались в обществе, их изучение повлекло за собой появление некоторых противоречий, разрешить которые возможно только при глубоком анализе происходивших событий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексиевич С.А. У войны не женское лицо. М.: Время, 2008. 414 с.
2. Будко А. А. Женщина-воин, женщина-жертва. Организация медицинской помощи и лечения женщин, вставших на защиту Родины / А. А. Будко, Г. А. Грибовская // Военно-исторический журнал. 2004. № 3. С. 15–22.
3. Волкова Е.Ю. В тылу ковался меч Победы: Женщины России в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Кострома: КГТУ, 2005. 104 с.
4. Друговская А.Ю. Война и женская судьба. Курск: Изд-во «Курск», 2000. 399 с.
5. Приказ НКО «О призыве в войска ПВО девушек-комсомолок» от 26 марта 1941 г. // Русский архив: Великая Отечественная: Т. 13 (2–2). Приказы народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941 г. – 1942 г. М., 1997. http://militera.lib.ru/docs/da/nko_1941-1942/index.html (Дата обращения: 15.11.2022).
6. О всеобщей воинской обязанности (Закон от 1 сентября 1939 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1939. № 32. <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/131100> (Дата обращения: 15.11.2021).
7. Приказ НКО «О выдаче некурящим женщинам шоколада или конфет взамен табачного довольствия» от 12 августа 1942 г. // Русский архив: Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР (1937–1945): Сборник документов. В 15 т. Т. 13. http://militera.lib.ru/docs/da/nko_1941-1942/10.html (Дата обращения: 15.11.2021).
8. Советская женщина в Великой Отечественной войне: Аннот. указатель лит-ры / П.Б. Захаревич, К.В. Бучинская; Гос. б-ка СССР им. В.И. Ленина. М., 1944. 36 с.

А.В. Карташев

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ СИЛ СТОРОН К НАЧАЛУ БИТВЫ ЗА КАВКАЗ (АВИАЦИЯ)

Аннотация. В статье рассматривается соотношение сил сторон в битве за Кавказ по количеству боевых самолетов, делается вывод о том, что брать в расчет только силы одной воздушной армии некорректно. Кроме 4 и 5 воздушных армий в первые дни сражений боевые задачи выполняли ВВС Черноморского флота, Закавказского фронта, в том числе силы Дальней авиации, истребители ПВО, экипажи запасных авиационных полков и военно-учебных заведений. Это позволяет говорить о приближении данного соотношения сил к паритету.

Ключевые слова: битва за Кавказ, авиация, соотношение сил.

ON THE QUESTION OF THE BALANCE OF FORCES OF THE PARTIES TO THE BEGINNING OF THE BATTLE FOR THE CAUCASUS (AVIATION)

Abstract. The article examines the ratio of forces of the parties in the battle for the Caucasus by the number of combat aircraft, it is concluded that it is incorrect to take into account only the forces of one air army. In addition to the 4th and 5th air armies, in the first days of the battles, combat missions were carried out by the Air Forces of the Black Sea Fleet, the Transcaucasian Front, including long-range aviation forces, air defense fighters, crews of reserve aviation regiments and military educational institutions. This allows us to talk about the approximation of this ratio of forces to parity.

Keywords: battle for the Caucasus, aviation, balance of forces.

История битвы за Кавказ в последние годы привлекает к себе внимание самых широких кругов общественности. О ней на митингах и уроках мужества рассказывает обновленное поколение ветеранов (военные пенсионеры, воины-афганцы, участники других вооруженных конфликтов), на уроках истории о битве говорят учителя, свои проекты под их руководством представляют школьники. На научных конференциях по этой теме, которых стало намного больше, звучат доклады ученых, краеведов, преподавателей вузов, колледжей и их студентов по различной проблематике – от описания военных действий до вопросов сохранения памяти и мемориализации этого крупнейшего события Второй мировой войны. Массовый интерес привел к тому, что в сборниках научно-практических конференций публикуется не так много настоящих исследовательских работ. История битвы за Кавказ вышла за рамки чисто научной темы и получила политический и воспитательный контекст.

Звучат знакомые цифры, характеризующие соотношения сил сторон, они привычны нашему сознанию и не вызывают возражения или сомнения: по личному составу 1 к 1,5; по орудиям и минометам 1 к 2,1; по танкам 1 к 9,3 и по авиации 1 к 7,7. В десятках иллюстраций докладов по битве за Кавказ, отложившихся на различных сайтах, эти данные характеризуют превосходство противника к моменту начала битвы. Источником для них, видимо, стала карта «Оборона Кавказа. Июль–декабрь 1942 г.». В правом верхнем ее углу приведена таблица с абсолютными и относительными значениями этих показателей. Карта является иллюстративным приложением к пятому тому «Истории Второй мировой войны. 1939–1945 гг.». На карте в таблице отмечено, что советские войска на 25 июля 1942 г. имели 130 самолетов, немецко-фашистские войска – 1 000, превосходство люфтваффе в 7,7 раза. В тексте самого пятого тома говорится, что противник имел это превосходство над войсками Южного фронта [3, с. 202]. Составители карты не стали вдаваться в детали и не отметили этот нюанс. С их легкой руки эти цифры сегодня часто используются для демонстрации тяжелого положения ВВС Красной Армии.

Зная о том, что в битве за Кавказ уже на начальном этапе принимали участие не только Южный, но и Северо-Кавказский фронт (СКФ), Черноморский флот (ЧФ), уже можно предположить, что самолетов с советской стороны должно быть больше. Попытаемся разобраться в ситуации.

Во многих литературных источниках, в том числе в «Битве за Кавказ» маршала А.А. Гречко, отмечалось, что у противника в группе армий «А» насчитывалось до 1 тыс. самолетов, эту цифру мы под сомнение здесь ставить не будем. На страницах той же книги читаем, что в состав военно-воздушных сил Северо-Кавказского фронта (сразу после слияния с ним войск Южного фронта – *авт.*) входили 4-я и 5-я воздушные армии (ВА). Вместе в их рядах насчитывалось 230 исправных самолетов всех систем. Правда, боевые возможности авиации СКФ снижались за счет того, что районы базирования авиационных частей и соединений 5 ВА находились на удалении более 100 километров от районов боевых действий, кроме того сказывалось наличие значительного количества самолетов устаревших типов, а также частые перебои со снабжением горючим. Несмотря на это, летчики (обеих воздушных армий – *авт.*) в период боев на Дону

с 20 по 28 июля 1942 г. совершили 2 431 самолетовылет, разрушили 14 переправ и 2 парома через Дон, уничтожили около 100 танков, до 800 автомашин, 19 бензоцистерн и 28 артиллерийских орудий [2, с. 48; 62]. Наверно, 130-тью машинами сделать это было бы довольно сложно, учитывая, что кроме боевых вылетов требовалось совершать и перелеты на новые аэродромы базирования.

На другой странице своей книги маршал А.А. Гречко уточнил данные по каждой армии. 4-я воздушная армия, прикрывая отход Донской группы войск, имела в своем составе 126 исправных самолетов. В 5 ВА изначально было 135 машин, но к середине августа их осталось 102 [2, с. 66].

В «Отчете о боевой работе 4 воздушной армии за второй год войны» приводятся такие данные: в начале июля в наличии имелось 80 истребителей, 26 штурмовиков и 100 бомбардировщиков. К концу месяца с учетом пополнения материальной частью и всех видов потерь, включая отход в ремонт, в армии находилось 92 истребителя, 34 штурмовика и 70 бомбардировщиков. Общее количество самолетов в армии изменилось с 206 до 196 [13, л. 335–336]. Как видно, данные разнятся: А.А. Гречко говорит о 126 исправных самолетов в конце июля 1942 г., в отчете командующего армией речь идет о 196 исправных самолетах.

А вот данные по 5 ВА, приведенные в «Битве за Кавказ», совпадают с теми, что содержатся в отчете командующего 5 ВА за август 1942 г.: на 1 число – 135 самолетов, на 15 августа – 102 [15, л. 7].

Итого в обеих армиях в начале битвы за Кавказ насчитывалось не менее 230 самолетов, а то и все 300.

В книге А.А. Гречко встречаем еще не менее интересную информацию. Оперативно подчиненный Северо-Кавказскому фронту Черноморский флот имел в своем составе 216 самолетов. После потери Крыма авиации ЧФ пришлось покинуть стационарные крымские базы и передислоцироваться на аэродромы и посадочные площадки Черноморского побережья Кавказа. Но главное, что во время боев на рубеже Дона три бомбардировочных и штурмовых авиационных полка ЧФ огнем с воздуха поддерживали советские войска в районе Азова [2, с. 64; 84].

Известно, что и другие силы авиации не входили в состав ВВС, а значит и не могли находиться в рядах 4 и 5 ВА. К ним относились авиация дальнего действия, подчиненная непосредственно Ставке Верховного Главнокомандования, и истребительная авиация противовоздушной обороны, соединения и части которой входили в состав зон и районов ПВО.

Так, на 20 июля 1942 г. на аэродроме Советская, в 40 км южнее Армавира (в границах СКФ) базировалась 50 авиационная дивизия дальнего действия в составе 21 и 81 дальних бомбардировочных авиационных полков и 650 авиационного полка. Экипажи дальних бомбардировщиков бомбили скопления противника в районе населенных пунктов Богучар, Кантемировка на Сталинградском направлении, станции Цимлянская и станицы Маркинская севернее Волгодонска. В ночь на 26 июля экипажи 50 дивизии уничтожали переправы через р. Дон в районе Константиновской, Раздорской, Цимлянской и Николаевской [16, л. 217–222; 298–302]. Из документов следует, что 50 дивизия действовала в интересах 4 воздушной армии, командование которой просило командира дивизии разрушать переправы, уничтожать скопления мотомехчастей и танков противника.

Полки 105 истребительной авиационной дивизии ПВО обороняли Ростов-на-Дону, но в связи с форсированием противником Дона перебазировались с аэродрома Батайск на аэродромный узел Грозный. На 1 августа 182 истребительный авиационный полк (ИАП) имел 18 боевых самолетов (9 ЛаГГ-3, 5 МиГ-3, 4 Як-1) и 24 летчика. В 234 ИАП насчитывалось 5 боевых самолетов (2 МиГ-3 и 3 И-16) и 20 летчиков [17, л. 69]. 6 августа 234-й полк совершил 16 самолетовылетов на патрулирование воздушного пространства над городами Георгиевск и Минеральные Воды. Командир эскадрильи

этого полка капитан В.М. Усков совершил воздушный таран и был удостоен звания Героя Советского Союза [6, с. 120].

Следует также учитывать потенциал авиации, которая базировалась в Закавказье. В первые месяцы войны авиация Закавказского фронта (ЗакФ) имела значительные силы. На конец 1941 г. здесь базировались 4 авиационные дивизии дальнего действия (АД ДД), в каждой по два полка, оснащенных самолетами ДБ-3, пять авиационных дивизий по два полка (бомбардировочный и истребительный), 8-й истребительный авиационный корпус (ИАК) ПВО в количестве 13 полков, пять армейских отдельных разведывательных эскадрилий (шестая – эскадрилья связи), четыре корпусные авиационные эскадрильи, три санитарные авиационные эскадрильи и два отдельных истребительных авиационных полка [12, л. 30–31].

Еще раз отметим, что соединения и части дальней авиации не входили в состав воздушных армий. Авиационные соединения, выделенные для противовоздушной обороны Закавказья, были подчинены командованию Закавказской зоны ПВО [1, с. 99].

К началу битвы за Кавказ ряды ВВС Закавказского фронта значительно сократились. Ряд авиационных частей ЗакФ оказался в составе Крымского и Южного фронтов – 4 и 5 воздушных армий. Так, вышел из состава ВВС ЗакФ 366-й бомбардировочный авиационный полк 71-й авиационной дивизии (г. Ленинакан). С 10 октября 1941 г. он перебазировался на аэродром Тихорецк, откуда вылетал на боевые задания в районы Ростова, Таганрога, Мариуполя. В мае 1942 г. полк, не уходя с фронта, переучился на бомбардировщики Пе-2 и с 20 июня действовал в составе 219 бомбардировочной авиационной дивизии на Южном фронте в составе 4 ВА, которая затем вошла в Северную группу войск ЗакФ [14, л. 68]. 269-й ИАП той же 71-й авиационной дивизии в ее составе воевал на Крымском, а затем Северо-Кавказском фронте в рядах 238 истребительной авиационной дивизии (ИАД) 5 ВА [14, л. 3об.]. А вот 84 ИАП из состава 72-й авиационной дивизии, оставаясь на месте базирования, выделил из своего состава одноименный полк с литером «А», который с 12 августа 1942 г. приступил к ведению боевых действий в составе 216 ИАД 4 ВА [14, л. 81].

Из четырех авиационных дивизий дальнего действия, базировавшихся в Закавказье в первые месяцы войны, в наличии осталась только одна 132 АД ДД. В составе 8 ИАК ПВО из 13 полков осталось всего пять: 82, 266, 267, 480, 481 истребительные авиационные полки. Но тем не менее, 11 июля по воздушной цели, летевшей по маршруту Ках-Мугал, Варташен, Килязи, Куба, Ахты, было поднято 24 истребителя этих частей, кроме того по тревоге вылетели 8 самолетов Евлахской авиационной школы и 2 самолета 25 запасного авиационного полка [18, л. 8 об. – 9]. Заметим, что эти силы при оценке потенциалов противоборствующих сторон также не учитывались.

Нам приходилось обращаться к истории 790 ИАП, который был сформирован 13 февраля 1942 г. в г. Кировабаде Азербайджанской ССР в 11 запасном авиационном полку. Боевую работу он начал 15 мая с аэродрома Мериа в 30 километрах юго-восточнее г. Потти в составе 46 армии. Перед полком стояли задачи уничтожения авиации противника на подступах к району Потти и Батуми, охраны участка Очемчири, Сарп, Кутаиси от высадки морского и воздушного десанта [9, с. 60–61]. Таким образом, авиация Закавказского фронта начала борьбу с воздушным противником еще до начала битвы за Кавказ.

В границах ответственности Закавказского фронта базировалась 4 запасная авиационная бригада, штаб которой находился в Тбилиси. В ее состав входили 11, 25 и 26 запасные авиационные полки. В г. Кировабаде Азербайджанской ССР располагался 11 запасной бомбардировочный авиационный полк. Личный состав этой воинской части осуществлял перегонку самолетов англо-американского производства с авиабазы Абадан на территории Ирана [5, с. 163–164]. В полку имелись две бомбардировочные, одна истребительная и одна перегоночная эскадрильи. В первых трех – осуществлялось

переучивание летного состава строевых частей на авиатехнику союзников, летчики перегонной эскадрильи с марта 1942 по июнь 1943 г. перегнал из Ирана в СССР 910 американских бомбардировщиков А-20 Бостон и Б-25 Митчел [10, л. 15].

25 запасной истребительный авиационный полк базировался на аэродроме Аджи-кабул в Азербайджанской ССР. До осени 1942 г. в этой воинской части осуществлялось переучивание советских летчиков на истребители ЛаГГ-3 и МиГ-3. На аэродроме Сандар (г. Марнеули, Грузинская ССР) базировался 26 запасной истребительный авиационный полк. На базе этой воинской части проходила переподготовка летного состава на самолеты ЛаГГ-3.

Кроме строевых и запасных авиационных частей на Северном Кавказе и в Закавказье базировались летные школы и училища. С октября 1941 года в г. Евлах Азербайджанской ССР находилась Батайская военная авиационная школа пилотов (ВАШП). В г. Моздок из Ейска было переведено Военно-морское авиационное училище имени И.В. Сталина. Боевые задачи с началом битвы за Кавказ выполнял личный состав Армавирской ВАШП. К началу войны в ее составе насчитывалось 7 авиационных эскадрилий. Перед началом сражений за Кавказ – в апреле–июне школа получила около 90 новых, лучших по тому времени истребителей Як-1 и Як-7. 8 мая 1942 г. летчик А.И. Новгородский таранил в небе над Армавиrom немецкий самолет-разведчик Хе-111. 1 августа летчик-инструктор старший сержант И.И. Бондаренко при воздушном патрулировании в районе Армавира совершил воздушный таран вражеского самолета Ю-88, 3 августа аналогичный подвиг совершил летчик-инструктор лейтенант В.К. Диденко [7, с. 156, 166]. Как видно, Армавирская ВАШП активно участвовала в боевых действиях в начальный период битвы за Кавказ, и не брать ее в расчет было бы несправедливо.

В Ворошиловске (Ставрополе) находились Полтавские авиационные курсы усовершенствования штурманов ВВС. Авиационные подразделения курсов занимались не столько плановой учебой, сколько боевыми действиями на различных направлениях по указаниям командования. После форсирования противником Дона личный состав курсов на бомбардировщиках Пе-2 наносил бомбовые удары по врагу, вел воздушную разведку. Из Ставрополя, передав авиационную технику 4 ВА, Полтавские курсы перебазировались в г. Соль-Илецк Оренбургской области [6, с. 114–115].

29 июля 1942 г. для приемки самолетов из Армавирской школы пилотов (40 истребителей Як-1 и Як-7б) и Полтавских авиакурсов (15 ЛаГГ-3, 15 Як-1 и 10 Ил-2) командованием 4 ВА были командированы к местам дислокации этих учебных заведений главный инженер и инспектор-летчик армии.

В Краснодарском авиационном училище командиров и штурманов ближней бомбардировочной авиации на 1.01.42 г. обучались: курсанты стрелки-бомбардиры из младших командиров наземных войск; слушатели летчики; слушатели штурманы; всего – 1 930 чел. В состав училища входили два учебных полка по 6 авиационных эскадрилий в каждом. Экипажи этого училища вылетали на боевые задания в период обороны Крыма Летом 1942 г. в связи с приближением линии фронта к Краснодару училище перебазировалось на территорию Азербайджанской ССР под Агдам [8, л. 249].

Кроме этого, на территории Азербайджана находилась Кировабадская ВАШП, на территории Грузинской ССР – Руставская ВАШП. Судя по наградным документам начальника Кировабадской школы полковника П.Н. Маслова, школа была оснащена самолетами Р-1, Р-5, И-15, И-16, СБ, Пе-2, Бостон-3, на которых он летал. В наградном листе начальника Руставской ВАШП полковника Ф.Т. Попова указано, что курсанты этой школы готовились на УТИ-4 – двухместной учебной версии истребителя И-16 [11, л. 554]. Стоит отметить, что в школе могли быть и самолеты И-16, а также боевые модификации УТИ-4, которые разрабатывал завод № 428 в Баку.

На территории Северного Кавказа и в Закавказье размещались также военные авиационные школы первоначального обучения (ВАШПО). В системе подготовки

летных кадров СССР они пришли на смену аэроклубам Осоавиахима. Эти учебные заведения были оснащены в основном учебно-тренировочными самолетами У-2, УТ-2 и УТ-1. В ходе войны, в том числе и в битве за Кавказ, самолеты У-2 использовались как ночные бомбардировщики, а УТ-1 – в качестве легких штурмовиков. На территории Краснодарского края в г. Майкопе базировалась 17-я ВАШПО, в г. Телави Грузинской ССР – 21-я ВАШПО, в г. Невинномысске Ставропольского края – 25-я ВАШПО. Как известно, последняя имела в своем составе две авиационные эскадрильи, хотя, скорее всего, до начала битвы за Кавказ она была расформирована. Материальная часть таких школ передавалась вновь формируемым авиационным полкам. Так, на базе 25-й ВАШП в конце 1941 г. был сформирован 654-й ночной легкобомбардировочный полк на самолетах У-2 [4, с. 355–358].

Таким образом, силы советской военной авиации, находившиеся на Кавказском направлении, перед началом битвы за Кавказ значительно превышали численность ВВС 4 воздушной армии. Поэтому оценивать соотношение сил сторон как 1 к 7,7 в пользу противника некорректно. При том, что с началом битвы за Кавказ к вооруженной борьбе в воздухе кроме двух воздушных армий Северо-Кавказского фронта были привлечены ВВС ЧФ, части Дальней авиации, истребительные авиационные полки ПВО, запасные авиаполки, летные училища и школы, базировавшиеся на Северном Кавказе и в Закавказье, будет неправильным брать в расчет даже суммарное количество самолетов в двух воздушных армиях (4 и 5), вошедших в состав Северо-Кавказского фронта. Очевидно, что боевые потенциалы авиации Красной Армии и люфтваффе на 25 июля 1942 года были, как минимум, близки к паритету.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бакинский округ противовоздушной обороны. Исторический очерк 1920–1974 гг. Баку: Азерб гос. изд-во. 364 с.
2. Гречко А.А. Битва за Кавказ. М.: Воениздат, 1967. 424 с.
3. История Второй мировой войны 1939–1945. В 12 т. Т. 5. М.: Воениздат, 1975. 512 с.
4. Карташев А.В. 25-я Невинномысская военная авиационная школа пилотов первоначального обучения // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии. Материалы IX Минаевских чтений по археологии, этнографии и региональной истории Северного Кавказа (23–24 октября 2009 г.). Ставрополь: Изд-во СГУ, 2009. С. 354–360.
5. Карташев А.В. Американские «бостоны» в небе Северного Кавказа в 1942–1943 гг. // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники символы. Материалы III Всероссийской научной конференции. Ростов-на-Дону, 30 июня – 1 июля 2022. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2022. С. 162–172.
6. Карташев А.В. Бои на Ставрополье: жаркий август сорок второго. Ставрополь: Изд-во СтГМУ, 2021. 260 с.
7. Карташев А.В. История подготовки военных авиационных специалистов в России. Ставрополь: Ставропольское ВВАИУ: Сервисшкола, 2007. 266 с.
8. Карташев А.В. История подготовки военных авиационных специалистов в России : 1910–1991 гг. : дис. ... доктора исторических наук. Пятигорск, 2012. 612 с.
9. Карташев А.В. К вопросу об участии летного состава 790-го истребительного авиационного полка в битве за Кавказ // Научная мысль Кавказа. 2022. № 1. С. 59–66.
10. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686043. Д. 26.
11. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 205.
12. ЦАМО. Ф. 209. Оп. 1089. Д. 32.
13. ЦАМО. Ф. 319. Оп. 0004798. Д. 0053.
14. ЦАМО. Ф. 319. Оп. 0004820. Д. 0046.
15. ЦАМО. Ф. 327. Оп. 4999. Д. 6.
16. ЦАМО. Ф. 20114. Оп. 1. Д. 106.
17. ЦАМО. Ф. 20156. Оп. 1. Д. 3.
18. ЦАМО. Ф. 20536. Оп. 1. Д. 18.

РОЛЬ ТРУДОВОГО КОЛЛЕКТИВА В ФОРМИРОВАНИИ СТИЛЯ ЖИЗНИ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА: НАСЛЕДИЕ И ОПЫТ

Аннотация. В статье анализируется научный опыт советских ученых в области исследования социалистического образа жизни. Рассматриваются социально-психологические аспекты влияния трудового коллектива на формирование личности и организации ее жизнедеятельности. Выделены принципы деятельностного подхода в теоретических концепциях, предопределяющих главное в социалистическом типе личности – преобладающую коллективистскую направленность всех ее социальных связей, отношений, качеств.

Ключевые слова: индивидуальные способности, социальный опыт, образ жизни, стиль жизни личности, трудовой коллектив, социальная среда, жизнедеятельность.

THE ROLE OF THE LABOR COLLECTIVE IN SHAPING THE LIFESTYLE OF A SOVIET PERSON: LEGACY AND EXPERIENCE

Abstract. The article analyzes the scientific experience of Soviet scientists in the field of research of the socialist way of life. The socio-psychological aspects of the influence of the labor collective on the formation of personality and the organization of its vital activity are considered. The principles of the activity approach are highlighted in theoretical concepts that determine the main thing in the socialist type of personality – the predominant collectivist orientation of all its social ties, relationships, qualities.

Keywords: individual abilities, social experience, lifestyle, personal lifestyle, work collective, social environment, vital activity.

Обобщение реального опыта жизни советского общества в обеспечении широкого спектра прав и свобод личности имеет большое значение не только для целей научного познания, но и для целей, в фокусе которых находятся нынешние проблемы человеческой свободы, смысла и целей человеческого бытия.

Большинство западных авторов соотносят стиль жизни личности с человеческой активностью в сфере потребления и проведения свободного времени. На протяжении времени эмпирическим путем выявлялись реальные модели потребления и досуговой деятельности человека. Затем теоретическим путем разрабатывались наиболее эффективные с точки зрения западного общества рациональные модели потребления и досуга, а также механизмы формирования у человека необходимого стиля в сфере потребления, проведения свободного времени [1]. Анализ концепции стиля жизни позволяет сделать вывод о том, что они приобрели в западной литературе такую же направленность, как и концепции постиндустриального общества, качества жизни, гуманизации труда, демократизации управления и т. д. [2, с. 255]. Они имеют узкоутилитарную социальную направленность. Цель этих разработок была в формировании у всех членов общества потребительской психологии, дегуманизация человека, общественных и межличностных отношений, формирование «одномерного» человека [5, с. 464]. В западном обществе исключена возможность проявления истинной коллективности, невозможны в нем существование и проявление индивидуальности личности.

В отличие от социалистического образа жизни, где преобладало активно деятельное приобщение личности к внешним духовным ценностям, к созидательному труду, к социалистической культуре, к познанию и обогащению. Социалистический образ жизни является тем фоном, на котором происходит становление личности, он же предопределяет главное в социалистическом типе личности – преобладающую коллективистскую направленность всех ее социальных связей, отношений, качеств. «Чем более образ жизни людей в процессе коммунистического строительства приобретает непосредственно

коллективный характер, тем более по отношению к отдельному человеку он индивидуализируется, становится глубоко личностным и неповторимым. И наоборот, образ жизни тем богаче и многообразнее, чем более он развивает многообразие индивидуальных различий» [3, с. 10].

Укрепляя коллективистскую направленность во всех формах жизнедеятельности личности, образ жизни советского человека поддерживает и развивает личные качества, интересы, вкусы и потребности людей, их творческую инициативу, способности, самостоятельность и самодеятельность – черты, характеризующие индивидуальную неповторимость личности, определяющие своеобразие ее стиля жизни. В коллективе может существовать разнообразие стилей жизни входящих в него членов, которые в определенной мере детерминированы индивидуальными психическими и физиологическими склонностями, индивидуальными способностями при общности осознанных общественных интересов, целей стремлений.

Ситуации общественной деятельности человека не только индивидуально неповторимы, но и социально типичны, обусловлены общественными закономерностями. «В одних и тех же условиях труда, – указывает психолог и социолог Ю.Е. Волков, – практическое отношение людей к своим обязанностям различно: в деятельности одних ярко воплощаются нормы социалистического образа жизни, тогда как другие не вполне освоили их, в их деятельности есть элементы незрелости, а третьи еще меньше придерживаются социалистических норм» [8, с. 31]. Следует подчеркнуть, что одним из основных аспектов исследования социально-психологических факторов развития советского образа жизни являлось изучение вопросов воплощения, сложившихся норм социалистического образа жизни в реальном поведении личности, ее стиле жизни. Для большинства исследователей того времени в области психологии и социологии изучение вопросов превращения сложившихся норм социалистического образа жизни в реальное поведение каждого гражданина страны являлось одним из основных аспектов исследования проблемы развития общества [9, с. 62].

Для личности, формирование и воспитание которой происходит, по словам выдающегося педагога А.С. Макаренко «в коллективе и через коллектив», стиль жизни трудового коллектива выступает как объект, доминирующими ценностями и нормами которого личность овладевает [6, с. 426]. А с другой стороны – это фактор, способствующий ее всестороннему развитию, поскольку он создает благоприятные (или неблагоприятные) условия и возможности для такого развития. В этом процессе взаимодействия коллектива и личности преобладающим, определяющим является влияние трудового коллектива, однако и личность, проявляя активность, преобразует социальную среду, формируя свой стиль жизни.

Характер социальной жизни советского общества таков, что все сферы жизнедеятельности личности, ее стиль жизни формируются под определяющим воздействием различных коллективов. Но такое формирование, происходящее стихийно, в силу пребывания личности в коллективе должно стать управляемым. В данном случае речь идет о том, что через соответствующую организацию жизни коллектива, возможно, влиять на всю жизнедеятельность личности, вносить желаемые черты в особенности ее поведения, деятельности.

Особая роль трудового коллектива в осуществлении жизнедеятельности личности объясняется советской научной мыслью, по меньшей мере, тремя обстоятельствами. Во-первых, трудовой коллектив, являясь основной ячейкой социалистического общества, воспроизводит важнейшие виды и способы его жизнедеятельности. Воплощая и воспроизводя основные принципы и стороны образа жизни всего общества, трудовой коллектив имеет свойственные только ему способы жизнедеятельности, черты и грани, обусловленные специфическими условиями его функционирования. Здесь непосредственно происходит совершенствование условий труда и быта людей, которое обеспечивает расширение возможностей реализации ими своих творческих сил и удовлетворения наиболее

значимых потребностей, а также все большее устранение таких дисфункциональных явлений, как неудовлетворенность личности различными сторонами жизненной обстановки и вызываемые этим конфликтные ситуации и т. д. Второй аспект, влияющий на жизнедеятельность личности в коллективе, это то, что первичный трудовой коллектив представляет каждой входящей в него личности набор, совокупность условий, возможностей и средств, для формирования стиля жизни. Он организует все виды жизнедеятельности личности в сфере непосредственного окружения и тем самым уже оказывает огромное воздействие. Здесь осуществляется процесс взаимовлияния личности и коллектива, происходит совершенствование самих способов жизнедеятельности людей, формирование их ценностных ориентаций, повышение уровня общественной сознательности и активности и, соответственно, максимальное устранение различных негативных явлений, заключающихся в отклонениях поведения людей от принципов социалистического образа жизни как нормативно-ценностной модели.

Третье обстоятельство является наиболее важным в концепции советской науки, и утверждается тот факт, что социалистический трудовой коллектив – это носитель подлинной коллективности. Он создает возможность раскрытия, по мнению советского социолога И.И. Чангли «человекотворческие свойства и функции труда» [10, с. 68]. К таким функциям автор относит способность социалистического труда объединять трудящихся, формировать коллективистскую природу личности и ее жизнедеятельности. Как посредник между обществом и личностью трудовой коллектив представляет собой конкретные социальные рамки, в которых реализуются существенные взаимоотношения людей в процессе совместной производственной деятельности. Здесь происходит сложный процесс превращения общественной необходимости в индивидуальные движущие силы и мотивы деятельности. Если мотивы деятельности личности совпадают с целями коллектива, а цели последнего с интересами всего общества, тогда личность наиболее успешно аккумулирует ценности общества.

Трудно не согласиться, что именно в коллективе осуществляется взаимообмен чувствами, идеями, мыслями, манерами, и личность «включается» в социальный по своей сущности процесс «наследования» социального опыта. Этот процесс усиливается в период зрелого социализма, когда индивидуальная жизнь личности как никогда прежде обогащается многообразной общественной жизнью, а сама личность в то же время превращается во все более богатую индивидуальность.

Диалектически противоречивое взаимодействие социальной макро- и микросреды, воспитания и генетически обусловленных особенностей личности даже в рамках одних и тех же объективных условий нередко порождает существенно, различные способы жизнедеятельности индивидов, широкое разнообразие индивидуальностей [6, с. 426]. Это свидетельствует о том, что трудовой коллектив оказывает непосредственное и наиболее сильное влияние на тип деятельности и поведение личности и что личность может успешно выполнять свои функции, только овладевая важнейшими видами, формами и способами жизнедеятельности коллектива.

Высокий уровень социальной зрелости коллектива сказывается на качественном содержании ожиданий и требований, предъявляемых коллективом к личности как субъекту деятельности. Социально зрелый коллектив стимулирует проявление общественной активности личности. Совершенствуя материально-технические и социально-экономические условия жизни своих членов, он оптимизирует возможности для проявления активности, творчества, способствует развитию рационализаторства, новаторства. Высокий уровень трудовой и общественной активности, дисциплинированности и стабильности коллектива оказывают значительное влияние на формирование творческого стиля жизни личности. Многообразные внутри коллективные связи и отношения тоже имеют огромное значение. В этих условиях достижение высокого уровня социального развития трудовых коллективов, их социальной зрелости является необходимой предпосылкой их успешного функционирования, повышения производительной способности.

Развитие коллективизма в советское время рождало новый уровень социальной ответственности личности и коллектива, при котором умение осознать свою ответственность за общественное целое становится индикатором социального статуса личности и в определенной мере показателем ее зрелости.

Таким образом, в зависимости от степени социальной зрелости и направленности коллективы представляют неоднозначные возможности и средства для формирования личности и ее стиля жизни. В социально зрелом трудовом коллективе эти возможности и средства более благоприятны для формирования творческого стиля жизнедеятельности, чем в коллективе, находящимся на низком уровне развития. По утверждению советских исследователей проблемы образа жизни, социально зрелый коллектив располагает комплексом способов и средств включения личности в основные виды деятельности коллектива, передачи ей социального опыта, необходимого для успешного выполнения основных функций и ролей. Для личности, формирование стиля ее жизни это имеет важное значение, поскольку она благодаря развитой системе передачи социального опыта значительно эффективнее усваивает наиболее рациональные и тщательно апробированные приемы и стереотипы жизнедеятельности коллектива.

Социально зрелый коллектив, обладающий ценностно-ориентационным единством, способствует также более эффективному овладению личностью доминирующими ценностями, социальными установками, нормами, принципами, способами деятельности и отношений. Сформировавшееся в коллективе ценностно-ориентационное единство, коллективистская направленность социально зрелого коллектива предполагают развитие у личности нетерпимого отношения к отрицательным явлениям внутри коллективной жизни и стремление к совершенствованию всех сторон жизни коллектива [3, с. 11]. А это по утверждению ученых является одним из важнейших условий овладения образом жизни коллектива на творческом уровне, и самое важное способствует формированию у личности активной жизненной позиции.

Сегодня, в эпоху информационного общества, социальных сетей и виртуальной реальности человек, практически поработан компьютером. Его закрытость в своем контенте, а порой и потеря во времени приводит к социальной изоляции и даже деградации. «Человек информационный» строит свои отношения с миром и другими людьми через компьютерное общение. И как итог – утрачивает потребность, а затем и способность к непосредственным контактам – при реальном общении он даже не знает, с чего можно начать разговор с виртуальным собеседником, если он встретит его в реальном мире [4, с. 34].

Весь накопленный научный опыт советских ученых исследовавших образ жизни и стиль жизни представляет бесценное наследие, и в качестве иллюстрации подтверждающей рассуждения и выводы целесообразно привести следующее высказывание основателя классической политэкономии, экономиста и философа А. Смита: «Человеку, вся жизнь которого проходит в выполнении немногих простых операций, результаты которых при этом также, быть может, всегда одни и те же... не предоставлены условия ни для его умственного развития, ни для тренировки своего воображения в поисках средств, необходимых для устранения затруднений, которых он никогда не встречает. Поэтому он, естественно, теряет навыки к развитию и тренировке своих способностей; он тупеет и становится настолько невежественным, насколько это только может произойти с человеческим существом. Притупление его нравственных качеств...однообразие его неподвижного образа жизни естественно, портит его характер и подавляет его порывы...» [7, с. 45].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адлер А. Наука жить. <https://litresp.ru/chitat/ru/A/adler-aljfred/nauka-zhitj/4>.
2. Анисимов С.Ф. Духовные ценности: производство и потребление. М.: Мысль, 1988. 255 с.
3. Батенин С.С., Бочкарева А.А. Развитой социализм – общество реального гуманизма // Формирование личности в развитом социалистическом обществе. Саранск, 1978. С. 10–11.

4. Бондаренко В.М. Информационное общество для всех – информационное общество для каждого человека в отдельности // Информационное общество. 2001. Вып. 1. С. 34–36.
5. Головаха Е.И. Жизненная перспектива и ценностные ориентации личности // Психология личности в трудах отечественных психологов. СПб: Питер, 2009. С.464
6. Лугуценко Т.В. Духовное производство в эпоху позднего капитализма: Материалы Междунар. науч. конф., 25 апр. 2020 г / ГОУВПО «ДОННТУ», 2020. Вып. 6. 426 с.
7. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. С. 45.
8. Социалистический образ жизни // Социологические исследования. 1976. №3.С.31.
9. Рабочая газета социолога. М., 1976. С. 62. http://www.nlr.ru/res/inv/ukazat55/structure_full.php.
10. Чангли И.И. Труд. Социологические аспекты теории и методологии исследования. М., 1973. С. 68–69.

С.Н. Ктиторев

ВЕКТОРЫ И СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА И АРХИТЕКТУРЫ АРМАВИРА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Аннотация. Установление в 1920 г. советской власти ознаменовало начало принципиально нового этапа в трансформации культурного ландшафта Армавира. В советское время можно выделить три основных периода в развитии градостроительства и архитектурного облика города: утверждение социалистического уклада (1920-е – 1941 гг.); период Великой Отечественной войны и восстановление города (1941 – конец 1950-х гг.); эпоха «развитого социализма» и Перестройки (1960-е – 1991 г.). Основными итогами этого времени в области градостроительства стали: расширение территории города, в том числе за счет образования жилых микрорайонов и обширных промышленных зон; унификация и стандартизация архитектурного облика, как отдельных объектов, так и всего внешнего облика Армавира; переход к индустриальному методу строительства многоэтажных типовых жилых домов; повышение средней этажности застройки и др.

Ключевые слова: Армавир, архитектура, градостроительство, культурный ландшафт города, городская планировка, микрорайонная застройка.

VECTORS AND SPECIFICS OF THE DEVELOPMENT OF URBAN PLANNING AND ARCHITECTURE IN ARMAVIR IN THE SOVIET PERIOD

Abstract. The establishment of Soviet power in 1920 marked the beginning of a fundamentally new stage in the transformation of the cultural landscape of Armavir. In Soviet times, three main periods in the development of urban planning and the architectural appearance of the city can be distinguished: the establishment of the socialist way of life (1920s – 1941); the period of the Great Patriotic War and the restoration of the city (1941 – the end of the 1950s); the era of "developed socialism" and Perestroika (1960s – 1991). The main results of this time in the field of urban planning were: the expansion of the city, including through the formation of residential microdistricts and vast industrial zones; unification and standardization of the architectural appearance of both individual objects and the entire external appearance of Armavir; transition to the industrial method of building multi-storey standard residential buildings; increase in the average number of storeys of buildings, etc.

Keywords: Armavir, architecture, urban planning, cultural landscape of the city, urban planning, microdistrict development.

Начало нового этапа в истории трансформации и развития культурного ландшафта Армавира приходится на вторую половину 20-х годов XX века. В этот период в историческом центре города было возведено несколько жилых и общественных зданий, отражавших своим обликом постепенное утверждение «функциональной» версии новой советской архитектуры, порожденной остро стоявшим «жилищным вопросом».

Сразу же после окончательного установления в Армавире советской власти в 1920 г. начинается территориальное расширение города, однако его масштабы, по сравнению с дореволюционным периодом, были невелики. Рост селитебной площади происходил за счет раздачи городским коммунальным отделом плановых участков под застройку всем нуждающимся. При этом ортогональная структура планировки Армавира оставалась неизменной, так как расширение территории осуществлялось за счет продления существующих улиц, которые под прямым углом пересекались новыми. Следует отметить, что образованные таким способом кварталы в среднем были несколько меньше, чем распланированные еще в дореволюционное время.

Уже в 1920 г. к юго-востоку от современного переуллка Соломахи и линии железной дороги возникает поселок Увечных воинов. Дальнейшему распространению застройки в этом направлении способствовало открытие в 1926 г. большой Беконной фабрики (ныне Армавирский мясоконсервный комбинат). К концу 1920-х гг. за современной 6-й линией вырастает район индивидуальной жилой застройки, вытянувшийся между железнодорожным полотном и береговым уступом Кубани вплоть до левого берега реки Уруп. Планы под застройку домов первоначально здесь занимались самовольно, из-за чего эта окраина неофициально называлась Нахаловкой. Вплоть до сегодняшнего дня идущие к Кубани поперечные улицы обозначаются в качестве номерных линий (всего 21 линия).

Также в первое десятилетие советской власти завершается формирование Железнодорожного городка, представлявшего собой компактную группу из 25 кварталов, примыкающих к линии железной дороги к югу от станции Армавир-Туапсинский. Участки под застройку здесь получали железнодорожные рабочие и служащие.

На полученных под застройку участках в основном возводились (часто с отступом от красной линии улицы) небольшие одноэтажные саманные или деревянные жилые дома, под железными или черепичными крышами.

Постепенное вхождение Армавира в систему советского планового хозяйства и в процессы индустриализации страны отразились на городском пространстве приращением новых территорий и развитием старых окраин, на которых были возведены здания и сооружения в основном промышленного назначения, а также развитием транспортных и коммунальных коммуникаций.

В историческом центре современного города довоенный период представлен немногочисленными крупными зданиями того времени, среди которых выделяются постройки, несущие в себе черты функциональной архитектуры.

Невосполнимый урон Армавиру, как и большинству городов и сел Советского Союза нанесла война. В 1942–1943 годах, в результате бомбежек, хозяйничанья гитлеровцев и боевых действий в городе было разрушено и серьезно повреждено около 1 200 различных зданий. Центр города, особенно район возле железнодорожной станции Армавир-Ростовский, представлял собой обгорелые руины. Были сожжены и взорваны практически все промышленные предприятия, электростанция, водопровод, школы, больницы и другие важнейшие объекты. По оценке правительственной комиссии городскому хозяйству был причинен материальный ущерб в размере почти 6 млрд руб.

В первые послевоенные годы в Армавире, как и на всех разрушенных войной территориях страны, развернулось масштабное восстановительное строительство. В первую очередь, наряду с важнейшими объектами промышленного производства, возводилось жилье, причем частное жилищное строительство, породившее значительное число «непрофессиональных» построек, опережало государственное и ведомственное. Результаты усилий по восстановлению разрушенного городского хозяйства и параллельной модернизации городской пространственной среды, включая развитие транспортной сети и коммунальных коммуникаций, проявились во внешнем облике города уже в первое послевоенное пятилетие: в Армавире появилось значительное число одно- и двухэтажных домов, возведенных в простых, лишенных художественной выразительности формах.

С начала пятидесятых годов, когда жилищный кризис частично был преодолен, а строительная индустрия постепенно набирала обороты, в Армавире, как и по всей стране, наметился возврат к довоенному монументальному строительству, «историческим» архитектурным формам.

Особенное развитие получила советская версия классицизма, проявившегося в оформлении экстерьеров жилых и общественных зданий, сформировавших облик центральных частей улиц Ленина, Кирова, Мира, Комсомольской, К. Маркса и К. Либкнехта. От этого времени до наших дней сохранились лишь единичные объекты, имеющие историческую и художественную ценность.

В истории жилой застройки Армавира (как и большинства городов и сел Советского Союза) вторую половину шестидесятых годов можно охарактеризовать как начало «эпохи типовых проектов». Именно в жилищном строительстве тенденция к типизации и однообразности приобрела наибольший размах. Вплоть до середины семидесятых годов основным типом многоквартирного жилого дома был пятиэтажный дом на 70–140 малогабаритных квартир, называемый в обиходе «хрущовкой». Такие дома определяли облик целых районов в крупных городах и поселках городского типа на всей территории СССР. В Армавире «хрущовки» сформировали характер застройки большого нового района вдоль юго-западной части улицы Новороссийской, северо-западной части улицы Советской Армии, западной четной стороны ул. Тимирязева, восточной нечетной стороны ул. 2-я Урицкого и др. Наибольшая же концентрация этих многоквартирных домов сформировалась на обширной территории между улицами Новороссийской, Азовской, Маркова и Черноморской, которая по сложившейся в Советском Союзе традиции получила наименование Черемушки (ныне Старые Черемушки).

Небольшие разрозненные группы таких 4-х и 5-ти этажных жилых домов из железобетонных секций или кирпича в 1960-е – 1970-е гг. появляются в самых разных частях города, в том числе и в изначальном историческом центре Армавира, к востоку от площади армянской Успенской церкви, грубо разрушая сложившуюся здесь еще в аульский период пространственную среду.

Вслед за так называемыми «хрущовками» в Армавире стали внедряться типовые проекты 9-ти этажных домов, которые встречаются в застройке микрорайонов конца 1970-х – 1980-х гг. вдоль восточной нечетной стороны ул. Ефремова между улицами Луначарского и Советской Армии, на территории Военного городка по ул. Советской Армии и в большом микрорайоне на юго-западной окраине города между улицами Азовская, Маркова, Каспарова, Новороссийская, который сегодня известен под неофициальным названием Новые Черемушки.

В эти же годы в Армавире, как повсеместно в стране, развернулось строительство школ, детских садов, магазинов и т. п. по типовым проектам, наметилась, а потом и реализовалась тенденция к унификации пространственной среды, формированию микрорайона как территории замкнутого пространственно-функционального цикла. В 1970-х гг. в пространстве Армавира проявился возврат к «функциональной архитектуре», но уже на новом витке развития архитектурной мысли – в так называемой стеклянно-бетонно-железнодорожной версии, исповедовавшей «эстетическую правду конструкций и материалов». В такой стилистике в 1970-х – 1980-х гг. было возведено несколько сооружений разного функционального назначения (Городской Дворец культуры; Дом офицеров; Горисполком; Дом бытовых услуг; Детская библиотека им. Зои Космодемьянской; гостиница «Армавир»). В находившихся условно вне типового строительства реализованных проектах этого периода отчетливо заметно стремление архитекторов к «материальности» сооружений и пластичности экстерьеров. Несколько таких монументальных структуралистских сооружений запечатлели эту тенденцию в пространстве исторического центра Армавира.

70-е и 80-е годы минувшего столетия отмечены, помимо укрупнения окраинных микрорайонов значительными вторжениями в историко-архитектурный облик Армавира. В центре города на ул. Ленина между улицами Свердлова и Ефремова; на ул. Чичерина между улицами Комсомольской и Ленина; на углу улиц Р. Люксембург и Халтурина появились девятиэтажные жилые дома из силикатного кирпича, разрушающие высотную композицию центра города и частично (после военного урона) сохранявшееся пластическое единство сторон кварталов и уличных перспектив. Наибольший же ущерб историческому ландшафту Армавира в эти годы был нанесен массовой 5-ти и 9-ти этажной застройкой старинного района между улицами Р. Люксембург, К. Маркса, Жукова и Ефремова. Помимо утраты исторического силуэта и фактического уничтожения ряда панорам, открывавшихся из центра города в северо-восточном направлении на долину Кубани и живописные склоны Ставропольского плоскогорья, здесь был разрушен целый ряд значимых в градостроительном отношении капитальных дореволюционных зданий, среди которых особую ценность имели 3-х и 4-х этажные корпуса старинной мельницы И.А. Шехавцова с эклектичными фасадами, решенными в духе романской архитектуры.

А.А. Меряхина, С.В. Назаров

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА СССР В 1920–1930-Е ГГ. КАК КЛЮЧЕВОЙ ЭЛЕМЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

Аннотация. В статье продемонстрирована взаимосвязь социальной и продовольственной политики в СССР в 1920–1930-е гг. Раскрыто значение этой взаимосвязи в области перестройки социального устройства для нужд экономики и идеологии.

Ключевые слова: модернизация, советская кухня, советская история, повседневные практики, пищевая политика, пищевая культура.

FOOD POLICY OF THE USSR IN 1920–1930, AS A KEY ELEMENT OF THE STATE'S SOCIAL POLICY

Abstract. The article demonstrates the relationship between social and food policy in the USSR in 1920–1930. The significance of this relationship in the field of restructuring the social structure for the needs of the economy and ideology is revealed.

Keywords: modernization, soviet cuisine, soviet history, practices of everyday life, food policy, food culture.

На наш взгляд нет смысла в доказательстве актуальности тем, раскрывающих различные аспекты истории повседневности. Судьбоносные, значительные события, особенно по периоду истории СССР, изучены и представлены в науке довольно широко. Но для полноты исторической картины, её достоверности необходимо изучать повседневные практики и организацию быта. Именно через такие темы можно достигнуть максимального погружения в исторический процесс, либо в конкретную эпоху.

Система питания – это один из ключевых блоков бытовой культуры в целом. Она включает в себя не просто перечень предпочтительных продуктов питания населения в определенный исторический период, а также технологии и правила приготовления пищи, выражение повседневности и праздничности через характерные рецепты, подачу блюд, отношение к вкусу и насыщению. Обособить практики питания от понятия общественного невозможно. Поэтому через культуру потребления можно проследить социально-экономические, социально-политические и культурные характеристики общества.

То есть, на таком микроуровне хорошо видны последствия решений, принятых на глобальном макроуровне руководителями государства. Именно такую взаимосвязь мы и проследим в данной работе; как модернизационные процессы в СССР и социальная политика в 20–30 гг. XX в. повлияли на гастрономические практики в малых группах, то есть на уровне домашнего хозяйства, и на систему потребления всего общества и его отношение к потреблению в принципе.

Политика СССР, относительно культуры, в изучаемый период сочетала в себе понятия индустриализация, быт и эстетика. Именно из этого сочетания появляется советский «модеризационный проект». А он в свою очередь рождает знакомые понятия «культурная жизнь» и «культурный человек», они несли смысл о приобщении рабочего класса не только к бытовым, но и к эстетическим правилам и нормам [4, с. 161].

Так как модернизация – это не стихийный процесс, а регулируемый и движимый государством, то и изменения в системе потребления в СССР тоже были спланированы руководством страны и осуществлялись последовательно, согласно плану.

Путем обобщения конкретных планов и последующих результатов в развитии советской гастрономии и можно выделить ряд тенденций её развития. А именно:

- тотальная централизация, целью которой было четкое следование плану, под непосредственным государственным контролем;
- стандартизации рецептуры и вообще кулинарных практик общества (на протяжении нескольких десятилетий продовольственная рецептура трансформируется под общие задачи экономического развития);
- в преодолении старого сословно-классового деления общества, что вело к своеобразной «демократизации» питания, упрощению рецептов, распространению технологий, позволяющих готовить пищу быстро, из наиболее простых, дешевых и общедоступных продуктов.

«Социальной базой большевизма был рабочий класс и, в более широком смысле, индустриальный город, интересы которого они в 1917–1920 годах отстаивали жестко и бескомпромиссно. В результате большевистское руководство оказалось поставлено перед необходимостью продолжать индустриализацию, начатую П.А. Столыпиным и С.Ю. Витте, опираясь на новые отрасли, которые были созданы в начале XX века, но делать это совершенно другими методами и темпами» [3, с. 351].

Содержание планирования включало в себя фиксированное меню, диеты, распорядок потребления и др. Все эти элементы были объединены общей идеей, а именно соответствием образу жизни человека индустриального общества. Ожидаемо происходили процессы стирания границ между элитарным и массовым, точнее переход первого во второе. Ярким примером служит распространение именно в этот период условной «церемонии» домашнего чаепития, ведь в дореволюционный период, когда чай принадлежал к числу дорогих «колонизальных товаров».

Прослеживается логическая связь; опорой государства и объектом его социальной политики становится рабочий. Соответственно принимаемые меры в данной области разрабатывались с оглядкой на его интересы и конечные цели государства. Так подстраивался под индустриальный темп жизни режим приема пищи, он совпадала с графиком работы сотрудников фабрик и заводов, бюрократического аппарата. Время становится одним из самых дорогих и ценных ресурсов, поэтому его начинают экономить в тех этапах режима дня, где это было возможно – приготовление и прием пищи.

Задача, поставленная народным комиссаром продовольствия А.И. Микояном «накормить рабочего человека» [3, с. 347], была выполнена благодаря развитию заводских столовых, как способа быстрого и массового удовлетворения людей в питании. «Напомним, что в 1919–1920 годах в крупных городах большая часть населения распределялась по общественным столовым. В 1920 году станции общественного обслуживания обслуживали до 12 миллионов человек. На первый взгляд кажется трудным

предположить, что вы все-таки могли бы отказаться от домашней кухни. Очень часто они возражают: лучше готовить дома, или: вы приходите домой усталым, а потом тащитесь в столовую. Во-первых, если в 1919 году в столовых было плохо, то дома из круп без масла и картофеля много не сделаешь. Тогда было тяжелое, голодное время. С подъемом нашей экономики ситуация меняется» [10, с. 81].

О доминирующем положении и значении фабрик-кухонь в послереволюционные годы пишет и В. Похлебкин: «С чисто технической стороны общественное питание было представлено теоретикам сразу после революции как широкая сеть фабрик-кухонь и столовых... обеспечивающих огромные массы потребителей быстрыми и высококачественными горячими блюдами в течение всего дня...» [9, с. 147]. Начиная с 1920-х гг. предприятия общественного питания распространялись повсеместно, становясь неотъемлемой частью режима дня широких масс населения. Регулярное посещение столовых с их стандартным меню формировало вкусовые предпочтения и привычки многомиллионного числа трудящихся. В результате чего люди переносили выработанные ментальные установки на уровень домашнего хозяйства и своего быта.

Далее считаем необходимым раскрыть само содержание питания. Как не странно, но идеи индустриализации отражались и на самих блюдах. Ведущим принципом была питательность блюд, а не её вкусовые качества. Вкус не сочетается с целями массовости, это понятия индивидуальное, требующее внимание к каждой отдельной личности, что не входило в интересы государства. Поэтому размер порции, калорийность, вкусовые качества были установлены, исходя из потребностей и предпочтений большинства.

Неким связующим звеном общественного питания и домашней кухни стало распространение консервов. Они по своему содержанию являлись маркером индустриальной культуры потребления. Распространение консервных продуктов было частью продовольственной политики государства, которую оно с усердием продвигало. Ведь данный тип продуктов был удобен своими характеристиками касательно срока годности, длительности хранения без особых условий. Эти факторы были удобны для демонстрации эффективности системы распределения в стране. «Роль пищевых полуфабрикатов и консервов должна быть чрезвычайно велика... Работники должны иметь в своем распоряжении заводской продукт или полуфабрикат, требующий лишь небольшого разогрева, у них должны быть какие-либо рецепты приготовления этого продукта, на любой вкус» [8, с. 190].

В 1930-е гг., в связи с успехами СССР в области полного подчинения экономики государству, правительство возлагало на себя в полной мере задачу производства и распределения продуктов питания по всей стране. Решение этой задачи происходило через строительство гигантов пищевой промышленности. Строились мясокомбинаты, сахарные заводы, появлялись новые виды консервов – сгущенное и сухое молоко. Развивается и рыбная промышленность. Происходит механизация прибрежного лова, увеличение роли моторно-рыболовных станций, повышается удельный вес консервированной, мороженой, копченой рыбы по отношению к соленой [8, с. 11]. Если засаливание рыбы было традиционной с древних времен технологией, позволявшей накапливать пищевые запасы на зиму, то теперь переработка и хранение рыбы связывались уже с индустриальными технологиями. Что в свою очередь резко меняло и способы её употребления, рецептуру, вкус пищи, даже отношение к ней.

Именно по итогам описанных мер и их результатов происходит формирование понятия «Советская кухня». Оно объединяло в себе и общественный и личный семейный масштаб. Исследователи отмечают, что именно в 1930-е гг. происходит в буквальном смысле революция домашнего хозяйства, она становится противоположным тому, каким было до революции. Причины и суть – это все в тех же нуждах индустриализации. Необходимость в рабочих руках, как мужских, так и женских, сократила время пребывания

людей дома, особенно остро это выражалось в женских обязанностях. У хозяек элементарно не было времени на то, чтобы уделять быту и в частности приготовлению пищи значительную часть своего графика. В связи с этим домашняя кухня становилась похожей на кухню общепита, была такой же стандартизированной и активно включала в рацион полуфабрикаты, готовые продукты (в первую очередь хлебобулочные изделия) и все те же консервы.

Этот процесс может показаться стихийным и вполне естественным, но и здесь отрицать участие государства нельзя. «Особенно много ещё готовят дома всяких пирогов, пирожков, блинов, пельменей. Но как только налаживается в том или ином городе фабричное производство хорошего качества булочек, булочных изделий, всяких пирожков, пельменей и др., все охотно начинают их покупать, бросают домашнее приготовление.

Современная советская женщина должна освободиться от примитивного труда, от обидной тяжелой домашней работы... когда женщина видит, что за тот час, который она потратила на приготовление пищи дома, она может, работая на фабрике, сделать в десять раз больше и купить на свой заработок все необходимые товары, она старается от домашнего производства пищи отказаться» [8, с. 190].

В этот же период, а точнее во второй половине 1930-х гг. происходит ещё один этап трансформации гастрономической культуры. На этот раз изменения были вполне положительными. Экономические успехи государства позволили внести коррективы в систему потребления, и на этот раз в ней нашлось место вкусу. Пища теперь рассматривалась не только как источник калорий, но и как форма удовольствия. Ряд появившихся продуктов исследователи прозвали «роскошью для простого человека», к этому ряду отнесли: икру, шоколад и шампанское, массово распространяющееся мороженое.

Таким образом, перестройка гастрономической культуры и создание общественной системы питания стали одними из базовых рычагов перестройки общества на ранних этапах становления советского государства. Питание, как базовая потребность человека неотделима от личности, а значит и от всего социума. Природность и инстинктивность этой потребности позволяет через неё действительно управлять народными массами. Поэтому новая советская модель потребления стала полным отражением индустриальной экономической системы.

Можно сделать вывод, что в некотором смысле благодаря успешной продовольственной политике именно в ранний этап становления СССР были преодолены возникшие в этот период социальные противоречия и достигнут прогресс. Прогресс заключался в заложенных ментальных установках советского человека, которые так укоренились в дальнейшем и влияли на общественный порядок. И даже сегодня можно видеть следы этой работы, анализируя ностальгию людей, живших в СССР, по «тому вкусному пломбиру», пельменным, автоматам с газировкой и пр.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Генис А. Колобок и др. кулинарные путешествия. М.: Астрель, 2010. 416 с.
2. Добренко Е. Гастрономический коммунизм: вкусное vs. Здоровое // Неприкосновенный запас. 2009. № 2 (64). С. 155–173.
3. Кагарлицкий Б. Периферийная империя. Россия и миросистема. М.: urSS, 2011. 456 с.
4. Козлова Н.Н. Социально-историческая антропология. М.: «Ключ», 1999. 192 с.
5. Луначарский А. О быте. Л.: Государственное издательство, 1927.
6. Микоян А. Добьемся изобилия пищевых продуктов. Партиздат Цк ВкП(б), 1936.
7. Микоян А. Общественное питание на новую ступень. М.: Снабтехиздат, 1933.
8. Микоян А. Пищевая индустрия Советского Союза. М.: Пищепромиздат, 1941. 286 с.
9. Похлебкин В. Кухня века. М.: Полифакт, 2000. 616 с.
10. Семья и брак в прошлом и настоящем. М.: «Современные проблемы», 1927.

ДАГЕСТАНЦЫ – УЧАСТНИКИ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ТЫЛУ ВРАГА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 ГГ.)

Аннотация. В статье рассматривается сложный период первых месяцев начала Великой Отечественной войны, когда Красная Армия отступала с большими потерями и партизанское движение начало возникать стихийно. Партийно-советскими органами Советского Союза с первых дней начала Великой Отечественной войны были определены задачи и население было призвано оказывать помощь Красной Армии и фронту, сопротивление врагу, создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями фашистской армии. Рассматривается участие представителей народов Дагестана вместе с представителями других народов нашей страны в партизанской борьбе на территориях Советского Союза, оккупированных немецко-фашистскими захватчиками в 1941–1944 гг. А. Исаев и другие дагестанцы вели партизанскую войну в глубоком тылу врага. Партизаны наносили настолько ощутимый урон фашистам, что вермахт бросил против партизан в общей сложности 25 дивизий. Сопротивление фашизму, гитлеровским захватчикам и борьбе с ним сплотила людей разных национальностей и народов нашей страны, которые, несмотря ни на что, мужественно боролись с жестоким врагом человечества и побеждали.

Ключевые слова: Советский Союз, Великая Отечественная война, армия, Дагестан, партизанская война, народы, сплоченность, героизм, мужество.

DAGESTANIS – PARTICIPANTS OF THE PARTISAN MOVEMENT BEHIND ENEMY LINES DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1945)

Abstract. The article examines the difficult period of the first months of the beginning of the Great Patriotic War, when the Red Army retreated with heavy losses and the partisan movement began to arise spontaneously. From the first days of the beginning of the Great Patriotic War, the party-Soviet bodies of the Soviet Union defined the tasks and called upon the population to assist the Red Army and the front, resist the enemy, create partisan detachments and sabotage groups to fight the units of the fascist army. The participation of representatives of the peoples of Dagestan together with representatives of other peoples of our country in the guerrilla struggle in the territories of the Soviet Union occupied by the Nazi invaders in 1941–1944 is considered. A. Isaev and other Dagestanis waged a guerrilla war in the deep rear of the enemy. The partisans inflicted so much damage on the fascists that the Wehrmacht threw a total of 25 divisions against the partisans. Resistance to fascism, the Hitlerite invaders and the fight against it united people of different nationalities and peoples of our country, who courageously, despite everything, fought against the cruel enemy of humanity and won.

Keywords: The Soviet Union, the Great Patriotic War, the army, Dagestan, guerrilla warfare, peoples, unity, heroism, courage.

22 июня 1941г., фашистская Германия вероломно, без объявления войны, напала на Советский Союз, нарушив договор о ненападении от 23 августа 1939 года. Фашистский вермахт, покоривший до этого почти все страны Западной Европы, поставил своей целью захват советской земли, истребление миллионов советских граждан, разграбление богатств и природных ресурсов СССР. Вермахт рассчитывал установить фашистский «нового порядка» и превратить нашу страну в немецко-фашистскую колонию. При этом народам нашей страны была отведена самая незавидная роль – уничтожение.

Благодаря мужеству, отваге и титанических усилий всего многонационального советского народа эти чудовищные планы фашистов были уничтожены. Все народы нашей многонациональной страны сплотились вокруг русского народа в одну единую боевую семью и поднялись на священную войну во имя защиты Родины, чести, свободы и независимости.

С первых дней Великой Отечественной войны партийные и советские органы Дагестана включились в работу по мобилизации всех сил республики на оказание помощи фронту, укрепление тыла. Так, вечером 22 июня в городском саду г. Махачкалы состоялся большой митинг трудящихся, где была принята резолюция, в которой говорилось: «Мы полны ненависти к подлому врагу, полны решимости бороться за наше правое дело, за Родину!» [8].

В первый же день Великой Отечественной войны в военкоматы стали поступать от населения сотни заявлений с просьбой отправить на фронт. Среди подавших заявления были мужчины, женщины, партийные и беспартийные, молодежь и старики. В городе Буйнакске уже к 2 часам дня поступило около 100 заявлений от добровольцев, в Махачкале – более 200 заявлений [9]. Викринская комсомольская организация Дахадаевского района 23 июня на своем общем собрании вынесла следующее решение: «Просим райвоенкомат дослать нашу комсомольскую организацию в количестве 19 человек добровольцами в действующую часть Красной Армии» [7].

Директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. № П509 партийным и советским организациям прифронтовых областей о мобилизации всех сил и средств на разгром фашистских захватчиков [24], определил задачи партийно-советских, комсомольско-молодежных организаций, призвал их «...Укрепить тыл Красной Армии, уничтожать диверсантов, создавать истребительные батальоны. ...создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде.... В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия...» [24].

Партизанское движение с самого начала было глубоко народным, патриотически движением Советского народа и носило интернациональный характер. Представителей разных национальностей, вероисповедания объединяла единая задача – уничтожение фашистских захватчиков в тылу. К началу битвы за Кавказ (к весне 1942 г.) только на территории Дагестана было создано десять партизанских отрядов, общим числом 503 человека [16, с. 191].

В Дагестане на основании приказа наркома внутренних дел ДАССР «Об организации истребительных отрядов НКВД на территории ДАССР» [19, с. 387–388] от 25 октября 1941 г. для борьбы с разного рода диверсантами были сформированы и функционировали 37 истребительных батальонов общей численностью 2 050 человек [19, с. 407–408].

В Дагестане с первых же дней начала войны были сформированы для отправки на фронт боевые соединения: 44-я и 58-я армии, в состав которых вошли тысячи дагестанцев, 91-я стрелковая дивизия (впоследствии Краснознаменная Мелитопольская), Махачкалинская стрелковая дивизия НКВД, 744-й зенитно-артиллерийский полк, состоявший из 980 дагестанских девушек комсомолок, отдельный Дагестанский кавалерийский эскадрон, Кизлярский кавалерийский эскадрон, а также экипаж бронепоезда «Комсомолец Дагестана», построенного на средства собранные жителями республики, начал функционировать Буйнакское пехотное училище, готовивший кадры для фронта.

Многие партизанские отряды возникали стихийно. Партизанские отряды создавало само население, куда чаще всего вливались как отдельные воины Красной Армии, так и подразделения регулярных воинских частей вышедшее из окружения [21, с. 7].

В период Великой Отечественной войны Центральный штаб партизанского движения при ставке Верховного главнокомандования возглавлял А.К. Пономаренко, который отмечал, что с фашистскими захватчиками сражались миллионы партизан, народно-освободительных сил.

В годы Великой Отечественной войны сотни дагестанцев мужественно плечом к плечу с русскими, белорусами, украинцами, казаками и с представителями других народов нашей страны самоотверженно сражались в тылу врага в партизанских отрядах, оказывая огромную помощь в достижении Великой Победы советской Красной Армии.

Партизаны и подпольщики, действовавшие в тылу противника и участники движения Сопротивления, в рядах которых также принимали активное участие представители Дагестана, развернувшегося в годы войны в европейских странах, также вносили свою лепту в деле уничтожения фашистских агрессоров.

Об участии представителей Дагестана в партизанском движении, развернувшегося на оккупированной немецко-фашистскими захватчиками территории Советского Союза, в европейском движении Сопротивления, а также в подпольной антифашистской борьбе в тылу врага, лагерях для военнопленных и концлагерях в годы Великой Отечественной войны мы узнаем из опубликованных документов и материалов. Ценные сведения сохранились также в опубликованных воспоминаниях, участников событий того времени [11; 20; 19], и в материалах и очерках о народных мстителях опубликованных в журналах и газетах [2].

Фашистские захватчики с первого же дня начали оккупировать территорию Белоруссии, затем Украины и двигались на Восток в направлении Минск-Смоленск-Москва, встречая отчаянное и ожесточенное сопротивление советского народа. Но на оккупированных землях с первых же дней войны начали действовать ушедшие в подполье и в леса группы населения, создавая партизанские отряды, оказывая сопротивление жестокому врагу. В рядах партизан оказывались, и некоторые военнослужащие, оставшиеся в живых после тяжелых боев и расформирования их подразделений, которые организовывали партизанские отряды и вели неустанную борьбу с фашистами.

Партийно-советские органы с первого же дня приняли меры для оказания сопротивления врагу. Так, 30 июня 1941 г. ЦК Компартии Белоруссии принял директиву № 1 «Переходе на подпольную работу партийных организаций районов, занятых врагом» [13, с. 255], а 1 июля директиву № 2. «По развертыванию партизанской войны в тылу врага» [3, с. 53], в которой отмечалось, что «все коммунисты и комсомольцы, способные носить оружие, остаются территории, занятой врагом» [3, с. 53–54] для ведения подпольной и партизанской войны.

Как и многие советские красноармейцы, командиры, некоторые дагестанцы также оказались отрезанными от фронта в результате наступательных действий гитлеровцев, которые влились совместно с местными патриотами и действовали в партизанских отрядах в тылу врага, нанося ощутимый урон фашистам. Совместно с белорусскими партизанами воевали боевые действия представители Дагестана, такие как Владимир Бондаренко, Исхак Хуто, Кучука Инарокова призванные на войну из города Махачкала, Николай Гордиенко из г. Дербента, Шихшериф Мирзабеокв из села Каякент, Никакади Курбанов из села Акуша, Зульпукар Зульпукаров из села Левашаи и др.

Партизанский отряд Никола Гордиенко, выходца из г. Дербента, совершил огромный переход из Минской области до Восточной Пруссии. Пройдя всю Белорусскую область и Литву, его отряд уничтожил на пути мосты, укрепления, железнодорожные пути и гарнизоны, всячески мешая обходу немецких войск [10; 18, с. 219–227].

В партизанском отряде им. К.Е. Ворошилова организованного в районе города Орш мужественно сражался дагестанец Зияудин Мирзоев из рабочего поселка «Дагестанские Огни». В партизанском отряде «Народный мститель» отважно сражался с фашистскими оккупантами дагестанец Сергей Бритвин.

В течение лета 1941 г. большая часть Украины также была оккупирована фашистами, где также были приняты меры для организации боевых действий против фашистских захватчиков на оккупированной фашистами территории.

Более 240 тысяч патриотов-добровольцев сражались против фашистских захватчиков, ведя подпольную и партизанскую войну, среди которых были представители более 60 наций и народностей нашей страны [25, с. 364–365], в том числе и представители народов Дагестана. Так, в составе партизанского отряда М.М. Скирда, действовавшего в районах Черноного леса Кировоградской области, сражались против фашистских оккупантов 23 дагестанца [11, с. 634–644].

В районе Каменец-Подольский действовал партизанский отряд им. М.И. Калинина, где отважно сражались с фашистскими ордами 3 представителя Дагестана: аварец Газимогомед Гамзатов из селения Согратль Гунибского района, лакцы Паша Гамзатов и Гамзат Ибрагимов из Лакского района Дагестана [11, с. 579–580].

В музеях городов Калинин, Нелидово, Юго-Западной Двине и в других школьных музеях сохранились документы и материалы о боевых подвигах, совершенных Магомедом Гамзатовым в партизанских отрядах [1, с. 194–195].

В белорусских лесах в партизанских отрядах в рядах разведчиков находилась комсомолка из села Химакуро Хунзахского района Дагестана Разият Магомедовна Дибирова. До войны она работала заведующим общим отделом Цумадинского райисполкома в селении Агвали. В первые дни войны она обратилась в районный военный комиссариат с просьбой направить ее на фронт. Первоначально ей отказали, но она не отступала и в апреле 1942 г. Разият Дибирова была направлена в Москву на учебу на курсы радисток для работы в тылу врага. После завершения учебы она получила направление в отряд особого назначения. В одну из июньских ночей 1943 года отряд был заброшен самолетом в тыл фашистских войск, в район, где действовали бойцы партизанского отряда Героя Советского Союза И.В. Зибницкого. Полтора года Разият Магомедовна вместе с группой чекистов вела нелегкую работу на оккупированной немцами белорусской земле. Первоначально Разият Дибирова была в составе большого диверсионно-разведывательного отряда, насчитывавшего более 200 человек. Впоследствии в оперативных целях отряд был разбит на четыре самостоятельные группы, и Разият оказалась в группе с условным названием «Днепр». С июня 1943 года по июнь 1944 года отряд пустил под откос 7 эшелонов противника, уничтожил 2 танка, 57 автомашин, 611 фашистских солдат и офицеров, взорвал 24 моста, 4 склада, электростанцию – локомотив, 22 повозки с оружием, участвовал в 14 боевых операциях против фашистских карателей [17, с. 40–42].

Разият Магомедовна со своей «Белкой» (передатчиком), весом 15–17 кг, бесстрашно шагала по белорусским лесам и болотам вместе с другими партизанами, поддерживая связь с Москвой. Одновременно она сама участвовала в боях с оккупантами, в частности, в районе Бобруйска.

За боевые подвиги Р.М. Дибирова была награждена орденом Отечественной войны II степени и медалями «Партизану Великой Отечественной войны» I степени, «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и др.

В период Великой Отечественной войны на всю страну прославилась своими боевыми подвигами в тылу врага знаменитая отдельная мотострелковая бригада особого назначения (ОМСБОН) Наркомата внутренних дел СССР, сформированная летом 1941 года в Москве из наиболее крепких спортсменов, мастеров спорта – добровольцев. Первыми добровольцами в отряды ОМСБОНа записались известные спортсмены, мастера спорта: один из сильнейших штангистов мира Николай Шатов, выдающиеся борцы Григорий Пыльнов и Леонид Егоров, боксеры с мировым именем Николай Королев и Сергей Щербаков, легкоатлеты – братья Георгий и Серафим Знаменские, дискболы Леонид Добровольский и дагестанец Али Исаев, уроженец села Урахи Сергокалинского района Дагестана.

К тому времени А. Исаев был популярным спортсменом, чемпионом спартакиады народов Кавказа (1935 г.), Дагестана (1936 г.) по метанию камня, неоднократный чемпион г. Москвы и спортивного общества «Динамо» по метанию диска. Али Исаев был первым дагестанцем, заслужившим звание мастера спорта еще в предвоенные годы.

В октябре 1941 года, когда в Москве было введено осадное положение, отдельным отрядам ОМСБОНа было поручено охранять особо важные объекты города, а другие подразделения сражались с врагом на ближних подступах к столице. Когда началось контрнаступление советских войск, отряды ОМСБОНовцев были заброшены в тыл врага.

Бойцы-спортсмены, действовавшие в тылу врага, покрыли себя неувядаемой славой. Отличная физическая подготовка, вера в нашу победу и постоянная поддержка ОМСБОНовцев со стороны местного населения позволили им действовать решительно, и смело, перенести тяготы продолжительной партизанской жизни.

Али Исаев в составе отряда А.П. Шестакова, под кодовым названием «Славный», о котором высоко отзывался Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский, ночью 18 апреля 1942 года перешел линию фронта, и его «командировка» по тылам оккупантов длилась более двух лет, до 24 мая 1944 года. Тысячи километров прошел вместе с отрядом Али Исаев партизанскими тропами: Брянск, Могилев, Гомель, Гродно... Шестаковцы взрывали мосты, пускали под откос поезда, совершали налеты на вражеские гарнизоны, добывали ценные сведения о противнике. В белорусских лесах против 150 бойцов партизанского отряда было брошено более двух тысяч гитлеровцев, которые пытались окружить партизан. Но ОМСБОНовцы сумели уйти, нанеся существенный урон врагу [5]. Али Исаев был лучшим гранатометчиком в отряде, что нередко выручало партизан при сложных ситуациях.

Под новый 1943 год А. Исаев между Гомелем и Могилевым взорвал два железнодорожных моста, пустил под откос два эшелона с живой силой и военной техникой противника.

Как рассказывал заслуженный тренер СССР, заслуженный мастер спорта Л.А. Митропольский, воевавший с А.Х. Исаевым: «Группа партизан, в которую входил Али, открыто, среди белого дня вошла в занятую фашистами деревню Орнавка. Причем у околицы партизаны едва не столкнулись с немцами, но не стали прятаться и те приняли их за полицейских, на что, верно, партизаны и рассчитывали. Выяснив, где расположились оккупанты в деревне и сколько их, партизаны залегли вдоль шоссе. Вскоре показался автомобиль, Али вышел из укрытия, бросил гранату. Несколько фашистов было убито. Среди них оказался и комендант города Кромы, проливший немало крови невинных людей. Кокарда с его фуражки до сих пор храниться у Али Исаева, вместе с кокардой фашистского генерал-лейтенанта, которого Исаеву при подобных обстоятельствах удалось взять живым [15, с. 3]. Итальянского генерала А. Исаев захватил в местечке под Зеленой Поляной, где были труднопроходимые, так называемые чечерские леса. Здесь он подорвал гранатой легковую автомашину, в которой оказался, причем живой, генерал-итальянец. Его отправили, куда надо, а его кокарду и фуражку Али сохранил себе на память...» [26].

На боевом счету отважного воина-спортсмена А. Исаева было немало подвигов. Достаточно указать, что на территории Белоруссии А. Исаев пустил под откос и взорвал эшелон противника. За эти подвиги он был награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени, медалями «Партизану Отечественной войны» I степени, «За отвагу» и другими. Наряду с боевыми наградами, на его лацкане пиджака еще несколько значков высшего спортивного отличия: дважды чемпиона СССР и четырехкратного чемпиона общества Динамо» по метанию диска [26].

В музее боевой славы ОМСБОНа г. Москвы на стенде красуется портрет, опоясанный алой лентой, увешанный значками воинской и спортивной доблести Али Исаева [4].

Другой представитель Дагестана уроженец небольшого лакского аула Шовкра, бывший учитель, инспектор Лакского районного отдела народного образования Гаджи Магомедович Макаев был призван в ряды Красной Армии еще до начала Великой Отечественной войны и в белорусском городе Дорогобуж учился в военной школе по подготовке младших командиров. Однако началась война. Г. Макаев ее встретил на белорусской границе и оказался в окружении под г. Бобруйск, но не растерялся, принял решение остаться в лесу и создать партизанский отряд, куда входило более 20 человек разных национальностей, в основном русские, белорусы, украинцы и другие, которых объединяла общая цель – борьба против фашистских агрессоров. Партизанский отряд под командованием Гаджи Макаева пускал под откос, и взрывали немецкие поезда,

взрывали водокачки, вели партизанскую войну с фашистами. В период боевых операций белорусских лесов поздней осенью 1941 г. Г. Макаев встретил среди партизан своих земляков – Гази Баркуева из аула Чуртах и Шихамира Асхабова из села Шовкра, которые тоже влились в его отряд [14].

Партизанский отряд Г. Макаева зимы 1941 года вел подпольную работу, сочетая ее с партизанскими действиями в районе г. Бобруйск, а с осени 1943 года на литовской земле. По заданию командования лудильщик Г. Баркуев обосновался в городе Каунас и с помощью Я. Кардашевой установил связь с местными подпольщиками. Связь с партизанами Г. Баркуев также поддерживал через Я. Кардашеву. Пользуясь сведениями, передаваемыми Г. Баркуевым, партизаны Г. Макаева наносили фашистским карательным отрядам серьезные удары. Вскоре здесь заговорили о смелых налетах отряда Г. Макаева. Гитлеровцы предпринимали всяческие меры для его уничтожения. В окрестных селах появились листовки, обещавшие крупную сумму денег за голову Г. Макаева. Но партизаны были неуловимы. В ходе военной операции в деревне Вензагала при попытке захвата немецкого военного штаба Г. Макаев был тяжело ранен и попал в плен. Фашисты бросили его в форт № 9 – «форт смерти» – крепости, расположенной в шести километрах от Каунаса. Здесь фашисты замучили более 70 тыс. узников, советских граждан. Не случайно, что в сообщении Чрезвычайной государственной комиссии о преступлениях в Литве было отмечено: «Перед тем, что творилось за этими бетонными стенами, бледнеют костры инквизиции и пытки средневековья. Обшарпанные своды казематов, пыльные стенки вещевых полок, покрытые надписями, ряд грязных нар с кровавыми пятнами предстают перед нами как немые свидетели фашистских преступлений» [2, с. 70; 14].

В одном из подземных казематов форта № 9 офицер, командир партизанского отряда, комсомолец Гаджи Макаев, расстрелянный гитлеровскими палачами, оставил следующую надпись: «Макаев Гаджи Магомедович, 1919 года рождения. Кавказ, Дагестан, сел. Шовкра. 5 июля 1944 года прибыл. Прошу сообщить в Ковно, Яновская улица № 108, Кардашевой Яне, или Яновская улица, 228, Баркуеву, что я расстрелян» [6, с. 240].

Эта трагическая надпись потом была занесена в акт Государственной комиссии по расследованию гитлеровских злодеяний в Литве. Она явилась документом, изобличающим гитлеровских убийц. Г. Макаев один из тех, коих гитлеровцы не смогли сломить никакими пытками. В Каунасе на братской могиле воинов, где похоронен Макаев, установлен памятник.

Баркуев Гази и Асхабов Шихамир мстили врагу за гибель своего боевого командира партизанского отряда Г. Макаева. Минометчик Гази Баркуев после освобождения Литвы в составе регулярных частей Красной Армии дошел до Берлина и по окончании войны так же, как и Шихамир Асхабов, вернулся в родной Дагестан. Таких примеров много.

Советские партизаны и подпольщики в тылу немецко-фашистских захватчиков уничтожали живую силу и технику, нанося колоссальный крон вермахту. Как отмечал П.К. Пономаренко, советскими партизанами под откос было пущено более 20 000 вражеских эшелонов, взорвано более 12 000 железнодорожных и шоссейных мостов, взяли в плен сотни тысяч фашистских солдат и офицеров, в том числе с секретными документами и картами и т. д. [22, с. 9–10].

На борьбу с партизанским движением, по подсчетам немецкого историка Г. Кюнриха, руководство фашистской Германии бросило в общей сложности 25 дивизий вермахта, 327 543 эсэсовца, солдата и офицера СД (Службы безопасности СС) и полиции, и около 500 тысяч вспомогательных войск [27, s. 432].

Для борьбы против советского населения, оказывавшего фашистам ожесточенное сопротивление, было брошено общей сложности более 50 дивизий [23, с. 378].

Дагестан на территории, которой проживало около 1 млн человек, дал фронту 180 тыс. отважных бойцов и командиров, из которых более 90 тыс. человек не вернулось с полей битв, 59 дагестанцев были удостоены высоких званий Героя Советского Союза и 7 человек стали полными кавалерами ордена Славы.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны более миллиона граждан нашей многонациональной страны, в том числе и дагестанцы, плечом к плечу сражались за Родину, за свою свободу, честь и достоинства с оружием в руках в партизанских отрядах против немецко-фашистских оккупантов. Имена славных героев Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. покрыты навсегда немеркнущей славой. Бессмертные подвиги защитников Отечества навсегда останутся в памяти народа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдуллаев М.А. Деятельность и воззрения шейха Абдурахмана Хаджи и его родословная. Махачкала: Юпитер, 1998. 288 с.
2. Бабаев А.Б. Дагестанцы – участники партизанской борьбы и движения Сопротивления. 1941–1945. Махачкала: Дагкнигоиздат: Лотос, 2010. 216 с.
3. Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941-июль 1944). Документы и материалы. Т. 1. Минск, 1967. 744 с.
4. Гарумов М. Бригада особого назначения // Дагестанская правда. 1995. 8 февраля.
5. Гасан-Гусейнов М. Стал спортсмен партизаном // Дагестанская правда. 1995. 16 декабря.
6. Говорят погибшие герои. Предсмертные письма советских борцов против немецко-фашистских захватчиков (1941–1945 гг.). 6-е изд. М.: Политиздат, 1979. 495 с.
7. Дагестанская правда. 1941. 16 июля.
8. Дагестанская правда. 1941. 23 июня.
9. Дагестанская правда. 1941. 24 июня.
10. Дагестанская правда. 1978. 7 мая.
11. Дагестанцы на фронтах Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Воспоминания участников. Махачкала, 1960. 708 с.
12. Дагестанцы-участники партизанской борьбы в годы Великой Отечественной войны // Политический собеседник. Махачкала. 1990. № 7.
13. История Коммунистической партии Советского Союза. В 6 т. Т. 5. Кн. 1. (1938–1945). М.: Политиздат, 1970. 722 с.
14. Кажлаев Д. Узник «форты смерти» // Дагестанская правда. 1984. 15 ноября.
15. Канаев М. Будьте такими как мы // Комсомолец Дагестана. 1985. 28 мая.
16. Колесник А.Д. РСФСР в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1982. 328 с.
17. Муртузалиев О., Абакаров Т. Война вне фронта. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1980. 93 с.
18. Мусаева С.И. Героизм дагестанцев на фронтах Великой Отечественной войны // 80 лет со дня начала Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). // Матер. всеросс. науч.-практ. конф. посвященной 80-летию начала Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Отв. ред. М.Р. Нахаев. Грозный, 2021. С. 219–227.
19. Народы Дагестана в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. / Сост.: Какагасанов Г. И., Бутаев М. Д., Джамбулатова Р. И., Чекулаев Н. Д.. Махачкала: Типография ДНЦ РАН, 2005. С. 407–783 с.
20. О чем не говорилось в сводках. Воспоминания участников движения Сопротивления. Сборник. М.: Госполитиздат, 1962. 455 с.
21. Партизанское движение: По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Военно-исторический очерк. Жуковский. М.: Кучково поле, 2001. С. 7. 461 с.
22. Пономаренко П.К. В тылу врага // Новое время. 1965. № 19. С. 9–10.
23. Пономаренко П.К. Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков 1941–1944. М.: Наука, 1986. 438 с.
24. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 3. С. 38–39.
25. Советские партизаны. Из истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. Сборник статей. М., 1963. 799 с.
26. Федоров В. «Брянский джигит» // Махачкалинские известия. 2000. 10 марта.
27. Kühn H. Der Partisanenkrieg in Europa 1939-1945. Berlin. 1965. 755 с.

РАЗВИТИЕ МАССОВОГО КУРОРТНОГО ТУРИЗМА В СССР НА ПРИМЕРЕ СОЧИ

Аннотация. В статье рассматривается процесс становления массового курортного туризма в СССР на примере Сочи. Раскрыты причины и особенности становления курортной зоны. Выявлена роль Сочи в развитии советского туризма.

Ключевые слова: курортный туризм, советский отдых, история Сочи, всесоюзная здравница.

THE DEVELOPMENT OF MASS RESORT TOURISM IN THE USSR ON THE EXAMPLE OF SOCHI

Abstract. The article examines the process of formation of mass resort tourism in the USSR on the example of Sochi. The reasons and features of the formation of the resort area are revealed. The role of Sochi in the development of Soviet tourism is revealed.

Keywords: resort tourism, Soviet recreation, the history of Sochi, the All-Union health resort.

В ряду туристских потоков 1920–1930-х гг. курортный туризм (особенно черноморский) был наиболее популярным. История Сочи как всесоюзной здравницы началась с середины 1930-х гг., когда рядом постановлений советского правительства город был объявлен ударной стройкой. Под лозунгом «Дворцы рабочим!» стали восстанавливать дачи состоятельных москвичей и петербуржцев, построенные до революции и разграбленные в революционные дни. При этом основы для становления курортной зоны были заложены советской властью ещё в 1920-е гг.

Стоит отметить, что уже в июле 1920 г. в Сочи создается управление сочинского курортного района. Первым его директором назначили профессора Рубашкина, впоследствии возглавившего в районе борьбу с малярией. Управлению курорта на протяжении начала 1920-х гг. были переданы все имения, пансионаты, гостиницы, дачи, конфискованные (иногда выкупленные) у частных владельцев.

В 1921 г. в Сочи стали освобождаться помещения, занятые различными организациями, в которых могли разместиться курортные учреждения и которые передавались Управлению курортного района. Это производилось во исполнение декрета СНК от 11 июля 1921 г., в котором предписывалось: «В месячный срок освободить, согласно производственного плана Народного Комиссариата здравоохранения в курортных местностях общегосударственного значения Крыма, Кавказа, Кавказских групп: Кубано-Черноморского и Одесского лиманов, все помещения и здания, пригодные для устройства санаторий, занимаемые советскими учреждениями, включая военные... и передать их в введение Курортных управлений» [Цит. по: 2, с. 19].

Таким образом, Сочи в масштабах страны в те годы не был выделен в отдельный курортный район. На основании положения об управлении курортными советскими хозяйствами, 4 февраля Наркомздравом было образовано 4 курортных района в стране [6, с. 169].

В начале 1920-х гг. в Сочинском районе работало несколько десятков врачей и фельдшеров (примерно 63 врача), которые были объединены в «Медицинское общество». Общество решало многие вопросы взаимоотношений между врачами, проблемы медицинского обеспечения населения и развития курорта. Оно было и центром научной работы в районе. Врачи не конфликтовали с властями. Работы им в первые годы советской власти хватало. Это борьба с эпидемиями, обслуживание местного населения и курортников. Для сочинского курорта сохранение кадров врачей сыграло большую положительную роль.

Курорт постепенно восстанавливался. В 1920 г. отдыхающих уже принимали гостиницы «Кавказской Ривьеры», санаторий «Сальве» (ныне им. Я. Фабрициуса) и другие здравницы. Расширялись границы курортного района.

Предписанием Кубчерноблисполкома от 28 июня 1922 г. за курортным управлением были закреплены Верещагинская и Хлудовская (район Ривьеры) стороны Сочи и некоторые дома в верхней части города. Вся прибрежная полоса района предназначалась для создания здравниц. Здесь запрещалось какое-либо строительство, производство сельхозпродукции, рубка лесов и любая производственная деятельность.

В 1921–1922 годах строительство новых санаторных учреждений в Сочи не проводилось. Переданные курортному управлению помещения, дачи, виллы и гостиницы в большинстве своем вообще не использовались – не хватало средств даже на ремонт и содержание зданий. И многие дачи и земельные наделы курортное управление передавало на правах аренды частным лицам. Иногда арендную плату за них брали ремонтом и оборудованием помещений, охраной имущества, находящегося в них.

Для улучшения управления курортом в Сочинском районе в 1923 г. было создано 4 замкнутых курорта:

- Мацеста (территория долины р. Мацесты, включая побережье);
- Васильковское урочище (район с. Нижнее Раздольное и побережье);
- Уч-Дере (побережье от Дагомыса до Вардане);
- Сочи (Хлудовская и Верещагинская стороны города) [7, с. 141].

В 1920-е годы перед открытием курортного сезона (в мае) курортное управление не только руководило ремонтом здравниц, но и обеспечением их кадрами. На лето по его разнарядкам в Сочи приезжали врачи и медсестры из Москвы, Петрограда и других городов.

В 1923 году только в Верещагинском курортном районе по плану Управления предполагалось развернуть 300 санаторных коек. В апреле здесь были открыты санатории «Светлана», «Элите», «Общества женщин-врачей», «Дача Якобсона», «Малый Якобсон», «Черноморский», «Покровский», «Исаина», «Горина и Филатова», «Эйрене» [2, с. 46].

В 1924–1925 гг. медчастью СКУ были составлены положения и инструкции, в которых были точно расписаны порядок приёма больных, их распределение по здравницам, отправка после лечения, режим, согласно с профилем санаториев, внутренний распорядок, работа персонала, системы отпуска мацестинских ванн [4, с. 73].

Немало здравниц открывалось по личным указаниям первых лиц страны. В Сочи открылись санатории по указаниям И. Сталина, К. Ворошилова, С. Орджоникидзе и других известных деятелей. На протяжении почти всех двадцатых годов курорт работал 7 месяцев в году. Только в конце 1920-х – начале 1930-х гг. здравницы стали функционировать почти круглый год. В зимние месяцы больных принимали лишь несколько частично заполненных санаториев. Общее количество врачей, обслуживающих город и курорт, было большим. В 1930 г. только в трех поликлиниках курорта работало 88 врачей. Они обслуживали и отдыхающих, и местных жителей [2, с. 69].

Большой проблемой считалось налаживание хорошего питания в здравницах. Первое социалистическое хозяйство в Сочи было образовано в 1920 г. на конфискованных землях одного из богатейших жителей города А. Костарева (современный район Арета). Позже оно получило наименование – совхоз им. В.И. Ленина. Потом на его основе образовался консервный комбинат им. В.И. Ленина. Этот совхоз подчинялся СКУ, и продукция, производимая им, в основном шла в санатории. Но прежде всего продукты питания для курортников санатории заготавливали хозспособом, путём покупки их на рынках города. Рынки же в Сочи были очень дорогими, и на них не было разнообразия продуктов. Поэтому питание обходилось отдыхающим очень дорого. И на плохое питание в санаториях поступало много нареканий от больных. Только к 1930 г. питание в здравницах значительно улучшилось. Средняя калорийность питания в разных санаториях колебалась от 1762,6 до 2463,8 калорий в день [3, с. 69].

Самой большой медицинской проблемой курорта была малярия. Этой болезнью болело не только значительное количество жителей побережья, но заболели и приезжающие на лечение отдыхающие. Это было одной из самых больших сложностей, тормозивших развитие курорта. Для борьбы с этой болезнью в 1921 г. в Сочи создается малярийная станция, которая производила различные противомаларийные работы и мероприятия на всем побережье от Гагр до Туапсе. Сотрудники станции проводили обследование населения, лечение болезни, собственными силами ликвидировали очаги обитания малярийных комаров – путём осушки заболоченных мест, выпуска в водоемы рыбок гамбузий, поедавших личинки комаров и нефтевания водоемов. Результатом такой ее деятельности явилось значительное снижение количества первично заболевших малярией. Даже в популярном в то время путеводителе по «Черноморскому побережью» (автор С. Анисимов) обращалось внимание отдыхающих на опасность заражения в Сочи малярией. «При найме помещения, – писалось в нем, – нужно непременно иметь ввиду, что нижняя часть города опаснее по малярии» [1].

Основной лечебной базой курорта оставалась Мацеста. Многие приезжали в город только для того, чтобы произвести лечение своих болезней мацестинскими водами. И на Мацесте действовал специальный санаторий, в котором лечение производилось в основном только сероводородными водами. Из других здравниц лечиться на Мацесту возили гужевым транспортом либо на автомашинах. В 1924 г. на Мацесте прорубили первую скважину. До этого пользовались только сероводородной водой, которая шла самотеком из трещин в горных породах. Глубина первой скважины – 57,9 сажен. В (1925 г. заложили вторую скважину). В 1924 г. из этой скважины было получено 50 000 ведер мацестинской воды хорошего качества. Специалисты, исследовавшие воду из скважины, отмечали, что эта вода «более минерализованная и более высокой температуры», чем сероводородная вода из обычных источников.

В Сочи приезжали отдыхать многие известные партийные и государственные деятели. Здесь отдыхали М. Калинин, И. Сталин. В 1929 г. в Сочи отдыхал председатель Совнаркома А.И. Рыков. В этом же году в санатории «Сальве» лечился и известный военачальник Я. Фабрициус. Когда он после отдыха отбывал к месту службы, самолет, на котором он находился, упал в море около Сочи. После его гибели санаторий «Сальве» переименовали в санаторий им. Я. Фабрициуса [5, с. 64].

К концу 1920-х гг. обстановка в СССР стабилизировалась. Было практически полностью восстановлено разрушенное Гражданской войной народное хозяйство, во многих отраслях произошёл значительный рост производства. Улучшилось по сравнению с послевоенным временем материальное положение населения.

Так как Сочи предполагалось развивать как всесоюзную здравницу, а на строительство в городе целенаправленно выделялись большие средства, правительство решило возложить руководство реконструкцией курорта на одно лицо, которое бы подчинялось не региональным вышестоящим властям, а непосредственно ему и было бы ответственно только перед ним.

Первым уполномоченным ЦИК СССР в Сочинском районе назначили Александра Денисовича Метелева. А.Д. Метелев сыграл большую личную роль в строительстве Сочинского курорта в 1930-е гг. Оценивая его вклад в развитие г. Сочи, можно отметить, что во многом благодаря его усилиям и знаниям в Сочи были построены водопровод, канализация, многие здравницы, дороги, собственно за несколько лет поднялся современный по мировым меркам курорт. В ходе своей работы Метелев часто использовал личные связи с руководителями государства. Неоднократно он писал в Москву письма и запросы, встречался со многими министрами. И большинство вопросов, касающихся строительства курорта, отпуска средств, материалов и техники, решалось положительно [8, с. 190].

Работы по планировке Сочинского района были выполнены в основном архитектурно-планировочной мастерской № 1 НККХ РСФСР в кратчайшие сроки. Первый их

этап закончен к апрелю 1934 г. Учёные представили правительству «Общие установки и предварительные схемы планировки Сочи – Мацестинского района». Отдельные ведомства разрабатывали планировку небольших определённых районов города. План реконструкции Сочи постоянно совершенствовался. Но строительство большого количества новых здравниц началось уже в 1933 г. Реконструкция курорта продолжалась более 7 лет, до 1941 г., и была прервана начавшейся войной.

За эти годы в Сочи было завершено строительство десятков здравниц – дворцов. Произведены большие работы по благоустройству. Строители Сочи освоили сотни миллионов рублей. В целом государство вложило в развитие курорта огромные средства. В первые годы реконструкции особенно большие средства выделялись на капитальное строительство. (В 1934 г. – 83 млн руб., 1935 г. – 85 млн, 1936 г. – 126 млн) [8, с. 191].

В период 1930-х гг. в Сочи построили 16 санаторных комплексов; было заново проложено и заасфальтировано проходящее по территории курорта Черноморское шоссе, превращенное в современную автомагистраль; построена канализационная система и дегазационный коллектор от ванн зданий на Старой и Новой Мацесте; введено морское сообщение катерами и теплоходами, были построены морской вокзал на Мацесте и многочисленные причалы на побережье, также возводился и Сочинский морской порт; создан автопарк с автобусами, легковыми и грузовыми автомобилями [2, с. 51].

Развитие курорта вызвало необходимость строительства в Сочи большого аэродрома. А значительная часть самолетов в те годы принималась на городской аэродром, находившийся недалеко от р. Сочи.

К 1940 г. в основном сформировалась система приема отдыхающих в Сочи, которая почти без изменений действовала на протяжении всех лет советской власти.

По прибытии в санатории больные сначала встречались с главврачом, затем их принимали старший ординатор или дежурный врач. После беседы и осмотра больные принимали душ, переодевались в санаторную одежду или в свою чистую. Кроме лечения большое внимание на курорте уделялось питанию. К 1940 г. здравницы обеспечивались продовольствием в первую очередь за счёт централизованного снабжения. Почти все молочные, мясные и хлебобулочные продукты они получали с городских предприятий пищевой промышленности. Овощи, фрукты и другие продукты – из колхозов Краснодарского края. Курорт имел и собственные колхозы, которые в значительной степени обеспечивали санатории продуктами [8, с. 192].

В 1940 г. Курортное управление создало пищевую лабораторию, производившую анализы пищевых продуктов, используемых в санаториях, и обследовавшую кухни и склады. Это позволило улучшить санитарную гигиену и повысить качество приготовляемой пищи. Научно-Курортный совет в конце 1930-х гг. разработал новый режим питания в санаториях, который в наибольшей степени способствовал улучшению лечения. Это было последнее слово в довоенном лечебном диетпитании.

Неорганизованные отдыхающие в 1940 г. уже размещались в значительной степени через Курбюро, агенты которого заключали договоры с квартиросдатчиками города на размещение курортников [7, с. 143].

Богата была и культурная жизнь довоенного Сочи. Постоянно проходили спектакли, концерты в Зимнем театре и летних театрах: в парке им. М. Фрунзе (1 500 мест) и в санатории «Кавказская Ривьера» (1 500 мест). Большинство санаториев располагало большими клубами, оборудованными киноустановками, библиотеками, радиоточками [2, с. 119].

Во много раз, по сравнению с дореволюционным временем, возросло количество отдохнувших на курорте, но курорт снова стал «классовым». До революции на нем отдыхали в основном самые богатые граждане России. Теперь – партийные руководители (не рабочие и не крестьяне). Рабочих и крестьян отдыхало в Сочи мало. Да и из них отправлялись на отдых в большинстве своём сельские руководители различных рангов,

партийцы – общественники с заводов. Так, в 1939 г. процент «рабочих от станка» в санаториях составлял не более 41–48 %. По пансионатам этот процент был ещё ниже – лишь 17–23 %. Не секрет, что остановки в курортах в номерах гостиниц были «дороги и доступны людям с хорошими средствами». Поэтому для отдыхающих в курортных зонах рабочих и крестьян предлагалось расселение в дешёвых (от 50 копеек до 1 рубля за койку) общежитиях при Домах крестьянина и некоторых профсоюзов. Не удивительно, поэтому, стихийное создание так называемых «народных курортов»: «Отсюда в долине на краю леса видна группа деревянных бараков и много шалашей. Во время «сезона» здесь небольшой базар. Ночлег можно получить в бараках. Место расположено очень живописно». Понятно, что власти не приветствовали такие формы курортной самостоятельности, но и воспрепятствовать этому по разным причинам не имели возможности. В силу чего, несмотря на монополизацию и централизацию сфер внутреннего туризма в СССР, санаторно-курортный отдых оставался дифференцированным по группам населения и сохранял для значительной части советских людей «дикий» характер.

Таким образом, в условиях «сталинской модернизации» страны организационное становление туризма в СССР отражало победу концепции «пролетарского туризма», авторами которой были видные государственные и партийные деятели страны и суть которой заключалась в подчиненности путешествий и экскурсий политико-идеологическим задачам. В связи с чем развитие курортного туризма должно было демонстрировать торжество идей социализма в области «пролетарского отдыха», но на практике в 1930-е гг. курортный отдых, особенно в г. Сочи, демонстрировал новое социальное расслоение. Курорт превратился в место отдыха советско-партийной элиты.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимов С. Черноморское побережье. М., 1925. https://vk.com/doc57605486_591521869?hash=33f7dc251f7d1d92b9&dl=e797d44a7d76683938.
2. Артюхов С.А. Становление курорта 1920–1941 гг. Сочи, 2000.
3. Голубев П.М., Шадрин А. От военного посада до всемирно-известного курорта. Краснодар, 1998.
4. Ермаков Б.А. Сочи – курорт. Краснодар, 1987.
5. Зайцев И., Комаров А. Страницы истории Сочи. Краснодар, 1962.
6. Орлов И.Б., Юрчикова Е.В. Массовый туризм в сталинской повседневности. М., 2010.
7. Самсоненко Т.А. Из истории освоения Черноморья (на примере Сочи-Мацестинского курортного района) // Творческое наследие Ф.А. Щербины и современность: Материалы международной научно-практической конференции, посвящённой 150-летию со дня рождения Ф.А. Щербины (Каневская, 1999). Краснодар, 1999.
8. Самсоненко Т.А., Орехова Л.О. Организация всесоюзной здравницы в г. Сочи в 30-е гг. XX в. // Проблемы, инновационные подходы и перспективы развития Российского Причерноморья: Материалы межрегиональной молодёжной научно-практической конференции. Сочи, 1998.

В.В. Никонов

ХУДОЖЕСТВЕННО-ПРОМЫШЛЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА ЛИГАЧЕВСКОМ НАРОДНОМ СТОЛЯРНОМ ПРОМЫСЛЕ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы становления художественно-промышленного образования в местах бытования народных промыслов на примере ремесленной профшколы в центре народного столярного промысла в с. Лигачеве Московской губернии. Автор приходит к выводу о том, что с первых лет советской власти государство уделяло большое внимание развитию профессионального образования, организуя профшколы и обеспечивая их всем необходимым.

Ключевые слова: художественно-промышленное образование, Гжелский народный промысел, Лигачевский народный промысел, Московская губерния, профшкола, Красный кустарь.

ARTISTIC AND INDUSTRIAL EDUCATION AT THE LIGACHEVSKY FOLK CARPENTRY CRAFT IN THE EARLY YEARS OF SOVIET POWER

Abstract. The article examines the issues of the formation of artistic and industrial education in the places of folk crafts using the example of a craft vocational school at the center of folk carpentry in the village of Ligachev, Moscow province. The author comes to the conclusion that from the first years of Soviet power, the state paid great attention to the development of vocational education, organizing vocational schools and providing them with everything necessary.

Keywords: art and industrial education; Gzhel folk craft; Likhachev folk craft; Moscow province; vocational school; Red artisan.

Центр подмосковного столярного промысла Лигачево в разных документах называется иногда деревней, иногда селом. Этот населенный пункт на рубеже XIX и XX вв. располагался в Звенигородском уезде Московской губернии, и еще в 1899 г. здесь было открыто филиальное отделение Строгановского Императорского художественно-промышленного училища. В 1918 г. оно было реорганизовано в столярную профшколу. Первые послереволюционные годы были временем постоянных преобразований в общественной жизни, и система образования не стала исключением, так что названия Лигачевской ремесленной столярной школы после 1918 г. менялись неоднократно (это было характерно для всех художественно-промышленных школ, находившихся на территории распространения народных промыслов). Для удобства восприятия все работавшие здесь художественно-промышленные учебные заведения, такие как: Лигачевская ремесленная мастерская, Лигачевская столярно-резчицкая мастерская, Лигачевская столярно-резная школа, Лигачевская профшкола, Лигачевская школа кустарного ученичества и пр., в настоящей статье мы будем называть «Лигачевская школа».

В 1918 г. в Народном комиссариате просвещения РСФСР (Наркомпросе) был образован специальный «Отдел переходящих учебных заведений», главной функцией которого было преобразование дореволюционных образовательных учреждений в учебные заведения советской России. Эта задача предполагала большую работу по выявлению всевозможных школ, училищ и институтов, оценке их деятельности и целесообразности их сохранения в новых условиях, а также по коренной перестройке их работы для подготовки советских кадров строителей нового государства рабочих и крестьян. Осенью 1918 г. Наркомпрос отправил в губернские Отделы по народному образованию приглашения для работы во вновь созданном отделе. 23 октября 1918 г. такое приглашение получили в Московском губернском отделе (МОНО) [8, л. 1].

Учебные заведения художественно-промышленной направленности, особенно те, что располагались в местах бытования народных промыслов представляли большую ценность для руководства РСФСР как развивавшие местную кустарную промышленность, потенциально способную приносить выручку в валюте [4, с. 6].

1 ноября 1918 г. МОНО разослал в подведомственные структуры отношение, в котором предложил предоставить сведения об имеющихся в различных уездах губернии профессиональных школах. Вскоре от учебного отдела Московского уезда был получен ответ, в котором говорилось о «школе инструкторов по художественно-столярному производству при дер. Лигачеве (ст. Сходня Николаев. жел. дор.)», находившейся в ведении комиссариата Земледелия (Наркомзем). В документе отмечалось, что данная школа в ближайшее время будет обследована на предмет ее дальнейшего функционирования и возможности преобразования ее в профессиональное учебное заведение советского образца [6, л. 2].

В рамках выполнения предписания Учебным отделом Московского уездного Совдепа была составлена краткая справка, основное содержание которой представляло

собой смету доходов и расходов школы и вывод о том, что «Лигачевская мастерская прекрасно оборудована, но еще не перешла в ведение Губернского Совдепа» [12, л. 3]. Надо полагать, что для этой последней фразы вся справка и составлялась, так как неясно, какое практическое значение могла иметь структура доходов и расходов школы в 1914 г., учитывая, что произошедшие с того времени Мировая война и революция коренным образом изменили не только стоимость материалов и заработки работников образования, но и всю систему ценообразования в целом.

Таким образом, можно сделать вывод, что бывшая Лигачевская столярно-резная мастерская уже осенью 1918 г. рассматривалась новой властью как перспективное учебное заведение профессиональной направленности, использование которого, после необходимой реструктуризации, разумеется, представлялось вполне целесообразным.

Дальнейшее развитие Лигачевской школы было предопределено необходимостью подготовки кадров для мебельной промышленности. Расположение школы в центре столярного промысла способствовало ее становлению. В округе работало несколько мебельных артелей, нуждавшихся в обученных мастерах. Не имея прямых указаний на то, когда именно произошло преобразование дореволюционных классов в профшколу советского образца, можно с высокой долей вероятности предположить, что это случилось в конце 1918 г. Эта дата согласуется с открытием на территории бытования Гжельского народного промысла керамической школы ИЗО Наркомпроса осенью 1918 г. Сравнение представляется вполне уместным, учитывая сходство дореволюционной истории художественно-промышленного образования в Лигачеве и Гжели.

К началу 1920-х гг. Лигачевская школа работала уже не первый год. В 1921 г. только 8 человек из 18 сотрудников мастерской занимались преподавательской деятельностью, а большинство – 10 человек – относилось к техническим служащим. Эта пропорция со временем будет меняться в пользу преподавательского состава и в 1926 г. в школе число педагогов станет равным числу служащих.

Всего же в 1921 г. на довольствии Лигачевской мастерской состояло 98 человек, что говорит о ее относительном экономическом благополучии, так как далеко не каждая профшкола в самый сложный период окончания периода Военного коммунизма и в преддверии масштабного голода, имела возможность кормить и обучать почти сто человек.

28 мая 1922 г. скончался заведующий Лигачевской школой И.А. Нестеров, возглавлявший местные мастерские еще с дореволюционных времен [3, с. 249]. В письме, отправленном Советом мастерских в Москпрофобр отмечалось, что на его место предлагается утвердить К.А. Буткина [3, с. 249], о котором сообщалось, что он, как и его предшественник, был выпускником Строгановки, затем в течение двух лет преподавал рисование в московском Долгоруковском ремесленном училище, а также в школе I ступени Ульяновского района. В последнее время – с 1 января 1921 г. – К.А. Буткин являлся помощником И.А. Нестерова в Лигачеве, где преподавал рисование, технологию дерева, черчение шаблонов и историю стилей [7, л. 20]. Таким образом, как до революции, так и после нее, Лигачевской школой руководили высококвалифицированные и опытные специалисты.

В 1923 г. ряд подмосковных профшкол были переименованы и получили имена известных революционеров. Так, Коломенская профшкола стала именоваться «Школой имени тов. Калинина», Павлово-Посадская – «Школой имени тов. Воровского», Сергиевская (в г. Сергиевом Посаде) – «Школой имени Степана Халтурина» и т. д. Не обошло новое веяние и Лигачевскую школу, которая отныне получила второе официальное название «Красный кустарь» [1, л. 32]. Отметим, что в списке переименованных профшкол Лигачевская оказалась единственной, новое название которой, хоть как-то соответствовало ее профилю.

В первой половине 1920-х гг. учебный план Лигачевской школы претерпевал ряд изменений. В начале десятилетия мастерская имела двухгодичный срок обучения и учащиеся делились на две группы – первую и вторую. В плане на 1922 / 1923 учебный год во второй группе очевидно преобладают специальные дисциплины. Общих дисциплин было четыре: «Русский язык», «Арифметика», «Геометрия» и «Природоведение», включавшее в себя «сведения из физики и химии», причем число часов в обоих отделениях – столярном и резчиком – на них отводилось в первой группе 11 часов в неделю, а во второй – 6 часов. На долю специальных дисциплин, к которым относились: «Технология дерева», включавшая в себя курсы: «Общие свойства дерева», «Вязка», «Конструкция мебели», «Резное дело», «Окончательная отделка» и «Лабораторные занятия»; «Геометрическое черчение»; «Черчение с натуры»; «Конструктивное черчение»; «История стилей и мебели»; «Рисование» и «Лепка» отводилось в первой группе 10 часов, а во второй – 15 часов в неделю [14, л. б/н]. Таким образом, во второй группе наблюдается заметное превышение специальных предметов по сравнению с общеобразовательными.

План 1923 / 1924 учебного года был составлен в соответствии с преобразованием Лигачевской школы в учебное заведение с трехлетним сроком обучения. Классов стало три, но тенденция к возрастанию доли специальных дисциплин по мере продвижения от первого к третьему – выпускному – классу становится менее выраженной. В первом классе соотношение общеобразовательных дисциплин к специальным выглядит, как 11 к 9; во втором – 10 к 8; в третьем – 11 к 9 [15, л. 33]. Таким образом, в 1923 / 24 учебном году на общие дисциплины во всех трех классах отводится больше часов, нежели на специальные, причем пропорция сохраняется на весь период обучения. В следующем 1924 / 1925 учебном году план почти целиком повторяется, и отмеченные пропорции сохраняются полностью [16, л. 39]. Такое положение дел в целом согласуется с общеотраслевой тенденцией в ориентации профессиональных школ на подготовку мастеров, имеющих полноценное общее образование, примерно (не во всем) соответствующее уровню школ 2 ступени.

Сохранились сведения о том, сколько учащихся было в каждом классе Лигачевской школы в 1924 г.: 30 – в первом; 17 – во втором и 13 – в третьем [12, л. 38]. Обращает на себя внимание сокращение числа учеников год от года. Однако для того, чтобы делать какие-либо выводы о том, почему это происходило, необходимо иметь подобную статистику и по другим годам, но приведенные цифры свидетельствуют о росте интереса к получению профессии столяра и резчика в этом традиционном кустарном районе. Отметим, что подобная ситуация наблюдалась и в Гжельской керамической школе в это же время [5, с. 175].

В «Сведениях по Лигачевской учебной мастерской» за 1924 г. содержится дополнительная информация об учащихся. Отмечается, что все 60 учеников были русскими по национальности, 23 – членами РЛКСМ, а по происхождению 40 человек были детьми крестьян, 7 – рабочих, 6 – служащих, а происхождение еще 10 человек описывалось словом «прочие» [12, л. 38].

Общей схемой обучения в профшколах начала 1920-х гг. было сочетание учебных часов с практическими работами в школьных мастерских. Но практиковались и иные формы обучения и воспитания. Так, большинство профшкол в середине 1920-х гг. организовывали экскурсии для своих учащихся. Как правило, это были поездки в Москву или на производства Московской губернии, расположенные неподалеку. Такие экскурсии активно проводились в Гжельской керамической школе [10, л. 6–7] и в Лигачевской мастерской этому виду дополнительного образования и средству расширения профессионального кругозора уделялось значительное внимание [9, л. 5].

Архивные документы свидетельствуют, что Лигачевская школа, как и все художественно-промышленные учебные заведения Московской губернии, находившиеся в ведении

Москпрофобра в 1920-х гг., была на полном государственном обеспечении. При этом известно, что некоторые школы, образованные в местах бытования народных промыслов, в описываемый период устраивали собственные производства, налаживали хозяйственные контакты и каналы сбыта продукции, прибыль от которых направлялась на развитие школы и на дополнительное питание учащихся [11, л. 75–78]. Имелось свое Производственное бюро и при Лигачевской школе, но насколько коммерчески успешной была производственная деятельность школы, по имеющимся в распоряжении автора документам, сказать трудно. Главным заказчиком школьных мастерских являлась Лигачевская столярно-мебельная артель. Кроме того, на рубеже 1925–1926 гг. Производственным бюро велись переговоры о получении заказов от Московского союза промысловой кооперации [2, л. 9].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что с самых первых послереволюционных лет советская власть предпринимала усилия по развитию местного профессионального образования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Выписка из распоряжения № 158 по Профобру от 13/XI-23 г. о переименовании учебных заведений Профобра. // ЦГАМО. Ф. 965. Оп. 1. Д. 123. Л. 32.
2. Доклад о производственной деятельности Лигачевской учебной мастерской. 1925 г. // ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 3. Д. 1060. Л. 9.
3. Исаев П.Н. Строгановка (Императорское Строгановское Центральное художественно-промышленное училище). 1825–1918: Биографический словарь. В 2 т. Т. 2. М.: Лабиринт, 2007. С. 249.
4. Никонов В.В. Художественно-промышленное образование в Гжели. Анализ архивных документов 1917–1924 гг. Гжель: ГГУ, 2016.
5. Никонов В.В., Илькевич Б.В. Художественно-промышленное образование в Гжели в первые годы советской власти. Гжель: ГГХПИ, 2013. С. 175.
6. Письмо из Учебного отдела Московского уездного Совета РК и КД в Отдел народного образования Московского губернского Совета об обследовании Лигачевской школы инструкторов по художественно-столярному производству. 14 ноября 1918 г. // ЦГАМО. Ф. 965. Оп. 1. Д. 123. Л. 2.
7. Письмо Президиума Совета Лигачевских художественно-ремесленных мастерских в Москпрофобр с предложением кандидатуры К.А. Буткина на должность заведующего мастерскими в связи с кончиной И.А. Нестерова. Июнь 1922 г. // ЦГАМО. Ф. 965. Оп. 1. Д. 123. Л. 20.
8. Предписание Наркомпроса в Московский губернский отдел народного образования прислать своего представителя для работы в Отделе переходящих учебных заведений. 23 октября 1918 г. // ЦГАМО. Ф. 965. Оп. 1. Д. 123. Л. 1.
9. Предполагаемые экскурсии в Москву для учащихся Лигачевской учебной мастерской. 19 марта 1925 г. // ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 3. Д. 1092. Л. 5.
10. Протокол заседания учкома Гжельской керамической профшколы от 12 мая 1924 г. // ЦГАМО. Ф. 965. Оп. 1. Д. 311. Л. 6–7.
11. Протокол заседания Школьного совета Гжельской керамической школы. 27 октября 1924 г. // ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 3. Д. 883. Л. 75–78 об.
12. Сведения по форме № 3579 по Лигачевской учебной мастерской. 13 августа 1924 г. // ЦГАМО. Ф. 965. Оп. 1. Д. 123. Л. 38.
13. Справка о бюджете Лигачевской столярно-резной мастерской, составленная Учебным отделом Московского уездного Совета РК и КД. 1918 г. // ЦГАМО. Ф. 965. Оп. 1. Д. 123. Л. 3.
14. Учебный план Лигачевской учебной мастерской на 1922/23 уч. год. // ЦГАМО. Ф. 965. Оп. 1. Д. 123. Л. б/н.
15. Учебный план Лигачевской учебной мастерской на 1923/24 уч. год. // ЦГАМО. Ф. 965. Оп. 1. Д. 123. Л. 33.
16. Учебный план Лигачевской учебной мастерской на 1924/25 уч. год. // ЦГАМО. Ф. 965. Оп. 1. Д. 123. Л. 39.

МУЗЕЙ ШКОЛЫ – ЦЕНТР ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ШКОЛЬНИКОВ

Аннотация. В статье рассказывается о деятельности музея Боевой Славы МБОУ СОШ № 28 г. Ставрополя. Это один из старейших школьных музеев города. Он существует с 1975 года. Школьный музей Боевой Славы является центром патриотического воспитания школьников. Рассказывается о формах работы, традициях преемственности, которые позволяют в течение многих лет эффективно осуществлять работу с учащимися по гражданско-патриотическому воспитанию. Со дня своего основания школа является участником межрегионального военно-патриотического детского движения «Юные карбышевцы». Одним из важных направлений в работе музея является поисковая и исследовательская деятельность. Благодаря поисковой деятельности, у молодого поколения воспитывается нравственность, гражданственность, чувство сопричастности и ответственности за всё происходящее, увеличивается пространство, в котором школьники могут развивать свою творческую и познавательную активность, реализовывать свои личностные качества.

Ключевые слова: школьный музей, карбышевское движение, гражданственность и патриотизм, исследовательская деятельность, совет музея, экскурсионная работа.

SCHOOL MUSEUM – THE CENTER OF PATRIOTIC EDUCATION OF STUDENT

Abstract. The article describes the activities of the Museum of Military Glory of MBOU Secondary School No. 28. Stavropol. It is one of the oldest school museums in the city. It has been in existence since 1975. The School Museum of Military Glory is the center of patriotic education of students. The article describes the forms of work, the traditions of continuity, which allow for many years to effectively work with students on civil and patriotic education. Since its foundation, the school has been a member of the interregional military-patriotic children's movement "Young Karbyshevtsy". One of the important directions in the work of the museum is search and research activities. Thanks to the search activity, the young generation develops morality, citizenship, a sense of belonging and responsibility for everything that happens, increases the space in which students can develop their creative and cognitive activity, realize their personal qualities.

Keywords: school museum, Karbyshev movement, citizenship and patriotism, research activity, museum council, excursion work.

Уникальность нашей школы в том, что патриотическое воспитание учащихся было и остается одним из приоритетных направлений со дня основания школы в 1963 году. С этого времени учащиеся школы являются активными участниками межрегионального детского военно-патриотического движения «Юные карбышевцы». На средства, заработанные учащимися в трудовом лагере, в 1970 году во дворе школы был установлен памятник Герою Советского Союза Карбышеву Дмитрию Михайловичу. Автор памятника известный ставропольский скульптор Санжаров Николай Фёдорович. На открытии памятника легендарному генералу присутствовал генерал Лозанович Леонид Николаевич, который слушал курс Дмитрия Михайловича в Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе. Так же присутствовал и очевидец смерти Карбышева Д.М. в лагере смерти «Маутхаузен», узник концлагерей Ивашкевич Антон Иванович. С этими людьми учащихся школы долгие годы связывала прочная дружба [4, с. 5].

В Советском Союзе у пионеров была традиция: каждая пионерская дружина школы боролась за право носить имя Героя. Пионерская дружина нашей школы с 1970 года носила имя Героя Советского Д.М. Карбышева.

Центром духовно-нравственного и патриотического воспитания в нашей школе является музей «Боевой Славы». Наш музей прошел долгий путь. Паспортизирован. Имеет много наград разного уровня. Первым руководителем музея была Темнова Раиса

Ивановна, учитель истории. Под её руководством делегации представляли школу на слетах Движения «Юные карбышевцы» в городах Гродно (1980 г. XIII слет), Курган (1982 г. IX слет), Калининград (1984 г. X слет), Волжский (1985 г. XI слет) [3].

Музей основан в 1975 году. Дважды наш музей был победителем в краевом конкурсе Министерства образования Ставропольского края на лучший школьный музей (2010 г. и 2005 г.). Нашему музею вручено свидетельство о занесении его в Книгу Почета Российского совета ветеранов войны, военной службы и правоохранительных органов (2010 г.). По итогам Всероссийского смотра-конкурса музеев боевой и трудовой славы образовательных учреждений Российской Федерации в 2020 году музей стал победителем. 11 активистов музея были награждены грамотами Центрального Совета Всероссийской общественной организации ветеранов войны, труда Вооруженных сил и правоохранительных органов. Неоднократно музей был награжден грамотами Министерства обороны России. Много раз был победителем городских конкурсов Комитета образования, краевого Совета ветеранов, Совета ветеранов Октябрьского района г. Ставрополя. Был победителем краевого конкурса военно-исторических клубов. Осенью 2021 года стали участниками и победителями «Конкурса на лучшую выставку школьных музеев, посвященную памятным датам и событиям региона в годы Великой Отечественной войны», организованную Музеем Победы. На сайте школы была создана виртуальная выставка «Они защитили Кавказ». Диплом финалистов был вручен команде в составе Облогиной Н.В. и Облогиной Дианы. Команда в составе Облогиной Н.В., Павленко С.И., Облогиной Дианы, Лазаренко Виктории, Лозовой Елизаветы, Ткаченко Виктории, Григорьян Германа стала участником Первого Всероссийского Форума школьных музеев, где представляли Ставропольский край. Работа была опубликована в сборнике «История страны в каждом школьном музее».

Воспитание патриотизма начинается с воспитания любви к Малой Родине. Но ведь любить можно по-настоящему только то, что для тебя ценно, что затрагивает эмоции и чувства. И существование школьного музея позволяет ребятам прикоснуться к истории малой родины через активное её познание. Быть не просто зрителями, а активно узнавать историю через общение с живыми свидетелями, документами. У подростков формируется социальная активность, интеллектуальное развитие через участие в поисково-исследовательской деятельности. А так же формируется устойчивость и прочность убеждений посредством интеллектуальной деятельности, которая затем воплощаются в общественно значимых делах и поступках [1, с. 87–93].

В 60-х годах двадцатого века сотни школ по всему Советскому Союзу так же, как и наша, боролись за право носить имя генерала Карбышева Д.М. Они объединились в движение, которое существует по настоящее время и в 2009 году было зарегистрировано как межрегиональное военно-патриотическое детское движение «Юные карбышевцы». Участие в Движении расширяет возможности по патриотическому воспитанию учащихся. Ведь ребята общаются со сверстниками из разных регионов страны, знают что у них есть единомышленники. А это очень важно для подростков [2, с. 26–30].

Совет музея, именуемый также клуб «Искатель» организует работу музея «Боевой Славы». В Совет входят ребята с 5 по 11 класс. Обязанности в Совете музея распределяются с учётом возрастных особенностей, интересов и опыта работы ребят. Совет музея организует подготовку и проведение экскурсий, сбор и обработку материала, подготовку экспозиций, а также торжественных мероприятий в музее. Работа строится так, чтобы привлечь к участию максимальное количество обучающихся в школе.

В начале учебного года Совет музея совместно с координационным советом составляет план работы. Большую помощь в составлении плана оказывает проведение анкет. Они так же позволяют осуществить рефлексию работы.

Особенность школьного музея состоит в однородности аудитории. Чтобы вызвать интерес у учащихся необходим постоянный творческий подход в работе. Мы используем

различные приёмы обновления экспозиции. Это частичная реэкспозиция отдельных разделов, замена некоторых экспонатов, выставки к различным важным датам в истории страны. Практикуем фрагменты открытой экспозиции. Ребята могут потрогать экспонаты, подержать их в руках (медали, каски, форму сапёра, которую можно померить и т. д.). История оживает, воспринимается более осознанно, если затрагивает что-то личное. Поэтому в работе нашего музея мы максимально стараемся использовать краеведческий материал, встречи с увлечёнными историей людьми. С большим интересом учащиеся общаются с профессором кафедры истории России Гуманитарного института СКФУ Судавцовым Николаем Дмитриевичем. Вблизи от школы проживает ветеран афганской войны, заместитель председателя совета ветеранов Октябрьского района Букреев Валентин Николаевич. При необходимости ребята оказывают ему необходимую помощь, а он активный участник наших музейных мероприятий.

За годы деятельности музея сложились традиции. Одна из них – карбышевские линейки. 26 октября, в день рождения Героя Советского Союза Дмитрия Михайловича Карбышева, 18 февраля – в день гибели Героя, 9 декабря – в день Героев Отечества, 21 января – в день освобождения Ставрополя от немецко-фашистских захватчиков на линейках почётные гости принимают четвероклассников в ряды юных карбышевцев. Члены клуба «Искатель» знакомят малышей с «Законами юных карбышевцев», а почётные гости прикалывают карбышевские значки и дают свой наказ [4, с. 14].

Ещё одна традиция – это интеллектуальные марафоны старшеклассников: марафон по истории инженерных войск, марафон по истории Ставрополя в годы Великой Отечественной войны, марафоны по биографии Героя Советского Союза Д.М. Карбышева, а так же других героев и наших земляков. В 2012 году Краевой Совет ветеранов учредил переходящий кубок для победителей этих марафонов.

Ещё одна традиция: сотрудничество с ветеранскими организациями. Многолетняя дружба и так же «Договор о сотрудничестве» связывает Совет музея со Ставропольским региональным отделением Общероссийской общественной организации ветеранов «Российский союз ветеранов». Заслуженная награда от Союза ветеранов – юбилейная медаль в честь 70-летия Великой Победы. Капитан 1 ранга Виноградов Юрий Викторович, председатель организации, его заместитель Ильиных Владимир Владимирович и другие члены организации принимают активное участие в деятельности музея и организации совместных мероприятий, проведении уроков мужества. Учащиеся школы участвуют в акции Краевого Союза ветеранов «Живая летопись Отечества», где знакомятся с историей страны через биографии земляков.

Ещё одна традиция: встречи с выпускниками школы, которые посвятили свою жизнь защите Родины. Находясь в отпуске, они приходят в школу и рассказывают школьникам о службе, о своей учёбе. Приезжая в Ставрополь, в школу приходит Дмитриев Сергей, окончивший БГТУ «Военмех» в Санкт-Петербурге. Он много лет был активным членом клуба «Искатель». Сергей встречается со старшеклассниками, рассказывает о том, как повлияла на него работа в школьном музее, как это пригодилось ему в дальнейшем. Приходят в школу и выпускники Лосев Данил – курсант Сызранского военного летного училища по специальности летчик-инженер «Применение подразделений сил флота», Емельяненко Михаил – курсант Ульяновского Института Гражданской Авиации имени главного маршала авиации Б.П. Бугаева. Не забывает зайти в школу и Еськин Алексей Владимирович, выпускник 2003 года, в настоящее время служащий в ракетных войсках. Прочная дружба существует между Советом музея и военным лётчиком, ветераном афганской войны, выпускником 1974 года Гурьевым Владимиром Ивановичем. Благодаря ему музей пополнился экспонатами, а ребята имеют возможность пообщаться с настоящим боевым офицером.

Есть ещё один выпускник школы, с которым ребятам интересно общаться на темы, связывающие историю и современность. Это профессор СКФУ Акинин Петр Викторович.

Есть и традиция преемственности поколений. В школе работают её выпускники: Облогина Н.В., Кубликова Л.Я., Марченко Н.Ф., Ковалёва О.Н, Кривенко Л.П., Богачёва И.Ю., Копылова И.В., Курдюкова Т.Б. – в прошлом члены клуба «Искатель». Есть и другие традиции преемственности. В школе учатся дети выпускников. Есть даже династия делегатов слетов Движения «Юные карбышевцы». Так Борисова Наталья была делегатом 12 слета, а ее дочери Приходько Настя, – 24 и 25 слетов, Приходько Виктория – фестиваля «Фронтальная Землянка» в г. Волжском.

Ещё одна традиция – это общение с ветеранами. К сожалению, ветеранов Великой Отечественной войны осталось совсем немного. Даже детей военного времени осталось мало. Мы постоянно проводили с ними встречи, поздравляли с праздниками, оказывали посильную помощь. В архиве музея есть фотографии, записи, видеозаписи об этих встречах. Благодаря этим материалам были написаны исследовательские работы членов клуба «Искатель», составлены экскурсии, страницы устных журналов. Эти материалы используются при проведении Уроков Мужества. Со всеми праздниками члены Совета музея поздравляют Погорелову Антонину Васильевну – заслуженного учителя из поколения детей военного времени.

Несколько поколений микрорайона Ташлы прошли через школьный музей, много замечательных людей побывало и знает о нём. Отзывы выпускников школы, родителей учащихся, а так же гостей школы о деятельности музея хранятся в музейной книге «Впечатления наших гостей». Они единодушно выражают благодарность за то, что в школе систематизировано осуществляется работа по патриотическому воспитанию учащихся. В нашей книге есть и уникальные автографы. Есть здесь отзывы полковника Елены Дмитриевны Карбышевой – дочери Героя Советского Союза Дмитрия Михайловича Карбышева.

Благодаря активной практической деятельности в школьном музее, у обучающихся воспитывается нравственность, гражданственность, патриотизм, чувство сопричастности к истории страны, ответственности за её будущее.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксельрод В.И. Детскому движению быть // Образование в современной школе. 2002. № 10. С. 26–30.
2. Аксельрод В.И. Зачем нужна детская организация? // Детское движение: проблемы, ориентиры, действия. СПб, 2002. С. 87–93.
3. Бондаренко А., Сидельников М. Мы – карбышевцы, мы – выстоим! // Красная звезда. 2001. 3 апреля.
4. Облогина Н.В. Основные направления, содержание и формы карбышевского движения в МБОУ СОШ № 28 г. Ставрополя. Методическое пособие. Ставрополь, 2013.

И.В. Сидоров

ГЖЕЛЬСКИЙ НАРОДНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПРОМЫСЕЛ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ НОВАЦИИ 1980-Х ГГ.

Аннотация. Обсуждается влияние изменений в образовательной политике, осуществляемых в течение 1980-х гг., на развитие одного из ключевых народных промыслов России. Показано их значение как фактора достижения промыслом высшего расцвета, пришедшегося на советские годы и не превзойденного по сей день.

Ключевые слова: перестройка, народные промыслы, художественно-промышленное образование.

GZHEL FOLK CRAFT AND EDUCATIONAL EXPERIMENTS IN THE 1980S

Abstract. The article traces the influence of changes in educational policy implemented during the 1980s on the development of one of the key folk crafts of Russia. The importance of these experiments is shown as a factor of highest prosperity by the Gzhel folk craft, which came in the Soviet years and has not still surpassed.

Keywords: perestroika, Russian folk crafts, art and industrial education.

Уходящий 2022 год примечателен сразу двумя годовщинами значимых вех в истории Гжельского народного промысла, по праву являющегося визитной карточкой отечественной культуры.

Первая из юбилейных дат – 50-летие создания объединения «Гжель» (май 1972 г.). Новое крупное предприятие впоследствии стало олицетворением всего одноименного промысла, что следует из постановления Совета Министров РСФСР от 22 октября 1975 года № 570 «О развитии народных художественных промыслов в РСФСР» [3]. Весь оставшийся советский период истории объединения в одиночку решало все задачи по сохранению и развитию уникального искусства керамики. В новой России, несмотря на все трудности, в т. ч. недобросовестную конкуренцию, оно долгие годы сохраняло за собой флагманскую роль в Гжели. Сейчас ведется активная работа по его возрождению после многолетнего кризиса.

Созданная в 1972 г. структура вобрала шесть производственных площадок с физически и морально устаревшей материальной базой, низким образовательным уровнем персонала. Техническая отсталость и кадровые проблемы усугублялись тем, что народные промыслы относились, главным образом, к республиканской (а не союзной) системе местной промышленности, а потому находились в стороне от денежных потоков. Такое положение было парадоксальным – без стабильной и значительной финансовой поддержки невозможно реконструировать производство. А без реконструкции производства, в свою очередь, не получилось бы ни выполнить упомянутое постановление 1975 г., ни подтвердить новый, престижный статус объединения.

В этих условиях дирекция сделала ставку на человеческий фактор – реструктуризацию кадровой политики и повышение квалификации работников предприятия. Гжельский техникум как единственное местное профессиональное учебное заведение неизбежно попадал в орбиту его влияния.

Время показало правильность этого решения, за которым стоял талантливый руководитель. В 1976 г. генеральным директором ПО «Гжель» (и де-факто руководителем народного промысла) становится В.М. Логинов (1938–2009). Его лидерские качества стали решающим фактором в процессах интеграции образования с производством, ставших объективно единственным путем развития гжельского промысла.

В.М. Логинов, профессиональный инженер-теплоэнергетик, работал в Гжели с 1966 г. на различных местных предприятиях. С переходом в систему местной промышленности он приобретает опыт самостоятельного руководства небольшим керамическим предприятием, а с созданием объединения «Гжель» занимает поначалу должность главного инженера (производственникам, как нынешним, так и советским, хорошо известна значимость этой должности). Биография Логинова еще ждет компетентного исторического осмысления – из типичного «красного директора» впоследствии вырос видный организатор не только промышленности, но и образования, общественный деятель и меценат, доктор педагогических наук и Заслуженный работник культуры России.

С его стараниями связана и вторая отмечаемая в 2022 г. в Гжели памятная дата – приказом от 26 февраля 1987 г. Министерство местной промышленности РСФСР подчиняет объединению «Гжель» упомянутый ранее Гжельский силикатно-керамический техникум. Это решение несколько необычно само по себе, однако вполне соответствует

идее интеграции образования и производства, вновь получившей хождение в советском образовании с начала 1980-х гг., а также соответствует духу объявленной М.С. Горбачевым «перестройки» – неслучайно в мотивировочной части приказа упоминается проект ЦК КПСС «Основные направления перестройки высшего и среднего специального образования в стране».

Безусловно, сама по себе идея интеграции образования и производства имеет весьма давнюю историю. Более того, она закономерно была профессионально-педагогическим идеалом советского образования и достаточно настойчиво воплощалась на протяжении всей истории СССР в различных вариантах разной степени успешности: от наивно-радикальных попыток до организованных реформ, наиболее известны из которых 1958 г. и 1984 г. Сама проблема соответствия образования требованиям практической деятельности существовала объективно и требовала решения. Его варианты прорабатывались в самых разных частях страны и отраслях хозяйства как планомерно, так и в инициативном порядке и достаточно широко освещались в прессе, обсуждались в педагогических и управленческих кругах.

Подготовка кадров для народного художественного промысла, пусть и находящегося в процессе активной индустриализации, тем не менее, не могла опираться на этот обширный опыт полностью. Ведь хорошо отработанные подходы для подготовки массовых кадров в интересах машинного производства не годились для подготовки творческого персонала, без которого сам промысел вырождается в обычное тиражирование типовых изделий. Поэтому руководству промысла предстояло разработать качественно новую систему, адаптирующую накопленный опыт профориентации молодежи и её профессионального обучения к специфике промысла. В результате должен был сформироваться своего рода «кадровый резерв» по всем требуемым направлениям, в т. ч. на перспективу, а попутно решались бы и такие значимые задачи, как эффективная социализация подрастающего поколения и развитие культурной сферы. Местный техникум неизбежно занимал в этих планах центральное место – других профессиональных образовательных организаций в Гжели нет по сей день.

В то же время до получения контроля над ним администрация объединения развернула активную работу по развитию профориентации на базе окрестных школ и даже детских садов. С 1980 г. работники предприятия, профессиональные художники начинают занятия с дошкольниками и детьми младшего школьного возраста по рисованию и лепке, которые со временем переросли в полноценную детскую художественную школу [2, с. 151]. Примечательно, что она оказалась долговечным проектом, прекратив свое существование лишь в конце 1990-х годов, когда промысел, как и вся страна, оказался в полосе финансового кризиса и уже не смог, как прежде, активно поддерживать это некоммерческое по своей сути начинание.

В 1981 г. начинает действовать следующий уровень кадровой стратегии, реализуемой на промысле – детский художественный участок [1, с. 36]. Это был совместный проект предприятия и местной Ново-Харитоновской средней школы. Профессиональное обучение школьников проводилось в объединении и ранее, однако в тот период рассматривалось скорее как обременительная для производителей повинность. Вовлеченность в работу участка была сопряжена с прохождением обязательной в то время производственной практики у школьников и имела конкретный профессиональный результат – присвоение ученикам по результатам аттестации разряда по соответствующей рабочей профессии. При этом работа старшекласников была оплачиваемой, а со временем финансовое положение участка стало настолько прочным, что его снабжение необходимыми ресурсами осуществлялось за его же собственный счет (участок действовал на хозрасчетных началах).

Безусловно, объединение «Гжель» было далеко не первым предприятием, которое стало обучать школьников рабочим профессиям – в 1980-е годы это стало особенно популярным на волне реализуемой школьной реформы 1984 г. Новаторство детского

художественного участка состояло не столько в самой организации, сколько в её направленности – если подготовкой из школьников рабочих в том или ином варианте занимались повсеместно, то готовить из них творческий персонал для народного промысла в Гжели стали одними из первых.

Ранняя профориентация стала естественной основой для подготовки мотивированной молодежи к дальнейшему труду на промысле. Уже в 1982 г. (после двадцатилетнего перерыва) Гжельский техникум снова начинает подготовку профессиональных художников-мастеров по керамике. И это решение также было пролоббировано руководством объединения «Гжель». Поэтому, передавая учебное заведение в его подчинение, министерство местной промышленности РСФСР рассчитывало предоставить амбициозным производственникам возможность напрямую влиять на качество подготавливаемых специалистов, а также на максимально полное удовлетворение весьма разнообразных на развивающемся производстве кадровых потребностей. Поэтому главным направлением развития техникума под эгидой объединения стала диверсификация реализуемых специальностей, проводимая в силу растущих потребностей производства. Возрождается не только художественное, но и механическое направление, создается давно планируемое (но, очевидно, не имевшее ранее влиятельной поддержки) экономическое, причем под новую компьютерную технику (и это в сельской местности). В 1990 г. ко всем этим специальностям добавилась еще и «Технология деревообработки», при приеме на которую было получено уникальное право ограничиться вместо экзаменов лишь собеседованием.

Таким образом, во второй половине 1980-х гг. Гжельский техникум становится многопрофильным учебным заведением, явно переросшим старое наименование «силикатно-керамический». В 1988 г. он переименовывается в «художественно-промышленный», что отражает существующую по сей день непосредственную связь образования и промысла.

Перестройка внесла много нового не только во внутреннюю и внешнюю, но и в образовательную политику. Основным направлением здесь стала ограниченная поначалу децентрализация, выражавшаяся в расширении прав администраций и педагогических коллективов. Последующие события показали, что далеко не все из перемен пошли образованию на пользу, а избыточное реформаторство в итоге и вовсе вышло из-под контроля, отражая общую ситуацию в стране. И вместе с тем, педагогическое сообщество обрело новые возможности для творческого поиска. Воспользовался ими и творческий союз представителей Гжельского промысла и местных работников образования.

Собственно, в 1989 г. это партнерство было оформлено окончательно: образуется интегративная структура, собравшая под эгиду объединения все гжельские учреждения культуры и образования – Учебно-культурный производственный центр «Гжель» [2, с. 150–151]. Также происходит полное подчинение техникума предприятию с созданием учебно-производственного комплекса. Данный комплекс наделялся значительными привилегиями, среди которых особое значение имели возможность вести учебный процесс не только по типовым, но и экспериментальным учебным планам, учитывающим местную и отраслевую специфику и право влиять на перечень факультативных предметов [1, с. 169].

Созданная по итогам преобразований восьмидесятых годов в Гжели система не только оказывала несомненный социальный эффект, но и гарантировала сохранение и развитие традиций народного искусства. Теперь они не зависели от личностей нескольких десятков мастеров, компактно проживающих на конкретной территории, а являлись достоянием всех заинтересованных лиц. За десятилетие произошли кардинальные организационные и технологические перемены, Гжель обрела не только всесоюзную, но и международную известность. Выставки работ художников промысла и их подрастающей смены проходят регулярно, в т. ч. на самых авторитетных площадках страны – ВДНХ, Центральном доме художника, Центральном выставочном зале (Манеж). Представители промысла регулярно удостоивались ведомственных и государственных наград. С большим размахом было отмечено 650-летие Гжели в 1989 г. [2, с. 169].

В то же время важно отметить, что уже в последующие годы избыток подготовленных кадров негативно сказался на положении материнского предприятия, фактически обеспечившего ими своих же многочисленных конкурентов, возникших в условиях либерализации и демонополизации экономики. Однако и роль хранителя традиций Гжели перешла от предприятий, чья деятельность в условиях рынка связана с большими рисками, к бывшему техникуму, а ныне – единственному университету России, действующему непосредственно в ареале бытования народного промысла.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева А. А. Гжель: от игры к профессии. Гжель: ТОО «Гжель»; ТОО «Специалист», 1994. 160 с.
2. Логинов В. М., Скальский Ю. П. Эта звонкая сказка. Гжель. М.: Сварог, 1994. 191 с.
3. О дальнейшем развитии народных художественных промыслов в РСФСР: постановление Совета Министров РСФСР от 22.10.1975 г. № 570 // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=44561&dst=#08534939167597728> (дата обращения 30.11.2022).

М.И. Старовойтов

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОГО ПОГРАНИЧНОГО РЕГИОНА В КОНЦЕ 1930-Х ГОДОВ КАК РЕЗУЛЬТАТ СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье на основе оригинальных архивных материалов впервые в белорусской и российской историографии дана адекватная характеристика национального и социального состава населения городских поселений в конце 1930-х годов. Белорусские города были более полиэтничными, т. к. белорусы имели более низкий уровень урбанизации. По этому показателю белорусы еще значительно отставали от других наиболее численно представленных в белорусской части пограничья национальностей. Советская модернизация значительно изменила социальный облик городского населения. Составленные автором информационные таблицы отражают специфику социальной структуры городского населения, прежде всего, белорусской части пограничья. Установлено, что это связано с особенностями индустриального развития и урбанизации в БССР.

Ключевые слова: социальная структура, городское население, белорусско-российское пограничье, социальная трансформация, советское общество, специфика модернизации региона, специфика урбанизации региона.

THE SOCIAL STRUCTURE OF THE URBAN POPULATION OF THE BELARUSIAN-RUSSIAN BORDER REGION IN THE LATE 1930S AS A RESULT OF THE SOCIAL TRANSFORMATION OF SOVIET SOCIETY

Abstract. The article, based on original archival materials, for the first time in Belarusian and Russian historiography, provides an adequate description of the national and social composition of the population of urban settlements in the late 1930s. Belarusian cities were more polyethnic, because Belarusians had a lower level of urbanization. According to these indicators, Belarusians still lagged significantly behind other nationalities most numerically represented in the Belarusian part of the border area. Soviet modernization significantly changed the social appearance of the urban population. The information tables compiled by the author reflect the specifics of the social structure of the urban population, primarily the Belarusian part of the border area. It is established that this is due to the peculiarities of industrial development and urbanization in the BSSR.

Keywords: social structure, urban population, Belarusian-Russian borderland, social transformation, Soviet society, specifics of modernization of the region, specifics of urbanization of the region.

Изучение структуры городского населения, а город стал важнейшей формой сосуществования человека, позволяет установить темпы, формы и направления развития общества, определить вектор дальнейшего его развития. В 1920–1930-е годы советская мобилизационная модернизация интенсифицировала процесс перехода от традиционных форм жизнедеятельности к индустриальным формам. Этот процесс в разной степени затронул все республики и регионы СССР, в т. ч. и белорусско-российское пограничье. Наиболее активная часть населения, прежде всего сельского, устремилась в город, дававший возможность удовлетворить чаяния и реализовать свои экономические и культурные потребности. Важной составляющей системного исследования города как самостоятельного объекта и целостного феномена является демографическая, этническая, социальная и культурная характеристика его социума, что еще не стало до сих пор предметом исследования.

Нам представляется целесообразным выделить для рассмотрения социальный состав городского населения на примере белорусско-российского пограничья (БРП). В таком контексте данная проблема и в белорусской, и в российской историографии не только не рассматривалась, но и не ставилась. Это связано с тем, что данные Всесоюзной переписи населения 1939 г. были длительное время засекречены. Используя оригинальные архивные материалы этой переписи и компаративный метод исследования, нами предпринята попытка восполнить этот пробел, что и является целью данной публикации. Выделены как абсолютные, так и относительные показатели, что усиливает доказательность информативных таблиц (таблицы составлены и проценты подсчитаны автором).

Если в РСФСР статус городов и городских поселений был определен в середине 1920-х годов, то в БССР это было осуществлено в конце 1930-х годов. В связи с введением в БССР в январе 1938 г. областного деления была проведена работа по изменению списка городов, рабочих поселков и местечек, утвержденного 15 июля 1935 г. В марте 1938 г. в Президиум ЦИК БССР поступили: документ «Характеристика городов БССР», в который включено 12 городов и документ «Список городов, рабочих поселков и поселений городского типа в БССР». После введения 20 февраля 1938 г. районного административно-территориального деления областей изменился статус городов и городских поселений [12, л. 1]. Для БССР характерным было массовое переименование местечек в городские поселения, так называемая «местечковая урбанизация», которая повлияла на рост его численности, о чем автор уже писал.

Рост численности населения городов и городских поселений определялся тремя факторами / источниками пополнения. Они выделены в секретной записке Сталину и Молотову «О переписи населения 1939 г.» Председателя Госплана СССР Н.А. Вознесенского и Начальника ЦУНХУ СССР И.В. Саутина 21 марта 1939 г. В перерасчете на проценты мы получили следующие данные. С 1926 г. по 1939 г. естественный прирост городского населения в СССР составил 16,6 %. «В порядке преобразования сельских местностей (так в документе – *М.С.*) в города и образование новых городов» – 30,3%. «В порядке притока из села в связи с промышленным строительством» – 53,1 % [15, л. 42]. Примерно таким же соотношением было и в БССР.

Массовым источником оставалось сельское население, перемещавшееся в города своих регионов. Значительно увеличилось и число жителей, прибывавших из других городских поселений и сел. Нами установлен такой приток в 1938 г. в Гомельскую область (Табл. 1).

Прибытие населения в города Гомельской области в 1938 г. в % к итогу

Откуда прибыли	Из города	Из села	Всего
Гомельская область	9,42	29,97	39,39
Из других мест, в т. ч.	41,61	19,00	60,61
Витебская область	2,72	0,93	3,65
Минская область	8,61	1,85	10,46
Могилевская область	5,69	3,22	8,91
Полесская область	2,26	4,55	6,81
УССР	5,45	3,86	9,51
Киевская область	1,32	0,33	1,65
Черниговская область	1,29	2,78	4,07
РСФСР	16,28	4,47	20,75
г. Ленинград	4,03	–	4,03
г. Москва	3,03	–	3,03
Орловская область	2,30	1,62	3,92

Как видно из Таблицы 1 [5, л. 49], из-за пределов Гомельской области прибыло 60,61 %. Прибывших из городов как БССР, так РСФСР и УССР оказалось 51,03 %, а из села – 48,97 %. На наш взгляд, среди прибывших из городов соседних республик, из Минска и областных центров БССР могли быть выпускники вузов и техникумов, в т. ч. и уроженцы Гомельщины, ИТР и служащие, квалифицированные рабочие, творческая интеллигенция, военнослужащие и др. Абсолютные цифры нами не выявлены, что затрудняет адекватность оценки этих миграционных процессов. Видно также, что в данном процессе участвовало и население белорусско-российско-украинского пограничья. Демографические и миграционные процессы повлияли на динамику численности и национальный состав городского населения области. Каким этот состав был в конце 1930-х годов наглядно, на примере областных центров, представлено в Таблице 2 [2, л. 45; 4, л. 43; 6, л. 48; 8, л. 40; 10, л. 44].

Таблица 2

Динамика численности и нацсостава населения областных центров

Год	Населе- ние	В том числе основные национальности:											
		русские		украинцы		белорусы		евреи		поляки		прочие	
		Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Витебск													
1926	98 782	25 726	26,0	446	0,5	29 117	29,5	37 013	37,5	3 638	3,7	2 841	2,9
1939	167 299	28 817	17,2	3 119	1,9	92 587	55,3	37 095	22,2	2 616	1,6	3 075	1,8
Гомель													
1926	86 222	24 926	28,9	1 804	2,1	18 833	21,8	37 745	43,8	1 683	2,0	1 231	1,4
1939	139 120	25 081	18,0	9 457	6,8	61 030	43,9	40 880	29,4	----	---	2 672	1,9
Могилев													
1926	50 063	6 706	13,4	314	0,6	24 259	48,5	17 105	34,2	948	1,9	731	1,5
1939	99 428	12 499	12,6	3 445	3,5	60 979	61,3	19 715	19,8	1 259	1,3	1 531	1,5
Брянск*													
1926	43 937	23 299	86,0	----	---	----	---	2 500*	9,2	----	---	1 300*	4,8
1939	87 490	76 946	88,0	2 776	3,2	----	---	5 012	5,7	----	---	2 756	3,1
Смоленск													
1926	73 520	58 890	75,1	503	0,6	2 333	3,0	23 887	16,4	1 773	2,3	2 055	2,6
1939	156 884	130 922	83,5	2 463	1,6	5 254	3,3	14 812	9,4	----	---	3 433	2,2

Примечание: Брянск выбран как близлежащий к пограничью крупный город.

Белорусский этнос в конце 1930-х годов проживал в сельской местности и был занят сельским хозяйством и имел низкую степень урбанизированности по сравнению с другими численно представленными в республике национальностями. Объективно и субъективно сложилось так, что белорусский этнос был больше интернациональный, общеславянский, чем эго-национальный. В полиэтничных белорусских городах титульный этнос от 53 до 60 % признал русский язык родным [1, л. 13], что в большей степени соответствовало трансформации и осуществлению советской интернациональной политики и в республике, и в стране. Население белорусских городов ориентировалось на русский язык и русскую культуру.

Представленные в Таблице 3 [2, л. 47; 4, л. 45; 6, л. 50; 8, л. 45; 10, л. 47] данные свидетельствуют не только об уровне экономического развития региона в конце 1930-х годов, но и об изменениях в социальной структуре городского населения. Очевидны некоторые различия по областям. Так, доля занятых в промышленности рабочих и служащих была самой высокой в Орловской области, а доля не распределенных по отраслям народного хозяйства (так по данным переписи 1939 г. учтены военнотрудовые) была самой высокой в белорусских областях. Их доля более чем в два раза превышала этот показатель по российским областям. О причинах большой концентрации военнотрудовых Белорусского военного округа в 1939 г. в городских поселениях и сельской местности автор написал в специальной статье [13].

Таблица 3

Городское население БРП, занятое в отраслях народного хозяйства в 1939 г.

Промышленность	Сельское хозяйство	Лесное хозяйство	Строительство	Транспорт и связь	Торговля и общепит	Жилкоммухоз	Просвещение, наука, искусство, печать	Здравоохранение	Госучреждения, парт. и обществ. организации	Не распределено по отраслям народ. хоз.	Всего
Витебская область											
64 035	8 410	1 013	10274	16 045	15 662	4 098	9 801	7 516	9 150	16 706	162 710
39,36	5,17	0,62	6,31	9,86	9,63	2,52	6,02	4,62	5,62	10,27	100
Гомельская область											
45 116	6 713	870	5 804	12 241	10 435	2 791	6 606	4 823	6 126	12 016	113 541
39,74	5,91	0,77	5,11	10,78	9,19	2,46	5,82	4,25	5,40	10,58	100
Могилевская область											
50 028	11 967	1 776	11 443	10 074	12 293	3 450	8 500	6 367	9 007	15 794	140 699
35,56	8,50	1,26	8,13	7,16	8,74	2,45	6,04	4,53	6,40	11,23	100
Орловская область											
138 137	18 347	4 114	13 624	28 963	28 201	6 763	20 133	12 891	18 891	11 461	301 525
45,81	6,08	1,36	4,52	9,61	9,35	2,24	6,68	4,28	6,27	3,80	100
Смоленская область											
72 701	13 201	1 567	16 457	19 730	23 315	6 348	14 672	10 133	17 500	9 330	204 954
35,47	6,44	0,76	8,03	9,63	11,38	3,10	7,16	4,94	8,54	4,55	100

Анализ рассекреченных архивных данных показал, что в областных центрах региона было сосредоточено значительное количество занятого городского населения областей. В Витебске трудилось 51,7 % такого населения, в Гомеле – 48,0 %, в Смоленске – 36,5 % и в Могилеве – 34,2 % [подсчитано по Таблицам 3 и 4]. Исключение составляла Орловская область. Здесь занятое городское население было рассредоточено

в порядке убывания по городам: Орел, Брянск, Орджоникидзеград (бывшая Бежица), Елец и Клинцы. В них трудилось 57,2 % всего городского населения области [8, л. 45]. Относительная численность всего городского населения, проживавшего в областных центрах, тоже подтверждает примерно такую же концентрацию. В Витебске проживало 48,7 %, в Гомеле – 54,9 %, в Могилеве – 31,4 %, в Орле – 16,0 % и в Смоленске – 35,0 % [2, л. 1; 4, л. 1; 6, л. 1; 8, л. 1; 10, л. 1] (Табл. 4).

Таблица 4

Население областных центров в отраслях народного хозяйства

Промышленность	Сельское хозяйство	Лесное хозяйство	Строительство	Транспорт и связь	Торговля и общепит	Жилкоммухоз	Просвещение, наука, искусство, печать	Здравоохранение	Госучреждения, парт. и общ. орг.	Не распределено по отраслям	Всего
Витебск											
39 980	2 000	415	4 294	7 602	6 751	2 078	5 185	3 845	3 779	8 135	84 064
47,56	2,38	0,54	5,11	9,04	8,03	2,47	6,17	4,57	4,50	9,68	100,00
Гомель											
21 214	1 181	285	2 767	7 839	5 463	1 698	3 399	2 725	3 043	5 654	54 468
38,95	2,17	0,52	5,08	14,39	10,03	3,12	6,24	5,0	5,59	10,38	100,00
Могилев											
18 148	1 544	121	5 741	3 618	3 878	1 336	2 678	2 599	3 393	5 055	48 111
37,72	3,21	0,25	11,93	7,52	8,06	2,78	5,57	5,40	7,50	10,51	100,00
Брянск*											
16 041	1 285	328	1 998	7 421	3 979	1 332	2 494	2 000	2 002	1 459	40 339
39,77	3,21	0,81	4,95	18,40	9,86	3,30	6,18	4,96	4,96	3,62	100,00
Смоленск											
22 846	2 751	280	6 637	7 151	9 165	3 074	6 420	4 320	8 467	3 715	74 826
30,53	3,68	0,37	8,87	9,56	12,25	4,11	8,58	5,77	11,32	4,96	100,00

Из Таблицы 4 [2, л. 47; 4, л. 45; 6, л. 50; 8, л. 45; 10, л. 47] видно, что разные темпы развитие отраслей производственной и непроизводственной сфер экономики, изменения в административно-политическом статусе городов существенно повлияли на социально-профессиональную структуру их населения к концу 1930-х годов. Например, в промышленности, строительстве, на транспорте и в связи в Могилеве было занято 57,2 %, а в Смоленске – 49,0 %. Более чем в два раза доля военнослужащие в Могилеве была выше, чем в Смоленске. Это связано с тем, что на Могилевщине размещалось части Самарской дивизии крупного воинского соединения Белорусского военного округа. В Смоленске было проведено городское районное деление, а в Могилеве такое деление осуществили только после Великой Отечественной войны. В связи с этим доля лиц, работающих в государственных, партийных и общественных организациях областного и городского уровня в Смоленске была в 2,5 раза выше, чем в Могилеве. Примерно во столько же раз была большая доля занятых в торговле и общественном питании, в жилищно-коммунальном хозяйстве, в просвещении, науке, культуре, образовании, что объясняется большей абсолютной численностью всего занятого населения Смоленска. В здравоохранении, сельском и лесном хозяйстве доля занятых существенных различий не имела. Непосредственно в непроизводственной сфере в Могилеве было занято 29,3 %, а в Смоленске – 42 %, что свидетельствует о более весомом вкладе этой сферы в Смоленске как градообразующей и градоразвивающей.

В документах Всесоюзной переписи населения 1939 г. общепринятая в рассматриваемый период классовая структура была обозначена как «общественные группы», а затем разбита на их составляющие, что видно из Таблицы 5 [3, л. 3; 7, л. 3; 9, л. 3; 11, л. 3]. Социальная структура городского населения белорусско-русского пограничного региона в конце 1930-х годов в абсолютном большинстве была представлена рабочими и служащими. В белорусских областях 83–87 %, а в российских – более 89 % (подсчитано по Табл. 5).

Таблица 5

Распределение занятого городского населения в 1939 г. (абс.)

Общественные группы	Витебская область			Могилевская область		
	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего
Рабочие	52 728	39 779	92 507	46 422	27 074	73 496
Служащие	30 124	19 166	49 290	28 021	15 400	43 421
Колхозники	7 164	2 426	9 590	7 883	3 498	11 381
Кооперированные кустари	5 135	3 918	9 053	5 994	3 348	9 342
Некооперированные кустари	1 498	277	1 775	1 692	319	2 011
Крестьяне-единоличники	272	223	495	469	579	1 048
Итого	96 921	65 789	162 710	90 481	50 218	140 699
	Орловская область			Смоленская область		
Рабочие	105 260	65 069	170 329	61 803	48 771	110 574
Служащие	59 354	40 029	99 383	43 007	29 106	72 113
Колхозники	10 362	4 239	14 601	5 943	3 469	9 412
Кооперированные кустари	8 368	5 123	13 491	5 970	4 549	10 519
Некооперированные кустари	2 237	499	2 736	1 256	323	1 579
Крестьяне-единоличники	417	568	985	278	479	757
Итого	185 998	115 527	301 525	118 257	86 697	204 954

Нами установлено, что эти более низкие показатели в белорусской части пограничья были обусловлены разными темпами развития промышленности (особенно машиностроения). БССР входила в широкую пограничную полосу СССР и в республике «по стратегическим соображениям» сдерживалось строительство заводов. В связи с этим, с середины 1930-х годов и 1939 г. шла подготовка перевода столицы БССР из Минска в Могилев. Причины более высокой доли колхозников, кустарей и крестьян-единоличников в составе городского населения белорусских областей рассмотрены автором в специальной статье [14]. Среди городского населения БРП примерно 0,1 % составляли нетрудящиеся (священнослужители, представители свободных профессий, не указавшие род занятий и прочие).

Даже такая краткая характеристика социального состава городского населения, на примере белорусско-русского пограничного региона, позволяет увидеть значительные результаты социальной трансформации советского общества, достигнутые к концу 1930-х годов. Белорусская специфика отражает не только высокую полиэтничность городского населения, но и некоторые особенности социальной структуры, обусловленные разным уровнем развития производственных и непроизводственных отраслей экономики областей БССР.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белорусская ССР / Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 329. Д. 257.
2. Витебская область / РГАЭ/ Ф. 1562. Оп. 336. Д. 375.
3. Витебская область / РГАЭ/ Ф. 1562. Оп. 336. Д. 547.

4. Гомельская область / РГАЭ / Ф. 1562. Оп. 336. Д. 376.
5. Механизм движения населения по союзным республикам / РГАЭ / Ф. 1562. Оп. 20. Д. 143.
6. Могилевская область / РГАЭ / Ф. 1562. Оп. 336. Д. 379.
7. Могилевская область / РГАЭ / Ф. 1562. Оп. 336. Д. 551.
8. Орловская область / РГАЭ / Ф. 1562. Оп. 336. Д. 317.
9. Орловская область / РГАЭ / Ф. 1562. Оп. 336. Д. 489.
10. Смоленская область / РГАЭ / Ф. 1562. Оп. 336. Д. 325.
11. Смоленская область / РГАЭ / Ф. 1562. Оп. 336. Д. 497.
12. Список городов, рабочих поселков и поселений городского типа по БССР, их характеристика // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 30. Оп. 7. Д. 20.
13. Старовойтов М.И. Национальный и социальный состав военнослужащих Белорусского военного округа накануне Второй мировой войны // Идеологические аспекты военной безопасности. Научно-практическое приложение к журналу «Армия» Министерства обороны Республики Беларусь. 2018. № 1. С. 8–15.
14. Старовойтов М.И. Кустари и крестьяне-единоличники БРУП в конце 1930-х годов (социокультурный аспект) // Известия Гомельского госуниверситета имени Ф. Скорины. – 2011. № 5. С. 112–121.
15. Таблицы динамических рядов ЦУНХУ СССР / РГАЭ / Ф. 1562. Оп. 329. Т. 1. Д. 256.

Е.П. Суходолова

КУЛЬТУРОТВОРЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ДОСУГОВОЙ КУЛЬТУРЫ СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. В статье рассматривается опыт Гжельского силикатно-керамического техникума (колледжа) в сфере реализации культуротворческих технологий в период 40–90 гг. Анализируются основные формы культурно-просветительской и культурно-массовой работы, в том числе на основе изучения архивных материалов, воспоминаний учащихся тех лет, и роль в организации досуга молодежи.

Ключевые слова: досуг, культура, традиции, патриотизм, гражданственность, самодеятельное творчество, молодежь.

CULTURAL TECHNOLOGIES AS A FACTOR IN THE FORMATION OF LEISURE CULTURE OF SOVIET YOUTH

Abstract. The article examines the experience of the Gzhel silicate-ceramic Technical School (college) in the field of implementation of cultural technologies in the period 40–90. The main forms of cultural and educational and mass cultural work are analyzed, including on the basis of studying archival materials, memories of students of those years, and their role in organizing youth leisure.

Keywords: leisure, culture, traditions, patriotism, citizenship, amateur creativity, youth.

История и практика развития социально-культурной деятельности показывают, что культуротворческие технологии развивались как самодеятельное творчество и всегда были ориентированы на развитие личности, формирование общекультурных и нравственных ценностей, особенно в советский период. Изучение этого опыта представляется в современных условиях особенно важным. Сегодня вновь требуется актуализация таких понятий как гражданственность, патриотизм, гуманизм, значение которых на некоторых территориях постсоветского пространства, да и в России, приобрело особый смысл. Как никогда требуется вложить в формирование этих понятий у студенческой молодежи аксиологическую составляющую.

По мнению Н.В. Шарковской, аксиологический подход к реализации культурно-творческих технологий является регулятором обновления моральных, эстетических и иных оснований личности, ее связи с социумом [6].

Дискуссии о содержании понятия «самодеятельное творчество» в научной литературе идут с 20-х годов прошлого века. Они были обусловлены социально-экономическими и революционными катаклизмами, которые переживала Россия и мир. Самодеятельное творчество многие авторы рассматривали как фактор формирования и развития личности, ее самосовершенствования, самовыражения, а также возникновение нового типа культуры. Следует выделить главные и специфические черты самодеятельного творчества:

Главными выступают:

- добровольность участия творческом коллективе или объединении;
- инициатива и активность участников;
- духовная мотивация участников коллективов;
- организация творчества в рамках свободного времени.

Специфическими являются:

- организованность;
- отсутствие у участников профессиональной подготовки;
- безвозмездность и др. [3].

Особая роль в реализации культуротворческих технологий в разные периоды истории нашего государства отводилась образовательным учреждениям, школам, техникумам колледжам, институтам, университетам.

Эти технологии всегда выступали составляющей образовательного процесса и помогали личности обучающегося раскрыть свои способности в творчестве, культуре науке, спорте, обогащая духовный мир, развивая инициативу.

Социально-культурная среда любого образовательного учреждения формируется в процессе учебной и внеучебной деятельности.

Результатом этого процесса является формирование личности будущего специалиста, ее ценностно-смыслового потенциала.

Обратимся к опыту реализации культуротворческих технологий в Гжельском техникуме (ныне государственном университете) и проанализируем этот вопрос в историческом контексте. Основу анализа составили научные публикации об истории университета Б.В. Илькевича, А.Г. Киселева, В.В. Никонова, В.В. Семеновой, публикации в районных газетах «Авангард», «За коммунистический труд», архивные материалы.

Исследуемая проблема (период 40-х – 50-х годов) отражена в монографическом исследовании и нескольких публикациях А.Г. Киселева, содержащих воспоминания выпускников тех лет. Несомненно, что в этот период можно говорить о политпросветительской, с 1945 года о культурно-просветительской работе, которая находилась в силу объективных исторических условий под влиянием государственной и партийной идеологии.

Основными ее направлениями были формирование коммунистического мировоззрения, трудовое, эстетическое, физическое, нравственное воспитание, организация художественной самодеятельности, отдыха и развлечений.

Безусловно, в центре внимания этой деятельности было послевоенное поколение, которое, как и их отцы-победители внесли неценный вклад в восстановление и развитие Советского Союза в период его наивысшего расцвета и могущества [5, с. 7].

Вся воспитательная, и в том числе культурно-массовая работа была ориентирована на формирование личности гражданина великой страны.

Для этого в техникуме были созданы неплохие по меркам того времени условия. Как отмечал тогдашний директор техникума И.П. Завьялов, молодежи предоставлена возможность заниматься разнообразными видами спорта... Для проведения культурно-массовой работы имеется актовый зал, в котором проходят вечера художественной самодеятельности и регулярно демонстрируются кинокартины [2]. Эту информацию подтверждают

и многочисленные воспоминания выпускников. В актовом зале техникума показывали кинофильмы. Многим запомнились фильмы тех времен: «Смелые люди», «Первый эшелон», «Дорогой мой человек», «Молодая гвардия», «Карнавальная ночь», «За витриной универмага», «Свинарка и пастух», «Я шагаю по Москве» и др. [5, с. 240].

Исследования А.Г. Киселева показали, что кружковая работа техникуме велась в разные годы с разной активностью, например, в приказах и протоколах партийных собраний за 1947 год оценки этой деятельности критические [5, с. 116]. В 1948 году в техникуме действовали шесть кружков и две спортивные секции, в 1954–55 гг. хорошо работали драматический и хоровой кружки, что нашло подтверждение в приказах по Гжельскому техникуму за 1948 г. № 104 от 23 июня и за 1951 г. № 54 от 2 апреля: «Проведенные вечера самодеятельности показывают наличие в техникуме хороших драматических групп, групп художественного чтения, декламации, танцев, пения и др.». В приказах отмечены пьесы «Я хочу домой!», «Самое дорогое», «Поезд идет дальше», «Обновка». Причем эти постановки осуществлялись студентами отдельных групп под руководством классных руководителей Б.М. Пищика, М.А. Пищик и др. [5, с. 117]. Некоторое время драмкружком руководил Б.М. Пищик. Под руководством классного руководителя и преподавателя химии В.И. Яблоковой был подготовлен спектакль, посвященный М.В. Ломоносову.

Молодежь техникума вместе с преподавателями реализовывала свои творческие способности занятиями в хоре, струнном ансамбле, кружке рисования, лыжных, стрелковых соревнованиях, где неоднократно команда техникума занимала призовые места [4]. Струнным ансамблем руководили В.П. Богатский, И.И. Березин. Очень популярны среди учащихся были песни «Мне тебя сравнить бы надо...», «Песня о тревожной молодости» и др. «Нельзя не заметить, что среди руководителей этих коллективов были и студенты, и преподаватели. Особую атмосферу в социокультурной среде техникума создавала работа радиоузла, располагавшегося на втором этаже учебного корпуса. Радиопередачи, музыкальные программы были неотъемлемой частью внеучебной деятельности. Традиционными были мероприятия, посвященные праздникам. Многие выпускники с теплотой вспоминают новогодние маскарады, проходившие в актовом или спортивном залах техникума [5, с. 239].

Основываясь на анализе архивных документов (приказов) А.Г. Киселев отмечает, что успехи в творческих конкурсах и спортивных соревнованиях были различными: от удачного выступления в техникуме или победе на соревнованиях Гжельского куста до представления своего таланта в Колонном зале Дома Союзов или побед на соревнованиях техникумов Московской области [5, с. 117].

Своеобразным центром культурной жизни техникума всегда была библиотека. По свидетельству заведующей библиотеки Доры Ивановны Владимировой, в 1962 году библиотека насчитывала 42 тыс. книг, а услугами библиотеки пользовались полторы тысячи читателей [1]. Многие выпускники отмечают, что книг в библиотеке было достаточно, читали русскую, советскую и зарубежную классику: «Тихий Дон», «Поднятая целина» М.А. Шолохова, «Сестра Керри» и «Дженни Герхард» Теодора Драйзера и др.

Библиотека вплоть до 90-х годов была организатором встреч с интересными людьми. Здесь побывали: режиссер Вячеслав Котеночкин, спортивный комментатор Николай Озеров, актер Леонид Куравлев, писатель-сатирик Леон Измайлов, дочь маршала Георгия Жукова, певец и композитор Игорь Тальков (именно в Гжельском техникуме состоялся его последний концерт).

В 1957 году в год первого Московского международного фестиваля молодежи и студентов Гжельский силикатно-керамический техникум стал площадкой для проведения молодежного форума Гжели. Инициатором его проведения был Юрий Иванович Сосин, секретарь комсомольской организации техникума, преподаватель и классный руководитель первой группы студентов, поступивших в 1957 году на художественное

отделение. С 1952 по 1962 он работал в нашем образовательном учреждении, позже стал Членом Союза художников РФ, Заслуженным работником культуры РФ, обладателем Почетного знака «За заслуги перед Дубной», почетным членом Российской Академии Художеств.

Делегация комсомольцев техникума 11 августа 1957 года приняла участие в закрытии Международного фестиваля молодежи и студентов в Москве.

Организация культурно-массовой работы со студентами была одним из направлений деятельности комсомольской организации техникума: конкурсы «А ну-ка Парни!», «А ну-ка девушки!», вечера поэзии, конкурсы чтецов – вот далеко не полный перечень форм этой работы.

Характерной чертой культуротворческой деятельности техникума были, конечно, встречи с ветеранами Великой Отечественной войны: В.Н. Страховым, В.Е. Даниловым, И.А. Соколовым, И.Ф. Сафроновым и другими. Эта традиция поддерживалась все последующие годы. Но поколение ветеранов уходило, и последними живыми свидетелями этих страшных событий становились «дети войны». Среди преподавателей к этому поколению относятся А.А. Андреева, А.И. Дрыга, В.П. Сидоров, Г.М. Гусейнов, Н.А. Некрасова, Н.А. Хазова и др.

Долгожданной были для студентов поездки в московские театры, экскурсии по историческим местам нашей страны.

В 60–70-е годы появляется такая форма культуротворческих технологий как КВН. У его истоков стоял преподаватель строительного отделения Б.Е. Андреев. Вузовские кубки КВН проводились и в последующие годы.

Характерной формой культуротворческих технологий были всегда праздники: новогодние карнавалы, вечера отдыха, позже дискотеки, посвящения в студенты, конкурсы художественной самодеятельности, конкурсы патриотической песни, в которых принимали участие и студенты и преподаватели.

В 50–60-е гг. в техникуме был хор, о чем свидетельствуют воспоминания выпускников тех лет Е.А. Чернова, А.И. Тяпковой и др. [5, с. 212].

В 70–80 гг. XX века успешно работал хор, которым руководил В.И. Чалов, наш местный певец, композитор, баянист, хормейстер, написавший вместе с преподавателем Гжельского техникума В.С. Бырдиным немало песен о Гжели, Подмоскowie и России.

В 1975 г. по решению совета директоров гжельских образовательных учреждений, при поддержке предприятий региона на базе Гжельского силикатно-керамического техникума начал проводиться региональный фестиваль творчества детей и молодежи «Синяя птица Гжели», ставший творческой площадкой и для студентов.

В 1979 году по инициативе руководства Гжельского художественно-промышленного колледжа (А.А. Андреевой) состоялся первый творческий фестиваль работников образования Гжели «Лебединой крыло».

В дни Международного фестиваля молодежи и студентов (Москва, 1985 г.) в техникуме состоялась международная встреча молодежи с участием курсантов Егорьевского авиационного училища. Стремление к миру, дружбе и солидарности со всеми народами Земли всегда красной нитью проходило через различные формы социально-культурной деятельности.

Советский период развития образования и культуры, несмотря на объективные трудности, оставил глубокий след в судьбах выпускников Гжельского техникума (колледжа) о чем они всегда вспоминают с особой теплотой.

Культуротворческие технологии, как часть системы воспитания, опирались в основном на принцип А.С. Макаренко «воспитание в коллективе и через коллектив». И жизнь показывает, что эта методика несколько не устарела и вполне применима в наши дни.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Владимиров М. Сегодня учащийся, завтра специалист // За коммунистический труд 1962. 2 сентября. Режим доступа. <https://cloud.mail.ru/public/6CyZ/eMMQUY1AJ/№138%2002.09.1962.pdf>.
2. Завьялов И. Приходите к нам учиться // За коммунистический труд. 1962. 27 июля. Режим доступа <https://cloud.mail.ru/public/6CyZ/eMMQUY1AJ/№122%2027.07.1962.pdf>.
3. Самодетельное творчество: к вопросу о категориальном аппарате исследования феномена URL: <https://forpsy.ru/works/samodeyatelnoe-tvorchestvo/>.
4. Стрелковые соревнования // Авангард. 1953. 14 мая. Режим доступа: <https://cloud.mail.ru/public/KU3w/iZADvnga8/№57%2014.05.1953.pdf>.
5. Киселев А. Г. Учащиеся Гжельского техникума, 1944–1957 годы. Гжель: изд-во ГТУ, 2016. 288 с.
6. Шарковская Н.В. Аксиологическая направленность культуротворческих форм активного досуга современного студенчества // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 1(81). С. 142–149. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35017458>.

И.Е. Татаринцев

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ТРУДЯЩИХСЯ ДОНБАССА В 1946–1956 ГГ.

Аннотация. Автором проанализирована материальная составляющая повседневной жизни трудящихся Донбасса в 1946–1956 гг. Установлено, что в исследуемые годы заработная плата обеспечивала 75–80 % всех потребляемых товаров и услуг и составляла основу семейного бюджета. Отмечается, что по сравнению с другими отраслями народного хозяйства работники тяжёлой промышленности региона получали большие доходы при условии выполнения плана. Автор заключает, что материальное положение трудящихся Донбасса в 1946–1956 гг. было в целом лучше и выше среднестатистических показателей в народном хозяйстве УССР.

Ключевые слова: материальное положение, доходы, народное хозяйство, Донбасс, УССР.

THE FINANCIAL SITUATION OF DONBASS WORKERS IN 1946–1956S

Abstract. The author analyzed the material component of the daily life of working people of Donbass in 1946–1956s. It was established that in the years under review, wages covered 75–80 % of all consumed goods and services and formed the basis of the family budget. It is noted that compared to other branches of the national economy, workers in the heavy industry of the region received large incomes, provided the plan was implemented. The author concludes that the material situation of the workers of Donbass in 1946–1956s were generally better and higher than average statistical indicators in the national economy of the Ukrainian SSR.

Keywords: material wealth, income, national economy, Donbass, Ukrainian SSR.

Одной из неотложных задач процесса налаживания мирной жизни и восстановления народного хозяйства в первые послевоенные годы стало обеспечение населения приемлемым уровнем жизни. На разных этапах отечественной истории для определения уровня и качества жизни использовались такие понятия-синонимы, как «уровень жизни», «народное благосостояние», «образ жизни», «качество жизни» и др. понятия, позволявшие охарактеризовать общее благосостояние населения. Как отмечают российские исследователи В. Бобков и А. Починок, под современным понятием благосостояния понимается «обеспеченность населения необходимыми для жизни материальными и социальными, культурными и духовными благами, то есть предметами, услугами и условиями, удовлетворяющими человеческие потребности» [9]. Приведенное определение на наш взгляд, вполне применимо для характеристики уровня жизни в 1946–1956 гг., однако с учетом преимущества материальной составляющей, что связано, в первую очередь, со спецификой изучаемых лет.

Материальные потребности, как в настоящем, так и в прошлом, доминировали среди актуальных проблем, усложняя в некотором роде повседневную жизнь рабочему и служащему Донбасса. При наличии высоких цен на основные продукты питания, дефицита подавляющего большинства товаров и невысокого уровня зарплаток, в первые послевоенные годы фактический уровень благосостояния оставался низким. Важно изучить такие составляющие, как уровень доходов на душу населения; уровень потребления и обеспеченности домашних хозяйств капитальными благами; степень дифференциации работников по доходам и уровню потребления; уровень прожиточного минимума; уровень бедности; жизненные стандарты и т. д. Заметим, что в исследуемые годы подобных критериев оценки уровня жизни трудящихся Донбасса не существовало. К тому же, низкий уровень жизни трудящихся в исследуемый период нельзя было упоминать, поэтому послевоенные исследователи всячески подчёркивали «высокий или достаточный уровень благосостояния рабочих и служащих» [11, с. 141].

В исследуемые годы показатели реального ВВП использовались в качестве основных критериев благосостояния населения. Но эти данные не могли отразить реальный уровень обеспечения населения материальными и нематериальными благами и уровень их потребления. Повседневная жизнь рабочих и служащих Донбасса была настолько многогранной, что сухие официальные определения отнюдь не могли раскрыть все аспекты послевоенной жизни. Уровень жизни или благосостояния характеризуется сочетанием и взаимодействием двух основных составляющих: степенью обеспеченности населения материальными и нематериальными благами и уровнем их потребления.

Анализ указанных выше составляющих позволяет качественно исследовать уровень жизни трудящихся Донбасса в 1946–1956 гг. Задача улучшения благосостояния граждан была задекларирована в пятилетнем плане развития СССР 1946–1950 гг. [7]. В этот период основной материальной составляющей материального благосостояния являлась зарплата, составлявшая от 80 до 100 % доходов семейного бюджета. Например, в 1952 г. в общей структуре денежных доходов семьи среднестатистического работника тяжелой промышленности доля заработной платы составляла 86,6 % [8, с. 4]. С одной стороны уровень жизни определяется составом и размером постоянно меняющихся потребностей в различных благах. С другой – ограничивается возможностью их удовлетворения, исходя из наличия на рынке товаров и услуг, доходов населения, заработной платы работников. Но размер заработной платы рабочего и уровень жизни его семьи определяются также масштабом и эффективностью производства, научно-технического прогресса, культурно-образовательным уровнем населения, национальными особенностями и т. п.

Тяжелая индустрия в 1946–1956 гг. считалась приоритетной группой отраслей промышленности, на восстановление и развитие которой направлялось до 80 % бюджета УССР. Значительная часть таких предприятий располагалась на Донбассе. Вполне закономерно, что уровень доходов работников этих отраслей был выше, чем у остальных, а вредные для жизни условия труда и специфика работы должны иметь более высокий уровень оплаты. В исследуемый период этот показатель был относительно стабильным и свидетельствовал о том, что материальное положение донбасского рабочего находилось в полной зависимости от государства, которое установило четкую систему оплаты труда и усложнило получение нетрудовых доходов.

Заметим, что практически во всех отраслях тяжелой промышленности УССР в исследуемые годы была значительная дифференциация в уровне оплаты труда. В частности, директор и главный инженер Лутугинского завода прокатных валков в 1944–1947 гг., в то время как сталевар или токарь получали около 50–70 руб. за смену, что в месяц составляло около 1 000 – 1 400 руб. [3, л. 23]. Аналогичной была ситуация на других металлургических предприятиях. Конечно, сталевары, токари и другие рабочие могли получать значительно большую заработную плату, но при условии перевыполнении производственного плана. Такая дифференциация была вполне логична и свидетельствовала о том, что человек с высшим образованием и высокой квалификацией нес на себе большую ответственность.

Некоторые работники постоянно выполняли и перевыполняли план, получая таким образом около 1 500 – 2 000 руб. в месяц, но их доля, как правило, не превышала 5–10 %. Такая же закономерность была и на флагмане тяжелого машиностроения Донбасса – Ворошиловградском паровозостроительном заводе. В 1947 г. директор и главный инженер завода получали по 3 000 руб. в месяц, в то время как машинист в среднем – 790 руб., сварщик – 1 200 руб., слесарь – 1 000 руб., токарь – 900 руб., кузнец – 1 000 руб. и т. д. В эти годы завод давал работу почти 10 тыс. рабочих: 9 151 рабочему и 498 ИТР [2, л. 25]. Однако в послевоенные годы в этой отрасли была достаточно сложная и запутанная система начисления зарплаты, которая рассчитывалась с помощью более 200 тарифных сеток и ставок, а на производстве функционировали устаревшие нормы выработки. Это снижало материальный интерес рабочего в повышении производительности труда. Кроме того, нарушался баланс между производительностью труда и его оплатой.

Практически все рабочие специальности имели систему разрядов, регулировавших уровень заработной платы. Высококвалифицированные рабочие, которые имели пятый или шестой разряды, получали доходы выше среднего и имели достаточный уровень профессионального образования. Эти разряды требовали среднего специального образования, а работа таких работников предполагала повышенный уровень сложности, ответственности и была связана с управлением сложными технологическими процессами. Это были такие рабочие специальности, как слесари, электромонтеры, машинисты и операторы. Согласно классификации академика С. Струмилина, эти профессии принадлежали к исполнительному типу труда, где важное значение имела именно квалификация [10, с. 25]. Малоквалифицированные рабочие разрядов не имели либо имели первый. То есть, чем выше была квалификация и продолжительность трудового стажа, тем и заработок соответственно был выше. Вообще система разрядов для работников была средством постоянного повышения квалификации, поскольку высший разряд предусматривал и более высокий уровень оплаты труда, что могло дополнительно мотивировать работника.

Согласно архивных документов, среднемесячные доходы шахтера угольного комбината «Артемуголь» на Донетчине в 1946 г. составляли 824 руб., что равнялось 101 % к плану, то есть обычная зарплата шахтера при выполнении производственного плана [12, л. 82]. Для вычисления среднестатистического показателя следует взять также зарплату управляющего трестом «Фрунзеуголь» вышеупомянутого комбината, который в те времена получал 3 500 руб. на месяц. Шахтер за свой тяжелейший и опасный труд имел лишь до 1 000 руб. в зависимости от количества подземных изменений, а в реальности и того меньше [5, л. 2–6]. Отметим, что в 1950-е гг. официальные показатели средней заработной платы в угольной промышленности несколько поднялись, в среднем на 250 руб.

Если сравнить с общесоюзными среднестатистическими зарплатами, то можно заключить, что оплата труда на предприятиях тяжелой индустрии была значительно выше других отраслей народного хозяйства в среднем на 30–40 %. Многие рабочие и служащие, несмотря на вышеприведенные проблемы, могли иметь вполне приличные заработки. Но высокую зарплату и дополнительные продовольственные пайки получали только те, кто выполнял план. А учитывая технологическую отсталость и иногда неправильно организованный производственный процесс, план не всегда выполнялся. Как следствие урезанная зарплата и неполноценное питание работника и его семьи.

Начало 1950-х гг. характеризуется незначительным, но стабильным ростом уровня доходов работников тяжелой промышленности УССР. В течение 1952–1953 г., были проведены масштабные обследования материального положения семей рабочих и служащих тяжелой индустрии, зафиксировавшие некоторый рост доходов. Так, среднегодовые доходы семей квалифицированных рабочих машиностроительной отрасли выросли на 13 руб., в то время как семейный бюджет малоквалифицированных на 109 руб. Одновременно увеличилась диспропорция уровня доходов семей квалифицированных и неквалифицированных рабочих машиностроительной отрасли, достигнув 321 руб.

в пользу первых. Однако данные официальной статистики следует сравнить с архивными материалами, свидетельствующими, что из-за невыполнения плана работниками доходы зачастую существенно колебались. Средняя зарплата семей квалифицированных рабочих и служащих черной металлургии и железорудной промышленности за 1952–1955 гг. возросла на 100 руб. и превышала доход семей неквалифицированных рабочих этой же отрасли на 379 руб., доходы которых увеличились на 167 руб. [8, с. 4]. Это свидетельствуют не столько о динамике роста, сколько говорит о медленности улучшения материального положения рабочего.

Некоторые отрасли народного хозяйства в годы войны претерпели значительных разрушений, поэтому было решено создать новый комплекс предприятий. Одной из таких отстроенных отраслей тяжелой индустрии в послевоенные годы стала украинская коксохимическая промышленность. В течение исследуемых лет был построен ряд мощных предприятий, большинство из которых сосредоточено на Донбассе, с общим количеством в 27,7 тыс. рабочих и служащих [6, с. 492]. Однако уровень оплаты труда здесь был несколько ниже угольной промышленности или металлургии. Так, на Ворошиловском коксохимическом заводе среднемесячные доходы обычного слесаря или токаря были ниже среднестатистических показателей других отраслей тяжелой промышленности и составляли около 900 – 1 100 руб. Директор и главный инженер вышеупомянутого завода в 1950 г. получали ежемесячно по 2 500 руб., главный бухгалтер – 1 750 руб. Однако основная часть инженерно-технических и других категорий работников имели довольно низкие доходы, например, бухгалтер получал в среднем – 750 руб., водители – 410 руб., уборщицы – 360 руб. в месяц и т. д. [4, л. 5].

В течение 1952–1953 гг. доходы высококвалифицированного рабочего выросли с 1 578 до 1 737 руб., то есть рост на 159 руб. (на 10 %). Аналогичный рост был зафиксирован и среди малоквалифицированных рабочих. Там этот показатель повысился на 130 руб., с 1 280 до 1 410 руб. (также на 10 %) [8, с. 5]. По сравнению с 1940 годами, когда среднемесячный заработок квалифицированного рабочего не превышал 1 300 руб., а малоквалифицированного – 900 руб., это была, безусловно, положительная тенденция. В то же время стабильный 3–5 % ежегодный рост заработной платы в 1950-е годы существенно не увеличил доходы донбасского рабочего, но у людей появилась реальная надежда на дальнейшее повышение уровня жизни. Главное, что с начала 1950-х гг. доходы начали расти, и этот процесс приобрел постоянство. В условиях того времени материальный рост даже на несколько процентов был весьма ощутим для подавляющего большинства рабочих семей.

Важным показателем уровня жизни той или иной группы промышленных рабочих являлся денежный доход на одного члена семьи. В 1953 г. в крупнейших промышленных центрах Донбасса были проведены выборочные обследования семейных бюджетов рабочих тяжелой промышленности. Выявлено, что 23 % всех рабочих семей имели доходы на одного члена семьи менее 350 руб., 33 % – от 351 до 500 руб., 31 % семей зарабатывали 501–750 руб. ежемесячно. Наиболее высокие среднемесячные доходы на одного члена семьи в размере свыше 1 001 руб. имели только 4 % семей [8, с. 6]. Однако только 13 % семей работников тяжелой промышленности имели высокую среднемесячную прибыль на одного члена семьи. В то же время подавляющее большинство рабочих семей имели средний и ниже среднего уровня доходов. Отсюда и гораздо хуже уровень жизни членов их семей, ведь в исследуемый период, кроме заработной платы, практически не было других возможностей улучшить материальное положение.

В 1955 г. ЦСУ СССР провело обследование 14 793 семейных бюджетов рабочих и служащих 732 промышленных предприятий страны. Эти исследования проводились преимущественно среди семей трудящихся в тяжелой индустрии. География исследования ограничивалась крупными промышленными центрами СССР: Ленинград, Москва, Кузбасс, Донбасс, Днепропетровщина, Харьковщина. Специально созданные комиссии

изучали семейные бюджеты как квалифицированных, так и малоквалифицированных рабочих. Большинство рабочих семей, ставших объектами исследования, состояло из 3–4 человек – взрослые рабочие (мужчины и женщины) и иждивенцы (дети и пожилые родители). Оказалось, что годовой доход рабочей семьи в 1955 г. составлял 18 757 руб. против 17 374 руб. в 1952 г. То есть наблюдается некоторый материальный рост бюджета среднестатистической рабочей семьи в течение трехлетнего периода по сравнению с предыдущим выборочным исследованием на 8 % [8, с. 5].

Важное место среди мероприятий по улучшению благосостояния занимали кампании по снижению розничных цен. Первое снижение цен на продовольственные и промышленные товары произошло еще в 1946 г. В следующем году в результате продовольственного кризиса и денежной реформы эти меры решено было не проводить, ведь для этого не имелось ресурсов. Власти использовали такой механизм почти ежегодно, с 1946 г. по 1954 г. Интересно, что первое снижение цен касалось сети магазинов коммерческой торговли, когда цены были снижены в среднем на 10–20 %. Наибольшим спросом пользовался хлеб, ведь та норма, которую население получало по карточкам, была недостаточной. Как следствие, рабочие и служащие вынуждены были докупать хлеб в коммерческих магазинах. В июле того же года государство снизило цены на товары промышленной группы: одежду, обувь, галантерею. Особым спросом пользовались нити, ведь это был довольно специфический и важный товар, учитывая бедность населения и дороговизну новой одежды. Начавшееся упорядочение торговли определенным образом способствовало сбережению.

Исследование материального положения рабочего требует сопоставления многих источников, где не последнюю очередь занимает анализ газетных публикаций и писем рабочих в редакции центральных и областных газет. Например, в письме передовика-забойщика треста «Ворошиловградуголь» А. Тютюнникова в редакцию областной газеты «Ворошиловградская правда» от 7 января 1948 г. речь шла об отмене карточной системы и снижении цен на продукты. Тютюнников указал, что его семья состояла из 5 человек, из которых только он один работал. Среднемесячный доход семьи составлял 2 000 руб., или около 400 руб. на члена семьи, и который тратился преимущественно на продукты питания. По уровню доходов на одного члена семьи эта семья принадлежала к средней категории, тогда как по уровню расходов – к бедной. В связи с тем, что шахтер принадлежал к категории подземных рабочих, то есть к первой категории снабжения, по хлебным карточкам он ежедневно получал 2,3 кг хлеба и продовольственный паёк. Конечно, этих продуктов не хватало на такую большую семью, поэтому люди вынуждены были докупать остальные на рынке. Тютюнников в письме указывал, что среднесуточное потребление его семьей хлеба составляло 4 кг, который теперь можно было приобрести по твердой цене. По подсчетам шахтера, у него появилась перспектива в будущем откладывать ежемесячно по 500 руб. на приобретение промтоваров. В целом он отметил, что его питание значительно улучшилось [1].

Вышеизложенное позволяет заключить, что в течение исследуемого периода наблюдался незначительный, но стабильный рост уровня материального благосостояния. Если за 1944–1950 гг. доходы работников тяжелой промышленности находились на стабильно низком уровне, то за 1951–1956 гг. наблюдается ежегодный рост заработной платы в размере 3–5 %. Государством были приведены в порядок тарифные сетки и должностные оклады, постоянно росло количество работников, которые имели четко определенный уровень заработной платы без зависимости от выработки. Систематические снижения цен на продовольственные и промышленные товары позволили рабочим и служащим ежегодно экономить на таких акциях 5–10 % средств. Денежная реформа, укрепившая финансы страны, отмена карточной системы, упорядочение заработной платы также положительно отразились на уровне материального благосостояния, укрепив надежды трудящихся Донбасса на дальнейшее улучшение уровня жизни.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ворошиловградская правда. 1948. 1 июля.
2. Государственный архив ЛНР (ГА ЛНР). Ф. Р-1. Оп. 5. Д. 25.
3. ГА ЛНР. Ф. Р-11. Оп. 4. Д. 57.
4. ГА ЛНР. Ф. Р-2250. Оп. 1. Д. 18.
5. ГА ЛНР. Ф. Р-3017. Оп. 1. Д. 174.
6. Головка М. Л. Суспільно-політичні організації та рухи України в період Другої світової війни (1939–1945 рр.). К.: Олан, 2004. 704 с.
7. Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг. // Ворошиловградская правда. 1946. 23 марта.
8. Казанцев Б.Н. «Неизвестная» статистика уровня рабочего класса (1952–1970) // Социологические исследования. 1993. № 4. С. 3–14.
9. Социальная политика, уровни качества жизни: словарь / редкол.: В.Н. Бобков, А.П. Починок и др. М.: Изд-во ВЦУЖ, 2001. 288 с.
10. Струмилин С.Г. Проблемы экономики труда. М.: Наука, 1981. 471 с.
11. Фигурнов С.П. Реальная заработная плата и подъем материального благосостояния трудящихся в СССР. М.: Соцэкгиз, 1960. 199 с.
12. Центральный государственный архив общественных организаций Украины (ЦГАОО Украины). Ф. 1. Оп. 23. Д. 4626.

С.В. Телепень

СТАНОВЛЕНИЕ АНТИКОВЕДЕНИЯ В БССР (20–50-е гг. XX в.)

Аннотация. В статье рассматривается процесс возникновения и последующего становления белорусской науки о классической древности. На основе как опубликованных, так и устных воспоминаний, а также анализа научных работ белорусских антиковедов прослеживается формирование основных направлений в изучении греко-римских древностей. В статье делается вывод об определяющей роли русской (московской) научной школы в развитии белорусского антиковедения.

Ключевые слова: Белоруссия, античность, антиковедение, исторический материализм, советская наука, научная школа.

FORMATION OF ANTIQUE STUDIES IN THE BSSR (20–50s of the 20th century)

Abstract. The article discusses the process of emergence and subsequent formation of the Byelorussian science of classical antiquity. On the basis of both published and oral memoirs, as well as an analysis of the scientific works of Byelorussian antiquities, the formation of the main directions in the study of Greco-Roman antiquities is traced. The article concludes about the decisive role of the Russian (Moscow) scientific school in the development of Byelorussian antique studies.

Keywords: Belarus, antiquity, antiquity, historical materialism, Soviet science, scientific school.

Белорусское антиковедение прошло непростой путь. В период Российской империи в Белоруссии не было университетов. Однако вскоре после создания БССР (1919 г.) в Минске был, наконец, открыт университет классического типа – БГУ (1921 г.) – важнейшее свершение Советской власти в Северо-Западном крае, определившее всё последующее развитие науки и образования новой советской республики. В 1934 г. в БГУ был организован исторический факультет, а в его структуре начала работать кафедра общей истории, которая затем, в 1936 г., разделилась на несколько кафедр, включая кафедру истории средних веков и древнего мира во главе с молодым профессором Н.М. Никольским (1877–1959), библеистом и гебраистом, историком Русской Церкви.

Тем не менее, далеко не сразу здесь были развернуты антиковедческие исследования: поначалу не хватало подготовленных кадров. Первым за изучение Античности взялся профессор данной кафедры Владимир Николаевич Перцев (1877–1960). Его научные интересы в основном были связаны с европейской историей XVIII – XIX вв., однако еще в 1912 и 1916 гг. им были опубликованы две части гимназического учебника по истории Древней Греции и Рима. Написаны они простым языком, увлекательно, причем много места здесь занимали вопросы культуры. В течение 20-х гг. ученый в 1934 г. Перцев разработал программу университетского курса истории Древней Греции. В вводной части он написал: «Гомеровская эпоха характеризуется как эпоха Средневековья греков со всеми характеристиками феодального уклада. Начало разложения греческого феодализма приходится на эпоху колонизации Средиземноморского и Черноморского побережий, в результате чего в Греции созревают новые силы в виде формирующегося торгового капитала и товарно-денежного хозяйства» [цит по: 8, с. 46]. Нетрудно заметить, что уважаемый профессор, пытаясь соответствовать новому истматовскому дискурсу, тем не менее дает трактовки, которые позже в советской науке стали определяться как «модернизаторство». Тем не менее, таков был язык тогдашней становящейся советской науки о классической древности.

Разработанная В.Н. Перцевым программа практических занятий (семинара) по истории Древней Греции свидетельствовала не только о широком научном кругозоре, но и большом педагогическом мастерстве ученого. В основу занятий легло изучение поэм Гомера «Илиада» и «Одиссея» и написание по этим поэмам рефератов.

В 1939 г. В.Н. Перцев опубликовал примечательную статью об «античной форме собственности» [6]. Автор утверждает здесь, что первой формой собственности была родоплеменная. По поводу рабовладения он доказывает, то это было нечто принципиально новое – «античная общинная и государственная» форма собственности. Перцев приходит к заключению, что такое взаимодействие собственности было необходимым, так как требовалась система «коллективных государственных и общественных мер воздействия на рабов и на свободных бедных, мер, связанных с ограничением прав свободно распоряжаться частной собственностью» [6, с. 146]. Данная система, отмечает ученый, была связана со структурой полиса.

Интересуясь также и философией, В.Н. Перцев одним из первых советских ученых обратился к изучению социально-политических взглядов Платона [7]. Ученый подчеркивает, что Платон был теоретиком и не принимал участия в политической жизни государства. Существующие Афины, а тем более прочие полисы, для него слишком несовершенны. В этом заключается противоположность взглядов Платона позициям софистов: они, по мнению автора, были «слугами существующего государства» и не задумывались над тем, насколько оно совершенно [7, с. 74]. Платон, по мнению ученого, осуждал существующую государственно-политическую систему. Цель Платона, продолжает автор, – найти и сформулировать принципы лучшего государственного устройства. В этом философ расходился с Сократом. Для Сократа, пишет Перцев, законы и порядки существующей державы были приемлемы. Сократ надеялся путем многолетнего воспитания своих учеников вылечить язвы демократии, не выходя за её пределы. Платон же думал, по Перцеву, что вырвать подрастающее поколение из того моря ошибок, которым ему виделся существующий политический порядок, можно только одним путем – полной ликвидацией этой государственно-политической системы.

Говоря о заслугах Владимира Николаевича Перцева перед белорусским антиковедением, нельзя не сказать о его работе по подбору кадров. В середине 30-х гг. он возглавлял кафедру всеобщей истории в Минском педагогическом институте. Именно на этой должности он нашел и подготовил первого в БССР диссертанта по античной истории. Речь – о Гилере Марковиче (Мордуховиче) Лившице (1909–1983). Г.М. Родился в местечке Дараганово Минской губернии в семье мелкого торговца. В дореволюционной России у него было довольно мало шансов попасть в академическую науку. Однако, как

пишет профессор И.О. Евтухов, «ситуация изменилась коренным образом после образования БССР. Теперь путь к бесплатному школьному образованию был открыт для представителей всех национальностей» [2, с. 66–67]. Окончив школу, поработав столяром, отучившись на рабфаке, а затем, пройдя полное обучение на социально-экономическом факультете БГУ, в 1934 г. Гилер Лившиц был приглашён В.Н. Перцевым в аспирантуру при возглавлявшейся последним кафедре. В 1938 г. Лившиц защитил в БГУ кандидатскую диссертацию «Социально-политическая борьба 60-х гг. I в. до н. э. и заговор Катилины». В следующем году молодой ученый стал первым в БССР доцентом по всеобщей истории.

В своей диссертации Лившиц справедливо отмечает, что заговор Катилины – это всплеск обострившихся противоречий в среде класса рабовладельцев. Заговор берет свое начало с момента поражения Катилины на консульских выборах 63 г. до н. э. Исходя из этого обстоятельства, пишет молодой ученый, необходимо выделить два этапа в политической деятельности Катилины: первый этап начинается с того момента, когда Катилина стал на легальный путь политической деятельности и стал добиваться консульства законным путем. На этом этапе он пытался расширить круг своих сторонников и осуществить свои планы с помощью социальной демагогии и соответствующих им лозунгов. На втором этапе Катилина был вынужден прибегнуть к заговору и насилию. Сам заговор Катилины, по мнению Лившица, был лишь одним из эпизодов в истории гражданских войн II–I вв. до н. э. Как справедливо отмечает молодой ученый, заговор показал кризис римской демократии и ещё раз убедила «класс рабовладельцев» в необходимости перехода к военной диктатуре, а от неё – к императорской власти. Историк резонно замечает, что заговор необходимо рассматривать как продукт определенных «социально-экономических отношений» эпохи «рабовладельческой республики». Диссертант, отмечая общественные противоречия и «классовую борьбу» этого времени, выделяет три основные линии: 1) противоречия между «эксплуататорами и эксплуатируемыми», т. е. между свободными гражданами и рабами, 2) противоречия между мелкой крестьянской и крупным рабовладельческим хозяйствами, 3) противоречия в среде «господствующего класса рабовладельцев». В итоге Лившиц делает вывод, что затянувшаяся эпоха гражданских войн стала выражением роста этих «противоречий» и «общего кризиса рабовладельческой системы». Эти выводы он затем повторяет в своей статье 1948 г. [4, с. 77].

Следует отметить, что интерес к эпохе Катилины имел у Г.М. Лившица продолжение в изучении общественно-политической деятельности Марка Туллия Цицерона. Сочинения Цицерона стали основным источником исследования целого ряда противоречивых моментов заговора, что в итоге нашло выражение в статье «Общественно-политические взгляды Цицерона (Из истории общественно-политической мысли конца республиканского периода в Риме)» [3]. В историографии античности достаточно много исследований, посвященных Цицерону, однако Лившиц рассматривает его общественно-политические взгляды, обращая особое внимание на то, что тот был защитником «рабовладельческой собственности». Как и В.Н. Перцев, Г.М. Лившиц оставался в парадигме «исторического материализма», каким тот оформился ко второй половине 30-х гг.

Если Г.М. Лившиц был первым, кто в предвоенной БССР всерьез обратился к изучению римских древностей, то настоящим основателем белорусской антиковедческой школы, традиционно и по сей день нацеленной в основном на изучение истории Древнего Рима, стал Фёдор Макарьевич Нечай (1905–1990). Выходец из крестьянской семьи, он всем был обязан Советской власти. Поработав учителем начальной школы в Ростовской области, а затем рабочим инструментального завода в Таганроге, Нечай поступил на исторический факультет Ростовского пединститута, который окончил в 1937 г. Важнейшую роль в становлении молодого ученого сыграл профессор Московского университета А.В. Мишулин, под научное руководство которого вскоре поступил будущий лидер белорусского антиковедения, который стал, таким образом, аспирантом кафедры истории древнего мира Московского государственного университета. Не имея за плечами гимназической подготовки, Фёдор должен был в кратчайшие сроки освоить

латинский и древнегреческий языки на уровне достаточном для выполнения диссертационного исследования по теме «Союзническая война Рима в источниках (92–88 гг. до н. э.)». «Основным источником, дающим краткое, но наиболее полное описание Союзнической войны, – писал Нечай уже в 1950 г., – является Аппиан. Эпиомы 71–76 книг Ливия, дополненные Орозием, – наш второй основной источник по Союзнической войне» [5, с. 240]. Как замечает И.О. Евтухов, «Федор Макарьевич методично и скрупулёзно, по фразам, а иногда и по словосочетаниям, сравнивает строки из „Эпитом“ Тита Ливия и „Истории“ Павла Орозия... В итоге размытая неясная картина событий Союзнической войны обретает более четкие очертания. Каждая деталь получает своё законное место» [2, с. 40–41]. Автору этих строк довелось много лет позже общаться с прославленным ученым, профессором МГУ Ией Леонидовной Маяк, общавшейся с Ф.М. Нечаем на протяжении нескольких десятилетий. Его скрупулёзность она оценивала очень ёмкой характеристикой – «трудолюбивый». Уникальная исследовательская вездальность Фёдора Макарьевича затем, по нашему наблюдению, во многом передалась его ученикам, а позже – и ученикам учеников, поныне трудящихся на ниве антиковедения в братской Белоруссии.

М.Б. Ботвинник отмечает важную роль, которую в жизни белорусского историка сыграла однажды подсказанная ему профессором А.В. Мишулиным тема научного исследования: «Союзническая, или Марсийская, война была темой научного исследования Ф.М. Нечая на протяжении многих лет после защиты им кандидатской диссертации в московском государственном университете в 1940 г. Позднее в своих монографиях он снова обращается к исследованию этого научного материала, но уже на новом уровне. Фёдор Макарьевич был как бы привязан к этой теме. Об этом свидетельствует его обращение в 1955 г. в ВАК СССР с просьбой разрешить ему в докторской диссертации посвятить союзнической войне две главы» [1, с. 16].

Докторскую диссертацию на тему «Рим и италийцы: Покорение Римом Италии и борьба италийцев за землю и политические права» Фёдор Макарьевич защитил много позже, в 1965 г. До этого ему пришлось пройти сложный путь. В годы великой Отечественной войны он доцент, а затем декан Чувашского пединститута. Лишь в 1945 г. он вместе со своей уже выросшей семьей переезжает в полуразрушенный Минск, где тотчас включается в работу по восстановлению (во всех смыслах) исторического факультета Белорусского государственного университета. Как когда-то Н.М. Никольский и В.Н. Перцев, он становится у кормила заново, по сути, организуемого высшего исторического образования БССР. Долгие годы руководит кафедрой истории древнего мира и средних веков, с 1947 по 1953 г. – историческим факультетом БГУ. На всех этапах он оставался деятельным ученым. Один из его учеников, тогда студент, а ныне профессор, В.А. Федосик вспоминает: «Исторический источник, его кропотливый и всесторонний анализ – вот основа труда историка. Этому Ф.М. Нечай учил своих воспитанников с их первых студенческих дней. Отсюда и такое трепетное отношение к источникам, проникновение в их мельчайшие детали и нюансы в трудах Ф.М. Нечая» [9, с. 6].

Безусловно, именно послевоенный этап оказался ключевым в становлении белорусского антиковедения. Интересы и подходы Ф.М. Нечая определили на десятилетия вплоть до начала 2000-х гг. характер изысканий местных ученых, в основном исследовавших социально-политические процессы периодов Средней и Поздней Республики Древнего Рима. Однако, как нам видится, важной чертой белорусской науки о классической древности является нерушимая связь с русскими научными традициями. Эффект этой связи оказался по-настоящему живительным. Как автору этих строк неоднократно рассказывал профессор В.А. Федосик, ученые Казанского университета, прославленного в том числе своей школой историографии, обнаружили в 80-е гг., что из всех советских антиковедов 30–50-х гг. чаще всех к цитированию русских дореволюционных историков прибегал именно Ф.М. Нечай. Думается, здесь очевидна опосредованная связь с традициями, заложенными в белорусской исторической науке

выходцами из московской университетской среды Н.М. Никольским и В.Н. Перцевым. Вывод, который невозможно здесь не сделать – белорусское антиковедение является плотью от плоти московской научной школы. В этом заключается одно из положительных следствий многолетнего единства научного и образовательного пространства, особенно окрепшего в период существования Советского Союза, государства, сделавшего возможным возникновение научных школ даже на окраинах прежней Российской империи. С уверенностью можно сказать, что в единстве России и Белоруссии заключаются перспективы дальнейшего научного прогресса белорусской науки, в том числе местного антиковедения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ботвинник М.Б. За университетской кафедрой // Память и слава: Фёдор Макарьевич Нечай. К 100-летию со дня рождения. Мн.: Изд. БГУ, 2005. С. 9–44.
2. Евтухов И.О. Кафедра истории древнего мира и средних веков БГУ. К 80-летию создания. Минск: БГУ, 2015. 223 с.
3. Лившиц Г.М. Общественно-политические взгляды Цицерона (Из истории общественно-политической мысли конца республиканского периода в Риме) // Уч. зап. БГУ. Вып. 23. Сер. Истор. 1955. С. 124–139.
4. Лиўшыц Г.М. Эпізод з барацьбы за дыктатуру ў Рыме I в. да н.э. (змова 63 года) // Вуч. зап. БДУ. Вып. 6. Сер. Гістар. Мінск, 1948. С. 64–77.
5. Нечай Ф.М. Союзническая война в источниках // Уч. зап. БГУ. Сер. Истор. Вып. 10. Мн., 1950. С. 239–275.
6. Перцев В.Н. О форме собственности в античном обществе // Ученые записки БГУ. Серия историческая. Вып. 1. Минск, 1939.
7. Перцев В.Н. Социально-политическое мировоззрение Платона // Труды БГУ. Минск, 1922. № 1. С. 74–91; № 2–3. С. 50–72.
8. Рэвяко К.А. Антычная спадчына на Беларусі. Мінск: Веды, 1998. 100 с.
9. Федосик В.А. Предисловие // За университетской кафедрой // Память и слава: Фёдор Макарьевич Нечай. К 100-летию со дня рождения. Мн.: Изд. БГУ, 2005. С.4–8.

М.Х. Хаджиева

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННОЙ МУЖСКОЙ КАРАЧАЕВСКОЙ ОДЕЖДЫ В 20 – 40-Х ГГ. XX В.

Черный – это не цвет» [17, с. 82]
Черный – это тоже цвет» [20, с. 9]

Аннотация. Погрузившись в исследование недавнего прошлого карачаевского народа и замкнувшись в пределах одной культуры, мы постарались рассмотреть трансформационные процессы, произошедшие в мужской одежде с 1920 по 1940 гг. Одежда исследуется сквозь призму грандиозных изменений в стране и обществе.

Ключевые слова: мужская одежда, хроматическая гамма, трансформация, «новое общество», кустарное производство, ткани и фурнитура, цветовая гамма.

TRANSFORMATION OF TRADITIONAL MEN'S KARACHAY CLOTHING IN THE 20 – 40S 20TH CENTURY

Abstract. Having plunged into the study of the recent past of the Karachay people and locked ourselves within one culture, we tried to consider the transformation processes that took place in men's clothing from 1920 to 1940. Clothing is examined through the prism of grandiose changes in the country and society.

Keywords: men's clothing, transformation, "new society", handicraft, fabrics and accessories, colors.

Карачаевская мужская одежда, в основном представлена в минималистичной гамме, черный, серый, белый и коричневый. Эти цвета носили как аристократы, так и все другие сословия в следующих сочетаниях: черный / белый, серый / белый, молочно-белый / коричневый, белый / черный, черный / черный. Цветовая гамма мужской одежды составляла оппозицию с многоцветьем женской одежды, яркой и помпезной. Оттенки насыщенного черного, завораживающе-легкогобелого, стабильного и надежного коричневого, благородносерого всегда востребованы. Эти цвета не входили в конфронтацию с эстетическими представлениями и функциональной составляющей одежды карачаевских мужчин. Изучая колористическую гамму мужской одежды, перечисленные сочетания как кажется являются единственно возможными и настоящими, и как нельзя лучше соответствующими морально-этическим и социальным принципам карачаево-балкарского народа. Другие цвета неуместны для пошива мужской одежды, и следует, как подметил Жан Жироду в пьесе «Интермеццо», «каждому порядочному гражданину носить одежду в черных, серых и белых тонах, более подходящих для выражения достоинства и добротели» [7, с. 79].

Образ мужчины-карачаевца в исследуемый период остается по-прежнему строгим и лаконичным. Карачаево-балкарский костюм скупо украшен, функционально обусловленный декор черкески *чепкен / джыйрыкъ* уравновешен с тонко мерцающим серебром оружия и традиционным поясом. Е.Н. Студенецкая описывая одежду горцев писала, что: «Обычно вооружение не входит в понятие костюма. Но для народов Кавказа необходимо сделать исключение. Комплекс мужской одежды на Северном Кавказе нельзя рассматривать, не уделив хотя бы минимального внимания оружию и воинскому снаряжению. С этим связан общий стиль, характер костюма и отдельные его детали [27, с. 38].

Трансформационные процессы, произошедшие в мужской одежде, начались задолго до революции, одежда предков карачаево-балкарского народа на протяжении тысячелетий менялась не единожды. И вот новый поворот, когда одежда должна стать «частью образа «советского человека», «телом советского человека» [10, с. 58]. Текст «Марсельезы», донельзя актуален для исследуемого периода. Слова «Отречёмся от старого мира» из патриотической песни времён Французской революции, как нельзя лучше характеризуют этот сложный период в истории Страны Советов. Строительство социалистического общества на принципах социально-классового и гендерного равенства, потребовало трансформации всех составляющих традиционного быта и культуры народов Кавказа.

Изменения в стране и, в частности, в Карачае начались с социально-экономической системы, и в первую очередь с огосударствления средств производства, означающий подрыв института частной собственности, являвшейся основой карачаевского общества. Послабления в экономике, сделанные в годы НЭПа, дали населению некоторую надежду на улучшение жизни, в том числе и посредством свободной торговли. НЭП справился с поставленной задачей, восстановил экономику страны и легализировал рыночные отношения.

В исследуемый период ощущается острый недостаток промтоваров, многократно возрастает спрос на кустарные изделия, изготавливаемые населением. В Карачае, открывается множество предприятий по обработке кожи, сапожные мастерские, производственные цеха, изготавливающие чулочно-носочную продукцию и в очень больших количествах войлочные изделия. В Малом Карачае на базе созданного потребительского общества «Карачай» выделяется товарищество «Къзыл-Малчы». Товарищество организует артель по выделке войлочных и трикотажных изделий, также они вырабатывали сукно «довольно хорошего качества» [5, № 239].

В тоже самое время вследствие недостатка сырья для производства товаров первой необходимости, которое уменьшилось в разы за годы первой мировой и гражданской войн, перед руководителями области была поставлена задача – удовлетворить сырьём шерстеобрабатывающую промышленность региона. Благодаря «многовековой хозяйственной деятельности, карачаевцы методом народной селекции создали особую породу овец, широко известную на Кавказе» [16, с. 200]. По мнению специалистов,

шерсть карачаевской породы овец была лучшей и «особенно пригодной для приготовления войлочных изделий» [33, с. 95]. Но следует отметить, что за время гражданской войны, эпизоотий, массового убоя крупного и мелкого рогатого скота, лошадей карачаевской породы, селекционной работой никто не занимался (как, впрочем, и в годы войны и ссылки всего карачаевского народа в Среднюю Азию и Казахстан) порода ухудшилась, шерсть потеряла присущие ей уникальные свойства и качества. Но к концу 20-х годов наблюдается подъем в обрабатывающей промышленности области, «на летних пастбищах (Эки-Ара, Кёлле-Сырт и др.) проходят областные, районные выставки скота, а в с. Элкуш организуется племенное хозяйство по разведению карачаевского барашка [4, № 159; 26, № 12; 28, с. 2]. «Чистопородное разведение карачаевской овцы в 30-х годах всецело отвечало требованиям местного населения, занимающегося традиционными промыслами» [32, с. 61]. «Скот кормил и одевал карачаевцев, давал средства для покупки хлеба и фабричных изделий» [12, с. 59]. В эти годы, не считая производство товаров для собственного потребления, Карачай ежегодно продавал шерстяных изделий (бурок, кийизов, сукна) на 120 тыс. руб. Производили большое количество столь нужной продукции для страны маленькие ремесленные предприятия с ограниченным количеством работников. «В 1926 году в Карачае работало 2 442 кустарей-ремесленников» [3, с. 205]. Женщины в основном работали дома, пряли, изготавливали войлоки, валяли отличного качества бурки, ткали добротные сукна, шили изделия из кожи, меха и тканей.

От НЭПа отказались к 1928 году, и страна вошла в эпоху «большого перелома». Все силы брошены на индустриализацию и коллективизацию сельского хозяйства. К вопросу о легкой промышленности вернуться позже, а пока все силы брошены на создание тяжелой индустрии. Следует отметить, что эта важная для страны задача была практически решена, правда в ущерб легкой. Частный капитал, не подлежащий государственному контролю, утратил право на существование, появляются откровенно плохо скроенные и сшитые пальто и костюмы, платья и ботинки. Дефицит готовых швейных и обувных изделий сохранялся «положение с одеждой, обувью, тканями и другими непродовольственными товарами <...> оставалось тяжелым. <...> Даже в Москве потребность в чулках, носках, платках удовлетворялась лишь наполовину, потребность в одежде и обуви – в лучшем случае на треть, в нитках – на 10–20 %» [23, с. 77–78].

Вновь наступает дефицит готовой одежды, тканей и фурнитуры, который стал яркой иллюстрацией советской повседневности. Руководство пыталось обеспечить население необходимыми товарами, но даже такие ткани, как холст, суровое полотно, бязь, ситец, солдатское сукно, байка, бумазья, грубая шерсть поставляли в небольших количествах, и до Карачая они редко доходили. Чуть позже текстильная промышленность стала выпускать ткани с агитационным рисунком, с использованием инновационных достижений искусства авангарда, но такая активная расцветка и аляповатая орнаментация на Кавказе не имели спроса, как и головные уборы: кепи, береты и шляпы, которые должны были сменить традиционные головные уборы: *бухар бёрк, кийиз бёрк, тери бёрк*.

Карачаевцы всегда жили своим трудом, обеспечивали всем необходимым не только себя, но и реализовывали излишки на рынках различных городов, сел и станиц. Вот как описывает А. Фомина кустарную промышленность и промыслы карачаевцев: Домашняя промышленность, почти полностью обеспечивающая бытовые и хозяйственные предметы, орудия труда, сохранялась и в начале XX века» [30, № 1].

В Карачае дефицит бесспорно был, но только на фабричную продукцию, кустарные товары карачаевские женщины изготавливали на дому, тонкие и толстые и добротные сукна, галуны, тесьму. «Сукна из шерсти естественного черного, серого и белого цветов отличались, совершенством работы и прочностью. Они шли на изготовление верхней одежды, и находили широкий сбыт на рынках Кавказа [6, № 2]. «Шерстяные носки карачаевцы и балкарцы изготавливали и для продажи. Они имели хороший сбыт на базарах городов Кавказских минеральных вод, особенно в Кисловодске» [29, с. 366].

Из легкой, теплой и шелковистой шерсти овец карачаевской породы выделявали войлочные изделия: бурки *джамчы*, шляпы *кийиз бёрк*, ноговицы *ышым* (чулок со штрипками *сапал*), носки чындайла, а также шили одежду: шубы *теритон*, черкески *чеккен*, бешметы *кёлек*, белье *ич кёлек*, стеганные на шерсти пальто *каптал*. Б.Е. Хижняков отмечает, что: Повсеместное распространение в Карачае имело производство войлочных головных уборов (кийиз бёрк) с широкими круглыми полями, которые бытовали еще у скифов [31, с. 120]. Следует отметить, что женщины и девушки не носили одежду из домотканины, а вот для пошива мужской одежды использовали добротные шерстяные домашнего производства «тончайшие сукна для черкесок, бешметов и белья» [13, № 183, с. 162]. Также женщины изготавливали мужские шубы, в исследуемый период особенно актуальны были двубортные с отрезным низом. Шубы изготавливали из шкур молодых ягнят *кьозу тон*, тура *джугутур тон*, волчьего меха *бёрю тон* и медвежьего *айю тон*. Волчи, в основном носили люди почтенного возраста, так как волчий мех обладал особыми лечебными свойствами, а также он считался самым теплым из всех видов пушного сырья, носить такие шубы было приятно и комфортно. К тому же шубы из меха волка самые ноские и обладающие высокой прочностью мездры, но ее очень сложно выделять, обрабатывать и кроить. Волчий мех, служил апотропеем. В карачаево-балкарском нартском эпосе говорится о том, как благодаря волчьей шубе нарт Ёрюзмек победил бесов.

Молодые мужчины тоже носили шубы на волчьем меху *бёрю тон*, но только крытые *тышланган* фабричным добротным сукном *схарла*. В большом количестве использовали для пошива шуб хорошо обработанные шкурки овец *элтир тон*, также крытые сукном как домашнего, так и фабричного производства, а также шевиотом и диагональю.

«Термин «тон» в значении «шуба» зафиксирован еще в древнетюркских рунических текстах. В этом же значении это слово представлено в тюркских языках Северного Кавказа...» [15, ЭР]. «Термин тон первоначально обозначал «одежда вообще». Об этом говорят древнетюркские источники: в ДТС тон «платье, одежда», тон кедим «одежда» [24, с. 98]. У Мелиоранского тон «платье», тон дикичи «портной», дери тон «шуба» [1, с. 101]. «В современных тюркских языках значение слова тон сузилось до определенного вида одежды «шуба». В зависимости от покроя, шубы называются: бели жыйырылган тон «шуба со сборками на талии»; кьочхар тон «баранья шуба, имеющая прямой, широкий покрой, тулуп»; чубур тон «полшубок». В зависимости от материала; кёрпе тон «шуба из курпея», т. е. из шкуры ягнят; элтир тон «смушковая шуба»; тыйын тон «беличья шуба»; айю тон «медвежья шуба»; жары тон «шуба из овчин». Из наименований деталей шубы можно назвать би-чим «два выступа на талии шубы, черкески или бешмета со стороны спины для поддержания пояса» [24, с. 98].

В первую очередь следует отметить, что древние прототипы тулупов тери тон, также шили мехом внутрь. Впрочем, как и меховые оторочки стеганых кафтанов кьап-тал которые также имеют древние корни.

Следующий вид теплой мужской одежды – это бурка. Бурка оберегала в пути от снега, дождя, холода и ветра не только всадника, но и лошадь. Изготавливали бурки женщины, которые с большим старанием выделяли высококачественный войлок (черный, серый и белый) из шерсти овец карачаевской породы. «Из кустарных промыслов Карачая производство бурок занимало большое место: идеальная одежда горцев «черный плащ» еще со времен Геродота пользовался неизменным успехом» [11, № 1, с. 26]. Достаточно указать, что еще в конце XIX в. в трех селениях Карачая (Хурзук, Учкулан и Карт-Джурт) шерстяным производством было занято 4500 женщин, которыми было изготовлено для продажи 16 075 бурок и 3 470 полстей [2, ЦГВИА, ф. 414, д. 300, л. 78]. Пастухи, чаще использовали укороченный вариант бурки называемый *гебенек*. Плащ *гебенек* имел капюшон, был много легче бурки и более удобен в горных условиях.

Бурки *джамчы* и короткие плащи *гебенек* с застежками отсылают нас назад, в историческое прошлое. «Войлочные плащи с рукавами имели в прошлом широкий ареал распространения: они были хорошо известны народам Средней Азии, под названием

«кебенек» [22, с. 19]. По Н.Ф. Катанову, кебенек «войлочный плащ, суконная курма, куртка» [14, с. 111]. В.Г. Егоров возводит это слово к кепе «рубашка» [8, с. 113]. Термин перешел и в славянские языки: ср.: белорусский кобеняк «род верхней одежды с башлыком» [9, с. 82]. «Как нам кажется, свое первоначальное распространение эти бурки могли иметь среди воинов тюрков» [18, с. 19] пишет Махмуд ал-Кашгари.

Народная карачаево-балкарская поговорка гласит: «Кебин кийген къайтмайды, гебенек кийген келеди» (Одевший саван – не вернется, одевший гебенек – возвратиться) [34, с. 32]. «Как тут не вспомнить войско Угэдей-каана, когда, как описывает Рашид ад-Дин, посреди степи в снегу и метели «Всё войско надело валяные из войлока капенеки и село на коней», сокрушив силы противника [25, ЭР].

Особого интереса руководства к тому, что же носит среднестатистический советский человек в исследуемый период времени пока еще не было. Изменения начались лишь с середины 1930-х гг. когда появился следующий лозунг «Жить стало лучше, жить стало веселее». Партия и правительство стали рекомендовать сменить аскетичную одежду, объясняя, что визуальный образ нового советского человека должен быть обновленным и отражающим перевоплощение «индивидуального тела в часть тела коллективного» [10, с. 58].

Большая часть карачаевских мужчин в исследуемый период стала носить «кавказскую рубашку» и брюки «галифе», сшитые из добротного домашнего изготовления сукна с карачаевским поясом *белибау* и головным убором *бухар бёрк*. «Самым устойчивым мужским аксессуаром в исследуемый период по-прежнему были шапки из лучшего каракуля из Бухары – Бухар бёрк. Эти шапки считаются высшего качества. Иногда называют их мухарске бёрк «мужской головной убор из меха» [21, с. 69]. Шили сей престижный аксессуар из золотистого каракуля *сир бетли*, серого *кёк бетли* и черного цвета *къара бетли* с высоким околышем и бархатной или суконной тульей. Следующую разновидность шапок изготавливали из шкурок ягнят карачаевской породы – *кёрпе*. Для работы в сложных горных природно-климатических условиях шили «круглые меховые шапки *чырна бёрк* [19, с. 63]. Также в ходу шапки-ушанки *кьулакълы бёрк*, а также войлочные шапки и шляпы. Также использовалась специальная шапочка *такъыя* подшлемник.

Следует отметить, что инновационного прорыва в исследуемый период в мужской одежде не случилось, мужская одежда *кийим* была представлена почти в той же комплектации, как и до революции. В состав мужского гардероба по-прежнему входили: головной убор *бёрк*, пояс *белибау*, башлык *башлыкъ*, обувь из сафьяна *чарык* и сыромятной кожи *чабыр*, из войлока или драпа поголеники *месси*, нижнее белье *ич кёлек / ич кёнчек*», верхняя рубашка и брюки «*тыши кёлек/тыши кёнчек*», бешмет «*къаптал*», черкесска «*чепкен*», шуба «*тери тон*», брюки-галифе «*галепей кёнчек*», чуть позднее френч. Походная одежда состояла из бурки *джамчы*, меховой шапки *тери бёрк*, шляпы *кийиз бёрк*.

Обувь *аякъ кийим* даже в сложный период с 30-х по 40-е гг. производилась в большом количестве, и, несмотря на ограниченный ассортимент, следует отметить высокое качество домашнего производства обуви. Мужчины были обеспечены качественной и добротной обувью *чарык* из сафьяна коричневого и черного цвета, которые они носили с сафьяновыми сапожками *месси*. Рабочую обувь *чабыр*, шили из сыромятной кожи. Первый, распространенный подвид обуви шили со швом на заднике и носке, второй, с подошвой из плетеных ремней. До революции выходную обувь карачаевцы покупали фабричную или же заказывали у кустарей.

Культурогенез местной автохтонно кавказской, аланской и кочевнической / степной одежды предков карачаевского народа достаточно сложный и протяженный во времени. Трансформационная изменчивость бытующих форм одежды процесс постоянный, и появление в мужском гардеробе брюк-галифе, кавказской рубашки и френча не входит в диссонанс с традиционной одеждой карачаевцев. Костюм карачаевского мужчины, по-прежнему сохраняет особый ритм, благородную строгую палитру и четкое соблюдение симметрии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Араб-филолог о турецком языке / Араб. текст изд. и снабдил пер. и введ. П.М. Мелиоранский. Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, 1900. 297 с.
2. Буцковский А.М. Военно-топографическое и статистическое описание Кавказской губернии и соседствующих ей горских областей. ЦГВИА, ф. 414, д. 300, л. 78.
3. Всесоюзная перепись населения 1926 г. 17 декабря 1926 г. Краткий обзор организации производства В/О «Союзоргучет» Редакционно-издательское управление. М.: 1933. т. 22. С. 205.
4. Газ. «Советский Юг»: орган Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) и крайисполкома. Ростов-на-Дону: 1927. № 159.
5. Газ. «Советский Юг»: орган Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) и крайисполкома. Ростов-на-Дону: 1925. № 239.
6. Газ. «Вестник казачьих войск». Еженедельная общественная, политическая и литературная газета. СПб.: 1902. № 2.
7. Giraudoux J. Intermezzo. Paris.: 1933. 275 г.
8. Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка / Предисл. В. Котлеева; Науч.-исслед. ин-т при Совете Министров Чуваш. АССР. Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1964. 355 с.
9. Журавский А. И. Лексика тюркского происхождения в старо - белорусском языке: Тюркизмы в восточнославянских языках / Сборник статей. – М.: Изд-во Наука, 1974. 300 с.
10. Зиновьева Л. Е. Костюм и идентичность: представление о себе и представление себя // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. 2013. № 1. С. 57–62.
11. Кавказов А. Промышленность, о которой мало кто знает / Журнал «Советский Северный Кавказ». Ростов-на Дону: 1931. № 1. С. 26.
12. Карачаевцы. Историко-этнографический очерк / Ответ. ред. Л.И. Лавров. Черкесск., Карачаево-Черкесское отд. Ставроп. Кн. изд-ва, 1978. 334 с.
13. Карачайлы И. В горах Карачаево-Черкесии. Газ. «Советский юг». Ростов-на-Дону: 1923. № 183.
14. Катанов Н.Ф. Опыт исследования урянхайского языка, с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань: типо-лит. Имп. Казанск. ун-та, 1903. 480 с.
15. Керейтов Р.Х. Ногайцы. Особенности этнической истории и бытовой культуры. Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований. Ставрополь: Изд-во Сервисшкола. 2009. <http://uchebnikfree.com/etnografiya-etnologiya-uchebnik/> (дата обращения: 19.05.2022).
16. Кулешов Н.П. Овцеводство России // Избранные работы. М.: Госиздат сельскохозяйственной литературы, 1949. С. 197–212.
17. Léonard de Vinci. Traitè de la peinture (Trattato della pittura) / A. Chastel, trad. Paris: 1987. 495 г.
18. Махмуд ал-Кашгари. Диван лугат ат-турк (Свод тюркских слов). В 3-х томах. Т. 1. Пер. с араб. А.Р. Рустамова под ред. И. В. Кормушина. М.: 2010. 461 с.
19. Мизиев, И.М. Балкарцы и карачаевцы в памятниках истории. Нальчик: Эльбрус, 1981. 121 с.
20. Мишель Пастуро Черный. История цвета / Мишель Пастуро; пер. с фр. Н. Кулиш. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 168 с.
21. Народы Кавказа / Под ред. М. О. Косвена. Москва.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960-1962. 2 т. 1962. 684 с. (Государственный музей этнографии (ГМЭ) в г. Ленинграде, коллекционная опись, № 568320).
22. Народы Кавказа. «Этнографические очерки» / Под редакцией Б.А. Гарданова, А.Н. Гулиева, С.Т. Еремяна, Л.И. Лаврова, Г.А. Нерсесова, Г.С. Читая. М., Издательство Академии наук СССР, 1962. Т. 2. М.: 647 с.
23. Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. 271 с.
24. Отаров И.М. Профессиональная лексика карачаево-балкарского языка / На материале названий одежды и обуви. Нальчик: Изд-во Эльбрус. 1978. 108 с.
25. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Том 2. – М/Л. АН СССР. 1952. vostlit.info/Texts/rus16/Rasidaddin_3... (дата обращения: 19.05.2022).

26. Революция и горец. Полит.-экон. ежемесячник. Орган Северо-Кавказского краев, ком. РКП(б) и Краев, испол. ком. Ростов н/Д., 1928–1933. 1933. № 12.
27. Студенецкая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII–XX вв. / Отв. ред. Г. А. Сергеева. АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1989. 286 с.
28. Татаркин И.А. Теберда. Курорты Сев.-Кав. края / под ред. д-ра З. А.Бунятына. Ростов-на-Дону: Курортный отд. С.-К. крайздрава, 1926. 16 с.
29. Текеев К.М. Карачаевцы и балкарцы // Традиционная система жизнеобеспечения. М.: 1989. 448 с.
30. Фомина А. Кустарная промышленность и промысловая кооперация в КЧАО // Журнал «Вестник промысловой кооперации». М.: 1925. № 1.
31. Хижняков Б.Е. Описание кустарных промыслов нацобластей Северного Кавказа. ЗСКГНИИ. Ростов-на-Дону: 1929. 182 с.
32. Чеботарев Г.А. Карачаевские овцы и первые итоги метизации их с меринсами // Сборник «Советский Карачай». Микоян-Шахар: Кароблнаиздат, 1940 (Кисловодск). 100 с.
33. Чирвинский Н. П. Разводимые в России породы грубошерстных овец // Опыт характеристики их по наблюдениям и исслед., произвед. в овчарне и музее Киевский политехн. ин-та. Киев: 1915 (обл. 1916). XV. 133 с.
34. Шаманов И.М. К истории домашних промыслов карачаевцев / Очерки истории хозяйства и хозяйственного быта горцев Кубанской области. (Вторая половина XIX века). Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1972. 68 с.

Л.Н. Халкечева

К ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ КАРАЧАЕВСКОГО НАРОДА В ГОДЫ ДЕПОРТАЦИИ (1943–1957)

Аннотация. В статье автор обращается к трагическим страницам истории карачаевского народа, связанным с его депортацией со своей исторической родины в Казахстан и республики Средней Азии – Киргизию и Узбекистан в 1943–1957 гг. На примере исторических фактов, имеющих в различных источниках, среди которых изданные в разные годы сведения очевидцев событий, данные периодической печати, личные архивы, музыкально-поэтические сборники, рассматривается малоисследованная в региональной науке тема развития музыкальной культуры карачаевцев в условиях депортации. Приводятся имена наиболее известных деятелей культуры, способствовавших сохранению, развитию и приумножению традиционной музыкальной культуры народа в инонациональной среде.

Ключевые слова: депортация, карачаевский народ, спецпереселенцы, традиции, песни-плачи, художественная самодеятельность, музыкальная культура.

TO THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF MUSICAL CULTURE OF THE KARACHAY PEOPLE DURING THE YEARS OF DEPORTATION (1943–1957)

Abstract. In the article, the author refers to the tragic pages of the history of the Karachai people associated with their deportation from their historical homeland to Kazakhstan and the republics of Central Asia – Kyrgyzstan and Uzbekistan in 1943–1957. Using the example of historical facts available in various sources, including information from eyewitnesses of events published in different years, periodical press data, personal archives, music and poetry collections, the topic of the development of musical culture of Karachai residents in conditions of deportation, little studied in regional science, is considered. The names of the most famous cultural figures who contributed to the preservation, development and enhancement of the traditional musical culture of the people in a foreign environment are given.

Keywords: deportation, Karachai people, special settlers, traditions, crying songs, amateur art, musical culture.

В 1943 году карачаевский народ был депортирован со своей исторической родины в Казахстан и республики Средней Азии – Киргизию и Узбекистан. Депортация самым пагубным образом отразилась на духовной и материальной культуре карачаевцев, которая понесла колоссальный урон. По бурно развивавшейся карачаевской музыкальной культуре был нанесен тяжелый удар еще в годы сталинских репрессий 1930-х годов, а также в период депортации карачаевского народа в 1943–1957 гг., после которого она не может полностью восстановиться до сих пор. Депортация катастрофически сказалась на общем развитии национальной культуры. Как справедливо заметила И. Крейндлер, «Карачаевский лингвист, который умер по дороге в ссылку, балкарский писатель, погибший в Средней Азии, были невозместимы не только как личности, но и как надежда нации» [3].

Это был период, когда культурное развитие было, не только прервано, но и дошло до грани исчезновения. Подавляющее большинство деятелей культуры погибло на фронтах Великой Отечественной войны. Единицы оставшихся в живых вместе с семьями были расселены по 20–30 дворов по разным республикам, областям и населенным пунктам без права переезда на другое место, без права поездки в другие районы в поисках родственников. Было запрещено играть на национальных музыкальных инструментах, петь и танцевать. Одним словом, были созданы такие условия, при которых карачаевцы, как и другие репрессированные народы, были обречены на вымирание физически, не говоря об исчезновении их национальной культуры.

А ведь в довоенные годы престиж карачаевского искусства был необычайно высок на всем Северном Кавказе, о чем красноречиво свидетельствует печать тех лет. Это было время коллективного подъема национального духа, роста самосознания. Именно в такие времена у народов проявляются лидеры во всех сферах деятельности, будь то политика, наука или искусство. Имена деятелей культуры и искусства Карачая Ислама Къарачайлы, Касбота Кочкарова, Исмаила Семенова, Геммы и Аклимы Гебеновых, Мариам Чипчиковой, Шахарбия Эбзеева, Мустафы Мамчуева, Кёгала Семеновой и многих других были известны далеко за пределами Карачая.

Искусство получает развитие тогда, когда оно подкреплено богатым фольклором, вековыми культурными традициями и талантливými людьми. Все это, когда-то в избытке имевшееся у карачаевцев, в годы депортации оказалось в катастрофическом состоянии. Среди умерших оказались и мудрые старики – хранители и проводники народных традиций и фольклора, и зрелая перспективная молодежь, и маленькие дети. Только за первые два года геноцида 1943–1944 годы погибли 22 тысячи малолетних детей-карачаевцев – надежда и будущее нации. Среди них, наверняка, были бы художники, писатели, политики, певцы и композиторы. Всё вместе – это невосполнимая утрата для генофонда такой малочисленной нации, как карачаевцы, т. к. каждая из перечисленных категорий играла свою особую роль в культурном совершенствовании народа.

В такой ситуации, когда на карту была поставлена жизнь нации, оставшимся в живых карачаевцам, особенно горянкам, пришлось думать о сохранении потомства. Естественно, что при таких обстоятельствах, ни о каком развитии культуры и искусства депортированного народа не могло быть и речи. Следует отметить, что ценой тяжелейших потерь первых лет депортации, карачаевцы уже к концу 1940-х – началу 1950-х годов все-таки сумели наладить привычный образ жизни на новых землях. Традиционное трудолюбие и вера в возвращение на родину помогли народу выжить и не «сломаться» в чужих краях.

Наибольшее развитие в период депортации карачаевцев получил традиционный песенно-поэтический жанр *кюу* – песни-плачи, исполняемые обычно женщинами и посвященные какому-нибудь трагическому событию в жизни отдельного человека или целого народа. Кажется, не было такого человека, который не выразил бы своего отношения к происшедшему с ними. Тяжелое горе нашло свое отражение в песнях, созданных народом с первых дней изгнания его с родных мест в 1943 году, и в течение всего периода ссылки.

В память о жертвах сталинизма по инициативе карачаевских литераторов в 1991 году был выпущен сборник песен на карачаевском языке «*Кёзлерибизден кьан тама*» (Из наших глаз капала кровь) [2]. В нем представлена лишь малая часть произведений, созданных в течение четырнадцати лет жесточайшей ссылки. Авторами этих песен являются очевидцы, пережившие тяжелую участь спецпереселенцев. Это в основном не профессиональные певцы и поэты, которые были не только создателями текстов, мелодий, но и их исполнителями. В этих лирико-драматических произведениях рассказывается об отторжении народа от родины, потере жилищ, массовой гибели безвинных людей, мучениях и страданиях близких. Несмотря на жесткий режим надзора в местах ссылки, отсутствие печати на родном языке, тем не менее, эти песни-плачи по родным и близким получали в народе широкое распространение.

Исмаил Унухович Семенов (1891–1981) – выдающийся поэт карачаевского народа, занимающий почетное место среди блистательных имен горской поэзии XX века, получивший свою известность уже в 1930-х годах, автор знаменитой песни «*Минги Тау*» (Эльбрус), ставшей гимном Кавказа, в депортации создал много философских произведений, посвященных разлуке с Родиной. Надо отметить, что к началу Великой Отечественной войны Исмаил Семенов разуверился в советской власти. «После 1940 года Семёнов писал в стол, так как в этот период в своих стихах возмущался перегибами и злоупотреблениями советских чиновников. Поэт писал, что они нарушили свои принципы, которым он в своё время горячо поверил. Находясь со своим народом в депортации с 1943 по 1957 годы, Исмаил Семёнов написал 24 стихотворения об испытаниях, выпавших на долю карачаевцев. В них он прямо называл Сталина тираном и критиковал его решения. Исмаила могли попросту уничтожить за такие слова, но никто из соплеменников на него не донёс» [7].

После возвращения на родину в 1957 году произведения И. Семёнова почти не печатали, он не упоминался в научных трудах. В 1963–1964 году его песня «*Минги Тау*» попадает в учебники родной литературы без упоминания автора, как народное творчество (так указывали и многие другие его произведения). Первый сборник стихов поэта «*Джырла бла назмула*» (Песни и стихи) [9] появился через несколько лет после его смерти в 1992 году.

История сохранила некоторые имена талантливых карачаевцев-музыкантов, создававших песни в трудных условиях депортации. Так, знаменитая Минакай Батчаева была осуждена за свои произведения. Это была жизнерадостная, волевая и исключительно талантливая женщина. Мариам Чипчикова до войны была солисткой Карачаевского областного ансамбля песни и танца, обладала мелодичным, переливистым голосом, за что ее в народе прозвали *колокольчиком* (лабачыкъ). В Средней Азии Марьям вместе со своим братом Магометом, также известным в довоенном Карачае певцом, с риском для жизни, т. к. депортированным народам запрещалось покидать места прописки (наказание – суд и высылка в Сибирь), умудрялась переезжать из одного селения в другое, пением зарабатывая себе на пропитание. Она умерла от голода и похоронена в Средней Азии. Ее подвижническая деятельность достойна того, чтобы о ней помнили поколения.

Основоположник театрального движения в Карачаевской автономной области в 1920–1930-е годы, композитор, музыкант-исполнитель, поэт, драматург, переводчик Имаудин Хаджи-Бекирович Гебенев (Гемма) (1888–1977) с первых дней пребывания в ссылке был под надзором комендатуры. Аналогичные трудности испытал и энтузиаст хореографического и музыкально-фольклорного искусства Мустафа Ибрагимович Мамчуев (1914–1974). Его профессионализм, искренняя любовь к народным традициям и искусству нашла применение только по возвращению на Кавказ, где он в течение нескольких лет возглавлял отдел культуры в г. Карачаевске.

Шахарби Кеккезович Эбзеев (1913–1982) – известный самодеятельный художник, танцор, драматург, композитор, один из зачинателей карачаевской культуры с 1930-х годов, автор знаменитой пьесы «*Огьурлу*» (Счастливец, приносящий счастье), занявшей

1-е место на Первой Олимпиаде самодеятельного искусства народов Северного Кавказа в г. Ростове-на-Дону в 1931 году – и в депортации продолжал творчески активно работать, писать песни. К сожалению, сохранилась лишь небольшая часть литературного и песенного наследия Ш. Эбзеева, созданная за годы ссылки. Среди тех, кто своим искусством помогал переносить трудности и лишения того времени можно отметить и знаменитого гармониста Биляла Асланмырзаевича Казиева (1879–1961), который «выступал перед народом с национальными мелодиями, вселяя надежду на скорое окончание ссылки» [1, с. 57].

Сложнее обстояло дело со зрелищными мероприятиями, где требовалось достаточное количество людей, ведь именно они больше всего подвергались запрету и агентурному наблюдению. Властные структуры боялись, прежде всего, объединяющей силы зрелищных мероприятий и потому положили запрет на них. Проведение их стало возможным только после смерти И.В. Сталина в 1953 году, после XX съезда ВКП(б), когда наступило послабление в режиме спецпереселенцев. С 1956 года в период *хрущевской оттепели* кое-где начались попытки создавать небольшие группы художественной самодеятельности. Люди начали вспоминать и исполнять старинные народные песни, повсеместное распространение получили *ийнары* – традиционный жанр шуточного диалога между влюбленными девушкой и парнем (сродни русским частушкам), исполнялись национальные танцы, стало постепенно развиваться музыкальное искусство.

Активно участвовал в художественной самодеятельности в Луговском районе Джамбульской области Казахстана выходец из Мало-Карачаевского района Карачаевской автономной области гармонист Томпа Ибрагимович Коркмазов (1929–2002). Его игра, манера исполнения были впоследствии записаны и изданы на пластинках фирмы «Мелодия» [10, с. 371]. Среди представителей хореографического искусства следует назвать Юсуфа Халитовича Текеева (1933–2009), который выступил инициатором создания танцевального ансамбля из карачаево-балкарских студентов средних и высших учебных заведений г. Чемкента. Этот коллектив в течение нескольких лет являлся постоянным участником культурных мероприятий в Южном Казахстане [10, с. 440].

В 1955 году был организован национальный карачаевский ансамбль песни и пляски и в Киргизском государственном университете в г. Фрунзе. Организатором этого коллектива был Ракай Тауканович Алиев (1916–2003). В двадцати пяти километрах от столицы Киргизии г. Фрунзе в поселке «Майском» также был организован карачаевский танцевальный ансамбль. Его создателем стал впоследствии известный карачаевский писатель Осман Ахияевич Хубиев (1918–2000) – глубокий знаток национального искусства. Самодеятельных артистов стали приглашать в колхозы и совхозы Сокулукского района Киргизской ССР, а затем и в некоторые другие киргизские и русские поселения. Вскоре в посёлке Майском появился новый творческий коллектив – школьный струнный ансамбль под руководством скрипача-эстонца Ян Яновича Розенберга. В работе кружка активно принимали участие и карачаевские школьники [6].

Газета «Казахстанская правда» сообщала своим читателям о том, что в Алма-Ате по инициативе студентов карачаевцев и балкарцев организован молодёжный ансамбль песни и пляски [8]. Коллектив в составе 30 танцоров впервые выступил на Новогоднем вечере молодёжи Фрунзенского района в зале филармонии им. Джамбула с большой программой. Среди отличившихся участников этого коллектива хотелось бы отметить талантливую актрису Хаджилаеву Зою Хусейновну (1939–2017). Свой творческий путь к вершинам мастерства она начинала со школьной художественной самодеятельности в Казахстане, неоднократно награждалась правительством республики Почетными грамотами, дипломами и ценными подарками. О ее таланте свидетельствует тот факт, что сразу по окончании школы в 1956 году она была приглашена в студию Казахского академического театра оперы и балета им. Абая, пела в казахских операх «*Биржан и Сара*» и «*Дударай*». В ее обширном репертуаре были песни на карачаевском, узбекском, татарском, азербайджанском,

грузинском, каракалпакском, казахском, киргизском, чешском языках. Казахская киностудия в документальном фильме «Народные таланты» (декабрь 1956 г.) запечатлела игру и пение Зои Хаджилаевой [4].

Начавшаяся *хрущевская оттепель* дала мощный импульс культурному возрождению депортированных карачаевского и балкарского народов. В 1956 году Министерство культуры Киргизской ССР и республиканский Дом народного творчества издали в г. Фрунзе репертуарный сборник «*Споём вместе*», в который были включены также песни карачаевцев и балкарцев. Составителем сборника был Исмаил Ибрагимович Рахаев (1919–2002). В 1957 году то же издательство выпустило второй номер репертуарного сборника с тем же названием и того же составителя. Здесь даже был дан нотный текст песен «*Балкарский фестивальный марш*» и «*Соединяю свой путь с твоим*» на слова карачаевского поэта Азрета Эбзеева.

С 25 июня 1956 года в Киргизии тиражом в 3 000 экземпляров стала выходить республиканская газета на карачаево-балкарском языке «*Джангы джашау*» (Новая жизнь). Ее издание, как отмечалось в соответствующем решении партийных органов, было организовано «в целях успешной партийно-политической работы среди карачаевцев и балкарцев, проживающих на территории Киргизии, а также в целях удовлетворения пожеланий и запросов этих народов» [5, с. 150–151].

Даже из немногих приведённых выше примеров можно сделать вывод, что карачаевский народ в период депортации в Казахстан и республики Средней Азии в 1943–1957 годах в условиях режима спецпоселения, несмотря на многочисленные лишения и трудности, сумел сохранить и развивать свою традиционную музыкальную культуру. Карачаевцы смогли не только результативно трудиться в сельском хозяйстве, в промышленности, но и оказались верными своим традициям в сфере художественного самодельного творчества. Этому парадоксальным образом способствовала жизнь на чужбине, обострившая стремление идентифицировать себя именно как карачаевцев, раскрывая богатство и красоту своей культуры перед другими народами. Сказывалась и тоска по родине, мечта вернуться на Кавказ. Эта мечта осуществилась в 1957 году. 25 ноября 1956 года ЦК КПСС принял постановление «О восстановлении национальной автономии калмыцкого, карачаевского, балкарского, чеченского и ингушского народов». В соответствии с этим документом предусматривался 2–4-летний (начиная с января 1957 года) период организованного возвращения этих народов на родину. А 9 января 1957 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О преобразовании Черкесской автономной области в Карачаево-Черкесскую автономную область».

Несмотря на все трудности, связанные с депортацией, благодаря своему традиционному трудолюбию и безусловной вере в возвращение на свою историческую родину, карачаевский народ смог выжить и сохраниться как этнос, сохраняя и приумножая свои лучшие национальные традиции. Однако, жизнь на чужбине в инонациональной среде в Казахстане и республиках Средней Азии – Киргизии и Узбекистане четырнадцать лет, и долгие годы восстановления после возвращения на родину, нанесли колоссальный урон культуре карачаевского народа, притормозив ее развитие, последствия которого сказываются до сих пор. Тот факт, что сегодня карачаевцы достойно представляют свою музыкальную культуру в многонациональной России, дает основание полагать, каких высот она могла бы достигнуть, если бы не трагические страницы ее истории, связанные с депортацией.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зумакулов Б.М., Османов Х.Л. Играл Билял и оживали камни. Нальчик, Эльфа, 2001. 106 с.
2. Кёзлерибизден къан тама (Из наших глаз капала кровь). Народные песни-плачи / Ред. Х. Джаубаев. МИП «Чолпан». Черкесск, 1991. 64 с.
3. Крейнндлер И. Советские депортированные народы: итоги изучения и новые факты // "Soviet Studies" («Исследования в области советологии»). 1986. Т. 38. № 3.

4. Лайпанланы С. Къарачайны артист боллукъ кызы (Актриса – дочь карачаевского народа) // Къызыл Къарачай. 1958. 1 августа.
5. Магулаева Ф.А. Становление и развитие прессы Карачая (1918–1959 гг.). Ставрополь. Изд. СГУ, 2010. 287 с.
6. Музыкальное самодеятельное творчество карачаевцев в 1940–1950 годы // http://www.elbrusoid.org/articles/musics/359072/?sphrase_id=35253 (дата обращения: 06.01.2023).
7. Народный певец Карачая. Как жил и о чем писал поэт Исмаил Семенов. https://stav.aif.ru/culture/person/narodnuu_pevec_karachaya_kak_zhil_i_o_chyom_pisal_poet_ismail_semyonov (дата обращения: 06.01.2023).
8. Рождение ансамбля // Казахстанская правда. 1957. 6 января.
9. Семенланы Сымаил. Джырла бла назмула (Песни и стихи). М.: Инсан, 1992. 192 с.
10. Хубиев А.Б. Малый Карачай в XX веке. Изд. «Колорит». Кисловодск, 2007. 548 с.

М.Б. Шенкао

ЖЕНСКИЕ БУДНИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА ПРИМЕРЕ ЧЕРКЕССКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВОСПОМИНАНИЙ)

Аннотация. В статье на основе материала, собранного во время встреч с информантами, предпринята попытка показать повседневную жизнь и будни женщин Черкесской автономной области в период Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: война, женщины, страх, тяжелые условия жизни.

WOMEN'S EVERYDAY LIFE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR ON THE EXAMPLE OF THE CIRCASSIAN AUTONOMOUS REGION (BASED ON MEMOIRS)

Abstract. Based on the material collected during the meeting with informants, the article attempts to show the daily life and everyday life of women of the Circassian Autonomous Region during the Great Patriotic War.

Keywords: war, women, fear, difficult living conditions.

Источниковую базу данной статьи составили воспоминания женщин Черкесской автономной области, собранные в ходе полевых исследований. В условиях самой продолжительной и страшной войны бытовые условия и проблемы населения, в частности женщин резко обострились – стоял вопрос о выживаемости. Что же помогало женщинам выжить в это трудное время? Собранные воспоминания женщин во время проведения полевых экспедиций дадут нам некоторое представление о повседневной жизни и буднях в обозначенный период.

Из воспоминаний М.Ф. Беляевой, жительницы города Черкесск: «Наша бабушка Шевченко Любовь Алексеевна в 1942 году добровольно пошла, учиться на курсы в Осоевахиমে по специальности радистка-оператор, чтобы после окончания пойти на фронт. Бабушка не любила нам рассказывать про войну. Когда она вспоминала это время, всегда плакала. Ее долго надо было просить что-нибудь рассказать. Когда наступила война, ей было 17 лет, жили в маленьком доме, на окраине Черкесска. Мама ее не работала, занималась домашним хозяйством и воспитанием детей, папа работал трактористом. В начале войны отец бабушки ушел на фронт и больше они его не видели. Через два года пришла похоронка, в которой сообщалось, что он пропал без вести».

Бабушка часто рассказывала, как ее мама, часто смотрела на дорогу в надежде увидеть тетю Галю (почтальона), что та принесет весточку от папы. «Хорошо помню тот день», – рассказывала бабушка – к нам домой пришла почтальон тетя Галя, а с ней еще

и соседка наша, потом почтальон рассказывала, что увидев похоронку, она уже наученная «горьким опытом» решила позвать с собой соседку, чтобы мама не была одна, когда ей сообщат эту печальную весть. Постучали в калитку, мама была занята домашними делами, но услышав стук, вышла во двор. Я тоже была дома и пошла следом за ней. Тетя Галя стояла с опущенными глазами и молча протянула маме конвертик. Мама его открыла, долго читала, мне казалось, что прошла целая вечность. Мама долго молчала. Потом наша соседка и почтальон, стали ей выражать соболезнования и говорить какие-то слова утешения. Помню, как мама почему-то как мне тогда показалось в резкой форме, им ответила: «Он жив. Как я могу его хоронить, не видя его мертвым».

Еще несколько лет после окончания войны мама никак не могла принять и понять, что папа не вернется. Часто она нам говорила, что не может поверить в то, что папы нет в живых. У каждого человека должна быть могила, куда могли бы приходиться его родные и близкие, сокрушалась наша мама», – рассказывала бабушка. Мы не знали, где и как погиб наш отец, не знали, где он похоронен, и от этого было еще тяжелее. Мама бабушки часто говорила, что ее мучает мысль, о том, где и как похоронен папа, соблюдены ли были все христианские обычаи. Она конечно понимала, что в условиях военного времени и при обстоятельствах, когда человек пропал без вести невозможно было соблюсти все условности, до самой своей смерти наша бабушка всегда говорила что не может найти себе места, при мысли что душа ее отца так и не нашла покоя на родной земле.

Бабушка рассказывала, что у них было небольшое хозяйство, огород, где выращивали овощи и росли несколько фруктовых деревьев. Когда отца забрали на фронт, все обязанности по дому, ведению домашнего хозяйства и т. д. легли на плечи ее мамы и бабушки. Было очень тяжело, управляться по дому без мужского плеча. До войны мама нигде не работала – вспоминала бабушка. В сентябре 1942 года мама и я пошли работать на завод «Молот», нужно было кормить семью. На заводе выдавали карточки на всех членов семьи, хотя нормы отпуска хлеба по ним были очень маленькие, но в условиях голода, когда нечем было кормить детей, это было хоть каким-то подспорьем. Работа была посменная, тяжелая. Приходилось таскать тяжести, не спать, работать не покладая рук. Все понимали, мужчины ушли воевать, а женщины, находясь дома, должны не только беречь семейный очаг, но и работать еще более усердно. Иногда приходилось работать по две смены, без перерыва, если был срочный заказ.

Бабушка рассказывала нам, что она не помнит такого случая, чтобы мама пришла с работы на что-то жаловалась, или сидела дома без дела. Не раз наша бабушка говорила, самоотверженность ее мамы, граничащая с самопожертвованием, ее стойкость, трудолюбие помогли им выжить. Были дни, когда в доме практически не было еды, при этом их мама умудрялась выйти из этой ситуации и накормить детей. Все, что можно было обменять или продать на базаре шло в ход» [1]. Здесь следует остановиться на одной из сторон новой социальной роли женщин Черкесской автономной области.

В довоенные годы «горевестником» у народов, проживавших на территории ЧАО, традиционно были мужчины, которые приносили весть о том, что в той или иной семье случилось горе, погиб в бою и т. д. В годы Великой Отечественной войны повсеместно «горевестниками» стали женщины-почтальоны, которые вынуждены были сообщать печальные вестись семье. Женщинам-почтальонам приходилось не только приносить печальную вестись в семью, но и становиться участницами всех похоронно-поминальных обрядов. Необходимо отметить, что для женщин ЧАО – (абазинок, ногаяк, черкешенок), в отличие от русских и казачек (которые могли присутствовать на кладбище во время погребения) недопустимо было ходить на кладбище и принимать участие в погребении. Во время Великой Отечественной войны, когда мужчины были на фронте, в силу необходимости женщины стали принимать участие и в похоронах и иногда по воспоминаниям информаторов им приходилось самим копать могилы и хоронить умерших.

Следует отметить, что в годы Великой Отечественной войны произошли изменения в похоронно-поминальных обрядах народов, населявших область. В годы Великой Отечественной войны погибло большое количество солдат, многие пропали без вести. По рассказам информантов, получив похоронку, не всегда в семье проводили сразу похоронно-поминальные мероприятия, особенно после сообщения о том, что человек пропал без вести. В семье в надежде на то, что человек все-таки жив и вернется, еще долгое время его не поминали и не проводили соответствующие поминальные обряды. Известны случаи, когда похоронно-поминальные обряды проводились родственниками, через десятилетия, когда официально находилось место захоронения погибшего солдата. Матери, сестры, жены, дочери вынуждены были находиться в постоянном состоянии ожидания и надежды, никак не принимая факт смерти своего близкого. Из воспоминаний информанта, жительницы аула Кызал-Тогай, Р.А. Карасовой: «Из нашего аула на фронт ушли много мужчин, в том числе и А.А. Мижев (1910–1942 г.), призван в ряды Красной Армии в июне 1941 года. Умер в госпитале 30 мая 1942, был похоронен в г. Вольске Саратовской области. У.А. Мижев (1912–1945 г.), был призван в ряды Красной Армии 1939 г. Погиб в бою 25 марта 1945 года в Восточной Пруссии, г. Гумбиннен. Братья Мижевы долгие годы считались пропавшими без вести. Никакие похоронно-поминальные мероприятия в семье не проводились, в надежде, что все-таки они живы. Только после того, как были получены достоверные сведения о месте их гибели и захоронения, родные и близкие провели спустя 40 лет поминки по мусульманскому обычаю» [2].

Пенсионерка Валентина Ильинична Дегтярева, жительница г. Черкесска (девичья фамилия – Пирогова) вспоминала: «Когда немцы стали подходить к Кавказу, вышел приказ – от каждого двора послать по одному человеку на рытье окопов. В семье, если не считать маму, я была старшая (когда началась война, Вале было 14 лет), поэтому послали меня. Приехали мы под Егорьевку (это неподалеку от станицы Беломечетской), расположились в землянках. Поначалу работала на кухне, картошку чистила, а потом и мне вместе с такими же юными девчонками и парнями пришлось рыть противотанковые окопы. Стояла зима 1942 года. Недоедали, мерзли. Никакого трудового подъема не было. Молча, сосредоточено вгрызались в землю, до полного изнеможения. Работали с раннего утра до позднего вечера с перерывами на обед. Уставали так, что просто валились с ног» [5, с. 526].

Еще одна жительница города Черкесска – Екатерина Тимофеевна Жаворенко, 1900 года рождения, вспоминая те тяжелые дни, рассказывала о том, что «главной ударной силой наземных армий был танк. Чтобы уберечь Черкесск от предполагаемого массированного удара, было предпринято строительство специальных противотанковых сооружений, так называемых эскарпов, или по-русски, противотанковых рвов. Непосредственными исполнителями этой «адской работы» были мы – тысячи трудоспособных жителей Черкесска. По понятным причинам, среди строителей преобладали женщины. Работали на совесть, не щадя сил. Установили дневную норму – десять кубометров на человека. Продолжительность рабочего дня не регламентировали, главное надо было сделать норму. Помню ощущение тяжелой усталости. Пыль на лице. Налитые, отекающие кисти рук. Копали до кровавых мозолей на ладонях» [5, с. 527]. Воспоминания женщин свидетельствуют о том, в каких тяжелых условиях им приходилось выживать, и при этом нести на себе огромную ответственность за сохранение жизни детей и стариков, работать не покладая рук, забывая о сне и отдыхе.

Из воспоминаний Аверьяновой (Червоновой) Зинаиды Андреевны: «Я родилась 26 апреля 1929 года. На момент начала войны мне было 12 лет, училась в 6 классе 10 школы в г. Черкесске. Сестре Анне было 14 лет, а младшей Лиде 10 лет. Нашего отца в 1939 году сослали в Сибирь, и семья осталась без мужчины в доме. Мама нас воспитывала сурово. У нас был огород 12 соток, корова, куры, гуси. С самого раннего детства нас приучали к труду. У каждого были свои обязанности. Помню, как каждое утро мы ходили

на реку Кубань за водой, несмотря ни на какую погоду. Воду расходовали очень экономно. Зимой топили снег, затем фильтровали воду через золу, песок, угли или бумагу, что было в наличии. 1 сентября 1941 года к занятиям в школе не приступили, так как началась война. Мама работала в эвакогоспитале, ухаживала за ранеными и больными солдатами. Я с младшей сестрой ходила помогать в госпитале, ухаживать за ранеными. Каждый день мама домой приносила окровавленные бинты. Так как не хватало бинтов, нам приходилось после перевязок грязные бинты стирать. Стирала в холодной воде, так как в горячей воде кровь не отстирывалась. Наверное, поэтому с возрастом у меня начали сильно болеть пальцы на руках. Высушив бинты, мы их гладили, складывали стопочкой, чтобы потом было удобно брать. Часто старые простыни рвали на бинты. У меня эта привычка так и сохранилась, никогда не выкидывала старые простыни, рвала их на бинты. У нас дома остались какие-то вещи отца, который ушел на фронт. Мама их отнесла в госпиталь и раздала солдатам, потому что им носить было нечего. В свободное от работы время мы с сестрой читали письма из дома раненым солдатам, писали под их диктовку письма домой, кормили с ложки тех, кто сам не мог кушать, крутили им самокрутки. Когда линия фронта стала приближаться к нам, наша мама Матрена Васильевна вместе с горожанами, в основном это были женщины, старики и подростки рыли по ночам окопы. Под утро, она, еле передвигая ноги, приходила домой, иногда даже не отдохнув, уходила в госпиталь. Мы, видели как тяжело нашей маме и всячески старались ей помогать» [3].

Воспоминания Зинаиды Андреевны это еще одно свидетельство того, в каких тяжелейших условиях в силу сложившихся обстоятельств женщинам области приходилось жить и работать. Война не просто нарушила размеренный семейный уклад и привычный образ жизни женщин, она коренным образом изменила ее. Женщины, оставшиеся дома одни, испытывая невероятный страх за жизнь своих мужей, отцов, братьев, находящихся на фронте, взвалили на свои плечи все женские и мужские обязанности. При этом они находились в постоянном стрессе, опасаясь за жизнь детей и стариков, которые также нуждались в уходе. Тяжелая физическая работа, работа по ведению домашнего хозяйства, постоянный страх, голод, холод меняли не только их повседневную жизнь и традиционный семейный уклад, но и меняли менталитет женщин и их традиционные представления о жизни.

Из воспоминаний жительницы города Черкесска Прасковьи Резниковой: «На начало войны мне было 15 лет. Еще был маленький брат, которому было всего 5 лет. Мы жили в доме моей бабушки, матери отца. Когда началась война, папа работал на заводе «Молот» слесарем, мама была домохозяйкой. Жили мы хорошо. У нас был огород, свое хозяйство. Куры, гуси, корова, поросята. Весной сажали картошку, выращивали овощи, иногда излишки мама продавала на базаре. Я всегда помогала маме управляться с домашними делами. Папа привозил на бичке воду, косил сено для коровы, заготавливал на зиму дрова, выполнял всю тяжелую работу, и часто говорил: «Вы, девочки, вам нельзя таскать тяжести, для этого есть я. Вот подрастет Мишка, будет мне помогать». После того, как папа ушел на фронт, я часто вспоминала его слова.

Осенью папа ушел на фронт, и больше мы его не видели. Через два с половиной года мама получила похоронку. Мама, чтобы как-то содержать семью, пошла, работать на завод «Молот». Как рассказывала мама, работать было тяжело, рабочий день был длинным, и норма выработки была высокая. Но мама никогда не жаловалась. Я к ее приходу старалась сделать домашнюю работу, приготовить еду из того, что было. До войны, благодаря тому, что у нас было всегда свое домашнее хозяйство, еда у нас была разнообразная и питались мы хорошо. Постепенно, особенно в период оккупации мы на себе ощутили, что такое голод и холод. Были дни, когда в доме еды не было совсем. До войны в нашем доме всегда пахло пирогами и сдобой, мама была большая мастерица. А теперь мы радовались каждому маленькому кусочку хлеба и сахара. Самым желанным для нас

в то время был сахар. Мама делила сахар на маленькие кусочки и давала нам его. Я чтобы как-то продлить себе удовольствие, положу в рот, немного рассосу, потом брала тряпочку, заворачивала этот кусочек и клала его в карман. Пройдет время, я опять его грызу. Так я растягивала себе удовольствие.

Так как в доме у нас после ухода папы на фронт взрослых мужчин не было, заготавливать сено для коровы стало все труднее и когда стало совсем немоготу, мама обменяла ее на продукты питания. Мама в тот день долго плакала, говорила, что жалко ей нашу кормилицу, но у нее нет выбора. Продукты, на которые мама выменяла корову, практически спасли нас от голода. Хата наша отапливалась дровами, а в то время зимы были холодные, не то, что сейчас. После работы я и мама по вечерам с соседскими женщинами и детьми, ходили в пролесок, собирать ветки, и все, что можно было отправить в печь на топку. Часто вспоминаю, как сажали на санки Мишу, заворачивали его теплым одеялом, чтобы не замерз, и уходили искать дрова для топки. На обратном пути все что нашли, клали на санки, при этом обязательно нужно было брату сказать, что он уже большой, поэтому ему нужно идти пешком домой.

Вся тяжелая работа легла на плечи мамы. Было очень тяжело, я видела, что придя домой после смены, мама практически валилась с ног, иногда без отдыха вновь приходилось идти на работу. По мере того, как линия фронта стала приближаться к нам, маму и других женщин стали привлекать к работам на оборонительных сооружениях. Работать приходилось иногда по ночам, в грязи, под проливным дождем. Руки мамы были в бинтах, потому что от тяжелой физической работы были стертые в кровь. Я помню, как мама говорила: «Потерпи доченька, скоро закончится война. А пока, я в доме и баба, и мужик!». Особенно тяжело и страшно было во время оккупации города» [4].

Женский труд в период Великой Отечественной войны стал практически круглосуточным, непрерывным и очень тяжелым. Женские кадры стали основным резервом народного хозяйства, что имело большое значение для создания устойчивых промышленных кадров в условиях военного времени. Мужчины воевали на фронте. В городах и селах оставались старики, женщины, дети. Неимоверной силы тяжесть легла на плечи женщин. Испытывая боль и страх за мужей, сыновей, отцов и братьев, они заменили их на трудовом фронте. Проводив на фронт мужа, сына, брата, они по 10–12 часов в сутки стояли у станка, или пахали, сеяли, убирали урожай, растили детей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив М. Б. Шенкао. ПМА Информант Беляева М.Ф., 1952, Черкесск, 2020.
2. Архив М. Б. Шенкао. ПМА Информант Карасова Р.А., 1959 г.р., а. Кызыл-Тогай. 2021.
3. Архив М. Б. Шенкао. ПМА Информант Аверьянова (Червонова) З.А., 1929 г.р., г. Черкесск, 2018.
4. Архив М. Б. Шенкао. ПМА Информант Резникова П.И., 1924 г.р., г. Черкесск, 2015.
5. Твердохлебов С.П. Черкесск: ориентир в океане фактов и событий. Т. 2. Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное изд-во, 2015. С. 557.

Т.А. Яско

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ: ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ АРХИВНОГО НАСЛЕДИЯ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

Аннотация. Государственный архив новейшей истории Белгородской области – хранилище значительной части документов советской эпохи в регионе. В архиве ведется большая работа по сохранению архивного наследия советской эпохи.

Ключевые слова: Государственный архив новейшей истории, документы советской эпохи.

THE STATE ARCHIVE OF THE MODERN HISTORY OF THE BELGOROD REGION: POPULARIZATION OF THE ARCHIVAL HERITAGE OF THE SOVIET ERA

Abstract. The State Archive of the Modern History of the Belgorod region is the repository of a significant part of the documents of the Soviet era in the region. A lot of work is being done in the archive to preserve the archival heritage of the Soviet era.

Keywords: State Archive of Modern History, documents of the Soviet era.

История Государственного архива новейшей истории начинается 31 мая 1954 года с создания Белгородского областного партийного архива. В связи с образованием 6 января 1954 года в составе РСФСР Белгородской области, Постановлением бюро Белгородского обкома КПСС был создан областной партийный архив. К Белгородской области отошли 23 района Курской и 8 районов Воронежской областей. Первым заведующим областного партийного архива была утверждена Е.Б. Медведева. Первые дела от Белгородского горкома КПСС были приняты 20 февраля 1956 г., а в 1957 году начался приём фондов партийных и комсомольских органов и организаций, действовавших в 1918–1953 гг. из Курского и Воронежского областных партийных архивов. Комплектование партийного архива Белгородского обкома КПСС документами обкомов, горкомов и райкомов КПСС и ВЛКСМ и первичных партийных и комсомольских организаций, функционировавших на территории Белгородской области, проходило ежегодно. До августа 1991 года на хранение были приняты документы партийных и комсомольских органов и ряда первичных партийных и комсомольских организаций Белгородской области по 1988 год. Затем в течение сентября – декабря 1991 года на хранение в архив поступили документы всех партийных органов и ряда первичных партийных организаций области за период с 1989 года по день прекращения их деятельности по Указу Президента РСФСР от 23 августа 1991 г.

25 сентября 1991 г. решением Белгородского облисполкома был создан Центр документации новейшей истории Белгородской области на базе Белгородского областного партийного архива, который накануне в соответствии с Указом Президента Российской Федерации «О партийных архивах» от 24 августа 1991 года был передан в ведение архивного отдела Белгородского облисполкома.

С 1992 года в Центре документации новейшей истории Белгородской области хранится обширная коллекция фильтрационных дел на лиц, вывозившихся в годы Великой Отечественной войны немецко-фашистскими оккупантами на принудительные работы в Германию, и на бывших советских военнопленных, содержавшихся в лагерях на территории фашистской Германии и оккупированных ею стран западной Европы.

В 2010 году в соответствии с распоряжением правительства Белгородской области от 31 мая 2010 г. № 238-рп «О создании областных государственных учреждений» было создано областное государственное учреждение «Государственный архив новейшей истории Белгородской области». С начала 2020 г. во главе ОГКУ «ГАНИБО» стоит А.О. Коломина. В настоящее время архив насчитывает более 2 677 фондов. Из них: 593 фонда по личному составу ликвидированных организаций и предприятий, около 467 тысяч единиц хранения на бумажной основе за 1918–2019 годы, в том числе свыше 10 тысяч единиц хранения фотодокументов.

Советский период отечественной истории оставил богатое архивное наследие. Это материалы о деятельности органов власти и управления, общественных и профсоюзных организаций, предприятий и учреждений, документы личного происхождения, воспоминания. Государственный архив новейшей истории Белгородской области – хранилище значительной части документов советской эпохи в регионе.

В документах содержатся сведения о становлении и развитии в 1918–1991 годах местных партийных и комсомольских организаций, а также информации о состоянии в эти годы экономики Белгородчины и ее отраслей, народного образования, здравоохранения,

культуры, работы правоохранительных органов и о всестороннем развитии социальной сферы в крае. Основная часть документов относится к периоду с начала 1954 года, т. е. со времени образования области. Эти документы позволяют увидеть неуклонный рост в области уровня развития сельскохозяйственного производства, бурное развитие промышленности и активный процесс освоения железорудных богатств КМА на Белгородчине.

Документы дают возможность проследить динамику превращения области из края аграрного в край индустриально-аграрный. В них нашли также всестороннее отражение успехи в развитии народного образования и других сторон культурной жизни области.

Документы ОГКУ «Государственного архива новейшей истории» используются исследователями в научной работе в читальном зале, при написании монографий, хроник, статей, публикуются в сборниках документов.

Важную роль в популяризации архивных документов играет сотрудничество архива с региональным вузом – Белгородским государственным университетом и Историко-филологическим факультетом, осуществляющим профессиональную подготовку историков и специалистов документационного обеспечения управления, архивистов. Нужно отметить, что совместная работа по многим направлениям ведется уже многие годы, однако в настоящее время она заметно активизировалась, стала более насыщенной и разносторонней по содержанию. Заинтересованы в таком сотрудничестве обе стороны, поскольку возрастает результативность научных исследований, повышается качество публикаций, вводится в научный оборот новая информация. Активно и плодотворно работают в читальном зале магистранты-историки, которые изучают широкий спектр проблем не только для будущих диссертаций, но и для научных статей и других публикаций.

Ежегодно организуется студенческая архивная практика, в ходе которой студенты-историки приобретают навыки работы с архивными источниками. Часть времени на практике отводится студентам для знакомства с документами по согласованной с руководителем практики тематике. Опыт показывает, что побывавшие на практике студенты приходят вновь как исследователи, чтобы написать на материалах архива статью для студенческой конференции, реферат, выпускную квалификационную работу. В ходе практики у студентов формируется образ архива, как хранилища документальных ценностей, отложившихся в процессе жизни и деятельности прежних поколений, духовного, социального и культурного опыта человечества. Практиканты вырабатывают навыки ведения самостоятельной исследовательской работы с документами, познают основные производственные процессы архивного учреждения.

Также ежегодно в архив приходят магистранты для прохождения археографической практики. Итогом практики для них является подготовка макета публикации документов по определенной тематике. Археографическая практика и работа с документами не только формирует у магистрантов навыки исследовательской работы, но и для многих становится документальной основой магистерской диссертации.

В последние годы наиболее актуальной стала тема истории Великой Отечественной войны в Белгородской области. Сотрудники архива принимали участие в подготовке сборника документов в рамках реализации проекта «Без срока давности», посвященного памяти мирных граждан, погибших в годы Великой Отечественной войны.

Сотрудники Государственного архива новейшей истории Белгородской области проводят работу по увековечиванию памяти великих людей области. Только в ноябре 2022 году они провели встречи: к 100-летию со дня рождения Героя Советского Союза Н.А. Пьянкова, который участвовал в Сталинградской и Курской битвах, освобождал Харьков, Белгород, Будапешт, Прагу; к 120-летию со дня рождения Героя Советского Союза Г.И. Спольника, который летом 1943 года принимал участие в Курской битве в оборонительных боях на южном фланге Курской дуги. В сражениях за освобождение Белоруссии проявил мужество и стойкость; к 110-летию со дня рождения Героя Советского Союза Н.Я. Казакова, который участвовал в Курской битве, освобождал Украину и Белоруссию от немецко-фашистских захватчиков.

Сотрудниками ГАНИБО проводятся уроки с обучающимися школ Белгородской области на тему «Без срока давности: преступления против детства и недетские подвиги». В ходе таких уроков используются архивные документы, обучающимся рассказывается о жесточайшей оккупационной политике в период Великой Отечественной войны по отношению к мирному населению, об испытаниях, выпавших на долю детей и подростков, об их мужественном противостоянии немецко-фашистским оккупантам и помощи Красной Армии.

8 ноября 2022 года начальник отдела использования и публикации документов ГАНИБО Т.А. Цыбенко и ведущий специалист И.В. Мирошниченко приняли участие в заседании круглого стола «Коренной перелом в Великой Отечественной войне» на базе Белгородского института развития образования в Белгородском государственном университете. Были рассмотрены такие темы, как «Сталинградский перелом: важные аспекты разговора о битве», «Особенности транспортного обеспечения победы советских войск в Сталинградской битве», «Пути противодействия фальсификации истории Сталинградской битвы в современной науке» и другие. Особое внимание было уделено обзору архивных фондов по истории Великой Отечественной войны.

Были опубликованы методические и иллюстративные рекомендации по использованию в образовательной, просветительской и воспитательной деятельности информационного контента о преступлениях нацистов и их пособников против мирного населения в годы Великой Отечественной войны. Эта разработка была создана в рамках проекта «Без срока давности: ожившие хроники пожелтевших страниц. 80 лет спустя» при поддержке Фонда президентских грантов.

Познавательный интерес вызывают материалы выставок: «Искалеченные судьбы», «Подвиг тыла», «Во славу родного края», «Легкая промышленность Белгородской области». Деятельность сотрудников отдела информатизации использования документов Государственного архива новейшей истории Смоленской области многопланова и насыщена участием в различных мероприятиях, главная цель которых – популяризация архивного наследия советской эпохи, сохраняющегося в фондах архива.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борьба за Советскую власть на Белгородщине, март 1917 г. – март 1919 г. (Сборник документов и материалов). Белгород: Архивный отдел исполкома Белгородской области Совета депутатов трудящихся, 1967. 380 с.

2. Во имя победы. Белгородчина в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (По документам и материалам областных архивов). Белгород: Белгородская областная типография, 2000. 265 с.

3. В суровом 1941-м. Белгородчина в первый год Великой Отечественной войны. (Документы областных государственных архивов). Белгород: Белгородская областная типография, 2001. 16 с.

4. Полвека пути 1954–2004 гг. Хроника основных событий Белгородской области. Белгород: Везелица, 2004. 296 с.

ИСТОРИЯ СССР В ИССЛЕДОВАНИЯХ СТУДЕНТОВ И АСПИРАНТОВ

И.О. Аскиркин

(Науч. рук. – канд. ист. наук, доц. О.Г. Карапкова)

РЕЛИГИЯ И ГОСУДАРСТВО В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Аннотация. В данной статье говорится об особенностях взаимоотношения таких институтов, как советская власть и религия в СССР. Характеризуются основные этапы этих взаимоотношений, процессы, связанные с изменением положения православной церкви на протяжении десятилетий существования Советского Союза, а также причины изменений этого положения в период с 1922 по 1991 гг.

Ключевые слова: религия, СССР, декрет, атеистическая пропаганда, антирелигиозные постановления.

RELIGION AND THE STATE IN THE SOVIET UNION

Abstract. This article talks about the peculiarities of the relationship between institutions such as the Soviet government and religion in the USSR. The main stages of these relationships, the processes associated with the change in the position of the Orthodox Church during the decades of the existence of the Soviet Union, as well as the reasons for the changes in this position in the period from 1922 to 1991 are characterized.

Keywords: religion, USSR, decree, atheistic propaganda, anti-religious resolutions.

В современном российском обществе религия выступает на свободной основе существования и принимает различные конфессиональные формы. Это четко показывает факт существования Межрелигиозного совета России, состоящего из Русской православной церкви, трех мусульманских и двух иудейских ассоциаций, а также буддийской традиционной Сангхы. Однако так было не всегда, стоит лишь обратиться к почти свежим событиям и воспоминаниям, чтобы убедиться в том, что во время существования Советского союза религия была не просто второстепенным элементом, но в некоторый период и ненавистным фактором в восприятии советских реалий.

В царский период истории российского государства религия была одной из опор правящего режима, однако в советский период возобладали атеистические взгляды, а отношение к религии резко ухудшилось. Это можно объяснить тем, что она, религия, стала ассоциироваться с царским режимом, а советская власть была нацелена на то, чтобы как раз искоренить все, что хоть как-то было связано с монархией.

Одним из таких первых шагов был декрет Ленина от 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Затем последовали годы, когда радикальное отношение к церкви возобладало в разных общественных группах, в чем активно способствовала большевистская политика. Об этом говорит, например, поддержка ленинской партией газеты «Бессмертие», которая не раз выпускала печатные экземпляры с атеистической пропагандой. Более радикальные действия против РПЦ были вызваны голодом 1921 года, для устранения продовольственной проблемы было принято решение по изъятию ряда церковных ценностей. Знамениты были снятия колоколов с церкви, в основном такие действия объяснялись тем, что они якобы мешают радиовещанию. С одной стороны, данная мера действительно помогала решить экономический кризис, с другой – активизировалась борьба против «черносотенного духовенства», как писал Ленин в одном из своих писем (письмо от 19.03.1922 г.).

У такой политики советской власти были последователи и среди обычных граждан, которые организовали в 1925 году «Союз воинствующих безбожников». Это объединение поставило несколько своих пятилетних планов, по итогу реализации которых необходимо было добиться полной ликвидации существовавших на тот момент религиозных организаций.

В 1929 году было издано постановление ВЦИК И СНК РСФСР «О религиозных объединениях», согласно которому верующие люди становятся классовыми врагами построения коммунизма, а само христианство в его православной форме – антинаучным мировоззрением. После издания того постановления начались полицейские преследования, по итогу которых около 50 000 верующих было подвергнуто аресту, а около 5 000 – смертной казни. Для представителей духовенства даже существовало специальное место для заключения под стражу – Соловецкий лагерь особого назначения. К началу 1930-х гг. там находилось 24 епископа, которые выразили обращение в «Памятной записке соловецких епископов» с просьбой ликвидации всех разногласий и установления союзнических отношений между советской властью и РПЦ. Те священнослужители, которые не были подвергнуты аресту, понимали всю безвыходность ситуации. Нередко они сами призывали верующих к признанию советской власти, осознавая, что продолжение противостояния лишь усугубит ситуацию. Часто они подчеркивали, что хотят осознавать себя гражданами своей родины, даже если эта родина носит название «Советский союз». Однако это было недостаточно, чтобы новая власть изменила свое отношение не только к православным людям, но и тем, кто представлял другие конфессии.

Однако со временем отношения государства и церкви все-таки улучшились, хоть и ненадолго. Поводом этому процессу послужила Великая Отечественная война, пробудившая в сердцах людей отчаяние, требующего успокоения, кое могла дать религия. 4 сентября 1943 года была осуществлена встреча Генерального секретаря ЦК КПСС Сталина и патриаршего представителя Сергия, после чего стали открываться богословные учебные заведения, а уважение к чувствам верующих стало выше.

Стоит отметить также тот факт, что первым, кто выступил с обращением о начале войны, был именно митрополит Сергей, он произнес следующую речь: «Фашиствующие разбойники напали на нашу родину... повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла шведского, Наполеона. Но не первый раз приходится русскому народу выдержать тяжкие испытания...» [6, с. 329]. Более того – 8 сентября 1943 года начал свою работу Собор русских епископов, по итогу которого митрополит Сергей стал патриархом Московским и Всея Руси, а церковь по указу Сталина становилась юридическим лицом [5, с. 187]. Это говорит о повышении статуса РПЦ в общественной жизни, улучшении отношения к ней со стороны советской власти.

В этот период – период ВОВ – бывшие храмы снова передаются институту церкви, а на оккупационных территориях, которые были освобождены от фашистских войск, продолжили свою работу уже созданные к тому моменту религиозные объединения. Русская православная церковь даже помогала, чем могла, в сборе средств на организацию вооруженных сил в годы войны. Так, на средства, собранные духовенством, была направлена колонна из 4 танков Т-34 и отправлена Красной армии 7 марта 1944 г. [1, с. 12].

Но с момента окончания ВОВ прошло пару лет, как в правящем аппарате снова стали на передний план тоталитарные направления. Победа в ВОВ стала приписываться полностью и целиком командованию ЦК КПСС общественным фронтом, а религии напомнили в «Комсомольской правде» о том, что быть в комсомоле и быть верующим в Бога – вещи несовместимые. Плюс ко всему правящая элита видела угрозу религиозного фактора в структуре личности в рамках трудового воспитания. На основании этого в 50-х гг. был принят ряд постановлений в антирелигиозных, атеистических аспектах. Например, среди таких можно выделить постановление ЦК КПСС от 1954 г. «Об улучшении научно-атеистической пропаганды», где подчеркивалась возрастающая роль религиозных сектантов, пытающихся завлечь молодое поколение в свои организации. Такое

заявление было сделано на основе факта о том, что часть российских студентов стала отмечать религиозные праздники, а именно: Рождество, Пасху и т. д. Роль в усилении атеистического воспитания была уготовлена педагогическим кадрам, которые должны были донести до молодежи антинаучную сущность религии, утверждая, что в основе веры лежит страх перед необъяснимыми вещами. Впоследствии социальному осуждению подвергались даже такие бытовые моменты, как хранение икон дома, паломничество к святым местам и т. д. Нередкими были моменты, когда любые суеверия советская интеллигенция приравнивала к религии.

Однако на этом правящая партия не остановилась. Не менее тягостным для РПЦ было принятие постановления Совмина СССР «Об усилении контроля за деятельностью церкви». Принятие данного нормативного акта буквально ликвидировало достигнутые послабления, достигнутые в годы ВОВ. Было поставлено добиться определенных целей, а именно: ликвидация влияния духовенства на административно-хозяйственные дела религиозных объединений, запрет этим организациям на проведение благотворительных мероприятий, недопущение религиозного воспитания среди детей, устранение льгот для духовенства.

В январе 1962 года было оглашено специальное постановление «О мероприятиях по усилению атеистического воспитания населения», совместно был создан Институт научного атеизма академии общественных наук при ЦК КПСС. Данный институт определил, что порядка 70 % населения приобщаются к религии через такой социальный институт, как семья, что усложняло работу атеистической пропаганды. В связи с этим советская власть решила еще серьезней перевести борьбу с религией на научный уровень, что подчеркивает тот факт, что за последующие 7 лет с момента образования данного института было защищено 436 кандидатских диссертаций и 41 докторская о нецелесообразности религии. Далее такая политика все же дала свои плоды. Так, в 1970-х гг. было крещено детей в 20 раз меньше, чем в предыдущие два десятилетия – 27 тыс.

Такая практика, несомненно, укрепила советскую власть и дала ей возможность «показать, кто в доме хозяин», однако такая политика имела явно и негативные стороны. С середины 1970-х гг. стали частым делом мелкое хулиганство, мелкие хищения, во многих общежитиях вузов нарушались так называемые правила социалистического общежития, когда студенты устраивали пьянство и дебоширство, а к началу 1980-х число преступлений в год достигло 2 миллионов случаев.

В 1970-х религиозная политика советской власти становится более лояльной, однако полному улучшению отношений между ней и конфессиональным компонентом духовной сферы жизни общества сдерживается лишь идеологическими догмами. Особым преследованиям были подвергнуты религиозные организации, которые не были зарегистрированными. Широко развернулась система арестов лидеров ЕХБ – евангельских христиан-баптистов. Это вызвало ответные действия Совета родственников узников ЕХБ, которые выразились в активизации их деятельности.

Однако со временем советский человек понял, что религия выступает в роли духовной потребности человека, и лишить личность такой потребности весьма сложно. Лишь с середины 1980-х с демократизацией общественной жизни и провозглашением свободы совести формальное отношение к церкви стало лояльным и нейтральным, а уже в конце столетия на территории всего государства увеличилось количество религиозных организаций.

Это было связано с тем, что 80-е годы в церковной среде были ознаменованы 1000-летием Крещения Руси. Патриарх и Священный Синод обратились к правительству с просьбой о передаче Церкви одного из московских монастырей для устройства в нем административного центра по подготовке юбилейных торжеств. Такое решение о передаче Свято-Данилова монастыря было принято еще при Л.И. Брежнев в 1982 г., но официальное мероприятие состоялось лишь 17 мая 1983 г.

Весной 1985 года М.С. Горбачев встретился в Кремле с иерархами Русской Церкви. Этот тактический ход стал одним из первых шагов на пути оживления духовной жизни общества. У Церкви появилась реальная возможность готовиться к юбилейной дате, хотя еще в конце апреля 1988 г. власть не давала согласие на объявление юбилейных торжеств и открытие Поместного Собора. Но они все же состоялись. И с 1988 г. Церковь получила возможность расширения своей деятельности в различных сферах: просветительской, издательской, миссионерской, благотворительной.

Таким образом, отношения между религией и государством можно разделить на три этапа:

- период образования и зарождения советского государства, сопровождающийся радикальным отношением к религиозному компоненту общественной жизни;

- период Великой Отечественной войны с некой «оттепелью» в советско-религиозных отношениях;

- период реакции 1950–1970-х гг. и масштабным разворачиванием атеистической пропаганды с активным включением в этот процесс интеллигенции, в частности педагогических кадров;

- период с середины 1980-х гг. с оживлением религиозной жизни и послаблении контроля со стороны государства за духовной стороной общественных отношений в сфере контакта «гражданин-религия».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильева О.Ю. Русская православная церковь и Советская власть в 1917–1927 годах // Вопросы истории. 1994. № 4.

2. Далгатов А.Г. Правительственная политика по отношению к этноконфессиональным меньшинствам. СПб.: Нестор, 2002.

3. Зеньковский С. Трагедия русского православия. М.: Родина, 1994.

4. Павлова И.В. Власть и общество в СССР в 1930-е гг. // Вопросы истории. 2001. № 10.

5. Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в 20 веке. М.: Республика, 1995.

6. Русская православная церковь в советское время. Кн. 1, М., 1995. 329 с.

В.В. Ачкасова, С.И. Куликова

(Науч. рук. – канд. ист. наук, доц. В.В. Назарова)

РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Аннотация. В статье анализируется развитие культуры и спорта в СССР, определяется роль государства в их развитии. Делается вывод о том, что спорт и культура являлись инструментами для пропаганды советского образа жизни. В связи с чем особое внимание авторы уделяют изучению особенностей развития песенного искусства и кино на разных этапах советской истории.

Ключевые слова: спорт, спортсмены, футбол, баскетбол, хоккей, культура, музыка, песенное искусство, кино, режиссер.

DEVELOPMENT OF CULTURE AND SPORT IN THE SOVIET PERIOD

Abstract. The article analyzes the development of culture and sports in the USSR, determines the role of the state in their development. It is concluded that sport and culture were tools for promoting the Soviet way of life. In this connection, the authors pay special attention to the study of the features of the development of song art and cinema at different stages of Soviet history.

Keywords: sports, sportsmen, football, basketball, hockey, culture, music, song, film, film director.

Советский спорт получил своё развитие не сразу. В начале 1920-х годов спортсмены считались контрреволюционерами, а само занятие спортом буржуазным предрассудком. Однако вскоре ситуация стала меняться и спортивное движение становится массовым. Стране нужны были хорошо подготовленные солдаты, и новая власть это понимала, поэтому начинает активно приобщать людей к физической культуре. Советская власть стала уделять большое внимание развитию спорта буквально пропагандировать его, щедро финансировать строительство стадионов, спортивных школ и комплексов [9, с. 27].

Во всех школах, колхозах, университетах были созданы различные спортивные секции. Добровольные общества и профсоюзы активно привлекали новых членов. Уже тогда было популярно сдавать нормативы на ГТО. Возрастной промежуток тоже был достаточно большим от 10 до 60 лет. Это позволяло вовлечь в спорт миллионы людей, вся страна находилась в постоянной «гонке за спортивными результатами».

Наряду с комплексом ГТО стали популярными выполнения норм на значки «Ворошиловский стрелок», «Готов к противовоздушной и химической обороне» (ПВХО), «Готов к санитарной обороне» (ГСО), «Альпинист СССР», «Парашютист СССР», «Турист СССР» и др. Правительство использовала массовое внедрение физической культуры и спорта для усиления обороны страны: практиковалось проведение соревнований при любой погоде, изыскивались эффективные средства и методы подготовки сильных, смелых, выносливых, закаленных бойцов. Первое общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству (ОСОАВИАХИМ) было создано в нашей стране в 1927 г. Главной своей задачей общество считало патриотическое воспитание своих членов и подготовку их к защите Родины [9, с. 41].

Самым крупным добровольным спортивным обществом в стране был «Спартак», основанный в 1935 году профсоюзом Промысловой Кооперации. Через два года после создания, в обществе уже состояло более 120 тысяч физкультурников. Позже «Спартак» объединял работников торговли, легкой и пищевой промышленности, гражданской авиации, автотранспорта, просвещения, культуры, здравоохранения и многих других областей, и к середине 1950-х более 450 тысяч человек были его членами. Существующие до сих пор «Динамо» – это общество министерства внутренних дел (при Сталине – народный комиссариат внутренних дел НКВД), и ЦСКА – центральный спортивный клуб Армии. Для них строились спортивные площадки, стадионы, бассейны. Для «Динамо» в 1928 году построили самый крупный на тот момент стадион в стране, который вмещал 25 тысяч зрителей. Вся страна жила под лозунгом «В здоровом теле здоровый дух», «Быстрее, выше сильнее».

Теперь отдельно отметим некоторые виды спорта и достижения советских спортсменов в них. Футбол имел популярность ещё до революционных событий. Существовала газета, благодаря которой о нем узнавало еще больше людей, она называлась «Красный спорт», а потом «Советский спорт». Сам футбол, как и другие виды спорта в Советском Союзе, назывался любительским, так как противопоставлялся западному профессиональному. Тренировались футболисты только в свободное от официальной работы время. Любопытно, что за общество «Локомотив» выступали железнодорожники, за «Динамо» – сотрудники внутренних органов, игроки «Торпедо» числились работниками завода имени Сталина (с 1956 г. ЗИЛ).

Больше всего в спорте порицалось желание заработать привилегии, известность и другие плюсы чемпионства. За это в 1942 году был арестован основатель «Спартака» Николай Старостин (есть мнение, что по инициативе покровителя Берии, болеющего за «Динамо»). Его обвиняли в спекуляции с валютой, разворовывании имущества, антисоветской агитации и измене родине, а кроме этого – пропаганде нравов буржуазного спорта.

И.В. Сталин тоже любил футбол. В 1936 году даже устроили матч прямо на Красной площади, разложив для этого на брусчатке ковер площадью 9 000 кв. метров. Руководство воздействовало на спортсменов и тренеров. На Олимпиаде 1952 г. на матче

СССР с Югославией в первой игре была ничья, а во второй Советский Союз проиграл 3:1. Все прекрасно осознавали, что последствия точно будут. Перед матчем в раздевалку сборной один за другим заходили партийные функционеры и напоминали, что и вся страна и лично товарищ Сталин ждут только победы. Тренера сборной Бориса Аркадьева после поражения немедленно вызвали в Москву. А через месяц был выпущен приказ Всесоюзного комитета по делам физической культуры и спорта. Команда ЦДСА (будущий ЦСКА) была расформирована. Некоторые спортсмены были признаны причиной поражения, лишены всех званий и привилегий [5, с. 103].

В 1956 году сборная Советского Союза выиграла олимпийское золото. Первый чемпионат мира для советской команды прошел в 1958-м, а в 1960-м она готовилась к первому в истории Кубку Европы. В четвертьфинале ожидалась игра СССР с Испанией. Испанский диктатор Франко, после победы в гражданской войне жестоко репрессировавший коммунистов, оставался одним из главных врагов Советского Союза ещё с 1930-х. При этом сборная Испании была одной из самых сильных в мире: мадридский «Реал», к тому времени выиграл четыре Кубка европейских чемпионов подряд и готовился взять пятый. Не будучи до конца уверенны в победе они запретили футболистам лететь на матч в Москву. Ещё больше им не нравилась идея принимать в Мадриде советскую делегацию, в которую точно вошли бы сотрудники КГБ. В мае Испанский футбольный союз официально сообщил, что сборная страны отказывается играть с командой СССР по политическим причинам. Советская сборная автоматически прошла в полуфинал, где обыграла Чехословакию. В финале она победила и Югославию, и стала первым чемпионом Европы [3, с. 4].

Хоккей тоже является одним из самых популярных и обсуждаемых видов спорта, культом в СССР. Наша сборная команда по хоккею 23 раза становилась чемпионом мира. Развитие советского хоккея проходило очень нелегко. Не было ни определенной формы, ни техник игры. Как правильно играть в канадский хоккей никто толком не знал. Практически все было создано с нуля и стиль игры, и тренерская школа и свои методики подготовки молодежи.

Одну из ключевых ролей в становлении хоккея в нашей стране сыграл П.М. Коротков. Именно он был назначен первым руководителем всесоюзной секции хоккея с шайбой. В состав тренерского совета на первые международные матчи входили и тренеры четырех ведущих клубов страны – А. Чернышев (Динамо, Москва), А. Тарасов (ЦДКА), А. Игумнов (Спартак, Москва), и В. Егоров (Крылья Советов). Все они в полной мере имеют право именоваться создателями отечественной школы хоккея [10]. Легендами советского хоккея была знаменитая тройка Харламов-Петров-Михайлов, образованная в 1968 г.

Одним из самых ярких событий в мире хоккея была игра Советского Союза и Канады в 1972 г. Канадские СМИ соревновались в прогнозах, и большинство считало, что русские проиграют, даже называли счет 6:0 в пользу Канады. Но на деле матч заставлял зрителей задерживать дыхание и наблюдать за этой легендарной игрой. Сначала наши спортсмены вели счет 2:0, потом увеличили на одно очко. На перерыв, как отмечали хоккеисты, они шли с опущенными головами, испытывали странное ощущение, но канадцы начали третий период с яростных атак и вывели счет 4:3. Советские хоккеисты разгромили канадцев со счетом 7:3. Это удивило всю Канаду, показало, насколько хороша техника, манера игры и физическая форма наших спортсменов. Один из руководителей НХЛ назвал это поражение «катастрофой века». Весь мир узнал имя «легенды № 17» Валерия Харламова, который блистательно сыграл по задумке Тарасова в тройке с Владимиром Викулиным и Анатолием Фирсовым [10, с. 108].

В том же 1972 г. в Мюнхене советские баскетболисты оставили не менее яркий след в истории спорта. Эта была знаменитая встреча СССР и США. Игра была достаточно агрессивной, и американцы почти начали праздновать победу, однако исторические три секунды стали решающими и счет стал 51:50 в пользу советских спортсменов. Александр Белов, Иван Едешко, Зураб Саканделидзе, Модестас Паулаускас, Сергей Белов,

Михаил Коркия и другие стали олимпийскими чемпионами. Болельщики помнят голос нашего спортивного комментатора Нины Ереминой: «Мяч введет в игру Иван Едешко. Три секунды. Передача на Александра Белова... И сборная Советского Союза забивает мяч! Победа!» [4, с. 47].

Первая тайна советского спорта, которая помогала побеждать – это коллективизм, к которому всех приучали с детства. «Сам погибай, а товарища выручай», – это суворовское правило действовало среди советских спортсменов. Наши мастера умели становиться командой, на эстафетах силы советских спортсменов удесятерялись. Другой тайной является ставка на интеллект и сильную руку тренеров. Советские тренеры, являющиеся поколением фронтовиков, стали всемирно известными звездами большого спорта. Их справедливо можно назвать полководцы в области спорта, не случайно хоккейного полковника Анатолия Тарасова сравнивали с Суворовым. У него была своя наука побеждать [5, с. 125].

Характеризуя культуру советского периода важно сказать, что в этой сфере после установления советской власти произошло не меньшие изменения, чем в стране в целом. Правительством поддерживалось развитие так называемой «новой» культуры, которая должна была служить народу и пролетариату. В 20–30-е годы XX столетия активно работал Пролеткульт. Происходила культурная революция, которая должна была ликвидировать всеобщую безграмотность, приобщить человека к духовным богатствам и создать новую советскую интеллигенцию и пролетариат. Конечно, у деятелей культуры не было слишком широкого поля для творчества, не все можно было демонстрировать в своих работах, так как это контролировалось властями. В 1922 г. был создан Главлит, который смотрел за тем, чтобы в изданиях не присутствовало ничего лишнего.

Особое внимание советское руководство уделяло развитию кино и музыки. В музыкальной сфере 1930–1950-х гг. стали известны своим творчеством С.С. Прокофьев, Д.Д. Шостакович, И.О. Дунаевский, Г.В. Свиридова, А.И. Хачатурян и др. Среди вокалистов популярность приобрели С. Рихтер, Д. Ойстрах, Л. Оборин [12].

Жанр песни играл важную роль в годы войны. На фронтах звучали песни А. Александрова «Священная война», М. Блантера «В прифронтовом лесу», В. Захарова «Ой, туманы мои, растуманы», М. Фрадкина («Песня о Днепре») и др. Популярными стали лирические и шуточные песни В. Соловьева-Седого – «Вечер на рейде», «Давно мы дома не были», «Соловьи», «На солнечной поляночке», А. Новикова («Вася-Василек», «Смуглянка») и др. Особую любовь заслужили «фольклорное» бытование многих песен, тексты которых имели различные вариации, всему миру стали известны «Катюша», «Синий платочек», «В землянке» и др. [2, с. 48].

До конца 1950-х годов в вокальном искусстве преобладала «массовая песня». Среди мастеров советской песни можно назвать И. Дунаевского, В. Захарова, А. Новикова, Б. Мокроусова, В. Мурадели, К. Молчанова. Песни В. Соловьева-Седова, С. Туликова, М. Фрадкина, А. Пахмутову, Э. Колмановского, Я. Френкеля и многих других, которые составили золотой фонд отечественной песенной классики. Народ любил и знал наизусть многие песни, написанные известными советскими музыкантами: «Гимн демократической молодежи мира» Новикова, «Бухенвальдский набат» Мурадели, «Пусть всегда будет солнце» Островского, «Песня о тревожной молодости», «И вновь продолжается бой» Пахмутовой, «Родина» Туликова и еще большое количество на самые разные темы.

В 1960–1970-е годы стали появляться вокально-инструментальные ансамбли, соединяющие в своей музыке элементы бит-музыки со стилем советской массовой песни. Среди ВИА известны «Самоцветы», «Веселые ребята», «Голубые гитары», «Песняры», «Браво», «Аквариум», «Машина времени» и др. Среди советских певцов очень много талантливых и любимых народом исполнителей, таких как Иосиф Кобзон, Эдуард Хиль, Муслим Магомаев, Владимир Высоцкий, Анна Герман, Игорь Тальков, Марк Бернес, Алла Пугачева, Валентина Толкунова, Ольга Воронец. Этот список можно продолжать и продолжать [1].

В новом Советском государстве одним из «важнейших из искусств» и удобным средством проведения пропагандистской и агитационной деятельности было кино. Шедевры Госкино, истории фильмов, артистов и режиссеров стали отражением истории всей страны [8, с. 11]. Советский сценарист Борис Добродеев в своих воспоминаниях о начале развития советского кинематографа писал следующее: «У советского кино 1920-х годов три патриарха, три классика: Эйзенштейн, Довженко и Пудовкин».

Фильмы 1920-х гг. были больше документальными. Среди работ Сергея Эйзенштейна можно выделить фильм «Стачка» (1924), «Броненосец „Потемкин“» (1925), «Октябрь» (1927–1928). Режиссер снял около 23 фильмов, но самыми известными его работами являются «Александр Невский» (1938) и «Иван Грозный» (1944–1946). Среди режиссерских работ Всеволода Пудовкина можно отметить фильм «Мать» по роману М. Горького.

Александр Довженко известен комедией о «неожиданно» родившемся ребенке «Ягодка любви» (1926), детективом «Сумка дипкурьера» (1927), также среди его работ можно отметить трилогию о становлении советской власти на Украине: «Звенигора», «Арсенал» и «Земля» (1928–1930), фильм «Иван» (1932), посвященный строительству Днепрогэса и кинокартина о герое Гражданской войны «Щорс» (1939) [11, с. 38].

Война не остановила развитие кинематографа. Появилось большое количество военных фильмов, которые были наполнены искренностью, конечно же, трагизмом. Снимали даже непосредственно в период военных действий. Наскоро отснятые и смонтированные игровые короткометражки объединялись в боевые киноальбомы под девизом «Враг будет разбит, победа будет за нами!».

В 1970-е годы появляются фильмы-фавориты, о которых знают и в современной России, причем любят не меньше, чем в советские времена. Это такие кинокартины как «Белое солнце пустыни», «Калина красная» и, конечно же «Москва слезам не верит». Картины стали лидерами проката в год своего выпуска, и вошли в фонд «живой», не архивной, классики, то есть постоянных повторов по телевидению, тиражей на разных носителях и т. п.

Но самыми любимыми фильмами, которые мы смотрим и пересматриваем по сотне раз до сих пор, даже после распада Советского Союза, это работы режиссера Леонида Иовича Гайдая. Ни один новый год в наше время не проходит без этих шедевров советского кинематографа, ведь «каждый год 31 декабря мы с друзьями ходим в баню», Иван Васильевич меняет профессию и спрашивает «почто обидел боярыню Якин», произносим тост «чтобы наши желания совпадали с нашими возможностями», но и не забываем, что «шампанское по утрам пьют или аристократы или дегенераты». Все эти фильмы были настолько любимы гражданами нашей страны, что цитаты из них стали крылатыми выражениями [6, с. 19].

Подводя итог, необходимо отметить, что советский период оставил нам очень богатое культурное наследие, большое количество фильмов, книг и песен. СССР вырастил много выдающихся спортсменов, которым посвящаются киноленты и литературные произведения, на них равняются, их помнят, ими восхищаются. Развитие культуры и спорта подчинялась руководству, но от этого становилось не менее богатым и запоминающимся.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева А.А. Песенное творчество (60–80-е годы) // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2015. № 2.
2. Банникова И.И. История отечественной музыки XX века (1917–2000 гг.). Орел: Орловский государственный институт искусств и культуры, 2012. 147 с.
3. Бунтман Е. История советского футбола в 10 эпизодах // Арзамас, 2018.
4. Гомельский В.А. Легендарный финал 1972 года. СССР и США. М.: Эксмо, 2017.
5. Замостьянов А.А. Олимпийское противостояние. Поколение победителей. М.: Алгоритм, 2014. 320 с.

6. Зоркая Н.М. История отечественного кино. М.: Белый город, 2014. 511 с.
7. Зубов А.Б. История России. XX век. Деградация тоталитарного государства и движение к новой России (1953–2008). Том III. М.: Эксмо, 2020. 688 с.
8. Марголит Е.Я. Вся история советского кино с 1917 по 1991 год // Арзамас, 2021.
9. Мельникова Н.Ю. История физической культуры и спорта. М.: Спорт, 2017. 432 с.
10. Раззаков Ф.И. Российский хоккей: от скандала до трагедии. М.: Эксмо, печ. 2012. 444 с.
11. Русина Ю.А., История советского кино. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2019. 102 с.
12. Халин К.Е. Культурология: курс лекций. М.: Экзамен, 2005. 190 с.

С.Д. Бурейко

(Науч. рук. – канд. ист. наук, доц. О.Г. Каранкова)

ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ РАСПАДА СССР

Аннотация. В данной статье проанализированы причины и последствия распада СССР с экономической, политической и социальной сторон. Авторы проанализировали историографию распада СССР. Они подробно рассмотрели отечественную и зарубежную историографии, выявили их особенности и противоречия.

Ключевые слова: распад СССР, последствия, экономика, политика, социум.

CAUSES AND CONSEQUENCES OF THE COLLAPSE OF THE USSR

Abstract. This article analyzes the consequences of the collapse of the USSR from the economic, political and social sides. The authors analyzed the historiography of the collapse of the USSR. They examined in detail the domestic and foreign historiography, revealed their features and contradictions.

Keywords: collapse of the USSR, consequences, economy, politics, society.

Распад Советского Союза – событие всемирно-исторического масштаба и значения, его по праву можно назвать крупнейшим геополитическим событием XX века. На протяжении столетия Российская Империя и Советский Союз становились одними из основных игроков на международной арене, а во второй половине этого столетия Советский Союз и Соединенные Штаты, еще одна великая держава, которая поддерживала всю систему международных отношений, сложившуюся после Второй мировой войны. Зимой 1991 года Союз Советских Социалистических Республик внезапно прекратил свое существование. Можно сказать, что распад Советского Союза стал едва ли не крупнейшей политической катастрофой XX века.

Распад Советского Союза – это часть нашей личной биографии и нашей драмы. Это событие положило начало новому витку российской истории и до сих пор влияет на нашу жизнь. Происходящие вокруг события (военные конфликты, дезинтеграция бывших советских республик и т. д.) заставляют нас вновь вернуться к изучению и анализу истории СССР. Историографии по изучению СССР полна определенных противоречий [5].

Многие историки и политики не согласны с причинами распада СССР. Некоторые считают, что произошел насильственный распад Союза, а не его естественный распад.

Выделяют различные причины распада Союза, которые затрагивают многие сферы общества – политическую, экономическую, социальную.

- неэффективная экономическая политика Союза, которая привела к нехватке продуктов питания и других товаров в магазинах, а затем к недовольству граждан;
- низкое качество продукции, неспособность освоить массовое производство технологически сложных изделий, дефицит потребительских товаров [1, с. 113];

- застой экономики: отсутствие модернизации и эффективных производственных отношений;
- разделение КПСС и отмена коммунистической идеологии: возникает многопартийная система, но не создается единая идеология и система правления;
- разделение в элите СССР: часть правящей элиты выступала за сохранение и реорганизацию Союза, часть выступала за его распад;
- отсутствие соглашения о реформах: представлены идеи обновления социализма и внедрения либерально-демократических реформ в стране;
- ухудшающиеся межэтнические отношения: армяно-карабахский конфликт, грузино-абхазский конфликт, грузино-осетинский конфликт и т. д. Лидеры не могут быстро принимать решения о том, как разрешить эти конфликты. Это привело к сепаратистским настроениям советских республик и стремлению к независимости;
- очевидная непопулярность афганской войны среди населения поставила под сомнение прежнюю идеологию [1, с. 113];
- борьба за власть между союзными властями и руководством в республиках;
- Государственный комитет по чрезвычайному положению не предпринял попыток помешать подписанию нового союзного соглашения (согласно которому власть будет передана республикам) и вынудил российское правительство соблюдать законы и Конституцию Советского Союза (августовский государственный переворот).

Последствия распада СССР

1. Экономические последствия

Распад Советского Союза привел к распаду многих традиционных связей между хозяйствующими субъектами бывших советских республик. Из-за изоляции национальной экономической системы и экономического кризиса, связанного с распадом Советского Союза, вероятность того, что Россия и другие страны СНГ будут использовать финансовые, промышленные, природные и другие ресурсы для экономических манипуляций, значительно снизилась. При этом из-за относительной самодостаточности своего экономического потенциала потери Российской Федерации меньше, чем у других стран.

Россия выиграла не только от постепенного отказа от необходимости субсидировать бывшие советские республики, но и от изменений в структуре ценообразования. В то же время огромное накопление задолженности за российские энергоносители и другие товары из Украины и некоторых других республик указывает на то, что Россия продолжает играть роль донора в регионе бывшего Советского Союза без каких-либо особых экономических или политических интересов.

Территория государства уменьшилась в четверть, а население наполовину. Возникла проблема со слабым развитием инфраструктуры, особенно в новых приграничных районах страны.

На несколько лет стал затрудненным доступ на рынки сопредельных государств (часть из них утрачена безвозвратно), что стоило России значительных потерь в виде недополученных доходов, а также имело серьезную социальную цену из-за временной утраты возможности снабжать внутренний российский рынок более дешевыми потребительскими товарами из стран СНГ (например, сезонными овощами, фруктами и т. д.).

2. Политические последствия

В этой области распад СССР ознаменовал начало долгосрочного процесса изменения глобального и регионального баланса сил: экономических, политических, военных. По словам г. Киссинджера, госсекретаря США в 1973–1977 годах, «... Советский Союз не должен так быстро уходить из Восточной Европы. Мы очень быстро меняем баланс в мире, и это может привести к нежелательным последствиям. И мне сейчас это ставят в вину. Говорят: вот ушел же Советский Союз, и всё нормально, а вы считали, что это невозможно...» В ответ Президент России сказал так, как думал тогда и думал позже, и

даже повторил недавно в интервью германским журналистам: «Киссинджер был прав. Мы избежали бы очень многих проблем, если бы не было такого скоропалительного бегства» [7].

Международный политический потенциал России и влияние на мировое сообщество резко снизились по сравнению с СССР, и его способность защищать свои интересы резко упала (президентские выборы в Республике Украина в 2004 году). Россия постепенно теряет сферы влияния на постсоветском пространстве. Да, Россия является «центром силы» прежде всего благодаря ядерному и энергетическому факторам, используя энергетический рычаг для усиления своего влияния на Западе, но такая стратегия довольно нестабильна.

Внешний мир изменил свое отношение к России от страха до активной экспансии как развивающейся молодой страны. Страны Запада рассматривали Россию в качестве потенциального противника, а некоторые, возможно, и как реального.

3. Социальные последствия

Произошло обострение отношений в постсоветском пространстве. Возникла проблема национальных меньшинств, живущих за пределами своих национальных центров. Машина национализма и расовой дискриминации начала работать в России. Защита интересов меньшинств посредством традиционной долгосрочной дипломатии требует комплексного подхода.

Во многих бывших республиках начались гонения на русское население, которые нередко выливались в насилие. В результате началась массовая миграция русского населения из этих бывших республик в Россию.

В странах Балтии появляется легальный фашизм.

Возникает проблема новых границ, многочисленных национальных конфликтов и появление территориальных претензий между бывшими республиками СССР. Самая острая проблема – это Калининград, который был отрезан от Большой России.

Еще один аспект, который подвергся несколько предвзятой критике, – это экономика СССР. Экономический кризис, в который страна вступила после распада Союза, дефолт, инфляция, рост безработицы, попытки реанимировать экономику «шоковой терапией», финансовые пирамиды привели к обесцениванию сбережений и стагнации. Однако экономический рост был и остается на уровне 3–4 % в год, что в целом нормально для развитой экономики. Конечно, была техническая задержка, но это особенно повлияло на повседневную жизнь. В целом уровень технологических разработок был таким – на 15 % выше мировых стандартов, на уровне 70 %; сейчас это 4 и 15 % соответственно [2, с. 21].

В культурной сфере начался процесс деградации. При разгуле плюрализма культурное пространство заполнили низкопробные произведения, причём в огромном количестве. А религиозный плюрализм, в свою очередь, породил секты различной степени тоталитарности.

То, что происходит в так называемой «медийной» сфере в России сегодня заставляет вспомнить знаменитые слова А. Даллеса: «Литература, театры, кино – все будут изображать самые низменные человеческие чувства. Мы всячески будем поддерживать и поднимать так называемых художников, которые станут насаждать и вдальбивать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства... И лишь немногие... будут догадываться, что происходит... но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдем способ их оболгать»... [6, с. 86].

Конечно, были проблемы и в области управления. Громоздкая и слишком централизованная машина не отвечала потребностям гибкого управления. Система была сломана, но в результате мы имеем в 4 раза больше чиновников на душу населения при ухудшении качества управления.

В России вслед за исчезновением старой советской иерархии стала образовываться новая. Привилегированной прослойкой стала категория «новых русских», в которую входили бизнесмены из числа гражданских лиц, бывшие советские чиновники (приобретшие наиболее крупные и прибыльные предприятия в результате ваучерного мошенничества) и представители организованной преступности. «Новые русские» и олигархи получили возможность влиять на политику.

Итак, столкнувшись с реальными экономическими проблемами, власти решили параллельно начать политическую реформу, основой которой были гласность и плюрализм. В результате у населения была возможность открыто высказываться. Где-то с 1988 года начался спад кризиса.

Политическая либерализация привела к росту числа неформальных группировок, с 1988 г. включившихся в политическую деятельность. Прообразами будущих политических партий стали союзы, ассоциации и народные фронты разных направлений (националистические, патриотические, либеральные, демократические и т. п.). Весной 1988 г. сформировался Демократический блок. Стали образовываться политические партии. Монополия КПСС на власть утрачивалась, с середины 1990 г. начался быстрый переход к многопартийности.

Распад Советского Союза не стал заключительным актом, но положил начало долгосрочному процессу становления и развития новой независимой страны. Этот процесс характеризуется значительной нестабильностью. Некоторые страны, возможно, не смогут этого сделать, что приведет к их развалу и может привести к созданию новых стран (Абхазия, Приднестровье). Аналогичная ситуация наблюдается во многих республиках бывшего Советского Союза: в Грузии это проблемы, связанные с попыткой разделить Абхазию, Аджарию и Южную Осетию. В Молдове есть приднестровская проблема. Эту нестабильность необходимо будет регулировать – желательно политическими методами, Российская Федерация должна сыграть в этом большую роль и ни в коем случае не избавляться от проблем бывшего Советского Союза. В противном случае Запад решит эту проблему от нашего имени, и Россия в конечном итоге потеряет свое влияние в сфере бывшего Советского Союза [2, с. 22].

Наша задача сегодня – сделать правильные выводы. Как писал В.О. Ключевский: «Прошедшее надо знать не потому, что оно прошло, а потому, что, уходя, оно не умело убрать своих последствий» [3, с. 365]. А эти последствия ощущаются и сегодня в виде противостояния бывших республик, военных конфликтов и т. д. [4].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдуллоев И.Р. Из истории распада СССР // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова Серия: Гуманитарные науки, 2013. № 3 (36). С. 103–115. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-raspada-sssr/viewer>.
2. Ершов Б.А., Зименкова Е.В. Последствия распада СССР // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2016. № 3. С. 20–22. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/posledstviya-raspada-sssr/viewer>.
3. Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. 9. М., 1990.
4. Коршунов М.М., Кочеткова М.В. Значение изучения распада СССР в современном российском обществе // Гуманитарные научные исследования, 2014. № 6 (34). URL: <https://human.snauka.ru/2014/06/7263>.
5. Коршунов М.М., Кочеткова М.В. Историография Распада СССР // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 6. URL: <https://human.snauka.ru/2014/06/7259>.
6. Федотов А.А. Из истории распада СССР // На пути к гражданскому обществу. 2014. № 2 (14). С. 84–86.
7. Черняховский С. Приглашение к реализму // Известия. 2016. 8 февраля. URL: <https://iz.ru/news/603626>.

А.Р. Григорян, Д.С. Саркисова
(Науч. рук. – канд. ист. наук, доц. И.И. Басов)

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ И КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ СФЕРЫ В Г. АРМАВИРЕ И КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ В 1922–1991 ГОДАХ

Аннотация. Данная статья посвящена анализу развития образования и культурной просветительской деятельности в городе Армавире и на Кубани в целом с 1920-х по 1991 годы. Рассмотрена самая первая реформа по ликвидации безграмотности, а также активное развитие образовательной системы в целом. Статья включает в себя основные открытия в культуре и науке края и города, а также затрагивает писательскую деятельность. В целом, можно говорить о положительных результатах проводимых реформ на Кубани.

Ключевые слова: культура, образование, наука, безграмотность, советская власть, Кубань, театр, музей.

DEVELOPMENT OF THE EDUCATION SYSTEM AND CULTURAL AND EDUCATIONAL SPHERE IN ARMAVIR AND KRASNODAR KRAI IN 1922–1991

Abstract. This article is devoted to the analysis of the development of education and cultural awareness-raising activities in the city of Armavir and in the Kuban as a whole from the 1920s to 1991. The very first reform on the elimination of illiteracy, as well as the active development of the educational system as a whole, is considered. The article includes the main discoveries in the culture and science of the region and the city, and also touches on writing. In general, we can talk about the positive results of the ongoing reforms in the Kuban.

Keywords: culture, education, science, illiteracy, Soviet power, Kuban, theater, museum.

С начала 1920-х годов на Кубани началась так называемая культурная революция, которая ставила перед собой несколько основных задач. Самым основным направлением в культурной политике на тот момент являлась ликвидация неграмотности, которая была широко распространена среди населения. Большинство кубанских детей не знали грамоты, а именно, около 500 тысяч. Создавались специальные пункты в городах и селах, направленные на обучение письму и чтению населения, в первую очередь, детей [5, с. 148].

Ранее применявшаяся концепция трехступенчатой системы в школе заменялась профтехнической школой, включавшей в себя специальную профессиональную переподготовку обучающихся в 15 лет. Она была направлена на удовлетворение потребностей государства в увеличении трудовых ресурсов. Подросток мог приобрести ту или иную профессию только при поступлении после четырехлетнего обучения в низшие профессиональные школы и школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ), после семилетнего же обучения – в специализированный техникум, в котором необходимо было обучаться три года. Девятилетнее обучение в школе позволяло подготовиться к высшей школе и давало некую профессиональную выучку.

В общем, политика в данном направлении развивалась успешно и неграмотность постепенно ликвидировалась на Кубани. В 1931 г. всего лишь 15 % населения оставались неграмотными, остальные 85 % – овладели. Количество школ также увеличилось практически в три раза – в 1913 было 880, а в 1938 – уже 2 498. Количество обучающихся возросло также в 4 раза и составило более 600 тысяч детей. Хотя в крае еще оставалось большое количество неграмотных, однако перевес был на стороне грамотного населения.

Высшая школа в том числе была модернизирована. В 1920 году в сентябре торжественно открылся самый первый Кубанский государственный университет. Уже спустя месяц в университете утвердили Государственный ученый совет РСФСР в составе рабочего, медицинского, естественного факультетов. В том же году состоялось открытие

Института народного образования, а также чуть позже Высшей государственной художественной мастерской и Кубанской государственной консерватории [6, с. 33].

Из армавирской газеты 1944 г. мы узнаем про подготовку молодых учителей. В статье «Готовим молодых учителей» говорится о том, что школьное здание, которое находилось по Комсомольской улице № 130 было разрушено немцами. Но за два месяца удалось его восстановить, где разместили Армавирское педагогическое училище, в нём продолжили свое обучение 165 будущих учителей начальных классов. Большое внимание уделялось в педучилище воспитанию политико-воспитательной работе. Организованы комсомольская профсоюзная организации. Комсомольцы изучали книгу товарища Сталина о Великой Отечественной войне, работали кружки, а именно педагогический и литературно-драматический, также издавалась стенная газета. Стоит обратить внимание на то, что преподаватели уделяли большое внимание методике проведения внеклассной работы в школе. Но современники утверждали, в училище недостает преподавателей математики, пения, военных дисциплин [1, л. 10].

Продолжая тему системы образования, стоит уделить внимание воспитательной работе в школах. В Армавирской газете 1944 года в статье «Внедрение «правил для учащихся» в быт школы» говорится о том, что во всех школах Армавира существовали единые требования к ученикам. В начале учебного года на заседании педагогического совета вырабатывался ряд необходимых этических установок и гигиенических требований.

Большую помощь воспитательной работе оказывал военрук в школе, главным образом, содействуя выработке привычки беспрекословного повиновения требованиям классных руководителей. Немалую помощь оказывали в установлении дисциплины комсомольцы школы, которые перестроили свою работу на основе решений XII пленума ЦК ВЛКСМ. Комсомольская организация проводила большую агитационную работу среди школьников. В результате комсомольская организация значительно выросла. Был намечен вместе с прикрепленным учителем план работы комсомольской организации, в котором главный упор сделан на политико-массовую культурную работу среди учащихся; выделены дежурные ученики в помощь учителям и т. п. Можно сказать, что «правила для учащихся» вносили большой перелом мировоззрения как учеников, так учителей. Учителя поняли, что несут ответственность за формирование образованного и культурного гражданина советской Родины.

С 1971 по 1975 г. на Кубани было построено 280 новых школ на 134 тысячи мест. К 1985 г. в крае действовало шесть вузов, не считая факультетов и УПК заочных институтов. Число обучающихся достигло 1 млн 800 тыс. человек. В том числе в школах обучалось более 600 тысяч учащихся, в высших учебных заведениях – 130 тысяч будущих специалистов. Тысячи жителей Кубани обучались в техникумах, училищах, на курсах усовершенствования и повышения квалификации, в школах коммунистического труда, в кружках экономических знаний, в народных университетах. К 80-м годам каждый работающий в сельскохозяйственном производстве имел техническую специальность, а каждый третий житель села – высшее или среднее образование [5, с. 232]. На селе появились новые специальности: машинист, оператор, техник-электрик, теплотехник, лаборант, садовод-декоратор.

В 1990-е годы в Краснодарском крае стали активно открываться негосударственные школы, средние учебные организации, а также высшие учебные заведения. Их деятельность полностью контролировалась государством посредством предоставления лицензии и прохождения с определенной периодичностью аккредитации. В том числе стали открываться лицеи и гимназии, направленные на более углубленное изучение некоторых дисциплин. В общем можно говорить об улучшении престижа кубанских вузов по всей стране, появилось обучение по самым новым специальностям – край шел в ногу со временем.

Развивались и научно-исследовательские учреждения. В 1932 г. в Краснодаре открылся Всесоюзный научно-исследовательский институт масличных культур, вскоре

ставший всемирно известным [6, с. 23]. Выдающихся успехов достигли кубанские ученые – физик Б.Д. Розинг, географ Г.Г. Григор, профессора Краснодарского медицинского института И.П. Авроров, Р.Ф. Мельников-Разведенков, Н.П. Пятницкий, П.М. Старкова. К 1985 г. в научно-исследовательских учреждениях и вузах края работало около 200 докторов и свыше 3 000 кандидатов наук.

8 ноября 1931 г. в городе Армавире торжественно был открыт Дом художественного воспитания детей – один из первых в стране. 26 апреля 1936 г. было принято решение: Дом художественного воспитания детей реорганизовать во Дворец пионеров. 6 ноября 1936 года он был открыт для юных армавирцев.

Во Дворце пионеров развернулась огромная работа. Юннаты-геологи открыли в окрестностях Армавира месторождения газа, залежи мергелей, открыли первый на Северном Кавказе палеоботанический участок с ископаемой верхнесарматской флоры [2, л. 15]. Юные геологи поддерживали связь с крупными учёными: вице-президентом академии наук СССР академиком И.М. Губкиным, с выдающимся геологом В.П. Колесниковым и т. д.

В годы фашистской оккупации Армавира величественное здание Дворца пионеров погибло от разрушительных бомбёжек и пожаров. В 1946-м году для дома пионеров был найден единственный уцелевший в центре города небольшой дом [4, л. 38].

С первых дней Советская власть на Кубани проявляла особый интерес к театральному делу, поощряла его, не теряла контроль над ним. Первого мая 1920 г. в Екатеринодаре открылся первый советский театр. В 1913 году в Армавире было построено здание кинотеатра «Марс» частником по фамилии Иванников. Это было красивое здание и кинотеатр был одним из лучших на Кубани. В 1937 году после выхода на экраны картины «Ленин в Октябре», кинотеатру было присвоено имя «Октябрь».

В августе 1942 года здание было полностью разрушено немецко-фашистскими оккупантами. В 1952 году при самом активном участии общественности города на этой территории был заново построен кинотеатр «Октябрь».

Старое здание кинотеатра «Марс» связано со многими событиями в борьбе за Власть Советов в Армавире и на Кубани, а также другими выдающимися событиями. Например, наряду с демонстрацией фильмов в «Марсе» проходили выступления музыкантов, известных поэтов и писателей, таких как Александр Куприн, Игорь Северянин, Георгий Шенгели, Василий Каменский и др. [3, л. 16].

Первого октября 1920 г. открылась Кубанская государственная консерватория, объединившая две консерватории, существовавшие в годы Гражданской войны. Обучение в ней было бесплатным (бюджет Наркомпроса). Из непрофессиональных коллективов были известны и пользовались популярностью Краснодарский народный ТЮЗ С. Тройского, студенческие театры Кубанского госуниверситета и политехнического института.

В 1960–1980-е годы на Кубани действовало 17 музеев. Среди них особенно выделялся Краснодарский краевой художественный музей им. А.В. Луначарского (ныне им. Ф.А. Коваленко) [5, с. 105]. Осенью 1904 г. в Армавире был открыт музей, впоследствии получивший название Краеведческий. В августе 1942 г. при налёте фашистской авиации музей был разрушен, полностью погибли фонды. В 1948 г. музею был временно предоставлен уцелевший особняк по ул. Ленина, 114, где он находится по сей день. В ноябре 1949 г. он вновь открыл свои двери для посетителей. Все экспонаты, составляющие основной и вспомогательный фонды, собраны послевоенным коллективом музея.

Важной частью культурного строительства стала организация широкой сети библиотек, которые были бесплатными и общедоступными. В 1937 г. в крае их насчитывалось 1791, до революции было всего 19. Также активно развивается писательство. Организуются новые журналы и альманахи: «На-ступ», «Новая Кубань» и др. Темы статей в них – колхозное переустройство, Гражданская война, индустриализация. Кубанские

писатели создают в конце 1920–1930-х годов новые произведения. В 1950-м создается Краснодарское краевое отделение Союза писателей СССР. Вскоре оно становится одним из крупнейших в стране [6, с. 15].

В 1990-х годах стала заметно разнообразнее периодическая печать. Среди периодических изданий можно было найти газеты, выражавшие официальную точку зрения администрации («Кубанские новости»), пытавшиеся занимать относительно нейтральные позиции («Краснодарские известия», «Вольная Кубань»), откровенно коммерческие («Всякая всячина»).

В целом, в 1920–1991 годах культура Кубани интенсивно развивалась по всем направлениям. Несмотря на некоторые негативные явления, нарастание кризисных процессов в общественной жизни, в творчестве писателей и художников, артистов и музыкальных деятелей Кубани нашли отражения лучшие стороны советской действительности, богатого историко-культурного наследия Краснодарского края – многонационального региона с глубокими культурными и историческими традициями.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архивный отдел администрации Армавира (АОАА) Ф. 127. Оп. 2. Д. 96.
2. АОАА. Ф. Р-1271. Оп. 1. Д. 92.
3. АОАА. Ф. Р-1271. Оп. 1. Д. 113.
4. АОАА. Ф. Р-1271. Оп. 1. Д. 122.
5. История Кубани: учебное пособие / под общ. ред. В.В. Касьянова, Н.С. Короткого. Краснодар, 2005. 336 с.
6. Морозова Е.В. Региональная политическая культура: автореферат дис. ... доктора философских наук: Кубанский гос. ун-т. Москва, 1998. 40 с.

И.С. Гуляев, К.В. Столярова

(Науч. рук. – канд. ист. наук, доц. В.В. Назарова)

ДОСТИЖЕНИЯ СОВЕТСКОЙ НАУКИ В 1953–1964 ГГ.

Аннотация. Современное стремление России стать одним из ведущих государств в развитии современных технологий является причиной различных государственных преобразований в области организации отечественной науки, а также реформировании образования с целью повышения его качества. Проблемы прикладной направленности развития науки были актуальными и в советском обществе, при этом особую остроту они приобрели во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. В эти годы в СССР начинается научно-техническая революция. Результаты партийно-государственной политики в сфере науки в 1953–1964 гг. неоднозначно оцениваются в современной исторической науке, но даже скептики называют этот период «золотой эпохой» советской науки. Внедрение новых технологий было характерным явлением времени, а успехи советской космической программы стали одним из главных показателей научно-технического прогресса в СССР. Изучение истории развития науки в период «оттепели» является актуальной темой, так как позволяет выявить причины и предпосылки советских научных достижений.

Ключевые слова: оттепель, советская наука, освоение космоса, атомная физика, информационные технологии.

ACHIEVEMENTS OF SOVIET SCIENCE IN 1953–1964

Abstract. Russia's current desire to become one of the leading states in the development of modern technologies is the reason for various state reforms in the field of organizing domestic science, as well as reforming education in order to improve its quality. The problems of the applied orientation of the development of science were also relevant in Soviet society, and they became especially acute in the second half of the 1950s – the first half of the 1960s. During these years, the scientific and technological revolution began in the USSR. The results of the party-state policy in the field of science

in 1953–1964 are ambiguously evaluated in modern historical science, but even skeptics call this period the "golden era" of Soviet science. The introduction of new technologies was a characteristic phenomenon of the time, and the success of the Soviet space program became one of the main indicators of scientific and technological progress in the USSR. The study of the history of the development of science during the period of the "thaw" is a topical issue, as it allows us to identify the causes and prerequisites for Soviet scientific achievements.

Keywords: Thaw, Soviet science, space exploration, atomic physics, information technologies.

Период с 1950-х по 1970-е годы, по мнению многих исследователей, был золотым веком для советской науки. Наибольших достижений мирового характера советская наука в эпоху Н.С. Хрущёва достигла в области освоения космоса, физики, математики.

В период «Оттепели» было создано три центра ракетостроения: московский (под руководством С.П. Королёва), уральский (В.П. Макеев, ученик Королёва) и украинский (М.К. Янгель). Создание ракетной техники позволило приступить к освоению космоса. Для этого в степях Казахстана был построен космодром «Байконур». 4 октября 1957 года с него был запущен первый искусственный спутник Земли весом в 80 кг. Кодовое обозначение спутника – ПС-1 (Простейший Спутник-1). Запуск осуществлялся с 5-го научно-исследовательского полигона Министерства обороны СССР «Тюра-Там» (получившего впоследствии открытое наименование «Космодром Байконур»), посредством ракеты-носителя «Спутник» (Р-7) [3, с. 49].

12 апреля 1961 г. в 9 час. 7 мин. по московскому времени с космодрома Байконур в Казахстане поднялся космический корабль-спутник «Восток». Совершив полет вокруг земного шара, он через 108 минут благополучно вернулся на Землю. На борту корабля находился летчик-космонавт майор Юрий Алексеевич Гагарин.

В теоретических исследованиях советские физики в период оттепели разработали математические основы квантовой электродинамики. Применяя эту теорию для изучения конденсированных сред, они стали мировыми лидерами в этой области. Особое внимание уделялось исследованию жидкого гелия. Работая вместе с Л.Д. Ландау, П.Л. Капица объединил наработки экспериментальной и практической физики в области физики низких температур. В 1962 году Л.Д. Ландау получил Нобелевскую премию за свою теорию конденсированных фаз, особенно жидкого гелия, а позднее в 1976 году П.Л. Капица получил также высокую награду за свою работу в области сверхпроводимости жидкого гелия при температурах, близких к абсолютному нулю. В 1960-х гг. советская работа по теории конденсированного вещества была описана в официальном отчете Национальной академии наук США как «одна из самых инновационных и важных работ в мире» [2, с. 172].

В 1958 году П.А. Черенков, И.Е. Тамм и И.М. Франк были награждены Нобелевской премией по физике «за открытие и истолкование эффекта Черенкова» «свечение, вызываемое в прозрачной среде заряженной частицей, движущейся со скоростью, превышающей фазовую скорость распространения света в этой среде» [4, с. 119].

Ещё одной яркой страницей в новейшей истории советской физики стала квантовая электроника, где были найдены новые методы генерации и усиления электромагнитных волн. В 1964 г. советские физики Н.Г. Басов и А.М. Прохоров вместе с американским физиком К. Таунсом получили Нобелевскую премию за фундаментальные исследования в области квантовой электроники, приведшие к разработке лазера и мазеров. В последующие годы советские исследователи продолжали уделять большое внимание этой области, но столкнулись с известными проблемами в области информатики, компьютерного анализа и промышленного применения. Однако из-за большого значения этой темы для военных применений советские исследователи в области квантовой электроники получили высшие приоритеты в доступе к дефицитным приборам и вычислительным средствам.

Советские ученые проделали впечатляющую работу в области релятивистской физики и астрофизики, продолжая традицию, установленную Фридманом. На протяжении 1950–1960-х гг. ведущими советскими интерпретаторами физики относительности были А.Д. Александров и В.А. Фок. Фок был особенно известен за границей за его глубокий анализ принципов общей ковариантности и эквивалентности инерционной и гравитационной массы [7, с. 48].

В атомной физике и физике высоких энергий Советский Союз имел большой опыт. Ведущим исследователем был И. Курчатов. В 1953 г. в СССР изобрели водородную бомбу. Руководителем проекта был А.Д. Сахаров. Знаменитый нобелевский лауреат Андрей Сахаров был молодым ученым, когда его назначили в группу во главе с известным советским физиком-теоретиком И. Таммом, которого он удивил вовремя их первой встречи своей гипотезой о том, что уран должен быть размещен в блоках, а не равномерно разнесен в реакторе. Это был важный прорыв для физиков-ядерщиков в то время, и Андрей Сахаров был включен в исследовательскую группу, которая занималась разработкой термоядерного оружия. И.Е. Тамм и А.Д. Сахаров сформулировали принципы магнитного удержания высокотемпературной плазмы, что позволило разработать термоядерный реактор. В 1954 г. в СССР был построен первый токамак (тороидальная камера с магнитными катушками), после этого начинают проводиться экспериментальные исследования по инициированию и нагреву плазмы в тороидальных системах. До конца 1960-х гг. токамак был только в СССР [7, с. 49].

На церемонии открытия первой Международной конференции по использованию атомной энергии в мирных целях состоявшейся в Женеве в 1955 году выдающийся индийский физик Хоми Бхабха заявил, что на конференции будут обсуждаться только вопросы использования энергии от тяжелого ядерного расщепления, но уже в будущем актуальным станет вопрос энергии синтеза легких ядер. Сегодня мы знаем, что в действительности исследования в этой области уже проводились в том числе и в СССР, но они носили секретный характер [2, с. 137].

В физике высоких энергий Советский Союз обладал сильными теоретиками (В.И. Векслер, И.В. Курчатов и др.) и мощными экспериментальными установками. Ещё в 1949 г. в СССР был построен самый мощный в мире ускоритель того времени – синхроциклотрон в Дубне, который сначала работал при 480 млн. электрон-вольт (МэВ), а в 1953 году – при 680 МэВ. Четыре года спустя в СССР был запущен в Дубне протонный синхрофазотрон на 10 миллиардов электрон-вольт (GeV). Центр в Дубне стал центром Объединенного института ядерных исследований.

Другими ведущими советскими центрами в области физики высоких энергий являлся Институт им. И.В. Курчатова, Институт ядерной физики в Гатчине, Физический институт им. Лебедева в Москве, Институт физики высоких энергий в Серпухове и Институт ядерной физики в Новосибирске. В первой половине 1960-х годов Советский Союз обладал самым мощным в мире ускорителем протонов в Серпухове. Советские физики были не только сильны в атомной теории, но и выдвигали новые идеи в технологии ускорителей. С начала 1960-х годов Г.И. Будкер активно занимается реализацией метода встречных пучков, в 1964 году захвачен первый пучок в накопитель ВЭП-1 [1].

Советские математики работали по всему спектру чистой и прикладной математики, и Национальная академия наук Соединенных Штатов в 1965 г. оценила их словом «непревзойденным» [7, с. 108]. В то время как Москва была центром советской математики, ведущих математиков можно было также найти в таких городах, как Ленинград, Новосибирск, Одесса, Харьков и в некоторых прибалтийских республиках. Выдающиеся советские математики часто создавали школы, состоящие из их учеников, такие как школа специалистов по геометрии, которая собралась вокруг А.Д. Александрова в Ленинградском университете, или группа, занимающаяся функциональным анализом под руководством Н.Н. Лузина, а затем И.М. Гельфанда в Московском университете.

Достижения советской математики кажутся немного необычными, если учитывать, что советское руководство поощряло развитие тех областей науки, которые способствовали развитию народного хозяйства или обороны. В то же время советские математики добились значительных успехов в области прикладной математики, таких как теория информации и компьютерные алгоритмы. Особо важной в этот период оказалась деятельность М.В. Келдыша который играл ведущую роль в области разработки оригинальных математических средств для преодоления советских лагов в компьютерных технологиях. Большую роль М.В. Келдыш сыграл в разработке теории вычислительной математики, он также руководил работами по созданию советских ЭВМ для расчётов по атомной и ракетно-космической тематике (начиная с ЭВМ «Стрела» – 1953 г.). Среди других разработчиков советских ЭВМ можно отметить деятельность В.В. Александрова, Л.А. Ларионова Ю.Я. Базилевского и др. [5, с. 104].

Анализ истории развития информационных технологий позволяет сделать вывод, что по большинству достижений в области ИТ Советский Союз выступал в качестве догоняющего. Многие новые наработки, изобретения, связанные с ИТ воспринимались с большим опасением. Например, В.М. Монахов вспоминает об изобретении первого ксерокса советской постройки. Он был разработан Владимиром Фридкиным в первой половине 1950-х годов и получил название «Электрофотографическая множительная машина № 1». «Изобретение вызвало настоящий ажиотаж, как среди ученых, так и среди представителей высокопоставленных чиновников. Тем не менее, из-за опасений, что на аппарате можно будет тиражировать что-то запрещенное, он был разломан и выброшен на свалку» [6, с. 11].

Направления сферы ИТ, которые получали поддержку в СССР – это системы ограничения доступа к информации и контроля за ней (в том числе, без ведома тех, которые информацией обмениваются) и информационные технологии для научных вычислений. Направлением развития информационных технологий, где СССР как минимум не уступал странам Запада, была алгоритмическая подготовка (математическая база в Советском Союзе была сильнейшей в мире), автоматизированные системы управления и информационные технологии, применительно к ВПК [8].

Таким образом, политика реформ Н.С. Хрущёва способствовала развитию советской науки. Кроме того, научно-техническая революция требовала развития новых научных знаний, имеющих прикладной характер и связанных созданием новой техники, с использованием атомной энергии. В этот период советские учёные внесли существенный вклад в развитие мировой науки в области освоения космоса, в познании физических законов и развитии математических исследований.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Будкер в четырех ракурсах. К 100-летию академика Г.И. Будкера // Наука из первых рук. Том 78. № 2/3. 2018. URL: <https://scfh.ru/papers/budker-v-chetyrekh-rakursakh/> (дата обращения: 15.11.2022).
2. Горобец Б. Круг Ландау: Физика войны и мира. М., 2009.
3. Данилов Н. Кремль и космос. М., 2003.
4. Дымарский В.Н. Времена Хрущева. В людях, фактах и мифах. М., 2011.
5. Келдыш М.В. Творческий портрет по воспоминаниям современников. М., 2001.
6. Монахов В.М. Тридцать лет спустя... // Информатика и образование. 2015. № 7. С. 11.
7. Сарданашвили Г.А. Между рассветом и закатом: Советская физика в 1950–1979 гг. М., 2014.
8. Логинов А.В. Яскевич Д.В. Развитие информационных технологий в СССР в период холодной войны // Холодная война: уроки и проблемы: материалы Международной научной конференции. (Луганск, 15–16 февраля 2017 года) / под ред.: З.А. Саидова. Луганск: Пресс-Экспресс, 2017. С. 84. URL: http://dspace.ltsu.org/bitstream/123456789/3892/1/483-18_sb.pdf. (дата обращения: 15.11.2022).

С.П. Игнатущенко, А.А. Шатова
(Науч. рук. – канд. ист. наук, доц. С.В. Назаров)

ВКЛАД ПОДПОЛЬНОЙ КОМСОМОЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «ЮНЫЕ МСТИТЕЛИ» В ПОБЕДУ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Аннотация. Данная статья посвящена героическим подвигам юношей и девушек, входивших в состав подпольной комсомольской организации «Юные мстители», которая была создана в 1942 году на территории Белорусской ССР. 38 членов данного объединения за период 1942–1943 гг. совершили 21 диверсию, всячески стараясь помешать деятельности немецких оккупантов. Подпольная комсомольская организация «Юные мстители» была одним из звеньев партизанской деятельности, которая помогла советскому народу приблизить наступление Дня Победы в Великой Отечественной войне.

Ключевые слова: СССР, Белорусская ССР, Великая Отечественная война, К.Е. Ворошилов, «Юные мстители», партизаны, диверсия, агитация.

THE CONTRIBUTION OF THE CLANDESTINE KOMSOMOL ORGANIZATION "YOUNG AVENGERS" TO THE VICTORY IN THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. This article is devoted to the heroic exploits of boys and girls who were part of the underground Komsomol organization "Young Avengers", which was established in 1942 on the territory of the Belarusian SSR. 38 members of this association during the period 1942–1943 committed 21 diversion, trying in every way to interfere with the activities of the German occupiers. The underground Komsomol organization "Young Avengers" was one of the links of partisan activity that helped the Soviet people to bring the Victory Day in the Great Patriotic War closer.

Keywords: USSR, Belarusian SSR, Great Patriotic War, K.E. Voroshilov, Young Avengers, partisans, diversion, agitation.

Великая Отечественная война является, с одной стороны, героическим, с другой – трагическим периодом Истории России. Она наполнена славными подвигами людей, которые жертвовали собой ради Великой Победы, и каждый их поступок был направлен на ее скорейшее приближение. По данным статистических исследований Г.Ф. Кривошеева, общие людские потери граждан Советского Союза во время Великой Отечественной войны составили примерно 26,6 млн человек [7, с. 126]. Эти ужасающие цифры говорят о том, что Великая Победа далась Советскому народу большой ценой. Отечественная история изучаемого периода знает многих военных деятелей, внесших свой вклад в Историю Победы над немецко-фашистскими захватчиками. Такими являются Георгий Константинович Жуков, Константин Константинович Рокоссовский, Петр Андреевич Сибиркин, Алексей Петрович Маресьев, Покрышкин Александр Иванович и другие. Этот список можно еще долго продолжать, описывая подвиги каждого из них. Всего же звания Героя Советского Союза за проявленную отвагу и героические поступки были удостоены более 11 тысяч человек [3, с. 5].

Однако стоит отметить, что добыть Победу в Великой Отечественной войне помогали и юные ребята, объединяющиеся в подпольные комсомольские организации, которые отличались храбростью и отвагой. Из-за недостижения призывного возраста (а именно – 18 лет) они не могли официально пойти воевать на фронт, но и сидеть сложа руки тоже не хотели. По этой причине на всей территории страны создавались партизанские отряды. Одним из таких являлось комсомольское тайное объединение «Юные мстители», действовавшая в 1942–1943 годах в поселке Оболь Витебского района Белорусской ССР [8]. Так как в данном поселке находились кирпичный, льняной и торфяные заводы, а также через реку Оболь проходила железная дорога, являющаяся связующим

звеном между немецким тылом фронтом, то для фашистских захватчиков он являлся важным стратегическим пунктом. Эти факторы послужили причиной для развертывания активной деятельности подпольного объединения «Юные мстители», главной целью которых было нанесение как можно большего урона врагам.

Организация появилась зимой 1942 года. Ее основу составляли 38 членов, которые являлись девочками и мальчиками 14–17 лет из соседних деревень. Данное подпольное объединение патронировали Сиротинские подпольные райкомы ВКП(б). С 6 сентября по 19 ноября 1942 года Главкомандующим партизанским движением был К.Е. Ворошилов, в честь которого был назван один из партизанских отрядов на территории Белорусской ССР [2, с. 179]. Руководителем «Юных мстителей» являлась белорусская подпольщица Зенькова Ефросинья Савельевна – молодая 19-летняя девушка, взявшая на себя столь большую ответственность за жизни юных партизан. Для осуществления помощи Родине им необходимо было вступить в партизанский отряд и принять присягу на верность Отчизне. Члены подпольной организации добывали оружие, медикаменты и информацию, добытую в ходе вылазок и разведок, получая взамен от вышестоящего руководства необходимые сведения Совинформбюро и взрывчатые вещества. Начав с расклейки агитационных листовок, деятельность «Юных мстителей» быстрыми темпами набирала обороты и переходила к более активным действиям. Подвиг каждого участника подпольной комсомольской организации является неоценимым вкладом в общее дело на пути к Победе [8].

Одной из знаменитых участниц объединения «Юные мстители» была Зинаида Портнова. Она родилась 20 февраля 1926 года в Ленинграде в семье рабочего. После окончания 7-го класса девочка вместе с младшей сестрой Галей отправилась на каникулы к бабушке в деревню Зуе, близ станции Оболь. На тот момент Зина не подозревала о том, что вскоре начнется война, детство закончится и придется принимать серьезные решения. После оккупации в 1942 году немецко-фашистскими захватчиками территории Белорусской ССР, Зина принимает решение вступить в подпольную организацию «Юные мстители». Младшая сестра Зины, не состоя в подпольной комсомольской организации из-за не достижения допустимого возраста, тем не менее, помогала сестре в конспирации тайных собраний участников тем, что сидела на крыльце дома и в случае появления сотрудников полиции или немецких солдат начинала петь песни, чем подавала знак собравшимся, которые начинали скрывать улики своей деятельности (прятали оружие для тренировок в полог дерева, прикрывали карты на столе скатертью, садились и создавали атмосферу дружеской встречи). Таким образом, Зинаиде Портновой в течение долгого времени удавалось вести успешную подпольную деятельность [5, с. 81].

С наступлением 1943 года Зина, как и многие другие участники подпольного объединения, устроилась в столовую школы переподготовки немецких офицеров в качестве работницы по кухне. С этого и начинается ее диверсионная деятельность. Получив приказ от вышестоящих товарищей отравить еду, успешно справилась с ним, в результате чего погибло более ста человек. Так как она работала в подчинении, подозрения на нее не пали. Однако немецкое руководство начало проводить проверки, и Зина была вынуждена съесть отравленную пищу, чтобы отвести от себя даже малейшие сомнения. После этого она смогла добраться до дома своей бабушки, где ей было оказано скорейшее лечение и девочка чудом смогла выжить. На этом ее помощь комсомольцам не закончилась. Она оказывала активное содействие в создании и распространении агитационных листовок и литературы, помогала в разработке планов подрыва стратегически важных объектов и содействовала в их исполнении [6, с. 36–37].

В декабре 1943 года «Юными мстителями» планировалось совершение крупной диверсии. Однако этому помешали непредвиденные обстоятельства: по доносу неизвестной личности все планы были раскрыты и произошел арест организаторов. Зине поручили задание разведать причины случившегося. Возвращаясь с успешно выполненной миссии, некая Анна Храповицкая заметила в девушке партизанку, после чего полицаи

схватили Зинаиду и скрутили ей руки. Фашистам было известно, что З. Портнова после происшествия в столовой ушла в партизаны. Девушку отправили в Гораны, отдаленное от Оболи село, чтобы ее товарищи не смогли узнать о ней сведения. Зину держали под стражей больше месяца, подвергали жестоким и изощренным пыткам, но она не выдала ни сведений о подпольной комсомольской организации «Юные мстители», ни об ее участниках. После того, как новый следователь, обер-лейтенант Краузе, взялся за ведение дела, методы допроса изменились и стали мягче. Вовремя одного из допросов, девушке представился случай схватить со стола парабеллум и совершить выстрел, оказавшийся для следователя смертельным. На шум сбежалась охрана, однако и их постигла та же участь. В попытке бежать через выбитую ногой оконную раму, девушка хотела добраться до реки, а после – скрыться в лесу. Но, к сожалению, ее заметили и подстрелили обе ноги, лишив возможности успешного побега. После Зинаиду вернули в тюрьму и подвергли расстрелу [5, с. 24–25].

Ещё одной юной участницей, отличившейся храбростью и активной диверсионной деятельностью, была Нина Азолина. Девушка родилась 27 ноября 1927 года в поселке Зуи, недалеко от станции Оболь, в семье печника Адольфа Азолина. Она была старшей среди еще семи детей, была трудолюбива, помогала маме по ведению домашних и, в общем, являлась опорой родителей. В школе училась на отлично, состояла на должности классной старосты, участвовала в активной комсомольской деятельности. В мае 1942 года вступила в подпольную организацию «Юные мстители». К 1943 году, как и многие участники данного объединения, по приказу вышестоящего подпольного райкома, поступила на работу в одно из дозволенных мест работы на оккупантов – местную военную комендатуру в качестве переписчицы [5, с. 26]. Благодаря этому девушка помогала организации «Юные мстители» в получении информации о некоторых фашистских документах, информация о которых перенаправлялась партизанам. В ходе проведения Курской битвы, советская армия проводила наступательную операцию «Кутузов», благодаря которой должно было произойти дальнейшее наступление в Белоруссию [1, с. 6]. Для этого как никогда была необходима помощь юных подпольщиков. 1 августа 1943 года была совершена первая значительная диверсия, в которой Нина приняла активное участие. Ее отец, Адольф Азолин, работал на железнодорожной водокачке, благодаря чему она беспрепятственно попала на предприятие и подкинула под большие массы угля мину с часовым механизмом. Она должна была сработать не сразу, и поэтому девушка смогла предупредить отца об опасности, после чего, на следующий день он не пошел на работу. Благодаря этому мужчина остался жив, ведь мина сработала и уничтожила ударной волной стратегически важный объект, ведь он был таким один в области, что не замедлило на две недели продвижение более десяти железнодорожных составов оккупантов, которые должны были доехать в целостности до их солдат, воевавших на фронте под Орлом [4, с. 48].

Но на этом деятельность Нины Азолиной не завершилась. В дальнейшем она совместно со своими товарищами, Ефросиньей Зеньковой и Зинаидой Лузгиной подорвали и другие стратегически важные объекты: электростанцию, кирпичный и льняной заводы. Кроме того, девушки сожгли склад с большими запасами льна, которые должны были быть отправлены в Германию в помощь фашистам.

26 августа 1943 года члены подпольной комсомольской организации «Юные мстители» обсуждали план ближайшей крупной диверсии. Но оккупанты давно подозревали, что в их поле зрения ведется вредоносная для них деятельность. Совершенно неожиданно они ворвались в штаб организации и произвели арест ее участников. Одним из задержанных была и Нина Азолина. На протяжении двух месяцев ее жестоко пытали, стараясь добыть необходимую информацию. Однако это не увенчалось успехом для фашистов, и, решив покончить с этим, 5 октября 1943 года Нина была расстреляна в деревне Боровуха, недалеко от Витебска [8].

Но есть и те юные герои, о которых известно не вся информация. Николай Алексеев родился в 1926 году. Он был активным участником подпольного сопротивления против

фашистских оккупантов. В 1942 году вступил в ряды «Юных мстителей». Он, как и многие ребята из этой организации, устроился на местное предприятие – железнодорожную станцию Оболь в качестве стрелочника. Это давало возможность информировать товарищей о прохождении вражеских поездов. В 1942 году, узнав о скорой остановке немецких эшелонов, он понял, что пора действовать решительно. Юноша понял, что фашисты перевозят танки, прикрытые внешне сеном. Он передал данную информацию местным партизанам, благодаря чему советской авиацией в эту же ночь поставки немцев были уничтожены. Но на этом диверсионная деятельность Николая не завершилась. В дальнейшем он стал самостоятельно совершать подрывы, наносящие значительный урон транспортировке немецких грузов на линию фронта и в тыл. Оккупанты проводили жестокие допросы всех тех, кого подозревали в совершении диверсий, однако Николай не входил в их число, так как казался застенчивым и тихим парнем, а также не был никогда замечен на месте установления на поезда мин [5, с. 28].

Однако его, как и многих участников подпольной комсомольской организации, постигла страшная участь. Николай с товарищами в конце августа был раскритикован и схвачен фашистскими оккупантами. До октября подвергался жестоким пыткам и допросам, однако ничего не выдал врагам. После был переведен в тюрьму в Полоцке. Перед расстрелом Николая, а также других юношей и девушек, заставили копать собственные могилы. Девушкам завязали тканями глаза, однако они их сорвали, чтобы перед смертью видеть лица своих палачей. Также юных подпольщиков хотели заставить сесть на колени, однако они воспротивились, и перед расстрелом стали возле могил и крепко обнялись в последний раз. Юноши и девушка до конца своих дней оставались верными своей Отчизне и стремлениям помочь советским солдатам приблизить День Победы над фашистским гнетом [8].

Своей активной диверсионной деятельностью также прославился Слышанков Федор. Родился юноша 20 мая 1923 года. О его отце мало что известно, однако мать юноши, Степанида Гавриловна Слышанкова прошла через пытки Освенцима, значилась под номером «70023», выбитым на руке, и до конца жизни сохранила веру в поистине героическую деятельность своего сына [4, с. 241]. Сам Федор, хоть и не был прилежным учеником, однако, становясь взрослее, стал более спокойным. Юноша много читал, и количеством прочитанных книг показывал положительный пример своим друзьям и одноклассникам. После смерти отца стал кормильцем семьи – устроился работать на кирпичный завод. Накануне начала Великой Отечественной войны поступил в ветеринарный техникум, но так и не успел стать достойным специалистом. Еще до создания подпольной комсомольской организации «Юные мстители» Федор активно расклеивал агитационные листовки. В 1942 году, после вступления в «Юные мстители» занимался диверсионной деятельностью. В частности, 31 июля 1943 года Федор и его товарищи получили задание от Фрузы Зеньковой уничтожить торфяной, кирпичный и льняной заводы Оболя, что было исполнено 12 августа этого же года. В этот день из-за возгорания на складах было уничтожено примерно 2 тысячи тонн льняного волокна, которые оккупанты готовились отправить в Германию. Данный пожар перешел на места хранения зерна, которого было сожжено около 10 тысяч тонн. Это нанесло значительный удар на силы оккупантов [4, с. 253].

Однако Федора постигла та же участь, как и многих других юных подпольщиков. Он также был арестован 26 августа 1943 года. Фашисты в течение двух с половиной месяцев проводили жестокие пытки. На одном из допросов Федя попытался избить следователей головой и ногами, так как руки его были связаны. Юноша хотел нанести удар коленкой, но его схватили и поместили на лавку, после чего начали зверски избивать. 5 ноября 1943 года был расстрелян [4, с. 101].

В истории «Юных мстителей» ярко прописана деятельность трех братьев Езовитовых. Владимир, светловолосый юноша, спортсмен и активист, поклонник музыки и литературы, хороший друг для своих товарищей, всегда готовый отозваться на просьбы о любой помощи своих друзей. Война застала его неожиданно, как и других ребят. Евгений, такой же

активный парень, как и его брат Владимир, отличавшийся от него только более скромной и тихой натурой. Честный, отзывчивый и храбрый, он смог оказать значительную помощь в добывании победы над немецко-фашистскими оккупантами и заставил свои примером гордиться все следующие поколения. Илья, слывший самым смелым из ребят, мало чем был похож на своих братьев. Крепкий парень, готовый пойти на любые подвиги, чтобы добыть долгожданную победу над немцами и всеми силами помочь своему народу [4, с. 23]. Все вместе братья вступили в подпольную комсомольскую организацию «Юные мстители» и начали проводить активную деятельность. 31 июля 1943 года Езовитовы и другие ребята и девушки получили диверсионное задание от Фрузы Зеньковой, суть которого состояла в том, чтобы взорвать важные стратегические объекты, такие как кирпичный, торфяной и льняной заводы, из которых немецкие оккупанты получали выгоду и направляли полученные материалы в тыл. После нескольких дней подготовки к заданию и получения инструктажа от своих старших товарищей Бориса Маркиянова и Петра Пузикова, а также проведения разведывательных операций, 4 августа 1943 года задание было успешно выполнено. Братья Езовитовы так же активно проводили агитационную деятельность, распространяя листовки и подталкивая граждан на борьбу против общего врага. Ребята браво боролись до конца, но их не обошла стороной печальная участь товарищей по организации. В августе 1943 года Володя Езовитов незаметно подложил мину под автомобиль зондерфюрера Карла Бормана. Задание было успешно выполнено: немецкий военный офицер был убит. Однако сам Владимир подорвался на этой мине. После неудачной диверсии, планы которой были раскрыты немецкими оккупантами, их с остальными ребятами ждали долгие допросы, ужасные и мучительные пытки, а 5 ноября 1943 года произошел расстрел [8].

Список героев подпольной организации «Юные мстители», истории их жизни и деятельности достаточно длинный. Они также занимались диверсиями и помогали партизанским отрядам. Многим из них удостоились награды, как при жизни, так и посмертно.

Указом Президиума Верховного Совета СССР «О присвоении Е.С. Зеньковой и З.М. Портновой звания Героя Советского Союза» от 1 июля 1958 года, Ефросинье Савельевне Зеньковой было присвоено звание Героя Советского Союза, вручен орден Ленина и медаль «Золотая Звезда». Согласно этому Указу Зинаида Мартьяновна Портнова удостоена звания Героя Советского Союза посмертно [6, с. 39].

Также Указом Президиума Верховного Совета СССР «О награждении орденами СССР участников подпольной комсомольской организации, действовавшей на ст. Оболь Витебской области в период Великой Отечественной войны» от 1 июля 1958 года, Орденом Красного Знамени были посмертно награждены такие героини организации «Юные мстители», как: Нина Адольфовна Азолина, Мария Сергеевна Дементьева, Владимир Иванович Езовитов, Евгений Ефимович Езовитов, Мария Филипповна Лузгина.

Орденом Отечественной войны I степени были удостоены: Николай Филиппович Алексеев, Аркадий Николаевич Барбашов, Нина Максимовна Давыдова, Надежда Сергеевна Дементьева, Илья Васильевич Езовитов, Антонина Филипповна Лузгина, Зинаида Дмитриевна Лузгина, Борис Кириллович Маркиянов, Федор Федорович Слышанков, Валентина Николаевна Шашкова. Все, кроме Аркадия Николаевича Барбашова, Ильи Васильевича Езовитова, Бориса Кирилловича Маркиянова были награждены посмертно [5, с. 6].

Память о юных подпольщиках военного времени не забыта. Рядом с Обольской средней школой № 1 находится музей, посвященный комсомольской организации «Юные мстители». В нем также работала сестра Зинаиды Портновой Галина, которая последовала примеру старшей сестры и вошла в состав партизанского отряда [8].

Описанные молодые юноши и девушки помогли приблизить освобождение Белорусской ССР от гнета фашистских оккупантов, начавшееся в ходе наступательной операции

«Багратион» в июне 1944 года [2, с. 7]. Молодые члены подпольной комсомольской организации «Юные мстители», в сотрудничестве с партизанскими отрядами, помогали советским солдатам одержать Победу над врагом, совершая диверсионную деятельность. Каждый шаг юношам и девушкам давался нелегко, а порой – ценой потерь своих товарищей. Таким образом, они внесли неоценимый вклад в Великую Победу в Великой Отечественной войне над немецко-фашистскими захватчиками.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баландин К.И. Операция «Багратион» и освобождение Беларуси от немецко-фашистских захватчиков // Вестник БНТУ. 2009. № 4. С. 5–7.
2. Вязьменский С.Б. Формирование и боевой путь интернационального партизанского отряда им. К. Е. Ворошилова. 1942–1943 гг. // Новейшая история России. 2016. № 2. С. 68–82.
3. Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь. В 2 т. Т. 2. Любков-Яшук / ред. Н.И. Шкадов [и др.]. М.: Воениздат, 1988. 862 с.
4. Набатов Г.О. Юность, огнем опаленная. Минск: Беларусь, 1968. 335 с.
5. Николаев В.Н. Когда смерть не страшна: Очерки об Обольской подпольной комсомольской организации. М.: Молодая гвардия, 1958. 111 с.
6. Никоноров А.В. Маленькие герои большой войны. В 3 кн. Кн. 1. М.: Благотворительный фонд Оксаны Федоровой, 2015. 243 с.
7. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил: Статистическое исследование / Г.Ф. Кривошеев, В.М. Андроников, П.Д. Буриков [и др.] // под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.
8. Страницы героического прошлого: Белоруссия и «Юные мстители» // HISTORYtema: [сайт]. URL: <https://history-thema.com/straniczy-geroicheskogo-proshlogo-belorussiya-i-yunye-mstiteli/> (дата обращения: 23.11.2022).

А.А. Карамов

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ В НАЧАЛЕ 1920-Х ГГ. НА ЮГЕ РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена процессу формирования национально-государственного строительства в начальный период советского государства 1917–1920-х гг. на юге России, когда шел поиск модели межнационального устройства с учетом предшествующих внешнеполитического и внутривосточного факторов. Исследование проблем государственной и национальной интеграции территорий, вошедших в Российскую империю в последней четверти XIX в., и их оформление с учетом государственных и социально-экономических отношений, этнических, культурных и конфессиональных особенностей является актуальным направлением современной исторической науки и ее подотрасли – региональной истории.

Ключевые слова: геополитика, государственное и национальное строительство, Российская империя, советское государство.

GEOPOLITICAL FACTORS IN THE EARLY 1920S IN THE SOUTH OF RUSSIA

Abstract. The article is devoted to the process of formation of national-state construction in the initial period of the Soviet state of the 1917–1920's in the south of Russia, when there was a search for a model of interethnic structure taking into account the previous foreign and domestic political factors. The study of the problems of state and national integration of the territories that entered the Russian Empire in the last quarter of the XIX century and their design taking into account state and socio-economic relations, ethnic, cultural and confessional characteristics are an urgent direction of modern historical science and its sub-branch of regional history.

Keywords: geopolitics, state and national construction, Russian Empire, Soviet state.

Исследование советского периода в истории России невозможно без регионального компонента, так как оформление федеративной системы с национальными и административными образованиями явилось результатом геополитического и геоэкономического курса Российской империи [1, с. 239–252].

Во-первых, рост территории Российской империи был продиктован взаимосвязанностью группы внешнеполитических и внутривнутриполитических факторов, но до сих пор интеграция Северного Причерноморья, ставшая частью юга современной России, является острой темой в обсуждении и в России и зарубежной дискуссии.

Во-вторых, исторически область Кавказа являлась притяжением интересов государств, претендующих на статус мировых и региональных держав, поэтому контроль и влияние этой территорией становилась острой необходимостью для России в черноморском регионе. Отсюда, достаточно мобильный на смену решений курс администрации Российской империи с учетом этнического и конфессионального состояния региона, его хозяйственных и экономических связей, укоренившихся традиционных форм властотношений, вожизма и сохранения родоплеменных организаций.

В-третьих, исследования особенностей формирования национальных и административных образований в России и в советский период было необходимо, так как это влияло на идеологическую стратегию программы межнационального взаимодействия в первые советские годы и выстраивание модели государственного и национального строительства с провозглашением политики сначала самоопределения народов России, а потом и коренизации народов. Эти направления были связаны с противопоставлением геополитики Российской империи, с ее курсом на унификацию и русификацию национальных окраин.

Развитие территорий на юге Российской империи (выделим район Северного Причерноморья) происходило поэтапно по результатам русско-турецких войн и кавказского противостояния с европейскими державами, которые активно поддерживали Османскую империю, ее религиозное и военное влияние на многочисленные этносы, стараясь затягивать процесс конфликта. Геополитическая стратегия турецкого правительства отображала внутренняя политика по отношению к этническим и религиозным группам, не относящимся к мусульманской части империи. И даже после образования республики этническое разнообразие, как наследие рассматривалось как угроза территориальной целостности Турции, отсюда и волны эмиграции христианского населения на территорию черноморского побережья Кавказа. Этот геополитический фактор повлиял на формирование полиэтничного разнообразия региона на юге России.

Северо-восточное побережье Черного моря с середины XIX в. было отнесено к территории Закавказского края и отходило изначально к административной системе управления наказного атамана Черноморского казачьего войска. Шел поиск модели управления региона, который начали осваивать еще в 1830-е гг., закладывая первые форпосты, солдатские и казачьи поселения по береговой линии, поэтому зачастую решения носили противоречивый характер.

Всего за два года с 1858 г. по 1860 г. три раза сменяли форму организации, передавая в управление Кутаисскому генерал-губернаторству, понижая статус Анапы, Новороссийска до поселений, а в 1860 г. было принято решение создать отдельные области Кубанскую, Терскую и включить вновь созданное Кавказское наместничество. Было дополнительно выделена структура Кавказских линейных соединений Кубанского казачьего войска, а из остальных образовали Терское, что считают исследователи улучшило потенциал мобилизационного управления областями [3, с. 142–151]. Созданный Черноморский округ с Анапой и Новороссийском отнесен к Закавказскому краю, а порты получили пятый класс городских торговых местностей.

В 1866 г. новое положение [6] ввело должность Начальника Черноморского округа с губернаторскими полномочиями, но при этом по вопросам гражданского управления он подчинялся Начальнику Кубанской области и далее Наместнику царя на Кавказе. Статус центрального города получил Новороссийск и сохранял его до середины 1920-х гг.

В 1868 г. последовало расширение Черноморского округа за счет северо-восточного района, которое относилось к расселению Шапсугского берегового батальона, входившего в состав Кубанского казачьего войска, а в 1870 г. станичные поселения поднялись в системе организации до попечительств, то есть в терминологии участков Новороссийское, Сочинское и Вельяминовское [5].

В 1884 г. территория Черноморского округа в очередной раз преобразовали, передав в Кубанскую область Анапу и 2 деревни Варваровку и Павловку. Таким образом, Черноморский округ стал второй административной единицей после Черноморской береговой линии, созданной на территории восточного побережья Черного моря. Необходимо подчеркнуть, что с введения Положения 1866 г. за два десятилетия Черноморский округ активно развивался в составе Кавказского наместничества, а далее в составе Кубанской области.

К 1888 г. новому административному решению в Кавказском крае были регионы Северного Кавказа и Закавказья, из них оформили Ставропольскую губернию и две области Кубанскую и Терскую. Закавказье было представлено Тифлисской, Кутаисской, Елизаветпольской, Эриванской, Бакинской губерниями, кроме этого, области Дагестанская, Карская, Батумская и еще два округа: Черноморский и Закавказский.

21 марта 1888 г. на основании Указа «Об учреждении управлений Кубанской и Терской областями и Черноморский округом» [8], Черноморский округ оставался в составе административных частей Закавказья, но в порядке управления подчинялся начальнику и областным учреждениям Кубанской области. Административным центром области Кубани стал г. Екатеринодар, а порт Новороссийск – Черноморского округа.

Итак, акт оформил объединение Кубанской и Терской области, а Черноморский округ сохранил самостоятельность до 1896 г. Исследователи А. Герасименко, С. Санеев охарактеризовали: «...такое преобразование не способствовало достижению лучшего устройства Черноморского округа, более того, даже тормозилось его зависимостью от Кубанского областного начальства, обремененного множеством местных дел и не проявлявшегося ни инициативы, ни интереса к жизни побережья...» [2, с. 143].

23 мая 1896 г. царь Николай II утвердил мнение Государственного Совета, которому был представлен доклад Особой правительственной комиссии во главе с Н.С. Абаза (1837–1901) – сенатором, членом Государственного Совета, первым председателем «Особого Сопределения для обсуждения мер к развитию побережья Кавказа». Н.С. Абаза считал необходимостью самостоятельное развитие Черноморского побережья в силу специфики региона по сравнению с Кубанской областью. Современники называли его подлинным строителем Черноморского побережья Кавказа. 23 мая 1896 г. последовало новое царское решение о преобразовании округа в самостоятельную Черноморскую губернию, которая, в свою очередь была введена в состав Закавказья.

В качестве причин отделения Черноморского округа от Кубанской области, одной из основных признавалась неэффективность хозяйственно-экономического развития региона [7]. Губернская администрация наделялась самостоятельностью, ее призывали проявить инициативу. Обещалась и всемерная помощь правительства.

Таким образом, Черноморский округ существовал самостоятельно в период с 1866 по 1888 годы, т. е. 22 года. Затем подчинялся в порядке управления начальнику Кубанской области в период с 1888 по 1896 год, т. е. 8 лет, что вскоре правительство признало серьезной ошибкой.

Следовательно, была образована новая самостоятельная административная единица в рамках Российской империи, на которую распространялось губернское управление, предусмотренное общероссийским законодательством.

Черноморская губерния по итогам первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года была наименьшей в России по площади – 6 455 кв. верст и по количеству жителей – 57 550 человек [4]. Она занимала узкую полосу побережья Черного моря от устья реки Дюрсо до устья реки Бзыль.

Губернские учреждения начали функционировать с 1 мая 1897 г. и местные административные учреждения Черноморской губернии были образованы на основаниях, установленных для губерний Закавказья. Управление губерний составляли: губернатор, общее присутствие, канцелярия губернатора и прочие члены по штату. Губернатор возглавлял общее присутствие, которое назначалось им по мере надобности. В общем присутствии сосредотачивались входящие в круг ведения губернских правлений Закавказья дела, которые разрешались коллегиально, а также дела губернских присутствий по крестьянским и городским делам и по военной повинности.

В состав общего присутствия под председательством губернатора входили: вице-губернатор, председатель Министерства Земледелия и Государственных Имуществ, лицо прокурорского надзора, правитель канцелярии губернатора, податный инспектор, губернский инженер, губернский врачебный инспектор, губернский ветеринар и губернский землемер.

Вице-губернатор и правитель канцелярии участвовали в заседаниях общего присутствия по всем делам, а остальные члены общего присутствия только по делам, «касающимся вверенной каждому из них части», т. е. по вопросам их компетенции.

Следует отметить, что в заседаниях общего присутствия по делам, касающимся городского общественного управления на правах членов, участвовали также Новороссийский городской голова и один из гласных избранный местной городской думой. Новороссийск являлся единственным городом, где правительственным Указом «О введении в Новороссийске Городового положения от 11 июля 1892 года» от 13 марта 1895 г. оно было введено, когда существовал Черноморский округ.

В посадах Сочи и Туапсе городское положение вводилось одновременно с созданием Черноморской губернии, но в упрощенном виде, в соответствии с Городовым положением 11 июля 1892 г. и Правилами об упрощенном городском общественном управлении.

В 1904 г. к Черноморской губернии была присоединена Гагринская дача (в 1920 году отошедшая к Сухумскому округу). И возвращены из Кубанской области деревня Павловка и Варваровка.

В последующее время существенных административно-территориальных изменений в Черноморской губернии не происходило. Черноморская губерния просуществовала более 20 лет как административно-территориальная единица в рамках Российской империи вплоть до установления Советской власти в 1918 году в данном регионе, но с определенной спецификой управления.

По результату гражданской войны из всех перечисленных населенных пунктов был образован административный регион Кубано-Черноморская область. В него включили волости и 6 отделов: Армавирский; Ейский; Кавказский; Краснодарский; Майкопский; Славянский и отдельно – Черноморский округ, который в свою очередь был разделён на 5 районов: Анапский, Геленджикский, Новороссийский, Сочинский, Туапсинский.

Таким образом, на юге России в 1920-е гг. административная территориальная структура сложилась как результат предшествующих государственных решений о развитии региона в составе страны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авраменко А. М. Кубань и Кавказское Причерноморье как историко-географические регионы (конец XVIII начало XX в.) // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. № 12. С. 239–252.
2. Герасименко А., Санеев С. Новороссийск – от укрепления к губернскому городу (хронология исторических событий возникновения и развития Новороссийска со времен заключения Андрианопольского мирного договора до декабря 1917 г.). Краснодар, 1998. С. 143.
3. Дзамихов К.Ф., Боров А.Х. Россия и Северный Кавказ: основные этапы взаимоотношений // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 1998. № 1. С. 142–151.
4. ГАКК, ф. 468, оп. 1, д. 45, л. 2–4.

5. Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985) / Гос. арх. Краснодарского края; сост. А. С. Азаренкова и др. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1986. 395 с.

6. Полный Свод законов Российской Империи, собр. 2, Т. 41 (1866). СПб., 1868. Ст. 43093.

7. Прошлое и настоящее Кубани в курсе отечественной истории: Ч. 1: с древнейших времен до 1917 г. Ч. 1 / [В. Н. Ратушняк и др.]. Краснодар: КЭЦРО, 1994. 270 с.

8. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. СПб, 1863–1917. 1888, № 1 (1 янв.) – 135 (30 дек.). Мая 5. Ст. 395.

Е.А. Мащенко, В.В. Шулепова

(Науч. рук. – канд. ист. наук, доц. В.В. Назарова)

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ РАСПАДА СССР И ПОСЛЕДСТВИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются причины распада Советского Союза, а также его последствия. Особое внимание уделяется кризису идеологии, господствующей в то время.

Ключевые слова: распад СССР, идеология, советский союз, причины, властная элита, советское общество, последствия распада СССР.

IDEOLOGICAL REASONS FOR THE COLLAPSE OF THE USSR AND THE CONSEQUENCES

Abstract. The article examines the causes of the collapse of the Soviet Union, as well as its consequences. Particular attention is paid to the ideology prevailing at that time.

Keywords: collapse of the USSR, ideology, Soviet Union, causes, power elite, Soviet society, consequences of the collapse of the USSR.

СССР, воспетый в своем волнующем гимне как «нерушимый союз свободных республик», вступил в 1980-е годы как сверхдержава. Тогда мало кто предвидел, что он рухнет в начале следующего десятилетия. В то время как в часть героической лирики о «свободных республиках» почти не верили за пределами – да и внутри – территории, которую они охватывали, «нерушимая» часть казалась гораздо более убедительной.

Падение Советского Союза – один из переломных моментов в истории XX века. Это событие такого же масштаба, как и 1917 год, со многими интересными параллелями. Лозунг «Вся власть Советам» был возрожден сторонниками Михаила Горбачева после того, как он стал генеральным секретарем Политбюро в марте 1985 года. Однако распад Советского Союза с самого начала не был «революцией снизу», так события приведшие к распаду СССР были «революцией сверху» и в значительной степени мирно навязывались советскому населению советско-партийным руководством [9].

Во время распада Советского Союза произошло четыре основных процесса; идеологический отказ от коммунизма, экономический кризис, геополитический распад Советского Союза во внешнеполитической сфере и, наконец, рост национализма в советских социалистических республиках благодаря успеху политики коренизации (коренизации, от термин «коренной народ», означающий коренное население) [10]. Эти четыре процесса происходили благодаря трем основным направлениям политики Горбачева: гласность (открытость), перестройка (перестройка) и ускорение (ускорение).

Падение СССР было не просто внезапным крахом или сменой политических систем, как в 1917 году, а более длительным процессом краха и распада.

Прежде чем анализировать идеологические причины, приведшие к распаду Советского Союза, необходимо рассмотреть личность Горбачева и его политические взгляды. Горбачеву было всего 54 года, когда он стал генеральным секретарем, молодой человек

по советским меркам (двум его преемникам, Константину Черненко и Юрию Андропову, было 72 и 68 лет соответственно, когда они стали генеральными секретарями). Старой гвардии Политбюро при Андропове надоела его радикальная натура, и два кадра ещё старше самого Андропова, председатель Совета министров Николай Тихонов и министр обороны Дмитрий Устинов, убрали шесть абзацев из приложения, направленного Андроповым пленарному заседанию ЦК, на котором Горбачев был назначен преемником ещё в декабре 1983 года. Этот радикализм, которого боялась старая гвардия, подтвердился через перестройку и гласность. Хотя традиционный перевод слова «гласность» часто звучит как «открытость», Горбачев предпочитал «прозрачность». Он стремился к необходимости «самоуправления и демократизации общества» [5, с. 63]. По сути, это позволило бы возродить свободу – религии, слова и прессы.

С другой стороны, перестройка – это более масштабный, более культурный процесс. Цель состояла в том, чтобы перестроить советское общество по новому образцу, но это произошло только в 1987 году.

Первым процессом, вызвавшим распад Советского Союза, является принципиальный отказ от коммунистической идеологии. Это не обязательно означало свержение власти Коммунистической партии, но длительный застой в брежневскую эпоху вызвал непримиримость советского населения к политике и идеологии и краткосрочную реструктуризацию внутривластной системы, которая позволила новой волне свободомыслия и собственной позиции Горбачева скомпрометировать идеологические основы советского общества. Во-первых, длительный застой брежневской эпохи вызвал многочисленные разочарования по поводу советских ограничений, несмотря на очевидные технические инновации. В 1978 г. были лишены гражданства М.Л. Ростропович и Г. Вишневецкая. «Занимались непатриотической деятельностью и опорочили советский общественный строй...и опорочили звание «Гражданин СССР». Они систематически оказывали материальную помощь подрывным антисоветским центрам... в пользу белоэмигрантских организаций... и превратились в идейных перерожденцев» [6, с. 4].

Ключевой частью этого официального меморандума является фраза «идеологические перерожденцы». Столпом брежневской эпохи была хроническая паранойя, поскольку холодная война, смерть Сталина и «расслабление» Хрущева заставили многих в партии почувствовать, что то, за что они боролись в «Великой Отечественной войне», теряется. Ростропович и Вишневецкая были превращены в идеологических дегенератов параноидальным государством, застопорившимся после поражения в космической гонке, и, когда они в четвертый раз написали Брежневу напрямую, просили, чтобы «нас судили где угодно в Советском Союзе – но открытым справедливым судом» [9]. Их заявление олицетворяет паранойю брежневской партии и подчеркивает, почему так много представителей «последнего советского поколения» утратили идеологическую мотивацию поддерживать советское государство.

Тем не менее, любое протестное движение подавлялось Брежневым из-за этих сверхпараноидальных мер, а все откровенные внутренние разногласия обычно переходили в народный цинизм – тем не менее, даже к 1985 году снизу было очень мало давления для каких-либо изменений. Арчи Браун красноречиво выразил мысль о том, что «это был не столько кризис, вызвавший радикальные реформы, сколько кризис, порождающий радикальные реформы» [1, с. 119]. Большая часть этого застойного, разлагающегося поколения полностью не осознала свою потребность в переменах до тех пор, пока не пришел к власти Горбачев.

Впервые в советскую политику была введена идея свободы, подлинной свободы мысли, а не свободы марксистско-ленинской мысли. Пытаясь «открыть» общество, Горбачев предоставил прессе больше свободы слова. Некоторые историки рассматривают этот шаг как результат того факта, что Горбачев (родившийся в 1931 году) был первым лидером Советского Союза, вступившим во взрослую жизнь в десталинизированном СССР. Но его политика дала обратный эффект. Гласность означала, что новостные

агентства могли обнажать недостатки советской системы и коммунистической партии. Газеты преобразились: такие издания, как «Огонек» и «Московские новости», стали рупорами свободы слова. Создана первая в истории по-настоящему независимая российская газета «Независимая газета» в 1990 году. В условиях гласности преобразилась не только пресса, но и кино, и литература. Благодаря произведениям Александра Солженицына, особенно «Архипелаг ГУЛАГ», начинается идеологическое обновление советской литературы. Писатель, актер и журналист Питр Устинов в интервью Владимиру Кузнецову заявил: «Я желаю им [советскому народу] счастливой улыбки, и мы все сможем протянуть друг другу руку и жить как добрые соседи, замочная скважина будет служить только ключом и больше не будет использоваться как глазок, для разделения, подозрительности и вражды» [цит. по: 1, с. 81].

Комментарии Устинова несколько оптимистичны и транслировались по государственному телевидению, но они соответствуют настроению значительной части «среднего класса» советского общества. Его мысли поддержал писатель Евгений Евтушенко, который открыто восхвалял политику Горбачева: «Ключевое слово нашего времени – перестройка – мощная, революционная и сложная... чего бояться перестройки и гласности? Потому что оба подразумевают открытую конкуренцию, потому что оба продвигают свободу» [3].

Евтушенко применяет к политике тот же оптимизм, с которым продвигал её Горбачев, почти утопически комментируя вновь созданные свободы. Хотя на первый взгляд эти свободы были общепризнанными, такая свобода слова может быть лишь обоюдоострым мечом. С другой стороны, некоторые члены партии прямо возмущались переменами и испытывали отвращение к головокружительной скорости горбачевских реформ. Член партии Нина Андреева, как известно, выступила против него, в неосталинской тираде она обвиняет Горбачева в «нарушении принципов [марксизма-ленинизма], не данных нам, но с которыми упорно боролись в великие поворотные моменты истории нашего Отечества» [4].

Горбачев в процессе предоставления более широкому советскому обществу новых свобод неосознанно разрушил свою собственную базу власти. Он был «избран» не народом, а партией. В рамках реструктуризации были проведены частично демократические выборы: Борис Ельцин был избран по московскому округу на Съезде народных депутатов в марте 1989 года, а год спустя избран главой Верховного Совета. Тем временем Горбачев более или менее обезглавил собственную партию, превратив Политбюро в выборный орган, усилив позиции советов. В ответ на это Ельцин был избран президентом Российской Федерации в июне 1991 года. Эти предвыборные столкновения между ними создали дихотомию «двоевластия», подобную той, что была в 1917 году, и пара пошла по пути прямого столкновения.

Многие исследователи полагают, что развал Советского Союза произошел из-за того, что лидеры реформ предали марксизм, социалистический строй и коммунистические идеалы. Наверняка это идеологическое объяснение распада Советского Союза.

На наш взгляд, распад Советского Союза не имел прямой связи с его идеологической системой и его государственным устройством. Государство может быть объединено или расколото независимо от того, в какую идеологию оно верит, будь то коммунизм или капитализм. Что касается государственного строя, будь то самодержавие или демократия, можно остаться единым или развалиться. Государство также может сохранять единство или раскол, независимо от того, находится ли у власти консервативная или революционная партия [8, с. 103].

Неразумно думать, что измена Советской Коммунистической партией социализму привела к распаду: социализм не есть теория и принцип национального объединения, а приверженность или измена социализму не означает выбора между объединением и распадом и не обязательно приведет к распаду страны.

Так что приписывать распад Советского Союза политическому предательству не имеет ни теоретического, ни практического смысла. Царская Россия была создателем Российской империи, а Советский Союз был правопреемником Российской империи. Принципиальной разницы между ними в сохранении единства «империи» не было. Даже предательство старой системы не означало отказа от «империи». Горбачев реформировал Советский Союз, не собираясь его разрушать. Его проблема с сохранением целостности Советского Союза заключалась не в «предательстве», а в потере контроля над процессом, который он запустил.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Браун А. Взлет и падение коммунизма. М., 2014.
2. Богомолов Б.А., Блашенкова В.С. Распад СССР в контексте решения национального вопроса. Режим доступа: http://niiss.ru/mags_bogomolov.shtml.
3. Волков С.М. Диалоги с Евгением Евтушенко. Режим доступа: <https://biography.wikireading.ru/hDCVZHmoRg>.
4. Ершов Б.А., Зименкова Е.В. Последствия распада СССР // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2016. № 3. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/posledstviya-raspada-sssr>.
5. Зенькович Н. А. 1991. СССР. Конец проекта. М., 2009.
6. Идеологические перерожденцы // Известия. 1978 г. № 63 (18823) от 16 марта. С. 4.
7. Медведев Р. Советский Союз. Последние годы жизни. М., 2015.
8. Панарин И. Н. Первая мировая информационная война. Развал СССР. СПб., 2010.
9. Сюй Хайянь Тридцатилетие перестройки в СССР: оценки китайских учёных // Россия и АТР. 2015. № 4 (90). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tridtsatiletie-perestroyki-v-sssr-otsenki-kitayskih-uchonyh>.
10. Nickels J. The Role of Nationalism in the Dissolution of the Soviet Union. Режим доступа: <https://medium.com/@jamesnickels/the-role-of-fervent-nationalism-in-fuelling-the-dissolution-of-the-soviet-union-de07afb4972c>.

А.А. Меряхина

(Науч. рук. – канд. ист. наук, доц. И.В. Грицких)

ОРГАНИЗАЦИЯ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА КУБАНИ В ПЕРИОД НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются организационные мероприятия оккупационных властей Кубани, проводимые ими в сфере образования. Автором выделены ключевые тенденции данного направления, на документальном материале проиллюстрированы различные мероприятия «нового режима».

Ключевые слова: оккупация, Кубань, школы, система образования, «новый режим», учителя.

ORGANIZATION OF SCHOOL EDUCATION IN THE KUBAN DURING THE NAZI OCCUPATION

Abstract. The article examines the organizational measures of the occupation authorities of the Kuban, carried out by them in the field of education. The author highlighted the key tendencies of this direction, the documentary material illustrates various activities of the "new regime".

Keywords: occupation, Kuban, schools, education system, "new regime", teachers.

История Великой Отечественной войны, как важнейшая часть героического и трагического прошлого нашего народа, никогда не была обделена вниманием исследователей. К сегодняшнему дню уже накоплен немалый комплекс материалов, способных нам рассказать о той войне. Между тем, важно помнить, что история для большинства обывателей

носит абстрактный характер, ибо исследователь разведен с объектом своего исследования не только временем, но зачастую и пространством. Именно поэтому сегодня актуальны региональные исследования, имеющий большой образовательный и воспитательный потенциал, так как помогают непосредственно «прикоснуться к истории».

История оккупации Кубани изучена довольно хорошо, но нам хотелось бы обратить внимание на тему, которая не избалована вниманием ученых – развитие школьного образования в экстремальных условиях оккупации. Как известно, установленный гитлеровцами «новый порядок» имел отражение практически во всех сферах жизнедеятельности людей, попавших под бремя оккупации. Школьная же система любого порядка – это отражение целого ряда комплексов, определяющих повседневную жизнь человека – социально-экономических, политических, религиозных, культурных, нравственных и т. д.

К августу 1942 г. немецко-фашистские войска занимают всю территорию Северного Кавказа и сразу же приступают к созданию новой системы образования, способной отвечать идеологическим целям захватчиков. В среднем оккупация на Кубани продлилась шесть месяцев и за это время захватчики попытались перестроить всю жизнь советских граждан «под себя». Еще до войны руководители третьего рейха высказывались за полное уничтожение системы советского образования и такой подход, зная все остальные планы немцев по отношению к гражданам СССР не выглядит чем-то из ряда вон выходящим. В этой связи представляются интересными высказывания Адольфа Гитлера в мае 1940 г.: «...для немецкого населения... не должно быть высших школ... достаточно наличия четырехклассной народной школы. Целью обучения... должен быть только счет... умение расписаться, внушение, что божественная заповедь заключается в том... чтобы повиноваться немцам, быть честным, старательным и послушным. Умение читать... я считаю ненужным...» [8, с. 102].

Сложно упрекнуть фюрера в неясности фраз и в образности – все четко и понятно. Советскому народу готовили участь необразованных рабов. Подобных выражений в среде немецкого командования было множество, например, Гиммлер считал, решение о том, будет ли ребенок учиться или нет, должно приниматься только если он «...безупречен в расовом отношении и удовлетворяет... нашим условиям» [8, с. 102]. На захваченных территориях подобные установки сразу начинали приводить в действие, однако крушение блицкрига заставило оккупантов пересмотреть свои планы.

Устанавливая в том или ином городе «новую власть», оккупанты неизменно создавали при органах управления различные структурные подразделения, которые бы отвечали за систему образования. Названия они имели разные, к примеру, в Тихорецке это был «Отдел народного просвещения», а в Ейске – «Отдел образования и культуры». В ведении таких отделов находились учет педагогических кадров, поддержание порядка и обеспечение сохранности школьного имущества [3].

Прежде чем открыть ту или иную школу необходимо было решить ряд серьезных проблем, главная из которых – отсутствие специализированных помещений. До начала оккупации многие здания школ были попросту уничтожены, а оставшиеся занимали немцы – в школе № 14 г. Майкопа оккупантами были устроены хоздвор и конюшни [9], а в станице Пашковской в здании школы № 6 была открыта церковь [6, с. 283]. Другой важнейшей задачей, стоявшей перед властями, была перепись всех детей школьного возраста. С данной проблемой справились легко и быстро – бургомистра организовывали специализированные участки, где сначала происходила регистрация детей, а затем и обязательная запись их в школу.

Не без усердия подходили власти и к выбору преподавательского состава в школы. Предпочтение отдавалось тем, кто получил образование еще до революции или тем, кто по различным мотивам мог себя причислить к противникам советского режима. Каждый преподаватель был обязан заполнить анкету следующего содержания: «...вероисповедание, место рождения отца, национальность отца, девичья фамилия матери, место рождения матери, национальность матери, образование, профессия, где работал, какую занимал

должность, был ли членом или кандидатом в ВКП(б), не было ли в роде жидов до деда, служил ли в армии, с какого времени проживает в данной местности, настоящий адрес» [3]. На территории Кубани в период оккупации работали 9 325 учителей [2, с. 212], некоторые из которых работали на дому, например Л.С. Любомирова, вспоминая, что ученики «...шли в ее квартиру на Ставропольской (г. Краснодар – А.М.) как на праздник, учили стихи, разгадывали загадки» [5].

Можно ли считать учителей, работавших на «новую власть» коллаборационистами? Вопрос довольно сложный и явно не предполагающий однозначного ответа. Да, безусловно некоторые учителя могли работать из-за своих политических взглядов, но ведь были и те, кто выполнял свой профессиональный долг – работал для того, чтобы учить детей. Кроме того, не стоит забывать о том, что оккупанты почти всегда заставляли всех работать, а для учителя его работа являлась единственной «...возможностью прокормить себя и своих родственников» [1, с. 71].

Немцы старались контролировать весь учебный процесс – назначались инспектора, для учителей проводились специальные семинары, поспешно переписывался школьный учебный план. Из воспоминаний Л.П. Ефанова: «...Как-то на урок немецкого языка вошли сразу несколько гестаповцев. Мы сидели, ни живы, ни мертвы. Да и наша молоденькая учительница стала бледной как полотно. Гестаповцы весь урок не проронили ни слова, однако, как мы узнали потом, остались довольны занятием...» [6, с. 276]. На Кубани в период оккупации действовали в разных районах многочисленные предметные комиссии, так, только в одном Краснодаре их насчитывалось 17 штук [1, с. 71].

В основе деятельности предметных комиссий главным образом лежали старые советские программы, учителям приходилось заменять один идеологический компонент на другой. Благодаря такой замене в основе образования лежали принципы расовой теории, пангерманизма и антибольшевизма. Однако в большинстве своем в школьном курсе разрешалось использовать русской национальной культуры, выражавшейся в основном в разрешении использовать русскую классическую литературу. Немцы не могли печатать новые учебники, поэтому в большинстве своем использовались книги, изданные при советской власти, с внесенными коррективами – удаленными страницами, вырезанными портретами и т. д.

На селе дела обстояли куда лучше, чем в оккупированных городах. Вот, что вспоминает учительница ст. Северской: «...установленной немцами программы не было, работали по тем же учебникам. На уроках никто не присутствовал... занятия с детьми проводили в чисто советском духе...» [4, с. 133]. Интересная ситуация сложилась и в бывших казачьих станицах, так в Пластуновском районе в школьный курс включили стрельбу из винтовок, джигитовку и рубку лозы [1, с. 71]. Причина подобных мероприятий лежит, как представляется, на поверхности – немцы рассчитывали получить поддержку той части населения, которая могла быть обижена на советскую власть после революции и расказачивания.

Все школы Кубани, работающие в период оккупации, можно разделить на четыре категории:

1. Начальные.
2. Неполные средние.
3. Высшие начальные училища.
4. Средние школы, гимназии.

Начальное образование объявлялось обязательным, однако в большинстве случаев даже оно было платно, не говоря уже о других ступенях. Подавляющее большинство открытых школ были начальными четырехклассными. К примеру, в первые месяцы оккупации г. Ейска в самом городе и районе было открыто более 10 четырехклассных начальных школ [7]. Но помимо простых школ немцы собирались открыть и «элитные» учебные заведения и примером здесь могут служить планы открытия в г. Краснодаре классической гимназии, в которой плата за обучение составляла бы 1 150 рублей в месяц [6, с. 280]. Но этим планам сбыться не удалось.

Детей среднего и старшего возраста стали обучать на Кубани с конца 1942 г. Плата за обучение в средних школах обычно не превышала 150 рублей в месяц, а в учебный план таких школ были включены такие предметы, как естествознание, география, математика, химия, русский язык и литература, физкультура, рисование, немецкий язык, пение и черчение.

«Забота о детях» никого не должна вводить в заблуждение. Главная причина организации образования на оккупированной территории – возможность влиять на еще неокрепшие детские умы. Кроме того, если дети будут в школах, то, во-первых, сокращается уровень детской преступности и беспризорности, а, во-вторых, появляется возможность манипулировать родителями. Однако, несмотря на обязательное начальное образование, не все родители спешили отдавать своих детей в новые школы.

Причин подобного поведения можно назвать несколько, мы же остановимся на главных. Для многих семей не отдача ребенка в школу представлялась ничем иным, как формой протеста, борьбы с «новым режимом». Но есть еще одна причина, более тривиальная – высокая плата за обучение. Не все родители в период оккупации имели заработок и не все могли позволить себе школу.

Оккупация – тяжелая страница нашего прошлого. Не так часто мы обращали внимание на повседневную жизнь школьников и учителей в это страшное время, а между тем, эта тема требует более пристального внимания, ибо способна показать нам отражение всей оккупационной политики не только на Кубани, но и на территории всей станы в целом. Немцам не удалось осуществить довоенные планы по уничтожению советской системы образования, они были вынуждены перестраивать свои планы, подстраиваться под реалии войны.

Немецко-фашистские захватчики осуществили ряд мер по трансформации советской школьной системы, они попытались перестроить ее под нацистскую идеологию, но ничего не вышло. В период оккупации школьники и учителя осуществляли либо пассивный протест, либо активный – участвуя в подполье и т. д. В 1943 г. Кубань была освобождена от захватчиков, жители начали налаживать свою жизнь, а вскоре началось и восстановление народного образования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агеева В.А. Войной опаленное детство: система школьного и профессионально-технического образования Дона и Кубани в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Таганрог: ТППИ, 2007. 156 с.
2. Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941–1944. М.: АСТ, Транзиткнига, 2004. 544 с.
3. Ковалев Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. Режим доступа: http://militera.lib.ru/research/kovalev_bn03/index.html (дата обращения: 17.05.2021).
4. Кринко Е.Ф. Оккупационный режим на Кубани (1942–1943 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Майкоп, 1997. 247 с.
5. Кринко Е.Ф., Юрчук И.В. Школы и детские дома Кубани в период немецкой оккупации (1942–1943 гг.) // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Материалы Пятой междунаро. Кубанско-Терской науч.-просветительской конф. – Краснодар; Армавир, 2006. С. 102–106.
6. Линец С.И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 гг.). Ростов н/Д.: СКНЦ ВШ, 2003. 341 с.
7. Неизвестные страницы оккупации Ейска. Режим доступа: <http://www.deleysk.ru/news/15073> (дата обращения: 13.05.2021).
8. Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза: документы и материалы / под ред. П.А. Жилина. М., 1987. 302 с.
9. Фирсов С. Кусочек белого хлеба // Майкопские новости. 1995. 26 апреля.

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОДСОБНЫХ ХОЗЯЙСТВ
В СИСТЕМЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ
КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Аннотация. В статье рассматривается процесс развития подсобных хозяйств потребительской кооперации Краснодарского края в годы Великой Отечественной войны. Дается анализ условиям работы подсобных хозяйств в условиях военного времени, определяются объективные и субъективные причины существующих проблем в вопросах выращивания полеводческих культур, развития животноводства и рыболовства. Приводятся положительные и отрицательные примеры работы отдельных подсобных хозяйств. Освещаются основные результаты деятельности подсобных хозяйств потребительской кооперации Кубани в годы войны.

Ключевые слова: подсобные хозяйства, потребительская кооперация, Краснодарский край, Великая Отечественная война.

**THE ACTIVITY OF SUBSIDIARY FARMS
IN THE CONSUMER COOPERATIVE SYSTEM
OF KRASNODAR KRAI
DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR**

Abstract. The article examines the process of development of subsidiary farms of consumer cooperatives of the Krasnodar Territory during the Great Patriotic War. The analysis of the conditions of the work of subsidiary farms in wartime conditions is given, the objective and subjective causes of the existing problems in the cultivation of field crops, the development of animal husbandry and fishing are determined. Positive and negative examples of the work of individual farms are given. The main results of the activity of subsidiary farms of the Kuban consumer cooperative during the war years are highlighted.

Keywords: subsidiary farms, consumer cooperation, Krasnodar Region, the Great Patriotic War.

Деятельность подсобных хозяйств предприятий и учреждений в годы Великой Отечественной войны имела существенное значение в решении продовольственной проблемы. Производимая в них продукция, включающая зерно, овощи, картофель, зелень, мясо-молочные и другие продукты использовалась затем в общественных столовых, способствуя улучшению питания работников. В системе потребительской кооперации задачи развития подсобных хозяйств в условиях войны стали определяться в качестве обязательных. Объяснялось это необходимостью обеспечения общественным питанием большого количества закрепленных за потребкооперацией специальных контингентов потребителей, таких как семьи военнослужащих, инвалиды Отечественной войны и других. Подсобные хозяйства должны были создаваться при каждом райпотребсоюзе, сельпо, кооперативных предприятиях, а также кооперативных школах и техникумах. Их работники в свободное от основной работы время ухаживали за посевами и домашними животными. За выполнение этих обязанностей они получали часть производимой в подсобных хозяйствах продукции.

В первые месяцы войны решение задачи создания подсобных хозяйств происходило медленно, ввиду, с одной стороны, возникших трудностей перестройки работы потребкооперации на военный лад, а с другой стороны, нежелания многих руководителей райпотребсоюзов и сельпо уделять этому вопросу серьезное внимание. В качестве доказательства можно привести данные о размерах площадей собственных посевов в системе потребительской кооперации страны в 1941 г., которые составили лишь 22 300 га [11, с. 174].

Характерная для всей потребительской кооперации ситуация с развитием подсобных хозяйств складывалась и в Краснодарском крае. По итогам 1941 г. в подсобных хозяйствах райпотребсоюзов было засеяно 1183,6 га, в том числе полевых культур 749,6 га, огородных – 434 га [2, л. 8]. При таком соотношении явно недостаточным являлось поступление овощей и картофеля непосредственно работникам кооперации и в общественные столовые.

Серьезные проблемы существовали в развитии животноводства. Так, выполнение плана поставки свиней на откорм в подсобных хозяйствах потребкооперации Кубани составило 82,2 %, а убоя свиней – 80,1 %. Еще хуже обстояло дело с выполнением плана по наличию в подсобных хозяйствах дойных коров, мелкого рогатого скота и домашней птицы, показатели которого составили соответственно 25,7 %, 32 % и 49,2 % [2, л. 7–8].

Следует отметить, что в начале войны и в других организациях уровень развития подсобных хозяйств явно не соответствовал возникшим потребностям в дополнительных источниках питания. Так, по результатам работы в 1941 г. подсобные хозяйства Краснодара не смогли обеспечить собственными продуктами столовые, детские сады и ясли. Ввиду плохой обработки почвы и ухода за посевами урожайность сельхозкультур была низкой [13 с. 95].

С целью улучшения ситуации в развитии подсобных хозяйств, а также огородничества, ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли 7 апреля 1942 г. постановление «О выделении земель для подсобных хозяйств и под огороды рабочих и служащих». В соответствии с постановлением вокруг городов, населенных пунктов, а также на пустующих землях колхозов предприятиям и учреждениям разрешалось создавать подсобные хозяйства. При этом оговаривалось, что помимо снабжения самих работников, подсобные хозяйства должны были выполнять обязательные государственные поставки сельхозпродукции [12, с. 65].

В Краснодарском крае это постановление выполнялось в течение менее четырех месяцев, ввиду наступления немецко-фашистских войск и последующей с августа 1942 г. оккупации большей части его территории. За время оккупации практически все подсобные хозяйства были уничтожены. Это обстоятельство, а также общее состояние разрушенной экономики потребовали значительных усилий по восстановлению деятельности подсобных хозяйств.

На местах руководство этим процессом осуществляли первые секретари горкомов и райкомов ВКП(б), а также председатели исполкомов. Как отмечает Е.В. Панарина, «уже в процессе освобождения Краснодарского края в феврале 1943 г. крайком ВКП(б) обязал директоров предприятий немедленно приступить к восстановлению существовавших до оккупации подсобных хозяйств, обеспечив в первую очередь засев всей посевной площади под огородно-бахчевые и зерно-бобовые культуры» [13, с. 98].

В свою очередь Президиум Краснодарского крайпотребсоюза 27 марта 1943 г. в одном из первых своих постановлений на освобожденной территории, посвященном мероприятиям по организации работы потребительской кооперации, в качестве одной из задач поставил полное выполнение заданий по весеннему севу, вылову рыбы и укомплектованию поголовья скота в подсобных хозяйствах [4, л. 3].

Вскоре после этого, 9 апреля 1943 г., Президиум Центросоюза СССР и РСФСР констатировал успешный ход восстановления хозяйства потребительской кооперации в районах Северного Кавказа, освобожденных от немецко-фашистских захватчиков. В том числе отмечалось восстановление деятельности подсобных хозяйств и первые ее результаты. С учетом этого подсобные хозяйства стали вновь получать плановые задания по различным направлениям своей работы. Так, по Краснодарскому крайпотребсоюзу на второй квартал 1943 г. был утвержден план посева яровых площади 2 500 га и сенокосения на площади 1 500 га [3, л. 3].

Одновременно происходило восстановление рыболовецкого хозяйства. Так, участники совещания председателей райпотребсоюзов Краснодарского куста 10–11 мая 1943 г. признали необходимым использовать все имеющиеся в районах водоемы, организовав

в них улов рыбы собственными орудиями, применяя не только сети, но и всякого рода снасти из местного сырья [5, л. 1]. Было также решено в целях обеспечения кормами тягловой силы, поголовья скота и птицы в подсобных хозяйствах, а также снабжения общественного питания овощами обеспечить выполнение планов по весеннему севу [5, л. 1 об.].

Анализ документальных материалов показывает, что реализация принятых решений об организации и работе подсобных хозяйств осуществлялась с большим трудом, что объяснялось как объективными причинами ограниченности материально-технических и людских ресурсов, так и продолжающимся нежеланием ряда руководителей райпотребсоюзов, сельпо и предприятий заниматься этим делом. 20 июня 1943 г. Президиум Краснодарского крайпотребсоюза вынужден был признать, что его постановление от 27 марта во многих райпотребсоюзах не выполняется, в том числе в вопросах организации подсобных хозяйств [4, л. 100].

До конца 1943 г. в результате настойчивых требований партийно-государственных органов и усилий работников потребкооперации подсобные хозяйства были организованы в 68 из 76 райпотребсоюзов Краснодарского края. К этому времени в совокупности в них было засеяно 1992 га колосовых и огородных культур, поголовье крупного рогатого скота доведено до 259 голов, овец до 139 голов, свиней до 482 голов, птицы до 1 292 головы и пчелосемей до 136, выловлено рыбы 459 тонн. В числе передовых были Приморско-Ахтарский, Лабинский, Ладожский, Кушевский, Мостовской, Пластуновский и Славянский райпотребсоюзы [5, л. 16].

Вместе с тем, в целом результаты хозяйственной деятельности потребительской кооперации Кубани в 1943 г. не соответствовали плановым показателям. В частности, план посева на 1943 г. был установлен в 3 тыс. га, а посеяно было, как уже указывалось, 1992 га или 66,4 % к плану. Невыполнение плана посева, а также гибель посеянных культур на площади 181 га и низкая урожайность в свою очередь оказали отрицательное влияние на развитие в подсобных хозяйствах животноводства, темпы роста которого также не соответствовали поставленным задачам [1, л. 305 об. – 306].

С целью дальнейшего развития подсобных хозяйств и повышения уровня их работы на состоявшемся 5–6 марта 1944 г. краевом совещании председателей райпотребсоюзов были приняты соответствующие меры. В частности, было решено немедленно добиться выделения и закрепления за всеми подсобными хозяйствами земельных участков. Недостающее для посева количество семян предлагалось восполнить за счет помощи районных организаций и закупки у пайщиков [5, л. 17].

Решение задачи увеличения поголовья скота происходило как за счет приплода, так и за счет его покупки с помощью районных организаций у рабочих и служащих села. Большое внимание уделялось организации правильного ухода за животными, заготовкам корма на весь стойловый период животных и обеспечение их теплыми помещениями. Для увеличения в подсобных хозяйствах тягловой силы запрещался убой или сдача в обязательные поставки бычков, из которых должны были выращивать рабочих волов [5, л. 17 об.].

Сравнительный анализ показывает, что в 1944 г. развитие подсобных хозяйств в системе потребительской кооперации Краснодарского края проходило более динамично и с лучшими результатами, чем в 1943 г, хотя отмеченные выше проблемы по-прежнему имели место, создавая препятствия для хозяйственной деятельности. Так, всего было посеяно различных культур на площади 2 979 га, т. е. почти на 1 тыс. га больше, чем в 1943 г. Общий урожай основной продукции составил 37 698 центнеров, из которых было сдано государству 3 254 центнера, а на общественное питание и в торговую сеть 13 500 центнеров [6, л. 13].

Несмотря на то, что план посева был выполнен на 113 %, урожайность большинства культур была низкой, а именно: зерновых 8,8 центнеров с одного гектара, картофеля – 22 центнера, овощей – 31 центнера. Низкая урожайность объяснялась отсутствием постоянно закрепленных участков за подсобными хозяйствами, а также несвоевременностью

посева и плохой обработкой земли. В то же время свою роль играла также степень ответственности руководителей и усилий работников подсобных хозяйств, что отразилось в большой разнице полученного в них урожая. Например, в Отрадненском и Усть-Лабинском райпотребсоюзе урожайность зерновых составила 16 центнеров с га, в то время как в Ново-Титаровском райпотребсоюзе всего 2 центнера с га, а в Старо-Минском райпотребсоюзе – 2,3 центнера с га [6, л. 14].

Определенные улучшения стали происходить в подсобных хозяйствах в вопросах развития животноводства. В целом по системе потребкооперации Кубани рост поголовья сельскохозяйственных домашних животных превысил плановые показатели. Так, вместо 320 голов крупного рогатого скота по плану 1944 г. в подсобных хозяйствах содержалось 581 голова или 182 % к плану, свиней по плану должно было быть 450, фактически содержалось 750 или 167 % к плану, овец и коз по плану 200, фактически содержалось 236 или 118 %, домашней птицы по плану 11 300, фактически содержалось 2 996 или 230 %. Кроме того, в подсобных хозяйствах было 634 пчелосемей вместо 400 по плану или 135,3 % [6, л. 14].

Вместе с тем, увеличение поголовья скота не сопровождалось серьезными улучшениями в условиях его содержания. Это, прежде всего, касалось нехватки необходимого для откорма скота корма. В большинстве райпотребсоюзов отсутствовали концентрированные корма, что являлось следствием низкой урожайности кормовых культур. В результате, в целом по системе потребкооперации Кубани вместо 200 голов свиней, которых планировалось поставить на откорм было поставлено только 97 или 48,5 % [6, л. 14–15]. По этой же причине не были выполнены плановые показатели по удою молока, настригу шерсти и производству другой продукции животноводства [8, л. 172].

Неудовлетворительными были также результаты работы рыболовецкого хозяйства потребкооперации. Установленный план улова рыбы в количестве 6 700 центнеров был выполнен в 2 767 центнеров или 41,3 % к плану. Одной из основных причин таких низких результатов было то, что уловом рыбы к началу 1945 г. занимался лишь 41 райпотребсоюз, остальные более 30 райпотребсоюзов так и не приступили к организации рыбного хозяйства. Выполнить план сумели лишь Выселковский, Красноармейский и Ладожский райпотребсоюзы [6, л. 15].

Несмотря на принимаемые меры, в 1945 г. в деятельности подсобных хозяйств не удалось преодолеть отмеченные выше организационные и материально-технические проблемы. Весенний сев прошел с большим опозданием, причинами чему были как ограниченность материально-технических и людских ресурсов, так и нерасторопность ряда руководителей райпотребсоюзов и сельпо. Так, в Славянском райпотребсоюзе к 20 мая 1945 г. было посеяно 35 га вместо 40 га по плану или 87 %, в Усть-Лабинском райпотребсоюзе – 48 га вместо 55 по плану или 80 % Щербиновском райпотребсоюзе – 24 га вместо 30 га по плану или 80 % [9, л. 194].

К этому времени подсобным хозяйствам потребкооперации не удалось также существенно улучшить ситуацию в сфере животноводства. Так, по плану предусматривалось поставить на откорм 400 свиней, а фактически было поставлено только 58. Приплод телят должен был составить 170 голов, а поросят 1 769 голов, фактически было соответственно 97 и 459 голов. Низким оставался выход животноводческой и птицеводческой продукции. По плану надои молока должны были составить 2 663 500 кг, фактически было надоено 45 494 кг или 17,3 % годового плана, по плану должно было быть получено 240 тыс. яиц от 7 тыс. несушек, фактически – 16 710 яиц от 1 125 несушек [10, л. 48].

Неудовлетворительные результаты работы подсобных хозяйств потребкооперации Кубани были признаны Президиумом Центросоюза СССР и РСФСР, рассмотревшего 4 апреля 1946 г. итоги хозяйственно-финансовой деятельности Краснодарского крайпотребсоюза за 1945 г. Было, в частности, указано на низкую урожайность зерновых и овощных культур, допущенную гибель 289 га посевов, не выполнение плана развития

животноводства [7, л. 87]. Данная ситуация свидетельствовала о том, что и в послевоенные годы проблемы развития подсобных хозяйств оставались одними из самых сложных в деятельности потребительской кооперации Кубани.

Таким образом, подсобные хозяйства потребительской кооперации явились важным дополнительным источником питания в годы войны как для самих членов кооперации, так и для специальных контингентов потребителей из числа социально-незащищенных слоев населения, которых обслуживала потребкооперация. Несмотря на существовавшие проблемы и недостатки, подсобные хозяйства потребительской кооперации Краснодарского края сыграли важную роль в решении продовольственной проблемы в годы войны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Краснодарского края (далее ГАКК). Ф. Р-1665. Оп. 1. Д. 1.
2. ГАКК. Ф. Р-1665. Оп. 1. Д. 2.
3. ГАКК. Ф. Р-1665. Оп. 1. Д. 6.
4. ГАКК. Ф. Р-1665. Оп. 1. Д. 16.
5. ГАКК. Ф. Р-1665. Оп. 1. Д. 17.
6. ГАКК. Ф. Р-1665. Оп. 1. Д. 18.
7. ГАКК. Ф. Р-1665. Оп. 1. Д. 104.
8. ГАКК. Ф. Р-1665. Оп. 1. Д. 105.
9. ГАКК. Ф. Р-1665. Оп. 1. Д. 107.
10. ГАКК. Ф. Р-1665. Оп. 1. Д. 109.
11. Лысенко И.А. Диверсификация экономической деятельности потребительской кооперации в годы Великой Отечественной войны // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 1 (26). С. 170–175.
12. О выделении земель для подсобных хозяйств и под огороды рабочих и служащих: постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 7 апреля 1942 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.). М.: Изд-во политической литературы, 1968. Т. 3. С. 65.
13. Панарина Е.В. Социальная политика советского государства и военная повседневность населения Северного Кавказа в 1941–1945 гг. Армавир: РИО АГПУ, 2017. С. 380 с.

В.В. Мирный

(Науч. рук. – канд. ист. наук, доц. О.Г. Карапкива)

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ СССР

Аннотация. В статье рассматриваются особенности образования СССР и сопутствующая проблематика. Цель данной работы – на основе образования нового государства вывести историческое значение образования СССР в рамках определенных аспектов.

Ключевые слова: региональная политика, СССР, РСФСР, автономия, Грузия, Ленин, Сталин, ЦК РКП(б).

THE HISTORICAL SIGNIFICANCE OF THE FORMATION OF THE USSR

Abstract. The article examines the features of the formation of the USSR and related issues. This work has the goal of deducing the historical significance of the formation of the USSR within certain aspects on the basis of the formation of a new state.

Keywords: regional policy, USSR, RSFSR, autonomy, Georgia, Lenin, Stalin, Central Committee of the RCP(b).

Российское государство находилось в состоянии войны, а по территории расширялась иностранная интервенция. Эти факторы требовали образования некоего союза для обороны среди сил центра большевизма и регионов государства. Лето 1919 года ознаменовало формирование военно-политического блока будущих советских республик,

а именно – Россия, Украина, Латвия, Литва и Белоруссия подписали декрет «Об объединении...», который подразумевал противостояние мировому империализму [1, с. 769].

Руководство и контроль единой системой финансов происходило на территории Москвы. По тому же принципу военные образования среди других народов находились в подчинении у Главного командования КА. Единение республик играло особую роль в уничтожении интервенционных сил союзников.

Немногим позже ВЦИК РСФСР было принято решение о присоединении к организации ряда республик, таким образом, было положено начало постепенному сплочению наркоматов, а ВСНХ РСФСР по сути оказался органом, который управлял промышленностью присоединенных республик [1, с. 770].

На первых порах советская власть пыталась создать национально-территориальные автономии, которые бы отличались и экономическим планом.

Ослабление советской власти весной 1918 года стало сигналом к попытке создания первой опытной автономии, которая существовала бы в рамках федерации. 23 марта того же года Народным комиссариатом по национальностям был опубликован декрет, согласно которому ряд территорий юга Урала и Средней Волги закреплялись за Татаро-Башкирской Советской Республикой, она же в свою очередь входила в состав РСФСР [2, с. 150–151].

Тем не менее, декрет имел расплывчатые формулировки, а обещание об образовании огромной территории, закреплявшейся исключительно за мусульманами, было давней мечтой проживающих народов.

С 1918 по 1922 гг. народы, которые в преимуществе своем были малочисленными и проживали компактно, получили в свое распоряжение автономии следующих видов:

- Первый вид автономии – республика, которых выделялось 11, они имели право самостоятельно решать определенные вопросы внутреннего характера. К автономным республикам относились Туркестан, Башкирия, Карелия, Бурятия, Якутия и Дагестан.

- Второй вид автономии – области, которых выделялось 10, и две трудовые коммуны, количество их прав было намного меньше в решении внутренних вопросов. Трудовыми коммунами являлись Поволжье и Карелия, которая только в 1923 году получила статус автономной республики. Областями же были Калмыкия, Чувашия, Адыгея, Кабардино-Балкария [1, с. 770].

Полноценное объединение территорий окончилось летом 1922 г. До этого момента пять лет подряд республики и области были практически никак не связаны между собой, а все государство представляло собой звездную систему, в которой центральной звездой был РСФСР, а все прочие территории практически можно было приравнять к планетам [1, с. 770].

Последним вопросом осталось определение принципов отношений, какие могли сформироваться в новом государстве.

Вообще федерация республик была таким переходным этапом, который вел к мировой революции. Большевики именно так и рассматривали этот этап. Он был обязательным шагом к образованию союза и мог бы преодолеть закостенелые пережитки буржуазии в лице национальных различий [5, с. 251].

Республики вроде Белоруссии имели в своем распоряжении готовность поддерживать связь с РСФСР и в дальнейшем ее развить, однако были республики вроде Грузии, для которых было важным саботировать любую деятельность, которая была бы связана с федерацией. Ситуация с упомянутой Грузией была весьма остра, ведь противоречия внутри Компартии вели к практическому разрыву договоров. Вдобавок действия напрямую и с силой поддерживались центром [2, с. 151].

Проект по автономизации республик, предложенный в свое время Сталиным, по факту мог стать прямым поглощением сателлитов самим РСФСР, а правительство в лице Компартии стало бы главой всей федерации. У проекта была своя поддержка в лице Армении, Азербайджана и Белоруссии, но были и противники. Ими являлись Украина с поддержкой Раковского и Грузия, которая активно критиковала всю инициативу Сталина. ЦК Грузии желал, чтобы независимость республики оставалась таковой и далее.

Сам Ленин узнал о проекте много позже, тогда же в конце сентября до него дошла и информация о спорах вокруг поспешных действий Сталин. Он осудил последнего, и идея автономизации была полностью забракована. Был выдвинут второй вариант, по которому каждая республика была равна с другой при присоединении к федерации [2, с. 152].

Существующие точки зрения Сталина и Ленина очень сильно контрастировали друг с другом. Так, Сталин предлагал в своей инициативе полную автономию союзных республик в составе РСФСР, а органы власти последнего должны были стать высшей властью в новообразованном государстве. Позиция Ленина строилась на не вхождении в состав государства, требовалось только объединиться вместе с федерацией в рамках равноправного единого государства. Также Ленин предусматривал новый орган власти, который был бы главенствующим по всей территории Союза [2, с. 153–154].

Авторитет Ленина был, само собой, выше, и его идея была принята. Планы Сталина по созданию централизованного государства были отвергнуты, и все же Ленин глядел несколько дальше. Возможное присоединение прочих европейских стран рассматривалось им как перспективное явление. Однако Ленинская практика со временем оказалась на грани развала, который случился в 1991 году.

К концу ноября 1922 года ЦК РКП(б) были разработаны главенствующие пункты, касающиеся конституции будущего государства. Комитет разослан их каждой компартии, чтобы были проведены обсуждения по дополнению. Чуть позже, в декабре, Пленумом ЦК было проведено обсуждение по проекту Договора об образовании СССР. Для принятия проекта было решено созвать съезд Советов, который был открыт в конце декабря, 30 числа, 1922 года [5, с. 251].

Первым Всесоюзным съездом были утверждены только Декларация и Договор об образовании. В составе СССР на тот момент были РСФСР, Украинская ССР, Белорусская ССР и ЗСФСР. Декларация официально утвердил принцип, по которому было устроено союзное государства, т. е. добровольное присоединение, равноправие среди союзных республик и сотрудничество между ними, которые основывалось на пролетарском интернационализме.

Возможность присоединения к Советам была открыта всем республикам, какие могли проявиться в период мировой революции.

Теперь, когда основной ход событий был рассмотрен, в данной статье мы перейдем к историческому значению образования страны Советов.

Одним из главных значений следует считать полноценное развитие таких аспектов государственности как экономика, культура, а в ряде республик была даже преодолена отсталость – национально-государственное строительство вело, так называемую, «политики подтягивания» отсталых регионов страны. Многие фабрики и заводы с частичным перебросом особо квалифицированных кадров были перенесены правительством на территорию Средней Азии и Закавказья. Туда же выделялись весомые денежные вложения для ирригации, строительства ЖД и проведения электричества, а для пополнения республиканских бюджетов выделялись отчисления из налогов [3, с. 28–29].

Помимо всего прочего советское правительство вывело положительное явление и в проводимой национальной политике, которая предполагала развитие культуры, образования и здравоохранения. В 1920–1930-х гг. выделенные средства шли на строительство школ в национальных регионах, создавались издательства местных газет, многое количество литературы также переводилось на языки уже ставшего СССР. РАН стала не единственной в своем роде на территории Советов – ряд республик возымел свою Академию наук. Появилось даже отделение АН СССР. Так как определенное количество народов Советов не имели письменности, то специально для них были разработаны национальные алфавиты.

Упомянутое выше развитие системы здравоохранения имело очень высокие результаты. Самым ярким примером является развитие Северного Кавказа в этом плане. Так, на момент 1917 г. в распоряжении региона было только 12 больниц, в которых работало

около тридцати двух врачей, но к 1939 году ситуация улучшилась. На территории одного Дагестана квалифицированных кадров больниц стало к началу Второй мировой войны было свыше трех сотен врачей, из которых четырнадцать процентов были представителями коренной национальности [5, с. 253].

Тем не менее, советская политика в рамках национальных регионов, как и любая другая политика, имела противоречия. Изменения, затрагивающие социально-экономическую и культурную жизнь республик, были важны, однако их суверенитет де-юре носил лишь номинальный характер. Связано это было с тем, что власть зиждилась вокруг республиканских партийных комитетов, а они в свою очередь были подчинены ЦК ВКП(б).

Таким образом, мы имеем, что преимущественная часть решений, которые затрагивали политику и хозяйство, оказывались приняты органами центра, а республики были обязаны их исполнять.

Интернационализм Советского Союза практически оказался игнорированием самобытности наций и народной культуры. По мере развития страны и развития идей коммунизма выдвигались вопросы об отмене национально-языковых барьеров [1, с. 774].

Другим отрицательным значением в истории Советов оказались репрессии, проводимые Сталиным на территории республик, перешедшие в полномасштабные народные депортации.

Но вместе с этим руководство Советов старалось пресечь тенденции сепаратизма, какой мог проявиться в регионах, при помощи, так называемой, «коренизации» регионального руководящего аппарата. Локальной бюрократии предоставлялась видимая самостоятельность, однако реальный жесткий контроль центральной власти все еще имел место быть.

Создав добровольный союз равноправных народов, советские люди завоевали симпатии трудящихся всех народов мира, внесли огромный вклад в дело прогресса человечества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арсланов, Р.А. Краткий курс истории России с древнейших времён до начала XXI века. М.: АСТ, 2013. 1019 с.
2. Верт Н. История советского государства. 1900–1991. М.: Прогресс, 1992. 479 с.
3. Радомысльский Я.И. Образование и распад Союза Советских Социалистических Республик. Екатеринбург: Издательские решения, 2015. 200 с.
4. Историческое значение образования СССР // History at Russia URL: <https://www.history-at-russia.ru/xx-vek/istoricheskoe-znachenie-obrazovaniya-sssr.html> (дата обращения: 10.12.2022).
5. Федоров Д.И., Черноусов В.И. Образование СССР и его значение // Символ науки. 2016. № 12. С. 250–254.

А.А. Оганесян

(Науч. рук. – д-р ист. наук, проф. В.Г. Шнайдер)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НОВОРОССИЙСКОГО КОМСОМОЛА ПО КУЛЬТУРНОМУ ВОСПИТАНИЮ КУБАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ В 1920–1930-Е ГОДЫ

Аннотация. В статье рассматривается культурно-просветительская деятельность комсомольской организации города Новороссийска и ее последующее влияние на развитие образования кубанской молодежи. Государство предоставило молодому поколению роль ведущей рабочей силы и движущей силы для модернизации культуры страны. Но из-за неграмотности основной массы населения партийно-комсомольская система помогала молодежи реализовать свой потенциал.

Ключевые слова: новороссийский комсомол, молодежь, культурное воспитание, образование, фабрично-заводские ученичества, школы.

ACTIVITIES OF THE NOVOROSSIYSK KOMSOMOL FOR THE CULTURAL EDUCATION OF THE KUBAN YOUTH IN 1920–1930S

Abstract. The article discusses the cultural activities of the Komsomol organization of the city of Novorossiysk and its subsequent impact on the development of education for the Kuban youth. The state presented the younger generation with the role of the leading labor and driving force for the modernization of the country's culture. But due to the illiteracy of the bulk of the population, the party-komsomol system helped young people realize their potential.

Keywords: Novorossiysk Komsomol, youth, cultural upbringing, education, factory apprenticeships, schools.

Первая комсомольская ячейка в городе Новороссийске возникла 14 апреля 1920 года, через две недели после окончания Гражданской войны на Кубани. Было создано оргбюро по формированию комсомольских ячеек, а через два дня во дворе 2-го высшего начального училища состоялось первое собрание, где было избрано правление Союза молодежи во главе с Ларисой Рождественской.

Первые собрания проходили очень бурно, в постоянных спорах на разные темы. Обсуждался и вопрос о названии: было два варианта – «Союз молодежи» и «Коммунистический союз молодежи», но в итоге было утверждено первое название. На период с 1920–1930-х гг. новороссийская ячейка насчитывала в своих рядах около 400 юношей и девушек [2, с. 89].

На проходившем в сентябре 1920 г. I Черноморском окружном съезде Лариса Рождественская была избрана делегатом III съезда комсомола, где воочию видела и слышала Ленина, призвавшего «учиться и учиться».

В первые годы Советской власти выражение «мы гимназию не заканчивали» было признаком пролетарской принадлежности. К молодым людям, имевшим общее образование, нередко относились с некоторым подозрением и даже неприязнью. Но щеголяющая безграмотность не могла продолжаться долго. При этом перед комсомольцами стояли задачи участия в вооруженной борьбе с белогвардейцами, поддержания порядка, добывания горючего и т. д., не требующие определенной грамотности и общей подготовки. Однако государство ставило перед молодежью новые задачи, открывало захватывающие перспективы развития, что требовало иного подхода к проблеме образования.

В городе была значительная безработица. Среди нуждающихся в работе было много подростков, которые еще нигде не работали, не имели специализации и искали работу впервые. Низкий уровень грамотности большинства населения, высокая безработица и значительный спад в экономике и общей культуре после окончания гражданской войны стали тем фоном, на котором новой советской власти пришлось строить свою образовательную политику.

Новороссийский комсомол имел свой устав, который предоставлял каждому комсомольцу право свободно обсуждать работу руководителей, а также критиковать их недостатки. Согласно уставу в комсомол принимаются юноши и девушки в возрасте от 14 до 28 лет. Также устав требует соблюдение от каждого члена дисциплины. Институты, училища давали студентам качественные знания. Но управленческие навыки, умение работать с людьми, способность спланировать, решать конфликтные ситуации, искать компромисс – всему этому научил именно комсомол.

Также, в 1920 г. в Новороссийске создаются школы фабрично-заводского ученичества, где молодежь могла совмещать работу с учебой. К примеру: при Новороссийском портовом элеваторе было создано фабрично-заводское училище. При этом для классных занятий были выделены отдельные помещения, которые были приспособлены под классы и лаборатории.

За несколько лет страна была покрыта широкой сетью рабфаков и учебных заведений, открывших двери рабочей и крестьянской молодежи и поставивших перед собой цель вооружить молодежь знаниями, позволяющими в короткие сроки поступить в высшие учебные заведения. Рабочих и крестьян принимали в работдел только в командировках с предприятий, профсоюзов и комсомола. Срок обучения на дневном факультете был установлен в 3 года, на вечернем – 4 года. Все студенты получали государственную стипендию [4, с. 123].

В Краснодаре в 1921 году был создан рабфак – Рабочий факультет – особый факультет в начальный период революции для ускоренной подготовки рабочих и крестьян к обучению в высшей школе. Из Новороссийска в кубанский рабфак была командирована в 1922 г. первая группа комсомольских активистов: Федор Ганжа, Тимофей Глек, Иван Хорошев, Федя Мороз, Вера Вояк, Аня Рагутко, Леня Рябченко, Коля Скнар, Фрося и Мария Захарченко и другие [2, с. 102].

Для поступления нужно было иметь 2–3 года стажа работы и командировку в партийную, комсомольскую или профсоюзную организацию, на которую выдавалась путевка, в том числе кандидатов в рабочий отдел.

Мужская гимназия была преобразована в первую школу 2 ступени, а в 1925 г. в Советскую трудовую школу. В 1920–21 учебном году в здании бывшей женской гимназии начала работу Советская трудовая школа № 3 второй ступени. С 1922 г. это здание занимает Советская партийная школа, которая действовала до 1945 г. [3, с. 58].

В 1921 г. в Новороссийске открывается Черноморский окружной педагогический техникум, где обучение длилось 4 года и выпускались дипломированные специалисты – учителя школы 1 ступени. В первый год здесь обучалось 132 человека: 42 мальчика и 90 девочек.

Комсомольцы Новороссийска активно участвовали в культурной революции на Кубани, 8-й съезд ВЛКСМ объявил Всесоюзный культпоход по ликвидации неграмотности. В 1923 г. были созданы пионерские отряды в городе. Новороссийским комсомольцами решались задачи, которые отражены в документе 1928 г. – «Наказ юных пионеров новому составу Новороссийского городского совета».

Государство старалось всячески поддерживать «поход молодежи в науку». Исполнительный комитет Черноморского округа 7 января 1925 г. издал Постановление, в котором установил провести с 7 по 12 января «Неделю помощи пролетарскому студенчеству» [1, с. 167].

Первая пятилетка были начаты в 1928 году под лозунгом «наступления на культурном фронте», а также с помощью Союза коммунистической молодежи (ВЛКСМ) была реализована образовательная программа обязательного начального школьного образования. В связи с курсом на форсированную индустриализацию и коллективизацию крестьянства, концентрацией политической власти в руках И.В. Сталина советская образовательная политика в 1930-е гг. существенно трансформировалась.

В структуре и содержании школьного обучения прошел процесс «стабилизации»:

1) четыре года заложены в качестве обязательного минимума содержания обучения для села, и семь лет – в городах;

2) новая система общего образования включала: от 1-го до 4-го класса – начальная школа, с 5-го до 7-го класса – неполная средняя школа; с 8-го по 10-й класс – полная средняя школа;

3) новый учебный план должен быть так построен, чтобы дать учащимся твердые знания по основным предметам, устанавливалась система оценок и экзаменов;

4) восстановлена решающая роль учителя в процессе обучения [4, с. 354].

Основная черта высшего образования, сложившаяся в этот период, оставалась неизменной и в последующие десятилетия: важнейшей задачей высшей школы было

обеспечение специализированной профессиональной подготовки в рамках кадровой политики и экономических планов. Партийные власти осуществляли строгий контроль за преподаванием. Параллельно с дневным обучением была создана система вечернего и заочного обучения на уровне высшего и среднего специального образования.

В школах была восстановлена ведущая роль учителя, восстановлена классно-урочная система организации учебного процесса, восстановлены расписание занятий и постоянный состав учащихся. По каждому предмету были восстановлены пятибалльные оценки: отлично, хорошо, средне, плохо, очень плохо, выдаваемые в зависимости от результатов в обучении во время обучения, а в конце четверти, в конце года, контрольных экзаменов были введены. В 1933–1934 учебном году были разработаны постоянные учебники по всем школьным предметам.

Одной из самых сложных задач была борьба с неграмотностью, комсомольцы отправлялись на предприятия для обучения грамотности рабочих. В городе организовывали краткосрочные курсы для будущих преподавателей ликбезов и школ малограмотных. Вот выдержка из воспоминаний новороссийской комсомолки 1920–30-х гг.:

«При клубе строителей было много разных кружков, секций, «Синяя блуза» театр юного зрителя. В 1928–1929 гг. по призыву комсомола поехали в села, на хутора ликвидировать неграмотность. Для нашей учебы организовали краткосрочные курсы. По окончании их с незаконченной восьмилеткой я поехала в Крымский район в село Киевка. Там у меня были ученики от 10 до 20 лет....» [5, с. 99].

Уже в 1938 году произошло немаловажное событие в культурной жизни города Новороссийск. На базе педагогического училища создан Учительский институт – первое в городе высшее учебное заведение.

Деятели народного просвещения 1920–1930-х гг. в этот период выдвигали лозунг: «Наука – только для коммунистов». Членство в комсомоле было дополнительной привилегией при дальнейшем поступлении и обучении в вузы страны.

Из документов той эпохи мы видим, что бюро городского комитета комсомола работало порой до самого утра, рассматривая до полусотни и больше чрезвычайно разнообразных вопросов. Организационная же деятельность в основном была направлена на культурное воспитание молодежи, которое в последствие повлияло на юношей и девушек Кубани, которые активно помогали в ликвидации различных культурных вопросов по всей Кубани.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Новороссийский комсомол: фотографии, документы, воспоминания. – Краснодар: Книга, 2015. 232 с.
2. Слезин А.А., Скоропад А.Э. – Быт и досуг комсомольцев в сфере политического контроля в РСФСР 1918-1929 гг. // Genesis: исторические исследования. 2014. № 2. С. 78–105 https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=10710 (Дата обращения: 22.11.2022).
3. Тонких (Зарицкая) Т. В. Становление системы образования в г. Новороссийске и роль комсомола в «образовательной революции» (1900–1920-е гг.) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2018. № 4 (229). С. 54–64. <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-sistemy-obrazovaniya-v-g-novorossiyske-i-rol-komsomola-v-obrazovatelnoy-revolutsii-1900-1920-e-gg> (Дата обращения: 22.11.2022).
4. Трущенко Н.В. Наследникам революции: Документы партии о комсомоле и молодежи / Н.В. Трущенко, Б.И. Мышенков. М: Наука, 2006. 592 с. <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/007/134.htm> (Дата обращения: 22.11.2022).
5. Яхутль Ю.А. Ликвидация безграмотности в Кубано-Черноморской области в период новой экономической политики (двадцатые годы XX века) // Образование и общество. 2011. № 2 (67). С. 98-102. <https://www.kubsu.ru/ru/fismo/yahutl-yuriy-aslanbievich> (Дата обращения 22.11.2022).

ХАРАКТЕР И ОСОБЕННОСТИ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-Х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-Х ГГ.

Аннотация. В статье рассматривается завершающий этап формирования советской системы социального обеспечения и ее функционирование во второй половине 1950-х – первой половине 1980-х гг. Отмечается универсальный характер данной системы, в рамках которой происходило оказание помощи практически всем нуждающимся категориям советских граждан. Подчеркивается ведущая роль советского государства в осуществлении социального обеспечения населения, дается характеристика основным правовым актам в данной области. Рассматриваются основные достижения советской системы социального обеспечения в решении задач пенсионного обслуживания и оказания помощи инвалидам, женщинам-матерям, малообеспеченным семьям.

Ключевые слова: советская система социального обеспечения, нуждающиеся категории граждан, пенсии, пособия, государство, профсоюзы.

THE NATURE AND FEATURES OF THE SOVIET SOCIAL SECURITY SYSTEM IN THE SECOND HALF OF THE 1950S – THE FIRST HALF OF THE 1980S

Abstract. The article examines the final stage of the formation of the Soviet social security system and its functioning in the second half of the 1950s – the first half of the 1980s. The universal nature of this system is noted, within the framework of which assistance was provided to almost all categories of Soviet citizens in need. The leading role of the Soviet state in the implementation of social security of the population is emphasized, the main legal acts in this area are characterized. The main achievements of the Soviet social security system in solving the problems of pension service and assistance to disabled people, mothers, low-income families are considered.

Keywords: Soviet social security system, needy categories of citizens, pensions, benefits, state, trade unions.

Советская система социального обеспечения явилась уникальной формой организации социальной помощи населению, не имеющей аналогов в мировой практике. С самого начала она приобрела откровенно патерналистский характер со стороны советского государства, которое брало на себя заботу о нуждающихся в поддержке слоях населения. Вместе с тем, степень охвата государственной помощью различных категорий социально-незащищенных людей возрастала по мере развития советского общества. До начала 1930-х гг. социальное обеспечение носило классово-ограниченный характер и распространялось в основном на малоимущих граждан, имеющих пролетарское происхождение или из числа сельской бедноты, а также сирот, инвалидов, потерявших кормильца семей красноармейцев.

После проведения сталинской модернизации в 1930-е гг. система социального обеспечения начинает приобретать более широкий формат. В Конституции СССР 1936 г. было закреплено право всех советских граждан на социальное обеспечение по старости, болезни и утрате трудоспособности. В том числе было продекларировано равенство прав на пенсионное обеспечение.

Вместе с тем, реализации этих задач мешали как ограниченность государственных средств, так и отсутствие отлаженного механизма организации социального обеспечения граждан. В годы Великой Отечественной войны оказание социальной помощи со стороны советского государства приобретает выраженный дифференцированный характер. Основное внимание уделялось таким категориям населения, как военнослужащие и их семьи, инвалиды войны, сироты.

В послевоенные годы эта ситуация в целом сохранялась и некоторые изменения в вопросах социального обеспечения затрагивали лишь небольшое число граждан. Например, как отмечает Е.И. Холостова, «с целью подъема ведущих отраслей промышленности и привлечения трудящихся на предприятия этих отраслей указами СНК 1947–1956 гг. были установлены повышенные размеры пенсий для работников металлургической, угольной, строительной, химической и ряда других отраслей промышленности» [6, с. 66].

В середине 1950-х гг. в СССР возникают предпосылки для формирования всеобщей системы социального обеспечения. В качестве экономической предпосылки можно рассматривать успехи в процессе восстановления и развития народного хозяйства. Укрепив индустриальный фундамент экономики, советское государство смогло увеличить размеры средств, направленных на реализацию социальных программ.

Важной являлась также идеологическая предпосылка, связанная с курсом на коммунистическое строительство. Достижение коммунизма предполагало существенное повышение жизненного уровня советских людей, что влекло за собой усиление социальной ориентации проводимой политики. Кроме того, в процессе строительства коммунизма должно было происходить все большее сближение города и деревни, рабочего класса и колхозного крестьянства.

Так, при своей встрече осенью 1955 г. с жителями родного села Калиновка Курской области первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев выразил мнение о необходимости его перестройки по принципам городского жизнеустройства: строительство двухэтажных домов, родильного дома, детских яслей и детских садов, дома престарелых, общественной бани, общественной столовой [7, с. 157–158].

В результате создания однотипных условий труда и быта должно было сформироваться однородное общество трудящихся. Соответственно, развитие системы социального обеспечения было направлено в сторону все большей универсальности и охвата всего населения страны.

Важным рубежом в ходе эволюции советской системы социального обеспечения стал 1956 г., когда Верховный Совет СССР принял Закон «О государственных пенсиях». С этого момента организация пенсионного обслуживания, как и вся система социального обеспечения, начинает приобретать по-настоящему всеобщий характер.

В соответствие с данным законом устанавливались три вида пенсий: по старости, по инвалидности и по случаю потери кормильца. Пенсию по старости могли получать мужчины из числа рабочих и служащих при достижении 60 лет и при стаже работы не менее 25 лет, женщины при достижении 55 лет и стаже работы не менее 20 лет. Был введен минимальный размер пенсии по старости в размере 50 руб. в месяц и максимальный размер – 120 руб., а для рабочих, занятых на подземных работах, на работах с вредными условиями труда и в горячих цехах – 160 руб. [2].

Как отмечает А.В. Пудовкин, «при начислении пенсий в СССР действовала регрессивная шкала, то есть чем выше была зарплата, тем меньший процент от заработка получал пенсионер в форме пенсии. В то же время, максимальная пенсия превышала минимальную всего в 2,4 раза» [5, с. 218].

15 июля 1964 г. был принят Закон СССР «О пенсиях и пособиях членам колхозов». Если до этого колхозы по своему усмотрению назначали пенсии, то теперь в решение этого вопроса вносились единые требования и все колхозники получали право на пенсионное обеспечение. Выплата пенсий и пособий осуществлялась за счет средств колхозов и государства без каких-либо вычетов из доходов членов колхозов. Колхозники уравнивались с рабочими и служащими в отношении возраста выхода на пенсию [4]. Данный закон фактически завершил формирование системы всеобщего государственного пенсионного обеспечения.

Помимо этого, в целом организация социального обеспечения стала приобретать целостный и разносторонний характер. 30 января 1961 г. Совет Министров РСФСР

принял новое положение о Министерстве социального обеспечения РСФСР, согласно которому в его функции стала входить выплата пенсий, проведение врачебно-трудовой экспертизы, организация трудового устройства и профессионального обучения инвалидов, материально-бытовое обслуживание пенсионеров, многодетных и одиноких матерей, предоставление протезно-ортопедической помощи [3].

К числу государственных органов социального обеспечения относились отделы социального обеспечения рай(гор)исполкомов, которые организовывали назначение и выплату различных пенсий и пособий, а также социальное обслуживание инвалидов, престарелых и семей, потерявших кормильца. Отдельные функции по социальному обеспечению некоторых категорий работников выполняли другие государственные органы, например, военкоматы в отношении пенсионного обеспечения кадровых военнослужащих [1, с. 169].

В течение 1960-х гг. советская система социального обеспечения завершила процесс своего формирования. Универсальность данной системы проявилась в том, что она предусматривала оказание социальной помощи всем нуждающимся категориям населения, независимо от социального положения, имущественного состояния, пола и национальной принадлежности. Основную нагрузку при реализации этой задачи несло государство, которое за счет бюджетного финансирования обеспечивало выполнение различных социальных программ.

Весомая роль при оказании помощи работающим гражданам, а также ветеранам труда принадлежала профсоюзам, которые являлись общественными органами социального обеспечения. В функции профкомов предприятий и учреждений входило назначение пособий по социальному страхованию, выделение путевок в санатории и дома отдыха и оказание других видов помощи за счет своих средств и возможностей. Зачастую эта помощь приобретала неформальный характер, когда члены трудовых коллективов не в силу обязанностей, а, как говорится, по зову сердца, оказывали поддержку нуждающимся рабочим и служащим, а также их семьям. Широкое распространение получила помощь советских граждан своим родственникам, соседям и другим людям, попавшим в тяжелую жизненную ситуацию.

В связи с этим, можно отметить, что утверждения ряда авторов о том, что государственная система социального обеспечения в СССР устранила возможности для проявления благотворительности, верны лишь отчасти. С одной стороны, в советском обществе действительно не могла осуществляться благотворительность со стороны частных организаций и богатых предпринимателей по причине их отсутствия. Были также ограничены возможности церкви для благотворительной деятельности. С другой стороны, заложенные в недрах народной культуры традиции взаимопомощи активно проявляли себя в условиях советской действительности и находили поддержку со стороны партийно-государственных органов.

Вместе с тем, как уже отмечалось, безусловно ведущая роль в социальном обеспечении советских граждан принадлежала государству. На протяжении рассматриваемого периода размеры государственного финансирования социальных программ постоянно росли, что в свою очередь способствовало повышению уровня благосостояния нуждающихся в государственной поддержке людей. В наибольшей степени это проявилось в организации пенсионного обеспечения, в частности, в увеличении количества получающих пенсию советских граждан.

Так, если в 1941 г. количество граждан, находившихся на пенсионном обеспечении, составляло 4 млн человек, то в 1967 г. уже 35 млн человек, а в 1980 г. – около 50 млн человек, в том числе по старости 10 млн и колхозников – 12 млн человек. Соответственно, росли размеры ассигнований на социальное страхование и социальное обеспечение. Если в 1950 г. расходы из государственного бюджета на эти цели выражались суммой 4 млрд руб., в 1970 г. – 23 млрд руб., то в 1980 г. они достигли 45 млрд руб. [6, с. 67].

По расчетам А.В. Пудовкина, «...за период с 1940 по 1986 г., на фоне роста ВВП в 18 раз, роста расходов бюджета в 24 раза, государственные расходы на пенсию возросли в 164 раза. Удельный вес расходов на пенсию в общих расходах бюджета вырос с 1,7 % до 11,8 %, а их доля в ВВП в 1986 г. составила 3,5 %». Автор констатирует, что «всё это лишний раз подтверждает важнейшую роль пенсионной системы в жизни советского общества. Вопросам достойного пенсионного обеспечения отводилась первостепенная роль при распределении расходов бюджета» [5, с. 220].

Расходы на выплату пенсий и пособий районными (городскими) отделами и центрами по начислению и выплате пенсий и пособий занимали свыше 97 % в общем объеме расходов на мероприятия по социальному обеспечению. Источниками их финансирования являлся Государственный бюджет СССР и централизованный союзный фонд социального обеспечения колхозников [1, с. 172].

Советское государство большое значение придавало решению демографической проблемы и соответственно уделяло повышенное внимание оказанию помощи малообеспеченным семьям в форме пособий и льгот. В начале 1970-х гг. был введен новый вид пособия на детей в возрасте до 8 лет в семьях с душевым доходом до 50 руб. в месяц.

Наряду с пенсионным обеспечением ветеранов труда и инвалидов, советское государство предоставляло для этих категорий граждан возможность продолжения своей трудовой деятельности. Для этого осуществлялись меры по трудоустройству пенсионеров и инвалидов, а также организовывались курсы по их профессиональной переподготовке. Благодаря этому, многие пенсионеры и инвалиды получили возможность дополнительного материального обеспечения и, кроме того, оставались причастны к общественно-полезному труду.

Для оставшихся без попечения родственников престарелых людей и инвалидов действовали дома-интернаты, сеть которых постоянно расширялась. В 1971–1975 гг. было введено в эксплуатацию новых домов-интернатов на 50 тыс. мест. Большое внимание уделялось также обеспечению инвалидов индивидуальными средствами передвижения и протезно-ортопедическими изделиями. В том числе в первой половине 1970-х гг. инвалидам Отечественной войны было выдано бесплатно 130 тыс. автомобилей «Запорожец» с ручным управлением [6, с. 68]. Эти другие меры способствовали социальной адаптации инвалидов, ощущающих заботу со стороны советского государства.

Таким образом, во второй половине 1950-х – первой половине 1980-х гг. социальное обеспечение в СССР превратилось в единую государственную систему. В стране было введено полное социальное обеспечение трудящихся при всех видах потери трудоспособности, при безработице, наступлении старости или инвалидности и других предусмотренных законом случаях. Советское государство осуществляло меры по всеобщему пенсионному обеспечению советских граждан, оказанию помощи малоимущим семьям, женщинам-матерям, сиротам и инвалидам. Несмотря на определенные проблемы, связанные с необходимостью выделения дополнительных финансовых средств и недостатками в работе органов и учреждений социального обеспечения, в целом советская система социального обеспечения показала свою эффективность и способствовала улучшению жизненного положения нуждающихся категорий советских граждан.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Левшук М.В. Источники и правовые механизмы финансирования социального обеспечения в советский и постсоветские периоды: сравнительно-правовой анализ // Научные ведомости. Серия Философия. Социология. Право. 2010. № 14 (85). Выпуск 13. С. 166–175.
2. О государственных пенсиях: закон СССР от 14.07.1956 г. // Информационно-правовое обеспечение «Гарант» (дата обращения 11.11.22).
3. О Министерстве социального обеспечения РСФСР: положение от 30.01.1961 г. // Информационно-правовое обеспечение «Гарант» (дата обращения 14.11.22).

4. О пенсиях и пособиях членам колхозов: закон СССР от 15.07.1964 г. // Информационно-правовое обеспечение «Гарант» (дата обращения 11.11.22).
5. Пудовкин А.В. Анализ системы пенсионного обеспечения СССР // Вестник МГИМО. 2015. № 2. С. 217–223.
6. Холостова Е.И. Становление системы социального обеспечения и социального обслуживания населения: исторический экскурс (Советский и первые годы постсоветского периодов) // Отечественный журнал социальной работы. 2016. № 3. С. 60–73.
7. Хрущев Н.С. Общественное хозяйство – основа благополучия колхозников. Беседа с колхозниками села Калиновки, Хомутовского района, Курской области 31 октября 1955 года // Хрущев Н.С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. В 5 т. Т. 2. (февраль 1955 года – январь 1958 года). М., 1962. С. 158–159.

М.А. Петров

(Науч. рук. – канд. ист. наук, доц. О.Г. Каранкова)

ИСТОРИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ СССР

Аннотация. В данной статье рассматриваются ключевые моменты в становлении системы образования СССР, главные постановления и реформы от начального периода РСРФР 1917 года до принятия Конституции СССР 1977 года.

Ключевые слова: образование, система образования, СССР, школы СССР, история, РСФСР.

HISTORY OF THE EDUCATIONAL SYSTEM OF THE USSR

Abstract. This article discusses the key moments in the formation of the education system of the USSR, key decisions and reforms from the initial period of the RSRFR in 1917 to the adoption of the Constitution of the USSR in 1977.

Keywords: Education, education system, USSR, schools of the USSR, history, RSFSR.

Правительство новой страны приняло решение о необходимости изменения системы образования, а вернее создания ее с нуля, новому государству нужно было не просто поднять уровень образованности населения, но и создать огромную и довольно масштабную систему высшего, среднего общего образования и специального образования, чтобы страна могла получать большое количество высококвалифицированных специалистов в различных сферах жизни общества и промышленности. Но стоит понимать, что большую проблему создавала общая незаинтересованность населения в образовании. Поэтому создавались в 1919 году рабочие факультеты-рабфаки, а для распространения марксизма-ленинизма был создан Институт Красной Профессуры в Москве на основе декрета Совнаркома РСФСР от 11 февраля 1921 года. Также началась общая пропаганда образования от лозунгов до плакатов.

Принципы образования были приняты еще на 2 съезде РСДРП в 1903 году, где главными были обозначены: всеобщее образование для граждан до 16 лет вне зависимости от пола, нации или сословия, обучение на родном языке. В СССР во главе системы была поставлена Государственная комиссия по просвещению от 9 ноября 1917 года по общему решению ВЦИК и СНК. Еще одной проблемой стало то, что школа и церковь долгое время были связаны между собой, данное положение не могло позволить социалистическое правительство, поэтому в срочном порядке 5 февраля был подписан декрет об отделении церкви не только от государства, но и от школы. Данные решения позволили начать развитие системы образования в СССР, решая малую часть проблемы и привлекая все больше людей к получению образования [1, с. 353; 2 с. 424; 5, с. 124] (Табл. 1).

Динамика развития начальных школ в 1914–1927 гг.

Годы	Число начальных школ	Численность учеников
1914–1915	104 610	7 235 988
1920–1921	114 235	9 211 351
1921–1922	99 396	7 918 751
1922–1923	87 559	6 808 157
1923–1924	87 258	7 075 810
1924–1925	91 086	8 429 490
1925–1926	101 193	9 487 110
1926–1927	108 424	9 903 439

В целом, первое время педагоги как вуза, так и школы пользовались большой свободой, использовались новаторские по тем временам методики, как российских, так и иностранных педагогов, началась эра уважения к ученикам, переход от закрытой сословной школы к более открытым, всесословным, стоит понимать, что в угоду развития системы, было разрешено самоуправление внутри школы, это право имели и педагоги, и обучающиеся, также в системе был введен дополнительный день без занятий, в который могли проводиться собрания или же работы, обязательные домашние задания были отменены, школы стали бесплатными, в основу реформы легла необходимость изменения старых методик: жестокость и муштра уходила на второй план или вовсе убиралась, упор делался на совершенно новые составляющие, тем более отменялось неравенство, но начали появляться и издержки, так как были убраны экзамены, оценки и даже пары.

Новая система позволила к 1920 году выучить грамоте 3 млн человек, а по переписи населения грамотность достигла 41 %, но была и погрешность ввиду неучтенных территорий страны, большое влияние на это оказал декрет от 26 декабря 1919 года, который подразумевал, что все население от 8 до 50 лет было обязано уметь читать и писать, либо на родном, либо на русском языке по выбору [3].

Но проблему до конца это не решило и в 1920 году создается Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности, которая принимает ряд решений в пользу создания школ для взрослых, развитие начального образования и созданию в 1923 году общества «Долой неграмотность», количество учащихся в 1924 вернулось к уровню 1914 на 98 %, количество школ оставалось на уровне 83 % от довоенного уровня, развитие шло слишком медленно и это мешало начать полномасштабное развитие страны, особенно в промышленности. Стоит отметить уровень беспризорников, которых было около 7 млн, они и стали основными обучающимися в школах. Ситуация начала меняться к 1928 году, когда СССР фактически достиг всеобщего школьного образования среди детей от 8 до 17 лет, этому поспособствовало решение верховной власти и местной, особенно после упадка количества беспризорных до 300 тыс. человек. Советские школы перестраиваются в соответствии с «Положениями про единую трудовую политехническую школу». Если говорить про данное положение, то оно и закрепило советскую систему образования в нее были включены:

- Начальное образование.
- Неполное среднее.
- Среднее.

В целом система восстановилась до довоенного уровня в 1926 году, так как в 1923 году количество начальных школ было 88 тыс. при 7 млн обучающихся, развитию мешала постоянная нехватка средств, но к 1926 году ситуация меняется и уже начинается рост

до 110 тыс. начальных школ при 10 млн учеников. Рост наблюдался в неполных средних школах с 700 тыс. до 2 млн и в средних школах 500 тыс. до 1,1 млн [3].

Рост был намечен и при второй пятилетке 1933–1937, главное тенденцией 1930-х была необходимость создания базы инженерно-технических специалистов, особенно места их обучений, из-за чего возрождаются технические школы. Был намечен план по росту обучающихся и достижения общего числа к 42 млн, что привело к росту во всех школах, особенно неполной средней и средней школы с 2 млн до 11 млн и с 1,1 млн до 9 млн человек соответственно [3].

Система образования требовала систематизации, централизации и преемственности в целом, поэтому введение системы начального образования в 4 года для детей от 8 до 10 и ускоренные курсы прохождения начального образования за 1–2 года имели за собой смысл, следом шла семилетняя школа. Такие же требования были и в 1940-х, но план нарушило начало Великой Отечественной войны.

Стоит понимать, ущерб нанесенный системе образования войной, был огромен, уничтоженные здания школ и низкий уровень рождаемости в военный период, привели к тому, что учащихся школ стало меньше, и оно достигло около 33 к, но правительство продолжало принимать решение для увеличения масштабов образования, примерами может выступать то, что в 1949 г. семилетнее образование было введено повсеместно, следом в 1954 г. вышло Постановление Совета Министров СССР «О введении совместного обучения в школах Москвы, Ленинграда и других городов», Постановление Совета Министров СССР «Об отмене платы за обучение в старших классах средних школ, в средних специальных и высших учебных заведениях СССР», закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР». Данные меры привели к решению проблемы безграмотности в 1959 г., об этом можно судить из переписи населения.

В дальнейшем реформы образования были не такими крупными. Из больших стоит рассмотреть Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О мерах дальнейшего улучшения работы средней общеобразовательной школы» в 1966 г., постановившее необходимость создания новых учебных программ, постановление № 502 Совета министров СССР «О мерах по улучшению подготовки и издания школьных учебников и обеспечения ими учащихся» выпущенное в 1967 году, где ставились критерии для учебных книг. В 1972 году вышло Постановление «О завершении перехода ко всеобщему среднему образованию молодежи и дальнейшем развитии общеобразовательной школы», что было довольно важным решением, так как ознаменовало завершение перехода, что являлось крупным успехом. Большим успехом стала 45 статья Конституции СССР 1977 г., которая окончательно закрепила право граждан на образование.

В 1984 году были приняты «Основные направления реформы общеобразовательной и профессиональной школы». Данные изменения стали ключевыми. Введение одиннадцатилетнего обучения, усиление трудовой школы в целом, а также сдвиг всех классов на год вперед.

Система образования СССР прошла долгий путь от начала самой страны до ее развала в 1991 году, процесс ее зарождения шел на основе системы Российской Империи, но с большими изменениями. Сословность образования, обучение по половому признаку, муштра были убраны, но это не решило ее проблем.

Минусы в Советской системе образования были видны, гуманитарные науки пострадали в угоду идеологии, по причине необходимости развития технических наук, как и любая другая система, данная имела свои положительные стороны и недостатки, оценка затруднена множеством факторов, понижение зарплат в поздний период может свидетельствовать об упадке престижа профессии в целом, но при этом всеобщность образования введенная в сложное время, доказывает желание партийного руководства в развитии ее в целом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Клинова М.А. Уровень жизни городского населения РСФСР (1946–1991 гг.) в отечественной историографии [монография]. Екатеринбург: Изд-во: УрГЭУ, 2014. 353с.
2. Никуленкова Е. В. Институт красной профессуры: структура и организация учебного процесса (1921–1930 гг.) // Петербургская историческая школа. Третий год выпуска. Памяти Е.Р. Ольховского. СПб., 2004. 7 с.
3. Айманов Кенжалы, Прокофьев М.А. Народное образование в СССР. 1917–1967 / под ред. М.А. Прокофьева и др. М.: Просвещение, 1967. 541 с.
4. Рабочие факультеты // Малая советская энциклопедия. М.: АО Сов. энциклопедия, 1930. т. 7. стлб. 104.
5. Рассыльников И. А. Принцип «отделения школы от церкви» как необходимый признак светского государства и его значение в условиях правовой реформы // Правовые реформы в России. Ростов-на-Дону: Изд-во СКАГС, 2004. С. 124–129.
6. Школы взрослых // Большая советская энциклопедия: [в 30 т.] / гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. М. : Советская энциклопедия, 1969–1978.

Ш.Ж. Рамазанов

(Науч. рук. – канд. ист. наук, доц. С.В. Назаров)

ОСВЕЩЕНИЕ ПРИЧИН И ПОСЛЕДСТВИЙ ВЕЛИКОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ

Аннотация. XX век в истории Российского государства характеризуется сложными процессами, которые оказали значительное влияние на всемирное развитие человечества. Потрясения, вызванные двумя войнами и революциями, привели к крушению самой могущественной империи XIX столетия и свержению династии Романовых, правившей страной около 300 лет. Однако нашей стране удалось оправиться от этих последствий и на месте некогда существовавшей Российской империи возникло новое государство СССР. Актуальной проблемой современного преподавания истории является проблема изложения в современных школьных учебниках по истории причин начала Октябрьской революции и её последствий.

Ключевые слова: Россия, революция, большевики, школьный учебник, декрет, причины революции.

COVERAGE OF THE CAUSES AND CONSEQUENCES OF THE GREAT RUSSIAN REVOLUTION IN MODERN SCHOOL TEXTBOOKS

Abstract. The XX century in the history of the Russian state is characterized by complex processes that have had a significant impact on the global development of mankind. The upheavals caused by two wars and revolutions led to the collapse of the most powerful empire in the XIX century and the overthrow of the Romanov dynasty, which ruled the country for about 300 years. However, our country managed to recover from these consequences and a new state of the USSR emerged in place of the once-existing Russian Empire, but the problem of the presentation of the event about the cause of the beginning of the October Revolution and its consequences in modern school textbooks remains important.

Keywords: theme, revolution, author, decree, slogan, documents, slogan.

Русская революция 1917 г. явилась одним из самых значимых событий в истории XX века, повлиявшая на развитие не только российского, но мирового общества. Поэтому закономерным является повышенный интерес у исследователей к различным аспектам истории революции, особенно к выявлению её предпосылок и причин. На протяжении её векового изучения единого концептуального подхода в этом вопросе достичь не удалось, и не удастся. По-прежнему среди историков на проблему предпосылок и причин

революции характерно два основных подхода. Часть историков рассматривают революцию как случайное явление, результат заговора и т. д., а, следовательно, они отрицают саму постановку вопроса о наличии предпосылок революции. Другие же исследователи полагают, что революция 1917 года являлась результатом предшествующего развития, а поэтому исследование исторических предпосылок есть важный аспект для понимания сущности самой революции. Особую значимость приобретает изучение социально-экономических предпосылок, так как позволяет определить их роль в повышении политической активности граждан, в формировании революционной ситуации, что является достаточно актуальным в современном обществе, в котором проблемы социально-экономического характера нарастают, а уровень жизни населения снижается.

Актуальность выбранной темы исследования определилась также необходимостью анализа социально-экономических предпосылок в школьных учебниках 2000-х гг., которые играют важную роль в формировании мировоззрения подрастающего поколения. К этому следует добавить, что в Фундаментальном ядре как средстве универсализации содержания общего образования выдвигается как одно из требований общества к образовательной системе, защита образовательного пространства от ложных знаний и псевдознаний.

Многочисленно были проанализированы различные учебные материалы по истории, чтобы изучить оценку авторов школьных учебников в отношении октябрьских событий 1917 г.

В учебнике по истории России XX – начало XXI века 9 класса (авторы: А.А. Данилов, Л.Г. Косулина и М.Ю. Брандт) события Октябрьской революции рассматриваются как заключительный этап Великой российской революции 1917 г. Данная тема изучается в 12 параграфе, в котором последовательно рассматриваются следующие вопросы: социально-экономическая ситуация; подготовка и проведение вооруженного восстания в Петрограде; Лев Давидович Бронштейн (Троцкий) (1879–1940); II съезд Советов; Декреты о мире и о земле. Также в начале параграфа подробно излагается о проведении Демократического совещания и количественный состав третьего Коалиционного правительства [2, с. 90]. В качестве главной предпосылки октябрьских событий авторы выделяют кризис власти Временного правительства [2, с. 89]. В пункте социально-экономическая ситуация рассматривается положение жителей страны во время затянувшейся войны, а также рост их недовольства. В параграфе в краткой форме говорится о положении на фронте и провалы наших войск [2, с. 90]. С позиций дидактики данный раздел несовершенен, так как авторы четко не выделяют причины октябрьских событий. Рассмотрение социально-экономической и политической ситуации весной-летом 1917 г. формирует у учащихся представление, что главной и единственной причиной восстания большевиков стала Первая мировая война и неудачная политика Временного правительства. При этом проблема кризиса Временного правительства обозначена, но не конкретизирована. В связи с чем на практике у учащихся формируется представление, что кризис власти Временного правительства был вызван только их желанием продолжить участие России в Первой мировой войне.

В разделе подготовка и проведение вооруженного восстания есть информация о лозунгах большевиков и причинах роста их популярности. Особенно важно учесть, что авторы отдельно уделили внимание вопросу о роли Л.Д. Троцкого в октябрьских событиях: рассматривается биография Л.Д. Троцкого, его влияние и личный вклад в подготовке восстания большевиков. Также излагается информация о главенстве Л.Д. Троцкого в деятельности Военно-революционного комитета, а также в ходе восстания [2, с. 91–92]. В качестве самостоятельной работы авторы требуют от ученика доказать, что лозунги большевиков были направлены с целью организации государственного переворота. Такая постановка вопроса, на наш взгляд, некорректна. Так как изначально предполагает формирование негативного отношения у учащихся к действиям большевиков. Также в этой части параграфа рассказывается о взглядах Л.Д. Троцкого на проблему «перманентной революции», который предполагает, что после социалистической революции в России, аналогичные революции должны пройти во всех других странах [2, с. 92].

В разделе II съезд Советов. Декреты о мире и о земле содержится документ «из письма Г.В. Плеханова петроградским рабочим 27 октября 1917 г.» где учащиеся должны определить отношение Г.В. Плеханова к захвату власти большевиками [2, с. 92]. Также рассматривается вопрос о противоречиях, которые возникли в ходе работы II съезда Советов. Особое внимание авторы уделяют вопросу о том, как В.И. Ленин для привлечения крестьян осуществил перехват эсеровской аграрной программы на II съезде Советов [2, с. 93].

В конце темы есть рубрика «Расширяем словарный запас», содержащий различные термины. Примечательно, что есть вопросы по тексту изученной темы и задания, которые можно разобрать как самостоятельно, так и вместе с учителем.

Рассмотренный учебник является победителем конкурса на создание учебников по новейшей отечественной истории. В нем освещены все предусмотренные стандартом образования проблемы истории России XX – начала XXI в. Методический аппарат учебника позволяет организовать эффективную работу на уроках и дома. При иллюстрировании использованы архивные фотоматериалы.

В учебнике 10 класса по истории России под редакцией академика А.В. Торкунова, рассматриваемая тема называется Великой российской революцией [3, с. 36]. Любопытно, что предыдущая тема, посвящённая февральской революции [3, с. 27] имеет схожее название, тем самым прослеживается взаимосвязь этих двух революций, что даёт правильную ориентировку школьнику к предпосылкам захвату власти большевиками. Также следует обратить внимание на содержание параграфа «Великая российская революция», состоящего из 6 пунктов [3, с. 36]. Интересно, что 1 пункт рассматривает состояние русской православной церкви во время февральской революции, при этом авторы делают достаточно спорный вывод о том, что церковь восприняла революцию нейтрально и даже положительно. Так с отречением императора Николая II священнослужители обязаны были начинать молебны не с прославлением императора, а с вознесением государству [3, с. 36]. Авторы считают, что благодаря революции церковь стала самостоятельной организацией и смогла добиться выбора патриарха. Также, в учебнике содержится фотоматериал с участием митрополита и Коломенского Тихона в благословении солдат, отправляющихся на фронт [3, с. 37].

Во 2 пункте параграфа содержится информация о корниловском мятеже. Так в учебнике сообщается, что во время бойкота большевиками Государственного совещания в Москве, было решено покончить с мятежом. Главную роль в подавлении беспорядков отводилась генералу Л.Г. Корнилову [3, с. 37]. Однако данная инициатива закончилась провалом, так как считалось, что А.Ф. Керенский опасался роста популярности генерала. Нужно отметить, что авторы при характеристике А.Ф. Керенского используют слово диктатор. На мой взгляд, это было сделано не случайно, так как автор считал А.Ф. Керенского диктатором [3, с. 38]. Также в параграфе подробно содержится информация об обстановке во время выступления Корнилова, и показан вклад большевиков в его провале.

В третьем абзаце учебника рассматривается рост влияния большевистской партии. После подавления Корниловского мятежа, Временное правительство организовало Демократическое совещание, где акцент сотрудничества правительства был направлен на партию кадетов [3, с. 38]. Однако, несмотря на это, правительство не смогло оправдать ожидания населения. Также в учебнике излагается информация о плачевном состоянии государства во время Первой мировой войны [3, с. 38–39]. Также в этой части абзаца есть информация о росте влияния большевиков во время экономического кризиса государства [3, с. 39]. На странице 39 есть проблемный вопрос, который побуждает ученика связать лозунги большевиков с целью захвата власти.

В 4 пункте абзаца вкратце рассматривается вопрос о подготовке большевиками к захвату власти. Несмотря на это есть информация о противоречиях в партии большевиков по захвату власти, где резолюцию В.И. Ленина поддержало 10 из 12 человек (против выступили Л.Б. Каменев и Г.Е. Зиновьев) [3, с. 40]. В подготовке восстания большую

роль сыграл Л.Д. Троцкий, который был руководителем ВРК. В 5 пункте рассматривается ход восстания большевиков, а также приводится сравнение подготовки октябрьской революции с февральской [3, с. 41]. В 6 части параграфа говорится о создании коалиционного правительства большевиков совместно с левыми эсерами. Содержится подробная информация о ходе II Всероссийском съезде рабочих и солдатских депутатов, где приняли участие депутаты большевистской партии и левых эсеров. Также рассмотрены причины противоречий между большевиками и эсерами, которые осудили захват власти. В учебнике излагается о количественном составе партии и реализации декрета о власти. Еще излагается информация о передаче исполнительной власти органу СНК во главе с В.И. Лениным, действующим до созыва Учредительного собрания [3, с. 42].

В конце параграфа подводятся итоги, где авторы называют причины прихода к власти большевиков во главе с В.И. Лениным. В учебнике содержатся вопросы по тексту параграфа, а также задания для работы с картой. Кроме того, в учебнике есть фотографии изучаемых событий и документы, которые дает школьнику рассмотреть атмосферу данного периода. Вдобавок учебник содержит рубрику вопросов «думаем, сравниваем, размышляем» и пункт истории спорят, где даются темы для размышления над фразами историков [3, с. 42–45]. Таким образом, данный УМК позволяет учащемуся подробно разобраться в изучении данной проблематикой.

Таким образом, в современных школьных учебниках октябрьские события 1917 г. рассматриваются как заключительный этап Великой русской революции 1917 г. При этом действия большевиков трактуются как антигосударственный переворот (восстание). В проанализированных учебниках рассматриваются только краткосрочные причины октябрьской революции 1917 г., которые вытекают из кризиса власти Временного правительства. Такой подход приводит к тому, что учащиеся затрудняются в выполнении заданий, например, направленных на выявление общих причин первой и второй русских революций.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Плеханов Г.В. Открытое письмо к петроградским рабочим // Плеханов Г.В. Полное собрание статей и речей 1917–1918 гг. Т. II. Париж, 1921.
2. История России, XX-начало XXI века: учеб. для 9 кл. общеобразоват. учреждений / А. А. Данилов, Л. Г. Косулина, М. Ю. Брандт. 4-е изд. М.: Просвещение, 2007.
3. История России. 10 класс. Учебник для общеобразовательных организаций. В 3 ч. Ч. 1 / [Горин М.М., Данилов А.А. и др.]; под ред. А.В. Торкунова. М.: Просвещение, 2016.
4. Козлов А.А. За фасадом дискуссии 1923–1924 гг. // Коммунист. 1990. № 13. С. 96–106.
5. Тарасов К.А. Солдатский большевизм. Военная организация большевиков и леворадикальное движение в Петроградском гарнизоне (февраль 1917 – март 1918 г.). СПб, 2017.

И.Н. Рева, В.М. Труфанова

(Науч. рук. – канд. ист. наук, доц. Е.Н. Стрекалова)

НАЦИСТСКИЙ ОККУПАЦИОННЫЙ РЕЖИМ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 1942–1943 ГГ.: ПРЕСТУПЛЕНИЯ НАЦИСТОВ НА ТЕРРИТОРИИ СТАВРОПОЛЬСКОГО И КРАСНОДАРСКОГО КРАЕВ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению нацистской политики на оккупированных территориях Советского Союза. В первую очередь были рассмотрены преступления, совершенные в Орджоникидзевском и Краснодарском краях, где четко прослеживается не только политика холокоста, но и тенденция к установлению контактов с народами Северного Кавказа. Однако после серии поражений немецкой армий ситуация по отношению к гражданскому населению заметно ужесточается.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, оккупация, оккупационный режим, преступления нацистов, холокост, Орджоникидзевский край, Краснодарский край, коллаборационизм.

NAZI OCCUPATION REGIME IN THE NORTH CAUCASUS IN 1942–1943: NAZI CRIMES ON THE TERRITORY OF STAVROPOL AND KRSNODAR TERRITORIES

Abstract. This article is devoted to the consideration of various aspects of the phenomenon characteristic of the period of the Second World War – the Nazi policy in the occupied territories of the Soviet Union. First of all, the crimes committed in Ordzhonikidze and Krasnodar territories were considered, where not only the policy of the Holocaust is clearly traced, but also the tendency to establish contacts with the peoples of the North Caucasus. However, after a series of defeats of the armies of the Third Reich, the situation in relation to the civilian population is noticeably changing, as is the number of victims.

Keywords: the Great Patriotic War, occupation, occupation regime, Nazi crimes, Holocaust, Ordzhonikidze Krai, Krasnodar Krai, collaboration.

В истории СССР, столетие которого отмечается в этого году, есть особый период – период противостояния с нацистской Германией в 1941–1945 гг. Минуло уже 77 лет со дня победы в Великой Отечественной войне, но ужас от преступления нацистов, развернувшихся в зоне военных действий и на оккупированных территориях, не может оставить нас равнодушными. События на Украине, возрождение неонацизма на землях в годы войны тяжело пострадавших от преступлений вермахта, гестапо, карателей и их пособников еще более обосновывают значимость сохранения памяти об этих страшных событиях в истории нашего общего прошлого. Именно поэтому изучение данного явления в истории нашей страны так важно для современного поколения россиян: ведь знания прошлого оказывают прямое воздействие на процесс формирования и поддержания национальной идентичности граждан России, чьи предки были непосредственными участниками Великой Отечественной войны.

С научной точки зрения изучаемый вопрос трудно назвать полностью раскрытым в связи с появлением тенденции рассекречивания документов военных лет и с объёмом совершенных оккупантами преступлений, которые практически невозможно изучить одновременно. Так, при рассмотрении поставленной проблемы были задействованы преимущественно современные отечественные исследования. Немало трудов посвящено вопросам немецко-фашистской оккупации южного региона СССР в целом и территории Северного Кавказа в частности.

Изучением нацистского оккупационного режима на Северном Кавказе занимались З.В. Бочкарева [1] и С.И. Линец [2]. Также ряд работ посвящён действию нацистской пропаганды на захваченных территориях и идеологическому противостоянию воюющих сторон. «Нацистская пропаганда на оккупированных территориях Ставрополя и Кубани в 1942–1943 гг.: цели, особенности, крах» [3]. Н.В. Доронина – в исследовании глубоко изучила весь комплекс вопросов, связанных с воздействием вражеской пропаганды на умы многонационального населения региона. Значимым исследованием по данной проблеме является работа Е.А. Войтенко «Холокост на юге России в период Великой Отечественной войны (1941–1943 гг.)» [4, с. 224]. Историк доказывает многими фактами, что уничтожение и преследование ряда европейских народов нацистской Германией и её союзниками между 1933 и 1945 годами было государственно-организованным, систематическим.

В 1942 г. нацистское руководство придавало большое значение захвату Северного Кавказа. Факт того, что программа наступательных действий на Южном направлении была разработана уже в июле 1941 г., говорит о приоритетности этого региона. В геополитическом плане Северный Кавказ привлекал врага в нескольких аспектах. Во-первых, в военно-политическом смысле Кавказ является воротами на Ближний и Средний Восток, где Германия пыталась проводить свою колониальную политику. Закавказские территории Советского государства могли стать отличным плацдармом для ведения

войны с Ираном и Ираком. Во-вторых, данный регион имел большое экономическое и стратегическое значение для СССР. Бакинский, Грозненский и Майкопский нефтедобывающие районы давали стране 86 % от всесоюзной добычи нефти. Не менее привлекательны были и сельскохозяйственные ресурсы Кубани и Ставрополя. Кавказские горы были насыщены такими полезными ископаемыми, как вольфрам, молибден, марганец. За счёт этих ресурсов нацисты планировали продолжать войну. Для всестороннего использования аграрно-промышленного комплекса Северного Кавказа, немецкое руководство ставило своей задачей привлечение местного населения к сотрудничеству. По этой причине на первом этапе оккупации (с августа по октябрь 1942 года) проводится ряд мероприятий социально-экономического характера, ориентированных на поддержание уровня жизни населения на приемлемом для военного времени уровне [5, с. 341].

Большинство современных исследователей считают, что оккупационная политика, проводимая на захваченных гитлеровцами территориях центральных областей России и Юга страны, отличается по целому ряду вопросов. Здесь фашисты рассчитывали найти поддержку у тех слоёв и групп населения, которые в разное время и в разной степени пострадали от политики советского руководства [6, с. 16–17]. Для достижения максимальной поддержки или лояльного отношения к «новому порядку» на территории Краснодарского и Орджоникидзевского краёв нацистскими властями проводилась особая социально-культурная политика [7, с. 236]. Восстанавливались промышленные предприятия, была объявлена свобода предпринимательства. Нацистская пропаганда уверяла население в скором осуществлении аграрной реформы и переходе от колхозов к единоличному крестьянскому хозяйству.

Оккупанты пытались сохранить систему здравоохранения. Хотя и большая часть медицинских учреждений была передана вермахту для лечения военнослужащих, работали лечебные заведения и для населения. При этом на территории Кубани и на Ставрополье в финансовом отношении политика оккупантов носила более гибкий характер, чем в других регионах СССР. Оказание медицинских услуг допускалось как бесплатно, так и платно. Главным отличием от других территорий РСФСР заключалось в том, что нацисты допускали функционирование медицинских образовательных учреждений. Однако, по мнению И.В. Карташева, в целом сфера здравоохранения на Северном Кавказе не имела будущего в условиях оккупации [8, с. 34–41].

Не оставили без внимания нацистские власти и систему образования, которая, по их мнению, была важнейшим каналом влияния на население. Они составляли новые учебные программы и проводили политику воспитания подрастающего поколения в духе лояльности к нацистскому режиму. При этом начальное образование было платным и обязательным. Продолжали свою работу и некоторые высшие образовательные учреждения [7, с. 35–36]. Однако следует отметить, что отношение населения к намерениям оккупантов возобновить учебный процесс в школах и институтах было неоднозначным. Значительная часть жителей Северного Кавказа уклонилось от направления своих детей на учёбу [9, с. 41–42].

Для усиления коллаборационизма среди населения региона использовались различные средства и методы пропаганды. Так, например, радиовещание велось с 07:30 утра и до 21:00. Германская пропагандистская машина массовыми тиражами издавала брошюры, листовки, журналы и газеты. На Ставрополье и Кубани издавалось около 20 различных газет. Пресса всеми возможными способами демонстрировала преимущества «нового порядка». Также немцы способствовали возрождению религиозной жизни. В этом фашисты видели мощное противопоставление коммунистической идеологии и поэтому поддерживали конфессии, распространённые на Кавказе, восстанавливали церкви, мечети.

Для полного освещения картины повседневной жизни советского человека на оккупированной территории Северного Кавказа, нужно коснуться темы коллаборационизма. По мнению многих региональных учёных нацистская пропаганда добилась на оккупированных территориях Ставропольского и Краснодарского краёв определённых

успехов в привлечении на свою сторону участия местного населения [10, с. 74–77]. При этом особый интерес представляли кавказские национальности, терское и кубанское казачество. На Северном Кавказе формировались специальные национальные восточные легионы. Однако в сражениях они показали не высокие боевые качества, случае переходов легионеров на сторону Красной Армии. Поэтому, в скором времени, такие формирования нацисты начнут использовать в тылу для борьбы с партизанами [11, с. 13–15]. В казаках же гитлеровцы видели исключительно борцов с большевизмом. Немцы знали о таких процессах на Кубани и Ставрополье как расказачивание и раскулачивание. Чтобы привлечь на свою сторону как можно больше станичников, нацисты проводили политику возвращения к дореволюционным традициям казачества. Добровольцам сулили вместе с тем и экономические привилегии. Например, при вступлении в ряды казачьих формирований, доброволец получал единовременную выплату в размере 500 рублей. Особо преданным станичникам дополнительно выделялся надел в 1 га на человека и по 2 лошади на хозяйство, снижались налоги [12, с. 210–215]. Однако количество казаков-добровольцев оказалось не значительным, поэтому основную массу таких формирований составляли принудительно мобилизованные или военнопленные.

На территории Кубани и Ставрополья было немало и тех, кто не побоялся дать отпор захватчикам. Существовало подпольное движение сопротивления оккупантам, которыми руководили партийные работники. Стоит отметить, что их подготовка началась задолго до оккупации. Для координации всех действий партизан был создан 3 августа 1942 г. Южный штаб. Так, было сформировано на Ставрополье 40 партизанских отрядов, на Кубани – 86 отрядов [5, с. 340–342].

Однако, даже в условиях реализации своей политики, направленной на тесное сотрудничество с местным населением, нацистское руководство не отказалось от решения еврейского вопроса на Северном Кавказе. Сразу же после оккупации Ставрополья и большей части Краснодарского края фашисты запустили свою машину смерти. Лица еврейской и цыганской национальностей, душевно больные, инвалиды хладнокровно и систематически уничтожались. По данным Е.Ю. Войтенко только в августе на территории Кубани было истреблено 7 400 человек, еврейской национальности, в Ставропольском крае – 6 350 [4, с. 121–170]. При этом фашисты не различали ни возраста, ни пола. Подавляющая часть уничтоженного населения составляли дети, женщины и старики.

Безжалостные убийства жертв холокоста приводились в жизнь различными изощрёнными способами. Наряду с расстрелами, практиковались отравления углекислым газом, различными ядами. В некоторых случаях немцы закапывали людей заживо [13, с. 69–70]. В станице Ладожской немецкие палачи утопили в реке Кубань около 3 000 евреев [4, с. 138].

На первом выделенном нами этапе оккупации (с августа по ноябрь 1942 года), нацисты тщательно скрывали свои зверства от основной массы населения. Этот факт подтверждается некоторыми актами Чрезвычайной Государственной комиссии и показаниями коллаборационистов. Возьмём, к примеру, акт Краснодарской городской комиссии, где было сказано: «Свою террористическую политику по истреблению советских людей фашистские людоеды всячески старались скрыть от населения города» [14, с. 20]. Это делалось для того, чтобы не шокировать основную массу населения и не раскрыть настоящее лицо фашистской идеологии.

Уже в ноябре 1942 года началось ужесточение оккупационного режима. Это было связано в первую очередь с неудачами вермахта как на Кавказском направлении, так и под Сталинградом. Также не оправдали надежды оккупационного правительства мероприятия, посвящённые набору добровольцев на службу к нацистам. Не были выполнены и программы вывоза ресурсов Кубани и Ставрополья. С этого момента нацисты начинают проводить массовый террор, усиливается ограбление территории Северного Кавказа. В связи с этим мы выделяем второй этап оккупации (с ноября 1942 г. – по октябрь 1943 г.). Это период характерен убийствами и зверствами над малыми социальными группами и различными национальностями, которые не входили в фашистскую

политику холокост. Также большое распространение получают показательные казни. С января 1943 года по приказу Гитлера германская армия перейдет к политике «выжженной земли», суть которой прописана в приказе № 4 об эвакуации, уничтожении и угоне населения при отступлении от 14 февраля 1943 г. [15].

Чтобы раскрыть ужасы оккупационной жизни местного населения, нами было проанализировано множество актов Чрезвычайной Государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских войск и их сообщников. Здесь было бы справедливо уточнить, что под высказыванием «преступления» и «злодеяния» нацистов следует понимать не только беспричинные и жестокие расстрелы советских граждан и детей. Помимо этого, существовало ещё бесчисленное множество зверств, совершенных оккупантами, представить себе которые не способно ничье даже крайне извращённое сознание.

После ноября 1942 года преступления оккупантов начали набирать новые обороты. Даже если не брать в расчёт политику холокоста, проводимую нацистами с особой скрупулёзностью, на оккупируемых территориях СССР и интересуемых нас Ставропольского и Краснодарского краёв было зафиксировано неисчислимое множество неподдающихся здравому смыслу бесчеловечных действий по отношению к советским гражданам. Это и убийство всего медицинского персонала, вынужденного под пытками и насилием оказывать немцам свою профессиональную помощь [16, с. 55–61], и расстрел женщин и детей, под предлогом мнимого перевоза таковых на «безопасную часть Украины», что заканчивалось расстрелом и сбросом тел в ямы и ущелья [16, с. 57]; это использование «душегубок» и обманные махинации с продажей мирному населению подменных средств пропитания, что становилось причиной отравлений, инвалидностей и смертей [16, с. 55–56].

Многие представители мирного населения, попавшие под немилость нацистов-оккупантов, зачастую подвергались пыткам с последующим расстрелом [17, с. 506–507]. Все заключённые, ждущие своей очереди на расправу вынуждены были слушать предсмертные муки своего предшественника [16, с. 34–36]. Одним из примеров подобного издевательства может служить факт убийства около ста тридцати человек в г. Кисловодске. Тела нашли со следами жестоких пыток: с переломами конечностей и размозжением черепов, с оторванными нижними челюстями и изувеченными лицами. Среди этих людей около тридцати пяти трупов принадлежало детям от 4 месяцев до 15 лет. На телах самых маленьких из них не обнаружилось следов пыток и истязаний, вследствие чего медэксперты пришли к выводу о погребении младенцев живьём, рядом с телами своих матерей [18, с. 63–64].

Помимо извращений в своих пыточных и у оврагов, нацисты не глумились возможностью придумать и что-то более ужасное. Так, например, в городе Георгиевске оккупанты не забыли оставить напоминание о себе с тем же зверским почерком: 9 и 10 января 1943 года, немецкие солдаты стали продавать спирт и питьевую соду по сходной цене. Наивные граждане повелись на уловку. Только вот спирт оказался метиловым, а сода – щавелевой кислотой [19], что привело к ужасающим последствиям: 214 человек были отравлены метиловым спиртом, 50 человек ослепли, многие погибли [16, с. 55–56].

К сожалению, это самая ничтожная часть сведений из тех, что на данный момент уже доступны. Список преступлений «извергов рода человеческого» можно продолжать бесконечно и каждая картина будет хуже предыдущей. Если обратиться к сведениям о нацистских преступлениях в Краснодарском крае – мы не увидим здесь существенных отличий или же каких-то «поблажек» со стороны нацистов. Мирное население здесь, равно как и в других оккупированных частях СССР, подвергалось чудовищным пыткам: без всякого повода их избивали палками и плетями, насиловали женщин, расстреливали ни в чём неповинных граждан, истребили всё еврейское население [20, с. 31–32]; детей уничтожали на глазах родителей. Многие из детей погибли от сильно действующей ядовитой жидкости, которой смазывали их губы [21, с. 28–30].

Не редки были случаи, когда, выполнив свои зверские расправы у очередных ям, оккупанты не спешили «марать» руки ещё и процессом закапывания своих злодеяний.

Этим приходилось заниматься тем же арестантам, на глазах которых происходили расстрелы их друзей, знакомых и просто соотечественников. Когда свидетели заканчивали с процессом захоронения, следовал приказ ложиться в ту же яму, после чего их закапывали заживо [22, с. 32–33].

Здесь же нельзя обойти без внимания факт от 9 октября 1942 года в г. Ейск Краснодарского края, где произошло невиданное до сего момента в истории цивилизованных народов преступление. Детей эвакуированного Симферопольского детдома массово сажали на протяжении двух дней (10 октября собирали тех, кто не поместился или сумел скрыться) в крытые машины, объясняя это разными несвязными между собой причинами. Всех этих детей немцы вывозили в район Южных садов. О судьбе сирот стало известно лишь спустя полгода, когда исследователям предстала перед глазами следующая картина: в разрытой могиле беспорядочно лежали тела детей. Многие из них обнимали друг друга, видимо прощаясь, кто-то даже после смерти держался за свои костыли, необходимые им при жизни. В процессе осмотра обнаруженных тел – не было найдено ни одного следа огнестрельного оружия или каких-либо иных ранений от чего стало ясно: детей закопали в могилу живыми... [20, с. 30–33].

Стоит обратить внимание, что в течение всего периода оккупации нацистское правительство практиковало угон физически здоровых советских граждан в Германию на принудительные работы. При этом условия перевозки были настолько суровы, что многие люди погибали по пути [17, с. 518–520]. За время своего пребывания на территории Краснодарского и Ставропольского краёв, на принудительные работы было вывезено 32 761 человек [23, с. 39–68].

1 января 1943 г. – дата начала стратегического наступления Красной армии на Северном Кавказе. В результате этой операции советские войска нанесли крупное поражение группе армии «А» противника. Перед отступлением нацисты пытались уничтожить все ценные для врага предприятия, здания, культурные учреждения, повредить критическую инфраструктуру. Ярким примером данных мероприятий является город Краснодар: «гитлеровцы разбойники сожгли и разрушили более 420 крупнейших зданий города, в том числе здания институтов... уничтожили все промышленные предприятия города, железнодорожные вокзалы... все подсобные хозяйства» [14, с. 27]. Такая картина наблюдалась в каждом городе, где фашисты успевали похозяйничать перед приходом Красной армии.

Наиболее важно понимать, что период оккупации Ставропольского и Краснодарского краёв условно можно поделить на два этапа. Так, первому этапу оккупации с нацистской стороны, длившемуся с августа по декабрь 1942 г., характерно систематическое проведение политики холокоста, но в то же время прослеживаются и тенденции к налаживанию контактов с народами Северного Кавказа. Коренным образом меняются их планы по отношению к мирному населению после череды поражений в конце 1942 – начале 1943 гг., последствиями которых стало усиление карательной деятельности, увеличение числа жертв. В период оккупации Краснодарского и Ставропольского краёв по подсчётам ЧГК 84 163 человек было замучено и расстреляно в ходе нацистского террора. Также, колоссальный ущерб был нанесён промышленности и аграрному сектору регионов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бочкарева З.В. Оккупационная политика фашистской Германии на Северном Кавказе. Дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1992. 242 с.
2. Линец С.И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: Состояние и особенности развития. Июль 1942 – октябрь 1943 г. Дис. ... д-ра ист. наук. Пятигорск, 2003. 341 с.
3. Доронина Н.В. Нацистская пропаганда на оккупированных территориях Ставрополья и Кубани в 1942-1943 гг.: цели, особенности, крах. Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Ставрополь, 2005. URL: <https://www.dissercat.com/content/natsistskaya-propaganda-na-okkupirovannykh-territoriyakh-stavropolya-i-kubani-v-1942-1943-gg>.

4. Войтенко Е.А. Холокост на юге России в период Великой Отечественной войны (1941–1943 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2005. URL: https://new-dissert.ru/_avtoreferats/01002750347.pdf.
5. Блейх Н. О. Оккупационная политика немецких властей на Северном Кавказе (1942–1943 гг.) // История и современное мировоззрение. 2020. Т. 2. № 2. С. 22–27.
6. Вшивцева Ю.В. Население Краснодарского края накануне и в годы Великой Отечественной войны: историко-демографический аспект (1939–1945 гг.) Дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2010.
7. Доронина Н.В. Культурная политика в контексте нацистской пропаганды на оккупированных территориях Ставрополья и Кубани в 1942–1943 гг.
8. Карташев И.В. Состояние здравоохранения на Северном Кавказе в условиях немецко-фашистской оккупации 1942–1943 гг. (На материалах Кубани и Ставрополья). Дис. ... канд. ист. наук. Автореферат. Ставрополь, 2020.
9. Линец С.И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 гг.) Дис. ... канд. ист. наук. Автореферат. Пятигорск, 2003.
10. Доронина Н.В., Линец А.С., Линец С.И. Пропагандистское противостояние на оккупированных территориях Ставрополья и Кубани в 1942–1943 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 4. С. 74–78.
11. Журавлев Е.И. Политика нацистов по развитию коллаборационизма и ее реализация на Юге России в годы Великой Отечественной войны (1941–1943 гг.) // Научная мысль Кавказа. 2012. № 1. С. 60–65.
12. Кринко Е.Ф. Коллаборационизм на оккупированной территории Кубани (1942–1943 гг.): причины, типы, последствия // Научно-творческое наследие ... и современность. Краснодар: ИМСИТ, 2010. 356 с.
13. Из докладной записки краевой комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, направленной Чрезвычайной Государственной комиссией // Сборник документов по установлению злодеяний на территории Северного Кавказа в период оккупации нацистской Германией. Краснодар, 2013.
14. Акт Краснодарской городской комиссии ЧГК о злодеяниях немецко-фашистских войск и их сообщников в городе во время оккупации // Федеральный архивный проект «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». URL: <https://victims.rusarchives.ru/akt-krasnodarskoy-gorodskoy-komissii-chgk-o-zlodeya-niyakh-nemecko-fashistskikh-voysk-i-ikh>.
15. Приказ А. Гитлера об эвакуации, уничтожении и угоне населения при отступлении вермахта (приказ фюрера № 4) // Федеральный архивный проект «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» URL: <https://victims.rusarchives.ru/index.php/prikaz-gitlera-ob-evakuacii-unichtozhenii-i-ugone-naseleniya-pri-otstuplenii-prikaz-fyurera-po-4-14>.
16. О злодеяниях немецко-фашистских оккупантов в Ставропольском крае. Акт № 1 // Сборник документов по установлению злодеяний на территории Северного Кавказа в период оккупации нацистской Германией. Краснодар, 2013.
17. На всех оккупированных территориях немецкие фашисты совершали массовые убийства населения // СС в действии. Документы о преступлениях СС. Перевод с немецкого. М., 2000.
18. Акт № 4 // Сборник документов по установлению злодеяний на территории Северного Кавказа в период оккупации нацистской Германией. Краснодар, 2013.
19. Толстой А. Коричневый дурман // Правда. 1943. 5 августа.
20. Чудовищные пытки и массовое истребление немцами жителей городов и станиц Краснодарского края. Акт № 3 // Сборник документов по установлению злодеяний на территории Северного Кавказа в период оккупации нацистской Германией. Краснодар, 2013.
21. О зверских злодеяниях гитлеровских захватчиков в городе Краснодаре. Акт № 1 // Сборник документов по установлению злодеяний на территории Северного Кавказа в период оккупации нацистской Германией. Краснодар, 2013.
22. Акт № 4 // Сборник документов по установлению злодеяний на территории Северного Кавказа в период оккупации нацистской Германией. Краснодар, 2013.
23. Сборник документов по установлению злодеяний на территории Северного Кавказа в период оккупации нацистской Германией. Краснодар, 2013.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПЕРЕПОДГОТОВКА ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ШКОЛ ФЗУ ЛУГАНЩИНЫ В 1920-Е ГГ.

Аннотация. Статья посвящена анализу форм и методов повышения квалификации преподавателей школ фабрично-заводского ученичества в 1920-е гг. Автором охарактеризовано место ФЗУ в системе профессионального образования, основные принципы организации учебного процесса. На материале Луганщины показан алгоритм и содержание подготовки и переподготовки кадров учителей данного типа образовательных учреждений.

Ключевые слова: система профессионального образования УССР, школы фабрично-заводского ученичества, дополнительная профессиональная подготовка, Бюро по переподготовке педагогов, комиссии производственного цикла, курсы повышения квалификации, учебно-методические комиссии.

PROFESSIONAL RETRAINING OF TEACHERS SCHOOLS FZU OF LUHANSK REGION IN THE 1920s

Abstract. The article is devoted to the analysis of forms and methods of advanced training of teachers of factory apprenticeship schools in the 1920s. The author characterizes the place of the FZU in the system of vocational education, the basic principles of the organization of the educational process. The algorithm and content of training and retraining of teachers of this type of educational institutions are shown on the material of Luhansk region.

Keywords: the system of vocational education of the Ukrainian SSR, factory apprenticeship schools, additional professional training, Bureau of teacher retraining, production cycle commissions, advanced training courses, educational and methodological commissions.

Процесс развития современной системы среднего профессионального образования (далее – СПО) Луганской Народной Республики, находящейся на стадии активной интеграции в образовательное пространство Российской Федерации, характеризуется рядом проблем, одной из которых является потребность скорейшей оптимизации форм и методов профессиональной переподготовки педагогических кадров. Появление данной проблемы стало логичным следствием модернизации промышленного оборудования, динамичного развития рынка труда, потребности которого имеют прямое влияние на формирование требований к образовательному уровню и практической подготовке выпускников учреждений СПО. Политический курс на дальнейшее развитие производственной сферы Луганщины, увеличение количества вводимых в эксплуатацию промышленных предприятий, появление новых рабочих мест обусловили актуальность повышения квалификации преподавателями системы СПО, что определяет необходимость обращения к анализу опыта организации и проведения профессиональной переподготовки педагогов учреждений основного типа профессионально-технической школы УССР, полученного на предыдущих этапах исторического развития, в частности, в условиях восстановления промышленности Донбасса в 1920-е гг.

Целью данной статьи является анализ процесса организации и результатов переподготовки преподавателей школ ФЗУ Луганщины в период новой экономической политики. Отдельные аспекты исследуемой проблемы были освещены в работах Н.А. Шайденко, С.Н. Кипуровой [21], В.В. Липинского [15], Ю.В. Ергина [10], И.А. Наминовой [18], О.Е. Мисечко [17], Е.В. Метель [16], А.Н. Позднякова [20], В.А. Ермолова [11] и других исследователей. При этом, несмотря на разработанность многих проблем, связанных со становлением и функционированием сети учреждений профессионального образования в 1920-е гг., проблема профессиональной подготовки и переподготовки педагогов ФЗУ до сих пор остается недостаточно изученной.

Структуру органов системы профессионального образования, становление которой началось в 1920 г., представляли два типа образовательных учреждений: низший (основной) и высший. К низшему типу относились школы фабрично-заводского ученичества (далее – ФЗУ), профессиональные школы, а также краткосрочные и долгосрочные курсы, к высшему – техникумы и институты. Наиболее массовыми образовательными учреждениями, специализировавшимися на подготовке квалифицированных специалистов промышленных предприятий, являлись школы ФЗУ. Они функционировали на базе производств и принимали на обучение подростков обоего пола с 15 лет, окончивших семилетнюю трудовую школу. Срок обучения в ФЗУ составлял три – четыре года [9, л. 6]. К организации учебного процесса в школах фабрично-заводских ученичеств, как правило, привлекались преподаватели школ-семилеток и техникумов, а также специалисты, работавшие на промышленных предприятиях.

В условиях дефицита квалифицированных преподавательских кадров, знающих производство и одновременно имеющих педагогическое образование, одной из наиболее важных проблем являлась организация системы дополнительного профессионального образования. Ее появление было вызвано следующими причинами.

Во-первых, многие педагоги ФЗУ имели всего лишь начальное образование. Согласно данным статистики, к началу 1920-х гг. только 7,5 % педагогов имели высшее, либо незаконченное высшее образование, 62 % – среднее образование, 12 % – специальную педагогическую подготовку и 81,5 % – начальное или домашнее образование. Примерно такая же ситуация наблюдалась на Луганщине [12, с. 147]. При этом некоторые учителя имели не слишком долгий стаж педагогической работы. Так, по данным материалов луганской окружной конференции ФЗУ, промышленных рабочих курсов и Высшей партийной школы, состоявшейся в июне 1928 г., у 34,1 % педагогов стаж работы по специальности составлял более десяти лет, 31 % преподавателей трудились по профессии от пяти до десяти лет, 6,9 % – от трёх до пяти лет, 28 % – до трёх лет. Педагогический стаж квалифицированных специалистов, преподававших специальные дисциплины и руководивших в ученичествах производственным обучением характеризовался следующими показателями: 61,6 % имели стаж педагогической работы не более трёх лет, 38,4 % – от трёх до десяти лет. При этом низшее образование имели 96,3 %, среднетехническое – 3,7% [7, л. 5].

Во-вторых, не все педагоги обладали политической лояльностью к советской власти, либо были политически неграмотны, что являлось немаловажным фактором, поскольку школы фабзавуча играли важную роль в политическом воспитании подростков. Как отмечает исследователь Р.А. Кленова, в 1921 г. среди педагогов насчитывалось только 0,5 % коммунистов [13].

В-третьих, отсутствовала плановость подготовки кадров для школ ФЗУ, что также обуславливало необходимость подготовки педагогов, обладающих конкретным набором компетенций.

Принятие преподавателей на работу осуществлялось заведующими ученичества и руководством промышленных предприятий, при которых они организовывались. Подбору педагогических кадров содействовал окружной отдел профессионального образования, собиравший от заводоуправлений сведения о вакансиях, в которых указывались: название дисциплин, для чтения которых необходимы педагоги; количество часов преподавания в неделю; почасовая оплата труда; доступная для проживания педагога жилищная площадь (количество комнат и так далее) [6, л. 123].

Преподавание общих обязательных дисциплин в ученичествах возлагалось на учителей трудовых школ, которые работали по совместительству. Специальные дисциплины и практическое обучение подростков проводилось квалифицированными специалистами промышленных предприятий, на базе которых функционировали ФЗУ. Деятельность педагогов была направлена на формирование у обучающихся необходимых общих и специальных теоретических знаний, получение ими опыта работы на промышленном оборудовании и навыков выполнения полного спектра работ, связанных с полученной специальностью [19, с. 8].

В функции педагогов, принятых на работу в школы ФЗУ, помимо всего прочего, входил анализ содержания преподаваемых дисциплин с целью улучшения их качества и выявления связей с практической деятельностью рабочих промышленных предприятий. Для этого, согласно распоряжениям губернских отделов профессионального образования, педагогические работники ученичеств были обязаны составлять подробные конспекты читаемых предметов с делением содержания по семестрам. Конспекты предоставлялись школьному Совету, проводившему их проверку и утверждение. Далее конспекты рассматривали специалисты учебно-методической комиссии губернского отдела народного образования, после чего они направлялись губернскому отделу профессионального образования и рассылались другим ученичествам в качестве образца. Так вырабатывались оптимальные варианты содержания научных дисциплин [3, л. 96].

С целью улучшения профессиональной переподготовки педагогов центральными органами Наркомата просвещения и окружными отделами профессионального образования в 1920-е гг. был принят ряд мер. Одной из них стало создание методических Бюро по переподготовке педагогов, в составе которых функционировали цикловые и предметные комиссии. Они организовывали краткосрочные курсы и семинары для преподавателей общих, обязательных и специальных дисциплин, а также проводили анализ рабочих учебных программ изучаемых предметов. Методическую помощь в организации курсов и семинаров оказывали учебно-методические комиссии при окружных отделах народного образования [5, л. 8]. Изучение учебно-методической документации цикловых и предметных комиссий луганского округа за весну 1926 г. позволяет констатировать, что с 16 по 23 апреля были проведены шесть заседаний для учителей русского языка, природоведения, химии, математики, физики, механики, машиноведения, обществоведения, экономической географии и ряда специальных предметов («технологии металлов», «организации производства» и других).

Особое внимание уделялось переподготовке преподавателей обществоведения, в обязанности которых входило проведение идеологической работы с подростками. Работу с этими педагогами проводили академические секции, создаваемые при методических бюро окружных партийных комитетов [8, л. 30].

Для учителей трудовых школ, впервые поступивших на работу в ФЗУ, организовывались экскурсии на промышленные предприятия, в ходе которых они знакомились с механизмом и особенностями производственной деятельности. Экскурсии для преподавателей проводили квалифицированные специалисты, трудившиеся на предприятиях [4, л. 22].

Для повышения профессионального уровня преподавателей производственного обучения школ ФЗУ и других типов образовательных учреждений системы профессионального образования при Бюро по переподготовке педагогов создавались комиссии производственного цикла. Их деятельность заключалась в выработке оптимальных форм организации практических работ. Результаты повышения квалификации преподавателей и общие методические вопросы реализации образовательного процесса обсуждались на пленумах методического Бюро. От школ ФЗУ в них участвовали представители администрации, педагоги и старосты групп обучающихся [6, л. 25, 30, 78].

Отдельной формой повышения квалификации всех педагогов, включая учителей ФЗУ, стали в 1920-е гг. курсы по изучению украинского языка. Причиной их массового проведения в рамках УССР стало постановление ВЦИК УССР от 21 февраля 1920 г. «Об употреблении во всех учреждениях украинского языка наравне с русским» и постановление СНК УССР от 21 сентября 1920 г. о внедрении украинского языка в школах и советских учреждениях. Следствием данных постановлений стал переход преподавания на украинский язык, владение которым у педагогов было крайне низким, особенно на территории Донбасса. Это обусловило приоритетность данного направления переподготовки педагогических кадров.

Преподаватели изучали украинский язык на государственных курсах украинизации, для организации которых создавались комиссии при окружных исполнительных

комитетах КП(б)У. Средняя продолжительность одного занятия на данных курсах составляла три часа. Обучение проводилось с применением таких форм, как лекция, беседа, чтение, написание диктантов, выполнение упражнений по переводу текстов. Содержание обучения отличалось значительной степенью заидеологизированности, о чём можно судить по формулировкам тем, изучаемых учителями украинской литературы: «Искусство и его место в классовой борьбе пролетариата», «Рабочий класс в литературе», «Пролетарская лирика и проза» [1, л. 4–6]. Несмотря на усилия центральных государственных партийных органов и отдельных местных педагогов, темпы проведения украинизации на территории Донбасса были неудовлетворительными. Помимо нехватки квалифицированных учителей, знающих украинский язык, эффективности проведения политики украинизации в сфере образования мешали такие факторы, как дефицит учебно-методического обеспечения и личное нежелание местных педагогов переходить на украинский язык обучения.

Проанализировав совокупность мер, предпринимаемых окружными органами народного образования, можно констатировать, что функционирование системы профессиональной переподготовки преподавателей теоретического и практического обучения школ фабрично-заводского ученичества положительно отразилось на повышении их профессионального уровня и, как следствие, обеспечении промышленных предприятий Луганщины квалифицированными кадрами, окончившими ФЗУ. Об успехах в подготовке квалифицированных специалистов свидетельствуют следующие статистические данные: к концу 1920-х гг., благодаря преодолению кадрового «голода» на территории Луганщины, удалось выполнить производственные планы отраслей государственной промышленности на 102,5 % [2, л. 7]. Комплекс мероприятий по переподготовке преподавателей школ ФЗУ позволил учеництвам сохранить статус основного типа профессионально-технической школы [14, с. 155].

Таким образом, в качестве вывода следует отметить, что профессиональная переподготовка преподавателей школ ФЗУ Луганщины в 1920-е гг. была направлена на повышение квалификации учителей трудовых школ, работавших в ученичествах по совместительству, и на обучение специалистов, трудившихся на промышленных предприятиях, методике преподавания. Для достижения этой цели окружными отделами народного и профессионального образования, а также окружными партийными комитетами была создана сеть органов, включающих Бюро по переподготовке педагогов, краткосрочные и долгосрочные курсы, академические секции и комиссии производственного цикла. Преподаватели, проходившие переподготовку, осваивали методы обучения, соответствующие политехническому принципу, лежащему в основе системы народного образования СССР. Разнообразие системы переподготовки преподавателей теоретических и практических дисциплин способствовало достижению высоких показателей функционирования школ ФЗУ в области подготовки квалифицированных рабочих промышленных предприятий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственная архивная служба Луганской Народной Республики (далее – Госархив ЛНР). Р-401. Оп. 1. Д. 164.
2. Госархив ЛНР. Р-401. Оп. 1. Д. 169.
3. Госархив ЛНР. Р-401. Оп. 1. Д. 203.
4. Госархив ЛНР. Р-401. Оп. 1. Д. 211.
5. Госархив ЛНР. Р-401. Оп. 1. Д. 220.
6. Госархив ЛНР. Р-401. Оп. 1. Д. 223.
7. Госархив ЛНР. Р-401. Оп. 1. Д. 311.
8. Госархив ЛНР. Р-416. Оп. 1. Д. 92.
9. Госархив ЛНР. Р-401. Оп. 1. Д. 215.
10. Ергин Ю.В. История украинской системы педагогического образования: 20-е – начало 30-х годов XX века // Педагогический журнал Башкортостана. 2018. № 5 (78). С. 130–140.

11. Ермолов В.А. Реформа школьного образования в рамках культурной политики советской власти в 20-х гг. XX века (на примере Новгородской губернии) // Общество. Среда. Развитие. 2009. № 2 (11). С. 143–157.
12. Изменения социальной структуры советского общества: (1921 – середина 30-х годов). Москва: Мысль, 1979. 343 с.
13. Кленова Р.А. Из истории возникновения школ фабрично-заводского ученичества (1921–1925 гг.) // Вопросы истории. 1963. № 12. С. 199–203.
14. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 5. 1929–1932 гг. Москва: Издательство политической литературы, 1984. 446 с.
15. Липинський В.В. Концепція та модель освіти в УСРР у 20-ті рр. // Український історичний журнал. 1999. № 5. С. 3–14.
16. Метель Е.В. Учителство в первые годы советской власти: идеологическая трансформация // Исторический курьер. 2021. № 6 (20). С. 122–133.
17. Мисечко О.Е. Разработка формы и содержания профессионально-педагогической подготовки учителя в условиях институтов народного образования в Украине в 1920-х гг. // Историко-педагогический журнал. 2014. № 3. С. 139–152.
18. Наминова И.А. Направления повышения квалификации учителей в России 1920-х годов // Преподаватель XXI век. 2016. № 2–1. С. 110–117.
19. О фабрично-заводском ученичестве: сборник статей. Ярославль: Ярославское отделение Государственного издательства, 1922. 63 с.
20. Поздняков А.Н. Становление системы повышения квалификации учителей в 1920-е годы // Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. 2012. № 1 (21). С. 143–148.
21. Шайденко Н.А., Кипурова С.Н. Подготовка педагогических кадров в России с 1917 года до 90-х годов XX века // Известия Российской академии образования. 2018. № 3 (47). С. 52–60.

С.С. Свирева

(Науч. рук. – канд. ист. наук, доц. И.В. Грицких)

ОРГАНИЗАЦИЯ ПО БЕЗОПАСНОСТИ И СОТРУДНИЧЕСТВУ В ЕВРОПЕ – МЕРТВОРОЖДЕННЫЙ ПЛОД «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»?

Аннотация. Целью данной статьи является оценка роли Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) в эпоху после окончания холодной войны. В документе сначала будет дан краткий обзор развития Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), а затем будут рассмотрены две противоположные точки зрения, которые сложились в 1990-х годах. Первый утверждает, что ОБСЕ является продуктом холодной войны и устарела в отсутствие соперничества между Востоком и Западом. Второй предполагает, что ОБСЕ играет важную роль в обеспечении безопасности в «новой Европе», и заходит так далеко, что утверждает, что она могла бы предложить жизнеспособную замену НАТО.

Ключевые слова: СБСЕ, ОБСЕ, НАТО, холодная война, СССР, Европа.

IS THE ORGANIZATION FOR SECURITY AND CO-OPERATION IN EUROPE A STILLBORN FRUIT OF THE COLD WAR?

Abstract. The purpose of this article is to assess the role of the Organization for Security and Co-operation in Europe (OSCE) in the post-Cold War era. The document will first give a brief overview of the development of the Conference on Security and Cooperation in Europe (CSCE), and then will consider two opposing points of view that developed in the 1990s. The first claims that the OSCE is a product of the Cold War, which has become obsolete in the absence of rivalry between East and West. The second assumes that the OSCE plays an important role in ensuring security in the «new Europe» and goes so far as to claim that it could offer a viable replacement for NATO.

Keywords: CSCE, OSCE, NATO, Cold War, USSR, Europe.

В 1944 году лидер югославского коммунистического движения Тито выразил заинтересованность в развитии сотрудничества между государствами по всей Европе [1, с. 13]. Это желание было поддержано в 1953 году министром иностранных дел Советского Союза Молотовым в его предложении о создании общеевропейской системы безопасности. В 1965 году Тито еще раз подтвердил важность создания конференции по безопасности в Европе. Этот энтузиазм побудил югославское правительство опубликовать предложения о проведении конференции. Впоследствии этот документ был распространен во всех европейских государствах, а также в Канаде и Соединенных Штатах, хотя энтузиазма на Западе особого не было [2, с. 155]. Эти предложения были повторно представлены потенциальным государствам-членам в 1972 году, и двери для Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе были, наконец, открыты [3, с. 144].

Борьба за окончательное соглашение в 1975 году была долгой и трудной. Советский Союз боролся за то, чтобы границы после Второй мировой войны остались нетронутыми, а социалистические режимы были признаны законными. По другую сторону стола переговоров Запад сплотился, чтобы включить вопросы, касающиеся прав человека и основных свобод в окончательное соглашение, к большому неудовольствию СССР. В разгар этого политического перетягивания каната нейтральные неприсоединившиеся государства пытались найти точки соприкосновения между двумя блоками, чтобы обеспечить основу для компромисса и приемлемого окончательного соглашения [4, с. 48].

После трех этапов переговоров – Хельсинки 3–7 июля 1972 г.; Женева 29 августа – 2 сентября 1973 г. и Хельсинки 30 июля – 1 августа 1975 г. – был подготовлен Хельсинкский заключительный акт как не имеющий обязательной юридической силы заключительный документ [5, с. 267]. Документ разделен на четыре корзины, в каждой из которых рассматриваются различные аспекты, определенные членами как имеющие отношение к европейской безопасности. Корзина I, детище Советского Союза, представлена в виде десяти принципов, устанавливающих нормы регулирования межгосударственных отношений. Эти Принципы выражают обязательства государств-членов уважать суверенитет, территориальную целостность и нерушимость границ и воздерживаться от вмешательства во внутренние дела государств и применения силы или угрозы силой. Корзина II, которой Запад уделяет больше внимания, поощряет сотрудничество и гармонизацию отношений в экономической, технической, научной и экологической областях. Эта Корзина получила восторженную поддержку со стороны государств Восточной и Центральной Европы, поскольку она предоставляла законные средства для ослабления связей с Советским Союзом.

Корзина III оказалась «яблоком раздора» переговоров, но без согласия по вопросам прав человека, затронутым в этой Корзине, Запад отказался бы согласиться с принципами Корзины I. После значительного компромисса и перефразирования Корзина III, наконец, появилась для поощрения свободы передвижения и информации, защиты национальных меньшинств и усилия по воссоединению разделенных семей. В Корзине IV декларируется решимость подписавших сторон придерживаться стандартов договора и обсуждать мнения относительно его положений и их осуществления. Продолжение Конференции было также обеспечено путем установления даты проведения последующего совещания. Наконец, в дополнительный раздел были внесены положения, направленные на улучшение сотрудничества со средиземноморскими государствами, не являющимися членами Организации.

Достижения СБСЕ во время холодной войны сводились к предоставлению форума для общения между Востоком и Западом во времена, когда отношения за пределами Конференции были враждебными [6, с. 52]. Это обеспечило принятые стандарты в межгосударственных отношениях и позволило странам Восточной Европы укрепить связи с Западом. Атмосфера в СБСЕ в итоге позволила добиться прорыва в области контроля над вооружениями на переговорах по обычным вооружениям в Европе (ДОВСЕ), в области, в которой переговоры о взаимном и сбалансированном сокращении вооруженных

сил (MBFR) не смогли достичь какого-либо компромисса между 1973 и 1989 годами. Меры укрепления доверия и безопасности (МБД) способствовали прозрачности и предсказуемости военных маневров и способствовали обмену военной информацией с целью уменьшения недопонимания и неправильного толкования. Возможно, что более важно, СБСЕ предоставило Европе всеобъемлющий форум по безопасности, позволяющий ей воспользоваться новыми обстоятельствами, возникшими после 1989 года.

До 1990 года СБСЕ функционировало в основном как серия совещаний и конференций, которые развивали и расширяли обязательства государств-участников, периодически проводя обзор их выполнения. Окончание холодной войны проложило путь к институционализации СБСЕ – распад Советского Союза и прекращение военных действий заставляют многих утверждать, что Конференция достойна была постоянного статуса. Процесс институционализации был запущен на Парижской конференции 1990 года, на которой были созданы постоянные органы в Вене, Варшаве и Праге, а в Будапеште 1994 года Конференция была переименована в Организацию безопасности и сотрудничества в Европе. Фокус СБСЕ / ОБСЕ после принятия Парижской хартии сместился в сторону предотвращения конфликтов и управления кризисами. Это нашло отражение в том, как организация пыталась развить способность справляться с внутрисоюзной, а также межгосударственной напряженностью [7, с. 252]. Однако остается вопрос, сможет ли ОБСЕ развить этот потенциал, чтобы обеспечить основу безопасности в Европе и, возможно, заменить НАТО в будущем. Или ОБСЕ окажется неуместной в новой Европе, обеспокоенной внутренней этнической напряженностью, угрозой распространения ядерного оружия и ухудшением состояния окружающей среды?

Ряд аналитиков утверждают, что ОБСЕ не обладает потенциалом для того, чтобы предложить заслуживающий доверия форум для решения этих новых угроз и неопределенностей. Те, кто отказывается от вклада ОБСЕ, как правило, являются неореалистами. Неореалисты утверждают, что институты просто отражают баланс сил в регионе, а не предлагают средства обеспечения безопасности; хотя это утверждение может быть поставлено под сомнение в случае ОБСЕ, где государства считаются равными.

Роль ОБСЕ в большей степени сводилась к обеспечению долгосрочных решений проблем напряженности. Таким образом, влияние ОБСЕ было негласным. Кристофер Бертрам, политический редактор *Die Zeit*, Гамбург, рассматривает ОБСЕ как сцену, на которой Восточный и Западный блоки могли бы продолжить свои игры политического соперничества времен холодной войны. Бертрам не верит, что ОБСЕ способна создать потенциал для противодействия угрозам безопасности в Европе после окончания холодной войны. Это отражается в том, что организации предшествовали другие форумы, такие как НАТО, Европейский союз, что не оставило ОБСЕ никакой уникальной идентифицируемой роли и делает эту организацию второстепенной.

Даже если принять самую оптимистичную оценку, остается очевидным, что существуют определенные области работы ОБСЕ, которые потребуют адаптации, если эта организация хочет справиться с вызовами XXI века. Вопрос о равенстве между государствами рассматривался ранее в контексте аргумента против сохранения роли ОБСЕ. Однако есть основания полагать, что это равенство является важным аспектом организации. Единодушие позволяет всем государствам высказывать свои озабоченности, не опасаясь неприятия и самодовольства сверхдержав. Это равенство предотвращает недовольство между государствами, которое развилось в Организации Объединенных Наций, и предотвращает заявления меньших государств о том, что организация используется могущественными государствами для поддержания контроля над более слабыми членами [8, с. 43]. У доминирующих западных государств есть множество альтернативных форумов для осуществления своей власти, и кажется маловероятным, что они будут возмущаться тем, что их ставят наравне с их меньшими европейскими партнерами в рамках форума ОБСЕ.

ОБСЕ, как и СБСЕ до нее, основана на видении «всеобъемлющей безопасности», которая охватывает права человека и экономическое сотрудничество, а также традиционную «жесткую» безопасность. Однако надежды на то, что ОБСЕ может стать центральной опорой нового порядка после окончания холодной войны, угасли, поскольку вновь возникли разногласия между расширенным ЕС и НАТО, с одной стороны, и Россией – с другой. ОБСЕ не хватает юридических полномочий и ресурсов, необходимых для реализации ее амбиций стать платформой для общеевропейского трансатлантического сотрудничества. Когда решения принимаются консенсусом, разногласия между государствами-участниками препятствуют принятию решений и мешают организации стать более эффективной. ОБСЕ играет полезную, хотя и ограниченную роль в нескольких областях. Организация была бессильна разрешить конфликты в постсоветском регионе, но ее наблюдатели являются основным источником подробной и достоверной информации. Соглашения ОБСЕ, такие как Венский документ, помогают повысить военную прозрачность, а миссии по наблюдению за выборами продвинули демократические реформы в нескольких странах. Москва неоднократно предлагала новую общеевропейскую архитектуру безопасности после выступления президента Медведева в Берлине в 2008 году. Российские предложения были представлены ООН и ЕС, но встретили критику со стороны других стран ОБСЕ, поскольку они предусматривали ограничение деятельности НАТО и расширение в Европе. ОБСЕ остается главным форумом, включающим как США, так и Россию, для обмена военной информацией и ведения переговоров о механизмах европейской безопасности. Однако его некогда эффективные инструменты безопасности все чаще оказываются под угрозой. Они не смогли предотвратить грузино-российскую войну 2008 года, а мандат миссии ОБСЕ в Грузии истек в декабре 2008 года. «Украинский кризис» особенно ярко обозначил эту тенденцию: ни одна из предполагаемых альтернатив ОБСЕ не стала сколько-нибудь значимой переговорной площадкой для обсуждения способов его урегулирования. Однако перспективы сохранения ОБСЕ как уникального переговорного формата вызывают серьезные опасения из-за сохраняющегося раскола в отношении европейской безопасности между странами НАТО и Россией.

У ОБСЕ, безусловно, есть свои недостатки, как и у всех организаций, которые были созданы в Европе. Однако процесс институционализации, который уже произошел, предполагает, что государства-члены рассматривают ОБСЕ в качестве важного органа, с помощью которого можно обеспечить безопасность и стабильность в Европе. Вызов на будущее теперь будет возникать из-за необходимости эффективного разделения проблем безопасности в Европе между четырьмя основными европейскими институтами – НАТО, ОБСЕ, ЗЕС и ЕС. Ни один единый форум, вероятно, не сможет заниматься всеми аспектами безопасности в будущем. Потребовалось тридцать лет, чтобы продвинуться от первых мыслей о конференции по безопасности в Европе до подписания Хельсинкского заключительного акта. Для того чтобы форум стал постоянным учреждением, потребовалось еще пятнадцать лет. В предстоящем году ОБСЕ, вероятно, продолжит адаптацию, внося уникальный вклад в новую «архитектуру» европейской безопасности. Однако насколько эффективной будет ОБСЕ, еще предстоит выяснить, и это зависит исключительно от государств-членов организации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архитектура евроатлантической безопасности / под ред. В. Г. Барановского. М.: Экон-Информ, 2009.
2. Бажанов Е. П. Формирование систем безопасности на севере Европы и роль России в этом процессе. М., 2005.
3. Воронков В. И. Договор о европейской безопасности: после Корфу // Индекс Безопасности. 2009. № 3–4. С. 143–148.
4. Воронков Л. П. Хельсинкский процесс и европейская безопасность. Что дальше? М.: МГИМО-Университет, 2012.

5. Данилов Д. А. Общая внешняя политика и политика безопасности // Европейский Союз: факты и комментарии. М., 2008.
6. Журкин В. Европейская армия: поражения и победы. М.: Международные отношения, 2012.
7. Загорский А.В. Укрепление ОБСЕ. Формирование единого пространства экономического и гуманитарного сотрудничества, сообщества неделимой безопасности от Атлантики до Тихого океана. Российский совет по международным делам. Доклад № 16. 2014. М.: Спецкнига, 2014.
8. Загорский А.В. Хельсинкский процесс. Переговоры в рамках СБСЕ в Европе (1972–1991). М., 2005.
9. Загорский А.В., Лукас М.Р. Россия перед европейским вызовом. М., 1993.
10. Караганов С.А. Будущее Европы ставит вопросы // Международная жизнь. 1991. № 4. С. 49–60.
11. Кортунув С.В. Современная внешняя политика России. Стратегия избирательной вовлеченности. М., 2009.

А.И. Севостьянова

ГОСПИТАЛЬНАЯ БАЗА СТАВРОПОЛЬЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.)

Аннотация. В статье рассматривается деятельность госпиталей в городах-курортах Кавказских Минеральных Вод на разных этапах Великой Отечественной войны. Обозначены причины создания госпитальной базы в данном регионе, структура управления, трудности, с которыми приходилось сталкиваться руководству и медицинскому персоналу госпиталей. В статье отмечен вклад отдельных ученых, хирургов, ведущих специалистов в области медицины и бальнеологии, работающих в госпиталях. Приведены примеры сохранения памяти о подвигах медиков на территории Ставропольского края.

Ключевые слова: Кавказские Минеральные Воды, Великая Отечественная война, города-курорты, медицинские работники, госпиталь, Ставропольский край, оккупация, подвиг медиков.

HOSPITAL BASE OF STAVROPOL DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1945)

Abstract. The article discusses the activities of hospitals in the resort towns of the Caucasian Mineralnye Vody at different stages of the Great Patriotic War. The reasons for the creation of a hospital base in this region, the management structure, the difficulties that the management and medical staff of hospitals had to face were outlined. The article notes the contribution of individual scientists, surgeons, leading specialists in the field of medicine and balneology, working in hospitals. Examples of preserving the memory of the exploits of doctors on the territory of the Stavropol Territory are given.

Keywords: Caucasian Mineralnye Vody, the Great Patriotic War, resort towns, medical workers, hospital, Stavropol Territory, occupation, feat of physicians.

В годы Великой Отечественной войны одна из ведущих госпитальных баз в Советском Союзе находилась в Ставропольском (Орджоникидзевском) крае на территории Кавказских Минеральных Вод (КМВ). Можно выделить несколько причин создания эвакогоспиталей именно в этом районе. Во-первых, к началу войны здесь сложилась развитая курортная система. В городах-курортах функционировало 110 санаториев на 20 тыс. коек, где восстанавливали свое здоровье около 146 тыс. человек [12, с. 573]. Во-вторых, здравницы были оснащены передовым оборудованием и высококвалифицированными медицинскими кадрами. В-третьих, такие благоприятные природно-климатические, бальнеологические факторы, как лечебная грязь, минеральные воды, горный воздух, способствовали скорейшему восстановлению раненных бойцов Красной армии.

22 июня 1941 г. нацистская Германия вероломно напала на СССР. Перед руководством страны встала задача мобилизовать силы советских граждан для защиты родины. Из справки заведующего отделом здравоохранения по краю Л.Я. Варшавского видно, что из медицинского персонала на фронт в основном были призваны медицинские сестры и опытные хирурги. В Пятигорске были призваны хирурги Гошинский и Коротецкий, в Кисловодске – Богданов. Их сменили малоопытные, в основном, амбулаторные хирурги [10, с. 279]. Вместе с тем к работе в госпиталях городов-курортов КМВ были привлечены выдающиеся медики, ученые из разных регионов страны, которые внесли большой вклад в восстановление раненых и больных бойцов Красной армии. Среди них Т.Е. Гнилорыбов, который в годы войны был главным хирургом эвакогоспиталей Кисловодска. О Тимофее Еремеевиче в газете «Орджоникидзевская правда» («Ставропольская правда» с января 1943 г.) помещена статья, где говорится о том, что он провел множество сложных операций, спас жизни многих солдат и командиров Красной армии. За свой труд Тимофей Еремеевич получил орден «Знак почета» [1]. В Пятигорске работали выдающийся советский нейрохирург, академик Н.Н. Бурденко и офтальмолог В.П. Филатов. Большой вклад в разработку методов лечения красноармейцев внесли сотрудники Бальнеологического института А.А. Лозинский, А.С. Вишневецкий, К.И. Пенькославский.

12 июля 1941 г. правительство Ставропольского крайисполкома в соответствии с постановлением СНК СССР о развертывании в стране госпиталей приняло решение развернуть в крае больничную коечную сеть на 31325 мест, в основном, в Кисловодске и Ессентуках [12, с. 573]. Госпитали располагались в санаториях, пансионатах, домах отдыха, а из-за нехватки помещений – в школах, больницах и других зданиях. Благодаря оперативной, слаженной работе исполнительных комитетов городов КМВ, сотрудников санаториев и населения к 20 июля 1941 г. в Кисловодске, Пятигорске, Ессентуках, Железноводске развернулась крупная коечная сеть на 25 660 мест [2]. В связи с тем, что многие высококвалифицированные медицинские кадры были мобилизованы на фронт, то перед руководством госпиталей встал вопрос о необходимости организации курсов по переподготовке оставшихся курортных врачей по хирургии, терапии, гипсованию и другим направлениям. Проводились как теоретические, так и практические занятия. Обучение прошли более 800 человек [5, с. 73].

Все госпитали на КМВ подразделялись на 4 вида: 1) курортные госпитали общего типа (в Кисловодске); 2) бальнеологические курортные госпитали (в Пятигорске и Ессентуках); 3) противотуберкулезные кумысолечебные курортные госпитали (в Кисловодске); 4) нейросоматические курортные госпитали (во всех городах-курортах КМВ) [5, с. 72–73].

Для превращения курортной базы в госпитальную на территории КМВ действовал МЭП-90 (мобилизационно-эвакуационный пункт). Контроль над госпиталями в крае осуществлял старший инспектор, а лечебной деятельностью руководил краевой хирург-консультант. В каждом городе-курорте КМВ была введена должность главного хирурга. При Управлении КМВ был создан совещательный орган – научно-госпитальный совет [4, с. 63]. В октябре 1941 г. в городах и крупных районах края создавались комитеты по оказанию помощи раненым бойцам, командирам и политработникам Красной армии. Городские комитеты были созданы в Железноводске, Пятигорске, Ессентуках, Кисловодске. Они брали шефство над госпиталями и обеспечивали медицинские палаты постельным бельем, кроватями, собирали продукты, принимали и размещали раненных, прибывающих в госпитали, проводили культурно-политическую, агитационную работу среди красноармейцев, устраивали развлекательную программу, изготавливали подарки для них. Конечно, были и трудности, ведь комитеты не могли обеспечить госпитали абсолютно всем и в достатке. Не хватало лекарств и перевязочного материала, автотранспорта, топлива, обмундирования для выздоравливающих красноармейцев. Комитеты помогали устроить на работу тех, кто был снят с воинского учета и желал остаться в крае [10, с. 281–286].

Крайисполком неоднократно давал распоряжение о развертывании в эвакуогоспиталях дополнительных коечных мест, в связи с увеличением количества раненых, поступающих с южного театра военных действий. Осенью 1941 г. из-за больших потерь в районе Ростова-на-Дону в крае необходимо было развернуть эвакуогоспитали на 10 700 мест, из которых 5 300, а это почти 40 %, приходилось на КМВ. Весной 1942 г. перед крайисполкомом вновь встал вопрос об увеличении коечного фонда в госпиталях. Тогда на КМВ было развернуто дополнительные койки на 5 200 мест [12, с. 577, 578].

В начале августа 1942 г. в края сложилась тревожная остановка в связи с наступлением немецких войск в районе Дона. Эвакуация в крае не была должным образом организована и проводилась с большим опозданием, в спешке. Распоряжение об эвакуации госпиталей было отдано 4 августа, тогда как 3 августа краевой центр – Ставрополь (Ворошиловск) уже был захвачен гитлеровцами. Секретарь Орджоникидзевского крайкома партии М.А. Суслов утверждал, что руководство края не было осведомлено о темпах продвижения вражеских войск по причине плохой разведки и нарушения связи [8, с. 110]. В предоккупационных выпусках газеты «Орджоникидзевская правда» ни слова не говорилось о вторжении гитлеровцев на территорию Северного Кавказа и их наступлении на Ставрополье в этот период. На первых страницах газеты указывалось, что ожесточенные бои велись в Ростовской области и в районе Воронежа, с преимуществом на стороне советских войск, а на других направлениях изменений якобы не происходило [7]. Скорее всего, власти не хотели вызывать панику у местного населения, поэтому не сообщали об истинной ситуации на фронте.

Руководство госпиталей и медперсонал столкнулись с рядом трудностей при эвакуации. Во-первых, не хватало транспортных средств. Во-вторых, было много тяжелораненых, которых незамедлительно нужно было эвакуировать. Было принято решение о формировании пеших колон из тех, кто мог передвигаться. Колонны направлялись в сторону Нальчика, а оттуда – в Баку. Тяжелораненых предполагалось вывозить на поездах. Однако, ситуация осложнилась тем, что гитлеровцы захватили железнодорожную станцию Минеральные Воды и путь на Баку оказался закрытым. Не всем удалось эвакуироваться. Более 1 400 раненых красноармейцев были вынуждены вернуться [11, с. 23]. На помощь пришли жители городов-курортов КМВ. Они приютили тяжелораненых красноармейцев и прятали их от немцев во время оккупации.

До прихода немцев в Кисловодске был создан комитет Красного Креста. Его основные задачи заключались в том, чтобы оказывать помощь оставшимся раненым красноармейцам, которые не смогли эвакуироваться, и защищать их от оккупантов. Комитет был создан на базе двух госпиталей – бывшего санаторий имени Семашко и бывшего санатория имени Сталина. Так было создано две больницы Красного Креста на 1 000 коек и амбулаторные пункты. Чтобы спасти тяжелораненых бойцов Красной армии от расправы гитлеровцев, медицинский персонал госпиталей и больниц уничтожал военные документы и заводил новые истории болезней, выдавал ложные справки об инвалидности, о принадлежности к гражданскому населению. Было выдано около 900 справок. Больницы просуществовали до октября 1942 г., после чего комитет Красного Креста был перемещен в Карачаевскую больницу и первую городскую поликлинику, где были созданы центры амбулаторной и стационарной помощи раненым [12, с. 580–582].

10 августа 1942 г. – январь 1943 г. – трагические страницы в истории КМВ, регион был оккупирован неприятелем. В период оккупации деятельность медицинских учреждений не подверглась значительным изменениям. Санитарно-эпидемическая работа в крае не прекращалась. Немецкое командование рассматривало курортный регион КМВ как потенциальную базу отдыха и лечения своих солдат и командиров, а потому следило за чистотой курортов. Единственным новшеством являлось введение платы за оказание медицинских услуг [6, с. 213, 220]. Гитлеровцы, преследуя пропагандистские цели, а также, чтобы пресечь распространения инфекций среди своих военнослужащих, рекомендовали горожанам и сельчанам соблюдать чистоту в населенных пунктах, а также

сохраняли на оккупированных территориях структуры здравоохранения и социальной помощи. Так, в городах и райцентрах и селах действовали уцелевшие больницы, роддома, аптеки [9, с. 44]. За мероприятия в медицинской сфере отвечал главный врач города или района, которому подчинялся санитарный врач. При главном враче были созданы отделы здравоохранения. В этом случае главный врач являлся начальником этого отдела и должен был следить за проведением санитарно-эпидемических мероприятий и за деятельностью медицинских учреждений для населения. В отделах здравоохранения во многих курортных городах создавались санитарно-эпидемиологические или санитарные подотделы. На КМВ они были созданы в Пятигорске и Ессентуках. В Пятигорске главным врачом города был назначен доцент Пятигорской клиники Бальнеологического института В.А. Азлецкий, а в Ессентуках функционировал курортно-лечебный подотдел и управление городского санитарного врача, на должность которого был назначен специалист в области санитарии В.З. Мартынюк [3, с. 70–71, 95].

По указанию немецкого командования многие больницы и госпитали были расформированы, а раненых красноармейцев, которые не успели эвакуироваться, немцы отправляли в лагеря. Тех, кто выживал, гитлеровцы использовали в качестве рабочей силы. В бывших госпиталях и больницах немцы либо размещали лазареты для своих военнослужащих, либо лечебницы для оказания медицинской помощи гражданскому населению на платной основе [3, с. 83].

В результате немецкой оккупации здравоохранение края сильно пострадало. По официальным документам, материальный ущерб, нанесенный городам-курортам КМВ, составил 454 млн руб. [10, с. 301]. Многие здания госпиталей были разрушены, а уцелевшие находились в антисанитарном состоянии. Часть медицинского оборудования немцы вывезли в Германию, а часть уничтожили при отступлении. Бальнеологические учреждения и минеральные источники были засорены и выведены из строя. К моменту освобождения в крае резко вырос показатель заболеваемости среди населения, выявлены вспышки эпидемических заболеваний во многих районах края. Это было обусловлено тем, что при немцах аптеки не пополнялись медикаментами, медицинские услуги были платными, поэтому снизилось количество обращений за медпомощью. Массовые захоронения также являлись очагом инфекции. От органов здравоохранения края требовалось незамедлительно выполнить несколько основных задач. Во-первых, полностью восстановить сеть здравоохранения, которая действовала до прихода оккупантов на Ставрополье. Во-вторых, обеспечить все лечебные учреждения медоборудованием, инструментарием, инвентарем, кадрами. В-третьих, нормализовать и стабилизировать эпидемическую ситуацию в крае [10, с. 286–288]. В одном из пунктов постановления X пленума крайкома ВКП(б), который состоялся в марте 1943 г., одной из основных задач в области здравоохранения края было восстановить всю курортную сеть КМВ за месяц [8, с. 359]. Понятно, что за такой короткий срок сделать это было не реально. Из-за отсутствия необходимого количества стройматериала, транспорта, квалифицированной рабочей силы, топлива ремонтные работы велись медленно.

В марте 1943 г. бюро крайкома ВКП(б) и исполком крайсовета постановили развернуть в городах Ставрополья эвакогоспитали: в Ставрополе – на 300 коек, в Пятигорске – на 4 000 коек, в Кисловодске – на 18 000 коек, в Ессентуках – на 5 200 коек, в Железноводске – на 1 500 коек [8, с. 297]. 13 августа 1943 г. был открыт санаторий для инвалидов Великой Отечественной войны. Он находился в здании бывшего санатория № 1 имени Пирогова в Пятигорске и был рассчитан на 350 коек [6, с. 227].

Свертывание госпитальной базы на КМВ началось в августе 1945 г. За месяц было упразднено 29 эвакогоспиталей на 11 тыс. 875 коек. Для лечения инвалидов на КМВ было создано 3 госпиталя: в Кисловодске в санатории «Горняк» на 250 мест – для больных с сердечно-сосудистыми заболеваниями; в Ессентуках в санатории № 3 на 200 мест – для больных желудочно-кишечными заболеваниями; в Пятигорске в санатории № 3 – для больных, у которых повреждены органы движения. За весь период Великой Отечественной

войны более 900 тыс. бойцов Красной армии прошли лечение в эвакогоспиталях городов-курортов КМВ. Из них 720 тыс. вернулись в строй [6, с. 233–234, 253]. Во многом благодаря самоотверженному труду и профессионализму медицинских работников госпиталей, удалось достичь такого высокого показателя выздоровевших. В 1947 г. эвакогоспитали были реорганизованы в санаторно-курортные учреждения, а к 1950 г. почти все санатории КМВ были восстановлены [4, с. 66].

Очень важным является сохранение памяти о подвигах медицинских работников, совершенных в годы Великой Отечественной войны. В Кисловодске, который внес наибольший вклад в работу госпитальной базы и который был награжден орденом Отечественной войны первой степени, на Курортном бульваре в 1997 г. был открыт памятник в образе сестры милосердия, а в 1970 г. на площади Цандера – мемориальный комплекс «Воинская слава». В западной части комплекса находится воинское кладбище, где захоронены скончавшиеся в госпиталях солдаты, над которым возвышается скульптура воина-автоматчика. В г. Минеральные воды на территории старого гражданского кладбища расположена братская могила воинов, погибших при освобождении города и от ран в госпиталях в 1943–1944 гг. На ней в 1958 г. был установлен монумент. В Пятигорске находится воинское кладбище, где еще в 1941 году хоронили бойцов и офицеров Красной армии, умерших в госпиталях, а в 1975 г. кладбище было перепланировано и благоустроено. В столице региона – Ставрополе в 2016 г., в день 75-летия с начала войны на территории краевой клинической больницы был открыт памятник медикам-героям Ставрополя.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Атаев В. Военный хирург Гнилорыбов: [награжден орденом «Знак Почета», Кисловодск] // Орджоникидзевская правда. 1942. 6 мая. URL: <https://img.stpravda.ru/pdf/1942/05/06/19420506.pdf> (дата обращения: 10.11.2022).
2. Государственный архив Ставропольского края. Ф.Р-1852, оп.12, д.18, л. 107, 108, 109. // Государственный архив Ставропольского края: [официальный сайт]. URL: <https://stavarhiv.ru> (дата обращения: 01.11.2022). – Текст : электронный.
3. Карташев И.В. Здравоохранение на Северном Кавказе в условиях немецко-фашистской оккупации 1942–1943 гг. Ставрополь: Изд. СтГМУ, 2022. 292 с.
4. Краснокутская Л.И. Управление курортами Кавминвод (1803–2003): страницы российской истории. Пятигорск: Вестник Кавказа, 2004. 160 с.
5. Меараго Ш.Л. Госпитальная база Кавказских Минеральных Вод в годы Великой Отечественной войны // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 82–1. С. 71–74. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_48051202_48227975.pdf (дата обращения: 05.11.2022).
6. Ованесов Б.Т. Здравоохранение Ставрополя (1918–2005): монография / Б. Т. Ованесов, Н. Д. Судавцов. Ставрополь: ООО «Стройиздат-Грантстрой», 2007. 544 с.
7. Орджоникидзевская правда. 1942. 30 июля. URL: <https://img.stpravda.ru/pdf/1942/07/30/19420730.pdf> (дата обращения: 10.11.2022).
8. Ставрополье в Великой Отечественной войне. 1941-1945 гг.: сб. док. и материалов / сост. С.П. Бойко, П.Я. Бутенко, Л.В. Зарубина [и др.]. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1962. 528 с.
9. Ставрополье в период немецко-фашистской оккупации (август 1942 – январь 1943 гг.): документы и материалы / сост. В.А. Водолажская, М.И. Кривнева, Н.А. Мельник. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 2000. 175 с.
10. Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная в документах и исследованиях: сб. док. и материалов / сост. В.В. Белоконов, Т.Н. Колпикова, Я.Г. Кольцова, В.Л. Мазница. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2005. 608 с.
11. Судавцов Н.Д. Бой без выстрелов // Военно-исторический журнал. 2015. № 4. С. 23–27. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_23272858_57779214.pdf (дата обращения: 07.11.2022).
12. Судавцов Н.Д. Кавказские Минеральные Воды – крупнейшая госпитальная база Великой Отечественной войны // Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная в документах и исследованиях: сб. док. и материалов / сост. В.В. Белоконов, Т.Н. Колпикова, Я.Г. Кольцова, В.Л. Мазница. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2005. С. 573–587.

**КРАСНОДАРСКАЯ ТОРГОВАЯ БИРЖА
КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ ТОРГОВЛИ НА КУБАНИ
В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД НЭПА**

Аннотация. В статье проанализировано место Краснодарской торговой биржи в процессе развития торговли на Кубани в начальный период нэпа. Рассмотрены основные вехи создания, основополагающие документы и решения советской власти, повлиявшие на организацию работы и функционирование торговой биржи в начале 1920-х гг. Приведены показатели торговой деятельности Краснодарской биржи в первые месяцы ее существования, а также статистические данные на последующих этапах ее функционирования. Рассмотрены проблемные вопросы и трудности в деятельности торговой биржи, оказывавшие значительное влияние на развитие торговли в Кубано-Черноморской области в начальный период нэпа.

Ключевые слова: торговая биржа, нэп, Кубань, оживление торговли, экономические меры.

**KRASNODAR TRADING EXCHANGE
AS A TOOL FOR THE DEVELOPMENT OF TRADE IN KUBAN
IN THE INITIAL PERIOD OF NEW ECONOMIC POLICY**

Abstract. The article analyzed the place of the Krasnodar Trade Exchange in the development of trade in the Kuban in the initial period of NEP. The main milestones of creation, fundamental documents and decisions of the Soviet government that influenced the organization of the work and functioning of the trading exchange in the early 1920s were considered. The indicators of the trading activities of the Krasnodar Exchange in the first months of its existence, as well as statistics at the subsequent stages of its operation, are presented. Problematic issues and difficulties in the activities of the trading exchange were considered, which had a significant impact on the development of trade in the Kuban-Black Sea region during the initial period of NEP.

Keywords: trading exchange, nep, Kuban, revival of trade, economic measures.

Переход Советского государства от политики «военного коммунизма» к новой экономической политике в начале 1920-х гг. сопровождался значительными политическими и экономическими трудностями. Одной из наиболее сложных проблем было восстановление экономики, разрушенной в ходе Гражданской войной. В рамках этого процесса, первоочередными являлись вопросы восполнения товарных и продовольственных запасов путем развития торговли и восстановления торговой инфраструктуры, торговых связей между регионами, а также в целом внутренних товарно-денежных отношений.

Значимым и эффективным инструментом для развития торговли на Кубани стали мероприятия советской власти по организации торговых бирж.

Во второй половине марта 1922 г. Кубано-Черноморское областное экономическое совещание передало на утверждение президиума Экоосо проект положения об открытии в Краснодаре Торговой биржи. Предполагалось возложить на торговую биржу следующие задачи: регулирование торговых операций государственных, кооперативных учреждений и предприятий путем регламентирования торговых сделок; содействие и обеспечение данных операций через создание торгово-технических условий; организованное воздействие на местный рынок; содействие быстроте товарно-денежного обращения, выявлению и кооперированию спроса и предложения товаров. Административное управление биржи должен был осуществлять биржевой комитет, состоящий из семи лиц и более, представляющих: Кубано-Черноморский совет народного хозяйства, Областной продовольственный комитет, Госбанк, Кубсоюз, Кубсельсоюз, Производсоюз и руководителей частных торгово-промышленных объединений и организаций [2].

В первой половине апреля Кубано-Черноморское Эконо рассмотрело и утвердило основные положения об открытии в Краснодаре Торговой биржи [3]. В связи с этим 21 апреля 1922 г. состоялось установочное заседание Временного биржевого комитета, на котором датой открытия Краснодарской торговой биржи установлено 27 апреля 1922 г., а также утверждено официальное название – «Кубано-Черноморская торговая биржа в г. Краснодаре» [4].

Для популяризации деятельности Биржи областные органы власти законодательно создавали условия для ее действенного функционирования. Так, Кубчероблисполком 19 мая 1922 г. издал постановление, которое обязало все государственные учреждения, предприятия, тресты и хозяйственные объединения, в том числе Кубсоюз, Кубсельсоюз и объединенные в них кооперативные организации, ведущие торговые операции, вступить в члены Краснодарской торговой биржи, и все оптовые торговые операции вести исключительно через биржу. В то же время документ регламентировал суммы сделок, заключаемых на бирже. В частности, оптовыми операциями считались сделки на сумму от 5 000 руб. [5].

Данные мероприятия незамедлительно дали свои результаты, и сказались на оборотах Торговой биржи. Если в апреле 1922 г. суммарный оборот Кубано-Черноморской торговой биржи выражался в сумме 325 340 000 руб., то на 1 июня объем денежного оборота возрос до 3 718 886 500 руб. [6].

Понимая, что огромное количество денежных средств находилось в руках частного капитала, которые были необходимы для восстановления и развития экономики страны, и в первую очередь торговли, центральные органы советской власти предприняли меры по привлечению владельцев частных торговых и промышленных предприятий и организаций на Торговые биржи. С этой целью отдел торговой политики Управления регулирования торговли (УРТ) 12 июня 1922 г. в адрес всех биржевых комитетов направил циркуляр, в котором отметил, что сделки частных лиц вне рамок торговых бирж приобретают все большее значение. При этом в документе указывалось, что в действующем законодательстве нет положений, запрещающих допускать частных лиц в Биржевые собрания и комитеты. Кроме того, допущение частников дало возможность использовать в государственных интересах нарождающийся частный промышленный и торговый капитал, его практические познания и деловой опыт, а также выявить частные торговые сделки, которые совершались вне бирж. Запретительные меры в этом отношении могли повлечь за собой лишь усиление «черной биржи» и сделок спекулятивного характера, ускользавших от государственного контроля. Однако в циркуляре отмечалось, что при допущении частного капитала на биржу необходимо сохранять преобладание в биржевом управлении (общие собрания, биржевой комитет) государственных учреждений и кооперативных организаций [1, л. 12].

Содержание документа также подтверждало, что центральные органы советской власти не имели необходимого опыта в вопросах регулирования внутренней торговли и обязывали администрации Торговых бирж решать вопросы о форме и степени ограничения участия частного капитала в соответствии с местными условиями, срочно информируя о принятых решениях Управление регулирования торговли, которое на основании получаемых данных разрабатывало Биржевой устав [1, л. 12].

Несмотря на предпринимаемые руководством страны экономические меры, летом 1922 г. отмечалось резкое падение курса рубля. Для сохранения объемов и количества торговых сделок на Краснодарской торговой бирже, 24 июня 1922 г. Кубчероблисполком вынужден был повысить финансовый размер сделок, и постановил под оптовыми сделками считать операции на сумму от 50 000 руб. [7].

Для стабилизации кризисной экономической ситуации, сложившейся на Кубани, 7 июля 1922 г. Кубчероблисполком издал постановление, определившее номенклатуру из 27 наименований товаров, сделки по которым подлежали обязательной регистрации на государственной торговой бирже. В номенклатуру вошли все основные продукты сельскохозяйственного производства и фабрикаты [8].

Отчетные материалы Кубано-Черноморской торговой биржи о её деятельности в период с мая по август 1922 г. наглядно показывают рост числа и объемов торговых сделок, регистрируемых на бирже. Так, количество операций возрастает с 30 в мае до 83 в августе. Сумма сделок также увеличилась с 9 395 835 руб. в мае до 81 080 897 руб. 50 коп. в августе. Поменялось и процентное соотношение участников торговых операций на бирже. Из 199 сделок, зарегистрированных за 4 месяца, на долю государственных учреждений приходилось по продаже – 99 сделок, по покупке – 100; кооперации – по продаже 15, по покупке 10; частной торговли – по продаже 85 и по покупке 89. По сумме сделок сложилось следующее положение (Табл. 1) [9].

Таблица 1

Суммы сделок по субъектам операций

	Продажа		Покупка		
	Сумма	%	Сумма	%	
Госучр-я	88 634 069 р. 50 к.	55,6	Госучр-я	74 416 580 р. 50 к.	46,7
Коопер-я	5 375 692 р. 50 к.	3,4	Коопер-я	9 067 890 р.	5,6
Частные	65 179 461 р.	41,0	Частные	75 704 752 р. 50 к.	47,7
Итого:	159 189 223 р.	100	Итого:	159 189 223 р.	100

Процентное соотношение по движению зарегистрированных сделок по месяцам показывает снижение количества сделок государственных учреждений и возрастание регистрации сделок частной торговли, при этом участие кооперации незначительно (Табл. 2) [9].

Таблица 2

Процентное соотношение участия в торговых сделках

	Госучреждения		Кооперация		Частная торговля	
	Продажа	Покупка	Продажа	Покупка	Продажа	Покупка
Май	98,8	62,9	–	–	8,2	37,1
Июнь	55,7	94,5	11,2	0,6	33,1	4,9
Июль	82,4	50,6	3,5	16,4	14,1	33,0
Август	37,3	27,7	1,2	2,3	61,5	70,0

Несмотря на возрастающие показатели деятельности торговой биржи, они были крайне малы по сравнению с объемом действительных торговых сделок, совершаемых без биржевого контроля. В этой связи 18 июля 1922 г. пленум Кубано-Черноморского экономического совещания издал постановление об обязательном совершении сделок на Бирже государственными учреждениями и кооперативными организациями [1, л. 13].

Положение, сложившееся на Краснодарской торговой бирже к осени 1922 г., характеризует доклад Кубано-Черноморского областного комитета РКП(б) от 4 августа 1922 г. «О торговой политике». В соответствии с докладом, несмотря на то, что биржа рассматривалась как действенный инструмент развития торговли, данная организация не смогла связать покупателей без посредников с продавцами, в первую очередь, при проведении торговых операций государственными предприятиями и учреждениями [13].

Пытаясь исправить сложившееся положение в торговле и понимая огромное значение Торговых бирж в оборотах внутренней торговли, 1 сентября 1922 г. СТО издал постановление об обязательной регистрации внебиржевых сделок всеми государственными предприятиями и учреждениями, как между собой и кооперацией, так и частными предприятиями и лицами, а также как при покупке или продаже товаров, так и при натуральном товарообмене [10].

С целью реализации этого постановления 27 октября 1922 г. Краевой Экономический Совет Юго-Востока России принял решение об обязательном членстве государственных органов на Краевой Товарной Бирже и о регистрации внебиржевых сделок [14, л. 81].

Вместе с этим распорядительное заседание Крайэкономсовета Юго-Востока России 7 октября 1922 г. приняло решение о допущении частных предприятий и лиц в члены Краевой Товарной Биржи. О чем в адрес всех бирж Юго-Восточного края были разосланы извещения [14, л. 125а].

В этой связи является показательной деятельность биржевых органов управления Кубано-Черноморской области. С целью оживления торговли на Кубани Биржевой комитет Краснодарской торговой биржи разработал положение об аукционах, которое 21 октября 1922 г. было утверждено президиумом Кубано-Черноморского областного экономического совещания [15, л. 16а].

Однако, несмотря на все предпринимаемые меры, экономическое положение, сложившееся как в Кубано-Черноморской области, так и в стране в целом, не позволило торговым биржам оказать значительное влияние на развитие торговли к концу 1922 г.

Убедительным подтверждением сложившейся ситуации на торговых биржах в рассматриваемый период является протокол заседания Президиума Черноморского окружного Экосо от 10 января 1923 г. «О положении Торговой биржи». В протоколе отмечается, что биржа переживает кризис, по целому ряду причин, главные из которых: избегание государственными органами осуществлять все сделки на бирже; ее функции свелись только к простой регистрации сделок; частные предприниматели не обращаются на биржу, так как совершают сделки в кабинетах госорганов. В протоколе также указано, что в таких условиях биржа не способна выполнять возложенные на нее обязанности, в связи с чем, торговля по-прежнему носит стихийный характер [17, л. 5].

Для оживления торговой деятельности, несмотря на сложившееся экономическое положение, имеющие место уклонения государственных и кооперативных органов от заключения сделок на бирже, биржевой комитет Краснодарской торговой биржи 18 марта 1923 г. учреждает юрисконсультационное Бюро, в которое вошли товарная и юридическая консультации. Вместе с этим комитет постановил, что к услугам Краснодарской торговой биржи, кроме её членов, имеют право обращаться и все частные лица, ведущие те или иные торговые операции [11].

Предпринятые руководством Кубано-Черноморской области и управлением торговой биржи меры в начале 1923 г. позволили активизировать торговую деятельность как самой биржи, так оживить торговлю в области в целом. Так, средняя посещаемость биржевых собраний в январе 1923 г. составляла в среднем 37 чел. в день, в феврале – 43, а в марте достигла 130 чел. в день. Общее количество биржевых сделок в январе 1923 г. было 167, в феврале – 151, в марте достигло 316, увеличившись по сравнению с февралем на 52 %. Общий же оборот по биржевым сделкам за март 1923 г. значительно увеличился и достиг 45 245 059 руб. 77 коп. в денежных знаках 1923 г., в то время как в январе он составлял 7 163 428 руб. 53 коп., а в феврале – 9 754 728 руб. 03 коп.

Биржевые показатели марта 1923 г. превысили количество сделок и сумму оборота за весь 1922 г. Так, с момента открытия Торговой биржи в апреле 1922 г. до конца года оборот по биржевым сделкам равнялся 23 620 426 руб. 12 коп., что на 21 624 633 руб. 65 коп. (47,7 %) меньше чем за март 1923 г. При этом в 1922 г. на бирже совершено 816 сделок, а только за март 1923 г. – 316.

Средний оборот одного биржевого собрания составил за восьмимесячный период в 1922 г. – 226 041 руб. 34 коп., в январе 1923 г. – 311 453 руб. 41 коп., в феврале – 406 449 руб. 08 коп., а в марте 1923 г. уже достиг 1 560 174 руб. 47 коп.

Значительно увеличился и средний размер одной биржевой сделки, который за весь период 1922 г. составлял 28 946 руб. 60 коп., в январе 1923 г. вырос до 43 274 руб. 52 коп., в феврале до 64 600 руб. 84 коп., а в марте 1923 г. достиг 143 180 руб. 57 коп. [12].

Об активности участников биржевых торгов в марте 1923 г. свидетельствуют отчетные данные средней посещаемости ежедневных биржевых собраний: от государственных органов – 21 представитель, от кооперации – 4 и частной торговли – 105. При этом госорганы совершили 95 сделок по продаже на сумму объемом 77,6 % всего оборота биржи и 126 сделок по покупке на сумму объемом 79,3 % всего оборота. Кооперация совершила 12 сделок по продаже на сумму объемом 1,1% всего оборота биржи и 32 сделки по покупке на сумму объемом 4,6 % всего оборота. Частные предприниматели совершили 209 сделок по продаже на сумму объемом 21,3 % и 158 по покупке на сумму объемом 16,1 % всего оборота биржи. Таким образом, несмотря на преобладающее количество сделок частной торговли, как по продаже, так и по покупке, по размеру оборотов госторговля опережала частника.

Немаловажное значение в структуре торговой деятельности в начале 1923 г. заняли внебиржевые сделки. Общее количество зарегистрированных сделок в январе 1923 г. было 15, в феврале – 33, и в март – 77. Из них госорганы регистрировали в январе – 7 на сумму 1 249 141 руб., в феврале – 17 на 2 055 476 руб. 52 коп., и в марте 1923 г. – 33 на сумму 4 990 820 руб. 54 коп. [12].

Положение торговой деятельности на Кубани, в том числе и на торговой бирже, характеризует доклад А.К. Аболина на VII Кубано-Черноморской областной конференции РКП(б), состоявшейся в декабре 1923 г. В докладе отмечено, что государственная торговля зарегистрировала на Краснодарской торговой бирже сделок на сумму 4 800 000 руб., кооперация – на 450 000 руб. и частная торговля – на сумму 2 300 000 руб. При этом биржевых сделок у частной торговли меньше, чем у государственной, но обороты частника превышают обороты кооперации. В то же время участие частно-торгового капитала в хозяйственной жизни значительное и имеет тенденции роста [16, л. 25а].

Таким образом, административная и торговая деятельность Краснодарской торговой биржи в начальный период нэпа имела значительное влияние на процесс развития торговли на Кубани. Несмотря на то что в 1922 г. как и в целом экономическая ситуация в стране, торговая деятельность биржи не смогла достичь планируемых результатов, данный период позволил органам власти Кубано-Черноморской области завершить организационные мероприятия в ее управленческих структурах. В дальнейшем торговая биржа стала действенным инструментом, способствовавшим повышению показателей торговой деятельности в Кубано-Черноморской области, а также учреждением, где регистрировались все биржевые и внебиржевые сделки государственных, кооперативных и частных торговых органов, что позволяло руководству области осуществлять контроль и регулирование рыночных цен на сельскохозяйственные и промышленные товары.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-990. Оп. 2. Д. 288.
2. Красное знамя. 1922. 23 марта.
3. Красное знамя. 1922. 11 апреля.
4. Красное знамя. 1922. 23 апреля.
5. Красное знамя. 1922. 21 мая.
6. Красное знамя. 1922. 17 июля.
7. Красное знамя. 1922. 29 июня.
8. Красное знамя. 1922. 9 июля.
9. Красное знамя. 1922. 14 сентября.
10. Красное знамя. 1922. 24 сентября.
11. Красное знамя. 1923. 22 марта.
12. Красное знамя. 1923. 15 апреля.
13. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 14. Д. 401. Л. 77.
14. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 14. Д. 1003. Л. 81.
15. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИ КК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 252. Л. 16а.
16. ЦДНИ КК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 295 (оц). Л. 25а.
17. ЦДНИ КК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 311. Л. 5.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ В 1945–1953 гг.

Аннотация. Статья посвящена проблемам социального обеспечения населения Краснодарского края в послевоенные годы, а также рассмотрению ключевых направлений в системе социальной работы, проводимой в Краснодарском крае в период 1945–1953 гг.

Ключевые слова: социальное обеспечение, Краснодарский край, советское общество, послевоенный период.

THE MAIN DIRECTIONS OF SOCIAL WORK IN THE KRASNODAR TERRITORY IN 1945–1953

Abstract. The article is devoted to the problems of social security of the population of the Krasnodar Territory in the postwar years, as well as the consideration of key areas in the system of social work carried out in the Krasnodar Territory in the period 1945–1953.

Keywords: social security, Krasnodar Territory, Soviet society, post-war period.

Период 1945–1953 гг. для социальной сферы Краснодарского края характеризуется как достаточно сложный. В стране шло восстановление после Великой Отечественной войны. Для данного процесса было характерно недостаточное внимание развитию производства товаров народного потребления. Окончание Великой Отечественной войны Краснодарский край встретил с разрушенной экономикой. Ситуация осложнялась нерешенными социально-бытовыми проблемами.

К 1950 г. на Кубани легкая и пищевая промышленность были восстановлены только на 70–80 % от довоенного уровня [8, с. 14]. Напряженной была ситуация с жильем. Люди были вынуждены обустраивать места своего проживания в подвалах, сараях, полуразрушенных зданиях. Дети занимались в школе в три смены. А на работу люди добирались только пешком, часто по несколько часов.

В рассматриваемый период времени в Краснодарском крае также ощущалась острая нехватка объектов социальной инфраструктуры. Чтобы обеспечить нормальную жизнь жителей региона, необходимо было оперативно вводить в эксплуатацию новые детские сады, школы, больницы, магазины, клубы, библиотеки.

Несмотря на значительные трудности в социальной сфере, Кубань являлась лидером сельскохозяйственного производства в стране. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. тяжело отразилась на сельском хозяйстве СССР и, в частности, на жителях сельской местности Краснодарского края. Послевоенная деревня была разорена и опустошена. Пустовали ранее возделываемые земли, уменьшилось поголовье скота, упала продуктивность и товарность сельскохозяйственного производства. Многие жители села остались без крова и средств к существованию. Тем не менее, требовалось в кратчайшие сроки наладить производство сельскохозяйственной продукции.

В 1950 г. общая посевная площадь в Краснодарском крае превысила довоенный уровень, посевы озимой пшеницы увеличились со 1 130 тыс. до 1 275 тыс. га. Повысилось плодородие кубанских полей, укрепилась материально-техническая база колхозов и совхозов [8, с. 24].

Необходимо отметить, что Краснодарский край в 1945–1953 гг. характеризуется как регион с наличием больших объемов работы в сельскохозяйственном секторе экономики, однако с крайне низким уровнем развития социальной инфраструктуры. Относительный баланс социально-экономического развития был достигнут только к 1957–1959 гг.

Послевоенный период, а именно вторая половина 1940-х гг., может рассматриваться как переломный рубеж в процессе индустриальной модернизации страны. Произошло это в значительной степени под воздействием войны. Самая разрушительная и кровопролитная в истории война по определению не могла не отразиться на социальном положении населения. Советское правительство искало пути решения проблем, связанных с восстановлением нормальной жизнедеятельности государства.

Рассматривая социальную политику, проводимую государством в период 1945–1953 гг., необходимо выделить три основных направления характерных для Краснодарского края.

1. Трудоустройство демобилизованных граждан. В 1945 г. на территорию Краснодарского края вернулись люди, принимавшие участие в сражениях Великой Отечественной войны. На тот момент времени восстановление экономики разрушенной страны только набирало обороты и данной категории людей необходимо было предоставить работу, вовлечь их в гражданскую жизнь. С целью решения данной задачи в Краснодаре было проведено совещание с участием руководителей партии, предприятий, колхозов и совхозов, по результатам которого был организован учет вакантных должностей и профессий.

Демобилизованным выдавались денежные ссуды и строительные материалы для строительства новых домов и квартир, а также восстановления имеющихся жилых площадей. В сельском хозяйстве региона требовалось значительное количество трудовой силы, и значительная часть данной группы населения была направлена на его поднятие.

2. Помощь инвалидам, вернувшимся с Великой Отечественной войны. Отличительной чертой социальной политики Советского государства в годы восстановления народного хозяйства в Краснодарском крае являлось то, что этот регион стал местом массового пребывания инвалидов ВОВ. За 1945 г. в Краснодарском крае численность инвалидов выросла на 15 073 человека, а к 1 января 1946 г. их количество увеличилось почти в 3 раза [8, с. 18].

Руководство региона направило усилия на переквалификацию, обучение и дальнейшее трудоустройство данной группы населения. Так, из 22 822 инвалидов, работающих в колхозах, председателями колхозов были назначены 998 чел. ($\approx 4,4\%$), бухгалтерами и счетоводами – 1 998 чел. ($\approx 8,8\%$), бригадирами – 2 470 чел. ($\approx 11\%$) [8, с. 18]. По спискам, утвержденным городскими и районными исполкомами, инвалидам Великой Отечественной войны и их детям было выдано 9 329 продовольственных пайков. Промтовары получили 16 329 инвалидов в следующем ассортименте: мануфактуры – 37 791 м, готовых изделий – 21 248 шт., обуви для взрослых – 7 982 пары, обуви детской – 3 639 пар. Также городские и районные исполкомы снабжали топливом нуждающихся инвалидов Отечественной войны. На 1 января 1946 г. было завезено: дров – 18 789 куб. м, угля – 813 т, местного топлива (солома, будылка, сорняки) – 13 889 возов [1, с. 38].

Несмотря на принимаемые меры, материально-бытовое обеспечение инвалидов, вернувшихся с Великой Отечественной войны, оставалось напряженным, по причине отсутствия необходимых финансовых ресурсов. В итоге намеченная программа социальной реабилитации не была полностью реализована по причине ограниченности как федерального, так и местных бюджетов.

3. Социализация беспризорных детей и подростков. Прошедшая война оставила после себя много тяжелых последствий. На 1 июля 1945 г. в Краснодарском крае насчитывалось уже 78 детских домов с контингентом 8 375 чел., в том числе 15 специальных детских домов, организованных по решению правительства для 1 500 детей-сирот фронтовиков Великой Отечественной войны. Детских домов обычного типа – 57 с контингентом детей 6 137 чел. Две специальные школы для глухонемых с контингентом – 262 чел.; один дом для детей польских граждан на 176 чел. и три межколхозных детских дома на 300 чел. Сеть детских домов в 1945 г. увеличилась на 9 учреждений с охватом в них 1 154 воспитанников [7, л. 3].

При этом необходимо отметить низкий уровень материального снабжения детских домов. Критические не хватало одежды, строительных материалов и оборудования. Некоторые детские дома решали данную проблему при помощи ведения подсобного хозяйства.

Созданная в послевоенное десятилетие система социальной защиты детей-сирот частично улучшила ситуацию, однако социальная политика оставалась ориентированной в первую очередь не на предупреждение сиротства, а на борьбу с его отрицательными последствиями. Проводимая государством политика в условиях полной разрухи экономики страны давала возможность детям, оставшимся без опеки, определенный минимум для дальнейшей жизни [4, с. 105].

Первоочередными задачами четвертого пятилетнего плана в области культуры были восстановление обязательного семилетнего обучения детей в городе и деревне, создание и распространение очагов культурно-просветительной работы, расширение подготовки и переподготовки специалистов.

Описанные направления являлись ключевыми в системе социальной работы, проводимой в Краснодарском крае в рассматриваемый период. Большое количество проблем в социальной сфере обуславливало необходимость активизации помощи для наименее защищенных групп населения, а также вовлечение военных вернувшихся с полей сражений в гражданскую жизнь.

Одной из приоритетных задач государства в социально-экономической политике послевоенного периода стала мобилизация всех средств и ресурсов страны и их централизованное перераспределение для развития и совершенствования военно-промышленного комплекса и ограничение бюджетных средств на развитие социальной сферы. Значительная часть сельского населения находилась в бедственном положении. Бедность, в которой проживало большинство крестьян, становилась экономической и социальной проблемой советского руководства.

Краснодарский край мог дать людям благоприятные климатические условия и работу в сфере сельского хозяйства. Однако социальная сфера региона была развита крайне слабо, что в свою очередь создавало значительные проблемы для нормального социального развития. В послевоенный период городское население Краснодарского края находилось в тяжелых социально-бытовых условиях. Нехватка жилого фонда в Краснодарском крае вынуждала людей организовывать себе жилье, где получится. В регионе ощущалась острая нехватка объектов социальной-инфраструктуры: школ, больниц, детских садов.

В заключение необходимо отметить, что период 1945–1953 гг. характеризуется этапом восстановления региона после последствий Великой Отечественной войны. В целом можно сделать вывод, что государству в указанный период удалось стабилизировать положение в городах Краснодарского края. Было восстановлено большое количество жилых домов, проводилась электрификация и газификация. Однако зачастую эти успехи были достигнуты в результате тяжелого труда самих горожан, часто производящих восстановительные работы в свое свободное время.

Таким образом, Краснодарский край в период 1945–1953 гг. предстает как регион с относительно стабильной демографической обстановкой, но при этом с крайне сложной ситуацией в развитии социальной сферы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева А.А., Беляев А.М., Бондарь И.Ю. Краснодарскому краю 65 лет. Страницы истории в документах архивного фонда Кубани. Краснодар, 2002. 128 с.
2. Ковригина М.А. Забота государства о матери и ребенке. М., 1946. 32 с.
3. Краснопольский А.С. Основные принципы советского социального страхования. М., 1951. 141 с.

4. Пелих И.В. Социальная политика СССР в 1945-1953 гг. (на материалах Краснодарского края). Диссертация на соискание ученой степени к.и.н. М, 2005. 257 с.
5. Ракачев В.Н. Население Кубани и Ставрополя в 1930–1950-е гг.: историко-демографическое исследование. Диссертация на соискание ученой степени д.и.н. Краснодар, 2017. 512 с.
6. Стругова М.Р. Социальные процессы в послевоенном советском обществе (1945–1953 гг.): на примере Краснодарского края. Диссертация на соискание ученой степени к.и.н. Краснодар, 2007. 253 с.
7. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 2006. Оп. 2. Д. 11. Л. 3-4.
8. Чайка Е.А. Социально-экономическая политика советского государства на селе в 1945–1965 гг. Автореферат диссертации на соискание научной степени к.и.н. Армавир, 2004. 25 с.

А.А. Шаруда

(Науч. рук. – канд. ист. наук, доц. В.В. Назарова)

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ И ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ УСТАНОВЛЕНИЕ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ВЛАСТИ

Аннотация. В статье рассмотрены особенности Гражданской войны в России 1917–1922 гг. Проанализированы основные идеи и цели противоборствующих сторон, а также состав участников враждующих «лагерей». Кратко актуализирован ход войны и её основные события. Подведены итоги и сделаны общие логические выводы.

Ключевые слова: «красные», «белые», «зеленые», гражданская война, белогвардейцы, большевики, чехословацкий корпус, БНР, УНР.

THE CIVIL WAR IN RUSSIA AND THE FINAL ESTABLISHMENT OF BOLSHEVIK POWER

Abstract. The article deals with the peculiarities of the Russian Civil War of 1917–1922. The main ideas and goals of the opposing sides, as well as the composition of the participants of the warring "camps" are analyzed. The course of the war and its main events are briefly updated. The results are summarized and general logical conclusions are drawn.

Keywords: "Reds", "Whites", "Greens", Civil War, White Guards, Bolsheviks, Czechoslovak Corps, BPR, UNR.

Гражданская война всегда является черным пятном в истории того или иного государства. Именно такая война называется братоубийственной, и Россия, как и практически любая страна, тоже пережила подобные события.

Основным поводом к началу данного противостояния послужили социальные и экономические противоречия, которые возникли в России после свержения царской власти. Пришедшие к власти политические партии не могли договориться о пути будущего развития нашего государства, вследствие чего дело доходило до открытого противостояния, которое вылилось в кровопролитную Гражданскую войну, продолжавшуюся 5 лет – с 1917 по 1922 гг., которая унесла жизни около 1 млн чел. и сделала инвалидами примерно 7 млн чел. [1, с. 19].

Доминирующей точкой отсчета войны является восстание Чехословацкого корпуса в мае 1918 г., который направлялся в сторону Владивостока, чтобы позже быть отправленным на Западный фронт, где и продолжил бы воевать против Четвертного союза. Точной причины этого восстания нет. Возможно, это был приказ Антанты, политические взгляды и убеждения самих чехов или же просто нежелание сложить оружие по приказу советской власти. Но не столь важна причина, как то, что показало это выступление. По пути своего следования чехи без труда ликвидировали новоиспеченное советское правительство, что показало слабость большевиков на местах, неспособных удержать власть в руках нигде, кроме столиц и прилегающих территорий.

Успехи Чехословацкого корпуса вдохновили противников большевиков начать борьбу против них. Именно это стремление и наглядный пример чехов привели к окончательному формированию белого движения [2, с. 49].

Прежде чем рассматривать основные события Гражданской войны, следует рассмотреть основные причины этого события, а они следующие:

1. Серьезные противоречия между различными слоями российского общества (пролетариат, крестьяне, буржуазия, дворянство и т. д.), желавшими получить те или иные преференции. Получившие власть после революции рабочие и крестьяне не желали отдавать её снова в руки помещиков, а дворянство, в свою очередь, стремилось вернуть бразды правления.

2. Стремление приверженцев монархической власти / учредительного собрания вернуть себе привилегированное положение в государстве.

3. Непринятие положений Брестского мира. С одной стороны основная масса населения поддерживала данное решение, ведь их заботило получение земли и возвращение родных с фронта, с другой стороны многие офицеры и дворяне были с этим договором не согласны, считая его унижительным, что не удивительно, потому что в истории России до 1918 г. не было более унижительного мира.

4. Интервенция, целью которой было возмещение убытков, понесенных странами Антанты вследствие выхода России из войны без учета союзнических обязательств. В этом начинании интервентов поддерживали белогвардейцы, стремившиеся за счет иностранных войск ликвидировать большевистскую власть.

5. Усиление сепаратистских настроений на окраинах бывшей империи, которые можно было проследить ещё до революции, особенно в Польше и Финляндии, ведь эти регионы были наиболее моноэтничными.

6. Недовольство бывшего дворянства декретом «о Земле», согласно которому помещичьи земли изымались в пользу крестьян.

7. Политика продразверстки, проводимая большевиками с целью изъятия «излишков» продуктов питания у крестьян, правда, без четкого понимания значения слова «излишки» [3, с. 21].

Можно заметить, что спектр противоречий в России на момент 1918 г. был максимально широким, вследствие чего несогласие, митинги и протесты переросли в полноценную Гражданскую войну.

В ходе данного противостояния можно четко выделить несколько противоборствующих сторон, однако основными лагерями конфликта станут «белый» и «красный», а также лагерь «зеленых», который примет непосредственное участие в данных событиях.

Рассматривая белое движение, стоит отметить, что оно сформировалось ещё на начальном этапе Гражданской войны. Возглавляли антибольшевистские выступления белогвардейцев в основном высшие офицеры бывшей царской армии, а в состав данного лагеря входили многие офицеры, зажиточные крестьяне, духовенство, зажиточное казачество, бывшие помещики.

Основными своими целями белые считали:

1. Борьба с большевизмом и их властью в государстве.
2. Восстановление монархической формы правления, как наиболее эффективной формой государственного устройства для России.
3. Созыв народного собрания с целью решения послевоенных проблем в государстве.
4. Дарование всеобщего избирательного права.
5. Расширение полномочий органов местного самоуправления для более эффективного управления государством на местах.
6. Решение аграрного вопроса, то есть возвращение изъятых земель помещикам или же их потомкам [4, с. 23–24].

Подчеркнем, что особого единства в стане белых не было, так как разные участники данного течения желали различных преференций, которые ужимали права других,

но в одном они были едины – необходимость ликвидации большевиков, поэтому под лозунгом «Спасай Отечество!» они выступили против итогов октябрьской революции 1917 г.

Противоположной стороной данной войны стал «красный» лагерь, окончательно оформившийся после восстания Чехословацкого корпуса, так как требовалось быстро отреагировать на угрозу потери власти.

Свои цели в Гражданской войне «красные» сформулировали практически сразу, в первых Декретах советской власти:

1. Немедленное прекращение военных действий, с целью укрепления собственной власти.

2. Создание однопартийной системы, с целью беспрепятственного достижения целей дальнейшего развития России.

3. Установление диктатуры пролетариата [5, с. 18].

По факту, цели «красных» были продиктованы попытками сохранить успехи и достижения октябрьской революции, поэтому их лозунги были максимально обращены к основной массе населения: рабочим и крестьянам («Земля-крестьянам, фабрики-рабочим, власть-народу»), чтобы привлечь их на свою сторону.

Третьей стороной в Гражданской войне был лагерь «зеленых», в основном состоящий из представителей крестьянства, которые своими целями ставили:

1. Честный передел бывших помещичьих земель, с целью получения участков, требуемых для полноценного самообеспечения продуктами питания.

2. Ликвидация продразверстки, от которой крестьяне страдали больше всего, так как у них изымали все продовольствие, чтобы обеспечить продуктами питания города.

3. Свобода вероисповеданий, без запретов на отправление религиозного культа.

Обобщая все сказанное выше, можно заметить, что в период Гражданской войны в России сформировалось три основных лагеря: «красные», «белые» и «зеленые», в состав которых входили различные слои российского общества, стремящиеся к достижению своих целей, позволяющих им добиться максимально удобного для себя положения в реалиях новой России.

Сама война условно подразделяется на три этапа. В ходе первого, продолжавшегося с осень 1917 г. по 1918 г., противниками большевиков выступали немецко-австрийский и румынские интервенты, правительства народных республик Белоруссии и Украины, Донское казачье войско под предводительством генерала Краснова, а также восставший чехословацкий корпус и эсеры.

Позже, уже на втором этапе войны, начавшемся с ноября 1918 г. и продолжавшимся 1,5 года, выступления против большевистской власти станут более организованными, потому что во главе белогвардейских частей встанут опытные и талантливые генералы бывшей царской армии. Так, сопротивление большевикам в Сибири организовал адмирал Колчак, на юге страны силами «белых» командовал генерал Деникин, на северо-западе восставших возглавит генерал Юденич, а на Севере генерал Миллер. Совместно они организуют поход на Петроград в 1919 г., однако из-за того, что белогвардейцы не смогли объединиться операция захлебнулась, а большевики поочередно разбили остатки контрреволюционных сил [6].

Третий же этап был заключительным и продолжался с весны 1920 г. по 1922 г., когда был взят Владивосток. В данный период «красные» окончательно добились своих врагов. В Крыму был разбит генерал Врангель, с остатками объединенных сил юга России, были подавлены крупнейшие крестьянские выступления в Слуцке и Тамбовской губернии, было подавлено восстание в Кронштадте, ликвидированы местные правительства в Закавказье (Грузия и Армения), был установлен контроль над Средней Азией, однако, была проиграна война с Польшей, вследствие чего Советская Россия потеряла значительные территории Западной Украины и Западной Белоруссии [7].

По итогу, к 1922 г., а местами к 1923 г. большевики окончательно утвердили свою власть на большей части бывшей Российской империи. Причина их победы довольно проста. Именно коммунисты выдвигали наиболее понятные и актуальные лозунги, обещавшие всем низшим слоям то, чего они хотели: землю, фабрики, власть и т. д. Призывы большевиков находили отклики в преобладающей среде российского общества. Это способствовало мобилизации всех сил для борьбы с контрреволюцией, что и стало главным залогом победы в Гражданской войне.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Поляков Ю.А. Советская страна после окончания Гражданской войны: территория и население. М.: Наука, 1986. 270 с.
2. Капель и капелевцы. 2-е изд., испр. и доп. М.: НП «Посев», 2007. 364 с.
3. Никулин В.В., Красников В.В., Юдин А.Н. Советская Россия: Проблемы социально-экономического и политического развития. Тамбов: Издательство ТГТУ, 2005. 128 с.
4. Какурин Н.Е., Вацетис И.И. Гражданская война 1918–1921. СПб.: Полигон, 2002. 672 с.
5. Базанов С.Н. Крестьянская армия после первых поражений в ноябре 1917 – марте 1918 г. // Журнальный клуб Интелпрос «Мир и политика». № 9. 2012.
6. Зырянов П.Н. Адмирал Колчак, верховный правитель России. М.: Молодая гвардия, 2012. 637 с.
7. Михутина И.В. Так сколько же военнопленных погибло в польском плену // Новая и новейшая история, 1995. № 3. С. 64–69.

П.О.Шумихина

(Науч. рук. – канд. ист. наук, доц. И.В. Грицких)

НОВОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ М.С. ГОРБАЧЕВА И ЕГО ОСОБЕННОСТИ

Аннотация. В данной статье рассмотрена политика «Нового мышления», проводимая М.С. Горбачевым. Проанализированы основные составляющие данной концепции. Проанализированы внешнеполитические задачи Советского союза в соответствии с Новым политическим мышлением. Подведены итоги и сделаны логические выводы.

Ключевые слова: новое политическое мышление, СССР, социалистический лагерь, капитализм, коммунизм, Карибский кризис, региональный конфликт.

M.S. GORBACHEV'S NEW POLITICAL THINKING AND ITS PECULIARITIES

Abstract. This article deals with the policy of "New Thinking" pursued by M.S. Gorbachev. The basic components of this concept are analyzed. The foreign policy objectives of the Soviet Union according to the New Political Thinking are analyzed. The results are summed up and logical conclusions are drawn.

Keywords: New political thinking, USSR, socialist camp, capitalism, communism, Caribbean crisis, regional conflict.

Новое политическое мышление – это политика, объявленная в Советском союзе в 1985 г., ввиду напряженности во взаимоотношениях США и СССР, которые могли перерасти в полномасштабную ядерную войну [1].

Сама концепция данной политики сводилась к следующим пунктам:

1. Деление всего мира на 2 идеологически-противоположных лагеря, в частности на капиталистический и социалистический, не эффективно и ведет к усилению конфронтации между странами с разными экономическими моделями, что грозило развязыванием очередной мировой войны. Новая концепция трактовала – мир един и неделим.

2. Отвергалась и порицалась любая идея силового метода решения международных проблем, который активно применялся за время «Холодной войны»: Корейская война 1950–1953 гг., Карибский кризис 1962 г., война во Вьетнаме 1965–1974 гг., ввод войск в Афганистан в 1979 г. и т. д. Новая концепция пропагандировала исключительно мирные и дипломатические пути выхода из международных кризисных ситуаций.

3. Приверженность к государственным интересам отводилась на второй план. Новая концепция трактовала необходимость отстаивания общечеловеческих ценностей [3].

Отметим, что данная теория касалась только Советского Союза, провозглашая новое политическое мышление М.С. Горбачев в одностороннем порядке предпринимал шаги по ее осуществлению.

Также, стоит подчеркнуть, что все три составляющие «Нового мышления» были логичными и разумными, однако рассматривать их не в контексте острой политической напряженности нельзя. Как уже говорилось выше, Советский союз начал данную политику в одностороннем порядке, что фактически означало, что СССР уходит с большой политической арены и признает господство США.

Подобные действия обесценивали труд и вклад тех людей и руководителей страны, которые вели наше государство к «светлому будущему». Горбачев своими действиями подтвердил неэффективность социалистического строительства в СССР, на которое «равнялись» и страны соц. блока. Такие кардинальные изменения потрясли советское общество, что сформировало образ предателя в лице Михаила Сергеевича.

Несмотря на радикальность своих решений, новый руководитель СССР начал осуществление своих идей. Первоначально необходимо было сменить внешнеполитические приоритеты, однако, на момент 1985 г., пост Министра иностранных дел занимал А. Громыко, находившийся в этой должности 30 лет. Переубедить такого человека было практически невозможно, вследствие чего он был снят с занимаемого поста, а вместо него назначили Э. Шеварднадзе, перед которым было поставлено три основных задач во внешней политике [4].

Во-первых, требовалось наладить отношения с Соединенными Штатами. Для достижения данной цели, МИДу СССР пришлось идти на большое количество уступок, причем в одностороннем порядке.

Подчеркнем, что основной причиной подобного сближения с США стала гонка вооружений, которая стоила обеим странам очень дорого, и СССР не мог больше ее поддерживать.

Первым серьезным шагом к нормализации отношений между СССР и США стала встреча М.С. Горбачева с Рональдом Рейганом в Женеве 1985 г. После также последуют другие встречи и визиты: 1986 г. – встреча Горбачева и Буша-старшего в Рейкьявике, 1987 г. – визит Председателя ЦК КПСС в Вашингтон, 1988 г. – визит президента США в Москву.

Стоит отметить, что после первоначальной повестки о разоружении (были достигнуты соглашения о полной ликвидации ядерного оружия обеих сверхдержав к 2000 г., однако они не были выполнены), дискуссия зашла уже об экономическом партнерстве между государствами, вследствие чего М.С. Горбачев сделал акцент на американском капитале, вливаемом в советскую экономику, для получения которого ему приходилось подписывать, по большей части, не самые выгодные договоры с США.

Во-вторых, МИДу СССР требовалось решить острые проблемы с различными региональными конфликтами в мире, вследствие чего началась активная деятельность по разблокировке данных «горячих точек» [8].

Для достижения поставленной цели Советский союз в одночасье стал отказываться от политического вмешательства в те или иные страны, которое было важным в условиях «Холодной войны», ведь противостояние между СССР и США сводилось именно к региональным столкновениям в странах третьего мира.

Довольно быстро советская сторона потеряла влияние в ряде важных геополитических регионов, причем США от своего патронажа над теми же территориями не отказывался, сохраняя контроль над ними.

В данной ситуации сложно выделить как исключительно положительную, так и исключительно отрицательную сторону. С одной стороны, СССР прекратил непопулярную и практически бессмысленную войну в Афганистане в 1989 г. и вывел войска из многих других районов, что позволило значительно снизить затраты на вооруженные силы, но с другой стороны, в короткие сроки Советский союз сдал свои мировые позиции, которые завоевывались в тяжелом противостоянии, что вызывало негодование в обществе, а окончательное осуждение афганской компании со стороны ЦК КПСС и поощрение ранее запретных начинаний окончательно «сбили с толку» советских граждан.

Если рассматривать все шаги советской власти по разблокировки региональных конфликтов, то стоит осветить следующие моменты:

1. В 1989 г. Советский союз начал планомерный вывод войск с территории Монголии, что было направлено на нормализацию внешнеполитических отношений с Китаем.

2. СССР полностью отказывался от вмешательства во внутренние дела африканских стран. Так, советская сторона прекратила «экспансию» в Анголу, Эфиопию, Никарагуа, Мозамбик и ряд других стран Африки.

3. Советская сторона приняла активное участие в попытке урегулировать конфликт на Ближнем востоке, в частности, решить споры между Израилем и Палестиной. В 1991 г. в Мадриде состоялась встреча между представителями этих государств, которые подписали соглашения, призванные урегулировать все недопонимания, однако эффекта это не возымело, причем вплоть до сегодняшнего дня.

4. СССР снимал «социалистическую опеку» с дружественных Ливии и Ирака, причем настолько, что во время «кризиса в Персидском заливе» советская сторона поддержала западную коалицию, а не дружественные, до недавних пор, государства [9].

Подчеркнем, что данная задача была решена, однако ценой оставления всех геополитических достижений Советского Союза до М.С. Горбачева.

В-третьих, СССР должен был перестать опекать страны социалистического блока, оказывая им помощь, но без навязывания коммунистической идеологии.

В целом это означало не просто снижение давления со стороны Москвы, а полный отказ от него. Подобное влияние СССР мог оказывать на страны Восточной Европы, которые попали в его сферу влияния после Второй мировой войны (Румыния, ГДР, Чехословакия, Болгария, Албания, Венгрия, Польша).

Из этих государств полностью выводились советские войска, которые были там размещены одновременно с национальными вооруженными силами, снижались экономические связи, так как СССР перестал по низким ценам поставлять в республики продукцию легкой промышленности, социалистические режимы перестали поддерживаться и за короткий срок с 1989 по 1990 г. пали, а взамен них установились капиталистические экономические модели.

По итогу получилось, что Советский Союз потерял все влияние на бывшие союзные республики, входившие в состав Организации Варшавского договора, и вся Восточная Европа из социалистической стала капиталистической, чему сопутствовали волнения, кризисы и революции. Однако, справедливости ради, стоит отметить, что данная задача была продиктована не столько попытками удовлетворить Запад, сколько практическими целями, так как союзные республики стали «очень дорого стоить» [10].

В целом, можно сказать, что все внешнеполитические задачи СССР смог решить, однако привело это к следующим последствиям:

1. Советский Союз практически официально признал поражение в «Холодной войне», так как в одностороннем порядке начал политику разоружения и уступок. С одной стороны это хорошо, ведь была ликвидирована угроза новой мировой войны, однако в короткие сроки советская сторона потеряла почти все мировое влияние.

2. В результате в мире сложилась однополярная система во главе с Соединенными Штатами Америки.

3. Ослабление военного потенциала России, утечка кадров и технологий за рубеж.

4. Обострение региональных конфликтов как внутри Советского Союза (Северный Кавказ), так и в странах соц. лагеря (Югославия, Косово, Азербайджан и Армения и т. д.).

5. СССР и затем Россия оказались в затруднительном положении. Они утратили контроль над Восточной Европой, что по плану Горбачева должно было способствовать партнерским отношениям с Западом. Но этого не случилось. В результате Россия не стала своей для Запада, а контроль над Востоком утратила.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что политика «Нового мышления» привела к тому, что СССР потерял практически все свое влияние в мире, вследствие чего распад союза был предreshен. Однако, стоит понимать, что Новое политическое мышление было вызвано несколькими факторами: возможностью Третьей мировой войны, большое количество региональных конфликтов, которые обходились очень дорого, а также невозможность поддерживать социалистические страны из-за нехватки средств в союзе. Отсюда следует, что данная политика была не прихотью, а необходимостью, приведшей к распаду Советского Союза.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Леонид Замятин. Горби и Мэгги. Записки посла о двух известных политиках. М. Горбачёв и М. Тэтчер. М.: ПИК, 1995. С. 21.

2. Араб-Оглы Э.А. Новое политическое мышление // Философский словарь. М.: Республика, 2001. С. 379–380.

3. Солопов Е.Ф. Диалектическая сущность нового мышления. М.: Мысль, 1990. 318 с.

4. Святослав Рыбас. Громыко: Война, мир и дипломатия. М.: Молодая гвардия, 2011. 530 с.

5. Анатолий Андреевич Громыко. Полёт его стрелы: Воспоминания и размышления сына. М.: Научная книга, 2009. 456 с.

6. Барсенков А.С. Реформы Горбачева и судьба союзного государства: 1985–1991. М., 2001. 362 с.

7. Варенников В.И. Неповторимое: трагедия Отечества (1985–1991). М., 2001. 640 с.

8. Торкунов А.В. Современные международные отношения. М., РОССПЭН, 2001. 581 с.

9. Письмо представителя СССР. Архивная копия от 2 ноября 2014.

10. Ленский А.Г., Цыбин М.М. Советские сухопутные войска в последний год Союза ССР. Справочник. СПб.: В&К, 2001. 293 с.

В.В. Ярмонова

(Науч. рук. – канд. ист. наук, доц. С.В. Назаров)

ИТОГИ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИКИ СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В СССР

Аннотация. В статье рассмотрены основные этапы развития образования в СССР и становления курса на техническое образование, а также формирование базовых пунктов в отношении системы образования к учителю и ученику. Выделено положение гуманитарного образования. Отмечены плюсы и минусы образовательной системы, а также приведены выводы отечественных и зарубежных историографов.

Ключевые слова: образование, техническое образование, гуманитарное образование, социализм, марксизм-ленинизм, идеология, СССР.

DEVELOPMENT RESULTS SECONDARY EDUCATION POLICIES IN THE USSR

Abstract. The article considers the main stages of education development in the USSR and the formation of the course on technical education, as well as the formation of basic points in the attitude of the education system to the teacher and the student. The position of humanitarian education is singled out. The pros and cons of the educational system are noted and the conclusion of domestic and foreign historiographers are given.

Keywords: education, technical education, humanitarian education, socialism, Marxism-Leninism, ideology, USSR.

Советская система имеет крайне неоднозначную оценку в историографии и в народной памяти. Сегодня об этом много сказано, как через призму ностальгии, так и с выражением скептицизма от иностранных исследователей. Однако можно однозначно сделать главный вывод – данная система преследовала задачу воспитания и формирования личности, которая не только по своей сути, но и натуре будет достойной реализации для будущих поколений главной национальной идеи Советского Союза – светлого коммунистического будущего [4, с. 27].

Эта задача подразумевает не только передачу естественных, социальных и национальных знаний, но и обучение патриотизму и нравственности, как главных ориентиров для передачи следующим поколениям. Конечно же, были успехи и неудачи в достижении этих целей.

Актуальность данной темы определяется реалиями сегодняшнего дня. Именно сейчас, в сложившихся геополитических условиях, стоит внимательнее взглянуть на опыт и результаты нашего прошлого – образования в СССР. Изоляция страны и проблемы с признанием дипломов России приводят нас к тому, что всё чаще можно услышать разговоры о том, что необходимо вернуть старый формат образования, который, как многим кажется, считается наиболее верным и правильным, включая в себя опору на технические науки и всеобщность получаемых знаний.

Однако сегодня стоит поговорить в первую очередь о том, что из себя представляла советская система образования, а именно о том, на чём она строилась. Именно такой подход поможет разобраться с тем, почему сегодня мы имеем такое большое количество сторонников и противников этой системы и практически не имеем равнодушных.

В качестве плюса советской образовательной системы многие исследователи выделяют её унификацию. Речь идёт о том, что необходимо было перевести образовательный процесс в практическую плоскость и фактически убрать теорию, что требовало коренного изменения содержания учебных программ точных наук. Таким образом, с ранних лет школьники формировали метапредметные знания и умения, целиком и полностью направленные на формирование инженерных и точно-научных навыков. Такое перенаправление «било» по кошельку простых граждан, так как затраты на обучение юных проектировщиков и учёных стоило очень дорого. Важно также отметить, что сведение в одну плоскость всей образовательной системы привело к тому, что по всей стране дети ходили не только в одинаковой форме, но и с одинаковым набором одинаковых учебников. Большинство считает это несомненным плюсом, однако они не учитывают контекст времени, а именно то, что в условиях закрытого государства, когда зарубежные научно-популярные программы запрещены, а интернета ещё не было единственный источник знания заключён на бумажном носителе, который подвергался редакции на множестве уровней и в итоге любое событие представало совершенно в одном свете везде – и в учебнике для школьника, и в учебном пособии для студента, и в энциклопедии для взрослых и самых маленьких.

Такое положение трактовки события в одном свете под единственно правильным ракурсом, вызывающим у абсолютно любого однозначную и единственно верную реакцию, влияющую на специфику восприятия в любом возрасте, формирует субъективное

мнение, навязанное редакторами, а не формируемое читателем. Таким образом, можно сказать, что сегодня формат плюрализма мнений и доступ к различным источникам информации формирует не только более объективное мнение о том или ином событии, но и формирует важный навык критичного подхода к восприятию информации, учит анализировать и взвешивать полученные данные, соотнося их с другими [2, с. 40].

Многие исследователи приводят как положительный фактор советской образовательной системы – уважение среди общества к ежедневному труду учителей и преподавателей. Этот факт довольно сложно подтвердить или опровергнуть, так как в советское время каждый трудящийся человек, безусловно, считался достойным уважения. Было множество прекрасных учителей, любящих своё дело, именно о таких принято говорить в контексте ностальгии, но и непрофессионалы порой могли долго оставаться на неподходящей для них работе, как и в любом другом деле. Исходя из этого, мы совершенно точно можем отметить, что относительно важности профессии учителя для граждан нет никаких сведений, а для государства данный род деятельности не являлся приоритетным, что видно из документов по оплате и финансированию педагогических вузов, которые были ниже технических и естественнонаучных.

В качестве третьего важного положительного фактора, необходимо выделить обязательное образование, которое было введено в советский период. Данный факт, несомненно, является неоспоримым плюсом. Множество людей не только получили доступ к образованию, но и смогли реализовать себя и свои возможности благодаря этому нововведению. Также, благодаря всеобщему повышению грамотности некоторые граждане СССР смогли изменить устоявшийся порядок вещей и вырваться из привычной череды событий, а также сменить род деятельности, который до этого передавался из поколения к поколению.

В то же время дискуссионной проблемой является оценка качества советского образования. По мнению ряда исследователей система образования, в которой основная проверка знаний ученика за все годы обучения проходит в родной школе учителем, который учил его всё это время и без любого теста может точно назвать сильные и слабые стороны ученика, но при этом не может выставить низкую оценку, так как этим самым подпишется в своей некомпетентности. Такая система формирует ситуацию, в которой невозможно объективно оценить внутри страны уровень подготовки абитуриентов, закончивших школу, при этом внешняя оценка невозможна в силу отсутствия тесных связей с альтернативной образовательной системой, что в свою очередь не даёт объективных результатов в оценки полученных знаний [5, с. 120; 3, с. 144 и др.].

Негативным явлением советской системы образования, особенно на заключительном этапе, являлся вопрос вступительных экзаменов в «ТОПовые» вузы, в которые возможно было пройти только при условии заблаговременной договорённости, так как царившая преэминентность диктовала условия, в которых дети послов и депутатов шли именно на эти факультеты, при этом порой не обладая нужными качествами. В то же время детям рабочего класса сложно было поступить в данные вузы [6, с. 215].

Можно сделать вывод, что всеобщее образование в СССР имело ряд негативных черт, несмотря на всю положительную оценку со стороны как современников, так и многих современных исследователей, изучающих советскую образовательную систему. Во-первых, содержание образования в течении всего учебного процесса было узконаправленным. Говоря об этом, подразумевается узость гуманитарного образования, вызванная выработкой штампов исходящих из политики государства. Выявить штампы без потерь для технических наук оказалось легко, однако изучение литературы и истории с точки зрения одной идеологической марксистско-ленинской теории повлияло негативно на духовное, творческое и общекультурное воспитание целого поколения [1, с. 19].

Таким образом, мы можем выделить основные факторы, которые коренным образом влияют на формирование объективной оценки результатов образовательной политики в СССР. К положительным факторам необходимо отнести окончательную ликвидацию

безграмотности и обеспечение всеобщего среднего образования для граждан. Другим не мало важным достижением является подтверждённое и признанное лидерство в сфере высшего технического образования, в естественных и точных науках, которое привело к таким результатам, как совершение более 110 открытий и изобретений среди которых такие важнейшие, как водно-водяной энергетический реактор, орбитальная станция, ядерная энергетическая установка, термоядерное оружие, тетрис, ударно-волновой излучатель, квантовый генератор, луноход, наноалмаз и т. д. Все эти чудеса науки были бы невозможны без чёткой политики и последовательности действий в усилении данной сферы образования. Нельзя также не отметить высокий уровень развития спортивного образования и повсеместного широкого поощрения спортивной деятельности.

Выделяя отрицательные черты советского образования, необходимо выделить ряд проблем, связанных с советской системой образования, в первую очередь отразившихся на развитии гуманитарной сферы, а именно значительное отставание от Запада в сфере гуманитарного образования. Это было вызвано жёстко сформулированной идеологией и ввиду негативного влияния и даже давления со стороны государства. Велось притеснение авторов, ведущих свою творческую деятельность в другом направлении, не совпадающее с идеологией правящего режима, что приводило к определённым проблемам.

В условиях пропагандистской риторики образование не могло развиваться в соответствии с внешнеполитической ситуацией, поэтому говорить о «загранице» как о будущем месте работы было невозможно.

Таким образом, формирование внутреннего рынка труда было обусловлено закрытостью государства. Особенно сильно досталось преподаванию истории, экономики и иностранных языков, так как эти дисциплины подвергались сильной цензуре, а также предоставлялись ученикам в крайне сжатом однозначном формате [1, с. 30].

Художественное образование также находилось под притеснением со стороны государства и подвергалось цензуре и подразумевало следование идеологическим представлениям. Кроме того, можно заметить большое количество препятствий для освоения зарубежных методик. Одно из важнейших следствий этого – упадок дизайна, архитектурных и градостроительных направлений в образовании позднего СССР.

Частичная вина системы образования также заключается в деградации семейных ценностей и в общем падении нравов в поздний период Союза, что создало негативные тенденции в развитии демографии и общественных отношений. Всё это привело к ожидаемому результату, а именно недостаточное воспитание критического мышления у граждан, отсутствие живого интереса к искусству, что, как считают многие историки [7], в итоге и привело к неспособности общества эффективно противостоять формам противодействия во время так называемой «информационной войны».

Подводя итоги, можно сделать вывод, что образование в СССР было в первую очередь идеологически направленным. Главной её целью было формирование у граждан таких культурных ценностей, которые были прописаны в социально-политических и философских трудах марксизма-ленинизма, а именно учение о законах борьбы за свержение капиталистического строя и построение коммунистического общества. В своём гуманитарном аспекте советская система образования, в конечном счете, не помогла решить ключевые задачи по сохранению и укреплению государства в мирный период, что, впрочем, не отменяет наличия множества достижений СССР в области естественных и технических наук.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ерахтин А.В. Трансформации российского образования в XX–XXI веках // Ноосферные исследования. 2020. № 2. С. 19–31.
2. Журтова А.Х. Система общего и среднего профессионального образования в Кабардино-Балкарии в 1920-х – 1980-х гг. // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2021. № 26. С. 35–44.

3. Иванов А.М., Аксёнова Е.К., Зиновьева И.В. Реформирование советской системы школьного образования 1984–1986 гг. (на примере материалов Смоленской области) // Modern Science. 2020. № 4–2. С. 144–149.

4. Иващенко В.А., Мамонова А.Е. Становление советской школьной системы образования (1917–1927 гг.) // Основные тенденции государственного и общественного развития России: история и современность. 2018. № 1. С. 27–32.

5. Молоков Д.С., Ходырев А.М., Данилова Л.Н. Аксиологические основы развития советской системы педагогического образования // Сибирский педагогический журнал. 2019. № 3. С. 120–130.

6. Соболева Е.Г., Ожегова Е.Ю. Принципы организации теоретического обучения в системе отечественного профессионально-технического образования в первые советские десятилетия // Молодежь. Образование. Наука. 2014. Т. 1. № 1. С. 213–217.

7. Федорова Н.М. История педагогики и образования. Управление школьным образованием в России в XIX–XX веках: учебное пособие для вузов. 2-е изд. М.: Издательство Юрайт, 2022. 267 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абрегова Жанна Османовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и права ФГБОУ ВО «Майкопский государственный технологический университет», Россия, г. Майкоп.

Акоева Наталья Борисовна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории, культурологии и музееведения ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры», Россия, г. Краснодар.

Аниполова Татьяна Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», Луганская Народная Республика, Россия, г. Луганск.

Аскиркин Иван Олегович, студент исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет», Россия, г. Армавир.

Ачкасова Виктория Витальевна, студент исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет», Россия, г. Армавир.

Багдасарян Сусанна Джамилевна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин ОЧУ ВО «Международный юридический институт», Россия, г. Москва, профессор кафедры философии, истории и теории культуры ФГБОУ ВО «Театральный институт имени Бориса Щукина», Россия, г. Сочи.

Бебешко Александр Николаевич, магистрант кафедры государственного управления ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», Луганская Народная Республика, Россия, г. Луганск.

Бердиев Заурбек Пахатович, кандидат исторических наук, и. о. зав. отделом этнологии и искусства народов РГБУ «Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований при правительстве КЧР», Россия, г. Черкесск.

Бузила Артём Игоревич, преподаватель ГУ «Луганский республиканский центр дополнительного профессионального образования», Луганская Народная Республика, Россия, г. Луганск.

Бурейко Сталина Дмитриевна, студент исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет», Россия, г. Армавир.

Бурьян Мария Анатольевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всемирной истории и международных отношений ГОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет», Луганская Народная Республика, Россия, г. Луганск.

Воробьев Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин УО «Могилевский институт МВД Республики Беларусь», Республика Беларусь, г. Могилев.

Григорян Анна Романовна, студент исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет», Россия, г. Армавир.

Грицких Дмитрий Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, доцент ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», Луганская Народная Республика, Россия, г. Луганск.

Грицких Игорь Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет», Россия, г. Армавир.

Гришина Татьяна Михайловна, старший преподаватель кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин ОЧУ ВО «Международный юридический институт», Россия, г. Москва.

Гуляев Игорь Сергеевич, студент исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет», Россия, г. Армавир.

Даренский Виталий Юрьевич, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», Россия, Луганская Народная Республика, г. Луганск.

Дугинец Светлана Михайловна, кандидат исторических наук, ведущий специалист по учебно-методической работе ФГБОУ ВО «Ставропольский государственный медицинский университет», Россия, г. Ставрополь.

Зыкин Иван Валерьевич, кандидат исторических наук, докторант Института истории и археологии УрО РАН, Россия, г. Екатеринбург.

Игнатущенко София Петровна, студент исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет», Россия, г. Армавир.

Канашевич Надежда Михайловна, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин УО «Могилевский институт МВД Республики Беларусь», Республика Беларусь, г. Могилев.

Карамов Андрей Александрович, магистрант ФГАУ ВО «Российский университет дружбы народов», Россия, г. Москва.

Карапкова Олеся Григорьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет», Россия, г. Армавир.

Карелин Евгений Геннадьевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории и организации управления ФГБОУ ВО «Гжельский государственный университет», Россия, Московская область, пос. Электроизолятор.

Карташев Андрей Владимирович, доктор исторических наук, доцент, начальник Центра изучения истории медицины и общественного здоровья ФГБОУ ВО «Ставропольский государственный медицинский университет», Россия, г. Ставрополь.

Карташев Игорь Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения истории медицины и общественного здоровья ФГБОУ ВО «Ставропольский государственный медицинский университет», Россия, г. Ставрополь.

Кокоткина Оксана Сергеевна, старший преподаватель кафедры истории и педагогики ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный аграрный университет», Россия, Луганская Народная Республика, г. Луганск.

Колеров Модест Алексеевич, кандидат исторических наук, начальник отдела изучения и публикации документов Государственного Архива Российской Федерации, Россия, г. Москва.

Ктиторов Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет», Россия, г. Армавир.

Куликова Светлана Игоревна, студент исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет», Россия, г. Армавир.

Курьян Анжела Мисаковна, преподаватель кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет», Россия, г. Армавир.

Ладыга Александр Иванович, кандидат исторических наук, доцент, начальник кафедры теории и истории государства и права ГУ ЛНР «Луганская академия внутренних дел им. Э.А. Дидоренко», Россия, Луганская Народная Республика, г. Луганск.

Лобова Виктория Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России ФГАУ ВО «Южный Федеральный университет», Россия, г. Ростов-на-Дону.

Макарова Елена Ивановна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры государственного управления ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», Россия, Луганская Народная Республика, г. Луганск.

Маслов Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новейшей истории России ГОУ ВО «Московский государственный областной университет», Россия, г. Мытищи.

Мащенко Елизавета Алексеевна, студент исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет», Россия, г. Армавир.

Меряхина Александра Александровна, студент исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет», Россия, г. Армавир.

Месропян Алексей Эрнестович, аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет», Россия, г. Армавир.

Мирный Владислав Владимирович, студент исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет», Россия, г. Армавир.

Мудрова Наталья Петровна, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры отечественной истории, историографии, теории и методологии истории ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет», Россия, г. Майкоп.

Мусаева Салихат Ибрагимовна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры востоковедения ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», Россия, Республика Дагестан, г. Махачкала.

Назаров Сергей Васильевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет», Россия, г. Армавир.

Назарова Вероника Вячеславовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет», Россия, г. Армавир.

Никонов Вадим Вадимович, кандидат педагогических наук, доцент, старший научный сотрудник ФГБОУ ВО «Гжельский государственный университет», Россия, Московская область, пос. Электроизолитор.

Никулина Марина Александровна, выпускающий редактор Государственного информационного агентства «Луганский Информационный Центр», Россия, Луганская Народная Республика, г. Луганск.

Облогина Нина Владимировна, руководитель школьного музея «Боевой Славы» МБОУ СОШ № 28 г. Ставрополя, Почетный работник общего образования РФ, Россия, г. Ставрополь.

Оганесян Ангин Альбертовна, студент исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет», Россия, г. Армавир.

Панарин Андрей Анатольевич, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет», Россия, г. Армавир.

Панарина Елена Владимировна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет», Россия, г. Армавир.

Пахлян Нарине Мартиковна, аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет», Россия, г. Армавир.

Петров Максим Андреевич, студент исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет», Россия, г. Армавир.

Плякич Манушак Назаретовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры теории права и государства, истории и философии ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет», Россия, г. Сочи.

Пробейголова Наталия Владимировна, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры государственного управления ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», Россия, Луганская Народная Республика, г. Луганск.

Проскурина Елена Александровна, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры государственного управления ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», Луганская Народная Республика, Россия, г. Луганск.

Проценко Александр Валерьевич, кандидат политических наук, доцент кафедры государственного управления ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», Луганская Народная Республика, Россия, г. Луганск.

Пурышева Наталья Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры дидактики и частных методик УО «Могилевский государственный областной институт развития образования», Республика Беларусь, г. Могилев.

Рамазанов Шамиль Жалалдинович, аспирант исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет», Россия, г. Армавир.

Рева Илья Николаевич, студент ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», Россия, г. Ставрополь.

Саркисова Диана Сергеевна, студент исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет», Россия, г. Армавир.

Сарян Ариана Геннадьевна, студент исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет», Россия, г. Армавир.

Сафронов Георгий Павлович, аспирант ГОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет», Луганская Народная Республика, Россия, г. Луганск.

Свирица Сергей Сергеевич, студент исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет», Россия, г. Армавир.

Севостьянова Анастасия Игоревна, студент магистратуры ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», Россия, г. Ставрополь.

Сидоров Иван Вадимович, преподаватель колледжа, младший научный сотрудник ФГБОУ ВО «Гжельский государственный университет», Россия, Московская область, пос. Электроизолятор.

Старовойтов Михаил Иванович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси, ведущий научный сотрудник НИСа УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины», Республика Беларусь, г. Гомель.

Стецюк Кира Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры истории и педагогики ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный аграрный университет», Луганская Народная Республика, Россия, г. Луганск.

Столярова Ксения Васильевна, студент исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет», Россия, г. Армавир.

Стулов Алексей Николаевич, аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет», Россия, г. Армавир.

Судацков Николай Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», Россия, г. Ставрополь.

Суханова Наталья Ивановна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новейшей истории России, ГОУ ВО «Московский государственный областной университет», Россия, Московская область, г. Мытищи.

Суходолова Елена Павловна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-культурной деятельности и туризма ФГБОУ ВО «Гжельский государственный университет», Россия, Московская область, пос. Электроизолятор.

Татаринков Игорь Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры государственного управления ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», Луганская Народная Республика, Россия, г. Луганск.

Телепень Сергей Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и обществоведческих дисциплин УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И.П. Шамякина», Республика Беларусь, г. Мозырь.

Труфанова Виктория Максимовна, студент ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», Россия, г. Ставрополь.

Федоровский Юлий Рудольфович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», Луганская Народная Республика, Россия, г. Луганск.

Хаджиева Мадина Хамитовна, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник РГБУ «Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований при Правительстве КЧР», Россия, г. Черкесск.

Халкечева Людмила Нануевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник РГБУ «Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований при Правительстве КЧР», Россия, г. Черкесск.

Черников Денис Игоревич, магистрант кафедры государственного управления ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», Луганская Народная Республика, Россия, г. Луганск.

Черняков Максим Дмитриевич, аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет», Россия, г. Армавир.

Шаруда Артём Андреевич, студент исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет», Россия, г. Армавир.

Шатова Алина Андреевна, студент исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет», Россия, г. Армавир.

Шахин Юрий Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории и мировой культуры ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», г. Севастополь.

Шенкао Маргарита Башировна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник РГБУ «Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований при Правительстве КЧР», Россия, г. Черкесск.

Шнайдер Владимир Геннадьевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет», Россия, г. Армавир.

Шулепова Виктория Владимировна, студент исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет», Россия, г. Армавир.

Шумихина Полина Олеговна, студент исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет», Россия, г. Армавир.

Якименко Людмила Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры начального образования ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет», Луганская Народная Республика, Россия, г. Луганск.

Яковлева Ангелина Сергеевна, студент исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет», Россия, г. Армавир.

Ярмонова Владислава Владимировна, студент исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет», Россия, г. Армавир.

Яско Татьяна Анатольевна, преподаватель ОГАПОУ «Старооскольский техникум технологий и дизайна», Россия, Белгородская область, г. Старый Оскол.

Яхутль Юрий Асланбиевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Россия, г. Краснодар.

Для заметок

Научное издание

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ
О СОВЕТСКОМ ПРОШЛОМ:
К 100-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СССР**

*МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ*

г. Армавир, 20 декабря 2022 года

Редакционно-издательский отдел
Начальник отдела: А.О. Белоусова
Компьютерная вёрстка: М.В. Лазарева
Печать и послепечатная обработка: С.В. Татаренко

Подписано в печать 28.03.2023. Формат 60х84/8.
Усл. печ. л. 42,78. Уч.-изд. л. 33,42. Тираж 100 экз.
Заказ № 10/23.

ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»
Редакционно-издательский отдел
352900, г. Армавир, ул. Ефремова, 35
☎ 8(86137)32739, e-mail: rits_agpu@mail.ru, сайт: rits.agpu.net

ISBN 978-5-89971-920-2

9 785899 719202

АРМАВИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

тел.: 8 (86137) 3-27-39, e-mail: rits_agpu@mail.ru, сайт: rits.agpu.net

Редакционно-издательский отдел ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»
352900, г. Армавир, ул. Ефремова, 35

На обложке использовано изображение с сайта <https://soiro64.ru>